IX Уральский демографический форум. Том II

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

IX Уральский демографический форум

Международная научная конференция

(г. Екатеринбург, 8-9 июня 2018 г.)

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

IX Уральский демографический форум

Международная научная конференция

Сборник статей

Том II

Екатеринбург 2018

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)
Д 31

Ответственный редактор д-р социол. наук, проф. А. И. Кузьмин

Рецензенты: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова, д-р социол. наук Н. Г. Чевтаева

Организационная поддержка: Институт экономики УрО РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, Уральский государственный медицинский университет Минздрава России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Ванадзорский государственный университет имени Ов. Туманяна, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Институт экономических исследований, г. Донецк, РОО «Форум женщин Урала».

Д 31 **Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития** [Текст]: сб. ст. IX Уральского демографического форума: в 2-х томах / отв. ред. д-р социол. наук А. И. Кузьмин, д-р ист. наук Г. Е. Корнилов. — Том II. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2018. — 419 с.

ISBN 978–5–94646–613–4

В сборник вошли статьи участников IX Уральского демографического форума. В материалах форума нашел отражение широкий круг вопросов, связанных с изучением демографических процессов: естественного воспроизводства населения, миграции, брачных и семейных отношений, демографической и миграционной политик.

Во втором томе размещены материалы научных докладов дискуссионных площадок: «Исторический опыт влияния демографических катастроф общественного развития» и «Продвижение ценностей родительства и семьи в современном обществе».

Материалы форума представляют интерес для специалистов в области междисциплинарных исследований процессов воспроизводства и здоровьесбережения населения, их влияния на устойчивое развитие регионов России и зарубежных стран.

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

ISBN 978–5–94646–613–4

© Институт экономики УрО РАН, 2018

Содержание

I. Исторический опыт влияния демографических катастроф на динамику общественного развития 5

Араловец Н. А. Ценности здоровья горожан РСФСР В 1960–1980-е годы 5
Баранов Е. Ю. Потери населения России в XX веке: оценки и дискуссии в современной историографии 17
Батырбаева Ш. Д. Демографические катастрофы в первой половине XX века в Кыргызстане и их влияние на трансформацию этнокультурного пространства 30
Бахарев Д. С. Географическая дифференциация младенческой смертности в Екатеринбургском уезде в конце XIX — начале XX вв. 38
Бурматов А. А. Смертность населения Западной Сибири в 1950–1970 гг. 44
Вербицкая О. М. Испытание реформами: сельская семья в условиях радикальных реформ 1990-х гг. 59
Голикова С. В. Детские ясли как средство преодоления последствий голода в уральской деревне конца XIX — начала XX вв. 69
Дашкевич Л. А. Организация помощи незаконорожденным и брошенным детям в Пермской губернии в конце XIX — начале XX вв. 84
Демина Ю. В. Демографические последствия голода 1946–1947 гг. в РСФСР: историографический аспект 98
Деревнина Т. В. Демографические кризисы и общественно-политическое развитие (исторический опыт СССР) 103
Жиров Н. А. Миграционные процессы в Орловской губернии в начале XX в. 109
Жирова М. С. Демографическое развитие Липецкой области в XXI веке 117
Жумалиева С. Ч., Токтосунова Г. М. Региональные особенности этнодемографической ситуации в Северном Кыргызстане в годы социальных потрясений в начале XX века 125
Журавлева В. А. Население Челябинска в 1920–1930-е годы 133
Каменских М. С. Переселенческая политика и личные стратегии переселенцев на Урале в 1928–1930 гг. 140
Корнилов Г. Е., Чернышева И. И. Образовательный уровень населения Свердловской области в конце 1950-х годов (по материалам переписи 1959 г.): корреляционный анализ 150
Коротких И. С. Демографическая ситуация в Воронежской губернии в начале XX в. на примере Задонского и Землянского уездов 157
Кругликова Г. А. 1917 год: социальный портрет интеллигенции Урала 164
Лаптева Ю. В. Сохранение контингента учащихся в школах Урала в годы Великой Отечественной войны 172
Сакаев В. Т. Состояние здоровья и заболеваемость населения Татарской АССР в период оттепели 179
Славина Л. Н. Между двумя «русскими крестами»: воспроизводство населения сибирской деревни в постсоветские десятилетия 192
Суворова А. В. Подготовка и проведение всесоюзной переписи населения 1959 года в Челябинской области 209

Федорова А. В., Богданова Е. Г. Дети военной поры (по материалам Южного Урала) ... 217
Филатов В. В. Семья в условиях раскулачивания и крестьянской ссылки на Урале ... 229
Ханипова И. И. Брачное состояние населения Татарской АССР в конце 1930-х — 1950-е годы ... 243
Хасянов О. Р. Рождаемость и смертность в послевоенной поволжской деревне (по материалам Куйбышевской и Ульяновской областей) ... 255
Черезова О. Г. Основные направления миграций в городской местности Свердловской области в 1950–1970-е годы ... 265

II. Продвижение ценностей родительства и семьи в современном обществе ... 270

Безвербная Н. А. Многопоколенная семья в Российской Федерации и Французской Республике: сравнительный обзор ... 270
Быкова Д. Г. Динамика продвижения установок на осознанное родительство в Свердловской области ... 276
Ворошилова А. И. Школа и (или) родители — кто в ответе за будущее человеческого капитала? ... 284
Гайфутдинова Р. М. Многодетная семья в структуре семейной и демографической политики РФ (на примере Республики Татарстан) 291
Герасимова М. Г., Шилина Л. В. Развитие трудового потенциала работниц с детьми до 3 лет после профессионального обучения (переобучения) по направлению службы занятости (опыт Свердловской области) ... 297
Зуева А. В., Фельдман М. А. Материнский капитал как инструмент регулирования семейной политики: управленческие аспекты ... 305
Коропец О. А. Родительские установки дистанционно занятых женщин ... 317
Лунегова О. Ю. Особенности психолого-педагогического взаимодействия с родителями в начальной школе ... 325
Огоновская И. С. Дети — родители — школа: интеграция усилий семьи и школы в воспитании уважительного отношения к институту семьи . 333
Павлов Б. С. Трехдетная молодая семья на Урале: важные прожекты и реальные ожидания ... 346
Павлов Б. С., Сарайкин Д. А., Кузьмин А. И., Павлов Д. Б. Влияние института родительской семьи на профессиональную ориентацию учащихся и студентов ... 362
Петрякова О. Л. К вопросу анализа семейно-репродуктивных ценностей россиян как основы демографической политики ... 377
Тонких Н. В. Корреляция характера женской занятости и качества выполнения родительских функций ... 391
Черешова С. В. Социологический анализ самоидентификации и мотивации субъектов родительского труда ... 401
Шамсутдинова Н. К., Ягафарова Д. Г. Представления некоммерческих организаций Республики Башкортостан о приоритетах семейной политики на региональном уровне: результаты эмпирического исследования ... 409

I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЛИЯНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ НА ДИНАМИКУ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

УДК 314.4

Араловец Н. А.

ЦЕННОСТИ ЗДОРОВЬЯ ГОРОЖАН РСФСР В 1960–1980-Е ГОДЫ[1]

Изучение здоровья населения, особенно в отдельные исторические периоды российской истории, является актуальной потребностью общества. Исследование этой проблемы приобретает особую актуальность в условиях выхода России из демографического кризиса конца XX — начала XXI в., значительного реформирования всей системы здравоохранения, проведения государственной демографической политики. Особую роль осмыслении рассматриваемых проблем играет изучение здоровья городского населения РСФСР. В статье историческими, социологическими, демографическими методами изучались особенности ценностных установок городских жителей РСФСР на здоровья в 1960–1980-е гг. Автор на основе данных проведенных обследований показал преобладание в РСФСР общественных ценностей, что определило особенности ценностных установок горожан на здоровье. Отметил ведущую роль здоровья в шкале жизненных ценностей городских жителей. В то же время подчеркнул, что доминировали ценности здоровья как средства для достижения жизненных целей, потребностей и интересов, особенно у молодежи, и в целом носили потребительский характер. Это явление обусловило низкий уровень самосохранительного поведения большинства городских жителей: обращение к врачу преимущественно при возникновении болезни, в т. ч. на ее поздних стадиях, пренебрежение рекомендациями врача, проявление пассивности к профилактическим мероприятиям, занятие самолечением и т. д. Заметную роль в самосохранительном поведении городского населения играла самооценка здоровья. Автор изучил тесную зависимость самооценки здоровья респондентов от их ценностных установок на здоровье, выявил преобладание субъективных оценок над объективным состоянием здоровья. Отметил, что низкий уровень самосохранительного поведения сказывался на особенностях здравоохранения, а также уровне заболеваемости, смертности и продолжительности жизни городского и населения РСФСР в целом.

Ключевые слова: факторы здоровья, ценности здоровья населения, самосохранительное поведение

Условия проживания, особенно в крупных, промышленно развитых городах наряду с благоприятными, вполне комфортными условиями жизни, характеризуются и неблагоприятными факторами, среди них скученность

[1] © Араловец Н. А. Текст. 2018.

проживания, высокий темп, загрязнение воды, воздуха, почвы, повышенный шум, вибрации и т. д. Все это оказывает самое непосредственное влияние на состояние здоровья городского населения.

Исследователи выявили основные факторы, влияющие на состояния здоровья населения. Это — генетическая характеристика организма, окружающая среда, образ жизни и поведение населения, социальные условия жизни [13, с. 145; 16, с. 7; 17, с. 27–28]. К влияющим на здоровье факторам также можно отнести ценности общественного и индивидуального здоровья, ценностные установки населения на здоровье, здоровый образ жизни.

Изучение ценностей здоровья показало существование трех уровней: биологического, социального и субъективного. Биологический уровень ценностей здоровья определяет саморегуляцию организма, биологическую адаптацию к окружающей среде. Социальный уровень связан с социальной активностью человека. Субъективный уровень ценностей здоровья характеризуется возможностью человека преодолевать болезнь. В этом преодолении важную роль играют такие личностные качества, как оптимизм, активность, выносливость [9, с. 31–33].

Отношение населения к своему здоровью объяснялось многими факторами. Одним из них было сохранение в РСФСР заметного преобладания общественных ценностей. Данные опросов показали, что 31 % опрошенных часто ходил на работу с легким недомоганием, 51 % — иногда ходили на работу при плохом самочувствии. Присутствие на работе людей в таком состоянии объяснялось, кроме прочего, чувством долга, ответственности и дисциплинированности.

Отношение к своему здоровью и здоровому образу жизни определялось уровнем образования населения. Исследование, организованное в начале 1980-х гг. Центральным научно-исследовательским институтом санитарного просвещения (ЦНИИ санитарного просвещения), показало, что с повышением уровня образования повышалось скептическое отношение к современной медицине, к ее возможностям выявления, предупреждения и лечения болезней. Вместе с тем его данные свидетельствовали о понимании большинством респондентов (51,2 %) роли самого человека в сохранении и укреплении здоровья. Эти респонденты считали, что при возникновении болезни необходимо обращаться к врачу. Значительно меньшая группа опрошенных (27,9 %) связывала состояния здоровья человека с особенностями организма и скептически относилась к роли самого человека в сохранении здоровья. Низкий уровень самосохранительного поведения населения проявлялся в распространенных вредных привычках к алкоголю, курению и т. д. К тому же эти привычки самым негативным образом отражались на состоянии здоровья не только пьющих или курящих, но и на окружающих их людях [15, с. 51–52, 18–19, 22].

Однако социологические исследования, проведенные в РСФСР во второй половине 1980-х гг., свидетельствовали о том, что в шкале жизненных ценностей населения здоровье занимало третье место после работы

и семьи. Такое отношение к ценностям здоровья определяло интерес населения к вопросам санитарно-гигиенической грамотности. Из данных проведенного в Челябинске анкетирования, изучавшего санитарно-гигиеническую грамотность населения за период с 1955 г. по 1981 г., видно повышение интереса горожан к вопросам охраны своего здоровья. Из данных анкет видно, что в 1955–1956 гг. этими вопросами интересовались 62,6 %, в 1980–1981 гг. — 78,1 % респондентов. Увеличилось число гигиенически грамотных горожан с 56,0 % в 1955–1956 гг. до 85,4 % в 1980–1981 гг. Городские жители лучше всего были осведомлены об охране здоровья детей, мерах предупреждения инфекционных болезней, личной гигиены, режима питания. Важно отметить, что за этот период увеличилась численность жителей, соблюдавших санитарно-гигиенические правила поведения: в 1955–1956 гг. их было 42,4 %, в 1980–1981 гг. — 75,8 %.

Анализ анкетирования, проведенного в 1980-е гг. сотрудниками Пермского медицинского института, показал интерес опрошенных (48,0 %) к вопросам предупреждения женских заболеваний, онкологических болезней, а также к гигиеническим проблемам воспитания здорового ребенка и новостям медицинской науки [14, с. 18; 19, с. 20].

В то же время, здоровье рассматривалось (особенно молодежью) как средство для достижения собственных целей и потребностей. Многие из опрошенных (58,3 %) могли пренебречь своим здоровьем ради повышения заработка, пенсии, получения квартиры, дополнительных льгот, развлечений и т. д. Данные опросов показали: 12 % опрошенных могли поехать на работу в страну с вредным для здоровья климатом, 70 % пошли бы работать на вредное производство. Социологи на основе анализа сделанных опросов населения пришли к выводу о том, что у большинства опрошенных ценности здоровья как средства для достижения активной и продолжительной жизни были заметно ниже, чем для достижения жизненных целей, потребностей и интересов [15, с. 51–52]. Таким образом, ценностное отношение населения к своему здоровью носило в целом потребительский характер.

Пониженные ценности здоровья как средства для достижения активной и продолжительной жизни определяло низкий уровень самосохранительного поведения большинства российского населения, т. е., по определению исследователей, целенаправленного действия человека на самосохранение в физическом, психологическом и социальном аспектах в течение всей жизни [13, с. 419].

Мужчины и женщины в повседневной жизни не задумывались о ценности своего здоровья и о влияющих на него факторах. Анализ анкетирования в Перми показал пассивное проведение свободного времени большинством жителей: 75,1 % мужчин и 80,1 % женщин предпочитали смотреть телевизор, читать, ходить в кино и т. д.

Население обращалось к врачу преимущественно при возникновении болезни, в том числе на ее поздних стадиях. Об этом явлении

свидетельствуют многочисленные факты. Анкетирование, проведенное в конце 1970-х гг. Всесоюзным кардиологическим научным центром АМН СССР, свидетельствовало о том, что 48 % больных знали о своем заболевании артериальной гипертонией, но не лечились. В то же время эффективно лечились только 15 % больных. Из данных проведенных опросов середины 1980-х гг. видно редкое обращение опрошенных за медицинской помощью: 85 % респондентов к врачам обращалось только в самых крайних случаях. Совместное анонимное анкетирование (1985 г.), организованное Республиканской научно-исследовательской лабораторией медицинской демографии и ЦСУ РСФСР, показало, что редко посещали и или вообще не посещали поликлиники около 60 % опрошенных. Причем многие из респондентов, не посещавших поликлиники, нуждались в медицинской помощи. В 1987 г. обследование населения Камчатской области показало, что в подавляющее большинство населения (62,7 %) нечасто обращалось за медицинской помощью.

Аналогичное поведение было у подростков, и у пожилых людей. В середине 1980-х гг. ВНИИ социальной гигиены и организации здравоохранения имени Н.А. Семашко Минздрава СССР провел изучение качества медицинской помощи юношам-подросткам ряда городов страны. Исследование показало, что большинство подростков не видело целесообразности в проведении медицинских осмотров, сомневалось в необходимости полноценного лечения. Среди юношей, обратившихся в поликлиники за медицинской помощью, 7 % прервали и не закончили лечения, около 1/3 юношей, осмотренных подростковым врачом-терапевтом, отказались от дальнейших лабораторно-диагностических обследований и осмотров специалистов.

Пожилые люди, наиболее нуждавшиеся в медицинской помощи, обычно обращались к врачам только в случае болезни. Из данных посемейного обследования, организованного в начале 1980-х гг. в Челябинске, видно, что пожилые люди чаще посещали врача в связи с заболеваниями (1967–1968 гг. — 46,0 %, 1980–1981 гг. — 57,3 % обследованных) и реже для профилактического осмотра и получения медицинской консультации (22,2 % и 21,2 % соответственно) [1, с. 55; 2, с. 5; 3, с. 17–18; 12, с. 1; 14, с. 19; 19, с. 18]. К тому же, заболевшие часто пренебрегали рекомендациями врача, прописанными лекарствами, здоровым режимом, рекомендациями по питанию и т. д.

Однако больные нередко предпочитали лечиться самостоятельно или ждали, когда заболевание пройдет само. Данные анкетирования 1985 г. свидетельствовали о том, что наиболее часто занимались самолечением пенсионеры — 29,1 %, среди служащих доля занимавших самолечением составляла — 17,9 %, среди рабочих — 14,0 %, среди учащихся — 10,8 %, самая низкая доля самолечившихся отмечалась среди колхозников — 6,3 %.

Сельские жители активно лечились травами. Изучение результатов анкетирования здоровья одиноких сельских жителей старших возрастов,

проведенное в 1980-е гг. в Волжском районе Куйбышевской области показало, что 56,7 % мужчин и 82,5 % женщин занимались самолечением, пользовались отварами, настойками, мазями; 69,7 % респондентов применяли лекарства, когда-то помогавшие им при заболевании. При этом принимались лекарства не курсами, а эпизодически, с нарушениями необходимой дозировки, нередко с просроченными сроками годности и т. д.

Повышение уровня образования увеличивало число занимавшихся самолечением. Это явление было зафиксировано в данных анкетирования 1985 г.: среди лиц с общим средним образованием лиц — 12,4 %, с высшим образованием — 20,2 %. Исследователи отмечали, что с повышением уровня образования люди становятся внимательнее к своему здоровью и для его сохранения используют популярные рекомендации из печатной продукции, телевизионных программ, советы родственников и друзей.

Больные обычно были крайне пассивны в процессе своего лечения, нередко пренебрегали рекомендациями врача. Вместе с тем пациенты ожидали от врачей активной деятельности. Данные проведенного в 1980-е гг. анкетирования онкологических больных Ростовского научно-исследовательского онкологического института свидетельствовали о том, что больные после операции имели установку на максимально пассивное поведение, на избегание нагрузок, в том числе и необходимых [18, с. 8; 2, с. 5].

Важно отметить, что и медики относились к своему здоровью самым безответственным образом. Данные социологических исследований середины 1980-х гг. показали, что примерно 15 % врачей в случае заболевания обращалось к специалистам.

Между тем неблагоприятные условия жизни в городах вызывают необходимость заниматься профилактикой заболеваний, поиском наиболее оптимальных методов ее проведения. Медицинская практика показала важность постоянных профилактических осмотров населения. Лечебно-профилактические учреждения РСФСР периодически проводили такие осмотры населения. Из данных статистики видно, что в 1965 г. в городских лечебно-профилактических учреждениях осмотренные пациенты составляли 94,0 % (от численности населения подлежавших периодическим осмотрам), в сельских — 88,3 %. В порядке периодических профилактических осмотров было осмотрено в городских лечебно-профилактических учреждениях взрослых — 40,9 % (от числа осмотренных лиц), подростков в возрасте 15–17 лет — 16,8 %, детей в возрастах до 14 лет включительно — 42,3 %; в сельских лечебно-профилактических учреждениях соответственно — 39,6, 11,2 и 49,2 %. В ходе проведения периодических профилактических осмотров особое внимание медики уделяли раннему выявлению больных туберкулезом, злокачественными новообразованиями и предопухолевыми заболеваниями, венерическими и грибковыми болезнями. Проводились осмотры больных такими заболеваниями, как трахома, зоб, глаукома. Осуществлялся также контроль над контингентом населения, занимавшегося физкультурой и спортом.

Подлежали обязательным профилактическим осмотрам категории населения, непосредственно связанные с опасными для здоровья профессиями. Медики к профессиональным заболеваниям относят, например, пневмокониоз, то есть хроническое заболевание легких, вызываемое длительным вдыханием пыли и развитием под влиянием этого фактора фиброза (разрастания) легочной ткани. В 1965 г. в городских лечебно-профилактических учреждениях Министерства здравоохранения РСФСР с целью выявления больных пневмокониозом было обследовано 88,8 % рабочих промышленных предприятий (от общего числа рабочих, подлежавших обследованию).

Особое внимание уделялось профилактическим осмотрам детей (до возраста 14 лет включительно) и подросткам (возрастные группы 15–17 лет включительно). В ходе проведенных осмотров детей и подростков выявлялись пониженная острота слуха, зрения, дефекты речи, сколиоз (искривление позвоночника), нарушения осанки, отставание в физическом развитии. Проводились также традиционные исследования (виражи туберкулиновой пробы), помогавшие определить наличие в организме осматриваемых детей и подростков возбудителя туберкулеза.

Исследователи Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР отмечали положительное влияние первичной и вторичной профилактики на снижение уровня смертности населения от сердечнососудистых заболеваний. В конце 1970-х гг. сотрудниками этого центра при обследовании мужчин-москвичей в возрасте 40–59 лет была выявлена артериальная гипертония у 27,5 % обследованных, при повторном — у 10 % обследованных.

Диспансеризация, по мнению медиков, может дать положительные результаты только при активности населения. В то же время только небольшая часть населения интересовалась профилактикой заболеваний. Анкетирование жителей Перми показало интерес населения преимущественно к таким проблемам, как здоровье женщин (58,6 % респондентов), профилактика сердечнососудистой патологии (8,3 %), влияние алкоголя и курения на здоровья (6,3 %), правильная организация питания (6,2 %), пропаганда физической культуры и спорта (7,2 % респондентов).

Большинство населения, в том числе и больные хроническими заболеваниями, проявляло пассивность к мероприятиям профилактического характера, диспансеризации, профосмотрам и т. д. Проведенные исследования свидетельствовали о том, что 42,2 % больных гипертонией, находившихся под диспансерным наблюдением, отказались от лечебно-профилактических мероприятий. Следует отметить, что большинство диспансерных больных переставали регулярно наблюдаться врачами после прекращения трудовой деятельности. Особенно тяжелая ситуация отмечалась у одиноких сельских жителей пожилых и старческих возрастов. Так, в Волжском районе Куйбышевской области на диспансерном учете по различным заболеваниям состояло 13,4 % респондентов.

Пассивность была характерна и для молодежи. Среди студентов 4 московских вузов положительное отношение к диспансеризации проявили только 16 % студентов, безразличное — 16 %, отрицательное — 68 %. К тому же многие студенты, в том числе медики, вели нездоровый образ жизни. Проведение в 1980-е гг. выборочного изучения состояния здоровья студентов старших курсов Воронежского медицинского института по данным углубленного осмотра и результатам социально-гигиенического и медико-генетического анкетирования показало частые нарушения режима питания у 37,6 % обследуемых, пренебрежение занятиями физкультуры и спортом у 54,1 % обследуемых [15, с. 55, 56, 58, 60, 62–63; 14, с. 18; 5, с. 26–27; 6, с. 32; 12, с. 8].

Вместе с тем, по наблюдениям медиков, существовавшая форма диспансеризации больных, включая онкологических, с периодическими вызовами для обязательного осмотра делала больных пассивным объектом наблюдения [18, с. 27]. Такое отношение населения к диспансеризации часто было связано с ее низкой эффективностью, врачи не выявляли серьезных болезней, в том числе язвенных, онкологических, сердечно-сосудистых и др. Кроме того, пациенты были не удовлетворены большими очередями в регистратуру, на прием к врачу, равнодушием медицинского персонала. Пассивное отношение населения к диспансеризации также определялось недостаточным санитарным просвещением. В таких условиях медики считали санитарное просвещение одним из обязательных элементов диспансеризации [4, с. 6, 14–15; 21, с. 6].

Однако ситуация в стране изменялась: в 1972 г. в поликлиниках СССР при профилактических осмотрах доля выявленных злокачественных новообразований легкого, толстой кишки, молочной железы, желудка составляла 34,0 %, в 1982 г. — 64,8 % [20, с. 12].

Заметную роль в самосохранительном поведении населения играла самооценка здоровья. Проведенное в 1976–1978 гг. сотрудниками ЦНИИ санитарного просвещения Минздрава СССР исследование, охватившее Москву, Вильнюс, Фрунзе, Волгоград, Владимир Волжский, Суздаль, показало тесную зависимость самооценки здоровья респондентов от их ценностных установок на здоровье, от отношения к собственному здоровью. Изучение посещаемости медицинских учреждений свидетельствовало, что респонденты с низкой самооценкой здоровья заметно меньше посещали врачей, в том числе и в случае болезни, чем респонденты с высокой оценкой своего здоровья. К тому же респонденты с низкой самооценкой здоровья хуже организовывали свой досуг, нарушали режим питания, имели вредные привычки, реже занимались спортом, утренней гимнастикой и т. д., чем респонденты с высокой самооценкой здоровья.

Исследователи выявили соответствие между объективными показателями здоровья населения и субъективными самооценками собственного здоровья. В ходе проведенного в 1987 г. обследования состояния здоровья населения Камчатской области выяснилось, что респонденты первых

3 групп, куда попадали лица практически здоровые, с ослабленным здоровьем, а также лица с начальной формой заболевания, в большинстве случаев положительно оценивали свое здоровье. Респонденты 4-й и 5-й групп, объединявших людей с ослабленным здоровьем и страдавших различными болезнями в тяжелых формах, давали негативную оценку своему здоровью. К тому же, респонденты с положительными оценками своего здоровья больше, чем с негативными ориентировались на профилактику болезни, активный образ жизни, отказ от вредных привычек и т. д.

Собранные данные опросов также показали преобладание субъективных оценок над объективным состоянием здоровья, так как при его ухудшении респонденты продолжали считать его хорошим. Это явление, прежде всего, было связано с ограниченными знаниями опрошенного населения о заболевании. Важную роль в этом играли ценностные установки респондентов на здоровье.

Медики обратили внимания на роль психологического фактора в поведении больных людей, в преодолении заболевания. Исследователи отмечали, что ощущения радости, удовольствия, испытываемые человеком, оказывают значительное влияние на внутренне состояние организма. Отношение респондентов к своему здоровью отражалось на уровне их заболеваемости: ни разу не болели с хорошей самооценкой здоровья — 56,5 %; с низкой самооценкой только — 4,5 %. Это явление позволяет бороться с наиболее опасными болезнями, включая злокачественные новообразования. Медики подчеркивают необходимость заниматься психотерапией не только с больными, но и их родственниками. В этом случае психотерапия рассматривается как компонент в лечении злокачественных новообразований [11, с. 38, 39; 7, с. 172–173; 18, с. 8].

В 1980-е гг. исследователи изучали соотношения объективной и субъективной оценки здоровья лиц пожилых и старческих возрастов. Проведенное исследование выявило самый высокий показатель совпадения объективной оценки здоровья и самооценки у лиц с низкой самооценкой: у лиц, оценивавших свое здоровье как благополучное, совпадение самооценки и объективной оценки здоровья составляло 54,4 %; у лиц со средней самооценкой своего здоровья — 38,2 %; с низкой самооценкой — 75,0 %.

Самооценка собственного здоровья, установка на его сохранение были тесно связаны с образовательным уровнем населения. Лица с высшим и средним образованием были лучше информированы о способах сохранения здоровья, о здоровом образе жизни, о роли профилактических осмотров и т. д., чем лица с низким уровнем образования [8, с. 17–18; 10, с. 73–78].

Разный уровень самосохранительного поведения был у мужчин и женщин. Ценности здоровья у женщин были выше, чем у мужчин. Однако высокая ценность здоровья отмечалась и у мужчин. Из данных исследований видно, что высокая ценность здоровья фиксировалась у 50,1 % мужчин и у 61,2 % женщин.

Вместе с тем у мужчин ценности привычек были выше ценностей здоровья. Опрос, организованный в конце 1979 г. сотрудниками Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР с помощью, разосланной по почте анкеты, показал, что небольшое в целом число мужчин в возрасте 40–59 лет готово изменить свои привычки и образ жизни, исходя из понимания психофизиологического течения сердечнососудистого заболевания. Положительный ответ дали только 15–20 % опрошенных мужчин [12, с. 7]. Однако с возрастом у мужчин ценности здоровья повышались. Наиболее высокие ценности здоровья проявлялись у мужчин в старших, преимущественно в пенсионных возрастах.

Ценности здоровья у мужчин непосредственно зависели от их доходов: с их увеличением повышались и ценности здоровья. Следует также отметить, что у мужчин, никогда не вступавших в брак, ценности здоровья были выше, чем у женатых мужчин.

Ценности здоровья у женщин, как и у мужчин, увеличивались с возрастом. Женщины с высокой ценностью здоровья стремились к его сохранению. Такая позиция женщин проявлялась по отношению к курению. Исследователи показали влияние ценностей здоровья у женщин на курение: среди женщин никогда не курили с высокой ценностью здоровья 70,1 %, с низкой — 57,8 %.

Разные ценностные установки на здоровья у мужчин и женщин проявлялись в самооценке здоровья. Женщины раньше мужчин начинали заботиться о своем здоровье: в группе с удовлетворительной самооценкой здоровья женщины начали заботиться о здоровье раньше мужчин на 13 лет.

Проведенные исследования выявили зависимость самооценки здоровья от отношения к своему здоровью. Респонденты с хорошей самооценкой здоровья в основном ориентировались на усилия самого человека в поддержании здоровья, респонденты с удовлетворительной и плохой самооценкой связывали состояние здоровья с условиями жизни.

Женщины проявляли большую активность к своему здоровью, чем мужчины. Данные исследований показали, что большинство женщин (69,4 %) связывало состояние здоровья и продолжительность жизни с усилиями самого человека. У мужчин такое соотношение принимало только 30,6 %, что наряду с другими факторами влияло на продолжительность их жизни.

Служащие больше рабочих рассчитывали на собственные усилия в поддержании своего здоровья. Однако ухудшение состояния здоровья населения во всех социальных группах способствовало понижению в обществе роли собственных усилий человека в сохранении здоровья и повышению зависимости от условий жизни.

Ценность здоровья определялась национальным фактором. Проведенные в 1980-е гг. исследования в Душанбе свидетельствовали о том, что, например, таджики и узбеки более внимательно относились к своему здоровью, чем русские [15, с. 71, 72, 76, 85, 86, 147, 150; 10, с. 73–78].

Таким образом, в изучаемые годы ценности здоровья городского населения занимали ведущую позицию в шкале ценностей. Однако у горожан ценности здоровья как средства для достижения активной и продолжительной жизни были заметно ниже, чем для достижения жизненных целей, потребностей и интересов, то есть были потребительскими, самосохранительное поведение в большинстве случаев — пассивным. Низкий уровень самосохранительного поведения сказывался на особенностях здравоохранения, а также уровне заболеваемости, смертности и продолжительности жизни городского и населения РСФСР в целом.

Список источников

1. *Адамец С. В.* Об оценках здоровья населения и реализации потребности в его укреплении и профилактики заболеваний // Демографическое поведение. Опыт социологического изучения. — М., 1990. — С. 49–73.

2. *Бедный М. С.* О социологической службе в здравоохранении // Здравоохранение Российской Федерации. — 1986. — № 1. — С. 3–7.

3. *Бордин С. Э.* Совершенствование медицинской помощи подросткам // Здравоохранение Российской Федерации. — 1985. — № 7. — С. 16–19.

4. *Воробьёв Е. И.* Актуальные этико-деонтологические проблемы практического здравоохранения // Актуальные этико-деонтологические проблемы практического здравоохранения. — М., 1984. — С. 3–18.

5. *Гехт И. А.* Некоторые медико-социальные аспекты здоровья лиц старших возрастов, одиноко проживающих в сельской местности // Здравоохранение Российской Федерации. — 1988. — № 2. — С. 23–28.

6. *Грошева Т. Н., Боровкова Е. В.* Состояние здоровья студентов медицинского института // Здравоохранение Российской Федерации. — 1988. — № 1. — С. 32–35.

7. *Гундаров И. А.* Закон духовной детерминации здоровья // Философия здоровья. — М., 2001. — С. 158–174.

8. *Дементьева Н. Ф., Петракова Т. И., Жук И. А., Шаталова Е. Ю.* Объективная и субъективная оценка здоровья лиц пожилого и старческого возраста // Здравоохранение Российской Федерации. — 1988. — № 1. — С. 16–19.

9. Иванюшкин А.Я. «Здоровье» и «болезнь» в системе ценностных ориентаций человека // Вестник Академии медицинских наук СССР. — 1982. — № 4. — С. 31–33.

10. *Копина О. С.* Информированность по вопросам здоровья у лиц с различным уровнем образования // Демографическое поведение: опыт социологического изучения. — М., 1990. — С. 73–78.

11. *Лоранский Д. Н.* К оценке отношения человека к здоровью / Д. Н. Лоранский, С. В. Бастрыкин, Л. В. Водогреева, Н. М. Науменко, Л. М. Медведев // Советское здравоохранение. — 1981. — № 7. — С. 36–39.

12. *Мазур Н. А.* Подходы к профилактике основных заболеваний сердечно-сосудистой системы // Терапевтический архив. — 1979. — № 1. — С. 6–9.

13. Народонаселение. Энциклопед. словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. — 640 с.

14. *Оберг Л. Я., Шишко О. А., Пирожников В. А.* Изучение отношения населения к санитарному просвещению // Здравоохранение Российской Федерации. — 1983. — № 8. — С. 17–20.

15. Отношение человека к здоровью / отв. ред.: И. В. Журавлёва. — М.: ИС РАН, 1993. — 178 с.

16. *Петров В. П.* Социально-гигиеническая теория адаптации населения крупного города // Социально-гигиенические и медико-биологические проблемы крупного города : сб. науч. тр. — Л. : Б.и., 1979. С. 6–10.

17. *Рыков В. А.* Системный подход в анализе причин заболеваемости населения // Социально-гигиенические и медико-биологические проблемы крупного города : сб. науч. тр. — Л.: Б.и., 1979. — С. 26–28.

18. *Сидоренко Ю. С., Айзенштарк Э. А., Хомурджанов Х. А., Кацман М. В.* Значение метода самонаблюдения в диспансеризации онкологических больных // Здравоохранение Российской Федерации. — 1983. — № 9. — С. 26–28.

19. *Соколов В. Д.* Изучение санитарно-гигиенической грамотности населения крупного города // Здравоохранение Российской Федерации. — 1983. — № 8. — С. 20–21.

20. *Ушаков Г. Н., Фёдорова О. Д., Шубина С. И.* Профилактика злокачественных новообразований в поликлинике // Советское здравоохранение. — 1985. — № 9. — С. 13–15.

21. *Эльштейн Н. В.* Вопросы совершенствования диспансеризации населения в работе главных терапевтов // Советское здравоохранение. — 1985. — № 9. — С. 3–7.

Информация об авторе

Араловец Наталья Аркадьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (ИРИ РАН, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, e-mail: iriran@mail.ru).

Aralovets N. A.

Values of Health of Citizens of the Russian Federation in the 1960–1980s

Abstract. Studying of health of the population, especially in separate historical periods of the Russian history is actual need of society. The study of this problem is of particular relevance in the context of Russia's exit from the demographic crisis of the late XX — -early XXI century., significant reform of the entire health system, the state demographic policy. A special place in the understanding of the problems under consideration belongs to the study of urban health of the RSFSR. In the article by historical, sociological, demographic methods the features of value attitudes of urban residents of the RSFSR on health in the 1960s–1980s were studied. The Author based on the data of the conducted surveys showed the prevalence of social values in the RSFSR, which determined the features of value attitudes of citizens on health. He noted the leading role of health in the scale of life values of urban residents. At the same time, he stressed that especially among young people, health values dominated as a means to achieve life goals, needs and interests, that is. in General, they were of a consumer nature. This phenomenon led to a low level of self-preservation behavior of the majority of urban residents: access to a doctor mainly in the event of illness, including in its later stages, neglect of the doctor's recommendations, the manifestation of passivity to preventive measures, self-medication, etc. A Significant role in the self-preservation behavior of the urban population played a self-assessment of health. The author studied the close dependence of self-assessment of respondents ' health on their values on health, revealed the prevalence of subjective assessments over the objective state of health. He noted that the low level of self-preservation behavior affected the peculiarities of health care, as well as the level of morbidity, mortality and life expectancy of the city and the population of the RSFSR as a whole.

Keywords: health factors, values of population health, self-preservation behavior

References

1. Adamec S. V. On estimates of population health and the realization of the need in strengthening and prevention of diseases // Demographic behaviour: experience of the sociological study. — M., 1990. — P. 49–73.

2. Bedny M. S. about sociological service in health care // Health care of the Russian Federation. — 1986. — No. 1. — P. 3–7.

3. Bordin S. E. improving medical care for adolescents // Health care of the Russian Federation. — 1985. — No. 7. — P. 16–19.

4. Vorobyov E. I. Actual ethical and deontological problems of practical health care // Actual ethical and deontological problems of practical health care. — M., 1984. — P. 3–18.

5. Gekht I. A. Some medico-social aspects of health of persons of senior age, living alone in rural areas // Zdravookhraneniya Rossiyskoy Federatsii. — 1988. — No. 2. — P. 23–28.

6. Grosheva T. N. State of health of students of medical Institute / E.V. Borovkova // Health care of the Russian Federation. — 1988. — No. 1. — P. 32–35.

7. Gundarov I. A. the law of spiritual determination of health // Philosophy of health. — M., 2001. — P. 158–174.

8. Dementieva N. F. Objective and subjective assessment of health of persons of elderly and senile age / T. I. Petrakova, I.A. Zhuk, E.Yu.Shatalova // Health care of the Russian Federation. — 1988. — No. 1. — P. 16–19.

9. Ivanushkin A. J. "Health" and "disease" in the system of value orientations of the person // Bulletin of the Academy of medical Sciences of the USSR. — 1982. — No. 4. — P. 31–33.

10. Kopina O. S. Awareness in people with different levels of education // Demographic behavior: experience of sociological research. — M., 1990. — P. 73–78.

11. Lorenski D. N. To assess the relationship of man to health / S. V. Bastrykin, L. V. Vodograi, N. M. Naumenko, L. M. Medvedev // Soviet health care. — 1981. — No. 7. — P. 36–39.

12. Mazur N. Ah. Approaches to the prevention of major diseases of the cardiovascular system // Therapeutic archive. — 1979. — No. 1. — P. 6–9.

13. Population: encyclopedia. dictionary. — M.: the Great Russian encyclopedia, 1994. — 640 p.

14. Oberg L. J. Study of the attitude of the population to health education / O. A. Shishko, V. A. Pirozhnikov // Health of the Russian Federation. — 1983. — No. 8. — P. 17–20.

15. Man's relation to health: [monograph count.] / Otv. red: I. V. Zhuravleva. — M.: IS RAN, 1993. — 178 p.

16. Petrov V. P. Social-hygienic theory of adaptation big city population // Social-hygienic and medico-biological problems of large cities: collection of scientific works. tr. — L.: B.i., 1979. — P. 6–10.

17. Rykov V. A. Systematic approach to the analysis of the causes of morbidity of the population // Social-hygienic and medico-biological problems of large cities: collection of scientific works. tr. — L.: B.i., 1979. — P. 26–28.

18. Sidorenko Yu. S. Value of the method of self-observation in the clinical examination of cancer patients / E. A. Eisenstark, H. A. Homorganic, M. V. Katsman // Health of the Russian Federation. — 1983. — No. 9. — P. 26–28.

19. Sokolov V. D. study of sanitary and hygienic literacy of the population of a large city // Zdravookhraneniya Rossiyskoy Federatsii. 1983. — No. 8. — P. 20–21.

20. Ushakov G. N. Prevention of malignant neoplasms in the polyclinic / O. D. Fedorova, S. I. Shubina // Soviet health care. — 1985. — No. 9. — P. 13–15.

21. Elstein N. In. Questions of perfection of prophylactic medical examination of population in the main physicians // Soviet health care. — 1985. — No. 9. — P. 3–7.

Author

Aralovets Natalia A. — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences (IRI RAN, e-mail: iriran@mail.ru).

УДК 94(470)«19»:314

Баранов Е. Ю.

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В XX ВЕКЕ: ОЦЕНКИ И ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[1]

На основе анализа современной историографии рассматривается дискуссионный вопрос оценок потерь населения России, СССР в XX в. Историки и демографы изучают демографические последствия социально-исторических катаклизмов, анализируя показатели численности населения, демографических процессов и демографических структур. Дискуссии обусловлены проблемами с полнотой и достоверностью данных, имеющихся в распоряжении исследователей, длительностью выбранного для анализа временного интервала и методикой расчета. Сегодня продолжаются дискуссии по вопросу достоверности данных о населении статистических органов, силовых структур и органов военного управления в СССР, сохраняется полемика вокруг вопроса о факторах социально-демографических потрясений, их иерархии. Ряд исследователей предложили варианты корректировки статистических данных в связи с недоучетом демографических событий или фальсификацией сведений о населении. В подавляющей части исследований потерь населения страны в советский период за основу анализа берутся оценки и корректировки Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковой, все чаще принимается во внимание концепт авторов монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000», подготовленной под руководством А.Г. Вишневского. В современной историографии при сохранении научного интереса к обобщающим макроподходам к изучению проблем истории населения активизируются попытки обращения к первичной учетной документации, к исследованиям микроуровня. Значительную роль играют исследования регионального аспекта проблемы потерь населения. Исследование показало, что текущий историографический тренд направлен на уточнение существующих данных о потерях населения страны и ее регионов в XX в.

Ключевые слова: историческая демография, демографическая история, потери населения, историография, демографический кризис, демографическая катастрофа, демографическая модернизация

Тема потерь населения России и СССР в XX в. имеет богатую отечественную и зарубежную историографию. Повышенный интерес к этой теме вызван тем, что в прошлом столетии эволюционный ход демографического развития как минимум три раза прерывался крупными демографическими потрясениями, обусловленными экзогенными факторами социально-политического и социально-экономического характера. Все три катаклизма произошли в первой половине прошлого столетия и оказали негативное влияние на процессы воспроизводства и миграционное движение населения в периоды пертурбаций, деформировали демографические

[1] © Баранов Е. Ю. Текст. 2018.

структуры и, соответственно, серьезно нарушили характер и темп демографической эволюции и столетний тренд демографической транзиции.

Большая часть демографических потерь пришлась на советской период истории страны, обусловив наличие трагических страниц в судьбе ее народов. Каждый из трех социально-демографических катаклизмов был обусловлен группой факторов и причин. Население понесло потери от военных действий (в том числе боевые, санитарные потери, потери гражданского населения в зоне боевых действий, в тылу), потери от голода, эпидемий, вследствие раскулачивания, депортаций, расстрелов как репрессивной меры. И исследования потерь населения в подобном детализованном виде как следствия определенного исторического события научно значимы и обладают уже собственными историографическими традициями, но необходима также и обоснованная и адекватная оценка демографического урона от социальных бедствий в целом. В историко-демографических исследованиях для этого используются методы демографического анализа, которые, в сущности, основываются на сопоставлении реальных и гипотетических показателей докризисной, кризисной и послекризисной численности населения и демографической динамики.

Еще в советский период истории страны в стране и за рубежом появились работы, содержащие анализ влияния социальных факторов (прежде всего войны) на демографическое развитие (Б.Ц. Урланис, А.Я. Боярский, Ю.А. Поляков, Ф. Лоример, С. Максудов, Р. Конквест, Б. Андерсон, Б. Сильвер). Вопрос потерь населения СССР, в сущности, впервые поставленный в зарубежной литературе приобрел в постсоветском пространстве достаточно острый дискуссионный характер, сохранившийся до сегодняшнего дня. Эта полемика вступила в активную фазу во многом после выхода книги С. Максудова «Потери населения СССР» (1989) и стала возможной в результате рассекречивания документов российских архивов в 1990-е гг.

Дискуссии по этому вопросу обусловлены проблемами полноты и достоверности статистических данных, имеющихся в распоряжении исследователей, длительностью выбранного для анализа временного интервала и методикой расчета. Изучение демографической истории страны в первой половине XX в., особенно периода 1930-х — 1950-х гг., ограничено возможностями источниковой базы, которая характеризуется отсутствием отчетных или учетных сведений о населении за отдельные годы. Сегодня продолжаются дискуссии о достоверности данных о населении статистических органов, силовых структур и органов военного управления в СССР. Ряд исследователей предложили свои корректировки данных о численности населения за отдельные годы, корректировки данных в связи с недоучетом демографических событий или фальсификацией сведений о населении [4, 5, 7–10, 12–14] и др.).

Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова на основе специальных моделей попытались реконструировать историческую динамику численности

населения России, СССР, показатели демографического воспроизводства и миграционного движения, рассчитать людские потери в результате социальных катастроф (войны, голода) [2, 3]. При этом ученые доказывали нереальность оценок Центрального управления народно-хозяйственного учета СССР, писали о недоучете населения, искажениях демографической информации в 1930-е гг. В связи с этим они проводили коррекцию, выравнивание демографических данных. Общие демографические потери СССР за период с 1927 г. по 1941 г. демографы определили в 13,5 млн чел., а людские потери, по их мнению, составили около 7 млн чел. Общие людские потери населения СССР в результате Великой Отечественной войны, полученные методом демографического баланса, составили приблизительно 26,6 млн чел. [3, с. 60–61, 77]. Оценки Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковой, предложенные в 1990-е гг., и сегодня являются авторитетными в отечественной и зарубежной исторической демографии, к результатам их исследований апеллируют многие специалисты, считаясь или дискутируя с точкой зрения этих демографов. Так, С. Уиктрофт доказывает, что вопреки их мнению, при расчетах можно использовать «нескорректированные» статистические данные о рождаемости и смертности. Он считает, что данные по регистрируемому населению СССР выглядят «полными и правдоподобными» [5, с. 73].

В 1994 г. был издан энциклопедический словарь «Народонаселение» под редакцией Г.Г. Меликьяна, в котором были приведены оценки потерь населения страны в XX в., имевшиеся в зарубежной и отечественной литературе (табл. 1). В словаре дается следующее определение термина потери населения (людские потери): это «обобщающее понятие, используемое при оценке количественных и качественных негативных демографических изменений, природными и социальными катаклизмами (землетрясениями, эпидемиями, неурожаями и голодом, войнами, революциями, а также крупными катастрофами, авариями и т. п.)» [16, с. 342]. В этом же издании обозначены три глубоких социально-демографических кризиса в истории Российской империи и СССР, которые вызвали массовые потери населения. Первый кризис охватывает период Первой мировой войны, революции и гражданской войны, эпидемий и голода 1921–1922 гг. Второе потрясение (с 1929 г. до 1933–1934 гг.) было связано с негативными последствиями «социалистической реконструкции народного хозяйства» (коллективизации, голода начала 1930-х гг., репрессий). Существенные потери населения в результате третьего кризиса (конец 1930-х — начало 1950-х гг.) были обусловлены Великой Отечественной войной, голодом 1946 г., а также послевоенными массовыми репрессиями [16, с. 344–345].

Со времени публикации энциклопедического словаря прошло более двадцати лет. Посмотрим, как изменилась историографическая ситуация вокруг вопроса потерь населения страны с точки зрения появления новых исторических макрообобщений. Знаковым событием для отечественной историографии стала публикация монографии В.А. Исупова

Таблица 1

Ориентировочные оценки потерь населения Российской империи и СССР различными авторами (млн чел.)*

Автор	Дата публикации оценки (год)	Оцениваемый интервал (годы)	Общие демографические потери	Людские потери	Дефицит рождений
Оценки потерь населения за 1914–1926 гг.					
Ф. Лоример	1946	1914–1926	28	18	10
А. Я. Боярский	1948, 1975	1915–1923	21–22	12	10
Б. Ц. Урланис	1968	1917–1920		10–11	
Ю. А. Поляков	1986	1914–1922	25		
С. Максудов	1989	1914–1926		15,5	
Оценки потерь населения за 1926–1939 гг.					
Б. Андерскон и Б. Сильвер	1985	1926–1939		12,8	
С. Максудов	1989	1930–1938		9,8	
Е. М. Андреев и др.	1990, 1993	1927–1941	13,5	7	6,5
В. А. Исупов	1990	1926–1939	12–13	8–9	4
С. Уиткрофт	1990	1932–1934		4–5	
Оценки потерь населения за 1939 г. — начало 1950-х гг.					
Н. С. Тимашев	1948	1941–1945	37,5	26,4	10,9
У. Исон	1959	1939–1959	45	25	20
Л. Л. Рыбаковский	1988	1939–1959		30	
С. Максудов	1989	1939–1958		24,5	
Е. М. Андреев и др.	1990, 1993	1941–1945		26,6	

* Источник: Народонаселение. Энциклопедический словарь / гл. ред. Г. Г. Меликьян. М., 1994. С. 344.

«Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века» (2000). Трактовка демографических потрясений, предложенная В.А. Исуповым, широко используется в современных историко-демографических исследованиях. Историк характеризует понятие «демографическая катастрофа» как «мощное, но кратковременное явление», детерминируемое резким повышением смертности и характеризуемое «отчетливо выраженными депопуляционными процессами» и резким падением численности населения. Демографический кризис, по мнению В.А. Исупова, — это процесс, растянутый во времени, который во многом обуславливается падением рождаемости, при этом уровень смертности может «не повышаться или повышаться незначительно». Во время кризиса «чаще всего наблюдается замедление темпов прироста, нулевой прирост или медленное сокращение численности населения». В монографии прослежены

демографическая динамика в России, негативное влияние экзогенных (прежде всего социальных) факторов на демографические процессы, выявлены периоды стабильного и кризисного развития, локализованы во времени демографические катастрофы. Результатом демографического кризиса периода Первой мировой войны стало 5,8 млн чел. преждевременно умерших и неродившихся, из них приблизительно 1,5 млн чел. приходится на боевые потери и около 4 млн — на косвенные и демографические (в основном дефицит рождений). Демографические итоги периода революции и Гражданской войны — 21,8 млн жизней, включая прямые, косвенные и демографические потери. Демографическая катастрофа 1933 г. унесла жизни почти 7 млн чел. (сверхсмертность). В.А. Исупов пишет, что в 1937–1938 гг. страна «в результате карательной деятельности государства» потеряла около 1 млн чел. погибшими.

В.А. Исупов указывает на дискуссию в историко-демографической литературе о потерях населения СССР в Великой Отечественной войне, связанную с методическим аспектом проблемы. Он пишет, что в исследованиях применяются два основных метода расчетов людских потерь. Один из них основан на сопоставлении фактической численности населения после войны и гипотетической численности, которой достигло бы населения в условиях ее отсутствия. Применительно к Великой Отечественной войне расчеты ученых дали следующие числа совокупных потерь: Ю.Е. Власьевич — 46 млн чел., из них 20 млн. — прямые потери и 26 млн — косвенные и демографические, Л.Е. Поляков — также 46 млн, А.Я. Кваша — 48 млн, В.И. Козлов — до 50 млн чел. Второй способ расчетов связан с методом демографического баланса, в основе которого лежит сопоставление численности и структуры населения в начале и конце войны. По расчетам Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковой прямые и косвенные людские потери СССР вследствие Великой Отечественной войны, как уже было указано выше, составляют приблизительно 26,6 млн чел. В.С. Гельфанд определил суммарные потери населения СССР в 1941–1945 гг. в 42 млн чел., из них 20 млн чел. — прямые потери, 6,4 млн — косвенные и 15,6 млн — дефицит рождений. В.А. Исупов делает вывод, что «прямые и косвенные (без демографических) потери населения СССР в 1941–1945 гг., определенные в 26–27 млн чел., в основном адекватно отражают размеры демографической катастрофы Великой Отечественной войны». Сегодня эта оценка потерь населения мировым научным сообществом считается наиболее обоснованной. В.А. Исупов также преимущественно на основе анализа научной литературы определяет совокупные потери населения СССР в 1941–1945 гг. числом свыше 42 млн чел. и распределяет их следующим образом: прямые потери — свыше 21 мл.., косвенные потери (сверхсмертность гражданского населения) — свыше 6 млн, демографические потери (дефицит рождений) — свыше 15 млн чел. [11, с. 9–10, 56, 68, 93, 118, 184–186, 195].

П.М. Полян (2001) пишет, что общие демографические потери в России в XX в. вследствие демографических катастроф «можно оценить только

Таблица 2

Оценки потерь населения РФ в периоды демографических катастроф XX в., приведенные П. М. Поляном в 2001 г. (в современных границах РФ)*

Период демографической катастрофы (годы)	Основные факторы	Оценка потерь населения		Оценка потерь населения, включая косвенные потери при условном сохранении предкризисных темпов прироста населения (млн чел.)
		Абсолютные величины (млн чел.)	По отношению к предкризисной численности населения (%)	
1915–1922	Первая мировая и Гражданские войны	12	13	18,6
1930–1936	Коллективизация	5	5	6,5
1941–1948	Великая Отечественная война и послевоенная разруха	21	19	24,5

* Составлено по: Полян П. М. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Монографический сб. М., 2001. С. 38–39.

условно и только экспертным или расчетным путем, с теми или иными допущениями» [18, с. 38–39] (табл. 2).

П.М. Полян указывает, что на период между 1914 и 1953 гг. пришлись все массовые принудительные миграции, только в ходе внутренних принудительных территориальных перемещений было депортировано приблизительно 6 млн чел., а в рамках международных — около 9 млн. Ученый говорит о том, что во второй половине XX в. население России не испытывало демографических потрясений, сравнимых с тремя катастрофами первой половины столетия [18, с. 52–53].

В «Новой российской энциклопедии» (2003) выделяются следующие демографические кризисы XX в. и их факторы: 1) 1916–1921 гг. (Первая мировая война, Гражданская война, военный коммунизм, эпидемии, голод 1920–1921 гг.); 2) 1928–1934 гг. (свертывание нэпа, массовое насилие в ходе коллективизации, массовый голод в 1933–1934 гг.); 3) 1939–1947 гг. (Вторая мировая война, голод 1946 г.). В энциклопедии также указывается, что общие демографические потери — «величина расчетная и условная, зависящая от принятых гипотез». И за исходную точку расчетов берется условие, что в условиях активно протекавшего в России демографического перехода приросты населения меньше 1 % в год могут рассматриваться как предкризисные. Затем сделано предположение, что при возможном сохранении темпов прироста численности населения на уровне 1 % в год, «разница между гипотетической и фактической численностью населения была бы близка к минимальной оценке демографических потерь». Рассчитанные подобным образом потери в результате кризиса

1916–1921 гг. составляют около 12 млн чел. (13 % предкризисной численности населения), кризиса 1928–1934 гг. — 5 млн чел. (5 %), кризиса 1939–1946 гг. — 21 млн чел. (19 %). Максимальную оценку величины потерь позволил произвести расчет, допускающий сохранение постоянных темпов роста численности на уровнях, наблюдавшихся непосредственно перед кризисами — 18,6, 6,5 и 24,5 млн чел. соответственно. В результате прямых (гибель, эмиграция населения), косвенных (падение рождаемости) и отдаленных (нарушения в возрастно-половом составе населения) последствий указанных демографических кризисов «Россия недосчиталась более 100 млн жизней» [17, с. 159].

Обобщая существующие в историографии оценки прямых потерь населения В.В. Эрлихман в справочнике «Потери народонаселения в XX веке» (2004) пишет, что общие потери населения России (без Польши и Финляндии) за 1901–1917 гг. составили 3,5 млн чел., также за этот период эмигрировало 2,5 млн чел. Потери населения СССР за 1917–1953 гг. составили около 60,5 млн чел., включая безвозвратную эмиграцию около 3 млн чел., а также 3,5 млн. этнических немцев, поляков и чехов, покинувших СССР в 1941–1946 гг. С 1991 по 2000 гг. в ходе ряда политических и этнических конфликтов погибло около 200 тыс. чел., более 3 млн чел. стали беженцами. По подсчетам В.В. Эрлихмана, общие потери населения России и СССР за 1901–2000 гг. составили 64,3 млн погибших и 7,2 млн эмигрировавших. Из этого числа 19,6 млн чел. погибло в ходе военных действий, 20,6 млн чел. в результате террора, 26 млн умерло от эпидемий и голода, 0,3 млн погибло от стихийных бедствий. По мнению автора справочника, жертвами «коммунистического режима» стали 19 млн погибших в результате «террора, организованного голода и военных операций, направленных на захват соседних стран и борьбу с партизанским движением» [20, с. 14–15].

Р. Аллен (2003), рассматривая демографическую эволюцию СССР и отвечая на вопрос, почему в СССР в ходе демографического перехода не произошел демографический взрыв, пишет, что главной причиной такой ситуации стал резкий спад рождаемости в «сталинский период», а не «избыточная смертность» вследствие коллективизации, принудительного труда, репрессий, голода и Второй мировой войны. При определении потерь населения вследствие демографических катастроф Р. Аллен опирается на данные, расчеты и оценки Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковой, Р. Дэвиса, М. Харрисона и С. Уиткрофта и других ученых. Сверхсмертность в результате Первой мировой войны (период 1914–1917 гг.) определяется в исследовании английского историка в 3,8 млн чел. В это число входят 2 млн солдат, убитых в ходе военных действий, а также раненные, умершие в тылу. Избыточная смертность в период Гражданской войны (1918–1922 гг.) составила 9,7 млн человек, то есть была больше, чем в голодный 1933 г. — 4–9 млн чел. (Р. Дэвис, М. Харрисон, С. Уиткрофт, 1994 — 7,3 млн чел.). По потерям в 1941–1945 гг. историк приводит оценку М. Харрисона

1996 г. — 25–30 млн чел., и совместную оценку Р. Дэвиса, М. Харрисона и С. Уиткрофта 1994 г.: за 4,5 года войны общая смертность составила 41,8 млн чел. [1, с. 157–161].

Авторы коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000» (2006), подготовленной под руководством А.Г. Вишневского, отмечают, что «попытки дать количественную оценку прямых людских потерь бывшего СССР в результате кризисов и катастроф первой половины минувшего века путем суммирования частных оценок, полученных для разных периодов, предпринимались не раз». По данным С. Максудова, жертвами социальных потрясений стали не менее 40 млн чел. Демографы указывают на более значительные потери. В границах Российской империи — СССР потери населения, связанные с Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной, голодом и эпидемиями находятся в промежутке между 14 и 21–23 млн «преждевременно умерших», потери от голода 1932–1933 гг. составляют от 4 до 8 млн умерших, потери от политических репрессий — 4–6 млн, потери, обусловленные Второй мировой войной, — 27 млн чел. плюс 1 млн жертв голода 1946–1947 гг. В итоге общее число преждевременных смертей за первую половину XX в. достигает 50–65 млн чел. При этом половину этих потерь (25–35 млн чел.) можно условно считать потерями российского населения (в нынешних границах РФ). Более полное представление о потерях, по мнению авторов монографии, можно получить путем сопоставления фактической и гипотетической динамики населения, анализируя темпы изменения численности населения. В результате «нормальной» «модернизационной эволюции российского общества» абсолютная численность населения России к началу 1954 г. на 76,4 млн чел. превосходила бы фактические показатели. Это и есть «демографическая цена социальных потрясений и катастроф» первой половины прошлого столетия. Кризис смертности в последней трети XX в. обусловил демографические потери (1966–2000 гг.), оцененные демографами в 14,2 млн чел. При расчете общих демографических потерь за прошедшее столетие демографы сопоставили фактическую динамику численности населения России после 1954 г. с гипотетической динамикой, в которой колебания, вызванные катастрофами первой половины века, были элиминированы, также была учтена вероятность более низкой смертности в 1966–2000 гг. Они пишут, что если бы России в первой половине XX в. удалось избежать демографических катастроф, то к концу столетия ее население могло бы быть почти на 113 млн чел. больше фактической численности, а если бы также удалось добиться снижения смертности, характерного для западных стран, то это превышение составило бы почти 137 млн чел. Демографы указывают, что четыре демографические потрясения XX в. (включая кризис последнего десятилетия) стали результатом «одновременного резкого повышения числа смертей и снижения числа рождений», что приводило к отрицательному естественному приросту населения, в некоторых случаях усугублявшемуся

эмиграцией за пределы страны. Но в отличие от катастроф первой половины века, которые характеризуются, прежде всего, резкими подъемами смертности, четвертый по счету провал, относящийся к концу столетия (естественная убыль населения России с 1992 г.), обусловлен режимом воспроизводства населения с низкими уровнями рождаемости и смертности, который сложился в стране уже к 1960-м гг. [6, с. 442–447, 492–495].

Полемика вокруг вопроса факторов социально-демографических потрясений, их значения, иерархии стала одним из дискуссионных аспектов изучения истории потерь населения России, СССР в XX в. Например, в постсоветской историографии можно выявить различные точки зрения по вопросу о значении субъективных и объективных факторов, обусловивших социальные бедствия в начале 1920-х и начале 1930-х гг. [13]. Историки рассматривают роль погодных условий и политических решений в наступлении голода в эти периоды. В отношении исследований кризисных явлений в демографической сфере России в последнем десятилетии прошлого века, приобретших масштабы катастрофы, можно выявить дискуссию о значении для их наступления суженного режима воспроизводства населения (то есть демографического фактора) и роли распада СССР и последовавшего за ним изменения социально-исторической обстановки.

Демографические последствия социальных пертурбаций в России за 100 лет оценил российский статистик В.М. Симчера (2006), акцентирующий внимание на «материальных причинах» кризисных состояний. По его мнению, в результате Первой мировой войны страна потеряла около 8 млн чел., из них 4–5 млн приходится на долю территорий, входящих сегодня в состав РФ. Гражданская война унесла жизни от 8 до 10 млн чел. или 14–16 млн., если прибавить число эмигрантов, ею спровоцированных, причем на долю России приходится 8–10 млн чел. Жертвами коллективизации, голода, репрессий 1930–1940-х гг. стали до 10 млн чел. (территория России). По потерям населения страны в период Великой Отечественной войны он приводит данные: по Советскому Союзу — 27 млн чел. (доля России — 14 млн). В результате, по мнению статистика, «…прямые потери России от социально-исторических катаклизмов XX века превысили 42–65 млн человек…». К косвенным потерям населения России статистика относит потери вследствие резкого снижения рождаемости, которые за период с 1932 г. по 1999 г. он исчисляет в 10–15 млн чел. В.М. Симчера также обращает внимание на негативные тенденции в демографической сфере России в конце XX в. С середины 1992 г. численность населения России впервые в послевоенной истории начала сокращаться, естественная убыль населения страны за период с 1992 г. по 1999 г. составила 5778,2 тыс. чел. В.М. Симчера пишет, что численность населения России «в условиях нормального развития страны» составляла бы в 2000-е гг. от 250 до 400–450 млн чел. Он считает, что если бы население России в XX в. увеличивалось по «мировым законам», а за столетие общая численность населения мира возросла в 4 раза, то численность населения страны в начале XXI в. составляла бы 270 млн

чел. Разница между возможными 270 млн и фактическими 145,6 млн чел. в конце 1999 г., которая составляет 124,4 млн чел., — это, по мнению статистика, величина потерянного за 100 лет человеческого ресурса России. [19, с. 114–116].

Следует отметить, что появились исследования, содержащие новые подходы к анализу демографических катастроф в России в XX в. Л.Н. Мазур пишет о демографической катастрофе в 1950–1970-е гг., которая первоначально охватила сельскую местность, но отразилась в динамике и структуре сельского населения и общества в целом. Ее основу составляли процессы, связанные с сельской миграцией: отток молодежи и трудоспособного населения обусловил смещение в половозрастной структуре, резкое повышение среднего возраста, старение населения. Специфика этой демографической катастрофы заключалась в ее эндогенном характере, а ее причиной стала политика по «оптимизации» сельской местности, которая способствовала обезлюдению деревни и «углублению кризиса сельской местности». «Миграционная деформация», по мнению историка, привела к суженному воспроизводству населения. В ряде случаев результатом катастрофы стало появление «демографических пустошей», исчезновение населенных мест. Л.Н. Мазур считает, что «для сельской России сельская миграция 1950–1970-х гг. стала не менее катастрофическим явлением, чем Великая Отечественная война или коллективизация» и предлагает рассматривать демографическую катастрофу как фактор эволюции сельских поселений в России в XX в. [15, с. 169–170].

В историографии происходит постоянное приращение новых знаний по теме потерь населения, на современном этапе значительную роль играют исследования регионального аспекта данной проблемы, реализуемые в рамках изучения вопросов региональной демографической истории. При этом демографические последствия социально-исторических катаклизмов историки сегодня рассматривают в контексте их влияния на показатели численности населения, демографических процессов и демографических структур, предлагаются корректировки статистических данных. В подавляющей части исследований потерь населения страны в советский период за основу анализа берутся оценки и корректировки Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковой, все чаще принимается во внимание концепт авторов подготовленной под руководством А.Г. Вишневского монографии о демографической модернизации России. В современной историографии при сохранении научного интереса к обобщающим макроподходам к изучению проблем истории населения намечается еще одна тенденция — активизация попыток обращения к первичной учетной документации (микроуровень), изучение которой, возможно, в будущем и даст новый результат. В целом же текущий историографический тренд направлен в сторону уточнения существующих данных о потерях населения страны и ее регионов в XX в.

Список источников

1. Аллен Р. С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — 390 с.

2. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. 1927–1959. — М.: «Информатика», 1998. — 187 с.

3. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза. 1922–1991. — М. : Наука, 1993. — 142 с.

4. Баранов Е. Ю. Демографические последствия голода начала 1930-х годов в СССР. Историографический аспект // Институты развития демографической системы общества. Сб. мат-лов V Уральского демографического форума с междунар. участием. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2014. — С. 253–260.

5. Баранов Е.Ю. Современная историография демографической истории СССР в 1930-е гг. Тренд дискурса и актуальные проблемы // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 3 — (44). — С. 70–79.

6. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2006. — 608 с.

7. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — 280 с.

8. Жиромская В. Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России. Историко-демографический аспект. 1946–1960. — М. : РГГУ, 2009. — 311 с.

9. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. — М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. — 320 с.

10. Ивлев И. И. Генеральская ложь // Военно-исторический архив. — 2012. — № 9. — С. 41–58.

11. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. — 244 с.

12. Исупов В. А., Корнилов Г. Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг. // Уральский исторический вестник. — 2017. — № 4 (57). — С. 46–53.

13. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии. Взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. — М., 2011. — С. 8–56.

14. Корнилов Г. Е. Демографический потенциал России в годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг. // Демографический потенциал стран ЕАЭС. Сб. ст. VIII Уральского демографического форума / отв. ред. д-р социол. наук А. И. Кузьмин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — Т. I. — С. 21–27.

15. Мазур Л. Н. Демографические катастрофы как фактор эволюции сельских поселений в России в XX веке. Теоретические подходы // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. XXXV сессия Симп. по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений; Уфа, 20–23 сентября 2016 г. — М. : ИСл РАН, 2016. — С. 168–170.

16. Народонаселение. Энциклопедический словарь / гл. ред. Г. Г. Меликьян. — М.: Большая российская энциклопедия, 1994. — 640 с.

17. Новая российская энциклопедия: в 12 т. — М. : Изд-во «Энциклопедия», 2003. — Т. 1. — 959 с.

18. Полян П. М. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф // Город и деревня в Европейской России. Сто лет перемен: монографический сборник. — М. : ОГИ, 2001. — С. 33–62.

19. Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет. 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. — М. : Наука, 2006. — 587 с.

20. Эрлихман В. В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. — М.: Издательский дом «Русская панорама», 2004. — 176 с.

Информация об авторе

Баранов Евгений Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: eubaranov@yandex.ru).

Baranov E. Yu.

Russia's Population Losses in the XX Century: Assessments and Discussions in the Modern Historiography

On the basis of the analysis of modern historiography, the debatable question of estimating the losses of the population of Russia and the USSR in the twentieth century is considered. Historians and demographers study the demographic consequences of socio-historical cataclysms, analyzing indicators of the population, demographic processes and demographic structures. Discussions are caused by problems with the completeness and reliability of the data available to researchers, the duration of the time interval chosen for analysis and the calculation methodology. Today, discussions continue on the reliability of data on the population of statistical agencies, law enforcement agencies and military command and control agencies in the USSR, there is a controversy surrounding the issue of factors of socio-demographic shocks, their hierarchy. A number of researchers proposed options for adjusting statistical data in connection with the underreporting of demographic events or by falsifying information about the population. In the overwhelming part of the studies of the losses of the population of the country during the Soviet period, the analysis is based on estimates and corrections by E.M. Andreev, L.E. Darsky, T.L. Kharkova. The concept of the authors of the monograph «Demographic Modernization of Russia, 1900–2000» is increasingly being taken into account. In modern historiography, the scientific interest in macro approaches to the study of the problems of the history of the population remains, and attempts are also being made to study of primary accounting records, to micro-level issues. A significant role is played by studies of the regional aspect of the problem of population losses. The study showed that the current historiographic trend is aimed at clarifying the existing data on the losses of the population of the country and its regions in the XX century.

Keywords: historical demography, demographic history, population losses, historiography, demographic crisis, demographic catastrophe, demographic modernization

References

1. Allen R. C. Farm to factory: Farm to factory: a reinterpretation of the Soviet industrial revolution. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013. 390 p. (in Russ.).

2. Andreev E. M., Darskiy L. E., Kharkova T. L. Demographic history of Russia: 1927–1959. Moscow: Informatika Publ., 1998. 187 p. (in Russ.).

3. Andreev E. M., Darskiy L. E., Kharkova T. L. The population of the Soviet Union: 1922–1991. Moscow: Nauka Publ., 1993. 142 p. (in Russ.).

4. Baranov E. Yu. Demographic consequences of famine of the early 1930s in the USSR (historiographical aspect) // The institutions of the demographic system development of society. Proceedings of the Fifth Urals demographic forum with the international participation. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014. P. 253–260. (in Russ.).

5. Baranov E. Yu. Modern historiography of the demographic history of the USSR in the 1930s: trend of discourse and topical problems // Ural Historical Journal. 2014. № 3 (44). P. 70–79 (in Russ.).

6. Demographic modernization of Russia, 1900–2000 / ed. by A.G. Vishnevsky. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 608 p. (In Russ.).

7. Zhiromskaya V. B. The demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 280 p. (in Russ.).

8. Zhiromskaya V. B. The life potential of post-war generations in Russia: the historical-demographic aspect: 1946–1960. Moscow: RGGU Publ., 2009. 311 p. (in Russ.).

9. Zhiromskaya V. B. Major trends of Russia's demographic development in the XX century. Moscow: Kuchkovo pole, Soyuz semey voennosluzhashchikh Rossii Publ., 2012. 320 p. (in Russ.).

10. Ivlev I. I. The lie of the general // Military Historical Archive. 2012. № 9. P. 41–58. (in Russ.).

11. Isupov V. A. Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century: historical demographic essays. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2000. 244 p. (in Russ.).

12. Isupov V. A., Kornilov G. E. Population of Russia during the World War II (1939–1945) // Ural Historical Journal. 2017. No. 4 (57). P. 46–53 (in Russ.).

13. Kondrashin V. V. Famine of 1932–1933 in modern Russian and foreign historiography: a view from Russia // Modern Russian-Ukrainian historiography of the 1932–1933 famine in the USSR. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. P. 8–56 (in Russ.).

14. Kornilov G. E. Demographic potential of Russia during the World War II (1939–1945) // Demographic potential of the EAEC countries / ed. by A.I. Kuzmin. Ekaterinburg: Institute of Economics, UrB RAS Publ., 2017. Volume I. P. 21–27 (in Russ.).

15. Mazur L. N. Demographic catastrophes as a factor in the evolution of rural settlements in Russia in the XX century: theoretical approaches // Agrarian exploration and demographic processes in Russia X–XXI centuries: XXXV session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe: abstracts and reports. Moscow: ISL RAS Publ., 2016. P. 168–170 (in Russ.).

16. Population: Encyclopedic Dictionary / Ch. Ed. G.G. Melikyan. Moscow: The Great Russian Encyclopedia Publ., 1994. 640 p. (in Russ.).

17. New Russian Encyclopedia. Moscow: Encyclopedia Publ., 2003. Vol. 1. 959 p. (in Russ.).

18. Polyan P. M. The twentieth century: through demographic disasters // Town and village in European Russia: one hundred years of change. Moscow: OGI Publ., 2001. P. 33–62 (in Russ.).

19. Simchera V. M. The economic development of Russia for 100 years: 1900–2000. Historical series, secular trends, institutional cycles. Moscow: Nauka Publ., 2006. 587 p. (in Russ.).

20. Erlikhman V. V. Population losses in the XX century. Directory. Moscow: Russkaya Panorama Publishing House, 2004. 176 p. (in Russ.).

Author

Baranov Evgenij Yurievich — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: eubaranov@yandex.ru).

УДК 355.018

Батырбаева Ш. Д.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В КЫРГЫЗСТАНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА[1]

Статья посвящена изучению демографических катастроф в первой половине XX в. в контексте трансформации этнокультурного пространства Кыргызстана. Актуальность выбранной проблемы обусловлена тем, что до сих пор вне поля зрения остаются этнодемографические аспекты развития страны. Оценку истории Кыргызстана в российско-советский период целесообразно осуществлять в человеческом измерении. Проводимые реформы обусловливали особенности формирования этнокультурных локальных сообществ и непосредственно влияли на демографическую ситуацию. В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа опубликованных и архивных источников, материалов учета населения с использованием экстраполяционного метода было установлено, что демографические потери среди киргизского населения в 1918–1920 гг. превышали численность потерь от Уркун; в начале 30-х гг. XX в. голод на региональном уровне имел такие же масштабы, как на Украине и Поволжье. Использование метода возрастных передвижек в ретроспективе к материалам переписи населения 1979 г. позволило выявить величину естественного прироста киргизов с 1939 по 1959 гг., сделать вывод о том, что потери среди всего населения Кыргызстана в военные и послевоенные годы понесло, главным образом, коренное население республики.

Ключевые слова: Кыргызстан, демографическая катастрофа, этнокультурное пространство, XX век, голод, киргизы

В истории Кыргызстана особое внимание привлекает первая половина XX столетия, когда осуществлялись, как и в других союзных республиках, коренные социально-политические, экономические и культурные преобразования. В то же время эти изменения имели свои отличия, обусловленные тем, что северная часть Кыргызстана стала эпицентром восстания 1916 г. с последующим исходом киргизов в Китай — Уркун. Осуществление массового оседания полукочевых хозяйств киргизов за короткий срок привело к разрушению веками сложившейся инфраструктуры в крае. Сегодня, когда идет переосмысление пройденного пути, разрабатываемые научные концепции во многом противоречивы, иногда полярны в оценках. Одной из главных причин такого состояния, как и в советские годы, является исследование истории республики российско-советского периода лишь в контексте политических, социальных, экономических и культурных процессов, оставляющее при этом вне поля зрения демографические факторы и не учитывающее природно-географических особенностей. А поскольку

[1] ©Батырбаева Ш. Д. Текст. 2018.

биосоциальная сущность человека в значительной мере определяла специфику социального и экономического развития региона, то демографическая ситуация, территориальное размещение и перераспределение населения определяли те генеральные тенденции, в рамках которых формировались этнокультурные локальные сообщества. Для реконструкции этнокультурных локальных сообществ необходимо провести всесторонний многомерный анализ, выявить их внутреннюю сущность и раскрыть закономерности функционирования.

В настоящей статье будут рассмотрены демографические катастрофы в Северном Кыргызстане в 1916–1917, 1932–1933 и 1941–1947 гг. в контексте трансформации этнокультурного пространства. В исследовании данной проблемы будем опираться на разъяснение В.А. Исупова о дефиниции «демографическая катастрофа», согласно которому данный термин количественно характеризуется отчетливо выраженными депопуляциями за счет резкого увеличения смертности и неотъемлемой чертой демографической катастрофы является резкое падение численности населения [4. с. 9–10].

В кыргызстанской историографии достаточно хорошо исследована демографическая катастрофа в результате восстания 1916 г. — «Великого Исхода Уркун». Исследователями называются разные цифры, оценка потерь среди киргизского населения колеблется от 38 тыс. чел. до 150 тыс. чел. Так как численность проживающих в Северном Кыргызстане киргизов не превышала полумиллиона, эти расхождения не очень существенны и до сих пор остаются предметом острой дискуссии [2. с. 40–45]. Согласно нашим результатам, величина демографических потерь в северной части Кыргызстана составила среди коренного населения 10–12 % от проживающих (38–42 тыс. чел.), а среди переселенческого населения свыше 2000 чел., то есть 5 % [2. с. 46–47].

На наш взгляд, чтобы выявить истинные масштабы разразившейся демографической катастрофы, следует исследовать в контексте особенности этнокультурного пространства Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Северного Кыргызстана. Поскольку оно в начале XX в. начало приобретать ячеисто-мозаичные признаки, объединяя на одном географическом пространстве представителей совершенно разных национальных культур. Находясь под большим или меньшим влиянием друг на друга, проживающие в регионе народы в различной степени начали вступать во взаимодействие. В течение полувека после вхождения в состав России населенные пункты здесь появились в основном вдоль трассы и недалеко от уездных центров. Их возникновение было обусловлено, главным образом, необходимостью налаживания сообщения центра с периферией, обеспечения безопасности границ. В ходе столыпинской реформы населенные пункты образовывались исходя из удобного ландшафта к земледелию за счет оттеснения коренного населения от традиционных зимовок в предгорье. Появились моно- и полиэтнокультурные локальные территории. В

результате социально-психологическое ощущение границ этнического пространства киргизов перестало совпадать с формально организованными границами. Такое расширение приводило к появлению скрытой агрессии с обеих сторон, особенно в долинных районах Северного Кыргызстана — в Чуйской долине и прибрежной зоне Иссык-Кульской котловины. Анализ размещения зимовок откочевавших в Китай киргизов показал, что главные причины конфликтов, открытого вооруженного столкновения между переселенцами и местным населением коренились в особенностях формирования этнокультурного пространства. Эти факторы обусловили территориальный охват восстания 1916 г. Его эпицентры в основном находились в полиэтнокультурных локальных территориях, а Уркун охватил и моноэтнокультурные пространства. Вследствие этого в ходе восстания были уничтожены и разорены переселенческие населенные пункты, перекочевали и ушли в Китай жители большинства киргизских волостей. И краевая власть одним из путей преодоления последствий восстания 1916 г. планировала кардинальным образом изменить этнокультурное пространство Северного Кыргызстана путем создания «обособленной от киргиз территории с русским населением не только в границах этнографических, но и географических», и для этого было предложено выселить киргизские семьи из района озера Иссык-Куль, Пржевальского уезда и части Чуйской долины Пишпекского уезда, долины Кемина и переселить в горные районы Тянь-Шаня, образовав Нарынский уезд и оставив Пржевальский уезд с чисто русским населением [6. л. 5]. Планировалось оставить в Нарынском уезде бежавшие сюда 9325 киргизских хозяйств из Пржевальского и 3846 хозяйств из Пишпекского уездов, а также переселить еще 37355 киргизских хозяйств [6, л. 6]. Согласно установленному среднему размеру семьи 5,1 чел., получалось, что к смещению подверглись бы 190510 киргизов. Хотя реализовать данный проект в полной мере в условиях войны было невозможно, но само это намерение краевой власти привело бы к углублению разразившейся в результате восстания катастрофы. За столь короткий период свыше 257 тыс. чел. вынуждены были бы оставить традиционно обжитые пространства, оторваться от привычного образа жизни, привыкать к суровым условиям горной местности, кардинальным образом изменять хозяйственно-культурный тип. Февральская революция приостановила намерение краевой администрации, а с победой Октябрьской революции данный проект не только был отменен, но и были приняты специальные меры для возвращения и обустройства беженцев-киргизов.

В этом плане следует обратить внимание на то, что до сих пор в кыргызстанской историографии вне поля зрения остаются масштабы демографической катастрофы в 1917–1922 гг., главными причинами которой было обездоленное положение беженцев-киргизов, жертвы насильственных смертей, голод, джут, гибель вследствие эпидемий инфекционных болезней [7, с. 375]. Об этом подробно излагалось в докладе капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела Штаба Верховного

Главнокомандующего о гражданской войне в Туркестане: «Небывало суровая зима 1917–1918 года отняла у населения до 75 % всего скота, который у киргиз является единственным кормильцем. Киргизы дошли до того, что продавали своих детей в рабство, главным образом девушек. За 100–200 рублей молодая девушка, часто еще ребенок, отдавалась на растление. Советская власть стала принимать меры в борьбе с голодом. Организовывались по кишлакам общественные столовые, питательные пункты и проч.» [3. с. 20–21]. На сегодня наши исследования показали, что снижение численности киргизского населения установлено Г.К. Кронгардтом в пределах 96114 [5. с. 52], из которых около 60 тыс. приходится на 1918–1920 гг. Об этом косвенно свидетельствуют воспоминания бывшего премьера Туркестанской автономии и бывшего члена правительства «Алаш-Орды»: «В результате голода 1917–1919 гг. во всем Туркестане умерло, по советским источникам, 1 млн 114 тыс. коренных жителей» [8. с. 28].

Следующая демографическая катастрофа 1932–1933 гг., произошла в ходе коллективизации сельского хозяйства и массового оседания кочевых и полукочевых хозяйств. Она охватила равнинные районы Чуйской и Таласской долин и Иссык-Кульской котловины [1. с. 177–185]. Проявилась начальная фаза негативной тенденции в демографическом развитии в результате политики необоснованно завышенных планов заготовок сельскохозяйственных продуктов, хода коллективизации и процесса оседания. В 1932–1933 гг., несмотря на снижение планов сельскохозяйственных заготовок, в результате не только ошибочной политики государства по отношению к крестьянству, но и природных катаклизмов (джута, неурожая) обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов оказались непосильными, что усугубило тяжесть и без того плохого положения сельских жителей. Распространение массовых инфекционных болезней и мобилизация для завершения первой пятилетки всех ресурсов, включая людские, привели к повышению смертности. По всей республике наблюдался скрытый голод, а наиболее сильные его проявления с большими человеческими потерями были в долинных районах Таласа, Чуя, частично в Иссык-Кульской котловине, так как именно они несли основную нагрузку в реализации планов по заготовке хлеба, не имели специальной льготной разнарядки по снабжению хлебом, которая распространялась только в отношении животноводческих и хлопководческих районов республики. Голод, имевший место в Чуйской и Таласской долинах, частично в Иссык-Кульской котловине, носил такой же, как и в Казахстане, угрожающий характер. В этих районах также в основном размещались мигрировавшие из-за голода жители Сибири и Казахстана. Это усугубляло не только тяжелое положение по обеспечению хлебом местного населения, но еще и приводило к распространению эпидемических заболеваний, которые, как известно, дают всплеск в такие неблагополучные годы. И, наконец, именно с территории этих регионов из-за близости к центральным трассам

осуществлялся беспрепятственно незаконный вывоз хлеба. На основе нашего ранее проведенного исследования, общие демографические потери за 1933 г. составили 35,6 тыс. человек, при отдельном рассмотрении во Фрунзенской области потери вследствие голода составили 16,5 %, в Иссык-Кульской — 5,2 %. В Тянь-Шаньской области за счет однородности этнокультурного пространства и хозяйства — скотоводства киргизы избежали массового голода, среди них сверхсмертность не наблюдалась. В целом за рассматриваемый период демографические потери киргизского населения республики составили 4,1 %, снизив естественный прирост за 1933 г. на 2,5 %.

Следующая демографическая катастрофа разразилась в годы Великой Отечественной войны. В начале войны в республике проживали 1615,8 чел., из них на фронт были мобилизованы 363 тыс. чел. Среди мобилизованных погибшие составили свыше 160 тыс. чел., то есть 10 % от всего населения республики. Последствия войны катастрофически сказались на демографических процессах, вследствие чего величина косвенных демографических потерь (недород) для Кыргызстана была также значительна, как и убыль среди тылового и мобилизованного населения.

Как и во всех республиках Союза, среди гражданского населения резко возросла смертность, прежде всего, младенческая. На повышение смертности социальные факторы оказали более значительное влияние, чем биологическим компонентом. Шло резкое ухудшение социально-экономических условий жизни населения, в первую очередь, за счет снижения обеспечения продовольственными товарами и увеличения физической нагрузки, приводившим к истощениям. Кроме того, резко сократилось снабжение лекарственными препаратами. Все это вызвало новую волну эпидемических болезней. С 1941 г. по 1945 гг. ежегодный прирост за весь рассматриваемый период снизился в среднем на 76 %, а в 1944 г. была зафиксирована самая низкая рождаемость за все годы войны, отрицательный естественный прирост по республике составил 4005 чел. [9, л. 29]. На 1 января 1946 г. численность населения республики составляла 1469 тыс. чел. то есть, с 1 января 1941 г. по 1 января 1946 г. общая численность населения снизилась до 146,8 тыс. чел. Если учесть, что механический прирост населения республики в это время составлял 55,3 тыс. чел. без учета прибывших извне во время войны, отрицательный рост численности населения составил 202,1 тыс. чел. В целом, наше исследование на основе изучения первичных данных текущего статистического учета показывает, что убыль среди населения в годы войны составила в республике 217,2 тыс. чел.

Нами были проведены исследования по выявлению темпа роста численности киргизского населения с 1939 г. по 1959 г. с использованием методов экстраполяционного исчисления [1, с. 187]. Для этого были привлечены еще и материалы переписи населения 1979 г., в которых впервые после переписи 1926 г. с учетом этнической структуры показан возрастной состав в 10-летнем интервале. Согласно нашим исследованиям, численность

рожденных среди киргизского населения за период 1939–1959 гг. условно по данным переписи населения в 1979 г. составила 376273 чел., а общий прирост киргизов за межпереписной период всего 82508 чел. Тем самым, среди киргизов, рожденных с 1939 г. по 1959 г. смертность превысила рождаемость, людские потери составили не менее 293765 чел. Основная часть установленных потерь относилась к периоду войны и можно предположить, что ранее установленная нами величина людских потерь в годы Великой Отечественной войны главным образом относится к коренному населению нашей республики.

Таким образом, в истории Кыргызстана на относительно коротком временном отрезке (1916–1945 гг.) восстание 1916 г., гражданская война, социалистические преобразования, Великая Отечественная война вызвали в демографической сфере кризисы, а в отдельных регионах — катастрофы, главными причинами которых явились необдуманные решения властных структур как на центральном, так и на региональном уровне. Прямым следствием стало кардинальное изменение этнокультурного пространства, нарушение эволюционного этнодемографического развития. И для объективной оценки пройденного пути в российско-советский период, необходимо, на наш взгляд, во-первых, осуществлять оценку реформ, проводимых в разные исторические эпохи, в человеческом измерении; во-вторых, учитывать, что зачастую реформы проводились под негласным лозунгом «цель оправдывает средства», и в их изучении разграничивать каждый этап реализации рассматриваемых реформ; в-третьих, проводить исследование на микроуровне, с учетом конкретной обстановки, поскольку на локальном уровне проявляется прямое воздействие географического пространства, в котором четко обозначенные границы (внешние и внутренние) могут со временем изменяться в связи с изменением административно-территориального устройства государства и его экономических, политических, культурных интересов.

Список источников

1. *Батырбаева Ш. Д.* Эпоха сталинизма в человеческом измерении. — М.: РОССПЭН, 2010. — 215 с.

2. *Батырбаева Ш. Д.* Теоретико-методологические аспекты исследования демографических последствий восстания 1916 г. в Северном Кыргызстане // Туркестанское восстание 1916 г. Факты и интерпретации. Мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. Ю. А. Петров. — М.: [ИРИ РАН], 2016. — С. 38–51.

3. Доклад капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела Штаба Верховного Главнокомандующего о гражданской войне в Туркестане. № 137. 9 апреля 1919 г. // Посев. — 2013. — № 2. — С. 20–21.

4. *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — 244 с.

5. *Кронгардт Г. К.* Демографические аспекты истории восстания 1916 года в Кыргызстане // Восстание 1916 года в Кыргызстане. — Бишкек, 1993. — 75 с.

6. Протокол совещания под председательством Туркестанского генерал-губернатора А. Н. Куропаткина по вопросу о выселении участников «киргизского» восстания из Пржевальского, Пишпекского и Джаркентского уездов Семиреченской области в Нарынский край. 16 октября 1916 г. // РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 43. Л. 5.

7. Резолюции общеказахского съезда. г. Оренбург, 21–26 июля 1917 г. // Движение Алаш. Сб. докум. и мат-лов. — Алматы, 2004. — Т. 1. — 375 с.

8. Чокай-оглы Мустафа. Туркестан под властью Советов. Статьи, воспоминания. — Алма-Ата, 1993. — 300 с.

9. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 10 с. Д. 31. Л. 29.

Информация об авторе

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна — доктор исторических наук, профессор Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызская Республика, Бишкек,720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе — 547 batyrbaeva@university.kg)

Batyrbayeva Sh. D.

Demographic Catastrophes in the First Half of the XX Century in Kyrgyzstan and their Effect on the Transformation of the Ethno-Cultural Space

The article is devoted to the study of demographic disasters in the first half of the 20th century. in the context of the transformation of the ethnocultural space of Kyrgyzstan. The urgency of the chosen problem is due to the fact that ethnodemographic aspects of the country's development remain out of the field of view. It is advisable to evaluate the history of Kyrgyzstan in the Russian-Soviet period in the human dimension. The reforms carried out determined the specific features of the formation of ethnocultural local communities and directly influenced the demographic situation. Having carried out comparative-comparative analysis of published and archival sources, population accounting materials, using the extrapolation method, it was established that the demographic losses among the Kyrgyz population in 1918–1920. exceeded the number of losses from Urkun; in the early 30-ies of the twentieth century. hunger at the regional level had the same scale as in Ukraine and the Volga region. Using the method of age shifts in retrospect to the materials of the 1979 census, the amount of natural growth of Kyrgyz from 1939 to 1959 was revealed, it was concluded that the losses among the entire population of Kyrgyzstan in the military and post-war years are mainly related to the indigenous population of our republic.

Keywords: Kyrgyzstan, demographic catastrophe, ethnocultural space, 20th century, famine, Kyrgyz

References

1. Batyrbayeva Sh. D. The era of Stalinism in the human dimension. — Moscow: ROSSPEN, 2010. — 215 p.

2. Batyrbayeva Sh. D. Theoretical and methodological aspects of the study of the demographic consequences of the 1916 uprising in Northern Kyrgyzstan // Turkestan Uprising of 1916: facts and interpretations. Materials of the Intern. sci. Conf. / otv. Ed. Yu. A. Petrov. — M. : [IRI RAS], 2016. — P. 38–51.

3. Report of Captain Bezobrazov to the Chief of Intelligence of the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief on the Civil War in Turkestan. No. 137. April 9, 1919 // Sowing. — 2013. — № 2. — P. 20–21.

4. Isupov V. A. Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the twentieth century: Historical and demographic essays. — Novosibirsk: The Siberian Chronograph, 2000. — 244 p.

5. Krongardt G. K. Demographic Aspects of the History of the Uprising of 1916 in Kyrgyzstan // The Uprising of 1916 in Kyrgyzstan. — Bishkek, 1993. — 75 p.

6. The minutes of the meeting chaired by Turkestan Governor-General A. N. Kuropatkin on the eviction of participants in the "Kyrgyz" uprising from the Przhevalsky, Pishpeksky and Jarkent districts of the Semirechye region to the Naryn region. October 16, 1916 // RGIA. F. 391. Op. 6. D. 43. L. 5.

7. Resolutions of the General Cossacks Congress. Orenburg, July 21–26, 1917 // Movement Alash: collection of documents and materials. — Almaty, 2004. — T. 1. — 375 p.

8. Chokai-ogly Mustafa. Turkestan under the rule of the Soviets. Articles, memories. — Alma-Ata, 1993. — 300 p.

9. TsGA KR. F. 105. Op. 10s. D. 31. L. 29.

Author

Batyrbayeva Shayyrkul Djoldoshevna — doctor of historical sciences, professor Kyrgyz National University named after. J. Balasagyna 720033, Bishkek, ul. Frunze — 547. E-mail: batyrbaeva@university.kg.

УДК 314.148(470) «19/20»

Бахарев Д. С.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЛАДЕНЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.[1]

В рамках статьи рассмотрена дифференциация младенческой смертности на Урале в зависимости от типа поселения — сельского, заводского или городского. Источником послужили база данных «Регистр населения Урала», включающая данные метрических книг Вознесенского прихода Екатеринбурга, и опубликованные сведения Центрального статистического комитета МВД и местных земств. В результате анализа составленных динамических рядов выдвинуто предположение, что в начале XX в. значительное сокращение коэффициента младенческой смертности в Пермской губернии было достигнуто, по-видимому, за счет снижения, в первую очередь, уездной младенческой смертности на фоне стагнирующей городской. Также сформирована гипотеза о ведущей роли заводской местности в сокращении младенческой смертности: смертность грудных детей в заводских волостях была заметно ниже городской и сельской уже в конце XIX в.

Ключевые слова: историческая демография, история Урала конца XIX — начала XX вв., младенческая смертность, демографический переход

Начиная с 1860-х гг. в Российской империи вкупе с развитием статистических органов и земского движения серьезные масштабы приняла практика медико-демографических обследований населения. Как результат, до этого не замечаемые и потому не воспринимавшиеся в качестве реальных проблем явления — сверхвысокая смертность некоторых групп населения, инфекционная заболеваемость, гигиеническая безграмотность — резко превратились в предмет внимания прогрессивной общественности. В числе таких явлений первое место безусловно принадлежало младенческой смертности. После осознания масштабов бедствия современники характеризовали ее не иначе, как перманентную катастрофу: Н.А. Рубакин называл процент умиравших детей «громадным» [8, с. 45], а один из первых русских педиатров Д.А. Соколов открыто заявлял о «вымирании детей в России» [9, с. 26]. Однако в Российской империи, державшей первое место в Европе по уровню младенческой смертности, находились места, по сравнению с которыми общая ситуация признавалась даже удовлетворительной. Главным подобным регионом являлся Урал, а точнее — Пермская и Вятская губернии, где в конце XIX — начале XX вв. ежегодно вымирало до половины родившихся младенцев. Проблема сверхвысокой младенческой

[1] © Бахарев Д. С. Текст. 2018.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант № 16–18–10105 «Этнорелигиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX — начале XX в. на примере Урала и Скандинавии».

смертности на Урале этого периода была в полной мере осознанна уже современниками. Именно Пермская губерния, долгое время остававшаяся лидером по этому показателю в Российской империи, была сначала центром зарождения «Союза для борьбы с детской смертностью в России» под руководством екатеринбургского земского врача Н. А. Русских [5, с. 81–82], а в годы войны стала ведущим регионом страны по масштабу и качеству организации ясельного дела — важнейшего фактора в борьбе против детской смертности [3]. Эти меры, а также множество не упомянутых, безусловно приносили свои плоды, однако исходный уровень младенческой смертности был таков, что даже снижаясь рекордными темпами, коэффициент младенческой смертности[1] оставался одним из самых высоких в стране. В этом случае становится интересно взглянуть на внутреннюю географическую и административную дифференциацию процесса: ведь не вызывает сомнения, что он также неравномерен и неодинаков в разных частях губернии и уезда, как неодинакова была смертность грудных детей в разных частях Империи.

Таким образом, целью исследования является изучение дифференциации младенческой смертности на Урале в конце XIX — начале XX вв. в соответствии с географией и административным статусом местности. Объект исследования — Екатеринбургский уезд и его столица. Подобный выбор объясняется наличием уникального источника сведений о смертности населения Екатеринбурга указанного периода — базы данных «Регистр населения Урала», созданной в Уральском федеральном университете в рамках проекта «Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX — начале XX вв.» [1]. Главным источником сведений для этой базы данных послужил корпус метрических книг Екатеринбурга, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области. В нашем случае основной интерес представляет часть «Об умерших» из метрических книг православного Вознесенского прихода[2]. Информация же о младенческой смертности в Пермской губернии и Екатеринбургском уезде была взята, в свою очередь, из опубликованных до Революции изданий земств, губернского статистического комитета и Центрального статистического комитета МВД. Главным методом исследования выступил графический анализ динамических рядов.

На рубеже XIX и XX вв. Пермская губерния и входивший в нее Екатеринбургский уезд находились в числе лидеров по уровню младенческой смертности в Российской Империи. Однако в начале нового столетия коэффициент младенческой смертности начинает стремительно падать: с 437 ‰ в 1886–1897 до 320 ‰ в 1908–1910 гг. Это значительно опережает темпы снижения КМС в остальных европейских губерниях Империи, где за тот же период произошло снижение с 274 до 253 ‰, т. е. на 21 пункт против

[1] Коэффициент младенческой смертности (КМС) — показатель, отражающий количество детей, умерших в возрасте до 1 года на 1 000 новорожденных за один год.

[2] Православные в этот период никогда не составляли менее 95% населения Екатеринбурга.

Таблица 1

Коэффициент младенческой смертности в Российской империи и Пермской губернии, ‰*

Территория	Коэффициент младенческой смертности по годам	
	1886–1897	**1908–1910**
Пермская губерния	437	320
Российская империя	274	253

* Составлено по: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 195.

Таблица 2

Коэффициент младенческой смертности в Пермской губернии и Екатеринбургского уезда, ‰*

Территория	Коэффициент младенческой смертности по годам	
	1891–1899	**1901–1910**
Пермская губерния	417	327
Екатеринбург. уезд	405	305

* Составлено по: Пояснительный текст к экспонатам Пермского губернского земства к Всероссийской выставке гигиены 1913 г. СПб., 1913. С. 7.

117 на Урале (см. табл. 1). Общее медленное, но стабильное сокращение младенческой смертности, по мнению многих исследователей, укладывается в теорию первого эпидемиологического перехода в России, стартовавшего в конце XIX в., но прерванного потрясениями нового века [4]; отчасти его эффект был замечен уже современниками [7, с. 180–187]. Намного более сильный эффект от этого процесса в Пермской губернии объясняется колоссальным резервом для снижения КМС. Екатеринбургский уезд в ее составе сокращал смертность похожими темпами, на 100 ‰ за двадцатилетний период 1891–1910 гг. (табл. 2).

Таким образом, по нашему мнению, не вызывает никаких сомнений факт серьезного сокращения младенческой смертности в Пермской губернии в начале XX в. Сомнительно, что снижение КМС на 100 ‰ являлось случайной флуктуацией или результатом удачного сочетания случайных факторов. Младенческая смертность же Екатеринбургского уезда и вовсе была средней для губерний Центральной России того времени (например, почти такие же показатели зафиксированы для Владимирской, Тверской и Калужской губерний в 1908–1910 гг.). Зная о безусловном преобладании сельского населения в уезде (почти 90 % по переписи 1897 г.) и опираясь на существующее в науке мнение о прогрессивной роли городов в деле снижения младенческой смертности, можно предположить, что смертность малых детей в Екатеринбурге — столице уезда — еще меньше. Использование данных БД «Регистр населения Урала», а именно ее части, регистрирующей младенческую смертность православного Вознесенского прихода Екатеринбурга, продемонстрировало значительно отличающуюся картину (рис. 1).

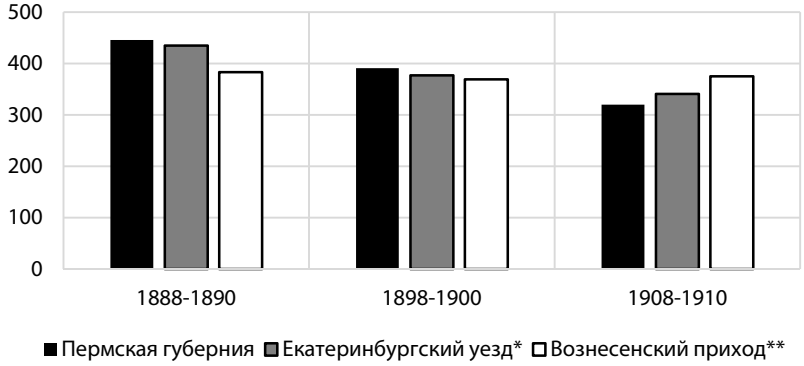

Рис. 1. *Коэффициент младенческой смертности в Пермской губернии, Екатеринбургском уезде и Вознесенском приходе (*в третьем случае — для периода 1909–1910 гг.; **в первом случае — для периода 1889–1890 гг.) (составлено по: Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1901 год. Ч. 2. Екатеринбургский уезд. Пермь, 1906; Движение населения в европейской России 1888–1890, 1909–1910 (Статистика Российской империи); Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 195–196; База данных «Регистр населения Урала»)*

Данные фиксируют обратное — стагнацию на протяжении всего исследуемого периода городского КМС на фоне стремительно снижающейся младенческой смертности в уезде и губернии в целом. Представленный рисунок составлен уже на основе трехлетних периодов; здесь пропадает прежде заметное преимущество уезда перед губернией, что, видимо, нужно связать с максимально благополучными годами между 1900 и 1908 гг., чей эффект для уезда пропадает при расчете показателя для последней трехлетки первого десятилетия XX в. Объяснение полученных результатов, как нам видится, следует искать в деятельности земств, которые работали преимущественно именно в сельской местности; особенную эффективность им придавал уже упомянутый передовой характер именно уральских земских организаций.

Специфика некоторых опубликованных земских данных позволило нам провести еще более глубокий анализ, теперь уже на уровне волостей Екатеринбургского уезда. Этот подход выявил еще более интересные результаты: для периода 1891–1900 гг.: оформилось совершенно явное различие между сельскими и заводскими волостями (рис. 2).

Если для сельских территорий средний КМС составляет 470 ‰, то для заводских — лишь 364 ‰. Для сравнения приведен также КМС Градо-Екатеринбургского прихода (Мостовской волости) для 1891–1895 гг., зафиксированный в этом же источнике. Причины выявленного феномена, возможно, лежат в особенных чертах земской медицины на Урале: в отличие от иных губерний в горнозаводском крае в распоряжении земств, или

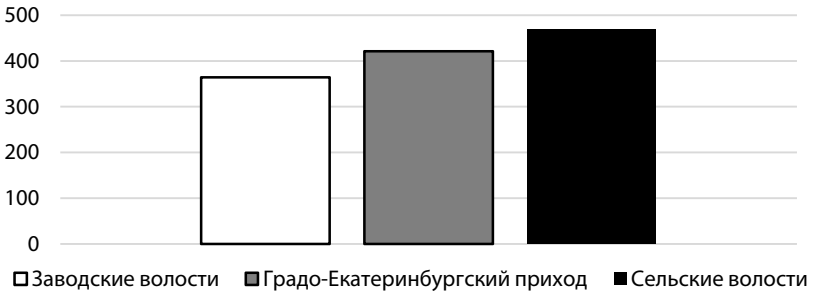

Рис. 2. *КМС заводских и сельских волостей Екатеринбургского уезда в 1891–1900 гг. и Градо-Екатеринбургского прихода (Мостовской волости) в 1891–1895 гг. (Составлено по: Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1901 год. Ч. 2. Екатеринбургский уезд. Пермь, 1906)*

в качестве параллельной системы, уже существовала сеть капитальных заводских медицинских учреждений с профессиональным персоналом [11]. Кроме того, свою роль мог сыграть характер заводского населения, как правило, более образованного и секулярного, чем сельское.

По итогам проведенного исследования можно сформулировать некоторые выводы. Во-первых, выявлены любопытные черты первого эпидемиологического перехода на Урале. Снижение младенческой смертности здесь, вопреки общепринятым представлениям, возможно, началось с сельско-заводской местности, а не с города — столицы уезда. Причины этого явления нужно искать в развитии уездной земской медицины, а также перенаселенности и антисанитарии Екатеринбурга. Во-вторых, подразделение младенческой смертности на уровне волостей дает основание предположить, что подлинным драйвером сокращения смертности младенцев в регионе были именно заводы, обладавшие более развитой медициной и «продвинутым» населением. Косвенным подтверждением этого является то, что лидерами по уровню КМС в Пермской губернии часто становились традиционные сельскохозяйственные уезды [5, с. 81]. К сожалению, мы не располагаем структурированными по волостям данными о младенческой смертности в уезде уже в XX в., чтобы проследить эту закономерность далее и выдвинуть более обоснованную гипотезу. Также в распоряжении авторов отсутствуют данные о младенческой смертности в губернии и уезде после 1910 г., что затрудняет дальнейший анализ. В литературе фигурируют сведения о стремительном повышении КМС в губернии и уезде именно в этот период [5, с. 81; 2, с. 104]. Не располагая качественными статистическими данными, мы лишь можем предположить, что в этом случае свою роль сыграли серьезный неурожай 1911 г. [6, с. 89], введение в 1910 г. платы за пользование услугами земской медицины [10, с. 403–404] — важнейший, но редко фигурирующий в литературе фактор, и, разумеется, разразившаяся в 1914 г. Первая мировая война.

Список источников

1. *Главацкая Е. М., Боровик Ю. В., Бахарев Д. С., Заболотных Е. А., Бобицкий А. В., Вишневская А. В.* Смертность в старом Екатеринбурге. Опыт создания БД по материалам метрических книг // Цифровая гуманитаристика. Ресурсы, методы, исследования. — Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): в 2 ч. — Ч. 2. — Пермь, 2017. — С. 88–91.

2. *Голикова С. В.* Высокая смертность на дореволюционном Урале. Структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность. — Сб. науч. тр., вып. 5. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. — С. 99–104.

3. *Голикова С. В.* Социалка, взращенная войной. Распространение детских яслей на Урале в Первую мировую // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 1 (42). — С. 69–73.

4. *Исупов В. А.* Эпидемиологический переход в России. Взгляд историка // Демографическое обозрение. — 2016. — № 4. — С. 82–92.

5. *Корнилов Г. Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 3 (44). — С. 80–89.

6. *Круглов В. Н.* Царь-голод. Факты против мифов // Сборник Русского исторического общества. — 2011. — № 11 (159) / отв. ред. И. А. Настенко. — М. : Русская панорама. — С. 87–106.

7. *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. — Петроград : Типография Министерства внутренних дел, 1916. — [2], 208 с.

8. *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. — СПб. : Изд-во «Вестник Знания» (В. В. Битнера), 1912. — 216 с.

9. *Соколов Д. А., Гребенщиков В. И.* Смертность в России и борьба с нею. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1901. — [4], 77 с.

10. Труды X-го съезда врачей и представителей земств Пермской губернии (20–29 мая 1910 года). Ч. 3. Делегатские доклады. — Пермь, 1910. — [3], 477 с.

11. *Шестова Т. Ю.* Развитие здравоохранения в Пермской и Вятской губерниях в конце XIX — начале XX веков // Historia Provincae. Журнал региональной истории. — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 24–39.

Информация об авторе

Бахарев Дмитрий Сергеевич — магистрант второго года обучения, Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург, ул. Ленина 51; e-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru).

Bakharev D. S.

Differentiation of Infant Mortality According to Locality Type in Ekaterinburg Uezd around 1900

This article considers differences of infant mortality in Ekaterinburg uezd around 1900 according to administrative type of locality — village, city and zavod. The source materials of research are database Ural Population Project (city data) and pre-revolutionary publishing state and zemstvo statistics (village and zavod data). After visual analysis of dynamics author made conclusion about rural process as the main component of infant mortality decline in uezd in the beginning of 20th century. In addition to it author developed a hypothesis about zavod localities as the possible leaders of infant mortality decline — in the end of XIX century these territories had the least IMR in uezd due to their better health care system.

Keywords: historical demography, history of Urals in end of XIX — beginning of XX centuries, infant mortality, demographic transition.

Author

Dmitry Bakharev — 2-year master student, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg 51 Lenina Ave, Yekaterinburg; e-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru).

УДК 94 (571.1):314.4

Бурматов А. А.

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1950–1970 ГГ.[1]

В статье рассматриваются изменения в смертности населения Западной Сибири в 1950–1970 гг. Прослеживается динамика общего показателя смертности, анализируются эволюционные изменения в смертности младенцев, изменения в структуре смертности по причинам, как всего населения, так и детей до 1 года. Позитивные процессы, протекавшие в населении Западной Сибири, способствовали росту средней продолжительности жизни населения, постепенному сокращению разрыва с другими регионами России. Основные источники, на которых базируется исследование, — официальные ответы Территориальных органов государственной статистики регионов, входящих в Западную Сибирь, на запрос автора. Материалы, предоставленные статистическими органами, составлены по одинаковому набору показателей: численность населения, с выделением городского и сельского, абсолютные числа родившихся, умерших, в том числе до 1 года с разбивкой на городское и сельское населения и показатели движения населения, в том числе младенческая смертность (всего населения, по городскому и сельскому населению). Значительная часть данных ранее использовалась исключительно «для служебного пользования» и была недоступна для исследователей.

Ключевые слова: Западная Сибирь, смертность, младенческая смертность, продолжительность жизни

Работ по смертности населения Западной Сибири немного. Наиболее интересным представляется исследование экономистов, в котором основной акцент делается на уровне жизни и трудовых ресурсах, попутно рассматривается естественное движение, в рамках которого уделяется место смертности [13]. В книге Е.М. Левицкого приведены расчеты продолжительности жизни населения Сибири и Дальнего Востока, полученные им на основе итогов переписи 1959 г. и данных текущего учета [10]. В дальнейшем такие исследования не были осуществлены. Монографии Е.Л. Малинина, А.К. Ушакова, изданной в период наиболее сильных цензурных ограничений, смертности не могло быть уделено много места [11]. В коллективных монографиях «Население Западной Сибири в XX веке» [12] и «Демографической истории Западной Сибири» периоду 1964–1970 гг. уделено немного внимания [8, с. 217–279]. А.А. Бурматов исследовал демографические тенденции в регионе [1–3]. О.Б. Дашинамжилов рассмотрел смертность городского населения Западной Сибири [7]. Ю.А. Григорьев рассмотрел методологические принципы построения таблиц смертности для отдельных городов и регионов [6]. Врач Л.Ф. Ковтуненко проанализировала смертность от внебольничных абортов [8]. Актуальной является и статья А.М. Вострикова, возглавлявшей в свое время отдел статистики

[1] ©Бурматов А. А. Текст. 2018

населения ЦСУ СССР, в ней содержатся принципы проверки полноты качества учета демографических событий [5].

Основными источниками для исследования являются официальные публикации итогов переписей населения и данных текущей статистики, а также материалы архивных фондов статистических органов регионов Западной Сибири. В управления статистики стекалась вся информация с мест. Здесь она перепроверялась, обрабатывалась, составлялись отчеты, справки. В статуправлениях аккумулировалась также переписка между органами власти и статистической службой. Каждый территориальный статистический орган производил расчеты, составлял динамические ряды по численности населения, рождаемости, смертности, которые иногда отличались от данных ЦСУ РСФСР.

В фондах статистических управлений в госархивах Западной Сибири проявляется недостаток — отсутствие статистической информации о численности населения регионов за 1950–1958 гг., не всегда рассчитаны показатели естественного движения. В Государственном архиве Новосибирской области в фондах статуправления области (Ф. 11) рассчитаны показатели естественного движения по области, но расчеты базируются на итогах переписи населения 1939 г., которые к 1950 г. безнадежно устарели. В Историческом архиве Омской области в фонде управления статистики Омской области (Ф. 2122) данные по численности населения за 1950–1958 гг. отсутствуют, не рассчитаны относительные показатели естественного движения. Исходя из этого, был произведен запрос непосредственно в статистические органы регионов, входящих в Западную Сибирь. Официальные ответы содержали данные о численности населения, абсолютные показатели о числе родившихся и умерших, в том числе до года, показатели естественного движения за 1950–1970 гг. Не смогли предоставить информацию статистики Горного Алтая. Западная Сибирь принимается согласно экономическому районированию тех лет: в нее входили Алтайский край (с Горно-Алтайской АО), Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области[1].

В 1950-е гг. были достигнуты большие успехи в здравоохранении. Результатом этого стало значительное сокращение смертности. В целом по СССР с 1950 г. по 1960 г. смертность сократилась на 26,8 %. Таких низких показателей страна еще не знала. Продолжительность жизни увеличилась с 61,7 года в первой половине 1950-х гг. до 68,4 во второй [15, с. 362]. В 1960 г. новорожденному предстояла жизнь в 69,5 лет. Существовавший недоучет смертности несколько завышал данный показатель. В таблице 1 показана динамика смертности населения в Западной Сибири за весь рассматриваемый период. Если в 1950 г. общие показатели смертности в городе и селе не отличались, то в последующие годы ситуация стала меняться. Уже в 1951 г. отмечен прирост смертности на селе, так как отмечались признаки голода у сельского населения и улучшалась точность регистрации.

[1] Народное хозяйство РСФСР в 1964 г. М., 1965. С. 28.

Таблица 1

Смертность населения Западной Сибири в 1950–1970 гг.*

Год	Смертность по категориям населения		
	Все население	Город	Село
1950	11,9	11,8	11,9
1951	11,9	11,1	12,7
1952	10,7	9,8	11,6
1953	9,6	8,8	10,3
1954	9,2	8,1	10,2
1955	9,1	8,1	10,2
1956	7,6	6,7	8,4
1957	7,7	6,7	8,6
1958	7,1	6,5	7,8
1959	7,3	6,9	7,8
1960	6,8	6,4	7,3
1961	7,0	6,5	8,0
1962	7,0	6,5	7,6
1963	6,5	6,1	7,3
1964	6,6	6,3	6,9
1965	6,8	6,4	7,2
1966	6,9	6,6	7,3
1967	7,1	6,7	7,7
1968	7,4	7,0	7,9
1969	7,8	7,5	8,3
1970	7,9	7,5	8,8

* Рассчитано по данным ответов на запрос Алтайкрайста № ВТ-22–22/673-ДР от 22.09.2015; Кемеровостата №. 06–35/201 от 15.09.2015; Новосибирскстата № 06–56–20/1220-Д8 ; 20–06–10/238 от 30.10.2015; Омскстата № ЕШ-57–06/684-ОГ от 30.09.2015; Томскстата № СК-72–13/1264 ДР от 11.09.2015 и № СК-72–02/251-ДР от 13.02.2018. Без Горного Алтая (в дальнейшем — территориальные органы статистики).

Колебания чисел родившихся в условиях высокой младенческой смертности также влияли на уровень общей смертности. Влияние на смертность оказывали аборты. Летальность от нелегального аборта была высокой 13,6 %. [5, с. 6]. В городах тенденция снижения смертности не прерывалась до 1959 г., когда ее уровень несколько увеличился из-за эпидемии гриппа и более точного учета в ходе проведения переписи населения и контроль за регистрацией демографических событий существенно возрос. В сельских местностях смертность снизилась в 1952 г. и 1953 г. после чего стабилизировалась. Период нового снижения начался с 1956 г. и продолжился до 1964 г., хотя иногда прерывался приростом смертей из-за точности учета.

В первой половине 1950-х гг. смертность снижалась в основном в возрасте от года до 40 лет. Процентное увеличение на 10 пунктов доли умерших в старшей возрастной группе связано на 55,7 % со снижением доли

умерших младенцев и на 44,3 % — умерших в возрасте старше 55 лет. Рост доли умерших в возрасте 50–59 лет на протяжении всего периода объясняется тем, что у этих лиц снижение показателей смертности было меньшим. Кроме того, численно эта возрастная группа постоянно росла быстрее, чем население в целом. Абсолютное число умерших в возрасте 50–59 лет было стабильным до 1957 г. Затем оно стало увеличиваться.

Темп сокращения смертности в Новосибирской области после 1953 г. был более высоким, чем в целом по СССР и России. В 1950-е гг. в Западной Сибири сложилась более молодая возрастная структура населения, чем в СССР и РСФСР. Действительная смертность (показатель — обратный продолжительности жизни) в области превышала общесоюзную, так как продолжительность жизни находилась на более низком уровне (табл. 2). Тенденции в динамике смертности за изучаемый период были противоречивы. В 1958–1959 гг. средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири составляла 67 лет, в том числе для мужчин — 63, для женщин — 71 год. В СССР аналогичные показатели были 69, 64 и 72 года соответственно. Показатели средней продолжительности жизни в Западной Сибири не отличались от показателей Российской Федерации [10, с. 20, 37, 41, 45, 73, 77, 81, 85, 89, 93]. Расчеты завышали реальную продолжительность жизни населения. Контрольными проверками в 1964 г. в СССР был установлен размер недоучета смертности в 4,4 % (в городах — 1,2 %, в сельской местности — 5,9 %), в РСФСР — 3,4; 1,2 и 4,7 % соответственно. Статистики в отчетах сообщали о большом количестве случаев рождений и смертей, зарегистрированных во втором и третьем кварталах года, следующим за отчетным. Такие случаи в годовую отчетность не попадали. Естественный прирост несколько завышался. Недоучет демографических событий наблюдался повсеместно. В 1970 г. в ходе проведения переписи в Новосибирской области контрольной проверкой выяснилось, что во всех районах существует недоучет событий[1].

На протяжении 1950-х — 1970 гг. младенческая смертность в Западной Сибири, по данным регистрации, была выше, чем в СССР. Сказывалось отставание в экономическом и социальном развитии восточных районов страны. Кроме того, в регионе существовала более точная регистрация смерти младенцев, особенно в первый месяц жизни, чем в СССР. Темпы снижения младенческой смертности были в области выше, чем по СССР. Только в 1957 г. показатели в Западной Сибири почти не отличались от общесоюзных.

За десятилетие в динамике младенческой смертности произошел перелом. Рассмотрим на примере Новосибирской области. Смертность детей до года сократилась в Новосибирске с 1950 г. по 1960 г. в 4,1 раза, в других городах и поселках городского типа — в 2,9 раза, в сельской местности — в 2,4 раза. Таким образом, основной выигрыш от улучшения медицинского обслуживания получили жители областного центра, в меньшей

[1] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 11. Оп. 3. Д. 8668. Л. 22.

Таблица 2

Средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири в 1958–1959 гг., лет*

Регион	Продолжительность жизни по группам населения			Разница, гр. 4 к гр. 3
	все население	мужчин	женщин	
Западная Сибирь	67,39	62,62	71,53	8,91
Городское	67,47	62,69	71,42	8,73
Сельское	67,34	62,53	71,47	8,94
Алтайский край	67,44	62,80	71,32	8,52
Кемеровская область	67,38	62,70	71,59	8,89
Новосибирская область	67,31	62,41	71,39	8,98
Омская область	67,58	62,95	71,45	8,50
Томская область	66,85	62,44	70,65	8,21

* [10, с. 20, 37, 41, 45, 73, 77, 81, 85, 89, 93]. Расчет для обоих полов произведен по удельному весу в населении мужчин и женщин.

степени — жители сел. Однако в конце десятилетия именно в селах и малых городах темпы сокращения младенческой смертности были выше. Окончательного выравнивания по внутриобластным регионам не произошло. Экологические проблемы еще не были обострены, а медицинское обслуживание в селах было хуже. В более поздний период выигрыш от состояния экологии в селе и небольших городах стал более значительным. Вследствие этого в целом по области с середины 1960-х гг. смертность детей до года оказалась в селах ниже, чем в Новосибирске. Снижение смертности по возрастам происходило неравномерно. Доля умерших детей до года в 1950 г. была выше примерно на четверть, чем умерших в возрасте 60 лет и старше. К 1960 г. доля умерших стариков и пожилых стала в 3,5 раза выше, чем в 1950 г. К этому году число умерших старых и пожилых людей составило почти половину всех смертей. Резкое сокращение младенческой смертности произошло в 1955–1960 гг. (табл. 3).

В первой половине 1950-х гг. смертность снижалась в основном в возрасте от года до 40 лет. Процентное увеличение на 10 пунктов доли умерших в старшей возрастной группе связано на 55,7 % со снижением доли умерших младенцев и на 44,3 % — умерших в возрасте старше 55 лет. Рост доли умерших в возрасте 50–59 лет на протяжении всего периода объясняется тем, что у этих лиц снижение показателей смертности было меньшим. Кроме того, численно эта возрастная группа постоянно росла быстрее, чем население в целом. Абсолютное число умерших в возрасте 50–59 лет было стабильным до 1957 г. Затем оно стало увеличиваться.

Ситуация в целом по стране в 1960-е гг. была противоречивой. В начале 1960-х гг. почти повсеместно наблюдалось снижение смертности, хотя

Таблица 3

Младенческая смертность в Новосибирской области (1950–1960 гг.)*

Год	Число умерших детей до 1 года							
	Всего		Новосибирск		Прочие города		Села	
	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1950	7352	114	2302	128	1000	108	4050	109
1955	4981	77	1038	57	719	72	3224	88
1956	3291	52	665	39	434	46	2192	59
1957	2901	47	609	36	424	47	1868	53
1958	2758	45	689	37	422	47	1647	48
1959	2777	46	...	35	...	47	1677	52
1960	2092	35	609	31	339	37	1144	37

* Естественное и механическое движение населения Новосибирской области. Новосибирск: Облстат, май 1968. С. 17, 22–23; Численность населения и развитие здравоохранения Новосибирской области. Новосибирск: Облстат, октябрь 1959. С. 22. Расчет младенческой смертности произведен по формуле РАТСа для регионов с высокой младенческой смертностью, т. е. с весами 1/3 числа умерших предыдущего года рождения и 2/3 — текущего года рождения.

оно и прерывалось эпидемиями гриппа. Последний уносил много жизней из-за вызываемых им осложнений и ослабления организма. Показатели смертности достигли уровня одного из самых низких в мире. Минимум в 6,9 ‰ в целом по СССР был зарегистрирован в 1964 г. Тогда же он составлял в РСФСР 7,2 ‰. Затем в целом по СССР и по большинству регионов снова стала увеличиваться смертность. Темп прироста был различным, а само повышение вызывалось разными причинами. Не стоит утверждать, что весь зафиксированный в статистике прирост числа смертей был вызван реальным увеличением смертности.

В данных текущей статистики обнаруживается недоучет населения в возрасте до 10 лет — результат незарегистрированных рождений (он выявлен переписью 1970 г.). Отмечено также завышение в текущей статистике численности лиц в возрасте 55 лет и старше. Последнее вызвано неточностями переписи населения 1959 г. и неполной регистрацией смертей в межпереписное время. Завышение количества лиц в возрасте 55 лет и старше текущей статистикой частично объясняет рост повозрастной смертности в 1968–1969 и 1969–1970 гг. Однако значительного повышения числа смертей не наблюдалось. К концу периода регистрация смертей стала, безусловно, точнее. Официальные публикации утверждают, что продолжительность жизни в стране составляла в 1963–1968 гг. 70 лет[1]. По этим же данным в РСФСР отмечена такая же величина. В 1965–1966 гг. у мужчин России показатель достиг 65 лет, а у женщин — 74[2]. К 1969–1970 гг.

[1] Население СССР. 1987. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 351.

[2] Естественное и механическое движение населения. Новосибирск: Облстат, 1968. С. 6.

средняя продолжительность жизни сократилась. В РСФСР она составила всего 68,8 года, в том числе у мужчин — 63,4, у женщин — 73,4 года[1].

Такая динамика и быстрый рост показателя смертности подтверждают наличие факта недоучета смертей в РСФСР. В России он был заметно меньше, чем по СССР в целом. В 1970-е гг. более качественная регистрация смертей привела к тому, что стала фиксироваться значительно меньшая продолжительность жизни в Средней Азии, Казахстане и Молдавии. Там ее снижение оказалось большим, чем в СССР и РСФСР.

Некоторый недоучет сохранялся в Западной Сибири. В Омской области органы ЗАГС неоднократно возвращали документацию на доработку органам здравоохранения. Констатировалось, что не все случаи рождений и смертей регистрируются в органах ЗАГС. Зачастую умерших вскоре после рождения регистрировали как мертворожденных. Например, ребенок прожил 1 час. 15 мин., а был зарегистрирован как мертворожденный[2]. Мертворожденных в селах было больше, чем в городах, что свидетельствовало о включении умерших вскоре после рождения в число мертворожденных. В Новосибирской области в 1967 г. за один из кварталов по данным обследования точности регистрации органов ЗАГСа были выявлены единичные случаи пропуска записей смертей и рождений. В сельской местности обнаружено 11 пропусков рождений и три — смертей. До года не был зарегистрирован один умерший ребенок[3]. Проверкой охватывались отдельные сельсоветы. В 1970 г. в ходе проведения переписи в области контрольной проверке подлежали 1108 детей до года. Из них были зарегистрированы 995. Среди незарегистрированных семь местных жителей и 104 не местных. О местожительстве двух детей не сообщалось. В справке отмечалось, что во всех районах Новосибирской области имеется недоучет событий[4]. Он составил 0,7 % от числа родившихся в данной местности и 9,4 % от всего числа лиц данного возраста. Часть родившихся была бы зарегистрирована в более поздние сроки. Фактическая величина недоучета стала бы меньше. Ее можно оценить в 0,2–0,4 %.

В 1963–1964 гг. были зафиксированы самые низкие показатели смертности. В сельской местности в 1964 г. стал отмечаться рост общей смертности. На следующий год ее подъем затронул и города. Там он начался с опозданием, что объяснялось более молодой возрастной структурой населения. Продолжавшийся отток из деревень привел к абсолютному сокращению числа жителей в сельской местности. В свою очередь, выезд молодежи усилил старение. Росту смертности способствовало ухудшение условий быта в неперспективных селах. Внедрение автоматизации и механизации при росте алкоголизма и пьянства приводило к увеличению травматизма.

---

[1] Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 409.

[2] Исторический архив омской области. (ИАОО). Ф. 2122. Оп. 3. Д. 1035. Л. 97.

[3] ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8502. Л. 3.

[4] ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8668. Л. 22.

В целом с 1959 г. по 1969 г. смертность в селах возросла на 4 %, а в городах — на 6 %. Удалось добиться заметного уменьшения младенческой смертности. Наибольшее снижение наблюдалось в возрастах старше одного месяца. Доля умерших в течение первого месяца жизни постоянно возрастала. В 1959 г. она составила в Новосибирской области 26,6 %, в 1960 г. — 32,7, в 1967 г. — 43,7 % от числа умерших до года. Абсолютное число детей, умерших до года, уменьшилось с 738 в 1959 г. до 372 в 1967 г., то есть вдвое. Такое уменьшение в значительной степени вызывалось уменьшением числа родившихся. В городах доля умерших в течение первого месяца жизни в 1967 г. составила 54,1 %, в селах — 24,7 % от числа умерших до года[1]. Это свидетельствовало о недоучете смертности детей в селе в первый месяц жизни. Во второй месяц доля умерших в городах сократилась в 6,2 раза, в селах — в 3 раза. В Тюменской области в 1950 г. младенческая смертность составляла 122,4 ‰, в 1960 г. — 39,4, а в 1963 г. — 37,4 ‰, то есть сократилась в 3,3 раза. В Западной Сибири (без Тюменской области) соответствующие показатели составили 111,6 ‰, 35,0 и 28,9 ‰, то есть снизились в 3,9 раза. Следовательно, в более южных регионах снижение смертности детей до года происходило быстрее, несмотря на то, что показатели уже в 1950 г. были более низкими, чем в Тюменской области. В Кемеровской области снижение за 13 лет составило 4,5 раза, на Алтае — 4 раза, в Омской области — 3,1 раза, в Новосибирской — 3,8 раза, в Томской — 3,3 раза (табл. 4).

Как показывает анализ материалов государственной статистики, решающую роль в быстром снижении смертности в 1950-е гг., внесли спасенные жизни детей до года. В 1950 г. доля умерших младенцев в общем числе смертных случаев составляла 26 % в Омской области и 35 % в Кемеровской области. В 1951–1953 гг. существенного снижения доли умерших детей не произошло, хотя показатель младенческой смертности сократился существенно. Увеличение числа родившихся и сокращение смертности взрослого населения при сохранении высокой смертности младенцев нивелировали успехи здравоохранения в снижении смертности. В регионе сохранялся тяжелый труд у женщин в антисанитарных условиях. Руководство предприятий волновало выполнение планов, а в колхозах и совхозах о падеже молодняка скота знали лучше, чем о гибели новорожденных. Постепенно ситуацию удалось переломить. Рубеж этот можно установить довольно четко — 1955–1958 гг. В стране началась массовая вакцинация детей, которая привела к резкому снижению младенческой смертности и доли умерших детей до года в общей смертности. Изменилась и структура смертности новорожденных. Врожденные патологии и состояния, возникающие в перинатальном периоде, асфиксии и родовые травмы увеличивали свою долю в смертности. Отступали пневмонии, болезни органов пищеварения, кишечные инфекции и прочие инфекции, паразитарные заболевания.

[1] Естественное и механическое движение населения. Новосибирск: Облстат, 1968. С. 18–19.

Таблица 4

Младенческая смертность по регионам Западной Сибири (1950–1970 гг.)*

Год	Алтайский край		Кемеровская область		Новосибирская область		Омская область		Томская область	
	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших
1950	109,8	30,5	116,5	34,6	114,5	30,9	102,0	26,3	106,7	27,5
1951	119,6	31,5	113,1	33,6	115,6	32,0	110,0	28,3	98,1	26,6
1952	93,0	24,5	93,2	29,5	99,9	27,8	82,0	25,2	90,4	23,3
1953	80,6	23,9	80,7	26,0	89,0	26,2	76,0	22,1	80,8	22,8
1954	79,4	24,4	66,3	23,9	75,9	24,1	71,0	22,2	72,1	21,8
1955	77,2	25,0	76,0	26,1	76,9	25,6	74,0	25,2	70,5	22,9
1956	54,8	21,1	49,7	19,9	52,0	19,6	48,0	19,2	58,6	20,3
1957	46,2	17,4	43,3	17,2	47,1	17,1	47,0	17,8	47,7	16,2
1958	42,7	17,0	39,1	16,1	44,7	17,2	41,0	17,4	44,5	16,6
1959	43,7	17,6	43,0	16,3	46,2	15,9	43,0	17,0	47,6	16,5
1960	36,3	14,0	34,2	13,7	35,1	13,1	34,1	14,2	37,1	13,1
1961	36,1	12,7	32,9	11,7	34,0	11,6	35,0	13,3	39,0	11,9
1962	32,9	10,1	31,4	10,2	36,2	10,8	33,0	11,6	42,3	11,9
1963	27,3	8,2	26,9	8,4	30,3	9,0	33,0	11,3	32,8	9,1
1964	28,4	7,2	28,7	7,5	29,6	8,0	32,0	9,9	31,1	7,6
1965	22,9	3,4	23,7	5,5	24,9	5,8	25,3	7,1	25,2	5,5
1966	23,1	4,8	25,3	5,5	23,8	5,1	23,8	6,4	25,7	5,5
1967	21,0	6,0	24,7	5,0	23,8	4,8	25,3	6,0	23,3	4,6
1968	22,1	4,1	22,9	4,4	24,2	4,5	24,7	5,5	24,9	4,9
1969	23,5	4,1	22,1	4,1	23,9	4,3	24,8	5,3	26,6	4,8
1970	23,0	4,0	22,3	4,1	24,5	4,4	20,8	4,3	20,6	4,1

* Территориальные органы статистики. Качество предоставленных материалов по Омской области оставляет желать лучшего.

Если в 1955 г. доля детей, умерших до года, составляла 1/4 всех умерших, то к 1960 г. она упала до 1/7. Младенческая смертность снизилась за этот период вдвое — с 70–77 ‰ до 34–37 ‰. К 1965 г. абсолютное число умерших детей до года сократилось из-за падения рождаемости. Однако существенно снизился показатель младенческой смертности — до 24–25 ‰, доля умерших детей составила 5–7 % среди умерших. Сыграл свою роль и факт увеличения абсолютного числа смертей в регионе. Качество статистического учета возрастало и объективно способствовало более точному учету новорожденных и смертей у них.

В конце 1960-х гг. доля умерших младенцев составляла 4–5 % всех умерших, а показатели младенческой смертности — 22–25. Исключение составляла Томская область, отстававшая в своем социально- экономическом развитии от других регионов Западной Сибири.

Мертворожденных в селах было больше, чем в городах. Такое положение свидетельствует о включении умерших вскоре после рождения в число мертворожденных, ибо по числу умерших младенцев судят по работе медперсонала и развитии здравоохранения в регионе. К тому же в первую неделю жизни умирало меньше детей, чем зарегистрировано мертворожденными. Это противоречит статистической практике. Проверки показывали пропуски в регистрации смертей новорожденных. Обязанность регистрировать умерших детей до года была возложена на родителей, что способствовало существенному недоучету событий.

Причины смертности детей были следующими. Лидировали болезни органов дыхания (в Новосибирской области в 1966 г. — 30 %, в 1967 г. — 30,5 %) и болезни новорожденных (соответственно 35,2 и 37,6 %), от инфекций детей умирало меньше, чем от несчастных случаев, отравлений и травм. На недоучет смертей младенцев указывает их более низкая смертность в сельской местности (начиная с 1962 г.). При этом младенцы погибали в селе реже по всем причинам, кроме пневмонии, кори, туберкулеза и несчастных случаев. При рассмотрении данных по районам области видно, что проявлялся закон игры малых чисел, то есть количество смертей зависело от стечения множества случайностей. При общей тенденции к снижению смертности по всем регионам области за 1960–1967 гг. колебания ее показателей достигали большого размаха. Они могли различаться в 2 раза и более. Например, в Кочковском районе в 1965 г. показатель младенческой смертности составлял 25,1 ‰, в 1966 г. — 13,8, в 1967 г. — 23,5 ‰. В Куйбышевском районе он был равен соответственно 18,3, 14,2 и 32,8 ‰, в Чановском — 34,1, 11,7 и 30,1 ‰[1].

Минимальные показатели наблюдались в 1968 г. в селах Татарского района — 9,1 ‰ и в Бердске — 11,1 ‰. Максимум отмечен в Сузуне — 46,2 ‰[2]. Несмотря на широкий диапазон колебаний, младенческая смертность за 1960–1967 гг. значительно снизилась — до 32,2 ‰. Этому способствова-

[1] Естественное и механическое движение населения. С. 20, 23.

[2] Здравоохранение Новосибирской области. Новосибирск: Облстат, 1969. С. 7–11.

ло улучшение медицинского обслуживания. Снижение действительной смертности (то есть рост продолжительности жизни) в области продолжалось до 1967 г. Тогда продолжительность жизни новосибирцев достигала почти 69 лет. Облстатуправление уже в 1966 г. отмечало, что за период с 1958 г. по 1965 г. показатель смертности остался на прежнем уровне — 7,0 ‰. Снизилась смертность у детей и молодежи, но в старших возрастах она существенно возросла[1].

Несмотря на стабилизацию общего показателя смертности, в 1967 г. был отмечен рост повозрастной смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и болезней органов кровообращения. По сравнению с 1961 г. число умерших от гипертонии увеличилось на 62,7 %, ревматизма — в 2,2 раза, от инфарктов (без гипертонии) — в 2,7 раза. Число умерших от всех сердечно-сосудистых заболеваний увеличилось на четверть, в том числе среди 30–39-летних — на 63,4 %, 40–49-летних — на 47, 50–59-летних — на 9, старше 60 лет — на 21,1 %. Сокращение числа умерших в возрасте 20–29 лет (на 40 %) совпадает с уменьшением абсолютной численности лиц данного возраста[2].

Это свидетельствовало об увеличении повозрастных показателей смертности. Средний возраст умерших от сердечно-сосудистых заболеваний уменьшился на два года. При этом в городах рост показателя смертности составил 15 %, а в селах — более 50 %. Косвенно это свидетельствовало об улучшении качества учета — ставился реальный диагноз после осмотра врачом, а не фельдшером. Документами, на основании которых загсами выдавались свидетельства о смерти, были следующими врачебное свидетельство, фельдшерская справка и свидетельские показания. В 1964 г. в РСФСР доля врачебных свидетельств составляла 70,7 %, фельдшерских справок — 29,2 %, свидетельских показаний — 10,1 %[3]. Такое положение могло в дальнейшем существо скорректировать распределение смертей по причинам. Наряду с большими изменениями в структуре смертности населения можно заметить реальное увеличение летальных случаев и значительное омоложение умерших. Доля скончавшихся от данных заболеваний выросла с 21,3 % в 1959 г. до 28,3 % в 1967 г. Число смертей от сердечно-сосудистых заболеваний сокращалось до 1964 г., после чего стало стремительно возрастать (табл. 5).

В возрасте до 40 лет смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в 1958–1964 гг. увеличилась в 3 раза. В возрастах до 30 лет и старше 60 лет смертность от ревматизма снижалась, во всех остальных — возрастала[4].

Существенно возросла смертность от злокачественных новообразований. С 1958 по 1967 г. она увеличилась на 30 %, в том числе за 1965–1967 гг.

---

[1] Развитие культуры и здравоохранения в Новосибирской области. Новосибирск: Облстат, 1966. С. 62, 64.

[2] ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 172–174.

[3] ИАОО. Ф. 2122. Оп.1. Д. 4467. Л. 171.

[4] ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8555. Л. 172–174.

Таблица 5

Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в Новосибирской области 1959–1967 гг.)*

Год	Число умерших на 100 тыс. жителей, чел.		
	всего	город	село
1959	160,0	169,2	148,5
1960	158,4	161,3	154,6
1961	161,2	164,4	156,9
1962	163,1	167,7	156,6
1963	157,4	163,4	148,0
1964	149,5	150,5	147,9
1965	183,1	173,5	197,2
1966	200,7	176,9	239,4
1967	204,5	193,2	223,5

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 173.

— на 8,3 %59. Наибольший рост отмечался от рака органов дыхания — 81 %, молочной железы — 80 %. Среди умерших от новообразований большинство составляли скончавшиеся от рака желудка. Доля последних снизилась с 40,6 % в 1958 г. до 36,6 % в 1967 г.[1]

Такая структура смертности от онкологических заболеваний, повышение удельного веса умерших от новообразований свидетельствуют об экологическом неблагополучии в регионе. И.М. Савицкий напрямую связывает это с испытаниями ядерного оружия на Семипалатинском полигоне и в Китае, сопровождавшимися выпадением радиоактивных осадков и загрязнением местности осколками ступеней ракет с остатками ядовитого топлива. Данный вывод подтверждается сведениями ветеринарных служб о наличии радиоактивных нуклеидов в сене, молоке, мясе и большом распространении лейкоза среди домашних и диких животных. Последствия ядерных испытаний будут сказываться в течение нескольких десятилетий [14, с. 96–99].

Число умерших от несчастных случаев, отравлений и травм увеличилось с 1958 г. по 1964 г. на 50 %. Это обеспечило 49,9 % всего прироста количества умерших. Среди погибших от этих причин преобладали молодые люди. 80 % мужчин в возрасте 20–24 лет умирали насильственной смертью. Такой рост свидетельствовал о возрастании смертности в молодых возрастах, особенно у мужчин. Местные статистики пытались рассчитать показатели продолжительности жизни. Так, по расчетам Омскстата в 1964 г. мальчику Прииртышья предстояло прожить 63,27 года, а девочке — 71,05 года, оба пола — 67,7 года. Для горожан эти показатели составляли

[1] Естественное и механическое движения населения. С. 9; Развитие культуры и здравоохранения в Новосибирской области. С. 65.

соответственно 63,58; 71,24 и 68,0 года. Для жителей сельской местности 63,14, 70,94 и 67,66 года[1].

Рост средней продолжительности жизни блокировался увеличением смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, новообразований, отравлений и травм. С 1967 г. средняя продолжительность жизни в Западной Сибири стала снижаться по сравнению с предшествующими годами.

Негативные тенденции, наметившиеся в конце 1960-х гг., отчетливо проявились в 1970-х гг. В этот период возник целый комплекс социальных проблем. Несмотря на увеличение числа врачей и среднего медицинского персонала, снижалось качество медицинских услуг. Ухудшалось снабжение населения промышленными и продовольственными товарами, обострилась жилищная проблема, усилилось экологическое неблагополучие, в том числе радиоактивное загрязнение местности. Все это способствовало медленному, но постоянному росту смертности.

Рост продолжительности жизни в СССР был огромным. В предвоенные годы продолжительность жизни составляла 47 лет. В 1950–1954 гг. она увеличилась до 61,7 года. В дальнейшем рост замедлился, но остался высоким: 1955–1960 гг. — 68,4 года, 1960–1969 гг. — 70 лет [15, с. 361, 362]. Особенно значительным было снижение младенческой смертности. В 1940 г. она составляла 181,5 ‰, к 1950 г. снизилась до 80,7 ‰, то есть более чем в 2 раза, в 1960 г. — до 35,3 ‰, далее стабилизировалась на уровне 26–27 ‰[2]. В РСФСР число умерших детей до года сократилось с 1940 по 1960 г. почти в 6 раз — с 205,2 до 36,6 ‰. К 1970 г. оно сократилось до 23 ‰[3]. По данным Ю.А. Григорьева для городского населения типичного региона России — Кемеровской области — средняя продолжительность жизни равнялась 67,8 года для обоих полов, для мужчин –62,3; для женщин 75,6 года [6, с. 53]. По расчетам О.Б. Дашинамжилова, для городского населения Западной Сибири (с Тюменской областью), с 1958/59 гг. по 1969/70 гг. средняя продолжительность жизни увеличилась для обоих полов на 0,41 года, для женщин 1,10 года, а у мужчин сократилась на 0,09 года [7, с. 86]. Более низкий уровень смертности детей до 5 лет в регионе не мог существенно улучшить ситуацию. О причинах увеличения смертности много написано и окончательные выводы не были сделаны: «Всякое изменение в условиях и образе жизни населения может привести к дезаптизации и повышению уровня смертности населения... Если дезаптизация сохраняется и тем более нарастает, то может возникнуть и ситуация устойчивого роста смертности...». Осложнения в семейной жизни и на работе, сильное нервное напряжение и неприятности играют для роста смертности от болезней системы кровообращения большую роль, чем диабет, ожирение, курение, злоупотребление алкоголем, повышенное давление [4, с. 186–188].

---

[1] ИАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 4457. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17.

[2] Население СССР. 1987. М., 1988. С. 344.

[3] Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 349.

Список источников

1. *Бурматов А. А.* Население Новосибирской области в 1937 — конец XX века. Историко-демографический анализ : дис… канд. ист. наук. — Новосибирск, 2001. 394 с.

2. *Бурматов А. А.* Население Омской области в 1950–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. — 2016. — № 1. — С. 27–34.

3. *Бурматов А. А.* Эволюция смертности населения Западной Сибири в 1950–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. — 2017. — № 4. — С. 75–81.

4. Введение в демографию / под ред. В. А. Ионцева, А. А. Саградова. — М. : Эконом. фак-т МГУ, ТЕИС, 2002. — 636 с.

5. *Вострикова А. М.* Выборочное обследование в демографической статистике // Выборочное наблюдение в статистике СССР / под ред. А. Я. Боярского, В. В. Джапаридзе, В. С. Овсиенко, М. Р. Эйдельмана. — М. : НИИ ЦСУ СССР, 1966. — С. 310–327.

6. *Григорьев Ю. А.* Многомерная территориальная типология продолжительности жизни населения. Методические и прикладные задачи. — Новокузнецк: Институт усовершенствования врачей, 2011. — 87 с.

7. *Дашинамжилов О. Б.* Смертность городского населения Западной Сибири в 1959–1970 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. — 2017. — № 4. — С. 82–87.

8. Демографическая история Западной Сибири. Конец XIX–XX в. / отв. ред. В. А. Исупов. — Новосибирск : Апостроф, 2017. — 350 с.

9. *Ковтуненко Л. Ф.* Внебольничный искусственно вызванный аборт по материалам гинекологической клиники Хабаровского медицинского института за 1945–1949 годы: автореф. дис. … канд. мед. наук. — Хабаровск : Медицинский институт, 1954. — 37 с.

10. *Левицкий Е. М.* Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. — Новосибирск, 1962. — 103 с.

11. *Малинин Е. Л., Ушаков А. К.* Население Сибири. — М.: Статистика, 1976. — 168 с.

12. Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. — Новосибирск: СО РАН, 1997. 172 с.

13. Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири. 1959–1980 гг.: в 2 ч. / науч. ред. Е. Д. Малинин. Новосибирск: СО АН СССР, Ин-т экон. и орг. пром. пр-ва, 1970. — Новосибирк: Б. И. — Ч. 1. — 239 с.

14. *Савицкий И. М.* Экологические последствия испытаний ядерного оружия и ракетной техники в Западной Сибири. 1950-е — первая половина 90-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. — 1999. — № 2. — С. 95–100.

15. Die Weltbevolkerung in Zahlen / herausgegeben von P. Khalatbari. — Berlin : Akademie-Verlag, 1983. — 439 s.

Информация об авторе

Бурматов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики Куйбышевского филиала ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Россия 632387, Новосибирская обл., г. Куйбышев, ул. Молодежная, 7), научный сотрудник, Институт Истории СО РАН (Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: al-burmatov@yandex.ru).

Burmatov A. A.

The Mortality Rate of the Population of Western Siberia in the 1950–1970S

The article discusses changes in the mortality of the population of Western Siberia in 1950–1970s. The dynamics of total mortality is traced; evolutionary changes in neonatal mortality, changes in the structure of mortality for reasons, as for the total population and for children up to 1 year are analyzed. The positive processes occurring in residents of Western Siberia, contributed to the increase in life

expectancy of the population, a gradual reduction of the gap from other regions of Russia. The main sources underlying the study are the official responses of the Territorial state statistical bodies of regions in Western Siberia, requested by the author. Materials provided to statistical authorities, were compiled by the same set of indicators: population, highlighting urban and rural, the absolute number of births, deaths, including up to 1 year, broken down into urban and rural, and indicators of the movement of the population, including infant mortality, total population, including urban and rural. Much of the data was previously used exclusively «for official use» and was inaccessible to researchers.

Keywords: Western Siberia, mortality, infant mortality, life expectancy.

References

16. Burmatov A. A. The population of the Novosibirsk region in 1937 the end of the twentieth century. Historical and demographic analysis: Ph.D. of historical studies, Novosibirsk, 2001. 394 p.

17. Burmatov A. A. The population of Omsk region in 1950–1970-ies. In Humanities in Siberia. 2016. No. 1. Pp. 27–34. (In Russ.)

18. Burmatov A. A. The evolution of mortality in Western Siberia in 1950–1970-ies. In Humanities in Siberia. 2017. No. 4. P. 75–81. (In Russ.)

19. Grigoriev Y. A. Multidimensional territorial typology of the life expectancy of the population (methodical and applied problems). Novokuznetsk: Institute for Advanced Training of Physicians, 2011. P. 87. (In Russ.)

20. Introduction to demography / edited by V. A. Iontsev, A. A. Sagradov. M: the department of Economy of Moscow state University, TEIS,2002. 636 p. (In Russ.)

21. Dashinamzchilov O. B. Mortality of the urban population of Western Siberia in 1959–1970. In The Humanities in Siberia. 2017. No. 4. P. 82–87. (In Russ.)

22. The demographic history of Western Siberia (the end XIX–XX centuries) / ed. V. A. Isupov. Novosibirsk: The Apostrophe, 2017. 350 p. (In Russ.)

23. Kovtunenko L. F. The out-of-hospital artificially induced abortion based on the materials of the gynecological clinic of the Khabarovsk Medical Institute for 1945–1949 Author's abstract. Ph.D. ofmedical science. Khabarovsk, Medical Institute, 1954. 37 p. (In Russ.)

24. Levitsky, E. M. Economical and statistical study of the reproduction of the population of Siberia and the Far East on the basis of tables of life expectancy. Novosibirsk, 1962. 103 p. (In Russ.).

25. Malinin, E. L., Ushakov, A. K. The Population Of Siberia. Moscow: Statistics, 1976. 168 p.

26. Population, labor and living standards in Western Siberia. 1959–1980: in 2 parts / ed. E. D. Malinin. Novosibirsk, 1970. Part 1. 239 p. (In Russ.).

27. The population of Western Siberia in the twentieth century / ed. N. Ya. Gushchin, V. A. Isupov. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1997. 172 p. (In Russ.)

28. Savitsky I. M. Ecological consequences of nuclear weapons tests and missile technology in Western Siberia (1950 — first half of the 90-ies.) // Humanities in Siberia, 1999. № 2. P. 95–100. (In Russ.)

29. Vostrikova A. M. Sample survey demographic statistics In Selective observation in the statistics of the USSR / under the editorship of A. Y. Boyarsky, V. V. Japaridze, V. S. Ovsienko, M. R. Adelman. M.: Institute of the CSO of the USSR, 1966. P. 310–327 (In Russ.).

30. Die Weltbevolkerung in Zahlen / herausgegeben von P. Khalatbari. Berlin : Akademie-Verlag, 1983. 439 s.

Author

Burmatov Alexander Anatolyevich — Candidate of Historical Sciences, Kuibyshev Branch of the Novosibirsk State Pedagogical University (Russia, 632387, Novosibirsk region, city of Kuibyshev, ul. Youth, 7); Institute of History SB RAS (630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8; e-mail: al-burmatov@yandex.ru).

УДК 94 (470) «1990»

Вербицкая О. М.

ИСПЫТАНИЕ РЕФОРМАМИ: СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМ 1990-Х ГГ.[1]

В статье анализируется влияние рыночных реформ 1990-х гг., экономического кризиса в России на брачное и семейное поведение сельского населения, семейно-нравственные ценности российской сельской семьи. Исследование показало, что на кризис и аграрную реформу, которая сделала большинство сельских жителей безработными и бедными, российская семья отреагировала существенным снижением уровня рождаемости. Такая ситуация слала следствием, прежде всего, непродуманной поспешной политики государства в области рыночных реформ, к тому же проведенных по западным образцам, без учета российского опыта. Автор пришла к выводу, что очень серьезной причиной ухудшения условий жизнедеятельности семьи и, прежде всего, ее репродуктивной функции, стал уход государства из сферы демографии. Сегодня, спустя четверть века, когда в активную фазу детородного периода вступает малочисленное поколение детей 1990-х гг., последствия этой роковой ошибки приходится исправлять нынешнему руководству РФ и ее гражданам.

Ключевые слова: население, сельская семья, матримониальное поведение, брачная и семейная структуры населения, реформы, Россия

Сегодня много говорят о том, что российская семья переживает кризис. И это действительно так, но только необходимо уточнить: это кризис традиционных патриархальных ценностей, которые уже давно, на протяжении 100 и более лет, по разным причинам и постепенно уходили и уходят в прошлое. На протяжении XX в. российская семья прошла через огромные изменения, преодолевая вместе со всей страной тернистый путь перехода от традиционного аграрного к современному урбанизированному обществу. Весьма примечательно, что начало этому пути в семейно-брачной сфере положила революционная политика правительства большевиков, уже первыми своими декретами доказавших всему миру свое стремление к гендерному равенству в создаваемом ими обществе.

Кстати, недавно, в конце 2017 г., исполнилось ровно 100 лет со времени принятия первых в истории советской России революционных законов, абсолютно новаторских по своему духу, содержанию и последствиям. В целом они были направлены на радикальное обновление институтов брака и семьи. Декреты СНК РСФСР «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния», принятые в декабре 1917 г., подтверждали решимость новой власти сбросить путы церковного брака, окончательно отменить изжившие себя суровые ограничения развода и стремление сделать его общедоступным. Не менее

[1] © Вербицкая О. М. Текст. 2018.

важным советской власти представлялось и радикальное обновление отношений в семье, раскрепощение женщины и избавление ее от семейного рабства, в том числе и через создание юридических предпосылок к ее полному равенству с мужчиной во всех сферах жизни. То, что к решению этих проблем новая власть приступила в первые же месяцы своего существования, подтверждает их значимость для революционного преобразования мира — в том смысле, в котором это тогда понималось. В итоге первые революционные декреты советской власти коренным образом изменили ранее действовавшие в Российской империи нормы «семейственного» права. В кратком виде их основная суть заключалась в следующем: во-первых, новое революционное правительство советской России отменило обязательность венчания — то есть церковного брака, который, как считалось, заключался единственный раз и на всю жизнь («пока смерть не разлучит нас»). Одновременно был утвержден приоритет гражданского брака, который уже регистрировался в светском учреждении и без церковного венчания. Во-вторых, декрет «О расторжении брака» полностью устранял все имевшиеся в дореволюционной России ограничения при оформлении развода.

Отметим, что в отличие от целого ряда «передовых» и развитых стран Европы, полного запрета на развод не существовало и в царской России. Другое дело, что его оформление в реальной практике было весьма затруднительно. В дополнение к отмене обязательности церковного брака и существенной либерализации развода, в Советской России в начале 1918 г., как известно, был принят еще один очень важный закон (декрет) «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Он декларировал свободу совести и вероисповедания, провозглашал государственную регистрацию актов гражданского состояния, в том числе браков и разводов, и многое другое. Следовательно, уже первые декреты новой революционной власти, принятые в конце 1917 — начале 1918 гг., обеспечивали полную свободу брачного выбора гражданам молодой Советской Республики.

Первым и важнейшим условием вступления в брак объявлялось обоюдное стремление к нему мужчины и женщины. В то же время значительное упрощение развода делало возможным свободное прекращение изживших себя брачных отношений. Наряду с этим декрет «О расторжении брака» как бы создавал возможность для нового вступления в брак, тем более, что число заключаемых гражданских браков на протяжении жизни, в отличие от положений Семейственного права Российской империи, не ограничивалось[1]. Подобные инновации в семейно-брачной сфере Советской России еще долго оставались беспрецедентными, в то время как в европейских странах подобной свободы при выборе брачного партнера, расторжении брака и регулировании деторождения не было еще несколько

[1] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160. С. 161–163; Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 247–249; Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Изд. 1900. С. 3–5.

десятилетий. В своем стремлении к обновлению института семьи и раскрепощению женщины молодое Советское государство проявило последовательность — уже в 1918 г. политическое равенство прав мужчин и женщин было зафиксировано в Конституции РСФСР. Ее положения закрепляли гендерное равенство и в трудовых, семейно-брачных и гражданских правах.

Череда инноваций в семейно-брачной сфере пополнилась в ноябре 1920 г. еще и принятием закона о легализации абортов, который снимал существовавшее в царской России уголовное наказание за них. Этот законодательный акт стал крупным, хотя и весьма недобрым по своим последствиям шагом на пути фактической эмансипации женщины. Добавим, что особое внимание к положению женщины на самом деле было частью большого советского проекта, предусматривавшего мобилизацию женского потенциала в политических и экономических целях. Итак, революционные законы первых лет советской власти сделали общедоступными такие ранее немыслимые в рамках традиционной семейной морали явления, как разводы и аборты. Тем самым официальное законодательство Советской Республики сильно подточило юридические и моральные устои, на которых тысячу лет продержались семейные и нравственные ценности миллионов россиян.

Из этого краткого экскурса видно, что инициатором постепенного уничтожения традиционной семьи в России и все большей либерализации ее моральных и нравственных ценностей, послужило само Советское государство. Ведь ранее, в патриархальной семье традиционно существовало своеобразное разделение труда: мужчина добывал средства для пропитания и обеспечения жены и детей, а главной обязанностью супруги была любовь и забота о семье и муже, рождение и воспитание детей, старательное ведение домашнего хозяйства и т. д.

Однако постоянно держаться только за традиционную мораль и семейные нравственные ценности оказалось невозможно. Быстрое течение жизни, радикальные перемены в политической и экономической областях настоятельно потребовали корректировки устоявшихся порядков, которые уже стали притормаживать развитие позитивных тенденций современного развития. Пока лишь проведенный де-юре, но существенно ускоренный советской властью процесс эмансипации на практике уравнял политические, социальные, экономические и семейные права мужчин и женщин, тем самым создав реальные предпосылки для привлечения широких женских масс на производство, как того требовали экономические интересы страны.

Применительно к советскому селу это означало обязательную и широкую занятость женщин трудоспособного возраста в колхозно-совхозном производстве. Работавшая крестьянка-колхозница или работница совхоза на долгие часы была оторвана от семьи и домашнего хозяйства, что в сочетании с необходимостью зарабатывать, наряду с мужем, средства для

пополнения семейного бюджета вынуждало ее сознательно регулировать беременность и деторождение. С другой стороны, массовый приход женщин на производство, равно как и все более растущие миграционные перемещения значительной части крестьян в город, также обусловленные высокой потребностью города в дополнительной рабочей силе, негативно отразился на развитии демографических процессов в деревне, а со временем и на возрастном составе ее населения. Постепенное снижение рождаемости привело к значительному уменьшению удельного веса детей и молодежи в сельском населении при одновременном нарастании доли пожилых людей, что способствовало демографическому старению сельского социума. Что касается сельской семьи, то общее уменьшение рождаемости не только обусловило снижение в ней общего числа детей, но и уменьшило ее средний размер. С годами она, как и ранее городская семья, довольно быстро превратилась в малодетную, хотя еще в середине XX в. по среднему числу детей сельские семьи обычно и довольно заметно превосходили городские.

Серьезным испытанием прочности российской сельской семьи стал экстремальный период 1990-х гг., когда на общем неблагоприятном фоне затянувшегося экономического кризиса в аграрном секторе были проведены крайне болезненные для населения рыночные реформы. Для села это был вообще очень трудный период: колхозы и совхозы, десятилетиями служившие для селян единственным работодателем и источником заработка, разрушались и подвергались зачастую насильственному переформатированию в рыночные структуры. Резкое сокращение производства спровоцировало массовые увольнения, люди лишались заработка, по селу быстро распространилась бедность. Резкое ухудшение условий жизни, социальная нестабильность и недовольство большинства сельских жителей экономическими реформами заставили их в очередной раз подвергнуть переосмыслению еще сохранявшиеся традиционные семейно-нравственные ценности. Как следствие, в это время в российских регионах еще больше усилились негативные процессы в демографической сфере: повсеместно снижалось число юридически оформленных браков при существенном возрастании числа фактических сожительств, фиксировался заметно возросший уровень внебрачной рождаемости и др. Подобные процессы отражали усиление кризисных явлений в институте российской семьи — как ее реакции на происходящие негативные события в экономической жизни.

Известно, что сельская семья отличается от городской своей заметно большей приверженностью традициям, крепостью семейных устоев и нравственных ценностей всего народа. Но в последнее 10-летие XX в. довольно значительная часть сельской молодежи, подобно жителям городов, все чаще отказывалась от традиционных форм брака и родительства. Молодые люди, прекрасно осознававшие, что в условиях затянувшегося экономического кризиса им фактически не по силам материально обеспечивать семью и ребенка, стали отдавать предпочтение свободному,

по существу, ни к чему не обязывающему внебрачному сожительству. Возможно, что по этой причине общее число юридически оформляемых браков в сельской местности России с 1990 г. по 2001 г. уменьшилось сразу на треть[1]. В качестве альтернативы законному браку в эти годы были распространены не имевшие юридической силы различные формы добрачных и внебрачных сексуальных связей, иначе говоря, свободные сожительства не состоявших в браке мужчин и женщин. Это явление впервые зафиксировала микроперепись населения, проведенная в 1994 г. Полученная ею богатая информация имела огромное значение, поскольку были впервые учтены не только зарегистрированные браки, но и, со слов граждан, их фактические брачные отношения. Как и стоило ожидать, данная микроперепись в очередной раз подтвердила высокую (несмотря ни на что) степень доминирования в сельской среде брачных пар, живших в зарегистрированном, то есть юридически оформленном браке. Но одновременно фиксировались и массовые явления, подтверждавшие заметный упадок традиционных моральных принципов даже в сельской среде, которая всегда считалась достаточно консервативной. Особенно значительной оказалась доля внебрачных сожительств у еще совсем юных представителей молодежи и даже подростков, которым не исполнилось и 18 лет. Так, в среднем на каждую 1000 официально неженатых сельских парней в возрасте 16–17 лет приходилось 417, то есть почти 42 % тех, у кого уже была добрачная половая связь. Среди сельских девушек — их ровесниц эти цифры были несколько меньше, хотя тоже впечатляли: в среднем на каждую 1000 в добрачных сексуальных отношениях состояло 375 девушек[2].

Подобной статистики вполне достаточно, чтобы уже иметь полное основание говорить о том, что бытовавший до недавних времен сельский обычай вступать в брак, по крайней мере девушкам, в целомудренном состоянии, к концу XX в. был практически изжит или в массовом порядке игнорировался и нарушался. Необходимо подчеркнуть, что в эти годы внебрачное сожительство отнюдь не оставалось лишь исключительно молодежным феноменом. Эта же перепись зафиксировала массовые фактические сожительства во всех возрастных группах жителей села, вплоть до весьма почтенного возраста. Кроме того, было выявлено, что на селе доля женщин 15 лет и старше, поддерживавших интимные отношения вне брака, по сравнению с общим числом сельских женщин этого возраста, живших в законном браке, была даже на треть выше, чем в городе [3]. И, тем не менее, к большому сожалению, приходится констатировать, что и получившие широкое распространение фактические браки не смогли сколько-нибудь ощутимо уменьшить число одиноких мужчин и женщин на селе.

Еще одной примечательной чертой кризисных явлений в сельской семье этого периода стало увеличение числа внебрачных рождений.

[1] Российский статистический ежегодник. 2001. Стат. сборник. М., 2002.С. 127.

[2] Состояние в браке и рождаемость в России. По данным микропереписи населения 1994 г. Казань, 1994. С. 12–13.

Безусловно, основной причиной их появления служило возросшее число добрачных и внебрачных сожительств, в которых рождались дети. В целом число детей, рожденных женщинами, не состоявшими в официально зарегистрированном браке, за 1989–2002 гг. увеличилось практически вдвое и ежегодно составляло примерно 30 % к общему числу родившихся детей[1].

Характерно при этом, что в последнее десятилетие XX в. гораздо более толерантным, чем прежде, стало отношение сельского социума к подобным неформальным проявлениям в отношениях полов. Люди разных возрастов демонстрировали свое понимание суровых жизненных реалий и не осуждали таких проявлений. Это подтверждали материалы многочисленных социологических опросов тех лет: лишь около 20 % представителей старшего поколения села осуждали и категорически не принимали внебрачных сексуальных сожительств [4, с. 81].

Подтверждением кризисного состояния семьи традиционно принято считать и рост числа разводов. Однако в этом отношении период 1990-х гг. продемонстрировал большой контраст по сравнению с предыдущими годами. Действительно, если в самом начале этого крайне неблагополучного периода в сельском населении РФ еще происходил некоторый прирост числа разводов, то в последующие годы ситуация стабилизировалась, и серьезного увеличения числа случаев расторжения брака уже не происходило. На наш взгляд, дело здесь объяснялось не столько резким снижением уровня официально зарегистрированной брачности, сколько причинами иного свойства. Развод в сельской семье всегда был очень болезненным явлением, которого в гораздо большей мере, чем в городе, семья старалась избежать. В деревне о разводе узнавало гораздо больше людей, да и сопровождался он еще более заметными и болезненными последствиями, в том числе и материального характера, поскольку уходившая из семьи сторона, как правило, требовала причитавшейся ей доли имущества, что полностью разоряло устоявшуюся за годы брака экономику сельской семьи, прежде всего, ее подсобное хозяйство. К слову сказать, роль и значимость последнего в рассматриваемые годы резко возросла. Только из-за аграрных преобразований и последовавшего закрытия колхозов и совхозов рабочие места потеряло около 5 млн их бывших работников [2, с. 44], которые, не найдя работы в сельской местности, были вынуждены заниматься хозяйством своего семейного подворья. Но для того, чтобы обеспечить семье жизненный уровень хотя бы в пределах прожиточного минимума, официально установленного в стране, всем ее членам приходилось очень много и тяжело работать, поскольку труд в ЛПХ был почти полностью ручным, абсолютно не механизированным. Поэтому работа на семейном подворье требовала значительного числа работников, и каждая пара рабочих рук была очень важна.

[1] Доклад Госкомстата России: Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: www. gks.ru/PEREPIS/report.htm.

Характерно еще одно явление, развивавшееся внутри сельской семьи, которое по-своему тоже подтверждало обострение семейного кризиса и существенный отход от традиционности в сторону эгалитарности и социального партнерства супругов. В сельской среде оно, как правило, происходило вследствие того, что многие мужчины реально теряли свое былое лидирующего положение в семье. В экстремальный для села период радикальных реформ решающее слово в семейных спорах и делах все чаще переходило к женщине, поскольку многие сельские мужчины уже реально не могли выполнять функцию главы семьи. Причиной этого часто становилась их нравственная деградация, неспособность из-за отсутствия работы материально обеспечивать семью. Не менее губительными для мужского авторитета являлись их социальная и экономическая пассивность, духовная слабость, постоянное пьянство, а то и наркотики. При этом вся тяжесть семейной ответственности поневоле ложилась на женщину, которая не только много работала в хозяйстве, но еще по существу в одиночку сама воспитывала и материально содержала детей. Вследствие этого ее ведущая роль в семье была неоспоримой. Поэтому нельзя не согласиться с теми исследователями, которые пишут, что в конце XX в. очаг семейной напряженности в очень многих сельских семьях все больше смещался от традиционно острого вопроса «положения женщины» в семье в сторону «положения в ней мужчины» [5, с. 20].

Переходный период 1990-х гг. (от плановой социалистической экономики к рыночным отношениям) добавил сельской семье немало и других проблем. Как уже отмечалось, ей пришлось преодолевать экономические трудности — отсутствие стабильного заработка, резкое падение доходов. Необходимо при этом подчеркнуть, что в отличие от 1980-х гг., в рассматриваемый период в стране никакой государственной политики по стимулированию рождаемости не было, да и быть не могло, поскольку государство практически самоустранилось не только от помощи семье, но и от регулирования тяжелейшего положения в стране и особенно в сельском хозяйстве. В эти годы государство по существу ограничивало свои функции лишь выплатой мизерных социальных пособий на детей, которые на практике сельские матери еще и не могли получить, поскольку подобно зарплатам и пенсиям, они тоже месяцами не выдавались. Во многих сельских населенных пунктах России сельские дети нередко по-настоящему голодали, особенно в многодетных и неполных семьях, то есть где были мать-одиночка и ее дети. Сообщениями об этом переполнены газеты, например, «Крестьянские ведомости», «Сельская жизнь» и др. Простая физическая адаптация сельской семьи к резко ухудшившимся материальным условиям переходного периода потребовала от нее выработки особой «стратегии выживания». Данная стратегия предполагала соблюдение абсолютной экономии буквально на всем. Самым горьким примером таких ограничений становился вынужденный отказ от рождения детей, чему находилось свое объяснение: при тогдашних материальных проблемах

появление и содержание ребенка, а тем более не первого, сразу переводило семью в категорию малоимущих. Многие супружеские пары сознательно отказывались от деторождения, по крайней мере, на какое-то время. Законы самосохранения и выживания в условиях безработицы и безденежья отвлекали людей от мыслей о расширении семьи и появления ребенка, требуя от них еще большей отдачи сил в приусадебном семейном хозяйстве, которое лишь одно и помогало им выживать.

В результате российская семья, оставшись наедине со своими проблемами, в годы кризиса и непопулярной аграрной реформы, которая сделала большинство сельских жителей безработными и бедными, ответила существенным снижением уровня рождаемости. Сами же дети в эти годы превратились буквально в «предмет социальной роскоши» (как оценивали ситуацию демографы), а их традиционно высокая роль в семье как непреходящей и вечной ценности, как-то постепенно и незаметно отступила на более дальние позиции под напором необходимости физического выживания. В итоге из-за резкого снижения рождаемости в рассматриваемый период в сельском населении к 2002 г. оказалось на 2230 тыс. меньше детей в возрасте до 14 лет, чем в 1989 г.[1]

В то же время Россия — огромная страна по территории и национальному составу населения. И если в подавляющем большинстве ее крупных экономических регионов показатели рождаемости в сельском населении в 1990-е гг. были ниже значения, необходимого для воспроизводства населения, то в отдельных частях страны еще оставались и поныне существуют районы с таким демографическим потенциалом, который способен обеспечивать полное количественное замещение старших поколений детьми, и благодаря этому поддерживать общую численность населения. Известно, что в населении России исторически сложились и до сих пор существуют 2 типа воспроизводства населения. К первому относятся сельские районы ее европейской части, заселенной преимущественно русским и отчасти другим населением, уже давно завершившим так называемый демографический переход к малодетности (Центр, Север, Северо-запад, а также — в меньшей степени — центральночерноземные области, Поволжье и Западная Сибирь); ко второму — большая часть национальных Республик Северного Кавказа и северо-востока РФ, где население в массе своей еще не практиковало сознательного регулирования рождаемости. По этой простой причине только в 5 регионах России (Дагестан, Чечня, Ингушетия, а также Тыва, Саха (Якутия) среднее число детей, рожденное одной женщиной за весь ее репродуктивный период, составляло от 2 до 2,6, то есть было даже больше величины, необходимой для простого воспроизводства населения. Иными словами, в 2002 г. только в этих 5 регионах России в сельском населении еще и было возможно полное замещение поколений [1, с. 208].

[1] Демографический ежегодник России. 2002. Стат. сб. М., 2002. С. 57.

Что же касается депрессивных сельских районов первого типа, например, Псковской, Новгородской, Тверской, Тульской, Калужской и целого ряда других областей европейской территории России, то на всем протяжении 1990-х гг. показатели рождаемости в них были ниже показателей, не только требовавшихся для поддержания простого воспроизводства населения, но и по своей величине заметно уступавших даже уровню смертности. Понятно, что ни о каком восполнении, а тем более, о приросте сельского населения, в этих регионах относительно рассматриваемого периода речь идти не могла.

Семья — важный социальный институт, одновременно являющийся фундаментом и основой российского общества. Поэтому следует еще раз напомнить о важности и необходимости проявления заботы о ней, а в трудный час — и своевременного оказания государственной помощи. На примере рассмотренного здесь экстремального периода 1990-х гг. показано, как резкое ухудшение условий жизни, а также неизбежно следующее за этим сокращение рождаемости, становятся следствием, прежде всего, не продуманной и поспешной политики государства в области рыночных реформ, к тому же, и проведенных по западным образцам, без учета российского опыта. Очень серьезной причиной ухудшения условий жизнедеятельности семьи и, прежде всего, ее репродуктивной функции, стал уход государства из сферы демографии вообще. Это было роковой ошибкой, последствия которой остро ощущаются даже теперь, спустя четверть века, когда в активную фазу детородного периода вступает малочисленное поколение детей 1990-х гг., а ошибки эти приходится исправлять нынешнему руководству РФ и ее гражданам. Чтобы избежать подобных проблем с рождаемостью через последующие 20–25 лет, не дожидаясь образования очередного «демографического провала», нынешнее российское руководство во главе с Президентом В.В. Путиным разработало новую программу финансовой помощи семьям с детьми. Только при этом очень важно, чтобы этот проект выполнялся адресно и в намеченных объемах, без ложной экономии на детях — будущем России. Лишь при данном условии можно создать надежный базис, облегчающий решение стоящих ныне перед страной демографических проблем, вызванных низкой рождаемостью в стране и девальвацией традиционных семейно-нравственных ценностей.

Список источников

1. *Вербицкая О. М.* Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. — М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 408 с.

2. *Киркорова Л.* Хозяйства населения: занятость и социальная защита сельских жителей // АПК. Экономика, управление. — 2004. — № 8. — С. 44–53.

3. *Михеева А. Р.* Брак, семья, родительство. Социологические и демографические аспекты. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2001. — 74 с.

4. *Пушкарева Н. Л., Казьмина О. Е.* Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. — 2003. — № 4. — С. 67–89.

5. *Шафранская Ч. Я.* Сельская семья в трансформирующемся обществе. На материалах Республики Татарстан : автореф. дисс. … канд. соц. наук. — Казань, 2005. — 27 с.

Информация об авторе

Вербицкая Ольга Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Россия 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, e-mail: rossia20vek-iriran@mail.ru).

Verbitskaya O. M.

Reform Test: Rural Family in the Conditions of the Radical Reforms of the 1990s

The article analyzes the impact of market reforms in the 1990s, the economic crisis in Russia on the matrimonial and family behavior of the rural population, and the family and moral values of the Russian rural family. The study showed that on the crisis and agrarian reform, which made the majority of rural residents unemployed and poor, the Russian family reacted with a significant decrease in the birth rate. Such a situation was due to the consequence, first of all, of the state's unreasoned and hasty policy in the field of market reforms, moreover, conducted according to Western models, without taking into account Russian experience. The author came to the conclusion that the state's departure from the sphere of demography became a very serious reason for the worsening of the living conditions of the family and, above all, its reproductive function. This was a fatal mistake, the consequences of which are acutely felt today, after a quarter of a century, when a small generation of children of the 1990s enters the active phase of the childbearing period, and the present leadership of the Russian Federation and its citizens have to correct mistakes.

Keywords: population, rural family, matrimonial behavior, marital and family structures of the population, reforms, Russia.

References

1. Verbitskaya O. M. The rural family at the stage of socio-economic transformations of 1985–2002. — Moscow: Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives, 2017. — 408 p.

2. Kirkorova L. Population economy: employment and social protection of rural residents // AIC: economy, management. — 2004. — № 8. — P. 44–53.

3. Mikheeva A. R. Marriage, family, parenthood: sociological and demographic aspects. — Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2001. — 74 p.

4. Pushkareva N. L., Kazmina O. E. The Russian system of marriage laws in the XX century. and traditional installations // Ethnographic Review. — 2003. — № 4. — P. 67–89.

5. Shafranskaya Ch. Ya. Rural family in a transforming society (on the materials of the Republic of Tatarstan): author's abstract diss. ... cand. soc. sciences. — Kazan, 2005. — 27 p.

Author

Verbitskaya Olga M. — Russia, Moscow, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences (IRI RAN, e-mail: rossia20vek-iriran@mail.ru).

УДК 94(470.5)«18/19»

Голикова С. В.

ДЕТСКИЕ ЯСЛИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ГОЛОДА В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.[1]

Ясли стали распространяться в России с конца XIX в. как средство борьбы с высокой детской смертностью. Поскольку голод увеличивал смертность населения, их попытались приспособить для борьбы с этим бедствием. Прообразы яслей в виде временных приютов для детей появились во время голода 1891–1892 гг. Преодоление последствий голода 1898 г. включало в себя масштабный эксперимент по открытию летом 1899 г. детских яслей в 5 губерниях, в том числе в Уфимской и Вятской. Ясли действовали в 177 населенных пунктах и охватили почти 8 тыс. детей. Наряду с врачами, интерес которых к спасению детских жизней понятен, организацией яслей занималось Попечительство о трудовой помощи. Его сотрудники объясняли свое участие тем, что отдача детей в ясли не отвлекает работоспособных членов семьи на уход за детьми и дает им возможность работать и зарабатывать. Для разоренного крестьянского хозяйства также было важно, что детские учреждения не только оздоравливали и сохраняли жизни будущих работников, но и брали на себя расходы по их воспитанию (присмотр, питание, одежда). В голодные 1907–1908 гг. уездные земства Уфимской губернии старались открывать ясли и увеличивать их финансирование. К этому времени земские деятели хорошо понимали пользу яслей и ставили перед собой новую задачу: с помощью имеющихся в их распоряжении средств привлечь в ясли как можно больше детей.

Ключевые слова: массовый голод, эпидемии, детские ясли

Специалисты по народонаселению относят массовый голод к числу демографических катастроф: он приводит к росту заболеваемости и смертности людей, откладыванию рождений и браков, вызывает массовые миграции из зоны бедствия. Вслед за ним там следовало ожидать ухудшения эпидемиологической обстановки. Но в первую очередь голод, конечно, актуализирует пространство смерти. Последствия «Великого голода», нескольких голодных годов кряду, «голодомора» долгим эхом отдаются в половозрастной структуре населения. Наработки демографов хорошо иллюстрирует «царь-голод» — так образно окрестили бедствие 1891–1892 гг., когда «весь восток Европейской России был объят неурожаем». Если в среднем за 25 лет (1870–1894 гг.) в пострадавшей от недорода Уфимской губернии на 100 жителей рождалось 4,86 младенца, то в 1892 г. родилось всего 4,18. В Оренбургской губернии спад рождаемости был значительнее: если в среднем за те же 25 лет там рождалось 5,9 детей, то в 1892 г. показатель снизился до 4,9 [20, с. 155]. Обычно положительные значения ежегодного прироста населения в 1892 г. сменились на отрицательные, соответственно,

[1] © Голикова С. В. Текст. 2018.

смертность была выше рождаемости. В Уфимской губернии показатель ушел в минус на 0,52 %, по сравнению с ней в Оренбургской снижение было в два раза больше, составив 1,09 % [20, с. 156]. Исследователь продовольственной проблемы дореволюционной России И.К. Сухоплюев указывал, что «во время неурожая легко возникают различные заболевания населения на почве недоедания и отсутствия правильного обмена веществ». К «недостатку пищи вообще» присоединяется «болезнетворное влияние суррогатов пищи», вызывающих расстройство желудка, в результате наблюдается «уменьшение способности истощенного неправильным питанием населения противостоять распространению заразных болезней» [17, с. 42–43]. Некоторые заболевания, будучи постоянными спутниками голода, получили даже приставку «голодные». К таковым относился сыпной тиф — острая инфекция, возбудителем которой являлась риккетсия, переносчиком — платяная (реже головная) вошь. Поскольку бактерии передаются кровососущими насекомыми и паразитируют только на человеке, эту разновидность тифа относят к трансмиссивным антропонозам. Для нее характерно внезапное начало, повышение температуры тела до сорока градусов, пятнистая розовая сыпь, спутанность сознания и поражение сердечно-сосудистой и нервной систем и с весьма неблагоприятным прогнозом. Иначе этот тиф называли военным или тюремным. Это показывает, что вызывающие его микроорганизмы реагировали на голод как на проявление социального неблагополучия. «Голодающее же население отличается особенной восприимчивостью к заразе голодным тифом», — подчеркивал Сухоплюев [17, с. 46] и данные медицинского департамента Министерства внутренних дел подтверждали его слова. «Число зарегистрированных лиц, обращавшихся к врачебной помощи с заразными … и паразитарными болезнями, — отмечалось в его отчете, — в 1891 г. значительно превысило таковые же числа предыдущих лет … наисильнее всего выразилось увеличение числа заболеваний … тифом, дизентерией, холерой» [11, с. 28]. В следующем году положение усугубилось. «Отчетный 1892 г., — сообщал тот же официальный источник, — выдается из числа последних 10 лет по сильному развитию сыпного тифа в первой половине года и азиатской холеры — во второй. Помимо этих болезней, принявших сильное эпидемическое развитие, в 1892 г. наблюдалось … усиление вообще заразных болезней» [12, с. 28].

Многовековая борьба человечества с этой признанной глобальной проблемой шла не только по линии увеличения урожайности и поставок продовольствия в пострадавшие районы, но и задействовала социальную сферу, превратив ряд ее учреждений в полезных помощников голодающих, одним из таких средств для России рубежа XIX–XX вв. неожиданно стали детские ясли. Еще в 1891–1892 гг. в качестве их прообраза возникали приюты для пострадавших от голода детей. Одним из таких временных благотворительных заведений, появившихся в окрестностях г. Екатеринбурга, по поручению местной земской управы заведовал врач Н.А. Русских.

«Приют этот, — сообщал Николай Александрович, — открыт с той благою целью, чтобы укрыть в нем несколько нуждающихся семей, пришедших сюда из неурожайных местностей» [15, с. 50]. Содержался он на средства предпринимателя М.А. Ошуркова, помещение — двухэтажное здание, где разместились 23 женщины и 62 ребенка, — было предоставлено им же. Вероятно, с этого времени Русских стал размышлять над развитием ясельного дела в России. (Впоследствии он возглавил уральский отдел Общества для борьбы с детской смертностью и завел при нем образцовые ясли.) Опыт заведования приютом Ошуркова этот врач обобщил именно для выдачи рекомендаций по устройству детских учреждений. Он разделил их на три группы, причислив ко второй «так называемые ясли, где дети остаются только в течение дня», и подчеркнул их актуальность: «В настоящее время нас более должна интересовать вторая группа учреждений потому, что благодаря народному бедствию от неурожая во многих губерниях в последнее время начали открываться временные приюты для детей и женщин, то есть той части населения, которая в обыкновенное время не имеет самостоятельного заработка, а теперь совсем нуждается в посторонней помощи. Очень многие лица, движимые чувством гуманности, устраивают такие временные убежища, где могла бы найти себе кров и пищу эта слабая часть населения» [15, с. 46]. Анализ работы в приюте позволил Русских выработать ряд санитарно-гигиенических правил, которые могли бы помочь будущим организаторам яслей. Заведение для детей, инструктировал он, нужно располагать «в здоровой возвышенной местности» (приют Ошуркова был у него на заимке, и удаленность от Екатеринбурга значительно ослабила «опасность занесения туда инфекционных болезней»), помещения не должны быть «безразмерными», а соответствовать норме 0,8 куб. сажени на человека (в приюте Ошуркова показатель составлял 12 куб. аршин). Кроме «общей залы» обязательны сушильня (и склад одновременно), кухня, также «при доме следует иметь теплое отхожее место, которое не должно издавать запахов». (В здании, предоставленном приюту Ошурковым, имелись четыре комнаты, кухня, рядом располагалась баня.) Для маленьких постояльцев нужно сделать отдельные кровати или нары (в приюте Ошуркова последние были в два этажа), приобрести тюфяки, набитые сеном и подушки, набитые соломой. Врач не советовал экономить на питании воспитанников потому, что «скудная пища и неправильная диета может отразиться на детях и вызвать болезни пищеварительного канала, с которыми оставлять их в приюте нельзя». В наличии должны быть манная и просяная крупа, хлеб и мясо. Николай Александрович, как и многие врачи, боролся за грудное вскармливание и только для прикорма младенцев рекомендовал «озаботиться приобретением хорошего коровьего молока в достаточном количестве». К сожалению, в приюте под его заведованием молоко не выдавалось даже детям. При отсутствии или недостатке у питомцев одежды и белья он советовал «завести новое, хотя дешевое, но удобное для мытья», чтобы легче было соблюдать «возможно большую

чистоту». С этими же целями ежедневно требовалось мыть пол зеленым мылом. Для купания малышей необходима была ванна. В приют следует принимать только детей, не достигших школьного возраста. Исключение можно сделать для их матерей, которых записывать в обслуживающий персонал из расчета 1 няня на 6–10 детей, а предпочтение отдавать кормящим матерям. Остальных, особенно взрослых мужчин, стоило, по выражению, Николая Александровича, «третировать» (вероятно, на его позицию повлияло то, что на заимке Ошуркова в отдельном здании призревалось еще 19 мужчин). У заведения должна быть начальница, однако заведовать приютом следовало поручить врачу (или фельдшеру под контролем врача), который бы посещал его раз в неделю, а если прием новичков продолжался, то 2 раза. Русских был убежден, что в учреждение должны допускаться только здоровые дети с прививкой от оспы, заболевших, особенно заразными болезнями, нужно немедленно удалять. Таким образом Ошуркову в своем приюте удалось предупредить развитие эпидемии кори. Пришлось лечить также чесотку и экзему [15, с. 47–50]. «Конечно, следует иметь в виду, — подводил итог Русских, — что приюты в большинстве случаев открываются на средства жертвователей, иногда очень скудные, а потому все требования гигиены мы поневоле должны довести до минимума, то есть требовать от приюта только того, чтобы он был сносен по своему устройству и был гарантирован от возможности распространения среди его обитателей какой-либо болезни» [15, с. 46]. Практика показала, что этот минимум в дальнейшем был урезан, хотя учредители яслей придерживались наставлений, выработанных Н.А. Русских в голодные 1891–1892 гг.

Сами же ясли пришли в Россию из-за рубежа и считались полезным средством в борьбе с высокой детской смертностью. С точки зрения российского права эта их функция и должна была стать главной: обнародованный в 1916 г. законопроект «по охране материнства, младенчества и детства», который появился в недрах Высочайше учрежденной междуведомственной комиссии по пересмотру врачебно-санитарного законодательства (известной как комиссия Г.Е. Рейна), понимал под яслями «учреждения, предназначаемые для кормления, ухода и присмотра в течение дня за грудными и малолетними детьми, оставляемыми занятыми работой матерями» [21, с. 112]. Однако в процессе адаптации яслей к российским реалиям выяснились их дополнительные возможности. Из городской и функционирующей круглый год новинки по уходу за малолетними детьми они превратились в сельские и сезонные, открывающиеся летом в страдную пору и собирающие разновозрастных детей. Земские деятели увидели в них эффективный способ борьбы с детской безнадзорностью в деревне, которая умножала среди малолетних число калек, увеличивала количество несчастных случаев с ними, а главное, являлась причиной многих опустошительных пожаров. Пожароопасность, а уже затем стремление снизить смертность среди детей толкало губернские, а потом уездные земства на поддержку ясельного дела. Оно перестало быть зоной ответственности

только медицинского и педагогического персонала и все больше перемещалось в сферу экономических интересов местного самоуправления. В результате работы в этом направлении открылось новое применение яслей — они стали одним из путей выхода российской деревни из голода. После голодного года земские, государственные и благотворительные организации открывали в деревне детских учреждений намного больше, чем обычно. Ясли могли помочь многому: «развязать руки» взрослым (особенно матерям), занятым восстановлением семейного хозяйства, подкормить и оздоровить ослабленных голодом детей, обеспечить сохранность их жизни и здоровья, а также порядок и пожарную безопасность в селении.

В последнее десятилетие XIX в. голод в России приобрел новые черты: он наступал чаще и в отличие от предыдущего времени, когда страдали северные и северо-западные губернии, сместился в зону плодородия: черноземный центр, Поволжье. «…многие губернии, — писал И.К. Сухоплюев, — бывшие ранее житницею России, стали все чаще и чаще подвергаться крупным неурожаям. Если ознакомиться с «Трудами местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» по Вятской, Оренбургской, Пермской, Симбирской и др. губерниям, то в них можно найти много данных, доказывающих, что неурожаи значительно участились в указанных губерниях» [19, с. 20]. Эта цитата свидетельствует об изменении не только географии голода — из-за неурожаев впоследствии засух и суховеев она стала смещаться к югу, — но и о том, что голодные годы сделались регулярными. По подсчетам журнала «Русская мысль» 1898 г., в течение восьми лет Россию посетило четыре неурожая. Печатное издание также заметило, что из-за смены периодичности бедствия увеличилось его негативное влияние на аграрный сектор: «Но тревожно в особенности то, что голодовки у нас часто повторяются, что неурожаи надолго расстраивают крестьянское хозяйство, в котором, в огромном большинстве случаев, нет никаких запасов на черный день» [7, с. 182]. Размеры ущерба в голодный год были столь велики, что жители южных районов не успевали восстановить к следующему такому году свое хозяйство. В 1899 г. журнал «Русское богатство» констатировал: «В корне подорванное благосостояние крестьянства не может быть вновь упрочено одной жатвой. Еще меньшее значение новый хлеб имеет для тех, которые не обсеменили своих полей или заложили свои загоны и посевы. Еще долго народ в восточных губерниях будет жить впроголодь» [22, с. 178]. В сложившихся условиях мероприятий по борьбе с голодом оказывалось недостаточно. Чтобы встретить предстоящий голодный год, требовалось оказывать решительную поддержку разоренным крестьянским хозяйствам.

Именно голод 1898 г., который и освящали толстые российские журналы, впервые на практике показал, как в пострадавших районах можно использовать учреждения для детей. Ситуация напоминала время «царь-голода»: с началом 1899 г., когда неурожай с его последствиями были признаны официально, а император пожертвовал «Красному кресту»

миллион рублей, «Русская мысль» постоянно напоминала читателям о голодающих. В феврале журнал писал: «Тяжелы были условия существования этого населения осенью и в первую половину зимы, но еще тяжелее они становятся теперь, когда все, что могло остаться от жатвы, съедено и скормлено, а до нового сбора хлебов и появления травы осталось не мало времени». Предполагая обострение «нужды» к весне, издание перечисляло первоочередные задачи: «Миллионам людей нужен хлеб, их нужно спасти от острых мук голода, от всевозможных эпидемий и увеличения смертности» [8, с. 178–179]. В апрельской книжке журнала сообщалось об ухудшении положения: «С наступлением весны известия о голоде, охватившем восточные губернии, становятся все более тревожными. Нужда, по-видимому, достигла в настоящее время сильнейшей степени напряжения. Можно подумать, что, в виду приближения нового сбора хлебов, голод, если можно так выразиться, собирает все свои усилия для того, чтобы нанести последний удар населению, измученному и исстрадавшемуся в непосильной борьбе с нуждой. Тиф, цинга и другие спутники голода эпидемически распространяются по целым уездам, дополняя своими ужасами и без того страшную картину голода» [9, с. 195]. Ход заразных заболеваний хорошо показывают факты из Уфимской губернии. Весной 1899 г. появилось сообщение Л.В. Лепешкиной из Кармалинской волости Мензелинского уезда. Женщина писала: «Цинга распространяется не по дням, а по часам. В Кармалах открыт барак для цинготных больных. Вид больных ужасный» [9, с. 196]. «Русская мысль» добавляла: «В особенности плохо приходится от цинги женщинам и грудным ребятам, у которых, выражаясь языком врачей, цинга проявляется в классических формах» [9, с. 197]. Что происходит с организмом человека, долго находившемся в состоянии «относительного» голодания, объяснял врач А.Н. Смородинцев: «Ход жизненных отправлений у него нарушается, нарушается его физическая природа тканей. У него исчезает из тела жир, затем исчезает вещество произвольных мышц, исчезает вещество (уменьшается в объеме) внутренних органов: селезенки, яичек, печени, наконец, изменяется и кровь, она уменьшается в количестве, сгущается, теряет альбумин, число красных шариков в ней абсолютно уменьшается, в результате является нередко цинга». Предлагая называть таких людей «ипсофагами», доктор описывал их внешний вид: «Впалые глаза с легкой синевой век, слегка морщинистое желтовато-землистое лицо с впалыми щеками, дряблость кожи и мускулатуры при вялой, тяжелой походке» [16, с. 30]. От цинготных больных, по отзывам окружающих, «исходил невыносимо-тяжелый, чисто-трупный запах». Инспектирующий деятельность «Красного креста» лейб-хирург Е.В. Павлов официально признал, что заболевания цингой развились на почве голода [17, с. 44]. Посетив район Иры-Бугульчан Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, Павлов заявил, что сыпной тиф развился здесь также «на почве недостаточного и плохого питания». Тифозная эпидемия наряду со Стерлитамакским затронула и Мензелинский уезд. Первые

больные появились здесь в конце января. Пика заболеваемость достигла в апреле-мае, только в июне пошла на спад [17, с. 45–46].

Летом 1899 г. впервые и был поставлен масштабный эксперимент по открытию в районах, охваченных бедствием, детских яслей. По данным П.Г. Ганзена, одновременно он развернулся в пяти губерниях: Воронежской, Симбирской, Самарской и еще в двух уральских: Уфимской и Вятской. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах выделило на эту статью расходов треть имеющихся в его распоряжении средств. Действуя в уездах Вятской губернии, оно открыло в Сарапульском 15, в Малмыжском 15 и в Елабужском — 21 детские ясли [10, с. 3]. Появились они и в Мензелинском уезде Уфимской губернии, и также в селах Верхне-Троицком, Шаран, Нагайбак, Бакалы и деревне Ишманкульской Белебеевского уезда этой губернии. В Бирском уезде той же губернии барон Буксгевен с тремя сотрудниками: А.П. Поповской, докторами Гинцбургом и Каменским организовали 10 яслей. Созванное бирским предводителем дворянства особое совещание из представителей местной власти наметило следующие пункты для их открытия: деревню Софьевка в имении землевладельца И.Г. Жуковского (иначе поселок Софьинский вблизи Тюинского завода), села Аскино, Байки, Новотроицкое, Ангасяк («Анастасьино тож»), Касево, Калегино, Дюртюли, деревни Коянову, Старо-Балтачеву [5, с. 232]. Всего же, по данным А.М. Горовцева, детские ясли действовали в 177 населенных пунктах, пострадавших от неурожая и голода [6, с. 290]. Ганзен полагал, что «благое значение этого дела трудно пока определить» [4, с. 18]. Однако обобщения опыта ясельного сезона 1899 г. не заставили себя ждать. Общественность понимала, насколько важны учреждения, предотвращающие гибель людей в голодное время. В частности, Сухоплюев о демографических потерях замечал: «В неурожайные годы вымирает преимущественно та часть населения, которая менее всего способна сопротивляться жизненным невзгодам, то есть дети». Обозначил он и группу риска: «Усиленная смертность детей до одного года во время неурожая легко объясняется слабостью организма младенцев и истощением матерей» [20, с. 154–155] Для решения проблем с этой категорией населения как раз и предназначались ясли, и их вклад следовало оценить. Появилась написанная доктором Н.И. Тезяковым книга «Деревенские ясли-приюты в Воронежской губернии летом 1899 года», где автор анализировал работу 13 яслей, открытых земством, и 11 таких же учреждений, существовавших на частные средства. Труд земского санитарного врача П.Ф. Кудрявцева «Деревенские ясли-приюты в Симбирской губернии периода 1899 г.» был написан на гораздо более широкой основе, поскольку в данной губернии ясли действовали в 60 селениях и охватили две с половиной тысячи детей. Медиков прежде всего интересовало, насколько ясли могут повлиять на такое неблагоприятное явление как высокая смертность. На это указывает подзаголовок сочинения Кудрявцева — «Опыт санитарно-статистического исследования о влиянии яслей-приютов на здоровье и благосостояние

деревенских детей вообще и в смысле понижения детской (и общей для всех возрастов) смертности населения в частности».

Однако некоторые авторы, как правило, чисто практические деятели в сфере так называемой трудовой помощи, также тщательно анализировали первые шаги яслей на поприще борьбы с голодом. В основном они были сотрудниками Попечительства о домах трудолюбия и работных домах и занимались постановкой так называемых «общественных работ», важное место среди которых парадоксальным образом заняли детские ясли. А.М. Горовцев, анализируя результаты деятельности Попечительства, посчитал нужным объясниться по этому поводу: «Совершенно особою и довольно крупною отраслью деятельностью отряда по оказанию трудовой помощи явилась организация учреждений, устройство которых, как это может показаться на первый взгляд, не должно было совсем входить в программу деятельности отряда, имевшего своей целью оказание специально трудовой помощи. И действительно нельзя не сознаться, что устройство яслей для малолетних детей не есть собственно мера трудовой помощи в тесном смысле этого слова» [6, с. 287]. Однако у него не было сомнений, относительно возможности детского учреждения способствовать ходу сельскохозяйственных работ: «Трудно все-таки отрицать, что устройство яслей оказывает самое непосредственное влияние на весь склад трудовой жизни крестьянской семьи в страдную пору, когда брать детей с собой в поле нельзя, оставаться вместе с ними дома для надзора за ними никто из взрослых также не может, и поневоле приходится оставлять их на руках какого-нибудь “старшего” семи-восьмилетнего ребенка, который и сам то еще нуждается в надзоре» [6, с. 288]. Следует принять утверждение Горовцева: «Основанием яслей отряд значительно увеличил трудовую силу крестьянской семьи, давши возможность женщинам матерям спокойно уходить на работу, оставляя детей в яслях, где за ними всегда был правильный и бдительный надзор» [3, с. 287]. С ним был согласен Сухоплюев, отмечавший, что «косвенным путем» задача «непосредственно доставить нуждающимся (пострадавшим от неурожая) временный заработок на самом месте их жительства» достигалась также «попечением о нерабочем населении, требующем за собой ухода и отрывающим от работы трудоспособных», которое и выразилось в устройстве яслей для малолетних детей [18, с. 59]. Однако для подъема крестьянских хозяйств в неурожайный год родителям была важна дополнительная возможность сэкономить на ребенке, которую предоставляло им детское учреждение, и практически полностью снять его с довольствия семьи. Там его кормили и, как правило, переодевали в ясельную одежду. Необходимы были ясли в тех деревнях Мензелинском уезде Уфимской губернии, где еще в июне и июле ребятишек «выгоняли … на поле питаться травой и собирать коренья» [20, с. 153]. Как в яслях восстанавливали ослабленные голодом детские организмы, показывают, например, сведения по Малмыжскому уезду Вятской губернии: «Вначале дети ели очень много … и чаще просили есть не вовремя, потом

стали насыщаться скорее и привыкли к правильной своевременной еде» [1, с. 143]. В детских учреждениях этого уезда было четырехразовое питание, в промежутках между приемами пищи воспитанникам, если они просили, давалось по куску черного хлеба с солью. Любимым блюдом деревенской детворы с этого времени стала манная каша, которую большинство из них впервые попробовали именно в яслях. Помощь яслей нужна была в Сарапульском уезде Вятской губернии. Бедность в голодный год приняла здесь такие размеры, что, по словам очевидцев, появились «семьи, дети которых не имеют ни платья, ни белья или же только всего одну рубашку и, когда моют последние, то дети остаются буквально голыми и сидят на печке все время, пока рубашки не высохнут» [9, с. 196]. Как бы им пригодилось переодевание в яслях в «казенное» белье и одежду. В ряде случаев после закрытия яслей детская одежда даже раздавалась самым неимущим воспитанникам. Вот почему именно в пострадавших от голода губерниях работа яслей не просто «не прошла даром, а принесла всю ту пользу, какую только можно было ожидать от нее». Из Бирского уезда главе Уфимской губернии по этому поводу писали: «По сообщению заведывавших яслями — не смотря на новизну дела, — ясли в д. Кояновской и Софьевке были приняты населением с восторгом, при чем, по удостоверению заведывавших, цель учреждения таких яслей, заключающаяся в том, чтобы ребенок не оставлялся на произвол судьбы в то время, когда родители его заняты полевыми работами, оберегался от разных вредных ему и окружающих его несчастных случайностей, лучше питался и тем предотвращался от разных болезней, вполне достигается подобной организацией дела…»[1].

Во многом общесоциологические суждения Горовцева покоились на анализе трудов его коллеги по Попечительству П.Г. Ганзена, который отвечал за трудовую помощь (в том числе за ясли) в Малмыжском уезде Вятской губернии и в 1900–1901 гг. опубликовал об этом 4 пространных статьи в журнале «Русская мысль». Он был знаком с организацией трудовой и общественной помощи в скандинавских странах, в частности с такими образцово-поставленными учреждениями как «детские трудовые убежища». С яслями же столкнулся впервые, и ему пришлось, в буквальном смысле слова, на ходу прояснять для себя смысл этого заведения. «Проездом через город Пермь, — писал Ганзен, — отряд наш и не преминул познакомиться с одним из таких учреждений, устроенным для детей недостаточного городского населения. Впечатление мы вынесли самое благоприятное…» [1, с. 111]. Петр Готфридович понимал, насколько важно оценить потенциал новинки, и решился на беспрецедентный шаг: предложил надзирательницам этих учреждений в Малмыжском уезде при их чрезвычайной занятости еще вести ежедневные записи о происходящем в яслях. Интересовало его следующее: подготовительные хлопоты, помещение яслей, продовольствие, топливо, кухарки, уход за детьми, няньки,

[1] Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 132, Оп. 1. Д. 219, Л. 17–17 об.

болезни детей и смертные случаи, занятия и игры детей, отношение к яслям взрослых крестьян и детей, местных властей и интеллигенции. Как ни странно, его авантюра удалась, и он получил массу ценных наблюдений о ясельном сезоне в деревне, преодолевающей последствия голода. На основании записок надзирательниц Ганзен детально смог осветить, сформулированную им проблему: «В виду того, что введение в Вятской губернии деревенских яслей-приютов, помимо того огромного значения, которое учреждение это вообще представляет для населения, могло иметь особое значение, как примерный опыт для дальнейшего развития в России этого благого дела, крайне желательно было возможно подробно проследить весь ход его, включая сюда неудачи и промахи» [1, с. 117–118].

По мнению Горовцева, «число 7.865 детей, пользовавшихся в 1899 году яслями», говорило об их перспективах на будущее «достаточно наглядно и убедительно» [6, с. 290], в том числе об обретении ими права гражданства среди мер, направленных на преодоление последствий неурожаев и эпидемий. Кампания 1899 г. стала для яслей «генеральной репетицией», после которой врачи и лица, занимающиеся трудовой помощью, а также все, активно работавшие «на голоде», смело могли включать их в планы помощи голодающей деревни и презентовать их общественному сознанию как достижение цивилизации, эффективно работающее на благополучие сельского населения. «Превентивной мерою во время неурожая служит достаточная и своевременная продовольственная помощь, в виде выдачи продовольственных ссуд или в виде устройства детских столовых, яслей, столовых для взрослых и проч.», — заявило в 1901 г. на XIII съезде самарских врачей санитарное бюро местного земства [17, с. 52]. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах в начале XX в. организовывало при неурожаях трудовую помощь на принципах, выработанных практикой в 1899 г. Отдельной строкой они, наряду с общественными работами, раздачей работ на дом, включали в себя и открытие яслей. По линии детских учреждений Попечительство продолжало сотрудничать с земством Уфимской губернии, особенно в неурожайные годы, последовавшим за началом первой русской революции. Сводки по Уралу уже за 1906 г. стали тревожными и не предвещали улучшения ситуации, напротив, вслед за дороговизной и недостатком продуктов питания пришли болезни. «По заболеваемости тифом в отчетном году особенно выдавалась губерния Пермская», «Второе место по развитию сыпного тифа в отчетном году занимает губерния Вятская», — рапортовал медицинский департамент [13, с. 43, 46]. Череда неурожайных лет привела к тому, что заболеваемость сыпным тифом в 1908 г. оказалась наивысшей за последние 14 лет уже по всей России [14, с. 39].

Неблагополучное положение сложилось и в Уфимской губернии. В условиях постоянного недорода и голода ее земство в широких размерах практиковало открытие летом детских яслей, причем готовиться к очередному сезону начинало заблаговременно. Уже 32-е очередное губернское земское

собрание 11 декабря 1906 г. заслушало доклад «О разрешении кредита на устройство детских приютов-яслей в деревнях во время полевых работ в 1907 году». Гласный Российский предложил увеличить это финансирование в два раза. Земцы с ним согласились и постановили: «Вместо 3000 рублей разрешить Управе израсходовать в 1907 году на устройство яслей 6000 рублей, т. е. по 1000 рублей на уезд». Затем запрос — в каких селениях предполагалось это сделать — был послан в уездные инстанции. Выяснилось, что в 1907 г. они собирались открыть 11 детских учреждений в Бирском уезде, 6 — в Белебеевском, 5 — в Уфимском и одно — в Златоустовском[1]. По Уфимскому уезду планы, действительно, были выполнены. В Бирском вместо одиннадцати открыли десять приютов, в Белебеевском — вместо пяти шесть, в Мензелинском уезде имелись ясли в селе Афонасово, деревнях Зиашевой и Поисеевой, а в Стерлитамакском — в селах Табынском и Петровском. К 1 ноября 1907 г. в губернскую управу доставили сведения о функционировании 26 детских учреждениях в пяти уездах. Докладывая о них очередному губернскому земскому собранию, управа «считала своим долгом просить ... разрешить ей израсходовать на этот предмет по примеру текущего года до 6000 руб.»[2]. Вклад Попечительства о трудовой помощи в ясельное дело хорошо виден на примере Бирского уезда. К тысяче рублей, полученных местным земством от губернского, оно добавило еще 100 руб. 128 руб. 70 коп. осталось в уезде от субсидии этой организации за прошлый год. На 1228 руб. 80 коп. планировалось создать приюты в следующих населенных пунктах: Емашь, Большой Есаул, Дюртюли, Тартышево, Чураево, Калегино, Репьевка (не был открыт), Кырпах, Касево, Андреевка, Надеждино. 33-е очередное бирское уездное собрание признало «желательным продолжение деятельности яслей в 1908 году и постановило ходатайствовать перед ... губернским земским собранием об отпуске» тысячи рублей[3]. Однако возможности последнего оказались ограничены, и ему пришлось предоставить в распоряжение уездов деньги благотворителей: «В виду полного отсутствия средств у губернского земства на приют-ясли расходовались суммы, присланные губернской Управе Центральным Комитетом по оказанию помощи голодающим». Из пожертвований частных лиц 4000 руб. были отданы именно детским учреждениям. Изменения в источниках их финансирования наглядно демонстрируют возрастание роли яслей как учреждения, противостоящего голоду, болезням и разорению. Запрашивая деньги на следующий год, губернская Управа стремилась распределять их «смотря по действительной надобности» голодающих. Дотацию не собирались делить поровну между уездами (так Бирскому дали меньше), поскольку «в некоторых уездах, например, Белебеевском нужда в яслях может оказаться больше, чем в других более благополучных

[1] НА РБ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 228. Л. 3.
[2] Там же. Л. 3–10 об.
[3] Там же. Л. 5, 10 об.

в смысле урожая в нынешнем году»[1]. В «Докладе о детских яслях-приютах в селениях Бирского уезда» за 1908 г. говорилось: «В текущем году на содержание яслей-приютов в распоряжение уездной Управы были следующие средства: 650 руб., переведенные земской губернской Управой из кредита, ассигнованного на этот предмет губернским земским Собранием; 80 руб., переведенных Комитетом Попечительства о трудовой помощи и сверх того 109 рублей 24 коп., оставшихся в распоряжении земской Управы от сумм, отпущенных ранее названным Комитетом на содержание яслей-приютов в Бирском уезде, а всего 839 руб. 24 коп.». Располагая значительно меньшей суммой, удалось открыть приюты в 9 населенных пунктах, в том числе снова в селах Емашь, Большой Есаул, Касево, Калегино, Дюртюли, Андреевке. К ним добавилась деревни Армяниново, Кереметева и Байкибаш. Семь яслей финансировало земство, два — содержал столичный Комитет. 34-е бирское земское собрание 30 сентября 1908 г. организовало широкое обсуждение ясельного вопроса: кроме процитированного доклада были заслушаны «дополнительные сведения о деятельности яслей-приютов в дд. Кереметевой и Байкибаше, сообщенные наблюдавшими за этими яслями-приютами земским начальником 12 участка ... и земским врачом 6 участка». После обсуждения решено было придерживаться доказавшей свою продуктивность схемы: «ходатайствовать перед губернским земским Собранием и Комитетом Попечительства о трудовой помощи об отпуске средств на устройство яслей-приютов в 1909 году». У губернских инстанций вновь решили просить тысячу рублей[2]. В отличие от Бирского уезда Стерлитамакскому обещанная сумма была предоставлена полностью. В докладе его земства сказано: «По примеру прежних лет Уфимским губернским земством на открытие яслей-приютов было отпущено в текущем году 6000 руб., в том числе на Стерлитамакский уезд 1000 руб. Согласно постановлению врачебного совета, за счет отпущенной ассигновки ясли были открыты в селе Архангельском, деревне Ахметкиной и селе Петровском и, как видно из приложенных отчетов, ясли действовали довольно успешно». На содержание яслей-приютов в 1909 г. земцы Стерлитамакского уезда вновь попросили тысячу рублей[3]. Сопоставление ясельных отчетов за 1899 г. и за 1907–1908 гг. выявляет важное различие между ними: ранние в обязательном порядке содержат весьма пространные отзывы о том, зачем нужны ясли голодающей деревне, в поздних — этот вопрос с повестки дня уже снят. Для местных деятелей стало важно другое: за имеющиеся денежные средства охватить яслями как можно большее количество крестьянских детей. При массовом устройстве яслей формировался, по выражению санитарного врача Уфимской губернии Б.М. Эльцина, «земский способ оборудования» этих учреждений. Вырабатывать его помогал сбор информации, проводившийся, например,

[1] Там же. Л. 10–10 об.

[2] Там же. Л. 289–292.

[3] Там же. Л. 130–130 об.

по «Программе отчета о деятельности яслей-приютов в Стерлитамакском уезде». Она насчитывала 17 позиций и детально выясняла организационные нюансы ясельной жизни[1].

История распространения детских яслей в России показывает, каким образом ряд негативных явлений: неурожай, голод, эпидемии, разорение, — развивал социальную сферу, по крайней мере, выявлял скрытые резервы ее институциональных структур. Детское учреждение стало средством смягчения перечисленных проблем и выходом из них. Следует согласиться с выводом Горовцева о том, что для голодающей и нищей деревни «устройство яслей явилось … истинным благодеянием, и крестьяне, конечно, первые поняли и почувствовали это лишь только уже первые шаги деятельности яслей дали им самое настоятельное доказательство действительного ее характера и назначения» [6, с.290]. Аналогичная трансформация произошла в России с «Красным крестом». Сначала члены этой организации выезжали «на эпидемию», связанную с голодом, затем стали выезжать «на голод» и в дополнении к больничкам открывать столовые, в конце концов, эта организация стала чуть ли не координатором помощи голодающим, и государство возложило на нее основную нагрузку в ее предоставлении. Подобные метаморфозы свидетельствовали об остроте проблемы борьбы с голодом.

Список источников

1. *Ганзен П. Г.* Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. — 1900. — .№ 3. — Отд. 2. — С. 111–153.

2. *Ганзен П. Г.* Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. — 1900. — № 4. — Отд. 2. — С. 57–90.

3. *Ганзен П. Г.* Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. — 1900. — № 5. — Отд. 2. — С. 29–48.

4. *Ганзен П. Г.* Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. — 1901. — № 10. — Отд. 2. — С. 1–18.

5. *Голикова С. В., Дашкевич Л. А.* Призрение детей на Урале в XVIII — начале XX в. Институциональный и социокультурные аспекты. — Екатеринбург : УрО РАН, 2013. — 436 с.

6. *Горовцев А. М.* Трудовая помощь голодающим в 1899 году // Исторический вестник. — 1902. — № 1. — С. 261–293.

7. Внутреннее обозрение // Русская мысль. — 1898. — № 11. — Отд. 2. — С. 182–191.

8. Внутреннее обозрение // Русская мысль. — 1899. — № 2. — Отд. 2. — С. 178–189.

9. Внутреннее обозрение // Русская мысль. –1899. — № 4. — Отд. 2. — С. 192–205

10. Овчинников Н. Трудовая помощь в Вятской губернии, оказанная в 1899 году попечительством о домах трудолюбия и работных домах // Вятские губернские ведомости. — 1901. — № 28. — С. 3.

11. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1891 г. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1894. — 305 с.

12. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 г. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1896. — 303 с.

13. Отчет о состоянии народного здравия и организации состояния врачебной помощи в России за 1906. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1908. — VII, 100, 257 с.

[1] Там же. Л. 29–29 об.

14. Отчет о состоянии народного здравия и организации состояния врачебной помощи в России за 1908. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1910. — 281 с.

15. *Русских Н. А.* Санитарные требования в деле призрения детей // Записки Уральского медицинского общества. — Вып. 2. — Екатеринбург, 1893. — С. 45–50.

16. *Смородинцев А. П.* К вопросу о пище крестьян Екатеринбургского уезда в 1889–1891 году // Записки Уральского медицинского общества. — Вып. 2. — Екатеринбург, 1893. — С. 24–35.

17. *Сухоплюев И. К.* Неурожаи и массовые заболевания голодающего населения // Русская мысль. — 1906. — № 3. — Отд. 2. — С. 42–54.

18. *Сухоплюев И. К.* Неурожай и общественные работы // Русская мысль. — 1906. — № 10. — Отд. 2. — С. 52–70.

19. *Сухоплюев И. К.* Политические причины голодовок // Русская мысль. — 1906. — № 12. — Отд. 2. — С. 1–22.

20. *Сухоплюев И. К.* Последствия неурожаев в России // Русская мысль. — 1906. — № 6. — Отд. 2. — С. 147–183.

21. Устав здравоохранения и учреждения, ведающие врачебно-санитарным делом. Проект. — Петроград: Государственная типография, 1916. — VIII. — 510 с.

22. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. — 1899. — № 8. — Отд. 2. — С. 178–199.

Информация об авторе

Голикова Светлана Викторовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, e-mail: avokilog@mail.ru).

Golikova S. V.

Nurseries as a Tool for Fighting with the Consequences of Hunger in the Ural Village in the End of the XIX — the Beginning of the XX Centuries

Nurseries began to spread in Russia as a tool for fighting with high infant mortality in the late nineteenth century. Since the famine increased the death rate of the population, Russians tried to use nurseries for fighting with this disaster. The prototypes of nurseries in the form of temporary shelters for children appeared during the famine of 1891–1892. Fighting with the consequences of the famine of 1898 included a large-scale experiment — opening of nurseries in five provinces, including Ufa and Vyatka, in the summer of 1899. Nurseries operated in 177 settlements and covered almost 8000 children. Along with the doctors, whose interest in saving children's lives is understandable, the Committee for labor assistance was involved in the organization of nurseries. The employees of this Committee explained their participation by the fact: sending children to a day nursery, employable family members do not need to spend time caring for children and they have the opportunity to work and earn. It was also important for the ruined peasant economy that these institutions not only healed and saved the lives of future workers, but also incurred the costs of their upbringing (supervision, food, clothing and so on). The local zemstvos of Ufa province tried to organize new nurseries and increase their financing in the hungry years of 1907–1908. By this time, workers in zemstvos were well aware of the use of nurseries and set themselves a new task: to send in the nurseries as many children as possible.

Keywords: mass hunger, epidemics, children's day nursery.

References

1. Ganzen P. G. Experience of health improvement of the village // Russkaya mysl' [Russian thought]. — 1900. — no 3. — Division 2. — pp. 111–153.

2. Ganzen P. G. Experience of health improvement of the village // Russkaya mysl' [Russian thought]. — 1900. — no 4. — Division 2. — pp. 57–90.

3. Ganzen P. G. Experience of health improvement of the village // Russkaya mysl' [Russian thought]. — 1900. — no 5. — Division 2. — pp. 29–48.

4. Ganzen P. G. Experience of health improvement of the village // Russkaya mysl' [Russian thought]. 1901. no 10. Division 2. pp. 1–18.

5. Golikova S. V., Dashkevich L. A. Charity of children in the Urals in the XVIII — early XX century: institutional and socio-cultural aspects. — Ekaterinburg: Uro RAN, 2013. — 436 p.

6. Gorovcev A. M. Labor aid to the starving people in 1899 // Istorichesky vestnik [Historical Herald]. — 1902. — no 1. — pp. 261–293.

7. Internal review. Russkaya mysl' [Russian thought]. — 1898. — no 11. — Division 2. — pp. 182–191.

8. Internal review. Russkaya mysl' [Russian thought]. — 1899. — no 2. — Division 2. — pp. 178–189.

9. Internal review. Russkaya mysl' [Russian thought]. — 1899. — no 4. — Division 2. — pp. 192–205.

10. Ovchinnikov N. Labor assistance in Vyatka province, organized by Committee on houses of diligence and workhouses in 1899 // Vyatskie gubernskie vtdomosti [Vyatka provincial Sheets]. — 1901. — no 28. — p. 3.

11. Report of Medical Department of Ministry of Internal Affairs for 1891. — St Petersburg: Printing house of Ministry of Internal Affairs, 1894. — 305 p.

12. Report of Medical Department of Ministry of Internal Affairs for 1892. — St Petersburg: Printing house of Ministry of Internal Affair, 1896. — 303 p.

13. Report on the state of public health and organization of medical care in Russia for 1906. — St Petersburg: Printing house of Ministry of Internal Affairs, 1908. — VII, 100. — 257 p.

14. Report on the state of public health and organization of medical care in Russia for 1908. — St Petersburg: Printing house of Ministry of Internal Affairs, — 1910. — 281p.

15. Russkih N. A. Sanitary requirements for the charity of children // Zapiski Ural'skogo medicinskogo obshchestva [Notes of the Ural Medical Society]. — 1893. — Vol. 2. Ekaterinburg, 1893. — pp. 45–50.

16. Smorodincev A. P. Food ration of the peasants of Yekaterinburg uezd in 1889–1891 // Zapiski Ural'skogo medicinskogo obshchestva [Notes of the Ural Medical Society]. — Vol. 2. Ekaterinburg, 1893. — pp. 24–35.

17. Suhoplyuev I. K. Crop failures and mass diseases of the starving population. Russkaya mysl' [Russian thought]. 1906. no 3. Division 2. pp. 42–54.

18. Suhoplyuev I. K. Crop failure and public works // Russkaya mysl' [Russian thought]. — 1906. — no 10. — Division 2. — pp. 52–70.

19. Suhoplyuev I. K. Political causes of hunger // Russkaya mysl' [Russian thought]. — 1906. — no 12. — Division 2. — pp. 1–22.

20. Suhoplyuev I. K. Consequences of crop failures in Russia // Russkaya mysl' [Russian thought]. — 1906. — no 6. — Division 2. — pp. 147–183.

21. Health charter and institutions responsible for medical and sanitary work: The project. Petrograd : State printing house, 1916. — VIII, — 510 p.

22. Chronicle of domestic life // Russkoe bogatstvo [Russian wealth]. — 1899. — no 8. — Division 2. — pp. 178–199.

Author

Golikova Svetlana Viktorovna — Russia, Ekaterinburg, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620990, Ekaterinburg, Sofji Kovalevskoy Str., 16, e-mail: avokilog@mail.ru).

УДК 94(470.5)

Дашкевич Л. А.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ НЕЗАКОНОРОЖДЕННЫМ И БРОШЕННЫМ ДЕТЯМ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.[1]

В статье освещена организация помощи брошенным детям в Пермской губернии. В конце XVIII — начале XIX вв. главным институтом этой помощи являлись воспитательные дома, которые были уникальным явлением не только в российской, но и в европейской практике. Согласно закону, все брошенные дети, как законные, так и внебрачные, выходили из воспитательных домов вольными людьми и сохраняли этот статус в дальнейшем, никто не имел возможности их закабалить или прикрепить к себе. В 1828 г. правительство закрыло воспитательные дома в провинции. Главной причиной этого решения стали политически-сословные факторы. Попечение о брошенных детях было передано местным органам самоуправления. Однако размеры детской помощи были невелики, значительная часть брошенных младенцев гибла. В конце XIX — начале XX вв. государство усилило внимание к проблемам брошенных детей. В 1898 г. организация воспитательных домов была вновь разрешена. В Пермской губернии главную роль в помощи брошенным детям играл Верх-Исетский сиротско-воспитательный дом. Существовали и другие институты помощи. Однако цельной системы помощи брошенным детям в стране, в том числе и на территории Пермской губернии не сложилось. Главной отрицательной чертой организации помощи бедным и обездоленным детям была ее хаотичность. Помощь нуждающимся оказывалась через разобщенные и не связанные между собой земские, городские, сословные и ведомственные учреждения, а также благотворительные общества. Не были определены источники финансирования социальной помощи и категории лиц, подлежащих обязательному призрению.

Ключевые слова: социальная политика, детская помощь, воспитательные дома, благотворительность, история Урала XIX — начала XX вв.

Первые государственные учреждения помощи «несчастнорожденным» детям возникли в России в конце XVIII в. Московский (1763) и Санкт-Петербургский (1770) воспитательные дома, созданные по воле Екатерины II, а также все основанные вслед за ними детские заведения в российских губерниях были уникальным явлением не только в российской, но и в европейской практике. Согласно закону, все брошенные дети, как законные, так и внебрачные, выходили из них вольными людьми и сохраняли этот статус в дальнейшем, никто не имел возможности их закабалить или прикрепить к себе. Бывшим питомцам детских заведений закон давал право заниматься предпринимательством, покупать дворы, лавки, заводить фабрики и заводы, вступать в любые свободные «состояния». Практика создания воспитательных домов в провинции, однако, была недолгой. В 1828

[1] © Дашкевич Л. А. Текст. 2018.

г. правительство приняло решение закрыть детские учреждения и определить их питомцев к опекунам или мастерам «для воспитания и обучения приличным мастерствам и рукоделиям» [2, с. 260].

Современный исследователь А. Р. Соколов вполне обоснованно видит в числе причин этого решения не только медицинские факторы (высокая смертность детей — в Екатеринбургском воспитательном доме она доходила до 95 %), но и, главным образом, политически-сословные. Императора Николая I раздражало существование детских заведений в том формате, как их создала Екатерина II. Они совершенно не вписывались в формировавшуюся императором государственную консервативную структуру образования и воспитания детей, главной целью которой было сохранение сословной структуры общества. В преамбуле к Указу 1837 г. «О мерах по уменьшению приноса в воспитательные дома детей» об этом говорилось вполне ясно: «Умножающийся год от году принос в Московский и Санкт-Петербургский воспитательные дома и возрастающая вместе потребность для них в кормилицах обнаружили, особенно при последней народной переписи, вредное влияние, которое имеет на народонаселение ежегодное удаление такого множества крестьянок от естественных материнских обязанностей. С другой стороны, долговременный опыт доказал, что многие родители отчуждают и законнорожденных детей своих от родительского попечения и семейного быту не по причине нищеты, лишающей способов к их содержанию, а для того, чтобы под этим предлогом вывести детей своих из сословия, к которому принадлежат, освободить их от общественных обязанностей, на том сословии лежащих, или доставить выгоды по гражданской службе выше своего состояния» [11, с. 105].

Общество неоднозначно восприняло весть о закрытии воспитательных домов. В 1830 г. на страницах журнала «Вестник Европы» развернулась настоящая полемика по этому поводу. Начало ей дала книга ректора Санкт-Петербургского университета А. А. Дегурова «Исследования о подкидышах и детях незаконнорожденных в России, в других краях Европы, в Азии и Америке», а также статья известного немецкого врача Х. Гуфеланда, которая была опубликована в «Варшавской газете». Упомянутые авторы считали, что создание приемных домов для подкидышей имеет весьма негативное влияние на нравственное состояние общества и лишь умножает число несчастных покинутых детей. Распространившиеся в обществе скептические взгляды по отношению к призрению подкидышей возмущали главного доктора Санкт-Петербургского воспитательного дома Филиппа Деппа. В своей «Медико-статистической записке об Императорском Санкт-Петербургском воспитательном доме» (1835 г.) он писал: «Это поверхностное изложение действий нашего заведения, где тысячи несчастных существ, избавленные не только от голодной смерти, но часто и от ужаснейшей еще смерти от руки родителей, делаются полезными гражданами, достаточно, кажется, к опровержению жестокого проклятия воспитательным домам, необдуманно произнесенных мужем человеколюбивым

и знаменитым ветераном-врачом. К сожалению, далеко отозвалось пагубное его изречение „Прочь воспитательные домы! Они производят подкидышей. Они не благо, но язва для государств. Они порча и нравственного, и физического их блага". К сожалению, это изречение могло быть причиною, что подобные спасительные заведения уничтожены вместо того, чтобы улучшить их, дать им сообразнейшую организацию и заменить неспособных правителей их достойнейшими, ибо лишь внутреннему устройству и управляющим, но не безвинным сиротам должно приписывать худой успех таковых заведений» [3, с. 57]. Главным вопросом в возникшей полемике, как мы видим, было моральное состояние общества. Вопрос о праве каждого младенца на жизнь даже не поднимался. Все станет иначе позднее, в конце XIX — начале XX в., когда и в обществе, и в правительстве изменится отношение к детской жизни.

Надо заметить, что, несмотря на запретительные меры 1828 и 1837 гг., прием подкидышей в столичные воспитательные дома сохранился. Они по-прежнему собирали незаконнорожденных младенцев со всей территории России, но судьбу их государство решало уже иначе, чем в екатерининские времена. Воспитанников «неблагородного» происхождения сначала отсылали «для прокорма» в деревни, а по достижении определенного возраста определяли на фабрики и заводы, переводя в разряд мастеровых, либо причисляли к крестьянским семействам [9, с. 97]. Несмотря на это, число детей, прибывавших в столицы из провинции, было очень велико. Дореволюционный историк А.Ф. Селиванов подсчитал, что во второй половине XIX в. около 42 % всех детей, принимавшихся Московским воспитательным домом, были привезены сюда из разных городов. В России даже создался особый «питомнический» промысел: по просьбам матерей, женщины доставляли младенцев в воспитательные дома за плату, условия поездки для них при этом были ужасны: «Везут обыкновенно несколько детей в корзине и кормят их плохо и вместо молока дают соску с черным хлебом» [10, с. 186]. На Урале, впрочем, этот промысел развит не был — слишком далеко было до столицы. Незаконнорожденных и брошенных младенцев поддерживали приказы общественного призрения, а после реформ 1860–1870-х гг. земства и городские органы самоуправления, но средства, выделявшиеся на решение этой социальной проблемы, были невелики.

К закрытому призрению брошенных младенцев государство вернулось в конце XIX — начале XX вв. Как уже отмечалось, что это было вызвано не только импульсами сострадания и милосердия. Задачи социального обустройства детей получили в конце XIX — начале XX вв. совершенно иное звучание, чем столетие назад. Врач московской детской Владимирской больницы М.М. Райц, отдавшая много сил и энергии охране здоровья детей, писала в 1917 г.: «Двадцатый век признал, что благо подрастающего поколения является основанием как общественного, так и государственного процветания каждого народа, и утвердил за ребенком значение не

только лично семейного, но и национального достояния» [8, с. 497]. Новые тенденции в сфере призрения незаконнорожденных и покинутых детей отразил в своей монографии доктор медицины, главный врач Санкт-Петербургского воспитательного дома М.Д. Ван-Путерен [7]. Работу над книгой, обобщившей огромный фактический материал о помощи подкидышам не только в нашей стране, но и за рубежом, врач начал в 1893 г. В это время Санкт-Петербургский воспитательный дом уже не справлялся с возраставшим притоком приносимых младенцев. Для решения проблемы Опекунский совет дома предложил провести так называемую «децентрализацию», то есть переложить значительную часть расходов на местные средства земских и городских общественных управлений. Доклад о «децентрализации» детского призрения был отправлен на высочайшее имя в 1889 г. Александр III ознакомился с ним и одобрил, но поручил предварительно ознакомиться с зарубежным опытом в этой сфере, после чего М.Д. Ван-Путерен был отправлен за границу. Окончательно вопрос решился 9 марта 1898 г., когда было утверждено постановление Государственного совета, отменившее воспрещение 1828 г. на учреждение в губерниях воспитательных домов.

Побывав в Европе, доктор М.Д. Ван-Путерен решил ознакомиться с положением дела в собственной стране. Он обратился к тем местным учреждениям, в ведении которых должны были находиться несчастные дети. Результаты этого обращения, однако, как пишет автор, «получились очень скудные», почти никто на просьбу врача не ответил, и тогда ему пришлось самостоятельно изучить проблему по архивным делам хозяйственного департамента министерства внутренних дел, изданиям уездных земств и другим местным материалам. Выводы М.Д. Ван-Путерена были печальны: в большинстве губерний размеры призрения брошенных детей были мизерны и далеко не удовлетворяли необходимым потребностям. В Пермской губернии, например, по данным М.Д. Ван-Путерена, особого земского заведения для содержания брошенных детей не существовало. Губернская земская управа вообще очень редко обращались к проблеме детского призрения, доверив ее благотворительным обществам. В земских материалах встречались лишь немногочисленные замечания по изучаемому вопросу, которые позволили автору сделать вывод, что земская помощь детям оказывалась в очень небольших размерах. В 1881 г., например, по его данным, губернская управа доложила земскому собранию о том, что в связи с подорожанием жизненных припасов необходимо возвысить плату воспитателям, берущим к себе подкидышей с трех до четырех-пяти рублей в месяц [6, с. 2–3]. Основную долю расходов по содержанию брошенных детей брали на себя благотворительные общества и детские заведения, созданные на пожертвованные средства.

Самым значительным из них был Верх-Исетский сиротско-воспитательный дом. История этого детского заведения связана с именем екатеринбургского купца второй гильдии Семена Алексеевича Петрова,

человека удивительной судьбы. Судя по рассказам старожилов, собранным в 1915 г. В.В. Калачниковым, А.С. Петров был внебрачным сыном нищенки, происходившей из крестьян Камышловского уезда. Долгое время мальчика так и звали «Фенич», сын Федосьи. Младенцем он был подкинут к дому Максима Ивановича Коробкова, богатого екатеринбургского купца, занимавшегося «винно-колониальным делом». Приемный сын оказался удачливым предпринимателем и значительно умножил доставшиеся ему от отца капиталы. В конце жизни он решил употребить их на «облегчение участи обездоленных и беспризорных детей». Наследников у С.А. Петрова не было, до конца жизни он оставался холостяком. Современники считали, что решение купца не было случайным, оно долго обдумывалось. В записках, обнаруженных В.В. Калачниковым в доме С.А. Петрова, много говорилось о судьбе и тяжелом положении незаконнорожденных детей [4, с. 4]. По завещанию купца, все его торговые и коммерческие дела были ликвидированы, а доходы, полученные от продажи движимого и недвижимого имущества (около 400 тыс. руб. — огромная для того времени сумма!), пущены на создание сиротско-воспитательного дома. Хозяйственное управление всеми этими капиталами купец завещал Екатеринбургской городской думе.

Семен Алексеевич Петров умер 21 декабря 1881 г. Распродажу его имущества и составление устава приюта дума поручила ликвидационной комиссии, в состав которой вошли известные и уважаемые в городе купцы и городские деятели. Уставные документы сиротско-воспитательного дома имени С.А. Петрова были подготовлены к 1883 г., но их утверждение затянулось из-за всевозможных юридических проволочек — на создание подобных учреждений, как уже говорилось, власти шли неохотно. Официальное разрешение на открытие детского заведения было получено лишь 19 мая 1890 г. Согласно уставу, оно могло принимать не только покинутых детей — подкидышей, в том случае, если их родители не установлены полицией, но и круглых сирот до 10-летнего возраста. То есть, это был скорее приют, чем воспитательный дом для младенцев.

Как и многие другие благотворительные учреждения, воспитательный дом был подчинен ведению министерства внутренних дел, непосредственное же управление им осуществлял попечительный совет. Он состоял из четырех членов, избиравшихся Екатеринбургской городской думой каждое четырехлетие. Фактически деятельность Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени С.А. Петрова началась в 1893 г., когда попечительный совет приобрел здание бывшего детского общежития Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих на Уктусской улице города Екатеринбурга, где и было открыто Екатеринбургское отделение детского заведения. Обитатели общежития, 76 детей и подростков в возрасте от 2 до 16 лет, стали его первыми питомцами. Существовало отделение, правда, недолго. В 1897 г. на месте прежней усадьбы С.А. Петрова в поселке Верх-Исетского завода было возведено новое трехэтажное здание

по проекту архитекторов Ю.И. Дютеля и С.С. Козлова, в котором решено было сосредоточить всех обитателей петровского дома. По этой причине Екатеринбургское отделение вскоре закрылось. Строительство здания обошлось городской думе в 115 128 руб. 69 коп. Эти деньги были взяты из капитала, завещанного С.А. Петровым.

Условия содержания питомцев в новом сиротско-воспитательном доме были достаточно комфортными. Для детей старшего и младшего возраста здесь действовали специализированные отделения, девочкам и мальчикам старшего отделения предоставлялись раздельные спальни. В центральной части третьего этажа здания, отданного старшему отделению, строители разместили обширный и светлый рекреационный зал для отдыха и торжественных мероприятий, два классных помещения, комнату воспитательницы, в левом крыле — три спальни для девочек, швейную и рукодельную мастерские, в правом — три спальни для мальчиков, комнату воспитателя и помещение для игр. Учебные мастерские расположились на втором этаже здания. Здесь же, в четырех просторных помещениях, жили дети младшего возраста (до 6 лет). Рядом с «детскими» расположилась комната смотрительницы сиротско-воспитательного дома и канцелярия. Нижний полуподвальный этаж здания был предназначен для различных служебных помещений и кладовых. Погреб, бани, прачечную и конюшни поместили на дворовой территории.

После возведения собственного здания численность питомцев петровского сиротско-воспитательного дома существенно увеличилась. 11 октября 1897 г. здесь открылось отделение для грудных детей, которое стало быстро заполняться «найденышами и подкидышами». В соответствии с волей завещателя, устав не ограничивал строго количество призреваемых детей. Очень скоро это привело к финансовым трудностям. Основным источником содержания детского заведения были проценты с оставленного купцом С.А. Петровым капитала. В 1893–1903 гг. они ежегодно давали администрации от 14800 до 27 000 руб. Поступали сюда и частные пожертвования, но их сумма не превышала 826 руб. Определенный доход приносили результаты трудов собственных мастерских воспитательного дома, но и это были небольшие деньги. В 1893–1903 гг. они составляли от 180 до 802 руб. В целом, этого капитала вполне хватало на содержание детей, жалованье штатных служащих, ремонт и оборудование здания. Но растущее количество приносимых младенцев требовало увеличения количества кормилиц и обслуживающего персонала. Так, если к 1 января 1899 г. штат служащих включал 27 чел., из них лишь 4 няньки и 3 кормилицы, то к 1 января 1904 г. здесь работали уже 9 нянек и 17 кормилиц. Подобных расходов бюджет заведения покрыть не мог.

Определенную помощь в решении финансовых проблем оказали детскому воспитательному учреждению в эти трудные для него годы местные общественные организации. В 1907 г. совет старшин коммерческого собрания Екатеринбурга постановил отчислять в пользу дома по 5 % с каждой

выданной игры карт. В 1908 г. Уральский отдел союза для борьбы с детской смертностью выделил попечительному совету 500 руб. в пользу «дела призрения подкидышей». Тогда же, по решению Второго российского страхового общества сюда было решено отправлять процентное вознаграждение за работу страховых агентов. Екатеринбургское общество устраивало благотворительные концерты, спектакли, беговые дни. Но все же эти меры не могли решить всех хозяйственных проблем. К маю 1908 г. дефицит бюджета сиротско-воспитательного дома составил уже около 4,5 тыс. руб. Чтобы выйти из создавшегося критического положения, попечительный совет предложил отказаться в течение трех лет от приема в воспитательный дом новых детей.

К этой крайней мере администрация петровского дома, правда, так и не прибегла. В 1908 г. после обращения к губернскому земскому собранию попечительный совет лишь ограничил штат призревавшихся здесь подкидышей до 50 малышей. На содержание каждого из них земство постановило отпускать по 9 руб. в год. Эта мера помогла частично сгладить проблему призрения брошенных детей, однако, как пишет В.В. Калачников, «число последних в городе продолжало возрастать с каждым годом и при всегда заполненном штате вакансий воспитательного дома, большинство из них, после бесплодных странствований в руках обнаруживших их полицейских чинов из одного благотворительного учреждения города в другое, препровождались полицией в ближайшие к городу волостные правления, которые и выдавали их на воспитание в частные семьи с платой за счет губернского земства по четыре рубля в месяц при посредстве уездного земства» [4, с. 32]. Большая часть маленьких страдальцев при этих мытарствах, конечно, погибала.

Екатеринбургская городская дума признала это положение недопустимым. В 1911 г. она обратилась к попечительному совету петровского дома с просьбой взять на себя посредничество в помощи несчастным детям и администрация согласилась после обнаружения младенцев полицией размещать их временно в приемном покое воспитательного дома и содержать там в приличных условиях под врачебным присмотром до отдачи в частные руки. Городское управление и земская управа оплачивали эти услуги. В 1911 г. на этих условиях в петровском содержалось 75 детей, в 1912 г. — 123, в 1913 г. — 94, в 1914 г. — 123.

Наряду с финансовыми трудностями петровский дом столкнулся с традиционной бедой воспитательных учреждений — высокой детской смертностью. «Чем моложе принятые дети, тем выше среди них смертность», — констатировал врач этого заведения доктор медицины Б.М. Левенсон. Как правило, подкидываемый ребенок был внебрачным. Матери, избавляясь от нежелательного бремени, «гибельно влияли» на его развитие и жизнеспособность. В другую группу риска входили круглые сироты, родители которых умирали от чахотки и малютки часто «таили в себе зачатки этой страшной болезни» [4, с. 58]. С 1893 г. по 1914 г. включительно учреждение

приняло 1620 чел., из них умерли 950 (58,6 %). Главными причинами смерти, по словам доктора, являлись болезни дыхательных и пищеварительных органов. Много детей погибало также от «бугорчатки легких, костей, брюшины и желез».

Сопоставив две системы кормления — «на стороне» и кормилицами в самом доме –попечительный совет в 1907 г. принял решение «применить в самой широкой степени систему рассеяния подкидываемых детей». Младенцы отдавались «на сторону» за определенную плату, как правило, женщинам, проживавшим недалеко, в поселке Верх-Исетского завода, что позволяло администрации тщательно следить за состоянием здоровья малышей. «При отдаче на сторону женщины, желающие брать детей, подвергаются телесному осмотру, адреса их записываются и квартиры осматриваются. Дети, отданные на сторону, получают комплект белья, кусок клеенки для подкладки и порцию детской присыпки. Врач дома и его помощница посещают их два раза в месяц, смотрительница и члены совета — по желанию. В случае болезни ребенка кормилица обязана уведомить врача немедленно.» — описывал Левенсон принципы работы «системы рассеяния». В самом сиротско-воспитательном доме в качестве борьбы за жизнь призреваемых использовали только кипяченое, а затем стерилизованное и пастеризованное молоко, производили предохранительные прививки от оспы, скарлатины и дифтерита и даже поголовную ревакцинацию от оспы. В главном корпусе помещался домашний лазарет с изоляционной комнатой, который позволял не только лечить маленьких пациентов, но и предотвращать распространение эпидемий. Тщательно организованный надзор за расселенными детьми вкупе с применением достижений санитарно-гигиенического характера позволил значительно снизить уровень смертности. После полного перехода на «систему рассеяния» и упразднения в 1909 г. грудного отделения при доме уровень младенческой смертности здесь снизился до 37,2 %, а затем и до 33 % [4, с. 58]. Общие показатели смертности детей разных возрастов в петровском воспитательном доме в 1909–1913 гг. составляли в среднем 12,3 %. Эту цифру следует признать значимым достижением в трудной борьбе с высокой детской смертностью на Урале.

Система воспитания детей в сиротско-воспитательном доме имени С.А. Петрова ставила своей главной целью образование «нравственных, полезных и трудолюбивых членов общества». С самого начала деятельности детского заведения здесь была открыта начальная школа, работавшая по программе сельских училищ ведения министерства народного просвещения. Воспитание строилось на религиозно-нравственных началах. Обязательным предметом в школе был Закон Божий, день начинался с молитвы, расписание занятий соответствовало религиозным праздникам. Попечительный совет заботился о художественном развитии детей, для чего в программу занятий были введены уроки пения. Руководил ими известный на Урале музыкальный деятель Ф.С. Узких. В доме имелись

музыкальные инструменты: фисгармония, скрипки. Несколько призреваемых мальчиков брали уроки музыки, девочки пели в хоре. Серьезное внимание уделялось физическому развитию детей. Для них регулярно устраивались прогулки в лес, за город. Старшим воспитанникам давались уроки гимнастики. В свободное от классных занятий время дети посещали библиотеку, приобретенную попечительным советом в 1904 г. и ежегодно пополнявшуюся на средства частных благотворителей. Досуг заполняли и другие культурные и познавательные мероприятия: чтения с демонстрацией картин при помощи «волшебного фонаря», литературно-музыкальные и исполнительские вечера, елки.

Наиболее одаренные питомцы сиротско-воспитательного дома могли за счет средств петровского дома получить дальнейшее образование в городской гимназии, высших училищах, технических и торговых школах. По данным В.В. Калачникова, среди выпускников приюта в 1899–1914 гг. были дети (11 мальчиков и 2 девочки), избравшие так называемые «интеллигентные профессии» (письмоводство, счетоводство и пр.). Главной заботой попечительного совета была практическая подготовка воспитанников, которая обеспечила бы им в будущем возможность заняться собственным делом или поступить в услужение. Для этого при воспитательном доме было введено обучение детей «наиболее употребительным ремеслам и рукоделиям». Швейная мастерская, открытая в 1893 г. при Екатеринбургском филиале сиротско-воспитательного дома, обучала девочек шитью белья, вязанию чулок и прочим рукодельным работам. Воспитанницы не только изготавливали вещи для нужд самого приюта, но и выполняли частные заказы. В 1893–1901 гг. их изделия продавались в магазине готового платья «Перетц» в Екатеринбурге. В 1905 г. при мастерской было открыто чулочно-вязальное отделение, в котором девочки учились работать на чулочно-вязальной машине, полученной в дар от почетной попечительницы дома А.А. Конюховой. В 1910 г. здесь появилось рукодельное и кружевное отделение, которые возглавила выпускница Белохолуницкой школы кружевниц Вятской губернии. Отделение это, правда, вскоре было закрыто из-за вредного влияния на здоровье девочек — мелкие работы плохо влияли на зрение. Столь же недолгим был опыт завертывания конфет для кондитерского магазина Т.А. Афониной. Как только было обнаружено неблагоприятное влияние оберточных красок на здоровье девочек, работы были прекращены. Более полезным было признано обучение детей крою платья, для чего в воспитательный дом в 1911 г. была специально приглашена швея-закройщица. Кулинарное искусство девочки постигали на курсах при работавшем тогда в Екатеринбурге Нуровском приюте. Мальчиков обучали в собственных мастерских сапожному и переплетно-линовальному делу. Надо заметить, что работа мальчиков была довольно прибыльной для администрации. Мастерские петровского сиротско-воспитательного дома, оборудованные необходимыми приборами, машинами и инструментами, давали неплохой доход: в 1905–1914 гг. он составлял от 1771 руб. до 3922 руб.

Помимо работ в мастерских, дети выполняли и другие обязанности по дому. Девочки назначались посменно на дежурство в больничку и палаты для грудных детей, убирали спальни, обучались работам на кухне, в прачечной и гладильной. Призреваемые мальчики ухаживали за скотом, чистили двор. Для обучения садово-огородным работам попечительный совет воспитательного дома арендовал небольшой огород у одного из жителей Верх-Исетского поселка. Он обрабатывался силами призреваемых и снабжал воспитательный дом своими овощами. Одним из основных методов воспитания детей в сиротско-воспитательном доме было строгое соблюдение дисциплины. Во главе дома стояла смотрительница, которая обязана была «содействовать правильному и успешному ходу дела в учреждении во всех отношениях». В подчинении у нее находились воспитатели, наблюдавшие за поведением детей. В отделении мальчиков эту должность обычно занимал человек, имевший педагогическое образование и получивший звание народного учителя. У девочек функции воспитательницы выполняла помощница смотрительницы. Для нарушителей дисциплины существовали достаточно суровые меры наказания, которые, впрочем, не были излишне жестоки, так как за деятельностью педагогов постоянно наблюдал попечительский совет.

Могло вмешаться во внутренние дела воспитательного дома и городское управление. В 1904 г., например, на одно из заседаний Екатеринбургской думы был приглашен председатель попечительского совета дома И. С. Степанов для объяснений по поводу одной из заметок, появившихся в местной газете «Уральская жизнь». Корреспондент газеты, описывая повседневную жизнь петровского дома, осудил «варварское» обращение воспитателей с детьми. Особый гнев журналиста вызвало заключение в карцер четыре-пятилетних девочек и «стояние в мешке» одного из воспитанников дома с завязанными руками. И. С. Степанов пояснил, что по поводу заметки уже состоялось заседание попечительного совета, точные подробности описанных происшествий выяснены путем опроса детей и воспитателей. Оказалось, что в карцер на небольшой срок была заключена восьмилетняя девочка Филатова, причем наказавшая ее смотрительница Анисимова очень быстро освободила воспитанницу. Тем не менее, совет решил освободить Анисимову от должности за грубое нарушение норм Устава, позволявших заключение в карцер только мальчиков, начиная с 10 лет. По поводу «стояния в мешке» также было проведено расследование. Оказалось, что в «мешке» с завязанными руками стоял мальчик Зайцев, что тоже было исключительным случаем, так как подобное наказание предусматривало лишь меру морального воздействия. На провинившегося в воспитательном доме надевали рубашку, сшитую из мешочного холста с широким воротом и проймами для рук и оставляли его в этом наряде на несколько часов в вестибюле дома. Руки детей при этом оставались свободными. За превышение полномочий при вынесении наказания смотрительнице был сделан строгий выговор.

В целом, однако, попечительный совет признал меры наказания, практикующиеся в воспитательном доме, вполне допустимыми, так как они были приняты во многих детских учреждениях, в том числе и предназначенных для высших слоев общества: «Возьмем хотя бы все мужские средние учебные заведения, где, в силу устава этих заведений, обязательно при каждом из них имеется карцер и эта мера наказания практикуется, довольно часто; причем бывали случаи сажания в карцер на 2–3 дня и более. Однако же, против этой меры никто из родителей ни путем печати, ни путем возбуждения ходатайств об отмене карцеров не протестует». По словам председателя, в петровском воспитательном доме подобное наказание применялось лишь на 2–3 часа и то лишь по отношению к мальчикам, начиная с 10-летнего возраста. Наказания, подобные «стоянию в мешке», по мнению И.С. Степанова, также применялись в других учреждениях. «Так, одевание черных фартуков и пелеринок, иногда с вывешиванием на груди наказанных аншлага с указанием на их проступки, употребление черного стола практикуется и по настоящее время в женских институтах, где обучаются дети интеллигентных родителей и не возбуждает протеста». Для воспитательного дома «стояние в мешке» было одной из самых суровых мер и применялось не более 4–5 раз в год.

И.С. Степанов отметил, впрочем, ограниченность этих мер педагогики и заявил, что в принципе попечительный совет выступает против всяких наказаний, «но едва ли при настоящем состоянии общества возможно встретить даже частную семью, где не прибегали бы к той или иной мере наказания. Конечно, в этом отношении встречаются исключения, но эти исключения доступны лишь лицам со средствами, имеющим возможность со дня рождения ребенка окружить его интеллигентными боннами, а затем гувернерами или гувернантками, но чем грубее нравы среды, тем суровее и меры наказания» [5, с. 69–73]. После горячих прений городская дума приняла объяснения председателя попечительного совета и рекомендовала редакции газеты «Уральская жизнь» напечатать дополнительную заметку по поводу содержания детей в сиротско-воспитательном доме. Контроль городской общественности за действиями педагогов, как мы видим, был достаточно действенным, он позволял соблюдать границы дозволенного в вопросах поддержания дисциплины, которые и до сих пор являются больной проблемой детских закрытых учреждений.

Отмечая значение Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома, нельзя не признать, что полностью удовлетворить решение проблем помощи брошенным детям в Пермской губернии он не мог. Система детской помощи на территории в целом в дореволюционный период не сложилась. В качестве главной отрицательной черты организации помощи бедным и обездоленным детям того времени современный исследователь Л.А. Булгакова называет ее хаотичность: «Проблема заключалась в том, что не были установлены категории лиц, подлежащих обязательному призрению, не определены источники финансирования социальной помощи и

не разграничены обязанности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению призрения, а следовательно, не было ясности в том, что же остается на долю благотворительности. Помощь нуждающимся оказывалась через разобщенные и не связанные между собой земские, городские, сословные и ведомственные учреждения, благотворительные общества, церковно-приходские попечительства, приказы общественного призрения» [1, с. 313]. Это, впрочем, понимали и современники. Недостатки и дальнейшие возможности детского призрения обсуждались врачами и общественными деятелями на заседаниях Всероссийских съездов по общественному призрению, которые состоялись в 1910, 1914 и 1916 гг. В сложных условиях войны и революций воплотить их решения в жизнь не удалось.

Список источников

1. *Булгакова Л. А.* Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. — СПб. : Лики России, 2001. — С. 310–314.

2. Выписка из отчета Министерства внутренних дел за 1828 год // Журнал Министерства внутренних дел. — 1829. — Кн. 2. — С. 260.

3. *Депп Ф.* Медико-статистическая записка об Императорском воспитательном доме в течение 1830, 1831, 1832 и 1833 годов, составленная главным доктором оного Филиппом Деппом. — СПб. : Тип. Н. Греча, 1835. — 60 с.

4. *Калачников В. В.* Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова. К 25-летию его существования. — Екатеринбург : Тип. т-ва «Уральский край», 1915. — 59 с.

5. Журналы Екатеринбургской городской думы за 1904 год. — Екатеринбург : Тип. В.Н. Алексеева, 1905. — 223 с.

6. *Путерен М. Д.* Материалы по вопросу о призрении бесприютных детей и подкидышей в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый медицинским департаментом. — 1893. — Т. XX. — Кн.1. — С. 2–50.

7. *Путерен М. Д.* Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и других странах. — СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1908. — 668 с.

8. *Райц М. М.* Как поставить дело призрения детей в России // Охрана материнства и младенчества. — 1917. — № 6. — С. 495–497.

9. *Рашкович М. П.* Материалы для оценки дела призрения бесприютных и покинутых детей в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый медицинским департаментом. — 1897. — № 4. — С.95–97.

10. *Селиванов А. Ф.* Воспитательные, сиропитательные и сиротские дома, приюты для подкидышей и приюты для малолетних // Общественное и частное призрение в России. — СПб., 1907. — С. 184–186.

11. *Соколов А. Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства. Начало XVIII — конец XIX вв. 3-е изд. — СПб.: Лики России, 2007. — 655 с.

Информация об авторе

Дашкевич Людмила Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (620990, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16, e-mail: ldash54@mail.ru).

Dashkevich L. A.

Organization of Assistance to Illegitimate and Abandoned Children in the Perm Province in the Late 19th — Early 20th Century

The article highlights the organization of assistance to abandoned children in the Perm province. In the late 18th — early 19th century the main institution of this assistance was orphanages, which were a unique phenomenon not only in Russian, but also in European practice. According to the law, all abandoned children, both legitimate and illegitimate, left the educational institutions as free people and retained this status in the future, no one had the opportunity to enslave them. In 1828 the government closed orphanages in the provinces. The main reason for this decision was politically-class factors. Care for abandoned children was transferred to local governments. However, the size of the child care was small, a large part of the abandoned babies were dying. In the late 19th — early 20th century the state has increased attention to the problems of abandoned children. In 1898, the organization of orphanages was permitted again. In the Perm province, the Verkh-Isetsky orphanage played the main role in helping abandoned children. There were other assistance institutions. However, the whole system of assistance to abandoned children in the country, including in the territory of the Perm province, did not develop. The main negative feature of the organization of assistance to poor and disadvantaged children was its chaotic nature. Assistance was provided through disunited and unconnected zemstvo, city, class and departmental institutions, as well as charitable societies. The sources of financing for social assistance and the categories of persons subject to compulsory charity have not been determined.

Keywords: social policy, child care, orphanages, charity, history of the Urals in 19th — early 20th century.

References

1. Bulgakova L. A. Problems of integration in the sphere of social assistance in pre-revolutionary Russia // Charity in Russia: social and historical research. — St. Petersburg: Faces of Russia, 2001. — P. 310–314.

2. Extract from the report of the Ministry of Internal Affairs for 1828 // Journal of the Ministry of the Interior. — 1829. — B. 2. — P. 260.

3. Depp F. A medical and statistical note on the Imperial Educational House during 1830, 1831, 1832 and 1833, compiled by Philippe Depp, the chief doctor of that House. — St. Petersburg: Typ. N. Grecha, 1835. — 60 p.

4. Kalachnikov V. V. Historical outline of the Verkh-Isetsky orphanage-educational house named after Semyon Alekseevich Petrov. To the 25th anniversary of its existence. — Yekaterinburg: Typ. of p-ship «Ural Region», 1915. — 59 p.

5. Journals of the Yekaterinburg City Duma for 1904. — Yekaterinburg: Typ. of V. N. Alekseev, 1905. — 223 p.

6. Puteren M. D. Materials on the issue of charity of homeless children and foundlings in Russia // Bulletin of Public Hygiene, Judicial and Practical Medicine, published by the Medical Department. — 1893. — T. XX. — B. 1. — P. 2–50.

7. Puteren M. D. A historical survey of the charity of illegitimate children and foundlings and the current state of this case in Russia and other countries. — St. Petersburg: Typ. V. F. Kirschbaum, 1908. — 668 p.

8. Raits M. M. How to put the cause of children's charity in Russia // Protection of motherhood and infancy. — 1917. — № 6. P. — 495–497.

9. Rashkovich M. P. Materials for assessing the case of charity of homeless and abandoned children in Russia // Bulletin of Public Hygiene, Judicial and Practical Medicine, published by the Medical Department. — 1897. — № 4. — P. 95–97.

10. Selivanov A. F. Educational houses and orphanages, shelters for foundlings and orphanages for juveniles // Public and private charity in Russia. — St. Petersburg, 1907. — P. 184–186.

11. Sokolov A. P. Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state (early 18th — late 19th century). 3rd ed. — St. Petersburg: Fases of Russia, 2007. — 655 p.

Author

Dashkevich Liudmila A. — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: ldash54@mail.ru).

УДК 930 (470) «1946/1947»

Демина Ю. В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА 1946–1947 ГГ. В РСФСР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[1]

В статье представлен анализ современной историографической ситуации вопроса о демографических последствиях голода 1946–1947 гг. в РСФСР, приведены основные оценки потерь населения от голода. Исследование показало, что на сегодняшний день отсутствует единая оценка жертв от голода 1946–1947 гг. в исторической науке.

Ключевые слова: голод, смертность, демографическая катастрофа, историография

Послевоенный период 1946–1947 гг. выдался для населения страны очень трудным, вслед за Великой Отечественной войной вновь обрушились тяжкие испытания — голод 1946–1947 гг. Истощенная войной страна была не в состоянии предотвратить трагедии.

Споры о причинах, масштабах и последствиях голода активно ведутся как отечественными, так и зарубежными исследователями. Пик изучения голода 1946–1947 гг. пришелся на 1990–2000-е гг., когда перед исследователями распахнулись архивы с ранее неизведанной источниковой базой. Смена режима власти, перестроечные настроения и господствующий в обществе плюрализм мнений способствовал развитию исторической науки. Исследователи стали активно обращаться к слабо изученным темам с возможностью использовать критический взгляд на советский опыт.

Целью статьи является анализ современной отечественной и зарубежной историографии по проблеме демографических последствий голода 1946–1947 гг. в РСФСР. Автором не рассматриваются вопросы, связанные с другими аспектами изучения голода 1946–1947 гг.: причины, масштабы голода, государственная политика по отношению к деревне и пр.

По мнению современных исследователей, голод 1946–1947 гг. являлся основным фактором изменения динамики воспроизводства населения в первое послевоенное пятилетие. При изучении демографических последствий голода исследователи пытаются не только дать количественную оценку демографических потерь, но и проследить влияние голода и сопутствовавших ему эпидемий на воспроизводство населения, его миграционное движение.

В.Ф. Зима, один из первых отечественных исследователей, обратившийся к проблеме голода утверждает, что от голода в СССР умерло не менее 2 млн чел. [4, с. 179]. Другой отечественный историк В.П. Попов считает, что эта цифра была ниже — сверхсмертность населения РСФСР составляла чуть меньше 1 млн чел. [7, с. 87]. Историк-демограф В.А. Исупов привел данные о 800 тыс. чел. [5, с. 226]. М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова говорят о более чем 500 тыс. чел. умерших от голода [1, с. 141]. Исследователь

[1] © Демина Ю. В. Текст. 2018.

А. В. Шалак дискутирует с выводами В. Ф. Зимы о гибели 2 млн чел. от голода: «В. Ф. Зима включает в число умерших от голода и тех, кто умер от различного рода эпидемий, включая тиф, а также дизентерии. Одним словом получается, что чуть ли не у всех умерших причиной смерти являлся голод» [8, с. 126]. По мнению А. В. Шалака, в 1940-е гг. неоднократно отмечаются вспышки эпидемических заболеваний, связанные с перемещением огромных масс населения, (эвакуация, реэвакуация, репатриация, мобилизация на различные работы, демобилизация и др.), что способствовало быстрому распространению эпидемий, которые не могли предотвратить санитарно-эпидемиологические мероприятия, весьма эффективные для своего времени [8, с. 126]. В связи с этим автор отмечает, что голод стал причиной смерти не более 200 тыс. чел. [8, с. 124].

Голод отрицательно сказался на динамике рождаемости, увеличение смертности происходило во всех возрастных группах, но особенно резко среди детей. В целом по стране в 1947 г. по сравнению с 1946 г. детская смертность увеличилась на 51 %, но при этом она оставалась значительно ниже предвоенного 1940 г., когда также отмечался всплеск детской смертности. Умерло детей в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся в 1940 г. — 189, в 1946 г. — 69, в 1947 г. — 115, в 1948 г. — 85 [8, с. 123]. Неокрепший детский организм тяжелее переносит заболевания. По расчетам В. Б. Жиромской, в целом в РСФСР коэффициент младенческой смертности (до 1 года) поднялся до 127,5 ‰, то есть по сравнению с 1946 г. в 1,7 раза [3, с. 293].

Авторы многотомного издания «Население России в XX веке: исторические очерки» отмечают высокий коэффициент смертности в 1946 и 1947 гг.: соответственно 167 ‰ и 190 ‰ [6, с. 344]. В масштабах страны максимальный процент смертности населения отмечался в Украине и Молдавии, по России — в Поволжье, Центрально-Чернозёмном районе, а также до некоторой степени — на Урале и в Сибири [6, с. 266]. Историк-демограф В. Б. Жиромская отмечает отрицательный прирост населения в некоторых регионах, охваченных голодом: Воронежской, Ярославской областях в 1947 г. отмечен отрицательный прирост населения — соответственно — 0,8 ‰, — 0,2 ‰. В Тамбовской и Вологодской областях смертность превысила рождаемость в 1,2 и 1,5 раза соответственно [3, с. 293].

Основная часть населения во время голода умирала от причин экзогенного характера. Недоедание и употребление в пищу суррогатов приводило к ослаблению организма. Организм человека не мог сопротивляться инфекциям, что вызвало рост заболеваемости. Поэтому основной причиной роста смертности стала не дистрофия, а инфекционные болезни. По расчетам А. В. Шалака, максимальный показатель смертности от дистрофии достигал 10 % от общего числа людей, которым был поставлен данный диагноз. В 1947 г. этот показатель был характерен только для Молдавии, где была наиболее тяжелая ситуация. По Украине и России уровень смертности от дистрофии не превышал 5 %. То есть уровень смертности от дистрофии на этот период не превышал 0,15 % [8, с. 124].

Помимо голода негативным фактором, осложнявшим эпидемиологическую обстановку, являлась слабая благоустроенность городских поселений и скученность населения. Водопровод и канализация не обеспечивали нужды всех горожан, банно-прачечная система действовала некачественно, очистка улиц от мусора и нечистот проводилась нерегулярно. Все это способствовало росту заболеваемости инфекционными болезнями в городах, в частности желудочно-кишечными инфекциями.

Последствия голода 1946–1947 гг. привлекли внимание многих зарубежных исследователей. Профессор Амстердамского университета М. Эллман, исследуя масштабы катастрофы отмечет, что голод начался в июле 1946 г., а пик голода пришелся на февраль — август 1947 г. и смертность от голода составила от 1 до 1,5 млн чел. В процентном соотношении самый большой уровень смертности наблюдался в Молдавии, а наименьший — в России [9, с. 197–198].

Профессор кафедры российской истории Университета Восточного Лондона Дональд Фильцер определил географические масштабы голода — неурожай разразился не только в России, но и в Молдавии и на юге Украины, причем именно в этих двух республиках была повышенная смертность, Молдавия потеряла примерно 5 % населения, а Украина около 1 % [10, p. 164]. В промышленных центрах Свердловской области численность смертей в 1947 г. выросла на 54 % по сравнению с 1946 г. В городах Челябинской области она подскочила на 63 %, и на 83 % в Магнитогорске [10, p. 209]. В 1947 г. был резкий всплеск младенческой смертности: в районах Иваново, Ярославль, Горький, Свердловск, и Златоуст один из каждых пяти родившихся детей умирал в первый год жизни. В Куйбышеве, Казани, Молотове, Челябинске и Уфе смертность была одной из шести. По всему РСФСР младенческая смертность выросла на 63 % в 1947 г. по сравнению с 1946 г. Смертность в городских районах выросла на 67 %, а в сельской местности на 60,3 % [10, p. 210]. Что касается всей смертности по РСФСР, то она выросла на 37,3 % в период 1946–1947 гг. Смертность среди городского населения увеличилась на 44,1 % против 32,5 % в сельской местности [10, p. 211]. Таким образом, голод 1946–1947 гг. отличался от предыдущих продовольственных кризисов, так как основную тяжесть голода приняло городское население.

Американский историк Николай Гансон в своих работах раскрывает проблемы младенческой смертности и судьбы беспризорных детей [2, с. 389–390]. Автор отмечает, что голод совпал с началом демографического взрыва, то есть с резким скачком рождаемости, связанным с массовой демобилизацией весны-лета 1945 г., продолжавшейся и в последующие два года. Мужчины возвратились в семьи, семьи стали быстро расти. Младшие дети и стали одной из главных жертв голода» [2, с. 395].

Послевоенной голод явился тяжелым испытанием для всего советского народа. Несмотря на большое внимание исследователей к проблеме голода 1946–1947 гг., вопрос о демографических последствиях полностью

не решен учеными и требует дальнейшего комплексного рассмотрения. Решение этого вопроса возможно с изучением региональных особенностей голода 1946–1947 гг. на всей бывшей территории РСФСР.

Список источников

1. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. 1926–1959 гг. — М. : Информатика, 1998.

2. Гансон Н. Детская смертность и государственная политика в СССР в годы послевоенного голода // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — 2006. — № 17.

3. Жиромская В. Б. Проблемы демографического развития России в XX веке // Труды Института российской истории. Вып. 9 / Рос. акад. наук, Ин-т российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. — М.; Тула : Гриф и К, 2010. — 524 с.

4. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов. Происхождение и последствия. — М. : ИРИ РАН, 1996. — 265 с.

5. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — 243 с.

6. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг. / Отв. ред. В. Б. Жиромская. — М., 2001.

7. Попов В. П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // СОЦИС. — 1994. — № 10.

8. Шалак А. В. Голод в 1940-е гг. Оценка масштабов и социальная география. На примере Восточной Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск : Байкальский государственный университет, 2010.

9. Эллман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. Обозрение. Вып. 10 / под ред. Л. И. Бородкина. — М., 2005.

10. Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia. Health, hygiene, and living standards, 1943–1953. — New York, 2010.

Информация об авторе

Демина Юлия Викторовна — аспирант, Институт истории и археологии УрО РАН (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; e-mail: milay033@mail.ru).

Demina Yu. V.

Demographic Consequences of the Hunger 1946–1947 in the Rsfsr: Historiographic Aspect

The article presents an analysis of the modern historiographic situation around the issue of the demographic consequences of the famine of 1946–1947 in the RSFSR; the main estimates of population losses from hunger are given. The study showed that today there is no single assessment of victims from the famine of 1946–1947 in historical science.

Keywords: famine, mortality, demographic catastrophe, historiography.

References

1. Andreev E. M., Darsky L. E., Kharkov T. L. The demographic history of Russia. 1926–1959. — M., 1998.

2. Hanson N. Child mortality and state policy in the USSR during the years of the post-war famine // Dialogue with time. Almanac of intellectual history. — № 17. — M., 2006.

3. Zhiromskaya V. B. Problems of the demographic development of Russia in the twentieth century // Proceedings of the Institute of Russian History. Iss. 9 / Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History; ed. A. N. Sakharov. — M.; Tula, 2010.

4. ZimaV. F. The famine in the USSR in 1946–1947: the origin and consequences. — M., 1996.

5. Isupov V. A. Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century. — Novosibirsk, 2000.

6. The population of Russia in the XX century: historical essays. Vol. 2. 1940–1959 / ed. V. B. Zhyromskaya. M., 2001.

7. Popov V. P. The causes of the decline in the population of the RSFSR after the Great Patriotic War // SOCIS. — 1994. — № 10.

8. Shalak A. V. Hunger in the 1940s: scale assessment and social geography. On the example of Eastern Siberia // Irkutsk Historical and Economic Yearbook. — Irkutsk, 2010.

9. Ellman M. Golod 1947 in the USSR // Economic History. Review. Iss. 10 / ed. L.I. Borodkin. — M., 2005.

10. Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: health, hygiene, and living standards, 1943–1953. — New York, 2010.

Author

Demina Julia Viktorovna — Graduate Student, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: milay033@mail.ru).

УДК 314.04

Деревнина Т. В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СССР)[1]

В статье анализируется проблема социальной обусловленности демографического развития СССР, рассмотрены общественно-политические факторы демографических кризисов в Советском Союзе в начале 1920-х и начале 1930-х гг.

Ключевые слова: демографический кризис, перепись населения, голод, раскулачивание, аграрная политика, СССР

Россия отличается историей, богатой как яркими страницами развития страны, так и самыми темными. XX в. ознаменован многими событиями как русской, так и мировой истории, приведшими к количественным и качественным изменениям на политической карте мира. Вместе с тем происходили «перестройки» внутри государств, в особенности на евроазиатском континенте, выделение «сильных» и «слабых» государств, изменение геополитических сил. Советский Союз оказался в самом центре этих изменений, что повлекло перемену в политическом строе, границах страны и ухудшения во всех сферах жизни общества — политической, экономической, социальной, культурной и духовной, особенно на этапе становления нового государства.

Демографический кризис — это сложный социальный процесс, связанный с сокращением численности страны. В условиях демографического кризиса естественный прирост достигает очень низких значений вплоть до отрицательных, когда смертность превалирует над рождаемостью. Именно отсутствие демографического кризиса говорит о благосостоянии той или иной страны. О демографических кризисах Советского Союза активно заговорили после распада страны. Сегодня можно сказать, что на протяжении длительного периода советской истории страна переживала одну большую демографическую катастрофу длиною в восемьдесят лет.

Первый демографический кризис охватывает первые годы существования советской власти, начиная с 1917 г. по начало 1920-х гг. Он включает в себя период революции, гражданской войны, красного и белого террора, многочисленных миграций и голода. Расстреляли семью бывшего царя Николая II, известны карательные операции в Крыму, на Кавказе, Украине, Армении. В Крыму «известны примеры, когда людей уничтожали целыми семьями. Так, в ночь на 23 февраля “вершители революционного правосудия” расправились с отставным контр-адмиралом Николаем Саксом, одновременно не пощадили его жену Лидию, а так же детей: 21-летнюю дочь Ольгу и 15-летнего сына Николая». Еще одно доказательство «кровавого

[1] © Деревнина Т. В. Текст. 2018.

периода»: «…Наряду с офицерами, уничтожались имущие горожане. 23 февраля 1918 года некоторых — тех, кто не уплатил контрибуцию, собрали в помещении Севастопольского Совета», затем «всех поубивали» [10, с. 69]. Тема Крыма 1920-х гг. до сих пор остается наиболее трагической в истории многострадального полуострова.

Значимым фактором демографического кризиса стал голод. Урожайность всегда зависела не столько от того, как человек возделывает землю, сколько от агроклиматических особенностей территории. На территории Советского Союза за всю историю его существования было несколько голодных периодов. Первый из них, голод в 1921–1922 гг. В.И. Лениным в 1921 г. было сделано заявление о том, что «крестьянин должен несколько поголодать, чтобы тем самым избавить от полного голода фабрики и города» [8, с. 69]. Ленинская речь важна для рассмотрения вопроса голода. Становится понятно, что русский крестьянин — это жертва, которая приносилась на алтарь процветания пролетариата. Вследствие «потребительского отношения» к аграрной сфере российский крестьянин, который испокон веков возделывал землю и был кормильцем, в советское время был обречен на вымирание.

Второй демографический кризис охватывает период голода 1932–1933 гг. — общая трагедия всех народов СССР, которая является результатом сталинской аграрной политики. Голод начала 1930-х гг. — это «результат осуществления в СССР сталинской модели форсированной индустриализации, обусловившей насильственную коллективизацию и принудительные заготовки сельхозпродукции, прежде всего хлебозаготовки, ради увеличения размеров хлебного экспорта и удовлетворения потребностей растущей промышленности» [5, с. 117].

Сталинская аграрная политика привела к обессиливанию крестьянства, разрушению крестьянской общины и крестьянского уклада жизни, в целом к «разрушению» крестьянства как социального класса. Это повлекло за собой негативные социально-экономические явления — разрушение сельского хозяйства, что «подорвало интерес крестьян (колхозников и единоличников) к добросовестному труду, вызвало их сопротивление в форме воровства зерна, несанкционированного отходничества, халатной работы на фермах и в поле» [5, с. 118]. Ответная реакция на «нарушения» крестьянства не заставила себя долго ждать, административный нажим и насилие над крестьянством усилились, действия властей были направлены на выполнение планов хлебозаготовок, а голод достиг своего пика в 1933 г.

«Конфискация всего продовольствия у крестьян за невыполнение плана хлебозаготовок происходила в 1932–1933 годах во многих зерновых районах», — пишет известный специалист по теме голода историк В.В. Кондрашин [5, с. 118], что привело к людоедству. Но ожидаемые властями результаты так и не были достигнуты. Крестьянство отказывалось работать на советскую власть. Создание колхозов не приводило к повышению показателей сельского хозяйства. Коллективизация не давала

ожидаемых результатов, «сельскохозяйственное производство к 1940 г. оставалось на уровне 1924–1928» годов. [1, с. 40].

В начале 1930-х гг. в стране происходило раскулачивание, которое сопровождалось многочисленными расправами над крестьянством. Кулаками называли именно тех, кто всю свою жизнь работал честно, всех тех, кто не хотел работать на коллективную собственность, а хотел иметь свое хозяйство, как известно частная собственность в Советском Союзе была притесняема и активно вытеснялась из общего понимания. Угроза раскулачивания была действенным способом записи в колхоз. Тех, кто активно сопротивлялся раскулачиванию, выселяли в отдаленные безжизненные районы необъятной страны на верную смерть. Раскулачивание хорошо показано в романе Михаила Шолохова «Поднятая целина», когда с людей снимались одежда и обувь, забирались все необходимые для жизни вещи, человек оставался ни с чем. Все «добытое» делилось между односельчанами и здесь возникает еще одна проблема — проблема морали. В сложившихся условиях не возникал вопрос о сострадании и уважении к своим односельчанам, деревня стала деградировать, возникала только ненависть и злоба. В результате «жертвами массового голода 1932–1933 годов в СССР стали не менее 7 млн человек» [5, с. 119]. В научном сообществе ведутся дискуссии о числе жертв этого голода.

В завершение «голодной» темы и аграрной политики Советского Союза можно сказать, о том, как решались проблемы сельского хозяйства в царской России. Во-первых, хочется отметить, что в царской России «пиков смертности нет» [2, с. 43]. Во-вторых, что было сделано в царской России для решения аграрных проблем? Создана, по сущности, система борьбы с неурожаями: «1) организована система накопления продуктов на местах; 2) программа поддержки развития транспорта из урожайных регионов; 3) создана система государственного снабжения пострадавших от голода регионов» [2, с. 42]. Некоторые исследователи, характеризуя развитие сельского хозяйства до революции, отмечают намерения властей: «Правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает на совокупности надельных земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности» [6, с. 174]. В советское же время ключевую роль в сельхозпроизводстве и перераспределении продовольствия играло централизованное народнохозяйственное планирование.

До сих пор в научной литературе не решен однозначно вопрос, почему конец 1930-х гг. стал трагичным для нашей страны в социальном отношении. В начале 1937 г. была проведена всеобщая перепись населения Советского Союза. Программа переписи населения очень тщательно готовилась на протяжении длительного времени. По инициативе И.В. Сталина появился вопрос о религии, а также вопрос о принадлежности к общественной группе, где были перечислены следующие группы: рабочие, служащие, колхозники, единоличники, кустари, лица свободных профессий,

«служители культа» и «нетрудящиеся элементы», введен вопрос о гражданстве. Из перечня занятий исчез «мелкий самостоятельный хозяин», зато появился «единоличник». Включение вопросов о религии и принадлежности к общественной группе шло вразрез с «классическими требованиями статистики» [9, с. 6–7].

Проблеме уничтожения населения нашей страны в 1920–1930-е гг. посвящено значительное число художественных произведений, авторы которых являются свидетелями совершаемых беззаконий. Из произведений наиболее полно можно узнать обстановку во время «сумрака», повисшего над нашей страной в XX в. Наиболее известные из них — это Иван Шмелев «Солнце мертвых» (1923), Александр Солженицын «Архипелаг Гулаг» (1958), Ирина Головкина (Римская-Корсакова) «Лебединая песня» (конец 1950-х — начало 1960-х гг.), Евгения Гинсбург «Крутой маршрут. Хроника времен культа личности» (1967), Олег Волков «Погружение во тьму» (1987) и многие другие.

В истории народов СССР много драматического и трагического — это голод, массовые репрессии, депортации, расстрелы, доносы, клевета, составление сфабрикованных судебных дел, социально-демографические потрясения в начале 1920-х и начале 1930-х гг., затем — трагедия народов в период Великой Отечественной войны. В связи с подобными «кровавыми пятнами» в истории страны, негативно отразившимися на демографической сфере, некоторые общественные деятели и исследователи считают, что советская история показала утопию взглядов В.И. Ленина и И.В. Сталина, а попытка сделать «лучше» человеческую жизнь обернулась катастрофой мирового масштаба. В результате страна зашла в «социально-экономический и духовный тупик», попала в изоляцию «от всего цивилизованного человечества», а ее развитие было отброшено на десятки лет назад [4, с. 94]. Но в то же время следует указать на то, что именно в советский период истории в стране была создана мощная индустриальная база, ликвидирована безграмотность, без участия «советского народа» не мыслима победа во Второй мировой войне. Это о многом говорит, в том числе и о моральной, духовной силе народов Советского Союза, их социальном потенциале.

Список источников

1. *Белхароев Х. У.* Правовые реформы сельского хозяйства СССР в период коллективизации и продразверстки // Бизнес в законе. — 2010. — № 1. — С. 38–41.

2. *Борисюк А. А.* История России, которую приказали забыть. Николай II и его время. — М.: Издательство М. Б. Смолина (ФИВ), 2017. — 232 с.

3. Епископ Митрофан Баданин. Духовные истоки русской революции. — М.: Отчий дом, 2018. — 80 с.

4. *Лавров В. М.* Православное осмысление ленинского эксперимента над Россией. — М., 2017. — 96 с.

5. *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов — общая трагедия народов СССР // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. — 2009. № 11 (15). — С. 117–120.

6. Монах Лазарь Афанасьев. Ставка на сильных. Жизнь Петра Аркадьевича Столыпина. — М.: Русский паломник, 2013. — 302 с.

7. *Нечаев С. Г.* Катехизис революционера. Революционный радикализм в России. Век девятнадцатый. Документальная публикация / под. ред. Е. Л. Рудницкой. — М.: Археографический центр. — 1997. — 248 с.

8. *Поляков В. А.* Российская деревня в 1922 году. Апогей голода первый итог продналога // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 12 (150). — С. 69–78.

9. *Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н.* Полвека молчания. Всесоюзная перепись населения 1937 г. [публикуется впервые] // Социологические исследования. — 1990. — № 6. — С. 3–25.

10. *Соколов Д. В.* Без срока давности. Большевистский террор в Крыму в 1917–1921 гг. — М. : МНЭПУ, 2017. — 144 с.

Информация об авторе

Деревнина Татьяна Валентиновна — магистр ГМУ, учитель обществознания и географии, МБОУ СОШ № 75 (Россия, Екатеринбург, ул. Восточная, 26, e-mail: derevnina.tatiana@yandex.ru).

Derevnina T. V.

Demographic Crises and Social-Political Development (Historical Experience of the USSR)

In the article the problem of social conditioning of the demographic development of the USSR is analyzed, social and political factors of demographic crises in the Soviet Union were considered in the early 1920s and early 1930s.

Keywords: demographic crisis, population census, hunger, dekulakization, agricultural policy, USSR

References

1. Belkharoev H. U. Legal reform of agriculture in the USSR in the period of collectivization and requisitioning // Business in law. — 2010. — No 1. — P. 28–31.

2. Borisyuk A. A. History of Russia, which was ordered to forget. Nicholas II and his time. — Moscow : Publishing house of the M. B. Smolin (THEBES), 2017. — 232 p.

3. Bishop Mitrofan Badanin. Spiritual origins of the Russian revolution. Father's house. — 2018. — 80 p.

4. Lavrov V. M. The Orthodox understanding of Lenin's experiment on Russia. — Moscow, 2017. — 96 p.

5. Kondrashin V. V. Famine of 1932–1933 — a common tragedy of the peoples of the USSR // Bulletin of Penza state pedagogical University. — 2009. — No. 11 (15). — P. 117–120.

6. The Monk Lazar Afanas'ev. Bet on the strong. Life Of Pyotr Arkadyevich Stolypin. — Moscow: Russian pilgrim, 2013. — 302 p.

7. Nechaev catechism of a revolutionary S. G. Revolutionary radicalism in Russia: nineteenth century: Documentary / ed. by E. L. Rudnitskaya. — Moscow: Archaeological center, 1997. — 248 p.

8. Polyakov V. A. Russian village in 1922: the apogee of hunger first total of the tax in kind // Vestnik Chelyabinsk state University. — 2009. — No. 12 (150). — P. 69–78.

9. Polyakov Y. A., Jeromskaya V. B., Kiselev I. N. Half a century of silence. All-Union population census 1937 (published for the first time) // Sociological research. — 1990. — No. 6. — P. 3–25.

10. Sokolov D. V. No Statute of limitations. Bolshevik terror in Crimea in 1917–1921. — Moscow : MNEPU, 2017. — 144 p.

Author

Derevnina Tatyana Valentinovna — Master of GMU, teacher of social studies and geography, Municipal budgetary educational institution Secondary school №75 (Russia, Ekaterinburg, Vostochnaya str., 26, e-mail: derevnina.tatiana@yandex.ru).

УДК 94(47).083

Жиров Н. А.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.[1]

Актуальность исследования миграции крестьянства Центральной России в позднеимперский период связана с недостаточной изученностью этого процесса в рамках отдельных регионов и отсутствием работ по Орловской губернии. В статье на основании широкого архивного материала подробно изучена миграция крестьянства Орловской губернии в позднеимперский период, совпавший с периодом столыпинских преобразований. В ней рассматриваются факторы, влиявшие на процесс переселения. В статье рассмотрены информационные возможности источников, позволивших характеризовать миграционные процессы не просто как механическое движение населения, но и как социально-демографическое явление. Комплексное изучение архивного материала осуществлено при помощи как традиционных научных методов (системный анализ, структурный подход, ретроспективный и т. д.), так и новейших методик, таких как цивилизационный подход и вытекающая из него теория модернизации аграрного общества. В ходе исследования было выяснено, что миграция с территории Орловской губернии была постоянным явлением в изученное время (1900–1914 гг.). Миграционный поток из Орловской губернии в исследуемый период равнялся 8,8 %, что составляло около 36 % от уровня естественного прироста населения. Наибольший отток жителей происходил в чисто аграрных уездах и был минимальным там, где имелись возможности для занятия промыслами, приработками в городах, была развита промышленность. Процесс урбанизации и промышленного роста региона был на низком уровне и не мог поглотить избыточное количество рабочих рук, особенно тех, кто был занят в сельском хозяйстве. Это являлось важным стимулирующим к выселению фактором. Таким образом, миграция являлась вынужденной мерой трудоустройства необходимой для жизнеобеспечения быстро растущего населения губернии.

Ключевые слова: историческая демография, аграрная миграция, крестьянство, Российская империя, Орловская губерния

Миграции являются естественной частью демографического поведения населения. В основе этого процесса лежит желание человека, отдельных групп, а порой и целых сообществ в освоении новых, как правило, более комфортных для проживания территорий. Для традиционных или находящихся на этапе формирования индустриальных обществ наиболее характерно аграрное переселение. Промышленный переворот и стремительный рост сельского населения России в конце XIX — начале XX вв. способствовали усилению процесса миграционного движения крестьянства.

[1] © Жиров Н. А. Текст. 2018.

Наша страна на протяжении всей своей истории никогда не испытывала существенных проблем с расселением увеличившегося населения. Можно было наблюдать процесс планомерной аграрной колонизации Центрального Черноземья, Поволжья, Юга России и степных пространств Новороссии. Эти области империи отличались хорошими природно-климатическими условиями для развития земледелия, но их земельный фонд к началу XX в. в значительной степени либо был исчерпан, либо мог навредить существованию товарного сельскохозяйственного производства. Дальний Восток, степные пространства современного Северного Казахстана, Сибири заселялись медленно по причинам как их удаленности от Европейской части России, так и неблагоприятных природно-климатических условий для земледелия, кроме небольшой полосы, тянущейся от Южного Урала до Приморья.

Индустриальная миграция, санкционированная во много государством еще при Петре I, способствовала росту промышленных предприятий и поселков на Урале и районе Санкт-Петербурга. По мере урбанизации рост городского населения постепенно стал увеличиваться за счет жителей села, но по-настоящему масштабным этот процесс стал в пореформенную эпоху. К началу XX в. сформировался Центральный промышленный район, с преимущественно текстильной или обрабатывающей промышленностью. Местное крестьянство активно пополняло ряды рабочих на местных фабриках, а переселение в город стало приобретать массовый характер.

Трудовая миграция, в которой в большей степени были задействованы мужчины трудоспособного возраста, свойственная промышленным неземледельческим областям России, постепенно стала проникать и в аграрные губернии. Орловской губернии, экотонной по своему характеру, на рубеже XIX–XX вв. были свойственны все основные типы миграций населения, хотя наиболее массовой была традиционная аграрная. Целью данного исследования является общий обзор миграционного потока с территории Орловской губернии, так как детальный анализ этого процесса слишком объемен и не сможет вместиться в представленной статье.

В отечественной историографии изучение миграционных процессов, наблюдавшихся в позднеимперской России, в большей степени связано с рассмотрением аграрного переселенческого движения [12, 13]. В современной российской исторической науке наметился рост числа исследований отдельных явлений в аграрной миграции, стала развиваться регионализация этой научной тематики [1, 2]. По данной теме имеются труды и иностранных коллег [7]. Комплексное освещение миграционных процессов относительно территории аграрного пояса Центральной России представлено в трудах Иноземцева, Курцева и Чуркина [9, 10, 14], а в рамках исследования отхожих промыслов рассмотрена трудовая миграция в работе Перепелицина [11]. В этих работах частично затрагивается тема переселения орловского крестьянства в дореволюционную эпоху, но полного детального изучения не проводилось.

Имперская статистика не дает комплексного представления о миграционном потоке в Орловской губернии в начале XX в. Точные сведения имеются только по аграрным переселенцам, но не за весь исследуемый период. Стоит учесть отсутствие конкретных цифр о числе обратных переселенцев, довольно приблизительны данные о самовольных выселенцах. Еще более сложная ситуация с трудовой миграцией и переселением в промышленные зоны России (преимущественно для Орловщины это районы Донбасса и шахтерские поселки на территории современной Ростовской области).

В качестве основного метода вычисления миграции были использованы математические подсчеты разницы между суммированным естественным приростом за все годы (1900–1914) и численностью жителей за тот же период. Данный подход имеет свои непринципиальные недостатки, но только поиск и привлечение новых источников по миграции могут избежать лишних погрешностей, на что будут нацелены последующие исследования.

Основным источником для вычисления миграции были выбраны материалы губернской статистики — подборка Обзоров Орловской губернии за исследуемый период (1900–1914 гг.). Также были использованы архивные документы, отражавшие аграрное переселение с территории губернии в исследуемый период времени [3–6]. Частично тема аграрной миграции затронута в ряде работ автора статьи [8]. В представленной таблице ниже таблице приводится информация по уездам и в целом по региону о росте численности жителей и естественном приросте населения.

На основании приведенных цифр можно утверждать, что естественный пророст населения в губернии за период составил 556 582 чел., при этом численность жителей выросла на 354 447 чел. Разница между приростом и численностью орловцев (202 135 человек) может быть предполагаемой миграцией за пределы Орловского края в течение исследуемых 15 лет.

О характере и возможных причинах переселения можно узнать, если рассмотреть переселенческое движение по отдельным уездам губернии.

Самая высокая степень миграции была зафиксирована в Кромском уезде, за пределы которого за 15 лет выехало 25 000 чел., или 22,1 % жителей. Только благодаря высокому естественному приросту населения оно увеличилось на 2421 чел. Одной из главных причин этого явления была нехватка земли и отсутствие экономических условий для жизни увеличивавшегося населения.

К территориям с высокой степень миграции необходимо отнести Дмитровский, Ливенский и Малоархангельский уезды (табл. 1). Они были чисто сельскохозяйственными, небольшое число предприятий обрабатывающей промышленности имелось в Ливнах. Миграционный поток из Дмитровского уезда составил 19200 чел. Исходя из уровня роста численности населения видно, что на промежутке с 1903 г. по 1909 г. количество жителей в узде оставалось фактически одинаковым, следовательно,

Таблица 1

Численность населения и естественный прирост в уездах Орловской губернии в 1900–1914 гг.*

Уезд	Численность населения		Естественный прирост	Миграция
	1900 год	1914 год	1900–1914 гг.	1900; 1914 гг., %
Брянский	197290	259199	70110	3,5; 11,7
Болховский	125279	153996	30936	1,4; 7,2
Дмитровский	108232	119978	30947	16; 62
Елецкий	261690	322780	76590	4,8; 20,2
Карачевский	128857	147477	32177	9,1; 42
Кромский	110760	113181	27465	22,1; 91,2
Ливенский	291370	325642	84434	15,4; 59,4
Малоархангельский	178946	202318	47208	11,8; 49,5
Мценский	100485	116479	22242	4,3; 32,5
Орловский	146460	174462	36590	4,9; 23,2
Севский	155566	184315	47945	10,3; 39,6
Трубчевский	135713	175268	49211	5,7; 20,3
Все уезды	1940648	2295095	556582	8,8; 36,3

* По данным Обзоров Орловской губернии за 1900–1915 гг.

основной миграционный поток населения пришелся именно на эти годы (это же предположение подтверждают данные по аграрному переселению в Сибирь и на Дальний Восток). Количество переселенцев в Ливенском уезде было велико — 50156 чел. Подавляющее большинство выехало в рамках столыпинской программы переселения. Такая же тенденция наблюдалась и в Малоархангельском уезде. Его населения выросло за исследуемое время на 23372 чел., а суммарный естественный прирост за аналогичный период составил — 47208 чел. Вследствие этого миграция из уезда равнялась приблизительно 23836 чел., то есть увеличившееся население заметно превышало те экономические ресурсы, которыми располагал уезд.

К уездам с умеренной миграцией можно отнести Севский (10,3 %) и Карачевский (9,1 %) уезды. Отток населения мог служить свидетельством нехватки земельных ресурсов у крестьянства, а также отсутствием других видов хозяйственной деятельности, которые бы поглотили избыток рабочих рук. Например, аграрное переселение из Карачевского уезда стало массовым, начиная с 1893 г., и составляло до нескольких тысяч человек в год.

Естественный прирост в Трубчевском уезде составил за рассмотренный период 49221 чел., а население выросло при этом 39555 чел., то есть за пределы уезда уехало почти 10000 чел. (5,7 %). В уезде еще имелся фонд не введенной в сельскохозяйственный оборот земли, а высокую прибыль местным жителям (в отличие от упомянутых ранее уездов) приносили промыслы, в том числе и лесной.

Невысокая степень переселенческого движения была зафиксирована в Орловском (4,9 %), Елецком (4,8 %), Мценском (4,3 %) и Брянском уездах (3,5 %).

В Орловском уезде естественный прирост составил за рассмотренный период 36590 чел., а население выросло при этом 28002 чел., то есть, за пределы уезда уехало почти 8500 жителей. За исследуемый период население Мценского уезда выросло на 16000 чел., а естественный прирост за аналогичный отрезок времени составил 21300 чел. Население в Елецком уезде увеличилось за период на 61090 чел., а суммарный естественный прирост за аналогичное время составил 76590 жителей.

Экономическая ситуация в Орловском, Елецком, Мценском и Брянском уездах была заметно лучше, чем в других. Губернский центр впитывал в себя сельское население своих окраин, а также давал работу для жителей соседних Мценского и Болховского уездов. В Мценске активно развивались промыслы и местная промышленность. Все это способствовало замедлению миграции, хотя после 1907 г. стало ощущаться ее усиление.

В самом западном уезде губернии — Брянском, развитом в промышленном отношении, мигрировало за изученный период чуть более 8200 чел. Этот факт подтверждает то, что жители уезда могли успешно трудоустраиваться в своей местности и Брянский уезд существенно не был поглощен волной миграции крестьянского населения, что было характерно для земледельческих районов.

Минимальный отток населения (всего 2219 чел., или 1,4 %) был зафиксирован в Болховском уезде. Возможная причина могла состоять в том, что в Болховском уезде были развиты промыслы и кустарное производство, и много рабочих требовалось на переработку сельскохозяйственной продукции. Хотя земельные ресурсы имелись в ограниченном количестве, тот механизм воспроизводства населения, который существовал, мог вполне обеспечивать развитие роста населения и его дальнейшего трудоустройства в своем уезде. Но, все-таки это явление требует более детального изучения, так как похожая ситуация с местным трудоустройством была и в ряде соседних уездов, но миграция была на порядок выше.

За период с 1900 г. по 1909 г. объем только аграрной миграции составил чуть более 62000 чел. Информация за остальной период о переселенцах в фондах ГАОО (Государственного архива Орловской области) отрывочна и не полна. Точных данных об иных формах переселения (количество выселявшихся, местах их вселения и т. д.) также нет. Работа по поиску источников и введении их в научный оборот будет продолжена после изучения фондов столичных архивов, например Государственного архива Российской Федерации.

В целом по губернии уровень естественного прироста сельских жителей в начале XX в. был стабильно положительным. Он обеспечивался все еще высокой традиционной рождаемостью и постепенно снижающейся смертностью местного населения. Поэтому можно считать уместным

сложившийся в современной российской историко-демографической литературе тезис о начале демографического перехода в России в первом десятилетии XX в.

Миграционный поток из Орловской губернии в исследуемый период равнялся 8,8 %, что составляло около 36 % от уровня естественного прироста населения. Таким образом, напрашивается вывод, что число выселявшихся орловчан было недостаточно для преимущественно сельскохозяйственного региона.

Аграрное переселение в структуре общей миграции населения исследуемого периода, несомненно, сыграло значительную роль в решении социально-экономических проблем русской, в том числе орловской деревни, но это был лишь кратковременный эффект в снижении демографической нагрузки на природные ресурсы (в первую очередь пахотные угодья). Это обстоятельство неминуемо вело к дальнейшему обострению земельного вопроса в губерниях аграрного пояса Центральной России. Столыпинская реформа, призванная решить проблему, смогла частично смягчить, но не решить полностью аграрный кризис в русской деревне. Процесс урбанизации и промышленного роста региона был на низком уровне и не мог поглотить избыточное количество рабочих рук, особенно тех, кто был занят в сельском хозяйстве. Это также являлось еще одним стимулирующим к миграции фактором.

Список источников

1. *Безгин В. Б., Токарев Н. В.* Обратное переселение тамбовских крестьян в период столыпинских преобразований // Аграрное освоение и демографические процессы в России X-XXI вв. XXXV Сессия симп. по аграрной истории Восточной Европы. Уфа, 20–23 сентября 2016 г. — Уфа, 2016. — С. 130–132.

2. *Белянин Д. Н.* Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии. 1906–1914 гг. — Кемерово: [б. и.], 2003. — 176 с.

3. Государственный архив Орловской области (ГАОО) Ф.34. Оп 1. Д. 131.

4. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.525. Оп.1. Д. 143.

5. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 525. Оп.1. Д. 226.

6. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 525. Оп.1. Д. 675.

7. *Дорожкин А. Г.* Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германской историографии // Отечественная история. — 2006. — № 2. — С. 116–135.

8. *Жиров Н. А.* Отчет уполномоченного губернского земства Позднякова Н. Н. о поездке в Западную Сибирь для ознакомления с землями колонизационного фонда как источник по изучению столыпинской переселенческой политики в начале XX в. // История. Факты и символы. — 2016. — № 4 (9). — С. 141–146.

9. *Иноземцев И. В.* Миграции крестьян Воронежской губернии в 1861–1914 гг. автореф. дис. … канд. ист. наук. — Воронеж, 2005. — 24 с.

10. *Курцев А. Н.* Особенности переселений российского крестьянства за 1861–1917 гг. на примере Центрально-черноземного региона // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 8. — С. 303–309.

11. *Перепелицын А. В.* Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период. — Воронеж : ВГПУ, 2005. — 171 с.

12. *Пожарская К. А.* Столыпинские переселенцы на Алтае. Хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация: автореф. дис. … канд. ист. наук. — Барнаул, 2009.

13. *Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. — М. : Памятники исторической мысли, 2001. — 304 с.

14. *Чуркин М. К.* Миграционное поведение российского крестьянства во властном и общественно-политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. — 2015. — № 3 (35). — С. 21–29.

Информация об авторе

Жиров Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (399770, Россия, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28 e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru).

Zhirov N. A.

Migration Processes in the Orel Province in the Early XX Century

Actuality of the research migration of the central Russia peasants in the late-imperial period is connected with insufficient study of this process within the frames of separate regions and with the absence of works on Oryol province. The article studies in detail the agrarian migration of Oryol province peasants in the late-imperial period of Stolypin reforms on the basis of vast archives materials. The article deals with the factors affecting the process of migration and gives characteristics of installation places. The article dwells upon the informational possibilities of the sources, which allowed to characterize migration processes as not only the population mechanical movement, but also as a social and demographic phenomenon. Complex study of the archives materials was made by both traditional scientific methods (systemic analysis, structural approach, retrospective approach, etc.) and the new ones, such as civilization approach and following from it theory of agrarian society modernization. During the research it was found out that migration from the territory of Orel province was a constant phenomenon in the studied period (1900–1914). The migration stream from the province of Orel in the study period was equal to 8,8%. Urbanization and industrial growth in the region were low and could not absorb excess labour. This was an important incentive for eviction. Thus, migration was a forced measure of employment necessary to sustain the rapidly growing population of the province.

Keywords: historical demography, agrarian migration, the peasantry, the Russian Empire, Oryol province

References

1. Bezgin V. B., Tokarev N. In. Reverse the resettlement of peasants in Tambov the period of the Stolypin reforms // Фgricultural development and demographic processes in Russia X-XXI century. The XXXV session of the Symposium on agrarian history of Eastern Europe, Moscow, September 20–23, 2016. M., 2016. — p. 130–132.

2. Belyanin D. N. Stolypin resettlement policy in Tomsk province (1906–1914) — Kemerovo: [b. I.], 2003. — 176 p.

3. GAOO — State archive of the Oryol region. F. 34. Op. 1. D.131.

4. GAOO. State archive of the Oryol region F.525. Op.1. D. 143.

5. GAOO. State archive of the Oryol region F 525. Op.1. D.226.

6. GAOO. State archive of the Oryol region F. 525. Op.1. D.675.

7. Dorozhkin A. G. Stolypin agrarian reform in the estimates of modern German historiography // History. — 2006. — No. 2. — P. 116–135.

8. Zhirov N. A. Account of the representative of province local administration Pozdnyakov N.N. about the trip to West Siberia for getting acquainted with the lands of colonization fund as a source for studying Stolypin's re-settlement policy in the early XX century // [Russ]. Istoriya: fakty i simvoly. — 2016. — № 4 (9). — P. 141–146.

9. Inozemtsev V. I. the Migration of the peasants of Voronezh province in the years 1861–1914]. dis. ... kand. east. sciences'. Voronezh, 2005. — 24 p.

10. Kurtzew, A. N. Features of migrations of the Russian peasantry in 1861–1917 on the example of Central black earth region // Vestnik of Tomsk state University. — 2008. — №. 8. — P. 303–309.

11. Perepelitsyn, V. A. Peasant crafts in the Central black earth provinces of Russia in the post-reform period /V. A. perepelitsyn. — Voronezh : VSPU, 2005. — 171 p.

12. Pozharskaya C. A. Stolypin's settlers in the Altai: economic development and sociocultural adaptation: author. dis. ... kand. east. sciences'. — Barnaul, 2009.

13. Tyukavkin V. G. Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform. — M. : Monuments of historical thought, 2001. — 304 p.

14. Churkin M. K. Migration behavior of the Russian peasantry in government and political discourse of the second half of XIX — early XX centuries //Bulletin of the Tomsk state University. History. — 2015. — № 3 (35). — Pp. 21–29.

Author

Nikolaj Anatol`evich Zhirov — PhD (History), Bunin Yelets State University (399770, Russia, Lipetsk region, Elets, Kommunarov str., d. 28 E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru).

УДК 314. 18(470.319)

Жирова М. С.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В XXI ВЕКЕ[1]

Статья посвящена изучению изменения демографического развития Липецкой области в XXI в. (с 2004 г. по 2018 г.). В качестве основного источника были использованы официальные сведения Липецкого областного статистического комитета о численности населения и основных демографических показателях за последние 15 лет. Цель исследования — рассмотреть основные демографические показатели (рождаемость, смертность, естественный прирост населения и т. д.), а также миграционный процесс, непосредственно влияющий на движение населения области. Главным итогом исследования стал вывод о сохранении стабильной демографической ситуации на территории области. За это время в области заметно снизился уровень смертности, рождаемость постепенно, особенно в последние годы, стала расти. При этом продолжается тенденция сохранения отрицательного естественного прироста, несмотря на то, что в 2016 г. он впервые в новейшей истории региона вышел на положительный уровень. Число новопоселенцев не покрывает миграционный отток местного населения и отрицательный естественный прирост. Соотношение городского и сельского населения в области продолжает оставаться неизменным и составляет 64,4 и 35,6 % соответственно. Таким образом, стабильная демографическая ситуация заметно лучше, чем в большинстве регионов ЦФО, хотя все еще сохраняются проблемы, требующие решения. Результаты исследования могут быть использованы в выработке региональной демографической программы увеличения народонаселения и при принятии стратегии социально-экономического развития Липецкой области.

Ключевые слова: демография, рождаемость, смертность, естественный прирост населения, миграция, Липецкая область

Рост населения в нашей стране является одним из важнейших направлений внутренней политики России в последние 15 лет. Наш президент совместно с правительством, главами профильных министерств и руководителями регионов на протяжении этого времени активно работает в направлении стабилизации демографической ситуации в стране. В этой связи были начаты и продолжают свою работу программы «Материнский капитал», «Молодая семья» и т. д., направленные на стимуляцию роста населения государства, увеличения продолжительности жизни граждан, оздоровление нации [8]. Работа в этом направлении становится предметом исследования в отечественной гуманитарной науке [6, 7]. Но, несмотря на локальные успехи в области демографической политики, все еще остается большое количество проблем, не решенных полностью, и задача их

[1] © Жирова М. С. Текст. 2018.

преодоления лежит не только на руководстве страны, но и без исключения на всех ее гражданах.

Истории демографического развития области, ее административно-территориальных компонентов посвящены отдельные работы [1–4], но при этом ощущается недостаток исследований, характеризующих современное состояние народонаселения региона, в отличие от соседних областей [5].

Липецкая область на сегодняшний день — динамично развивающийся регион. Численность ее жителей в 2018 г. составила 1150201 чел., с плотностью населения — 47,83 чел/км². Она занимает 3-е место в Центрально-Чернозёмном экономическом районе и 45-е в России. Основой экономического потенциала региона является промышленное производство, на долю которого приходится до 66 % валового регионального продукта. Липецкая область занимает первое место в стране по производству бытовой техники (холодильников и морозильников), четвертое место по производству стали (14 %) и проката черных металлов (16 %), является крупным производителем сахара-песка (7 %) и плодоовощных консервов (около 30 %). Промышленный комплекс области представлен более чем 200 крупными предприятиями, носит многоотраслевой характер, а также в области создано несколько свободных экономических зон и площадок опережающего развития. Все –главные факторы привлечения молодых кадров на работу в области, роста городов и поселков городского типа.

Не отстает от промышленного комплекса сельское хозяйство и пищевая промышленность. Благоприятный климат и чернозёмные почвы предопределили успешное развитие растениеводства в области. Сельскохозяйственные угодия занимают более 1,8 млн га, из которых под пашней находится более 80 %. В области работает около 300 сельхозпредприятий, производящих: зерновые и технические культуры (сахарная свекла, рапс, подсолнечник, картофель и т. д.), а также занимающихся разведением крупного рогатого скота, свиноводством и птицеводством. В области довольно обширны территории, отведенные пол плодовые сады, где в основном выращивают яблони, груши, и плодовые кустарники.

Кроме того, в регионе довольно развитая сеть учебных заведений, привлекающая иногородних студентов для проживания в области, имеются туристско-реакреационные зоны, притягивающие отдыхающих из разных регионов нашей страны. Все это является своеобразной рекламой для потенциальных переселенцев в Липецкую область. Но насколько действенны все эти положительные факторы, можно судить только по динамике, отражающей движение населения в области, ее половозрастной состав.

Динамика численности жителей в регионе, изменения его полового и возрастного состава во многом отражают уровень социально-экономического развития административно-территориальной единицы, привлекательность в качестве места постоянного или хотя бы временного пребывания (трудовая или учебная миграция). Сокращение населения, каковы

Таблица 1

Изменение соотношения сельских и городских жителей Липецкой области 2004–2018 гг.

Год	Население в абсолютном и процентном отношении					
	Городское		Сельское		Общее количество	
	кол-во, тыс. чел.	%	кол-во, тыс. чел.	%	кол-во, тыс. чел.	%
2004	776,5	64,4	428,8	35,6	1205,3	100
2005	773,1	64,5	425,2	35,5	1198,6	100
2006	752,9	63	441,0	37	1193,9	100
2007	752,0	63,1	438,4	36,9	1190,4	100
2008	751,1	63,3	435,6	36,7	1186,7	100
2009	749,9	63,4	432,1	36,6	1182,0	100
2010	747,9	63,5	429,1	36,5	1177,0	100
2011	746,9	63,7	425,1	36,3	1172,0	100
2012	744,6	63,9	421,3	36,1	1165,9	100
2013	744,2	64	418,0	36	1162,2	100
2014	743,6	64,1	416,3	35,9	1159,9	100
2015	743,6	64,2	414,3	35,8	1157,9	100
2016	742,5	64,2	413,3	35,8	1156,1	100
2017	742,2	64,2	414,0	35,8	1156,2	100
2018	740,3	64,4	409,9	35,6	1150,2	100

бы не были на то причины (старение и естественная убыль, миграция за пределы родного края и т. д.) указывает на клубок социальных и экономических проблем, присущих данной территории. Поэтому начнем с общих сведений о численности населения Липецкой области за последние 15 лет (табл. 1).

Согласно сведениям Липецкого областного статистического комитета, численность жителей области за последние 15 лет снизилась на 55 100 чел. За период с 2004 г. по 2012 г. население сокращалось в среднем на 4–5 тыс. чел. ежегодно. Даже для немногочисленного региона эта цифра не являлась катастрофичной, и потеря даже 5 тыс. чел. в год не столь болезненна (хотя эти потери по своему количеству сопоставимы с исчезновением целого районного центра, такого как с. Волово, с. Измалково, с. Становое и т. д.). Но при этом стоит учитывать, что Липецкая область является регионом-донором с профицитом бюджета, а значит, привлекательна как место постоянного проживания. Для того чтобы понять причины сокращения населения, стоит обратиться к показателям естественного движения населения за последние годы (табл. 2).

С 2004 г. в области наблюдается отрицательный естественный прирост, стабилизировавшийся в 2011–2017 гг. на уровне 4–5 тыс. чел. ежегодно. Он обеспечивается продолжающимся превышением числа умерших жителей над количеством родившихся. Несмотря на уверенный рост рождаемости

Таблица 2

Численность постоянного населения Липецкой области по компонентам за 2004–2018 гг.

Год	Население на начало года	Общий прирост	Естественный прирост	Родилось	Умерло	Миграционный прирост
Все население						
2004	1205271	–6691	–10873	11012	21885	4182
2005	1198580	–4690	–10192	11024	21216	5502
2006	1193890	–3482	–9215	11290	20505	5733
2007	1190408	–3701	–7972	11989	19961	4271
2008	1186707	–4726	–7386	12585	19971	2660
2009	1181981	–4929	–6491	12654	19145	1562
2010	1177052	–5026	–6779	12803	19582	1753
2011	1172026	–6110	–5261	12536	17797	–849
2012	1165916	–3681	–4260	13632	17892	579
2013	1162235	–2369	–4496	13146	17642	2127
2014	1159866	–2001	–4412	13383	17795	2411
2015	1157865	–1772	–4297	13428	17725	2525
2016	1156093	128	–4444	13094	17538	4572
2017	1156221	–6020	–5374	11563	16937	–646
Городское население						
2004	776515	–3461	–4981	7192	12173	1520
2005	773054	–20208	–4711	7116	11827	2651
2006	752846	–803	–4146	7039	11185	3343
2007	752043	–894	–3658	7461	11119	3369
2008	751149	–1221	–3168	7856	11024	1535
2009	749928	–2009	–2678	8006	10684	669
2010	747919	–1013	–3273	8051	11324	2260
2011	746906	–2285	–2358	7780	10138	73
2012	744621	–404	–1433	8692	10125	1029
2013	744217	–673	–1930	8297	10227	1257
2014	743544	26	–1658	8585	10243	1684
2015	743570	–1078	–1061	9209	10270	–17
2016	742492	–281	–1100	9019	10119	819
2017	742211	–1958	–2076	7872	9948	118
Сельское население						
2004	428756	–3230	–5892	3820	9712	2662
2005	425526	15518	–5481	3908	9389	2851
2006	441044	–2679	–5069	4251	9320	2390
2007	438365	–2807	–4314	4528	8842	902
2008	435558	–3505	–4218	4729	8947	1125

Окончание табл. 2

Год	Население на начало года	Общий прирост	Естественный прирост	Родилось	Умерло	Миграционный прирост
2009	432053	–2920	–3813	4648	8461	893
2010	429133	–4013	–3506	4752	8258	–507
2011	425120	–3825	–2903	4756	7659	–922
2012	421295	–3277	–2827	4940	7767	–450
2013	418018	–1696	–2566	4849	7415	870
2014	416322	–2027	–2754	4798	7552	727
2015	414295	–694	–3236	4219	7455	2542
2016	413601	409	–3344	4075	7419	3753
2017	414010	–4062	–3298	3691	6989	–764

в области с 2004 г. до 2016 г., высокий уровень смертности не позволил восполнить демографических потерь региона. Для вывода естественного прироста в плюс необходимо продолжать стимулирование рождаемости в области как в рамках региональных, так и федеральных программ, касающихся демографического развития. Также не стоит забывать и о здравоохранении, так как смертность находится все еще на высоком уровне.

Миграционный прирост, достигавший до 2008 г. 4–5 тыс. чел., также не смог остановить сокращение жителей области. В 2011 и 2017 гг. даже наблюдался отток населения из области. Таким образом, напрашивается однозначный вывод о прямом влиянии состояния экономики региона на привлекательность проживания в области. С момента входа России в полосу экономического кризиса Липецкая область стала терять свою привлекательность для переселенцев из других регионов страны. И это происходит даже на фоне существующих и появляющихся в области свободных экономических зон и площадок опережающего развития.

Для более глубокого анализа демографического развития Липецкого края обратимся к показателям по городскому и сельскому населению отдельно, при этом помним, что соотношение этих категорий жителей области оставалось неизменным на протяжении изучаемого времени.

Наиболее существенное сокращение отрицательного естественного прироста населения произошло в городах Липецкой области с –4981 в 2004 г. до –1100 в 2016 г. Это произошло благодаря как высокому росту рождаемости, так и снижению смертности среди горожан. В сельской местности отрицательный естественный прирост оказался выше, и главная причина состояла в том, что рождаемость на селе ниже, чем в городах. Важная деталь, которую стоит учитывать — статус сельских поселений имеет половина районных центров области, а также достаточно разветвленная сеть сел и деревень имеется в черте Липецкой агломерации (в радиусе 5–15 км.). Именно эти поселки являются главными в поддерживании как общей численности сельских жителей области, так и основных

демографических показателей, например, рождаемости. Более детальный анализ этого явления мог бы подробно показать, как это происходит на уровне отдельных населенных пунктов и районов, но вследствие большого объема фактов и цифр не может быть представлен в рамках данного исследования.

Миграционный отток из сельской местности значительно выше, чем из городов, что также является очевидным процессом, свойственным для села как в России, так и в мире в целом [9].

Итогом исследования стоит считать ряд выводов о состоянии современной Липецкой области в области ее демографического развития. За последние 15 лет продолжает сокращаться смертность на фоне уверенного роста рождаемости. Миграционный поток, ослабевший в последние три года, продолжает оставаться в зеленой зоне, что указывает на привлекательность жизни в Липецкой области. Стабилизация уровня численности населения региона также является положительным моментом. Но есть факты, которые не могут не настораживать. Это устойчивое сохранение отрицательного естественного прироста населения, сокращение в последние годы миграции на территорию области, падение рождаемости по итогам 2017 г. Надо надеяться, что это все временные трудности, с которыми смогут справиться региональные власти в ближайшем будущем.

Список источников

1. *Жиров Н. А.* Естественный прирост крестьянского населения в Орловской губернии в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. — 2012. — №.4(108). — С. 317–322. — (Гуманитарные науки).

2. *Жиров Н. А.* Демографическая история Орловской губернии в начале XX века : дис. … канд. ист. наук. — Тамбов, 2012.

3. *Канищев В. В., Жиров Н. А.* Моделирование историко-географического районирования. На материалах Юга Центральной России XIX в. // История. Факты и символы. — 2015. — № 1. — С. 63–81.

4. *Коротких И. С.* Отечественная демография и демографическая статистика в конце XIX — начале XXI вв. // Filo Ariadne. — 2016. — № 4. — С. 115–128.

5. *Меркулов П. А., Проказина Н. В., Перевозкин Л. М.* Демографическое воспроизводство молодого поколения Орловской области // Среднерусский вестник общественных наук. — 2016. — Т. 11. — № 3. — С. 12–27.

6. *Мурашов А. Г.* О стратегии социально-экономического развития регионов. На примере центрального федерального округа // Вестник государственного и муниципального управления. — 2016. — № 2 (21). — С. 44–50.

7. *Проказина Н. В., Перевозкин Л. М.* О реализации концепции демографической политики Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — Т. 10. № 5. — С. 10–16.

8. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года // Официальный сайт администрации Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://www/admlr/lipetsk.ru/rus/strategy.php.

9. *Титова Е. В.* Особенности влияния трудовой миграции на демографию Еврейской автономной области на современном этапе. // 10 корпус. — 2015. — № 1. — С. 117–124.

Информация об авторе

Жирова Маргарита Сергеевна — магистрант, Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, 302029, Орловская обл., г. Орел, ул. Гагарина д. 2; e-mail: marg-soloxina@mail.ru).

Zhirova M. S.

Demographic Development Lipetsk Area in the XXI Century

Article is devoted to the study of changes demographic development lipetsk area in XXI (2004 to 2018 years). As the main source were used official information Lipetsk regional statistical committee of the population and fundamental demographic indicators for the last 15 years. The purpose of research — to consider the main demographic indicators (fertility, mortality, natural population growth, etc.), as well as migration process, directly influencing the movement of the population area. Main result of the study was the conclusion of the conservation of stable demographics in the area. During this time in the field of markedly decreased mortality rate, fertility gradually, especially in recent years has become grow. At the same time goes on trend save the negative natural growth, despite the fact that in 2016 he was the first time in the recent history of the region was released on the positive level. The number of new settlers not cover the migration outflow of the local population and negative natural growth. Ratio of urban and rural population in the field of remains unchanged and is 64,4% and 35,6%, respectively. Thus, a stable demographics significantly better than most regions Central federal district, though still remain problems requiring solutions. findings can be used in the development of regional demographic program increasing population and decision-strategy socio-economic development Lipetsk area.

Keywords: demography, birth rate, mortality, natural population growth, migration, Lipetsk region.

References

1. Zhirov N. A. Natural increase of the peasant population in Orel province in the early twentieth century // Vestnik tambovskogo universiteta. Series. — 2012. — №.4 (108). — P. 317–322. — (Humanities)

2. Zhirov N. A. The demographic history of Orel province in the early twentieth century: dis. ... the candidate of historical sciences. — Tambov, 2012.

3. Kanishchev V. V., Zhirov N. A. Modeling of historical and geographical zoning (on materials of the South of Central Russia of XIX century) // History: facts and symbols. — 2015. — № 1. — P. 63–81.

4. Korotkikh I. S. Domestic demography and demographic statistics in the late XIX — early XXI centuries. // Filo Ariadne. — 2016. — №. 4. — P. 115–128.

5. Merkulov P. A. Prokazina N. V., Perevozkin L. M. Demographic reproduction of the young generation Orel region // Central Russian messenger of social Sciences. — 2016. — T. 11. — №. 3. — P. 12–27.

6. Murashov A. G. Strategy of socio-economic development of regions (by example of the Central Federal district) // Bulletin of the state and munitsi-PAL management. — 2016. — № 2 (21). — P. 44–50.

7. Prokazina N. V., Perevozkin L. M. About implementation of the concept of demographic policy of the Russian Federation // Central Russian messenger of social Sciences. — 2015. — T. 10. No. 5. — P. 10–16.

8. Social and economic development strategy of the Lipetsk region for the period up to 2020 [Electronic resource]: official website of the Lipetsk region administration. URL: http://www/admlr/lipetsk.ru/rus/strategy.php.

9. Titova E.V. Features of the influence of labor migration on the demography of the Jewish Autonomous region at the present stage// 10 Corps. — 2015. — № 1. — P. 117–124.

Author

Zhirova Margarita Sergeevna — The Central Russian institute of management — branch of the Russian academy of national economy and public service at the Russian President (302029, Oryol region, Oryol, Gagarin str., d. 2; e-mail: marg-soloxina@mail.ru).

УДК 947.1/9

Жумалиева С. Ч., Токтосунова Г. М.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СЕВЕРНОМ КЫРГЫЗСТАНЕ В ГОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТРЯСЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА[1]

Среди ученых демографической кризис рассматривается в контексте киргизского восстания 1916 г. После восстания с 1917 по начало 1920-х гг. происходили природные катаклизмы, гражданская война, басмаческие движения, которые не были учтены в процессе исследования совренными учеными. Главные изменения демографической ситуации того времени — расширение этнического многообразия за счет переселенцев, появления оседлых пунктов и коренного населения. В статье исследуется этнодемографическая ситуация в северном Кыргызстане в конце XIX — начале XX века, когда в регионе произошли значительные этнодемографические изменения. Статья посвящена региональным особенностям этнодемографической ситуации в Пишпекском и Пржевальском уездах, местное население которых претерпело резкие изменения в ходе восстания и социалистических преобразований. Основная проблема в изучении данного вопроса заключается в том, что практически отсутствуют какие-либо более или менее реальные, т. е. достоверные, данные о потерях местного населения в 1916–1922 гг. В рамках изучаемой проблемы следует обратить внимание на природно-географические факторы, которые напрямую влияют на формирование особенностей расселения, трансформации этнокультурного пространства, тем самым определяя демографическую ситуацию среди коренного, местного и переселенческого населения. В статье используются междисциплинарные методы исследования материалов переписей населения 1897, 1916, 1917–1926 гг.

Ключевые слова: этнодемография, потрясения, область, перепись, уезд, населенный пункт, население, восстания

В исследовании истории дореволюционной Кыргызстана до сих пор применяется пространственный подход, разделяя республику на северный и южный регионы. Это разделение обусловленно природно-географическими факторами, хозяйственно-культурными особенностями. С вхождением Кыргызстана в Российскую империю в конце XIX века на территории была создана новая административная система, она учитывала эти факторы. Согласно данным того периода, главными доходами местного населения являлась пастушеская деятельность. Кыргызы были в основном кочевниками и занимались скотоводством, были главными поставщиками мяса и молочной продукции. В ходе административной политики территория современного Кыргызстана была включена в 4 области — Семиречинскую, Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую области Туркестанского генерал-губернаторства. Северная часть, которая стала

[1] © Жумалиева С. Ч., Токтосунова Г. М. Текст. 2018.

Таблица 1

Население Северного Кыргызстана по переписи населения 1897 г., чел.

Уезды, города	Общее количество и половой состав населения			Приезжие		Постоянно живущие		
	Мужчины	Женщины	Всего	Временно приезжие	Иностранцы	Мужчины	Женщины	Всё население
Уезд Пишпек	95415	81162	176577	1525	305	94582	80470	175052
г. Пишпек	3826	2789	6615	68	120	3774	2773	6547
Уезд Пржевальск	80584	66933	147517	400	779	80271	66846	147117
г. Пржевальск	4677	3431	8108	44	44	4640	3424	8064
Всего	175999	148095	324094	1925	1084	174853	146316	322169
Из них в городах	8503	6220	14723	112	749	8414	6197	14611

объектом исследования, вошла в состав Пишпекского и Пржевальского уездов Семиречинской области, и Аулиэ-Атинской уезды Сыр-Дарьинской области. Соответственно учет населения, источники, характеризующие развитие края, были собраны исходя из этого территориального деления.

По материалам переписи населения 1897 г. уезды Пржевальск и Пишпек в конце XIX — начале XX веков включены для определения демографического положения северного Кыргызстана (табл. 1).

Если к материалам переписи по уездам Пржевальск и Пишпек добавить население Жети-Суйской области, то количество населения Северного Кыргызстана составит 324 094 человек, среди них 1927 человек (0,5 %) — временно проживающее население [5, с. 2–5]. В городах Пишпек и Пржевальск этих уездов количество населения было меньше по сравнению с селами. Почему появилась такая большая разница? Как это объясняется в исторической науке? Эти два города на Севере Кыргызстана были центрами уездов. В 1878 г. Пишпек стал центром уезда Токмок, позднее переименованного в Пишпек. В 1899 г. уезд Каракол был переименован в Пржевальск. Постепенно в этих двух городах количество населения стало увеличиваться. В материалах переписи населения общее количество населения в городах Пишпек и Пржевальск составило 14723 тыс. (4,5 % от всего населения).

Росту городского населения непосредственно способствовали русско-украинские переселенцы, их насчитывалось по переписи 5826 человек (39,5 %). 3403 человек (23,1 %) составляли сарты, 2364 человека (16,05 %) дунгане, 2032 человека (13,8 %) кыргызы-кайсаки, остальные малочисленные народности [5, с. 52–53]. То есть на формирование и рост городского населения прямое влияние имели переселенцы, особенно русско-украинские крестьяне, а также приезжие дунгане и сарты.

Таблица 2

Этнический состав населения Северного Кыргызстана в первой четверти XX века

Национальность	Пржевальск			Пишпек			Всего		
	1897 г.	1916 г.	1926 г.	1897 г.	1916 г.	1926 г.	1897 г.	1916 г.	1926 г.
Кыргызы	128	161	180	151	176	89	163	337	269
Русско-украинцы	11,2	30	42,7	12	57	105	23,2	87	147,7
Узбеки	2,1	6,5	2,4	2	7	5	4,1	13,5	7,4
Дунгане	1,3	6	0,9	7	11	4,8	8,3	17	5,7
Татары	0,5	2	1,5	0,6	1,5	2,5	1,1	3,5	4

Увеличению городского населения способствовало развитие капиталистических отношений в регионе. Несмотря на призыв «перехода населения от сельского хозяйства к промышленности», этот процесс не достиг масштабного уровня, так как большая часть населения занималась земледелием [4, с. 44–45]. Под «кыргызом» подразумевался кочевник, а «кочевником» — кыргыз. Образ жизни, хозяйство кыргызов в конце XIX и начале XX в. были тесно связаны с кочеванием. Кыргызы в основном жили в селах и кишлаках, в городах они жили в очень малом количестве.

Этнодемографическая ситуация изменялась в результате восстания 1916 г., голода 1917–1919, 1921–1922 гг., сопровождающихся эпидемиями. Эти события отразились и на численности населения региона. Основная проблема в изучении данного вопроса заключается в том, что практически отсутствуют достоверные данные о потерях местного населения в 1916–1923 гг. Чаще всего ученым приходится пользоваться сведениями из неполных переписей 1916, 1917, 1920 гг.

В Пишпекском уезде к началу 1916 г. проживало около 176 тыс. кыргызов, 57 тыс. русско-украинцев, около 11 тыс. дунган, около 7 тыс. узбеков, 1,5 тыс. татар, итого — около 254 тыс. человек [8, с. 14–15]. В Пржевальском уезде к началу 1916 г. насчитывалось 161 тыс. кыргызов, 30 тыс. русско-украинцев, около 6 тыс. дунган, около 6,5 тыс. узбеков, около 2 тыс. татар, прочих — около 4 тыс. чел., итого — около 210 тыс. человек [2, с. 52–53].

Как видно из таблицы 2, с 1897 по 1916 гг. до восстания шла положительная динамика роста численности. После восстания положительная динамика наблюдается только у русского, украинского и татарского населения. Такое состояние главным образом объясняется последствиями восстания 1916 г. Особенно это относится к кыргызам, когда их численность снизилась за 10 лет более чем на 20 %, в абсолютных цифрах — с 337 тыс. чел. до 269 тыс., т. е. сокращение составило 68 тыс. чел. Если эти данные рассмотреть отдельно по регионам (см. табл. 2), то видно, что эти тенденции неодинаковы. Хотя эпицентром восстания являлся Пржевальский уезд, за 10 лет здесь произошло увеличение численности населения.

В современной историографии оценка потерь кыргызского населения в 1916 г. вызывает неоднозначные мнения среди ученых и является

одной из наиболее обсуждаемых проблем. Г.К. Кронгардт определял потери населения края в 96 тыс. — 114 тыс. чел., В.С. Желоховцев определял потери кыргызов в 108,4 тыс. чел. К.У. Усенбаев приводил цифру 119,2 тыс. чел. [9, с. 249]. Ш.Д. Батырбаева определила потери в 37,1 тыс. чел. (убитые, погибшие, переселившиеся, несостоявшиеся рождения), при этом она оценила погрешность своего метода в +/– 10 % [1, с. 108]. По мнению В.В. Плоских, потери кыргызов за 1916 — первую половину 1917 гг. не могли превышать 65–70 тыс. чел. В Пржевальском уезде, который являлся эпицентром восстания, откуда практически бежали все кыргызы, за 10 лет наблюдался рост численности населения с 161 тыс. до 180 тыс. человек. А в Пишпекском уезде, где часть территории не была охвачена восстанием, с 1916 по 1926 гг. численность кыргызов снизилась существенно — с 176 тыс. до 89 тыс. человек. Не акцентируя внимание на том, насколько эти данные достоверны, и исходя из того, что массовые источники отражают общий вектор развития, рассмотрим данное явление. На наш взгляд, такое состояние было обусловлено, во-первых, тем, что Пишпекский уезд в рассматриваемый период был эпицентром всех политических, социальных процессов, и скорее всего часть кыргызов, которые были вынуждены бежать за пределы уезда к 1926 г., обратно не вернулись и остались в соседнем районе — горной части Пржевальского уезда. В свое время краевая администрация при образовании здесь отдельного уезда — Нарынского — предпологала создать уезд, состоявший только из кыргызов. Переселяли на постоянное местожительство из Пишпекского уезда, из района Кемина, и до установления советской власти не разрешали возвращаться. Можно предположить, что бежавшие из Китая возращались в родные края через перевал Пржевальского уезда, Иссык-Кульской котловины и Тянь-Шаня и здесь остались.

Во-вторых, с 1917 г. и до начала 1920-х гг. территория была охвачена гражданской войной, басмаческим и белогвардейским движением. Среди кыргызов именно в это время наблюдалась сверхсмертность. Вернувшиеся после событий 1916 г. кыргызы фактически не имели скота, что привело к страшному голоду, в июле 1917 г. на общеказахском съезде отмечалось, что «киргизы Семиречья гибнут от голода» [7]. Вскоре пришла новая беда — в начале зимы 1917/18 г. голод охватил Самаркандскую, Ферганскую, Сыр-Дарьинскую, Семиреченскую области — весь Туркестан. Причиной послужили засушливое лето 1916 г., малоснежная, холодная зима 1916/17 г. Высохшие почва, реки и ручьи, туманы пыли привели к падежу скота, который начался уже в августе 1917 г. Разразились голод и тиф. В 1918 г. в Семиреченской области прибавилась холера, в июне 1918 г. дошедшая до Верненского уезда. Было много умерших от нее [3, с. 316]. В декабре 1917 г. на общекиргизском съезде отмечалось: «охвачены голодом киргизы Аулиеатинского и Пишпекского уездов» [6, с. 473]. Эти события, вероятно, и определяли различия в демографической ситуации в этих уездах. Для обоснования наших выводов, на основе многолетнего изучения

Таблица 3

Население Северного Кыргызстана в первой четверти XX века, тыс. чел.

Уезд	1897	1916	1917	1926
Пржевальский	128	161	145,7	180
Пишпекский	151	176	178,3	89
Итого	151	337	324	269

первичных архивных материалов переписей 1917 г., а также текущего статстического учета Н.Е. Бекмахановой, рассмотрим динамику изменения численности кыргызов за рассматриваемый период. Как видно из данных таблицы 3, отрицательный прирост наблюдается в Пржевальском уезде, численность кыргызов снизилась с 1916 по 1917 гг. со 161 тыс. до 145 тыс. чел., а в Пишпекском уезде наблюдалась положительная динамика — рост с 176 тыс до 178, 3 тыс. чел.

Поскольку основные потери среди населения приходились на этот период, вероятно, большими потери кыргызов были после восстания. Летом 1917 г. начался падеж скота, а также голод. По данным В. Плоских, в результате голода 1917–1919 гг. во всем Туркестане погибли 1114 тыс. человек [5].

В северной части Кыргызстана за этот период явлений, способных оказать заметное влияние на демографическую ситуацию, не наблюдалось. Перспективный прирост был рассчитан на основе установленного среднегодового темпа роста 1/2.

С 1917 по 1926 гг. наблюдается другая картина: в Северном Кыргызстан шло значительное сокращение населения с 324 тыс. до 269 человек, и оно целиком приходилось на Пишпекский уезд. Отсюда кыргызы уходили в другие регионы. Поскольку в результате голода 1917–1919 гг. во всем Туркестане погибли 1 млн 114 тыс. коренных жителей [10, с. 28], какую же часть среди погибших от голода в это время составляли кыргызы? В период гражданской войны основные потери как кыргызов, так и узбеков пришлись не на военные действия (по всей видимости, погибших с обеих сторон на территории Кыргызстана в 1918–1923 гг. было не более 15–20 тыс. человек), а были связаны во многом с политикой «военного коммунизма» и последствиями других природных и социальных потрясений.

Исходя из вышеизложенного следует, что Северный Кыргызстан по масштабу занимает по сравнению с другими регионами относительно небольшую территорию, тем не менее регионы края имеют внутренние существенные природно-географические различия. Эти различия, в свою очередь, обусловили социально-экономические, политические особенности в развитии края. Соотвественно, демографическая ситуация в Северном Кыргызстане имела тоже внутренние различия. Выявление этих различий и рассмотрение демографических процессов с учетом особенности этнокультруного пространства способствует всестороннему исследованию сложного периода, его объективному анализу и установению, что в годы социальных потрясений все события играли разную роль в развитии края.

1916 г. кардинально повлиял на демографическую ситуацию. Различия напрямую были связаны с восстанием и его последствиями. Демографическая ситуация в Северном Кыргызстане характеризуется косвенными и прямыми потерями, а также насильственными перемещениями населения Пишпекского и Пржевальского уездов.

В рамках нашей проблемы хотелось бы обратить внимание на природно-географические факторы, которые напрямую влияли на формирование особенностей расселения, трансформацию этнокультурного пространства, тем самым создавая различную демографическую ситуацию среди коренного, местного и переселенческого населения.

Перепись населения 1897 г. характеризовала перспективный прирост населения региона. Она была рассчитана на установление среднегодового темпа роста ½. Демографическая ситуация изменялась в связи со столыпинской реформой переселения населения в регион. Она привела к расширению этнического многообразия за счет переселенцев и появления оседлых пунктов. Удельный вес коренного населения начинает уменьшаться. Перед Первой мировой войной наблюдалась положительная динамика среди всего населения, в первую очередь среди кыргызского. Многие современные ученые склонны приписывать это к событиям 1916 г. Так как кыргызы, вернувшиеся из Китая после 1916 года, не были учтены, а потери кыргызов были списаны на восстание.

Среди современных ученых кризис демографической ситуации рассматривается в контексте восстания 1916 г. Необходимо на микроуровне провести исследования регионального характера, выявить особенности демографических процессов в период гражданской войны, а также первых социалистических преобразований. Причинами являются не только сокращение численности населения во время восстания, но и ряд других факторов: голод из-за неурожая, падежа скота, нерождений, а также влияние социально-политических обстоятельств.

Список источников

1. *Батырбаева Ш. Д.* Демографические потери кыргызов во время восстания 1916 г.: мифы и реальность // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н. М. Пржевальского: материалы международной научно-практической конференции. — Бишкек, 2014.

2. Всесоюзная перепись населения 1926 год. — Т. XLII. — М.: Плангосиздат, 1930. — С. 216–219.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXXV. Семиреченская область. — СПб., 1905.

4. Алаш Козгалысы. Движение Алаш: сб. документов и материалов. — Т. 2. — Алматы, 2006.

5. *Кронгардт Г. К.* Население Киргизии в последней трети XIX — началеXX века. — Фрунзе, 1989.

6. *Плоских В. В.* Этносоциальная ситуация в Кыргызстане в конце XIX –начале XX века (исторический аспект). — Бишкек, 2015.

7. Протокол заседания общекиргизского съезда. г. Оренбург, 5–13 декабря 1917 г. // Движение Алаш. — Алматы, 2004. — Т. 1.

8. Резолюции общеказахского съезда. г. Оренбург, 21–26 июля 1917 г. // Движение Алаш: сб. документов и материалов. — Алматы, 2004. — Т. 1.

9. Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1916 г. — Верный, 1917.

10. *Усенбаев К. У.* Восстание 1916 г. в Кыргызстане. — Фрунзе, 1967.

11. Чокай-оглы Мустафа. Туркестан под властью Советов. Статьи, воспоминания. — Алма-Ата, 1993.

Информация об авторах

Жумалиева Сайкал Чубаковна — кандидат исторических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызская Республика, 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547; e-mail: marsella_86@mail.ru).

Токтосунова Гулзина Мурзалиевна — аспирант, Кыргызский национальный университет им Ж.Баласагына (Кыргызская Республика, 720033, г. Бишкек ул. Фрунзе, 547; e-mail: gulzina93@mail.ru).

Zhumalieva S. C., Toktosunova G. M.

Regional Peculiarities of the Ethnodemographical Situation in North Kyrgyzstan in the Years of Social Disasters at the Beginning of the XX Century

Among the scientists, the demographic crisis is considered in the context of the uprising of 1916. After the uprising from 1917 to the early 1920s, there were natural disasters, civil war, basmachic movements, which were not taken into account in the process of research by modern scientists. The main changes in the demographic situation of that time were the expansion of ethnic diversity at the expense of the settlers of the appearance of sedentary settlements and the indigenous population. The article examines the ethnodemographic situation in northern Kyrgyzstan in the late XIX — early XX century, when significant ethno-demographic changes took place in the region. The article is devoted to regional peculiarities of the ethno-demographic situation in the Pishpek and Przewalski uyezds, the local population of which has undergone drastic changes in the course of the uprising and socialist transformations. The main problem in studying this issue is that there are practically no more or less real ones, i.e. reliable data on the losses of the local population in 1916–1922. In the context of the problem under consideration, it is necessary to pay attention to the natural and geographical factors that directly influence the formation of the features of settlement, the transformation of the ethno-cultural space, thereby determining the demographic situation among the indigenous, local and resettled population. In the article used interdisciplinary methods of studying the materials of the population census of 1897, 1916, 1917–1926.

Keywords: ethnodemography, disasters, region, census, county, populated area, population, insurrection

References

1. Batyrbayeva Sh. D. Demographic losses of Kyrgyz during the uprising of 1916: myths and reality // Central Asia in the studies of the XIX-XXI centuries. To the 175th anniversary of the birth of N. M. Przhevalsky: materials of the international scientific-practical conference. — Bishkek, 2014.

2. All-Union Population Census of 1926. — T. XLII. — Moscow: Planguosizdat, 1930. — P. 216–219.

3. The first general census of the Russian Empire, 1897 LXXXV. Semirechye region. — SPb., 1905.

4. Alash Kozgalisy. Movement Alash. Collection of documents and materials. T. 2. — Almaty. 2006.

5. Krongardt G. K. The population of Kyrgyzstan in the last third of the XIX — early XX century. — Frunze, 1989.

6. Ploskih V. V. Ethnosocial situation in Kyrgyzstan in the late XIX — early XX century (historical aspect). — Bishkek, 2015.

7. Minutes of the General Conference of the Congress. Orenburg, December 5–13, 1917 // Movement Alash. — Almaty, 2004. T. 1.

8. Resolutions of the General Cossacks Congress. Orenburg, July 21–26, 1917 // Movement Alash: a collection of documents and materials. — Almaty, 2004. T. 1.

9. Agricultural review of the Semirechye region for 1916. — Vernyi, 1917.

10. Usenbaev KU Uprising of 1916 in Kyrgyzstan. — Frunze, 1967.

11. Chokai-ogly Mustafa. Turkestan under the rule of the Soviets. Articles, memories. — Alma-Ata, 1993.

Authors

Zhumalieva Saikal Chubakovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn (Kyrgyz Republic, 720033, Bishkek, Frunze Str., 547; e-mail: marsella_86@mail.ru).

Toktosunova Gulzina Murzalievna — post-graduate student, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Kyrgyz Republic, 720033, Bishkek, Frunze str., 547; e-mail: gulzina93@mail.ru).

УДК 94(470.55) + 314.1

Журавлева В. А.

НАСЕЛЕНИЕ ЧЕЛЯБИНСКА В 1920–1930-Е ГОДЫ[1]

В статье впервые на основе материалов переписей 1920–1930-х гг. и данных текущего учета анализируется динамика численности населения Челябинска в указанный период. На численность населения города влияла политическая и экономическая ситуация в стране. В начале 1920-х гг. из-за сверхсмертности произошло сокращение населения Челябинска. В годы промышленной индустриализации Урала численность населения города росла особенно быстрыми темпами. Но в 1933 г. из-за высокой смертности, превысившей рождаемость, прирост населения составил всего 5 тыс. чел. Перепись 1937 г. выявила несоответствие между предварительными итогами переписи и исчислением населения накануне нее. В статье указываются причины этого. Выявлено отношение жителей Челябинска к религии по материалам переписи 1937 г. Рассматривается изменение занятости и профессиональной структуры городского населения под воздействием промышленной модернизации края. Сделан вывод, что в конце 1930-х гг. Челябинск превратился в крупный промышленный центр, на Урале по численности населения он уступал только Свердловску.

Ключевые слова: историческая демография, Урал, городское население

1920–1930-е гг. в истории страны и города Челябинска были наполнены важнейшими социально-экономическими и политическими событиями, оказавшими влияние на их демографические характеристики. Однако до сих пор нет специальных исследований численности народонаселения Челябинска в этот переломный для края период. Исключение составляет статья Н.А. Алеврас, О.В. Новиковой и А.А. Рыбалко в энциклопедии «Челябинск» [1], показывающая в самом общем плане динамику населения города за весь период его существования. В данной работе ставится задача восполнить образовавшийся пробел в истории областного центра Южного Урала.

По данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Челябинске проживало 20 947 чел., из них 10 794 (51,5 %) — мужчины, а 10 153 — женщины (48,5 %). В результате строительства Транссибирской магистрали город превратился в крупный железнодорожный узел и стал одним из важнейших торгово-экономических центров Зауралья. По Всероссийской переписи населения 1920 г. в городе уже насчитывалось 60 777 чел., удельный вес мужчин составил 47,7 % (28 997 чел.) и женщин 52,3 % (31 780 чел.)[2]. Таким образом, за период между двумя переписями число горожан увеличилось почти в три раза, на 290,14 %.

---

[1] © Журавлева В. А. Текст. 2018.

[2] Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. / под ред. К. И. Клименко. Челябинск : Челябгубстатбюро, 1923. С. 62.

Начало 1920-х гг. отмечено тяжелыми последствиями войн и революций, что не могло не отразиться на жителях Челябинска. Городская перепись населения 1923 г. зафиксировала снижение численности горожан на 9,4 %. Тогда в городе проживало всего 55 077 чел. Изменилось и соотношение полов в сторону женщин. Их удельный вес в общей численности жителей Челябинска увеличился до 52,6 % (28 995 чел.) при сокращении доли мужчин до 47,4 % (26 082 чел.)[1]. Основными причинами демографических перемен стали, во-первых, рост смертности городского населения вследствие голода 1921–1922 гг. и инфекционных заболеваний, во-вторых, в условиях экономической разрухи наблюдался отток населения в более благоприятные для жизни местности. На 1 апреля 1922 г., по приблизительным подсчетам, число голодавших составило около половины всего населения Челябинского уезда. В 15 обследованных волостях Челябинского уезда из 58800 голодавших заболело на почве голода 5300 чел. и умерло от голода 533 чел.[2] Всего же в 1922 г. в Челябинской губернии заболело на почве голода 12671 чел., а умерло — 6398 чел. или 58,4 %[3].

Масштабы последствий голода потребовали создания в 1922 г. специальной научной комиссии для выявления вредности или пользы того или иного суррогата, употреблявшегося в пищу. На основе полученных результатов медиками проводилась широкая разъяснительная работа среди населения, что позволило спасти тысячи людей от отравления. Одновременно Челябинский губернский отдел здравоохранения проделал большую работу по госпитализации больных и клиническому лечению их, а также оказанию им амбулаторной помощи. Предпринятые меры помогли спасти многие человеческие жизни от последствий голода[4].

Небывалый размах эпидемий в начале 1920-х гг. обусловлен статусом Челябинска как крупной узловой станции. По сведениям Челябинской базы Центроэвака, только за 11 месяцев 1922 г. через ст. Челябинск прошло транзитом 30 850 чел.[5], многие из которых были больны инфекционными болезнями. В итоге в 1921 г. тифом заболело 9845 горожан Челябинской губернии, а за два с половиной месяца 1922 г. — уже 4735 чел. Эпидемия достигла своего пика в ноябре 1921 — январе 1922 гг. Наибольшая часть заболеваний (63,9 %) приходилась на возвратный тиф, от которого скончалось в 1921 г. 8,6 % жителей городов Челябинской губернии, в первой декаде 1922 г. — уже 15,7 %. На втором месте по количеству заболеваний стоял брюшной тиф. Но именно на его долю пришлось наибольшее число

[1] Рассчитано по: Труды Центрального статистического управления. Т. XX. Ч. II. Вып. I. М., 1924. С. 40.

[2] Отчет Челябинского Губэкономсовещания Совету Труда и Обороны на 1 апреля 1922 года. Челябинск: Тип. губсовнархоза, 1922. С. 107.

[3] Там же. С. 26.

[4] Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). Челябинск: Б. и., 1922. С. 24.

[5] Там же. С. 69.

умерших: соответственно — 8,6 и 25,2 %. Удельный вес смертности от сыпного тифа был ниже — 6,8 и 8,5 %[1]. В мае — сентябре 1922 г. наметившаяся в начале указанного года тенденция сохранилась. По-прежнему отмечалась повышенная заболеваемость возвратным тифом, причем число заболевших за 9 месяцев 1922 г. в два раза превысило аналогичный показатель за предыдущий год[2]. Другие инфекции в городах Челябинской губернии не приобрели такого масштаба, как тиф, но они также стали причиной повышенной смертности горожан. Особую опасность после тифа представляла холера. Первые случаи этой болезни были зафиксированы на железнодорожной станции Челябинска, больными оказались пассажиры из Поволжья. Всего же в городах Челябинской губернии летом 1921 г. было зарегистрировано 4244 больных холерой, из них умерло 45,4 %[3]. С сентября эпидемия пошла на убыль, а в 1922 г. холера уже не имела таких масштабов.

Демографические потери начала 1920-х гг. удалось преодолеть только к концу 1924 г. На 1 января 1925 г. по текущему учету в Челябинске проживало уже 60926 чел.[4] Всесоюзная перепись населения 1926 г. уточнила эту цифру — 59307 чел. Несколько сократился разрыв между численностью мужчин и женщин Челябинска: в 1926 г. на 1000 мужчин приходилось 1076 женщин, тогда как в 1923 г. — 1112[5].

В годы промышленной модернизации Урала Челябинск превратился в крупный индустриальный центр союзного значения. В городе были построены ЧГРЭС, ЧТЗ, завод тяжелого станкостроения, цинковый, абразивный и ферросплавный заводы и др. Широкомасштабное промышленное строительство способствовало быстрому росту населения Челябинска. В 1928 г. город насчитывал 68 тыс. чел., 1930 г. — 105 тыс.[6], в апреле 1931 г. — 120,4 тыс., по исчислению на 1 января 1932 г. — 158,0 тыс., на конец 1932 г. — 230,0 тыс. чел.[7] Таким образом, за годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) численность челябинцев выросла более чем в три раза. Благодаря развитию тяжелой промышленности, в которой был востребован, прежде всего,

[1] Рассчитано по: Отчет Челябинского губэкономсовещания Совету Труда и Обороны на 1 апреля 1922 года. С. 177–178.

[2] Отчет Челябинского губернского экономического совещания Совету Труда и Обороны, апрель — сентябрь 1922 г. Челябинск: Тип. губсовнархоза, 1922. С. 246–248.

[3] Отчет Челябинского губэкономсовещания Совету Труда и Обороны на 1 апреля 1922 года. С. 178.

[4] Уральское хозяйство в цифрах. 1926 г. Краткий статистический справочник. Свердловск: Изд. Уралоблстатуправления, 1926. С. 9.

[5] Рассчитано по: Труды ЦСУ. Т. XX. Ч. II. Вып. I. С. 40; Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Т. IX. М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1929. С. 29.

[6] Объединенный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 25. Л. 4.

[7] Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 295; Челябинск в цифрах. Челябинск: Изд. Челябинского горсовета, 1936. С. 4.

труд мужчин, значительно вырос их удельный вес в общей массе горожан, составив в начале 1932 г. 51,0 % или 80,6 тыс. чел.[1]

Подобные тенденции сохранились и во второй пятилетке. В этот период динамика роста населения г. Челябинска характеризуется следующими данными на конец года: 1933 г. — 235,0 тыс., 1934 г. — 263,3 тыс., 1935 г. — 292,9 тыс. чел.[2] Анализ темпов ежегодного прироста жителей Челябинска показывает, что в 1933 г. число горожан выросло всего на 5 тыс. чел., тогда как в предыдущий год — на 72,0 тыс. чел., в последующие годы — соответственно на 28, 3 тыс. и 29,6 тыс. чел. Это объясняется значительной убылью горожан из-за высокой смертности, превысившей рождаемость. В 1933 г. на каждую тысячу челябинцев родилось 26,3 чел., а умерло 62,4 чел., то есть естественная убыль населения составила 36,1 чел. При этом ситуация в Челябинске оказалась самой неблагоприятной не только по Челябинской области (для сравнения: естественная убыль населения в городах региона составила 16,4 чел., в том числе в Магнитогорске — 17,3, Златоусте — 13,7), но и в целом по Уралу. В Свердловской области коэффициент естественной убыли горожан был равен 11,8, в том числе в Свердловске — 11,9, Перми — 20,2, Нижнем Тагиле — 12,5. Только в Надеждинске данный показатель оказался хуже, чем в Челябинске, — 43,6[3].

Одной из основных причин повышенной убыли населения в 1933 г. стал голод 1932–1933 гг. Неслучайно в перечне причин смерти горожан Урала появилась и такая причина, как «болезни от неполноты питания». В 1933 г. по этой причине умерло свыше 19 % всех жителей городов Уральской области[4]. В 1934 г. в Челябинске сохранилась неблагоприятная ситуация с естественным приростом населения, смертность вновь превысила рождаемость на 2 чел. на каждую тысячу горожан. В других городах области была зафиксирована положительная динамика[5]. Только с середины 1930-х гг. в Челябинске вновь был зафиксирован естественный прирост населения.

Всесоюзная перепись населения 1937 г. констатировала, что в Челябинске проживало (без контингентов РККА и погранохраны НКВД) 256871 чел.[6] По предварительным подсчетам результатов переписи, произведенным Челябинским областным управлением народнохозяйственного учета (ЧелябоблУНХУ), численность населения города вместе с особыми контингентами составила 265 тыс. чел. Эта цифра оказалась на 40 тыс. меньше, чем по исчислению на 1 июля 1936 г.[7] Тогда население

[1] Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск: Изд. УралУНХУ, 1933. С. 295.

[2] Челябинск в цифрах. С. 4.

[3] Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5.

[4] Рассчитано по: Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 172. Л. 1–1 об.

[5] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 53. Л. 3.

[6] Всесоюзная перепись населения 1937 года. Общие итоги. Сб. док. и мат-лов / сост.: В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. С. 63.

[7] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 125.

Челябинска насчитывало 304,9 тыс. чел.[1] Вместе с тем в совместном письме начальника сектора населения Челябинского облУНХУ И. А. Сперанского и заместителя начальника ЧелябоблУНХУ Н. Котельникова инспектору народнохозяйственного учета г. Челябинска от 7 сентября 1936 г. приводятся иные цифры численности жителей Челябинска накануне Всесоюзной переписи населения 1937 г. По ним на 1 августа 1936 г. областной центр насчитывал 281,1 тыс. чел.[2] Согласно справке городского адресного стола, на 5 декабря 1936 г. в Челябинске числилось 240 тыс. чел., сюда же входило и военное население, проживавшее на гражданской территории города[3]. Таким образом, данные предварительных итогов переписи населения 1937 г. оказались даже выше, чем исчисления статистиков накануне переписи.

По мнению начальника Челябинского облУНХУ В. К. Строковского, основной причиной расхождения в численности населения по данным переписи 1937 г. и исчисления на июль 1936 г. стала неправильность исчислений, в первую очередь, из-за неверной базы исчислений, установленной Свердловским облУНХУ при выделении Челябинской области в самостоятельную административно-территориальную единицу. Также в области были просчеты в постановке учета механического движения населения[4]. Начальник отдела демографии ЦУНХУ И. Писарев в специально подготовленной записке о проведении переписи населения 1937 г. в качестве основной причины недоучета населения назвал так называемую «операцию вычеркивания». Суть ее состояла в том, что отсутствовавшие на месте в момент переписи лица, зарегистрированные при предварительном заполнении переписных бланков, безоговорочно вычеркивались. В то же время эти люди в своем большинстве не были переписаны в других местах[5].

Несмотря на то, что итоги переписи 1937 г. были признаны дефектными, тем не менее, в дальнейшем Госплан РСФСР при расчете потребностей Челябинска рекомендовал оперировать численностью населения города в 260 тыс. чел.[6] Именно эти данные и были получены при переписи населения 1937 г.

Итоги переписи 1937 г. дали неожиданные для руководства области и города результаты. Выборочные данные по Челябинску показали, что на 6066 чел., ответивших на вопрос о своем отношении к религии, приходилось 3066 верующих (50,5 %) и 2983 неверующих (49,2 %), 17 чел. (0,3 %) не дали никакого ответа[7]. В целом же по предварительным итогам пере-

[1] Социалистическое строительство в Челябинской области в 1936 году. Краткие итоги. Челябинск: Изд. облУНХУ, 1936. С. 19.

[2] ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 50. Л. 62.

[3] ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 66. Л. 26.

[4] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 125 об.

[5] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 200. Л. 159.

[6] См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 200. Л. 204.

[7] Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 498. Л. 237, 240.

писи верующих по некоторым переписным участкам Сталинского района Челябинска насчитывалось от 4 до 18 %, Тракторозаводского — от 3 до 40 % и Ленинского района — от 12 до 40 %[1]. Удельный вес неграмотных среди произвольно взятых 11599 челябинцев составил 28,5 %, то есть практически каждый третий житель областного центра был неграмотным. В целом же по городским поселениям области таковых насчитывалось 33,1 %[2].

Всесоюзная перепись населения 1939 г. показала, что в Челябинске проживало 273116 чел., в том числе 129915 мужчин (47,6 %) и 143201 женщин (52,4 %)[3]. Таким образом, за период между переписями населения 1926 и 1939 гг. численность челябинцев увеличилась в 4,6 раза.

Промышленная модернизация Челябинска изменила распределение населения по основным отраслям народного хозяйства, что показали переписи населения. По городской переписи 1923 г. в фабрично-заводской промышленности было занято 1454 чел. (12,3 %), кустарной и ремесленной промышленности — 114 (1,0 %), на транспорте — 3678 (31,2 %), торговле и трактирном промысле — 902 (7,7 %), государственных и общественных учреждениях — 4496 (38,2 %), сельском и лесном хозяйстве — 115 (1,0 %), горном деле — 281 (2,4 %), прочих отраслях труда — 736 (6,2 %)[4].

На 1 октября 1935 г. в промышленности трудилось уже 55 % всего персонала, занятого в хозяйстве Челябинска, и 14,5 % — в строительстве[5]. К тому же увеличилось число женщин-работниц, занятых в промышленности, — до 7 тыс. чел. и в строительстве — до 4 тыс. чел.[6]

По переписи 1939 г. в Челябинске насчитывалось 130381 лиц, имевших занятие (47,7 % от всего населения города). Из них было занято в промышленности 57643 чел. (44,2 %), строительстве — 12140 чел. (9,3 %), транспорте и связи — 13305 (10,2 %), торговле и общественном питании — 13303 (10,2 %), жилищно-коммунальном хозяйстве — 3845 (3,0 %), просвещении, науке, искусстве и печати — 7144 (5,5 %), здравоохранении — 5852 (4,5 %), государственных учреждениях, партийных и общественных организациях — 8712 (6,7 %), сельском и лесном хозяйстве — 3975 (3,0 %), не распределено по отраслям народного хозяйства — 4462 чел. (3,4 %)[7]. Таким образом, подавлявшее большинство челябинцев было занято в реальном секторе экономики, население города окончательно стало носить промышленный характер.

Переписи населения 1920–1930-х гг. характеризуют национальный состав горожан. По данным переписи 1926 г., в Челябинске проживало 54 005

[1] ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 338. Л. 102.

[2] Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 498. Л. 240.

[3] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного ун-та, 2002. С. 232.

[4] Труды Центрального статистического управления. Т. XX. Ч. II. Вып. 4. М., 1925. С. 28.

[5] Челябинск в цифрах. С. 5.

[6] Индустриальный Челябинск. Общественно-экономический сб. Челябинск: Изд-во Горсовета, 1934. С. 114.

[7] Там же. С. 281.

русских (91,1 %), 2367 татар (4,0 %), 1156 евреев (1,9 %), 530 поляков (0,9 %) и 1240 представителей прочих национальностей (2,1 %)[1]. По переписи 1939 г. в городе насчитывалось 240631 русских (88,1 %), 12062 татар (4,4 %), 8659 украинцев (3,2 %), 2514 башкир (0,9 %), 501 казахов (0,2 %), 1958 мордовцев (0,7 %), 6791 прочих национальностей (2,5 %)[2].

В целом за 1920–1930-е гг. Челябинск превратился в крупный второй по величине промышленный центр на Урале, в регионе по численности населения он уступал только Свердловску.

Список источников

1. *Алеврас Н. А., Новикова О. В., Рыбалко А. А.* Население // Челябинск. Энциклопедия. — Челябинск: Каменный пояс, 2001. — С. 557–559.

Информация об авторе

Журавлева Вера Анатольевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» в г. Златоусте (456209, Россия, г. Златоуст Челябинской области, ул. И. С. Тургенева, д. 16; e-mail: zlat-susu@yandex.ru).

Zhuravleva V. A.

The Population of Chelyabinsk in the 1920–1930th years

In the article for the first time on the base of the census materials of the 1920–1930s and current accounting data analyze the dynamics of the population of Chelyabinsk during the indicated period. The population of the city was influenced by the political and economic situation in the country. In the early 1920's. due to over-mortality, the population of Chelyabinsk decreased. During the industrialization of the Urals, the city's population grew at a particularly rapid pace. But in 1933, because of the high mortality rate, which exceeded the birth rate, the population growth was only 5 thousand people. The 1937 census revealed a discrepancy between the preliminary results of the census and the calculation of the population on the eve of it. The article specifies the reasons for this. The attitude of the inhabitants of Chelyabinsk to religion was revealed on the basis of the 1937 census. The change in the employment and professional structure of the urban population under the impact of the industrial modernization of the province. It is concluded that in the late 1930s Chelyabinsk has turned into a major industrial center, in the Urals in terms of population it was second town after to Sverdlovsk.

Keywords: historical demography, the urban population, the Ural.

References

1. Alevras N. A., Novikov O. B., Rybalko A. A. The population // Chelyabinsk: Encyclopedia. –Chelyabinsk: Stone Belt, 2001. — P. 557–559.

Author

Zhuravleva Vera Anatolyevna — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Socio-Legal Sciences and Humanities, The branch of South Ural State University (Zlatoust) (Russiz, 16, Turgenev's street, Zlatoust, Chelyabinsk region, 456209. Russia; e-mail: zlat-susu@yandex.ru).

[1] Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. Краткий стат. спр. Свердловск: Уралоблстатуправление, 1928. С. 33.

[2] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов. С. 274.

УДК 39 (397.4)

Каменских М. С.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЛИЧНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА УРАЛЕ В 1928–1930 ГГ.[1]

В статье на примере реализации переселенческой политики в Сарапульском округе Уральской области в 1928–1930 гг. анализируются личные стратегии переселенцев и их соотношение с планами государства по заселению северных и восточных районов Урала в годы первой пятилетки. На основании опубликованных статистических данных и ряда не публиковавшихся ранее источников автор приходит к выводу, что реализация переселенческой политики на Урале в конце 1920-х гг. не могла быть успешной, поскольку не являлась востребованной самими переселенцами. Последние предпочитали пользоваться льготами на переселение, но выбирали для жизни более благоприятные условия. Расхождение планов государства и личных стратегий граждан могло стать одной из причин кампаний по принудительному переселению.

Ключевые слова: переселенческая политика, Сарапульский округ, Уральская область, личные стратегии граждан, чуваши

Реализация любой политики, имеющей демографические последствия на государственном уровне, строится на стратегии видения этой политики государством в сочетании с личными стратегиями граждан. Политика может быть признана успешной, если государство найдет подходящие для населения механизмы поддержки социальной мобильности, которые в результате приведут к ожидаемым демографическим последствиям. Это касается и стимулирования рождаемости, и льгот населению в тяжелых для жизни климатических условиях, и в поддержке переселенчества. Анализ личных стратегий граждан в политическом пространстве — одна основных задач антропологии современных обществ [13, с. 402].

В России в силу особенностей исторического становления государственных границ и демографических процессов поддержка и стимулирование миграции всегда были важной составляющей политики государства. К началу XX века в центральных районах сложились излишки населения, это требовало от властей мер по стимулированию миграции, что и было сделано в рамках реформы П.А. Столыпина. Переселение практически не прекращалось после октябрьских событий 1917 г. Миграция на новые места жительства по переселенческим билетам царского времени приостановилась только в 1918 г. из-за Гражданской войны. Советская власть в первые годы своего существования также столкнулась с проблемой перенаселения. Так, советский исследователь Л.И. Лубны-Герцык писал, что

[1] © Каменских М. С. Текст. 2018.

Статья публикуется по гранту РФФИ № 17–11–59003-ОГН\18 «Национальная политика РСФСР в 1923–1939 годах: региональный аспект».

после голода и передела земли, выявившего несправедливость уравнительного перераспределения разных по качеству земельных наделов, в Сибирь из центральных районов началось переселение, которое «по своим размерам и ужасной обстановке, в которой оно протекало, превзошло все, что знала история русского переселения» [6, с.119].

Новый этап переселенческой политики начался в 1922 г. с принятия Земельного кодекса, статья 222 которого была посвящена организации переселения [10, с.14–15]. Предпринимаемые попытки приостановить переселенческое движение вызвали негодование и некоординируемую миграцию [11, с. 65], в связи с чем советская власть вынуждена была вернуться к политике поддержки переселения. Эта политика нашла свое выражение в идее освоения богатств Урала и Сибири в рамках пятилеток. Для использования переселенческого ресурса в первой пятилетке был принят Пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий на 1928/29 — 1932/33 гг., отдельный раздел которого был посвящен Уралу[1].

В данной статье сделана попытка проанализировать реализацию и успешность переселенческой политики на Урале в 1928–1929 гг. с точки зрения соотношения личных стратегий переселенцев и планов государства. Анализ поможет дать оценку предпосылкам серьезных регулируемых государством миграций в СССР в 1930–1940-е гг.

Переселенческая кампания 1920-х гг. многократно изучалась в историографии как на уроне страны, так и в масштабах Уральского региона. Еще в 1920-е гг. эксперты, непосредственно задействованные в планировании переселения, оставили несколько трудов по анализу хода и итогов переселенческой кампании. Л.И. Лубны-Герцыком представлен анализ естественного прироста населения СССР в 1920-е гг., проведен анализ анкет переселенцев. Работы Лубны-Герцыка не только содержат важные выводы, но и являются важной эмпирической базой для новых исследований [6]. В статьях М.Э. Баранова представлены расчеты «излишков» населения, отражены ход, основные этапы реализации переселенческой кампании [1]. Полезные сведения о ходе и итогах переселенческой кампании представлены в работах Л.Е. Минца и А.С. Либкинда [5; 7]. На Урале эта тематика освещена в статьях Ф. Лебедева [3; 4], Е. Федорова [15]. Большая работа по изучению архивных материалов и опубликованных источников проделана в монографии Н.И. Платунова [11]. Несмотря на приверженность автора идеям марксизма, работа содержит обширную источниковую базу и не потеряла своей научной актуальности. В позднесоветский период данная проблема несколько утратила свою актуальность. Из современных авторов вопросов переселения в своих трудах касаются Г.Е. Корнилов [см.: 8; 17] и О.В. Павлова [9]. Авторы вводят в оборот новые научные данные, используют новейшие методы демографического анализа при учете хода и последствий миграции.

[1] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1610. Л. 14.

Имеющийся внушительный корпус опубликованных источников, ряд не публиковавшихся ранее документов о ходе переселения, а также материалы полевых экспедиций позволяют по-новому взглянуть на характер и успешность переселенческой кампании на Урале в период 1927–1929 гг. При написании работы, в частности, были использованы материалы Фонда № 88 Государственного архива Свердловской области, данные переписей населения 1926 и 1939 гг. Ценным источником, пока не оцененным в должной мере исследователями, является стенограмма Совещания по организации переселенческой кампании в 1927 г., отложившаяся в фондах Российского государственного архива экономики[1]. Источник не только содержит базовые документы переселенческой кампании, но и отражает дискуссии участвующих сторон в ходе обсуждения и принятия решений. Регулирование переселенческой кампании, ее хода, обстоятельства реализации и официальные итоги отчасти позволяют реконструировать вышедший в 1925 г. сборник «Переселенческое дело» [10]. Записанные в ходе полевых экспедиций в Куединском районе 2001–2002 гг. семейные предания также позволяют рассмотреть причины и мотивы миграции, ее последствия для конкретных семей.

Как уже говорилось выше, одной из причин поддержки переселенческой политики со стороны государства являлись перенаселение и неконтролируемая миграция, которые фиксировались с середины 1920-х гг. В 1925–1927 гг. самовольный отход на заработки из деревни значительно усилился. По данным Наркомтруда, которые приводит Л.Е. Минц, из Средне-Волжского района в 1923/24 гг. вышло 104,8 тыс. человек, в 1924/25 гг. — 214,0 тыс. человек, в 1925/26 гг. — 246,4 тыс. человек [7, с. 292–293]. Излишки населения оценивались по-разному. Н.И. Платунов в своей монографии приводит ссылки на нескольких исследователей того периода, которые оценивали перенаселение в 10–20 млн человек [11, с.13]. Между тем на Совещании по организации переселенческой кампании в 1927 г. Е.Э. Лацис называл цифру 5–10 млн человек[2].

Миграция уже началась стихийно, и отказ от участия государства в ее организации мог привести только к новым крестьянским волнениям, особенно в западных районах. На Совещании по организации переселенческой кампании один из представителей Украинской ССР, например, отмечал: «Мы сейчас со стороны крестьян с Украины имеем такой напор в отношении переселения, что ставить преграды … значит создать политические и хозяйственные затруднения, с которыми мы не справимся»[3]. По данным Наркомтруда, из Украинской ССР за 1924, 1925, 1926 гг. вышло, соответственно, 148,7 тыс., 379,8 тыс. и 474,9 тыс. переселенцев [7, с. 292–293].

[1] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Учреждения по руководству переселением в СССР.

[2] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–18.

[3] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

Таким образом, можно заключить, что к началу второй половины 1920-х гг. у руководства страны на официальном уровне существовала уверенность в наличии излишков населения в размере до 10 млн человек, которых необходимо было переселять из центральных районов, чтобы избежать нежелательных социальных и политических последствий. Советским органам, уверенным в преимуществах плановой системы, казалось, что формирование земельных фондов и регулируемая переброска населения позволят решить данную проблему. В 1927 г. один из идеологов переселенческой кампании А. Турчанинов так видел ход переселения: «Мы должны организованно проводить переселение, проводить его под общественным контролем при самом тесном содействии земорганов, которые должны входить в эту работу по существу»[1].

Переселение на Урал в первую пятилетку планировалось реализовать за счет горнозаводских районов Урала, где готовилось строительство крупных промышленных объектов и создание вокруг них сети обслуживающих их нужды поселений сельского типа. Следует отметить, что Урал на тот момент уже был зоной переселенческих мероприятий, на территориях Ишимского, Ирбитского и Тюменского округов существовали земельные фонды для переселенцев. Всесоюзная перепись населения 1926 г. уже отразила на этих территориях пестрый этнический состав, сформировавшийся за счет приезжих[2].

Между тем в упомянутом выше Пятилетнем перспективном плане переселенческих мероприятий на 1928/29 — 1932/33 гг., в частности, сообщалось, что земельные фонды этих округов были практически исчерпаны. До 1930 г. переселение на эти территории планировалось закончить. А в пятилетку 1928–1932 гг. планировалось ввести новые земельные фонды в районе Чусовского и Надеждинского заводов из-за необходимых там трудовых ресурсов[3]. Новые населенные пункты должны были решить проблему лесозаготовок. На тот момент они на 75 % велись привозными рабочими из лесных губерний Европейской части России общей численностью свыше 10 тыс. человек. Их труд было тяжело организовать, намного проще, представлялось советским властям, перераспределить излишки населения с Поволжья на Урал. Для обеспечения нужного количества рабочих в первую пятилетку планировалось переселить 7–8 тыс. семей и создать 150 поселков из расчета 50 дворов на поселок. «Эта так называемая промышленная колонизация признана плановыми органами центра и области очередной задачей, подлежащей обязательному включению в пятилетку», — говорилось в документе[4].

---

[1] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

[2] Население по народности // Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р–н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

[3] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

[4] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1610. Л. 15.

Масштабное заселение планировалось начать в сезон 1929/30 гг. и завершить кампанию в течение пяти лет: 1930/31 гг. — 1400 семей, 1931/32 гг. — 2000, и в 1932/33 гг. — 2000. За период с 1928 по 1943 гг. планировалось переселить 150 тыс. человек[1].

Постановлением СНК СССР от 4 октября 1927 г. Уральская область была объявлена районом для переселения союзного значения [15, с.7]. Переселенцев планировалось набирать из Украинской и Белорусской ССР, Чувашской и Татарской АССР, Курской, Брянской, Нижегородской и Воронежской областей[2].

Программа по переселению возлагалась на Уральскую переселенческую организацию, существовавшую с 1923 г., с момента создания Уральской области. В ее функции входила организация промышленной колонизации будущих промышленных центров севера и юга Урала — Нижнетагильского и Верхне-Камского округов и Магнитогорского района Троицкого округа.

Организация переселения имела сложную разветвленную сеть. Координацией переселения руководил Всесоюзный переселенческий комитет [10, с. 55–56], в регионах непосредственной реализацией переселенческой программы руководили отделы переселения местных наркоматов земледелия. Они устанавливали районы для расселения, очередность движения переселенцев [10, с. 68]. Кроме этого, в каждом районе переселения (Урал, Дальний Восток, Сибирь) существовали районные переселенческие управления (РПУ), которые занимались устройством переселенцев [10, с. 71–73]. На местах непосредственно работали водворенческие пункты, отвечавшие за устройство переселенцев на новых землях [10, с. 80–81]. При каждом РПУ существовало несколько переселенческих пунктов, которые, как правило, открывались на железнодорожных станциях. На Урале таких пунктов было 8 [1, с. 73].

Согласно законам того времени, от 5 до 10 крестьянских дворов выбирали своего доверенного представителя («ходока») и передавали заявление о желании переселиться в местные земельные органы. Далее уполномоченный получал ходаческое свидетельство, билет на льготный проезд по железной дороге, проходил инструктаж и отправлялся в места вселения. Ходачество разрешалось в период с 25 марта по 1 октября, всем едущим на Урал билеты выдавались от Челябинска. После выбора земельного участка переселенцы должны были в течение года поселиться на новом месте. При этом старый земельный надел сохранялся за ними еще на три года. Однако переселенческое свидетельство выдавалось только после возвращении ходока и согласия местных органов на переселение данной семьи [10, с. 37–51].

Планируя переселение, советские органы рассчитывали на личные стратегии переселенцев. Желая лучшей жизни и спасаясь о перенаселения,

[1] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1610. Л. 18, 25.

[2] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1610. Л. 72.

они должны были согласиться на предлагаемые государством программы по переселению в северные и восточные районы Урала.

Однако фактически переселенцы, получая льготы на переезд, поступали иначе. Во-первых, стоит упомянуть тот факт, что популярность районов вселения у поселенцев разнилась с государственными преставлениями. Так, проведенный Л.И. Лубны-Герцыком анализ анкет переселенцев показал, что по популярности у переселенцев районы Урала и Сибири набрали только 1 %, а самым популярным вариантом для переселения было Поволжье [6, с. 121]. Кроме этого, государство ничего не могло сделать с самовольным переселением. Переселение по личной инициативе, а не по плану расселения, было настолько распространенным явлением, что постановлением ВЦИК от 20 сентября 1926 г. самовольные переселенцы были наделены всеми льготами наравне с плановыми в том случае, если они водворялись в земли переселенческого фонда [11, с. 75]. К самовольному переселению подталкивали и бюрократические процедуры. Представитель Троицкого округа некто тов. Алексеев на Совещании по организации переселенческой кампании указывал на сложности с оформлением документов. Для того, чтобы получить кредит, переселенцу нужно было получить его из отдела сельхозбанка, что стоило 14 % от суммы кредита и требовало оформления большого количества бумаг, а главное — времени. Были и другие мелкие расходы. Весь этот процесс Алексеев назвал «общей волокитой, не нужными для переселенца хождениями»[1].

Таким образом, государство предлагало переселенцам непопулярные для заселения места, переезд в которые сопровождался долгими бюрократическими процедурами. С другой стороны, переселенец, следуя целям личной выгоды, которую не брали в расчет органы власти, мог пойти по пути самовольного переезда, который хотя и не поощрялся государством, но не был и запрещен.

Поэтому начавшееся «плановое» переселение на Урал пошло вразрез с планами. Крестьяне выбирали места для жизни недалеко от родины, обеспеченные лесом и сельхозугодьями. Е. Федоров писал, что в некоторых районах внеплановое переселение доходило до 80 % [15, с.16–17]. При этом на новых землях крестьяне не создавали колхозов, как ожидалось. Из 5337 хозяйств, приехавших на Урал к 1 июня 1928 г., только 182 (3,5 %) пошли по пути коллективизации, остальные колхозов не создавали [15, с. 26–27].

Эту ситуацию, в частности, демонстрирует переселение чувашей с территории своего проживания на земли Сарапульского округа. Поскольку переселение осуществлялось по Горьковской железной дороге с конечным пунктом в Челябинске, большинство переселенцев предпочитали останавливаться на первой же станции после территорий Татарской и Башкирской ССР, в районе станции Куеда (совр. административный центр Куединского района Пермского края). С началом сплошной коллективизации начался неконтролируемый поток миграции из Чувашской АССР на территорию

[1] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Л. 227.

Сарапульского округа, где не было земельного фонда для переселенцев. В этой территории имелись запасы леса, они были ближе к исторической родине. Кроме этого, здесь уже имелись переселенцы из Чувашской АССР. Принимая решение о переезде, переселенцы выбрали наиболее удобный для себя вариант: самовольное переселение на ближайшие незаселенные земли.

21 мая 1929 г. Уралоблисполком проинформировал Наркомзем, что в последние два года фиксируется резкое увеличение «случаев самовольного переселения из Чувашской АССР в Уральскую область, причем движение это идет не только в округа, открытые для переселения, но и в округа, совершенно не имеющие свободных земель, в частности в Сарапульский округ… Такое положение Уральский облисполком считает ненормальным, ведущим к обезземеливанию коренного населения Уральской области. Маломощное население прельщается кажущейся выгодой сделки по продаже строений и земли, а потом оказывается в очень трудном положении». Получая переселенческие документы, жители Чувашской ССР приезжали к своим родным и близким, покупали землю и строения и официально устраивались жить. Но такая ситуация не устраивала Уралболисполком, остро нуждающийся в трудовых ресурсах в более северных районах. Изначально предполагалось, что политику поддержки переселения ведут земельные органы Чувашской Республики. Однако 23 марта 1929 г. Наркомзем ЧАССР сообщил в Сарапульский окрисполком, что переселение в закрытые местности «никогда не поощрялось и никогда не будет поощряться… но переселение в Сарапульский округ, вызванное общеэкономическими условиями, не может быть прекращено в кратчайший срок»[1]. После этого власти Чувашии и Сарапульского округа начали совместную политику по приостановке миграции. Чувашнаркомзем отослал директиву в районы, согласно которой все, кто покупал землю самовольно, автоматически лишались земельных наделов в Чувашии. Чувашей-переселенцев приняли несколько районов Сарапульского округа Уральской области (современные южные районы Пермского края) — Большеусинский (Усинский) район, в котором переселенцы отмечены в деревнях и сёлах Батманы, Большая Уса, Большие Кусты, Бормист, Верх-Дойная, Верхняя Барда, Верхний Тымбай, Дойная, Киловка, Китрюм, Коровино, Пантелеевка, Семеновка, Чиганда (большая часть населенных пунктов ныне входит в состав Куединского района, часть — Чайковского и Еловского районов); Еловский район — в деревнях и селах Тойкино, Барановка, Плишкари, Мельничная, Большая Талица, Большие Коптелы.

Результаты миграции чувашей в Прикамье в конце 1920 — начале 1930-х гг. видны по итогам переписи населения 1939 г. Численность чувашей Прикамья на тот момент составляла 8821 чел., что в 12 раз больше,

[1] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1610. Л. 41–42.

чем в 1926 г. При этом доля говорящих на чувашском языке в общем количестве чувашей составила 86,6 %[1].

В итоге открытие планового переселения на Урал в 1929 г. закончилось миграцией в уже обжитые районы, в то время как планируемые к заселению территории не получали нужного количества рабочей силы. Курс на сплошную коллективизацию обусловил закрытие со второй половины 1929 г. планового переселения единоличных хозяйств, переселение было разрешено только колхозам и во вновь создаваемых местах. Фактически сельскохозяйственное переселение в 1930–1934 гг. не проводилось [11, с. 222].

На примере реализации переселенческой политики в Сарапульском округе в 1927–1928 гг. видно, что изначально задуманная политика добровольного переселения не дала желаемых результатов, поскольку личные стратегии крестьян, получивших свободу передвижения, не совпадали с планами властей по освоению новых земель на Урале. Несмотря на голод и перенаселение, на новые земли, определенные государством, переселенцы заселялись не так интенсивно, как ожидалось, поскольку условия для жизни уступали тем, где потребности в новых переселенцах уже не было. Нельзя исключать, что именно эти итоги стали одним из поводов изменения подходов советской власти к привлечению трудовых ресурсов от партнерских к административным. В 1929 г. при строительстве Красновишерского целлюлозно-бумажного комбината его директором Л. Берзиным был реализован т. н. «Вишерский эксперимент», когда для решения экономической задачи впервые был использован труд заключенных [12, с. 80–81]. В дальнейшем именно принудительный труд станет основой для привлечения рабочей силы в малообжитые районы, поскольку в условиях административного регулирования хозяйства на уровне страны предлагаемые инструменты личной мотивации переселенцев не работали. К практике кампаний по добровольному переселению на новые земли СССР вернется только после смерти И. В. Сталина.

Список источников

1. *Баранов М. Э.* Переселение и коллективизация. — М.: Книгосоюз, 1929. — 75 с.

2. *Большаков М. А.* Задачи и перспективы колонизации // Земельное дело: сб. статей по вопросам земельной и сельскохозяйственной политики, экономики, техники и организации земельного дела, колонизации и переселения и земельного дела за границей / под ред. А. А. Андреева, М. М. Шульгина. — М., 1923. — № 12.

3. *Лебедев Ф.* Механическое движение населения городов Урала // Хозяйство Урала. — 1928. — № 8–9. — С. 150–161.

4. *Лебедев Ф.* Население Уралобласти // Хозяйство Урала. — 1925. — № 5–6. — С. 121–129.

5. *Либкинд А. С.* Аграрное перенаселение и коллективизация деревни. — М.: Мосполиграф, 1931. — 196 с.

6. *Лубны-Герцык Л. И.* Что такое перенаселение. — М., 1923. — 100 с.

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 года: Уральский регион: сб. материалов. Екатеринбург, 2002. С. 132–133.

7. *Минц Л. Е.* Аграрное перенаселение и рынок труда СССР. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. — 470 с.

8. Население Урала. XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов и др.– Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. — 212 с.

9. *Павлова О. В.* Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2004. — 303 с.

10. Переселенческое дело: сборник декретов и распоряжений по переселению. — М.: Народный комиссариат земледелия, 1927. — 360 с.

11. *Платунов Н. И.* Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). — Томск: Издательство Томского университета, 1976. — 284 с.

12. *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). — М.: РОССПЭН, 2010. — 424 с.

13. *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — 544 с.

14. Урал в панораме XX века / гл. ред. В. В. Алексеев. — Екатеринбург: «СВ-96», 2000. — 496 с.

15. *Федоров Е.* Переселение на Урал // Хозяйство Урала. — 1928. — № 8–9. — С. 6–33.

16. *Черных А. В., Каменских М. С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. — СПб: Маматов, 2014. — 272 с.

17. Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход) / Е. Ю. Алферова, С. В. Голикова, С. П. Епанчинцев, Г. Е. Корнилов и др. — Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. — 104 с.

Информация об авторе

Каменских Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ПФИЦ УрО РАН)» (Россия, 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: pomidorrr@mail.ru).

Kamenskikh M. S.

Personal Policy and Personal Strategies of Migrants in the Urals in 1928–1930

In this article, in the case of the implementation of resettlement policy in the Sarapulsky district of the Ural region in 1928–1930, the personal strategies of the settlers and their relationship with the state's plans for the settlement of the northern and eastern regions of the Urals during the First Five-Year Plan are analyzed. Based on published statistics and a number of previously unpublished sources, the author comes to the conclusion that the implementation of resettlement policy in the Urals in the late 1920s could not be successful, because it was not in demand by the migrants themselves. The migrants preferred to enjoy the benefits of resettlement, but somehow or other a more favorable conditions for life were chosen by them. The divergence of state plans and personal strategies of citizens could become one of the reasons for the forced relocation campaigns.

Keywords: resettlement policy, Sarapulsky district, Ural region, personal strategies of citizens, Chuvashes.

References

1. Baranov M. E. Resettlement and collectivization. — Moscow: Knigosoyuz, 1929. — 75 p.

2. Bolshakov M. A. Tasks and perspectives of colonization // Land: Collection of articles on the issues of land and agricultural policy, economy, technology and organization of land, colonization and resettlement and land management abroad / Ed. A. A. Andreeva, M. M. Shulgin. — Moscow, 1923. — No. 12.

3. Lebedev F. Mechanical movement of the population of cities of the Urals // Urals Economy. — 1928. — No. 8–9. — P. 150–161.

4. Lebedev F. Population of the Ural region // Economy of the Urals. — 1925. — No. 5–6. — P. 121–129.

5. Libbind A. S. Agrarian overpopulation and collectivization of the village. — Moscow: Mospoligraf, 1931. — 196 p.

6. Lubny-Gertsyk L. I. What is overpopulation. — Moscow, 1923. — 100 p.

7. Mints L. E. Agrarian overpopulation and the labor market of the USSR. — M.-L.: State. publishing house, 1929. — 470 p.

8. The population of the Urals. The twentieth century. History of demographic development / A. I. Kuzmin, A. G. Orudzhieva, G. E. Kornilov et al. — Ekaterinburg: Publishing house «Ekaterinburg», 1996. — 212 p.

9. Pavlova O. V. Migration of the population in the Urals in 1914–1939: Cand. of His. Sciences. — Ekaterinburg, 2004. — 303 c.

10. Resettlement: a collection of decrees and orders for resettlement. — Moscow: People's Commissariat of Agriculture, 1927. — 360 p.

11. Platonov N. I. The resettlement policy of the Soviet state and its oversight in the USSR (1917 — June 1941). — Tomsk: Tomsk University Press, 1976. — 284 p.

12. Suslov A. B. Special contingent in the Perm region (1929–1953). — Moscow: ROSSPEN, 2010. — 424 p.

13. Tishkov V. A. Requiem for ethnos: Studies on socio-cultural anthropology. — Moscow: Science, 2003. — 544 p.

14. Ural in the panorama of the twentieth century / Ch. Ed. V. V. Alekseev. — Ekaterinburg: «SV-96», 2000. — 496 p.

15. Fedorov E. Resettlement to the Urals // Urals Economy. — 1928. — No. 8–9. — P. 6–33.

16. Chernykh A. V., Kamenskikh M. S. Chuvash in the Perm region: essays of history and ethnography. — St. Petersburg: Mamatov, 2014. — 272 p.

17. Ethno-demographic development of the Urals in the 19th — 20th centuries (Historical Sociological Approach) / E. Yu. Alferova, S. V. Golikova, S. P. Epanchintsev, G. E. Kornilov et al. — Ekaterinburg: Publishing house «Ekaterinburg», 2000. — 104 p.

Author

Kamenskikh Mikhail Sergeevich — Candidate of Historical Sciences, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia,614900, Perm, Lenina, 13A; e-mail:pomidorrr@mail.ru).

УДК 94 (470.5) «1950»

Корнилов Г. Е., Чернышева И. И.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1950-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1959 Г.): КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ[1]

В статье анализируется образовательный уровень населения Свердловской области, достигнутый к концу 1950-х гг. Корреляционный метод позволил выявить на основе материалов переписи населения 1959 г. уровень грамотности и образования в регионе в отношении городского и сельского населения, пола и возраста населения. Авторы пришли к выводу о практически поголовной грамотности населения, о переходе к завершению среднего (полного и неполного) образования, о низком уровне высшего образования населения в регионе.

Ключевые слова: грамотность, образовательный уровень, перепись населения, Урал, Свердловская область

В послевоенный период среди взрослого работавшего населения страны образование получило широкое распространение. Однако исследование достигнутого уровня образования недостаточно отражено в исторической литературе. В 1960-е гг. историки, опираясь на общие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., пытались выяснить стартовую позицию на пути повышения культурно-технического уровня трудящихся в условиях начала строительства коммунистического общества [1, 3, 4, 6]. Практически до конца века исследований образовательного уровня населения в регионе не проводилось. Глубокий анализ проблемы был предпринят И.М. Богдановым на материалах переписей населения Российской империи и СССР 1897, 1926, 1939 и 1959 гг. [2]. Состояние грамотности и образовательного уровня населения России в 1940–1950-е гг. проанализировано во втором томе «Население России в XX веке» [5].

Данные Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. содержат сведения, которые позволяют реконструировать процессы образования населения регионов России в 20-летней ретроспективе. Этот период выбран не случайно, поскольку он характеризуется различными социально-экономическими, политическими условиями, победой в кровопролитной Великой Отечественной войне, восстановлением народного хозяйства, вступлением в эпоху научно-технической революции. Несмотря на смену политического режима в стране стратегическая линия на развитие грамотности и образованности населения оставалась неизменной. Менялись тактические задачи. Если в довоенный период главной проблемой были ликвидация неграмотности и становление системы всеобщего обучения, вначале начального, а затем семилетнего образования, то в годы войны, естественно, эти процессы приостановились. В послевоенный период курс

[1] © Корнилов Г. Е., Чернышева И. И. Текст. 2018.

был продолжен, введено обязательное семилетнее обучение, в 1950-е гг. взят курс на переход ко всеобщему среднему образованию. В то же время постепенно развивалась система средне-специального и высшего образования.

Корреляционный анализ материалов переписей населения позволяет решить задачу выявления уровней образования по полу и возрасту среди городского и сельского населения Свердловской области по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. Они содержат кумулятивный результат, позволяющий оценить результаты образовательной политики государства, накапливавшийся в 1930–1950-е гг.

В послевоенное время проблема повышения образовательного уровня стояла наиболее остро. Она была вызвана большими людскими потерями на фронте, новым обустройством экономического развития, требованиями разворачивавшейся научно-технической революции. Она была вызвана новым обустройством всей мирной жизни, которую так долго ждали. Важнейшим вопросом, требовавшим незамедлительного разрешения, стал подъем образовательного уровня, завершение ликвидации неграмотности взрослого населения. Неутомимая работа массовых детских, вечерних и заочных школ для лиц, сочетавших учебу с производительным трудом, позволила совместно достичь выдающихся результатов к концу 1950-х гг. Об этом свидетельствуют уровни образования населения в возрасте от 10 лет и старше (см. табл. 1).

Данные таблицы 1 показывают, что в 1959 г. наиболее высоким был уровень образования городского населения. И это не случайно, поскольку

Таблица 1

Распределение населения Свердловской области в 1959 г. в возрасте 10 лет и старше по уровням образования (на 1000 населения)*

Уровень образования	Город		Итого	Село		Итого	Все население		Всего
	Муж.	Жен.		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.	
Высшее	30	24	27	6	5	5	25	20	22
Незаконченное высшее	13	12	12	3	4	4	10	10	10
Средне-специальное	59	65	62	37	37	34	52	59	56
Среднее общее	63	71	68	23	19	21	53	60	57
Незаконченное среднее	44	43	43	19	18	19	38	37	38
Семилетнее	213	199	205	166	130	147	201	184	191
Незаконченное семилетнее	117	75	94	110	68	87	115	73	92
Начальное	304	197	244	383	217	293	322	202	255
Грамотные	175	243	213	299	353	310	195	268	236

* Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения Свердловской области по возрасту и полу. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 37. Д. 194. Л. 27–32, 42–44.

только в городах сосредоточены различные учреждения образования, в сельской местности до середины 1950-х гг. преобладали только начальные и неполные средние школы. Доля лиц с высшим образованием среди горожан в 5 с лишним раз больше, чем среди сельского населения, с общим средним образованием — в 3,4 раза, со средне-специальным — в 1,8 раза, с неполным средним — почти в 1,4 раза больше. На селе были выше только показатели начального образования. Перепись зафиксировала различия уровней образования мужчин и женщин. Среди мужчин уровень всех видов образования был выше, кроме среднего специального образования, показатель которого у женщин несколько больше — 5,9 % против 5,2 %, и общего среднего — соответственно 6,0 и 5,3 %, что объясняется наличием значительного количества получивших это образование женщин: учительниц, воспитательниц, медицинского персонала (фельдшериц, акушерок, сестер). Более заметны различия уровней начального образования: показатель у мужчин в 1,6 раза выше, чем у женщин.

Два показателя иллюстрируют результаты уровней образования, которые стояли в центре внимания образовательной политики послевоенного времени: высшее и среднее образование. Общее представление о состоянии высшего и среднего образования на Урале дают следующие показатели числа лиц с законченным высшим и средним (незаконченным высшим, полным и неполным средним; общим средним и средне-специальным) образованием на 1000 человек (в промилле) обоего пола, мужчин и женщин, жителей села и города (табл. 2).

Таблица 2

Лица с высшим и средним образованием в Свердловской области и РСФСР в 1939 и 1959 гг. (в возрасте 10 лет и старше, в промилле)*

Пол, местность	Высшее				Среднее			
	1939 г.		1959 г.		1939 г.		1959 г.	
	РСФСР	Свердл. обл.	РСФСР	Свердл. обл.	РСФСР	Свердл. обл.	РСФСР	Свердл. обл.
Все население	7	6	24	22	77	81	263	272
Мужчины	9	9	29	25	86	90	267	266
Женщины	4	4	22	20	69	74	260	277
Город	16	10	39	27	158	115	338	305
Мужчины	23	14		30	163	123	332	295
Женщины	11	6		24	154	108	343	247
Село	1,6	1	8	5	36	30	180	167
Мужчины	2,5	1,7		6	46	40	193	176
Женщины	0,8	0,4		5	23	22	158	159

* Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. СПб.: БЛИЦ, 1999. С. 105, 109; [5, с. 318, 327].

Данные таблицы 2 показывают, что если по уровню высшего образования Свердловская область отставала от средних по РСФСР (17 и 19 ‰ соответственно), то по среднему образованию данные по области превосходили среднереспубликанские (272 и 263 ‰). Уровень высшего и среднего образования в РСФСР среди городского населения был выше, чем сельского, и мужского — выше, чем женского, а на Урале только женщины горожанки и селянки имели показатель уровня среднего образования выше, чем у мужчин. При этом, несмотря на значительный для того времени образовательный рост, Урал уступал по доле лиц с высшим и средним образованием, как у мужчин и женщин, и среди городского, и сельского населения среднероссийским показателям, кроме показателя по среднему образованию среди всего населения (превышение составило в 1959 г. всего 1 ‰).

В то же время данные таблицы 2 свидетельствуют о существенном росте высшего образования за 1939 и 1959 гг.: в Свердловской области в 2,8 раза, в РСФСР — в 2,7 раза. Тем не менее, на Урале, как и в стране, по-прежнему оставалась острой проблема в области высшего образования. В Свердловской области в 1959 г. только 1,7 % мужчин и 1,6 % женщин среди всего населения имели законченное высшее образование (среди населения 10 лет и старше соответственно 2,5 и 2,0 %, среди населения 20 лет и старше 3,1 и 2,4 %). Уровень среднего образования вырос среди всего населения Свердловской области в 3,3 раза, по РСФСР — в 3,4 раза. Существенно вырос уровень среднего образования в сельской местности: по Свердловской области в 5,6 раза среди всего сельского населения, в 4,4 раза среди мужчин, в 7,2 раза среди сельских женщин, по РСФСР эти показатели были тоже впечатляющими, но несколько меньше: соответственно в 5 раз, 4,2 раза и 6,9 раза.

Приведенные сведения переписи 1959 г. о структуре и уровнях образования на Урале, и в частности в Свердловской области, свидетельствуют о существенном подъеме высшего и среднего образования, больших успехах в осуществлении семилетнего и среднего образования.

Огромный размах семилетнего образования в массовых школах и вечерних школах в послевоенные годы позволил достичь значительных результатов. Об свидетельствуют данные таблицы 3.

Значительный подъем общего и специального среднего (полного и неполного) образования, безусловно, был вызван переходом ко всеобщему семилетнему образованию в 1949 г. и введением среднего образования в городах и индустриальных центрах региона в 1953 г. В группе 20–24-летних, куда в основном входили окончившие среднюю школу в последнее пятилетие перед 1959 г., почти две трети (596 ‰) имели среднее и семилетнее образование (в городе — 633 ‰, на селе — 453 ‰). Это было выше в 1,6 раза, чем в группе 25–29 лет, то есть среди поколения, учившегося на пять лет ранее. В группе родившихся в первой половине 1930-х гг. (в 1959 г.

Таблица 3

Уровень среднего образования населения Свердловской области в возрастных группах от 16 до 60 лет (по данным переписи населения 1959 г., в ‰)*

Возраст, лет	Город			Село			Итого		
	Все	Муж.	Жен.	Все	Муж.	Жен.	Все	Муж.	Жен.
16	707	618	790	502	409	595	662	571	749
17	762	680	840	549	453	643	720	635	801
18	775	695	851	535	443	558	727	640	812
19	751	662	836	529	472	620	702	612	797
20–24	633	556	708	458	401	537	596	519	677
25–29	406	357	455	230	203	264	367	300	417
30–34	471	428	510	323	306	339	439	401	475
35–39	492	500	486	338	380	308	457	472	447
40–44	316	387	269	165	254	106	283	358	233
45–49	180	249	134	61	119	27	153	222	109
50–54	151	204	118	45	87	22	127	179	95
55–59	126	179	99	31	70	15	101	154	77
60 и старше	73	115	56	14	27	8	42	86	41

* Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 71. Д. 87. Л. 1, 2.

им исполнилось 25–29 лет) только примерно одна третья часть сумела получить среднее и неполное среднее образование.

Анализ данных переписи 1959 г. по образованию мужчин и женщин в разных возрастных группах подтверждает ранее сделанный вывод, что женская часть активнее вовлекалась в обучение. Среди 1000 женщин в группе 20–24 года имели среднее образование 677, а мужчин — 519, соответственно для 25–29-летних — 417 и 300, для 30–34 года — 475 и 401. Численность женщин молодого поколения стала обгонять ту же категорию мужчин. При этом старшее поколение сохраняло мужской приоритет: среди 55–59-летних на 1000 жителей приходилось 179 мужчин и 95 женщин, имеющих среднее образование, 60 лет и старше — 86 мужчин и 41.

Корреляция уровня среднего образования по возрасту и полу показывает, что проблема среднего образования (главным образом неполного — семиклассного) в регионе шла к завершению для молодого поколения. В группе 17–19-летних среднее образование уже превышало 700 ‰, а для женской части — 800 ‰.

Однако в целом для всего населения региона уровень образования, несмотря на огромный рост в послевоенные годы, оставался сравнительно низким — лишь каждый четвертый уралец имел среднее (включая неполное) образование, при этом сохранялась весьма заметной разница между образованием городских и сельских жителей. В городе на 1000 человек со средним образованием приходилось 296 лиц, в селах — 164, то есть разница в 1,8 раза. При этом существовала внутрирегиональная разница в

уровне образования. В промышленно развитых областях Урала (Пермская, Свердловская и Челябинская) уровень среднего образования был выше, чем сельскохозяйственных (Курганская область, Удмуртская АССР). Уровень образования населения напрямую был связан с индустриальным развитием: чем сильнее развита промышленность, тем выше уровень образования.

Подводя общий вывод, можно констатировать, что в послевоенные годы грамотность и уровень образования населения Урала, как всей страны, значительно повысились. Сравнительный анализ переписей 1939 и 1959 гг. показал, что за прошедшие 20 лет практически все население стало грамотным. Особенно существенные изменения произошли в грамотности сельских жителей. Они почти догнали в этой области горожан. Неграмотными оставались в возрасте от 9 до 50 лет менее 2 процентов населения Свердловской области. Заметными были достижения у женщин. Намного более сложным оставался вопрос повышения уровня образования. За 20 лет, как показали переписи 1939 и 1959 гг., наметился прогресс в этой области. Доля населения Свердловской области, имеющего среднее образование, выросла в три с лишним раза. Почти 30 % жителей Свердловской области имели к концу 1950-х гг. среднее образование, в основном неполное. Особенно разительные перемены произошли в образовании сельского населения, уровень которого за соответствующий период вырос в 5 раз, тем не менее только каждый седьмой сельский житель имел среднее образование (в основном семилетнее). Сравнение уровня образования населения региона по возрастным категориям показало, что молодое и среднее поколения получили среднее образование именно в послевоенные годы. Люди старше 55 лет почти не имели соответствующего образования.

Итак, к концу 1950-х гг. проблема сплошной неграмотности была решена, вопросы среднего (полного и неполного) образования были близки к своему разрешению. На это была нацелена школьная реформа в СССР, проводившаяся с конца 1958 г.

Список источников

1. *Бажутин Г. Г.* Деятельность партийных организаций Западного Урала по повышению культурно-технического уровня рабочего класса в период семилетки (1959 — 1965): автореф. дис. … канд. ист. наук. — Пермь, 1967.

2. *Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР (историко-статистические очерки). — М.: Изд-во «Статистика», 1964. — 198 с.

3. *Гольдштейн Э. Н.* Деятельность КПСС по подъему общеобразовательного уровня рабочего класса (1959–1965 гг.). По материалам Свердловской и Пермской областей: автореф. дис. … канд. ист. наук. — Пермь, 1968.

4. *Козлова О. В.* Подъем культурно-технического уровня рабочих. — М.: Госполитиздат, 1959. — 220 с.

5. Население России в XX веке. Т. 2 / отв. ред. издания Ю.А. Поляков; отв. ред. тома В. Б. Жиромская. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 416 с.

6. *Ожиганов В. М.* Партийное руководство повышением общеобразовательного уровня рабочего класса в вечерних (сменных) средних школах (1955–1958 гг.) // Развитие промышленности и социально-культурное строительство на Западном Урале: сб. науч. трудов № 105. — Пермь: Перм. политехн. ин-т, 1971. — С. 62–72.

Информация об авторах

Корнилов Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором экономической истории, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: genakorn@mail.ru).

Чернышева Инна Ивановна — аспирант, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия. 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: inna_milena@mail.ru).

Kornilov G. E., Chernysheva I. I.

The Educational Level of the Population of the Sverdlovsk Region in the Late 1950s (Based on the 1959 Census): Correlation Analysis

The article analyzes the educational level of the population of the Sverdlovsk region, achieved by the end of the 1950s. The correlation method made it possible to determine, on the basis of the materials of the 1959 population census, the level of literacy and education in the region in relation to the urban and rural population, sex and age of the population. The authors came to a conclusion about the almost universal literacy of the population, the transition to the completion of secondary (complete and incomplete) education, and the low level of higher education in the region.

Keywords: literacy, educational level, population census, Ural, Sverdlovsk region

References

1. Bazhutin G. G. The activity of the Party organizations of the Western Urals in raising the cultural and technical level of the working class during the Seven-Year Plan period (1959 — 1965): author's abstract. ... cand. east. sciences. — Perm, 1967.

2. Bogdanov I. M. Literacy and education in pre-revolutionary Russia and the USSR (historical and statistical essays). — Moscow: Publishing house «Statistics», 1964. — 198 p.

3. Goldshtein E. N. Activity of the CPSU on raising the general educational level of the working class (1959–1965). Based on the materials of the Sverdlovsk and Perm Regions: author's abstract. ... cand. east. sciences. — Perm, 1968.

4. Kozlova O. V. The rise of the cultural and technical level of workers. — Moscow: Gospolitizdat, 1959. — 220 p.

5. The population of Russia in the twentieth century. T. 2 / Otv. red. Yu. A. Polyakov The Answers / Ed. Vol. B. Zhyromskaya. — Moscow: «The Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 2001. — 416 p.

6. Ozhiganov V. M. Party leadership by raising the general educational level of the working class in evening (changeable) secondary schools (1955–1958) // Industrial development and socio-cultural construction in the Western Urals. Sat. sci. of works № 105. — Perm: Perm. polytechnical. Inst., 1971. — P. 62–72.

Abouts

Kornilov Gennadiy Egorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Economic History Sector, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620990, Ekaterinburg, S. Kovalevskaya St., 16; e-mail: genakorn@mail.ru).

Chernysheva Inna Ivanovna — post-graduate student, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620990, Ekaterinburg, S. Kovalevskaya St., 16; e-mail: inna_milena@mail.ru).

УДК 94(47).083

Коротких И. С.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В. НА ПРИМЕРЕ ЗАДОНСКОГО И ЗЕМЛЯНСКОГО УЕЗДОВ[1]

Воронежская губерния в начале XX в. относилась к типичным аграрным регионам Российской империи, с преобладавшим сельским населением. Подавляющее большинство жителей деревни составляло крестьянство. К концу XIX в. в ней стала ощущаться аграрная перенаселенность, что являлось следствием слабой степени урбанизации территории, отсутствием крупных промышленных центров. Социально-экономический кризис начала XX в. не смог обойти стороной и Воронежскую губернию. С началом реализации столыпинской аграрной реформы из Воронежской губернии усилился миграционный поток, но естественный прирост населения оставался стабильно высоким. Этот факт говорил об усилении кризисных явлений в трудовой занятости жителей и, в первую очередь, местного крестьянства. Для изучения причин роста населения рассмотрена демографическая модель поведения населения, степень ее воздействия на социум и экономику региона. Для изучения были выбраны несколько уездов Воронежской губернии, а в качестве конкретных примеров в рамках уездов были выбраны наиболее типичные населенные пункты, встречавшиеся в исследуемой губернии. Основным источником исследования стали опубликованные статистические сборники и первичные архивные материалы — метрические книги. В них были зафиксированы основные демографические показатели (брачность, рождаемость, смертность, естественный прирост населения), анализ которых мог дать объективный ответ. В результате исследования было обнаружено, что естественный прирост обеспечивался снижением смертности при сохранении традиционной рождаемости. Таким образом, можно утверждать, что зафиксирована начальная стадия демографического перехода местного населения в начале XX в. в Воронежской губернии.

Ключевые слова: крестьянство, Воронежская губерния, демографические показатели, естественный прирост населения, аграрное общество

Вторая половина XIX — начало XX вв. являются временем модернизации всех сфер российской действительности. Отмена крепостного права и дальнейшее либеральное реформирование, в особенности земская реформа, были направлены на качественное изменение уровня жизни всех слоев общества и, в первую очередь, крестьянства. Сельское население составляло более 80 % жителей Российской империи и, в частности, черноземных губерний аграрного центра страны. В сельской местности в результате преобразований начали развиваться образование, здравоохранение, стала проникать городская культура, усилилось миграционное движение. Процессы, происходившие в сельской местности, часто оказывали

[1] © Коротких И. С. Текст. 2018.

определяющее воздействие на социально-политическое, экономическое и культурное развитие страны. На начало XX в., насыщенное внешне- и внутриполитическими событиями (революции, войны, крупные реформы, особенно столыпинская), пришлось начало демографического перехода от традиционной модели воспроизводства населения к современной. В этой связи особенное значение имеют исследования, связанные с изучением сельского социума дореволюционной России.

Общие представления о демографических процессах в Российской империи XVIII — начала XX вв. наиболее основательно представлены в работах Б.Н. Миронова, С.А. Нефедова, С.Д. Морозова и др. В них не отражена региональная специфика структурно-поведенческих моделей развития сельского социума, не освящены особенности демографического поведения крестьянства отдельных территорий Российской империи. Аналогичные историко-демографические исследования на региональном уровне ведутся учеными Санкт-Петербурга, Ярославля, Петрозаводска, Барнаула, Минска. Изучение Центрально-Черноземного региона легло в основу исследований тамбовских историков В.В. Канищева, Р.Б. Кончакова и др. [7].

Несмотря на видимое повышение интереса в научной среде к исследованиям демографических процессов и наличие достаточного количества работ по данной тематике, на сегодняшний день недостаточно изучен а тема демографического развития провинции и поведенческой модели сельского социума в контексте модернизации аграрного общества в пореформенный период Воронежской губернии.

Актуальность проблемы обусловлена также необходимостью изучения социально-демографических процессов, проходящих в российской провинции, в контексте модернизации аграрного общества в начале XX в. Попытаемся проанализировать общие тенденции крестьянской демографии аграрного центра России в условиях влияния внутри- и внешнеполитических факторов на структурно-поведенческие модели сельского социума.

При характеристике демографических процессов в Воронежской губернии рубежа XIX — XX вв., необходимо учитывать типично аграрный характер данного региона, что подразумевало колоссальную зависимость жизни крестьян от цикла сельскохозяйственных работ. Это влияние отчетливо прослеживается при анализе конкретных демографических показателей: рождаемость, брачность, смертность, естественный прирост населения.

Так, например, объектом микродемографического анализа, выберем приходы Задонского и Землянского уездов как типичных уездов Воронежской губернии. В качестве первоисточников будем использовать метрические книги приходов за период с 1900 г. по 1917 г. Отметим, что на территории Задонского и Землянского уездов, как и в целом в губернии, преобладали плодородные черноземные почвы. Доля пашенных земель, занятых под севооборот составила к началу XX в. 70,9 и 80 %

соответственно от общей площади уездов, а в среднем по губернии, данный показатель составил 69 %.[1] Такие околопредельные значения, говорящие о практически максимальном уровне распашки земельного фонда, лишний раз подтверждают тезис об аграрном характере Воронежской губернии.

Сильная зависимость земледельцев от агроциклов, в свою очередь, прослеживалась при изучении бракосочетаний в крестьянской среде. Наблюдалась определенная сезонность в брачной сфере. Во всех рассмотренных приходах наибольшее количество новых семей создавалось в январе и феврале — в самое свободное время в жизни крестьян. Весенние полевые работы, длившиеся с апреля по май, не оставляли земледельцам времени на свадьбы, поэтому основная масса весенних бракосочетаний приходилась, как правило, на вторую половину мая. Затем, с июня по июль — сенокосная пора, ну и, наконец, осенняя страда, продолжавшаяся с августа по сентябрь, во время которой происходила уборка урожая, запашка зяби, сев озимых, которые также занимали все свободное время крестьян. В связи с этим, количество браков, заключённых в эти месяцы было незначительным, а основная пора свадеб начиналась лишь после окончания сельскохозяйственных работ.

Отдельно стоит обратить внимание на полное отсутствие регистраций бракосочетаний в марте и декабре. Это говорит о том, что начале XX в. церковь продолжала оказывать значительное влияние на жизнь крестьян, поскольку именно на эти месяцы выпадали посты и венчания в церкви были запрещены. Вплоть до 1917 г. в крестьянской среде преобладал традиционный уклад жизни. Главенствующая роль в семье принадлежала мужчине, разводы были редкими исключениями, поскольку считались грехом и осуждались церковью [1].

Повторные бракосочетания также регистрировались священниками. Как правило, они заключались между вдовыми людьми, хотя не редкостью были браки, в которых только один из брачующихся вступал в семью уже не в первый раз. В основном в этих случаях вдовец женился на молодой девушке. Браки между молодыми парнями и вдовами были единичны, что еще раз говорит нам о сохранявшейся патриархальности в русской деревне.

Важным аспектом в характеристике брачности, необходимым для объективного понимания естественных демографических процессов, является информация о возрасте вступления в брак. Средний возраст брачующихся юношей составлял 19 лет, а девушек — 18. Девушки вступали в брак, начиная с 16 лет, парни женились, обычно, не ранее, чем в 18. Что касается повторных браков, то их доля составляла менее 9 % от общего числа венчаний. В повторный брак вступали в более зрелом возрасте. В среднем,

[1] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. Среднерусская черноземная область / Под. ред. В. П. Семенова и под общим руководством П. П. Семенова и акад. В. П. Ламанского. СПб, 1902

в 32 года. Причем средний возраст мужчин оказался немного выше — 34 года против 30 лет у женщин. Необходимо также отметить, что сословный характер бракосочетаний продолжал господствовать в крестьянской среде. Вплоть до 1917 г. абсолютное большинство браков заключалось между людьми одного сословия [2].

Воронежская губерния рубежа XIX–XX вв. переживала демографический бум, уровень рождаемости был колоссально высоким. Крестьянские семьи рассматриваемого периода были, как правило, многодетными. Динамика рождаемости по годам закономерно соответствовала цикличности в брачной сфере, обусловленной различными внешними и внутренними факторами, влиявшими на жизнь крестьян. Тенденции рождаемости в отдельных приходах были неодинаковы, происходило как уменьшение, так и увеличение количества новорожденных детей по годам. Наименьшие показатели рождаемости изучаемых уездах были зарегистрированы в 1917 г., аналогичная ситуация наблюдалась и в целом по губернии. Это, безусловно, было связано как с революционными событиями в стране, так и с негативным влиянием Первой мировой войны [4]. Такое предположение подтверждается данными за 1918 г., когда ситуация начала нормализовываться и уровень рождаемости оказался рекордным во всех рассматриваемых приходах.

К сожалению, наряду с высокой рождаемостью, в Воронежской губернии отмечался не менее значительный уровень смертности [6]. Это было обусловлено различными причинами, в том числе практически полным отсутствием медицинского обслуживания сельского населения в русской глубинке, а также сплошной антисанитарией, распространенной в крестьянском быту, следствием которой являлись вспышки различных инфекционных заболеваний, зачастую приводящих к эпидемиям. Наиболее уязвимыми к воздействию различных заболеваний и инфекций были дети. При рассмотрении возрастной структуры смертности, видим, что лидирующие позиции занимали младенческая и детская смертность. Младенцы и дети в возрасте до 4 лет составляли почти 60 % от общего числа усопших. Причины смерти были разнообразны, но наиболее характерными для детей являлись слаборождение, простуда, понос и др. В остальных возрастных категориях умирало значительно меньшее количество людей. Для усопших средневозрастной категории были характерны смерти от простуды, чахотки, водянки, горячки, удушья. Мужчины часто умирали от апоплексического удара, а женщины — во время родов или в результате осложнений после них. В старшей возрастной группе (60 лет и старше), почившие обычно регистрировались, как умершие натурально или от старости. Безусловно, для всех возрастных категорий была характерна повышенная смертность от скарлатины, оспы, дифтерита, коклюша, кори во время эпидемиологической активности данных инфекционных заболеваний, как правило, в летне-осенний период с июля по ноябрь. От простудных заболеваний также умирали люди разных возрастов, причем, круглогодично [3].

Пронализировав показатели смертности в Воронежской губернии на примере приходов Задонского и Землянского уездов, можем сказать, что уровень смертности продолжал оставаться высоким на всем протяжении исследуемого временного отрезка с 1900 г. по 1917 г., хотя стала проявляться слабая тенденция к его снижению. Несмотря на начавшийся в конце XIX в. прогресс в сфере здравоохранения (открытие земских больниц, вакцинацию населения, в частности, оспопрививание, организацию акушерских пунктов), реальных значительных изменений в сфере медицинской помощи на селе не происходило. Больницы были расположены в административных центрах, в основном в городах, поэтому у крестьян часто просто не было возможности добраться до медицинского учреждения, например в весеннюю распутицу, по причине отсутствия дорог. По этой же причине и сам врач или акушер не могли в принципе или вовремя добраться в село для оказания квалифицированной помощи. Да и, к тому же, самих подготовленных медицинских кадров было явно недостаточно для довольно обширной территории Воронежской губернии. Существовала проблема наличия и доступности для крестьян медикаментов и лекарств [3]. Огромная доля крестьян продолжала умирать от банальной простуды.

Что касается естественного прироста населения, то он продолжал оставаться не стабильно высоким, несмотря на значительный уровень детской смертности. Это порождало эффект демографического взрыва, характерного в начале XX в. для европейской части Российской империи [5].

Изучив данные метрических книг приходов Задонского и Землянского уездов и проанализировав демографические показатели, можем сделать определенные выводы о демографической ситуации в Воронежском регионе в начале XX в. Итак, приведенные нами выше конкретные цифры и факты говорят об отсутствии реального прогресса в социальной сфере. Вплоть до 1917 г. традиционный патриархальный уклад продолжал господствовать в жизни крестьянина. Отсутствие инноваций в сельском хозяйстве, экстенсивный путь его развития способствовали сохранению консервативных устоев. Крестьяне продолжали оставаться полностью зависимыми от природных условий и циклов. Соответственно, сезонность, например, в брачной сфере, также оставалась характерной чертой их жизни. Патриархальные семейные ценности оставались непоколебимы, главой семьи являлся мужчина, женщине отводилась второстепенная роль хранительницы очага, наблюдалась сильная зависимость от церкви и церковных традиций, отсутствие разводов, довольно ранний возраст вступления в брак. Прослеживалась тенденция снижения брачности, которая может быть объяснена аграрным переселением трудоспособного населения из Центрально-Черноземного региона в Сибирь в результате реформы П.А. Столыпина, а также мобилизацией мужчин в годы Первой мировой войны. Уровень рождаемости в приходах соответствовал динамике брачности. Естественный прирост населения имел стабильно положительные значения. Смертность, особенно младенческая и детская оставалась очень

высокой. Среди основных причин — неэффективность медицинской помощи, проблемы с реализацией медицинских услуг в сельской глубинке.

Государственные преобразования и социокультурные изменения в общественной жизни России, несомненно, повлияли на жизнь большинства населения страны в целом и Воронежской губернии, в частности, и способствовали переходу к современным демографическим моделям в начале XX в. Однако если эти изменения хорошо заметны и очевидны многим исследователям на уровне макроистории, то на уровне микродемографии уездов Воронежской губернии их не наблюдалось. Возможно, это свидетельствует лишь о том, что в сельскую глубинку инновации проникали очень медленно и постепенно.

Список источников

1. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность. Традиции конца XIX — начала XX века. — М., Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004.

2. Государственный архив Липецкой области. Ф. 272. Оп. 1. Д. 276–278, 90, 419–422, 487, 501–507.

3. Государственный архив Липецкой области. Ф. 272. Оп. 1. Д. 276–278, 90, 419–422, 487, 501–507.

4. *Жиров Н. А.* Демографические процессы в орловской деревне в годы Первой мировой войны. Микродемографический анализ // Вестник Омского университета. — 2016. — № 1. — С. 70–72. — (Исторические науки).

5. *Жиров Н. А.* Естественный прирост крестьянского населения в Орловской губернии в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. — 2012. — №.4(108). — С. 317–322. — (Гуманитарные науки).

6. *Иноземцев И. В.* Динамика смертности в Воронежской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Власть и общество. Механизмы взаимодействия и противоречия. Мат-лы Восьмой региональной науч. конф. / под ред. В.Н. Глазьева. — Воронеж, 2014. — С. 111–115.

7. *Коротких И. С.* Отечественная демография и демографическая статистика в конце XIX — начале XXI вв. // Filo Ariadne. — 2016. — № 4. — С. 115–128.

Информация об авторах

Коротких И. С. — магистрант 1 курса Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (399770, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, e-mail: korotkikh4895@mail.ru).

Korotkikh I. S.

Demographic Situation in Voronezh Province at the Beginning of XX Century on the Example of Zadonsky and Zemlyansk Districts

Voronezh province at the beginning of the twentieth century belonged to the typical agrarian regions of the Russian Empire with a predominantly rural population. The overwhelming majority of the villagers were peasants. By the end of the XIX century there was an agrarian overpopulation, which was the result of a weak degree of urbanization of the territory and the absence of large industrial centers. The social-economic crisis of the early twentieth century did not pass Voronezh province. Because of the implementation of the Stolypin agrarian reform the migration flow increased from Voronezh province, but the natural increase in the population remained stably high. This led to the intensification of the crisis phenomena in the employment of the inhabitants and, primarily, of the local peasantry. To study the reasons for population growth, it was necessary to consider the demographic

model of the population's behavior, the degree of its impact on the society and the economy of the region. For this study, several counties of Voronezh province were chosen, and as specific examples within the counties the most typical settlements were selected. The main source of research was statistical collections and primary archival materials, that is, metric books. They recorded the main demographic indicators (marriages, fertility, mortality, natural population growth) the analysis of which could give an objective response. As a result of the study, it was found that the natural increase was provided by a decrease in mortality with the preservation of the traditional birth rate. Thus, it can be argued about the initial stage of the demographic transition recorded by the local population at the beginning of the 20th century in Voronezh province.

Keywords: peasantry, Voronezh province, demographic indicators, natural population growth, agrarian society

References

1. Bezgin V. B. Peasant daily life (traditions of the late XIX — early XX century). — Moscow, Tambov: Publishing house. state technical University, 2004.

2. State archive of the Lipetsk region. (GALO.) F. 272. Op. 1. D. 276–278, 90, 419 — 422, 487, 501–507.

3. GALO. F. 272. Op. 1. D. 276 — 278, 90, 419 — 422, 487, 501–507.

4. Zhirov N. A. Demographic processes in Orel village during the First world war (microdemographic analysis) // Bulletin of Omsk University. Series «Historical science». — 2016. — №.1. — P. 70–72.

5. Zhirov N. A. Natural increase of the peasant population in Orel province in the early twentieth century.// Vestnik tambovskogo universiteta. Series: Humanities. — 2012. — №.4 (108). — P. 317–322.

6. Inozemtsev V. I. the Dynamics of mortality in the Voronezh province in the second half of XIX — early XX century // Power and society: interaction mechanisms and controversies: proceedings of the Eighth regional scientific conference / under the editorship of V. N. Glazyev. — Voronezh, 2014. — P. 111–115.

7. Korotkikh I. S. Domestic demography and demographic statistics in the late XIX — early XXI centuries // Filo Ariadne. — 2016. — No. 4. — P. 115–128.

Author

Korotkikh I. S. — Bunin Yelets State University (399770, Lipetsk region, Elets, Kommunarov str., d. 28, e-mail: korotkikh4895@mail.ru).

УДК 930.2/316.7 (470.5)

Кругликова Г. А.

1917 ГОД: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ УРАЛА[1]

В статье предпринята попытка проанализировать понятие «интеллигенция», ее участие в революционных событиях 1917 г., особенности социального состава и взаимоотношения с властью. Рассмотрено участие дореволюционной интеллигенции в культурных преобразованиях Урала, а также процесс формирования новой советской интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, история Урала, культурные преобразования, революция 1917 г., власть, советская культура

Российская революция 1917 г., безусловно, стала крупной вехой российской и мировой истории. Это послужило началом создания нового общества, предопределившего не только экономические и политические изменения, но и формирование новой социальной структуры. Изучение социального состава интеллигенции имеет важное значение в исследовании исторических тем «интеллигенция и революция», «интеллигенция и власть».

Осмысление исторических уроков истории взаимоотношения интеллигенции с новой властью, а также процесса формирования новой интеллигенции, должно помочь осознать место и роль данной социальной группы в современной России. Но, прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению социального состава и отношения интеллигенции к революции 1917 г. и роли в ней, обратимся к понятию интеллигенция.

К началу XX века данное понятие широко использовалось для самоидентификации, и вскоре слово «интеллигенция» быстро получило в России необычайно широкое распространение. С помощью этого модного неологизма описывались самые различные культурные, политические и социальные процессы, протекавшие в пореформенной России. Слово заполняло известный понятийный вакуум, время требовало новых названий для новых непривычных явлений. Популярности термина способствовала его многозначность. Под интеллигенцией понимали и лиц, выделяющихся образованием, и «лиц интеллигентных профессий» — студентов, учителей, писателей, политических деятелей [15].

Неоднозначное положение интеллигенции в социальной структуре общества, противоречивые взаимоотношения и с властью, и с народом привели к тому, что в начале XX в. интеллигенцию стали рассматривать как новый эксплуататорский класс. Согласно ленинским определениям, интеллигенция — это особый социальный слой, для которого высококвалифицированный умственный труд является основным видом профессиональной деятельности и единственным или, по крайней мере, главным источником существования [10, с. 209]. Л.Д. Троцкий исходил из того положения,

[1] © Кругликова Г. А. Текст. 2018.

что нет и не может быть пролетарской культуры, поскольку «культурное строительство, которое наступит, когда отпадет необходимость в железных тисках диктатуры, не будет уже иметь классового характера» [19, с. 47].

В сборнике статей о русской революции «Из глубины», написанном в 1918 г. крупнейшими представителями русской культуры, интеллигенция была объявлена виновной за свершение революции [4]. Авторы сборника считали, что произошло крушение и самой интеллигенции. Известный политический деятель России, крупнейший историк П. Н. Милюков считал, что изменения в культурной жизни вызваны, главным образом, тем, что был «сметен тот культурный класс, который поставлял «потребителей», то есть читателей литературных произведений…» [11, с. 9].

А. М. Горький считал главной заслугой русской революции перед культурным миром тот факт, что русская революция с поражающей силой выдвинула на первый план как начало, все решающее, — личность человека. Вожди русской революции сделали много ошибок и сами неоднократно признавались в этом. Ошибка русской интеллигенции — раскол внутри нее, эта ошибка считалась политически неизбежной, психологически обоснованной. А. М. Горький в этом «разрыве» видел по существу «разрыв энергии на несколько частей с различными скоростями движения» [14].

В большинстве работ советских историков, где характеризовались общественно-политические позиции российской интеллигенции в 1917 г., ее деятельность в первые месяцы советской власти, оценка давалась с позиций большевиков. Главное внимание в этих работах уделялось отношениям интеллигенции с новой властью [3; 8; 9; 12; 21; и др.].

В 1960–1980-е гг. общепризнанной стала концепция, в соответствии с которой считалось, что российская интеллигенция, будучи в основной своей массе буржуазной, постепенно в горниле битв за социалистическую революцию, а затем в процессе строительства социализма преображается и становится советской, социалистической под руководством коммунистической партии [16, с. 192].

Из современных исследователей хотелось бы отметить работы В. Л. Соскина, в которых автор, основываясь на «социальном подходе» к объяснению исторических явлений, рассматривает сущность и характер культурного развития России в эпоху революции 1917 г. и Гражданской войны [17, с. 57].

Отношение российской интеллигенции к Октябрьской революции было различным. Спектр оценок был очень широким: от крайне негативных до восторженно приветствующих. К сожалению, отсутствие точных сведений, социологических данных не позволяет четко и определенно судить о политической дифференциации российской интеллигенции в ходе революции 1917 г.

Отказ большой части интеллигенции от профессионального сотрудничества с советской властью, особенно в первые месяцы ее существования, привел, по мнению многих исследователей, к тяжелым последствиям

для многих отраслей культуры. Забастовали государственные чиновники Министерства народного образования, и комиссия А.В. Луначарского, созданная первым советским правительством для руководства культурой, повисла в воздухе. Система государственного руководства культурой была разрушена, и новые органы формировались практически на пустом месте. Была разрушена прежняя система финансирования отраслей культуры. Нарастание экономического кризиса в условиях войны и революции неизбежно сказывалось на бюджетных средствах, выделяемых на культурные нужды. Экономическая экспроприация, начатая новым правительством, подорвала меценатство. Финансирование культуры сокращалось.

Практически приостановились научные исследования, с большими перебоями работали университеты и школы, боролись за выживание музеи, библиотеки, театры. Разрушалось нечто более важное, чем отдельные учреждения культуры. «Прежней культурной среды уже нет — она погибла, — писал в 1919 г. К. Чуковский, — и нужно столетие, чтобы создать ее».

Стремясь усилить поддержку в среде интеллигенции, СНК 29 октября 1917 г. обратился с воззванием «К интеллигенции России», в котором призывал ее участвовать в социалистическом строительстве, в изменении существовавших порядков. В своем обращении нарком просвещения А.В. Луначарский объявил первой заботой правительства «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности», введения всеобщего обязательного бесплатного образования, призывая интеллигенцию к сотрудничеству в решении этих и других задач [13, с. 27].

Становление и развитие культурно-просветительной работы как самостоятельной области идеологической деятельности начались после победы Октябрьской революции 1917 и непосредственно были связаны с осуществлением в СССР культурной революции. Культурно-просветительные учреждения должны были заниматься изменением политического и культурного уровня масс, воспитанием коммунистической нравственности, разъяснением политики коммунистической партии, способствовать росту производственной и общественной активности трудящихся.

Одним из первых руководителей данной работы являлась Н.К. Крупская. Она десять лет бессменно возглавляла Главполитпросвет вплоть до его реформирования в 1930 г. По ее мнению, данный орган должен был заботиться не только о просвещении умов, о выработке в массах «правильного понимания вещей, о выработке коммунистического миросозерцания», но и бороться «за воспитание чувств, за воздействие на сердца, за воспитание в массах коммунистической психологии».

Важно отметить, что культурной работе государственная власть уделяла большое внимание. В числе первых членов общества «Долой неграмотность» были В.И. Ленин, Н.К. Крупская, М.И. Ульянова, А.В. Луначарский, председателем Общества с 1925 г. был М.И. Калинин. Несмотря на все трудности, переживаемые страной в 1920-е гг., Общество получало высокие государственные дотации. Его материальная база, помимо государственных

дотаций, складывалась из добровольных взносов предприятий, учреждений, редакций газет, отчислений с патентов на право продажи некоторых товаров и продуктов, пополнялась членскими взносами и средствами от продажи значков, билетов на различные культурные мероприятия.

Мероприятия партии и правительства в области культуры, культурное строительство, начавшееся еще в первые годы Гражданской войны (создание клубов, библиотек, изб-читален, внедрение в быт газет, книг и т. п.), находили живой отклик и поддержку среди широких слоев трудящихся. Многие представители культуры приняли изменения новой власти и стали сотрудничать с ней. Большую роль в развитии музейного дела и формировании государственной сети музейных учреждений в стране сыграли хранитель Румянцевского музея Н.И. Романов, академик Н.Я. Марр. Впервые в стране был создан Музейный отдел, аккумулировавший развитие музейного дела.

Урал, находившийся в очаге Гражданской войны, включился в культурные преобразования несколько позже. Большую помощь оказывали общественные организации. На заседаниях одного из известнейших на всю страну Уральского общества любителей естествознания, несмотря на события Гражданской войны, активно обсуждались проблемы геологии (В.И. Крыжановский, М.О. Клер), энтомологии (Ю.М. Колосов), археологии (В.Я. Толмачев). В Перми в это же время действовал Пермский научно-промышленный музей, а также кружок по изучению Северного края при Пермском университете под председательством проф. Б.Л. Богаевского [7, с. 336–337]. Внимание кружковцев было сосредоточено преимущественно на истории, этнографии и фольклоре Урала. Несмотря на финансовые трудности, уже в 1918 г. кружок издал часть этнографических материалов («Народные заговоры», «Частушки»), собранных краеведом и фольклористом В.Н. Серебренниковым, была опубликована составленная антропологом и этнографом Б.Н. Вишневским «Инструкция для описания памятника старины».

Участие в культурных преобразованиях принимали не только краеведы, художники, писатели, музыканты дореволюционной России. Особенностью нового этапа отечественной культуры являлся тот факт, что социальную структуру интеллигенции пополняли представители политического руководства, рабочего класса.

Одним из крупнейших участников культурных преобразований на Урале был Б.В. Дидковский, активный участник революционных событий и Гражданской войны на Урале, член Уральского обкома партии, Президиума Облисполкома, ВЦИК XIV и XV созывов. Б. Дидковский возглавлял комиссию по переименованию Екатеринбурга, был редактором цикла лекций-конспектов для политпросветов по истории и географии Урала, внес большой вклад в развитие музейного дела в Свердловской области. В течение 5 лет он по совместительству занимал должность директора музея УОЛЕ, работая на общественных началах [18]. При его содействии

музей получил новое благоустроенное помещение, был увеличен штат сотрудников, созданы отделы уральской промышленности и истории развития рабочего движения.

На всех этапах формирования культурно-просветительской деятельности в СССР учреждения культуры сыграли важную роль в культурном просвещении масс и формировании новой пролетарской культуры. Для разъяснения идеологии и политики партии, эстетического воспитания активно использовались разные средства. Основную нагрузку несли клубы, библиотеки, ансамбли, театры. Ярким примером может служить деятельность Пермской государственной художественной галереи, открытой 7 ноября 1922 г. и находившейся до 1936 г. в составе Пермского областного краеведческого музея. Основной коллекцией стало собрание художественного отдела Пермского научно-промышленного музея. С 1919 г. губмузеем были организованы первые экспедиции по сбору произведений искусства (во главе с А.К. Сыропятовым — зав. Пермским музеем, (1919–1922 гг.), с 1922 г. по 1925 г. — зав. художественным музеем; затем во главе с Н.Н. Серебренниковым (с 1925 г. — директор галереи). По результатам экспедиций под руководством Н. Серебренникова в 1924 г. была организована выставка памятников культовой деревянной скульптуры, которая стала настоящим открытием искусства края [10, с. 333]. Деятельность музея высоко оценил один из организаторов музейного дела в стране проф. И.Э. Грабарь, посетивший музей в 1925 г. С 1925 г. здесь стали проходить выставки произведений современных художников Урала.

Новая власть уделяла большое внимание образованию и подготовке новых культурных кадров. В 1919 г. открылась академия коммунистического воспитания в Москве и Петрограде. Были созданы институты народного просвещения с факультетами внешкольного воспитания. При педагогических техникумах открывались политпросветотделения. Таким образом, уже к середине 1920-х гг. был налажен процесс обучения новых кадров советской интеллигенции.

Наркомпрос, аппарат которого в своей деятельности реализовывал методы, формы и содержание просветительской работы, как они задавались партией, находился под бдительным наблюдением ЦК КПСС. Одним из этапов складывавшейся системы тотального контроля стало укрепление в течение 1923–1925 гг. агитпропов на местах опытными идеологическими работниками с целью превращения их «в боевые центры борьбы за марксистскую идеологию и идейное влияние партии в массах» [6, с. 528]. Дело шло успешно, и к концу 1925 г. ЦК впервые отметил, что в большинстве губернских и областных комитетов партии уже имелись сравнительно устойчивые кадры агитпропработников.

Ориентируясь на «развитие вширь», Н.И. Бухарин утверждал, что именно коммунисты в состоянии «самым быстрым образом» повести огромную человеческую массу по дороге культуры вперед, создать массовые культурные движения, задача которых — «перепахать трактором

культуры» вдоль и поперек огромную страну [2, с. 373]. «Механика рабочей диктатуры вовлекает культуру в массовый всеобщий жизненный оборот», — писал он, подчеркивая, что в фокусе культурной работы партии стоит «масса». Поэтому требования, предъявляемые Н. Бухариным к культуре, достаточно примитивны: дать массам элементарную грамотность и обучить людей навыкам управления, чтобы они могли подключиться к работе аппарата. Содержание искусства понималось им как «функция общественной экономики и вместе с нею функция производительных сил» [1, с.156].

В принятом на заседании Президиума ВЦИК постановлении № 71 от 20 августа 1928 г. «О музейном строительстве» признавались не только значительные достижения в развитии музейного дела. Остро отмечались «рутинность и неудовлетворительное, с точки зрения стоящих в порядке дня задач социалистического строительства, идеологическое содержание, что объяснялось, главным образом, недостатком соответственно подготовленных музейных работников»[1]. Большое внимание уделялось необходимости подготовки новых молодых кадров на смену старым «немарксистским» специалистам музейного дела. Массовая просветительная работа музеев признавалась подчиняющей себе все остальные музейные задачи [20, с. 133–160].

Таким образом, новая советская интеллигенция существенно отличалась от предыдущей. Она была сформирована в результате проводимых преобразований, продиктованных политической обстановкой. Если учесть, что к 1930 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) не было ни одного человека с высшим образованием, то и к культурным работникам таковые требования не предъявлялись. Новая интеллигенция приобретала практически нужные знания путем партийной учебы, самообразования, общения со специалистами.

Список источников

1. *Бухарин Н.* Искусство и общественная жизнь. — Ивано-Вознесенк, 1925.

2. *Бухарин Н.* Ленинизм и проблема культурной революции // Бухарин Н. И. Избранные произведения. — М., 1988.

3. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. — М., 1987.

4. Из глубины: сборник статей о русской революции. — М., 1990.

5. *Казаринова Н. В.* Пермская государственная художественная галерея // Краеведы и краеведческие организации Перми. — Пермь, 2000.

6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1970. — Т. 2.

7. Краеведы и краеведческие организации Перми: библиографический справочник / сост.: Т. И. Быстрых, А. В. Шилов. — Пермь, 2000.

8. *Красильников С. А.* Октябрь и политические позиции интеллигенции // Советская интеллигенция и ее роль в коммунистическом строительстве СССР. — М., 1979.

9. *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. — М.: Мысль, 1981.

10. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 4.

11. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. — М., 1994.

[1] СУ РСФСР. 1928. № 116. Ст. 726.

12. *Прозорова О. А.* Деятельность Коммунистической партии по вовлечению художественной интеллигенции в строительство социалистического общества в первые годы Советской власти (ноябрь 1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1971.

13. *Ратьковский И. С., Ходяков М. В.* История советской России. — СПб., 2001.

14. *Романова Т. В.* Средние городские слои Урала накануне революции: численность и структура [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/srednie-gorodskie-sloi-urala-nakanune-revolyutsii-chislennost-i-struktura-1 (дата обращения 01.06.2018).

15. *Селянинова Г. Д.* Художественная интеллигенция Урала: февраль 1917 — середина 1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 1995.

16. *Смирнов И. С.* Из истории строительства социалистической культуры в первый период Советской власти (октябрь 1917 г. — лето 1918 г.). — М., 1952.

17. *Соскин В. Л.* Революция и культура (1917–1920 гг.). Историко-теоретический аспект. — Новосибирск,1994.

18. *Тагильцева Н.* След на земле // Вечерний Свердловск. — 1985. — 12 мая.

19. *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. — М.,1991.

20. Труды первого музейного съезда. — М., 1931. — Т. 1.

21. *Ярошецкая В. П.* Борьба партии большевиков за художественную интеллигенцию в период подготовки социалистической революции и в первые годы Советской власти (март 1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1973.

Информация об авторе

Кругликова Галина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» (Россия, 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru).

Kruglikova G. A.

1917: Social Portrait of the Ural Intellectuals

The article attempts to analyze the concept of the intelligentsia, its participation in the revolutionary events of 1917, the features of the social composition and the relationship with the authorities. The participation of the pre-revolutionary intelligentsia in the cultural transformations of the Urals, as well as the formation of the new Soviet intelligentsia, is considered.

Keywords: intelligentsia, the history of the Urals, cultural transformations, the revolution of 1917, power, Soviet culture.

References

1. Bukharin N. Art and social life. — Ivano-Voznesenk, 1925.

2. Bukharin N. Leninism and the problem of cultural revolution // Bukharin N.I. Selected works. — M., 1988.

3. The Great October Socialist Revolution, Encyclopedia. — M., 1987.

4. From the depths: Collection of articles on the Russian revolution. — M., 1990.

5. Kazarinova N. V. Perm State Art Gallery // Local historians and local lore organizations of Perm. — Perm, 2000.

6. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. — T. 2. — M., 1970.

7. Local historians and local lore organizations of Perm: Bibliographic reference book / Comp.: T. Bystrykh, A. V. Shilov. — Perm, 2000.

8. Krasilnikov S. A. October and political positions of the intelligentsia // The Soviet intelligentsia and its role in the communist construction of the USSR. — Moscow, 1979.

9. Leikina-Svirskaya V. R. The Russian intelligentsia in 1900–1917. — M., 1981.

10. Lenin V. I. Full collection of writings. — T. 4.

11. Milyukov P. N. Essays on the history of Russian culture. — M, 1994.

12. Prozorova O. A. The activity of the Communist Party in involving the intellectual intelligentsia in the building of a socialist society in the first years of Soviet power (November 1917–1920): author's abstract of the dis. ... the candidate of historical sciences. — M., 1971.

13. Rat'kovskiy I. S., Khodyakov M. V. History of Soviet Russia. — St. Petersburg, 2001.

14. Romanova T. V. The average urban strata of the Urals on the eve of the revolution: number and structure [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/srednie-gorodskie-sloi-urala-nakanune-revolyutsii-chislennost-i-struktura-1 (data obrashcheniya 01.06.2018).

15. Selyaninova G. D. The artistic intelligentsia of the Urals: February 1917 — Middle of 1919: author's abstract of the dis. ... the candidate of historical sciences. — Yekaterinburg, 1995.

16. Smirnov I. S. From the history of building socialist culture in the first period of Soviet power (October 1917 — Summer 1918). — M., 1952.

17. Soskin V. Revolution and culture (1917–1920). Historical and theoretical aspects. — Novosibirsk, 1994.

18. Tagiltseva N. A trace on the ground // Evening Sverdlovsk. — 1985. — 12 May.

19. Trotsky L. D. Literature and revolution. — M., 1991.

20. Proceedings of the first museum congress. — Vol. 1. — M., 1931.

21. Yaroshetskaya V. P. The struggle of the Bolshevik Party for the artistic intelligentsia in the period of the preparation of the socialist revolution and in the first years of Soviet power: author's abstract of the dis. ... the candidate of historical sciences. — M., 1973.

Author

Kruglikova Galina Aleksandrovna — Ural State Pedagogical University, Department of History, Yekaterinburg; Associate Professor of Russian History, Ph.D., associate professor (Russia,620017, Yekaterinburg, pr. Kosmonavtov, 26, e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru).

УДК 94(47)+373

Лаптева Ю. В.

СОХРАНЕНИЕ КОНТИНГЕНТА УЧАЩИХСЯ В ШКОЛАХ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[1]

Великая Отечественная война была периодом суровых испытаний для нашей страны. Одной из наиболее уязвимых категорий населения были дети школьного возраста. В статье анализируются формы и направления помощи детям через учебные заведения Свердловской области: сохранение санитарного благополучия, организация горячего питания в школах, ремонт одежды и обуви, оздоровление детей в пионерских лагерях и детских площадках во время каникул. Автор приходит к выводу о значимости и важности этой деятельности для сохранения контингента учащихся школ.

Ключевые слова: контингент учащихся школ, Свердловская область, Великая Отечественная война

Одним из важных вопросов изучения демографической ситуации в период Великой Отечественной войны является проблема потерь населения. Исследованию этой проблемы посвящено много работ, тем не менее, изучение детского населения не получило достаточного внимания в литературе. Отдельные сюжеты проблемы нашли отражение в работах историков Урала — Г.Е. Корнилова [5, с.112–121; 6, с. 80–89; 2, с. 91–98; 3, с. 94–106; 4], Н.П. Палецких [7, с. 23–32; 8], А.В. Сперанского [9], А.В. Федоровой [10, с. 5–16] и в коллективной монографии «Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны» [1]. Историки подчеркивают, что дети — категория населения, чутко реагирующая на негативные факторы войны. В данной статье основное внимание обращено на практически не получившую отражение проблему помощи школьникам через учебные заведения.

Основные мероприятия по сохранению контингентов школы проводили в рамках выполнения закона о всеобщем обязательном обучении. Вместе с тем для сохранения здоровья и жизней детей школы контролировали и поддерживали оптимальное санитарное состояние, проводили летние оздоровительные кампании, включающие отдых в пионерских лагерях и на городских площадках. Государство понимало, что наиболее эффективной будет организация материальной помощи учащимся через учебные заведения.

Важной составляющей обеспечения детского здоровья было санитарное состояние школ и контроль личной гигиены учащихся. Приказ Народного комиссариата просвещения РСФСР от 13 января 1942 г. возлагал на директоров школ, заведующих школами, директоров детских домов и заведующих детскими садами персональную ответственность за санитарно-гигиеническое состояние детских учреждений. Заведующий

[1] © Лаптева Ю. В. Текст. 2018.

Свердловским областным отделом народного образования Н. Ф. Хлёсткин обязал заведующих рай(гор)оно довести это до сведения руководителей детских учреждений, под подпись, разъяснить и неуклонно выполнять приказы о санитарном состоянии[1].

Ежегодно к началу учебы школы готовили. Подготовка школ к новому учебному году включала ремонт, от минимального до капитального, уборку всех школьных помещений, обеспечение топливом, проверку остекления. К сожалению, каждый этап подготовки школьных помещений был сопряжен с трудностями. Ремонт проводился силами общественности, на это ориентировало руководство в правительственных постановлениях и приказах отделов народного образования на местном уровне. «Приступить к ремонту зданий…, обратив первоочередное внимание на утепление помещений и приведение их в санитарно удовлетворительный вид, изыскивая потребные материалы к ремонту на месте и привлекая для работ широкую общественность»[2].

В отчетах школ о результатах подготовки к новому учебному году постоянно упоминается осуществление ремонта «своими силами» (учителя, учащиеся и родители) и привлечение «помощи общественности» (комсомольские организации, предприятия, колхозы и совхозы)[3].

Серьезной проблемой было обеспечение школ топливом. Сложности возникали как с заготовкой, так и с подвозом дров к школе. Зачастую школы использовали собственные ресурсы: заготовкой занимались учителя и школьники. В основном здания отапливались. Однако в начале войны срывы отопления случались. Работа школы при этом останавливалась на несколько дней. В школах Пышминского района Свердловской области занятия прерывались на 2–3 дня в связи с отсутствием дров. Как и любой ресурс, дрова во время войны использовали экономно. Дети вспоминали, что в школах было прохладно. Иногда приходилось сидеть на занятиях в верхней одежде[4]. Проблема заготовки дров и, особенно их подвоза к школам, оставалась острой в течение всей войны. Ко второму военному учебному году ситуация стабилизировалась. К началу отопительного сезона школы отчитывались в облоно о заготовке топлива своими силами.

Для того чтобы создать условия для занятий детей, тепло в помещениях нужно было еще и сохранить. Оконного стекла не хватало. Строительство стекольного завода в Свердловской области, которое начали только в 1944 г., было сопряжено со многими трудностями, в том числе нехваткой ресурсов[5]. На совещании заведующих отделами народного образования 18 июня 1942 г. по итогам первого военного учебного года вопрос об оконном

[1] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 288.

[2] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 209.

[3] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 37. Д. 157. Л. 40 об.

[4] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 157. Л. 75; ГАСО. Ф. Р-2766. Оп. 1. Д. 168. Л. 6.

[5] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5348. Л. 120–127.

стекле поднимался почти в каждом выступлении. Заведующий районо Ивдельского района Сирин сетовал на то, что этой зимой при пятидесятиградусных морозах занимались с одинарными рамами: «Без стекла всё-таки заниматься нельзя»[1]. Облоно в выдаче стекла отказало уже в начале 1942/43 учебного года. Школы выходили из положения любыми имеющимися средствами: обращались к общественности, использовали стекло из шкафов для окон. Некоторые директора шли на крайние меры. В феврале 1943 г. в селе Ляпуново Краснополянского района директор школы вынул оконную раму избы-читальни и поставил в один из классов Ляпуновской школы[2]. Иногда разбитые окна приходилось заменять фанерой.

В годы войны в школах проводились так называемые санитарные декадники, призванные добиться «наведения образцового санитарного порядка». В декабре 1942 г. решением исполкома Свердловского областного Совета народных депутатов трудящихся проводился санитарный двухдекадник, в преддверии которого проводилась массовая разъяснительная работа, привлекались учащиеся, учителя и родительская общественность, разворачивался конкурс между детскими учреждениями[3].

Таким образом, в сложных военных условиях школы пытались принять все возможные меры по созданию условий для занятий детей. К каждому новому учебному году здания, классные комнаты приводили в порядок, производили ремонт силами общественности. В течение года поддерживалась чистота в помещениях. Школы отапливались, помещения освещались. В отчетах школ о ходе подготовки к новому учебному году обязательно фигурировала информация, характеризующая санитарное состояние[4].

Школы не только контролировали санитарное состояние учебных помещений, но и призваны были отслеживать состояние здоровья учащихся. В связи с угрозами эпидемий облоно издавал приказы о контроле здоровья школьников и недопущении распространения заболеваний. Школьников проверяли на педикулез. Создавались специальные санитарные дружины из учащихся, которые проверяли чистоту рук. Контролировали личную гигиену учащихся и классные руководители. В начале 1941/42 учебного года отмечались случаи вшивости и антисанитарии, к концу года они существенно сократились[5].

Основной задачей массовых школ в годы войны являлось выполнение закона о всеобщем обязательном обучении, при этом главное внимание уделялось сохранению контингентов учащихся школ. С началом Великой Отечественной войны осуществление данного проекта не только не приостановилось, напротив, внимание к нему усилилось. Передовые районы области использовали различные формы работы: учет учеников, не

[1] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 9. Л. 68.

[2] Уральский рабочий. 1943.17 февраля.

[3] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 5 об.

[4] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 157. Л. 41 об.

[5] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 5 об.; Д. 8. Л. 4; Ф. Р-2766.Оп. 1. Д. 206. Л. 15.

посещавших занятия, привлечение общественности, открытие мастерских по пошиву и ремонту одежды и обуви, сбор среди населения обуви и одежды для детей, организация столовых, буфетов[1].

Большой угрозой для жизни и здоровья детей являлось плохое питание, голод. Школы обеспечивали учащихся горячим питанием. Для этого были задействованы все возможные ресурсы: пришкольные участки, подсобные хозяйства, договоры о взаимопомощи с колхозами, помощь шефов.

Одним из немногих районов области, полностью выполнивших закон о всеобщем обязательном обучении в первый военный учебный год, был Краснополянский район. Заведующая районо на совещании по итогам учебного года, передавая опыт коллегам, подчеркивала важность для сохранения контингентов именно горячего питания. Каждый учащийся прикреплялся к столовой, либо к буфету, обязательно получал бесплатно хлеб. Заведующая Красноуральским гороно Костина подчеркивала, что столовые «исключительно привлекли ребят. Сами ребята пошли в школу… и разрядку сделали в части очередей», то есть очереди за хлебом стали меньше[2]. Евгений Борисович Табачник, в годы войны школьник, эвакуированный из Киева, в своих воспоминаниях подчеркивал, что голодное время он помнит хорошо, особенно тяжело было после приезда, затем стало несколько легче. «Ученикам в школе дополнительно, без карточек, давали 50 граммов хлеба и, чаще всего, суп, для этого в школе была оборудована кухня»[3].

На протяжении всего периода войны положение с всеобучем в городе Первоуральске было одним из лучших в области. Здесь были организованы специальные школьные столовые, которые полностью обслуживали всех учащихся. Дети получали завтрак и обед: «суп-лапша, суп манный, каша манная, горошница, иногда со сливочным маслом, иногда суп с мясом»[4].

Таким образом, организация школьного питания была важнейшим фактором сохранения детских контингентов школ всеобуча. Дети приходили на занятия и имели гарантированный прием горячей пищи. Заведующий облоно Н. Ф. Хлёсткин в докладе о работе по осуществлению всеобуча подчеркивал, что организация питания имела решающее значение для закрепления учащихся в школах[5].

Значимым вопросом для сохранения здоровья детей, сохранения школьных контингентов был вопрос обеспечения учащихся одеждой и обувью. Еще до войны показатели отсева по причине материальной необеспеченности были довольно высоки: в 1940/41 учебном году по городу

[1] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 1.
[2] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 9. Л. 30, 38.
[3] ГАСО. Ф. Р-2766. Оп. 1. Д. 217. Л. 3 об.
[4] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 12. Л. 6.
[5] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 12. Л. 6.

Свердловску выбыло 4,5 % от всех выбывших, по селу — 15 %. В условиях войны ситуация обострилась. В отчете за первое полугодие 1941/42 учебного года отмечено, что отсев по материальным причинам (отсутствие одежды и обуви) составил 36,5 %. Попыткой смягчения проблемы была организация мастерских по ремонту обуви и одежды. Такие мастерские помогали избегать сезонного отсева, связанного с отсутствием соответствующей погоде одежды или с ее плохим состоянием. Кроме того, при каждой неполной средней и средней школе создавались фонды подержанной обуви и одежды. В 1944/45 учебном году не посещали школу из-за отсутствия одежды и обуви 3656 детей, что составило 10,9 % от общего числа отсеявшихся. В отчете за последний военный учебный подчеркивалось, что «число выбывших за 1944/45 учебный год снизилось на 32275 человек» в сравнении с 1943/44 учебным годом, «это говорит об улучшении условий жизни вообще и в школах в частности»[1].

Для оздоровления детей летом проводились особые кампании. Множество детей выезжали в загородные пионерские лагеря, отдыхали на городских детских площадках. Стоимость путевки в лагерь устанавливалась заранее (примерно 200 рублей). Родители оплачивали около 30 % их стоимости[2]. В первую очередь места в детских оздоровительных лагерях выделялись детям фронтовиков, эвакуированным. В пионерских лагерях устанавливался четкий режим дня, в том числе и режим питания. Меню определяло баланс жиров, углеводов и белков. Детские городские площадки проводились на базе школ.

В годы Великой Отечественной войны сложились тяжелейшие условия для населения нашей страны. Дети, с одной стороны, уязвимая в экстремальных условиях категория населения, а с другой стороны — это будущее страны, нуждались в особой заботе. Система школьного образования была нацелена на сохранение детских контингентов. Школы создавали определенные санитарные условия, контролировали личную гигиену детей. Закон об обязательном всеобщем обучении должен был выполняться, несмотря на трудности, связанные с военными условиями. Школы для осуществления всеобуча предпринимали ряд мер: вели строгий учет численности учащихся, организовывали горячее питание, помогали особо нуждающимся с одеждой и обувью. Школы принимали участие в организации летних оздоровительных кампаний. Все эти мероприятия, сохраняя контингенты школы, способствовали сохранению здоровья и жизни детей.

Список источников

1. Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Гаврилов Д. В., Гузненко З. И., Корнилов Г. Е., Сперанский А. В. и др. — Екатеринбург: Баско, 2005. — 256 с.

[1] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 9. Л. 57 об.; Д. 122. Л. 3; Д. 124. Л. 4; Д. 132. Л. 4 об; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 1426. Л. 22.

[2] ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 336. Л. 23.

2. Корнилов Г. Е. Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы (1941–1953) // Уральский исторический вестник. — 2013. — № 3 (40). — С. 91–98.

3. Корнилов Г. Е. Население Свердловска в военные годы // Российская история. — 2010. — № 4. — С. 94–106.

4. Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. — Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. — 174 с.

5. Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 4 (49). — С. 112–121.

6. Корнилов Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 3 (44). — С. 80–89.

7. Палецких Н. П. Социальная помощь детям и детским учреждениям на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного агроинженерного университета. — 1993. — № 2. — С. 23–32.

8. Палецких Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. — Челябинск: ЧГАУ, 2007. — 167 с.

9. Сперанский А. В. На войне, как на войне. Свердловская область в 1941–1945 гг. — Екатеринбург: Сократ, 2012. — 408 с.

10. Федорова А. В. Масштабы эвакуации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Чкаловской области) //Актуальные проблемы истории и права: сборник научных трудов. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2010. — С. 5–16.

Информация об авторе

Лаптева Юлия Владимировна — аспирант, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; e-mail: julya-kot@yandex.ru).

Lapteva Yu. V.

Retention of the Contingent of Students at Schools of the Urals during the Great Patriotic War

The Great Patriotic War was a period of severe trials for our country. One of the most vulnerable categories of the population was school-age children. The article analyzes the forms and directions of helping children through the educational institutions of the Sverdlovsk Region. They were they were the preservation of sanitary well-being, the organization of hot meals in schools, the repair of clothes and shoes, the improvement of children in pioneer camps and playgrounds during the holidays. The author comes to the conclusion about the importance of this activity for preserving the contingent of schoolchildren.

Keywords: the contingent of schoolchildren, Sverdlovsk region, the Great Patriotic war

References

1. In the name of victory. Sverdlovsk during the Great Patriotic War. 1941–1945 years / Gavrilov D. V., Guznenko Z. I., Kornilov G. E., Speransky A. V. and others. — Ekaterinburg: Basco, 2005. — 256 p.

2. Kornilov G. E. Poverty as a way of life: the Ural village in the military and post-war years (1941–1953) // The Urals Historical Herald. — 2013. — No. 3 (40). — P. 91–98.

3. Kornilov G. E. The population of Sverdlovsk in the war years // Russian history. — 2010. — No. 4. — P. 94–106.

4. Kornilov G. E. Ural village and war. Problems of demographic development. — Ekaterinburg: Uralagropres, 1993. — 174 p.

5. Kornilov G. E. Evacuation of the population to the Urals during the Great Patriotic War // Ural Historical Herald. — 2015. — No. 4 (49). — P. 112–121.

6. Kornilov G. E. Evolution of infant mortality in the Urals in the first half of the twentieth century // The Urals Historical Herald. — 2014. — No. 3 (44). — P. 80–89.

7. Paletskih N. P. Social Assistance to Children and Children's Institutions in the Urals during the Great Patriotic War // Bulletin of the Chelyabinsk State Agroengineering University. — 1993. — No. 2. — P. 23–32.

8. Paletskih N. P. Social resources and social policy in the Urals during the Great Patriotic War. — Chelyabinsk: ChGAU, 2007. — 167 p.

9. Speransky A. V. In war, as in war. The Sverdlovsk Region in 1941–1945. — Ekaterinburg: Socrates, 2012. — 408 p.

10. Fedorova A. V. Scales of evacuation during the Great Patriotic War (on the materials of the Chkalovsk region) // Actual problems of history and law. Collection of scientific works. — Orenburg: Orenburg State University, 2010. — P. 5–16.

Author

Lapteva Yulia Vladimirovna — postgraduate of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620990, Ekaterinburg, S. Kovalevskaya St., 16; e-mail: julya-kot@yandex.ru).

УДК 314.4

Сакаев В. Т.

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ И ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСКОЙ АССР В ПЕРИОД ОТТЕПЕЛИ[1]

Статья посвящена исследованию состояния здоровья и заболеваемости населения Татарской АССР в 1950–1960-е гг. Работа опирается на результаты общероссийских исследований, новые опубликованные статистические данные и архивные материалы. Цель работы заключалась в изучении динамики заболеваемости населения региона в указанный период, в выявлении факторов, оказавших влияние на эти процессы, а также в общей оценке состояния здоровья населения в изучаемый период. В ходе работы удалось определить динамику заболеваемости населения Татарской АССР острозаразными болезнями, туберкулезом, венерическими и иными заболеваниями, а также установить влияние на уровень заболеваемости таких факторов, как массовая вакцинация населения, в том числе детей, внедрение новых медицинских препаратов, расширение сети и повышение доступности медицинского обслуживания, улучшение жилищных условий, изменение характера питания, усиление урбанизационных процессов, а также негативное воздействие экологических условий. Результаты исследования позволили сделать вывод о серьезном изменении общего состояния здоровья населения республики по сравнению с первыми послевоенными годами. В частности, в конце 1950-х — 1960-е гг. улучшилась эпидемическая ситуация, были подавлены многие опасные заболевания, удалось снизить и общую заболеваемость населения, а также смертность от некоторых наиболее опасных и массовых инфекционных заболеваний. Следующий этап работы может быть связан с проведением сравнительного исследования для определения региональной специфики заболеваемости населения по сравнению с другими регионами РСФСР. Важно также проследить дальнейшую трансформацию заболеваемости и смертности населения республики в поздний советский период, что также должно стать предметом отдельного исследования.

Ключевые слова: Татарская АССР, население, заболеваемость, смертность, вакцинация, медицинское обслуживание

Вопросы, связанные с состоянием здоровья населения РСФСР в послевоенный период, становились предметом научных исследований, как в обобщающих работах, таких как «Демографическая история России: 1927–1959» [1], «Население российской деревни в 1939–1959 гг.: проблемы демографического развития» [3], «Население России в XX веке: исторические очерки» [8], «Население России: историко-демографическое измерение» [9], так и в специальных исследованиях. Здесь, в частности,

[1] © Сакаев В. Т. Текст. 2018.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17–11–16005-ОГН\18.

можно выделить работы Н.А. Араловец [2], разрабатывавшей причины смертности городского населения в указанный период, Е.А. Кваши [7], занимавшейся вопросами младенческой смертности, В.Ф. Зимы [6], работы которого затрагивали проблему влияния голода на состояние смертности в послевоенные годы. Изучению воздействия войны на состояние здоровья населения в 1940–1960 гг. посвящены работы В.Б. Жиромской [5], Ю. Полякова [10], Г.Е. Корнилова [9, с. 196–202], Б.Б. Прохорова [11] и др. исследователей. Среди работ, отражающих собственно региональную специфику Татарстана, можно выделить работы И.И. Ханиповой [15–17], работы которой посвящены изучению вопросов заболеваемости и смертности населения только в первые послевоенные годы, но не затрагивают периода оттепели. Автор уже рассматривал вопрос о динамике смертности населения в Татарстане в конце 1950–1960-х гг. в своих предыдущих публикациях, однако специально вопросы снижения заболеваемости населения как важнейшей причины сокращения смертности регионального населения прежде не изучались [13, 14]. В результате, имеется некоторая исследовательская лакуна, которая нуждается в отдельной разработке.

Основными источниками для исследования послужили материалы Национального архива Республики Татарстан, в частности, фонд Р-1296 «Статистическое управление Татарской АССР», а также опубликованные статистические данные[1]. В исследовании применялись общенаучные и специально-исторические методы исследования.

Цель исследования заключалась в определении динамики показателей заболеваемости населения Татарской АССР, выявлении факторов, оказавших на нее воздействие, общей оценке состояния здоровья населения региона в период «оттепели».

Общая картина заболеваемости населения Татарской АССР. Статистические данные о заболеваемости населения в конце 1950-х — начале 1960-х гг. свидетельствуют о достаточно противоречивых тенденциях (табл. 1). С одной стороны, мы наблюдаем снижение заболеваемости по таким болезням, как флегмоны и абсцессы, различные бронхолегочные болезни (бронхиты, воспаления легких и пневмонии), гастриты и колитэнтериты, болезни мочеполовой системы, с другой стороны, имел место рост заболеваемости онкологией, сердечно-сосудистыми болезнями, болезнями желудка и двенадцатиперстной кишки. При этом заболеваемость туберкулезом органов дыхания, воспалениями верхних дыхательных путей изменилась незначительно.

В определении причин столь разных тенденций заболеваемости в республике можно выделить следующее. Во-первых, несомненно, внедрение новых лекарственных препаратов, в первую очередь антибиотиков и противомикробных, вело к снижению ряда инфекционных заболеваний, прежде всего флегмон и абсцессов, а также бронхолегочных болезней.

[1] Республика Татарстан 1920–2000 гг. Стат. сб. / ред. В. П. Кандилов. Казань: Госкомстат РТ, 2001.

Таблица 1

Число зарегистрированных заболеваний в ТАССР в 1959–1963 гг.*

Заболевания	Число зарегистрированных заболеваний по годам				
	1959	**1960**	**1961**	**1962**	**1963**
Флегмоны и абсцессы	25167	23112	21197	13804	21054
Туберкулез органов дыхания	10002	10527	9626	11117	10924
Рак и другие злокачественные новообразования	3426	4016	4202	2182	4458
Воспаление острое верхних дыхательных путей	264778	224341	259784	229098	255237
Трахеобронхит, бронхит острый, хронический	32308	32386	33926	21629	27035
Крупозное воспаление легких	466	464	351	234	352
Очаговая пневмония	17504	17203	15748	14449	15162
Грудная жаба	1330	1353	1281	1061	1813
Инфаркт миокарда	410	502	542	516	697
Гастриты (острый и хронический) и воспаления тонких (энтерит) и толстых (колит) кишок	44026	46241	43630	27588	38864
Язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки	6577	6936	7254	5698	9159
Болезни почек и мочевых органов	15443	16418	18964	11144	14621
Всего заболеваний	421437	383499	416505	338520	399376

* Составлено по: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 891. Л. 200.

Во-вторых, влияние на заболеваемость населения оказали негативные экологические факторы, связанные с новым этапом индустриализации, развитием нефтедобычи и химической промышленности, что провоцировало онкологические заболевания. В-третьих, накопившееся перенапряжение организма военных лет и периода послевоенного восстановления народного хозяйства вело к росту числа сердечно-сосудистых заболеваний. На рост числа болезней пищеварительной системы влияли также широкое распространение общепита и массовое включение в рацион питания продукции пищевой промышленности (полуфабрикаты). Стесненные жилищные условия значительной части населения также становились дополнительными факторами заболеваемости.

Ситуация с инфекционными заболеваниями в ТАССР. В целом, в изучаемый период имело место сокращение числа некоторых инфекционных заболеваний. Причины этого заключались в реализации комплекса специальных мер, предусмотренных Минздравом СССР. В результате, поставленная цель была частично достигнута, и на уровне региона число случаев некоторых инфекционных заболеваний (дифтерия, полиомиелит, бруцеллез) действительно сократилось в несколько раз. В то же время мы наблюдаем,

Таблица 2

Число случаев наиболее опасных инфекционных заболеваний в ТАССР в 1959–1963 гг.*

Наименование заболевания	Число заболеваний по годам				
	1959	**1960**	**1961**	**1962**	**1963**
Брюшной тиф	252	235	231	177	146
Сальмонеллезы	20	167	174	132	110
Дизентерия	14920	13637	10383	9887	11083
Диспепсия токсическая у детей до 1 года	1825	1427	1053	1041	1069
Диспепсия у детей до 1 года	16185	10161	7094	6109	5422
Эпидемический гепатит	3334	6838	8622	5233	5233
Дифтерия	627	479	335	304	134
Полиомиелит	159	73	30	20	10
Сыпной тиф	97	127	78	53	64
Сибирская язва	2	9	2	3	9
Бруцеллез первичный	66	44	-	22	26
Столбняк	15	9	15	21	8
Грипп вирусный эпидемический и другие ОРЗ	380775	237420	334294	572549	418601

* Составлено по: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 735. Л. 119; Д. 891. Л. 122.

что в 1960 г. произошла вспышка сыпного тифа, в 1960–1961 гг. — вспышки эпидемического гепатита, в 1962–1963 гг. — была высокая заболеваемости гриппом и ОРЗ (табл. 2).

В 1959–1960 гг. высокими были также показатели заболеваемости дизентерией, причем, в основном в городской местности. Часто очаги дизентерии имели место в детских учреждениях (в основном, в яслях), что являлось следствием переполненности детских учреждений, поздней диагностики заболевания, поздней и неполной госпитализации, плохой работы в очаге инфекции, а также состояния водоснабжения в городах, проблем с канализацией, скученности населения в городских условиях.[1]

Имели место и районные особенности тех или иных заболеваний: например, бруцеллез и сибирская язва, а также дифтерия чаще фиксировались в сельских районах, в то время как сыпной тиф в основном в г. Казани.

Заболеваемость туберкулезом. В годы оттепели в целом удалось остановить распространение туберкулеза в республике, а во второй половине 1960-х гг. заболеваемость туберкулезом даже пошла на убыль (табл. 3). Причем в сельской местности заболеваемость туберкулезом была несколько ниже, и снижалась она ежегодно быстрее, чем в городской местности. Уменьшалась одновременно и заболеваемость активной формой туберкулеза.

На снижение заболеваемости туберкулезом повлияла комплексная программа, которая была разработана и реализована в соответствии с

[1] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 891. Л. 123.

Таблица 3

Заболеваемость туберкулезом в ТАССР в 1965–1967 гг.*

Местность	Показатели заболеваемости туберкулезом по годам					
	1965		1966		1967	
	чел.	на 10000 жителей	чел.	на 10000 жителей	чел.	на 10000 жителей
Республика Татарстан, в т. ч.:	21668	70,5	19332	62,0	16971	54,2
городская местность	10488	72,5	9746	65,2	9029	58,1
сельская местность	11181	68,8	9486	59,0	7942	50,1

* Составлено по: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 1067. Л. 139–141.

Постановлением Совета Министров СССР от 01.09.1960 г. № 972 «О мероприятиях по дальнейшему снижению заболеваемости туберкулезом» и соответствующим Приказом Минздрава СССР от 06.10.1960 г. № 426, которые провозгласили «считать ликвидацию туберкулеза как распространенного заболевания важнейшей задачей органов и учреждений здравоохранения на ближайшие годы». Программа имела широкий комплексный характер и предусматривала, в частности, обязательные профилактические осмотры всего населения не реже 1 раза в 2 года, проведение обязательных противотуберкулезных прививок всем не инфицированным туберкулезом детям, подросткам и учащимся ССУЗов и вузов, расширение сети противотуберкулезных ЛПУ, увеличение штатов медицинского персонала, отселение в отдельное жилье больных заразными формами туберкулеза и многие другие необходимые мероприятия. Например, на предмет выявления туберкулеза и других заболеваний в ТАССР только в 1962 г. было осмотрено 1 012 598 чел., в 1963 г. — 862 831 чел., в результате было выявлено за два года более 6300 чел. больных туберкулезом.[1]

Также благодаря активному жилищному строительству (с 1961 по 1965 гг. в РСФСР было построено 279,6 млн м^2. жилой площади и новое жилье получили около 32 млн чел.) из коммунальных квартир начали массово отселять больных туберкулезом [11]. Высокая заболеваемость туберкулезом постепенно стала снижаться благодаря использованию и новых лекарственных средств — антибиотиков [4].

В то же время, активную борьбу с туберкулезом сдерживал, например, недостаток некоторых категорий врачей. Так, в 1963 г. в республике имелось всего 177 врачей-фтизиатров, 210 врачей-рентгенологов, 348 врачей санитарно-противоэпидемической группы.[2]

Кроме снижения заболеваемости туберкулезом, удалось добиться и сокращения смертности от туберкулеза. Если в конце 1950-х гг. она в ТАССР составляла в среднем более 1000 умерших в год (1957 г. — 1655 чел., в

[1] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 891. Л. 194.

[2] Там же.

Таблица 4

Заболеваемость кожно-венерическими болезнями в ТАССР в 1963–1967 гг.*

Наименование заболевания	Количество заболевших по годам				
	1963	**1964**	**1965**	**1966**	**1967**
Сифилис всех форм, в т. ч.:	41	23	17	33	81
по городской местности	28	17	11	32	75
по сельской местности	13	6	6	1	6
Гонорея острая, в т. ч.:	1404	1760	1659	1721	1850
по городской местности	1260	1619	1541	1562	1755
по сельской местности	144	141	118	159	95
Гонорея хроническая, в т. ч.:	403	451	467	538	524
по городской местности	369	419	435	508	490
по сельской местности	34	32	32	30	34

* Составлено по: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 1067. Л. 92.

1958 г. — 1293 чел.)[1], то во второй половине 1960-х гг. она составляла уже несколько сот умерших в год (1965 г. — 807 чел., 1966 г. — 727 чел., 1967 г. — 694 чел.).[2]

Венерические заболевания. Хотя, еще в 1963 г. был издан Приказ Минздрава СССР «О мероприятиях по ликвидации заболеваемости сифилисом и резкому снижению гонореи в СССР» (№ 86 от 27.02.1963 г.), в рамках которого проводились дополнительные обследования и были предусмотрены иные дополнительные мероприятия, снизить заболеваемость в республике не удалось (табл. 4). В то же время, статистические данные можно трактовать и как результат улучшения системы выявления заболевших, что следует рассматривать как позитивный итог.

Как показывают архивные данные, 2/3 всех заболевших гонореей в середине 1960-х гг. приходилось на г. Казань, еще 15–20 % на другие городские поселения, остальные — на сельскую местность.[3] Так, в 1967 г. на 10 тыс. жителей приходилось в г. Казани 23,0 заболевших гонореей, в других городских поселениях — 5,2 заболевших, а в сельской местности — 0,7 заболевших.[4] Причем, хотя среди всех заболевших гонореей мужчины, например, в 1967 г. составляли 61,3 %, то среди заболевших острой гонореей мужчин было в 3 раза больше, чем женщин, тогда как среди заболевших хронической гонореей женщин было в 8–9 раз больше, чем мужчин.[5] По возрасту среди заболевших преобладали молодые люди и девушки в возрасте до 29 лет. [6]

[1] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 730. Л. 64–65.
[2] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 1067. Л. 139–141.
[3] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 1067. Л. 96.
[4] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 1067. Л. 98.
[5] Там же.
[6] Там же.

Таблица 5

Заболеваемость трахомой в ТАССР*

Характеристика учета заболеваемости	Количество учтенных по годам		
	1957	**1958**	**1959****
Состояло на учете на начало года	41182	41267	23526
Вновь взято на учет больных	17860	11076	4541
Снято с учета в связи с излечением	14663	25433	10953
Выбыло с учета недолеченных	3112	3374	1223
Из общего числа охвачено лечением	15479	50223	26517
Состоит на учете на конец года, в т. ч.:	41267	23526	15891
1 и 2 стадии	135	52	—
3 стадии	41132	23474	—
Из общего числа было:			
детей до 6 лет	3375	2004	1852
Детей до 14 лет	6283	3720	2976

* Источник: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 746. Л. 10–11.

** Данные за 11 месяцев.

Заболеваемость трахомой. Менее опасным, но не менее распространенным, чем туберкулез, было такое заболевание как трахома. Борьба с трахомой тоже в этот период носила системный характер. Для борьбы с ней в республике было развернуто 916 глазных коек, в том числе в Казани — 225, остальные в районах и городах, также были созданы 3 трахоматозных диспансера в Казани, Альметьевске и Мензелинске, а в ряде районов (Октябрьский, Билярский, Мамадышский, Дрожжановский и др.) были открыты трахоматозные диспансерные отделения при районных больницах. В целях распространения среди населения информации о мерах профилактики трахомы, было выпущено 9700 цветных плакатов и 5000 листовок. Всего тогда удалось выявить и обследовать более 13 тысяч очагов трахоматозной инфекции в республике.[1]

Благодаря усилиям медиков и налаженной системе профилактической и лечебной работы в конце 1950-х гг. заболеваемость трахомой в республике удалось снизить в 2,6 раза, а в 18 районах из 48 районов республики трахома была полностью ликвидирована (табл. 5). Причем результаты могли бы быть более существенными, однако двухкратным ежедневным лечением было охвачено всего 30 % больных, значительная часть больных лечилась нерегулярно, а 20 % вообще не лечились, что провоцировало высокий уровень рецидива (21–27 % в 1958 г. и 8–9 % в 1959 г.). Ситуацию усугубляла и нехватка врачей-окулистов (10 районов республики вообще не имели специалистов такого профиля).[2]

Динамика смертности населения от инфекционных заболеваний. Одним из показателей состояния здоровья населения ТАССР может

[1] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 746. Л. 10–14.

[2] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 746. Л. 14.

Таблица 6

Число вакцинаций против некоторых инфекционных заболеваний в ТАССР в 1960–1963 гг.

Наименование прививки	Число вакцинаций по годам			
	1960	**1961**	**1962**	**1963**
Вакцинация против дифтерии	101435	87720	68697	98160
Ревакцинация против дифтерии	273564	291321	54507	298622
Вакцинация против брюшного тифа	399517	418632	190197	684250
Вакцинация против бруцеллеза	3534	4645	1290	609
Ревакцинация против бруцеллеза	1809	332	922	389
Прививка против кори	23177	31675	27567	20195
Прививка против сибирской язвы	3131	1701	4809	3789

* Составлено по: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 891 Л. 126.

служить статистика смертности от инфекционных заболеваний. Следует отметить, что благодаря серьезным усилиям советской медицины, по ряду инфекционных заболеваний ситуацию к середине 1960-х гг. удалось стабилизировать. Так, существенно снизилась смертность от туберкулеза, кори, коклюша, дизентерии, крупозного воспаления легких и т. д.[1]. Поэтому мы можем констатировать общую нормализацию ситуации с инфекционными заболеваниями в республике в этот период.

Статистические данные демонстрируют, что смертность от большинства инфекционных заболеваний в указанный период существенно снизилась и у детей до 1 года, за исключением такого заболевания, как токсическая диспепсия.[2] Необходимо подчеркнуть, что определяющими факторами в структуре младенческой смертности в городах и сельской местности Татарской АССР в первые послевоенные годы являлись воспаления легких, токсическая диспепсия и острый гастроэнтероколит [15, с. 114]. Спустя 15 лет при сокращении количественных показателей смертности детей в возрасте до 1 года, ее структура оставалась практически неизменной — более 2/3 всех смертей приходилось именно на эти 3 заболевания.

Что же повлияло на состояние здоровья и заболеваемость населения республики в указанный исторический период

Несомненно, на ситуацию с инфекционными заболеваниями в плане снижения их показателей, повлияла массовая вакцинация населения, масштабы которой в этот период действительно впечатляют (табл. 6). Известно, например, что в СССР с 1954 г. началось эпидемическое распространение полиомиелита, однако к началу 1960-х гг. благодаря вакцинации эпидемические вспышки этого тяжелого заболевания удалось ликвидировать, аналогично, и проведение массовой иммунопрофилактики

[1] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 730. Л. 64–65; Д. 870. Л. 130–131; Д. 891. Л. 148–149.

[2] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 746. Л. 78–79; Д. 870. Л. 132–133; Д. 891. Л. 150–151.

Таблица 7

Количественные показатели развития системы здравоохранение в ТАССР*

Показатель	Значение показателя по годам			
	1940**	**1960**	**1965**	**1970**
Число больничных учреждений (без госпиталей)	161	262	275	287
в них коек, тыс.	10,5	21,4	26,8	31,8
Число больничных коек на 10000 населения	36,2	72,5	87,0	100,3
Число амбулаторно-поликлинических учреждений	418	413	407	386
Число фельдшерско-акушерских пунктов	726	1704	1820	1824
Число женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий	130	230	237	283
Врачей всех специальностей	1806	5237	6068	7169
В том числе, на 10 000 населения	6,2	17,8	19,7	22,6
Среднего медицинского персонала	5381	17270	19890	24182
В том числе, на 10000 населения	18,5	58,6	64,8	76,8

* Источник: Республика Татарстан 1920–2000 гг. Стат. сб. / ред. В. П. Кандилов. Казань, 2001. С. 276.

** Для информации.

дифтерии позволило с 1955 по 1976 гг. снизить заболеваемость в стране в 987 раз [11].

Причем число вакцинаций по большинству заболеваний из года в год увеличивалось, например, существенно выросло число ревакцинаций против дифтерии и вакцинаций против брюшного тифа. В то же время, по целому ряду вакцинаций (например, бруцеллезу) планы выполнены не были.[1]

Бесспорно, к причинам снижения заболеваемости в ТАССР в 1960-е гг. можно отнести и серьезное усиление системы здравоохранения, динамика потенциала которой отражена в таблице 7. Как известно, Постановлением Совета министров СССР № 58 от 14.01.1960 г. «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» были поставлены следующие задачи: «…Осуществить мероприятия, обеспечивающие ликвидацию дифтерии, туляремии, сифилиса, полиомиелита и ряда заболеваний, имеющих местное распространение (малярия, анкилостомоз, трахома и другие), а также резкое снижение заболеваемости брюшным тифом, коклюшем, аскаридозом, острыми кишечными инфекциями и бруцеллезом». Именно это Постановление предусматривало расширение сети ЛПУ, увеличение числа коек в них и широкое их оснащение новой медицинской техникой.

Фактором, оказавшим воздействие на уровень заболеваемости в республике, стали и расширяющиеся урбанизационные процессы. Конечно, санитарно-гигиеническая обстановка в городах была несравненно лучше, чем в сельской местности, более доступной была и медицинская помощь

[1] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 891. Л. 126.

населению, что, казалось бы, положительно влияло на качество здоровья населения в условиях роста численности горожан, однако многие недавно созданные городские поселения в сфере благоустройства и образа жизни мало чем отличались от сельских поселений [11]. В Татарской АССР к числу таких новых городских поселений с относительно невысоким уровнем жизни можно отнести в этот период более десятка рабочих поселков и, по крайней мере, 3 города — Альметьевск, Лениногорск и Менделеевск. Конечно же, это влияло на состояние здоровья и уровень заболеваемости населения.

Подводя итог, следует отметить, что в послевоенный период в Татарской АССР, как и в целом в Советском Союзе, была практически завершена первая эпидемиологическая революция. Была полностью ликвидирована натуральная оспа, исчез возвратный тиф, до отдельных спорадических случаев сократилась заболеваемость сыпным и брюшным тифом, почти исчезли холера, малярия и туляремия. В послевоенный период были достигнуты заметные результаты в лечении и предупреждении ряда инфекционных заболеваний, в первую очередь, туберкулеза всех форм. Серьезных успехов в предупреждении тяжелых инфекционных заболеваний у детей (например, полиомиелита) удалось добиться и благодаря практике массовой иммунопрофилактики.

В результате, с конца 1950-х гг. до середины 1960 гг. практически на 5 % сократилась общая заболеваемость населения, при том что численность населения республики за этот же период выросла почти на 8 %. Таким образом, можно констатировать серьезное улучшение состояния здоровья населения региона в указанный период, а также отметить существенные сдвиги в структуре смертности от экзогенных причин к эндогенным, то есть сокращение смертности, в первую очередь, от инфекционных заболеваний.

Список источников

1. *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Демографическая история России. — 1927–1959. — М. : Информатика, 1998. — 187 с.

2. *Араловец Н. А.* Тип смертности городского населения РСФСР в конце 1950-х гг. // Уральский исторический вестник. — 2017. — № 4 (57). — С. 63–67.

3. *Вербицкая О. М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. — М. : ИРИ РАН, 2002. — 318 с.

4. *Двойрин М. С.* Туберкулез в эру антибиотиков. Эпидемиология и статистика. — Киев: Здоровье, 1966. — 255 с.

5. *Жиромская В. Б.* Жизненный потенциал послевоенных поколений в России. Историко-демографический аспект. 1946–1960. — М.: Издательский центр РГГУ, 2008. — 311 с.

6. *Зима В. Ф.* Голод, медицина, власть. 1946–1947 годы // Отечественная история. — 2008. — № 1. — С. — 117–126.

7. *Кваша Е. А.* Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–55.

8. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3-х т. Т. 3, Кн. 1: 1960–1979 г. — М.: РОССПЭН, 2005. — 304 с.

9. Население России. Историко-демографическое измерение / сост. В. Б. Жиромская; отв. ред.: В. Б. Жиромская, Ю. А. Петров. — М. : ИРИ РАН, 2016. — 296 с.

10. *Поляков Ю., Жиромская В., Араловец Н.* «Демографическое эхо» войны // Война и общество, 1941–1945: в 2-х кн. Кн. 2. под ред. Г. Н. Севостьянова. — М.: Наука, 2004. — С. 232–264.

11. *Прохоров Б. Б.* Общественное здоровье в России за 100 лет. 1897–1997 // Россия в окружающем мире. 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rus-stat.ru/index.php?vid=1&year=2000 (дата обращения: 07.05.2018).

12. Республика Татарстан 1920–2000 гг. Стат. сб. / ред. В. П. Кандилов. — Казань : Госкомстат РТ, 2001. — 304 с.

13. *Сакаев В.* Детерминанты и социальные последствия трансформации смертности в Татарской АССР в конце 1950-х — 1960-е гг. Взгляд через 50 лет // Власть. — 2017. — № 12. — С. 43–49.

14. *Сакаев В. Т.* Административно-территориальные изменения в Татарской АССР в период хрущевской модернизации // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Сб. науч. ст. Мат-лы VIII междунар. Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17 нояб. 2017 г. / сост. И. В. Маслова, И. Е. Крапоткина, Г. В. Бурдина. — Елабуга, 2017. — С. 367–371.

15. *Ханипова И.* Демографические характеристики населения Татарской АССР в 1945–1950 гг. // Власть. — 2017. — № 12. — С. 109–116.

16. *Ханипова И. И.* Заболеваемость и смертность детей в Татарской АССР в 1920-е — начале 1950-х гг. // Уральский исторический вестник. — 2017. — № 4 (57). — С. 81–90.

17. *Ханипова И.* Уровень заболеваемости и смертности населения Татарской АССР в 1945–1950 гг. // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Сб. науч. ст. Мат-лы VIII междунар. Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17 нояб. 2017 г. / сост. И. В. Маслова, И. Е. Крапоткина, Г. В. Бурдина. — Елабуга, 2017. — С. 151–154.

Информация об авторе

Сакаев Василь Тимерьянович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, e-mail: sakaev2003@mail.ru).

Sakaev V. T.

Health Status and Morbidity of the Population of the Tatar Assr during the Khrushchev's «Thaw»

Article is devoted to the research of the health status and morbidity of the population of the Tatar ASSR in 1950s — 1960th. Work relies on the results of the all-Russian researches, new published statistic dates and archival materials. The purpose of work consisted in studying of dynamics of morbidity of the regional population, in identification of the factors which have exerted impact on these processes and also in the general assessment the health status of the population during the studied period. During work it was succeeded to determine dynamics of morbidity of the population of the Tatar ASSR from the highly infectious diseases, tuberculosis, venereal and other diseases and also to establish influence on morbidity such factors as mass vaccination of the population, including children, inculcation of new medications, expansion of network and increase in availability of medical care, improvement of living conditions, change of character of food, strengthening of urbanization processes and also negative impact of ecological conditions. Results of a research have allowed to draw a conclusion on serious change of the general state of health of the regional population in comparison with the first post-war years. In particular, in the late 1950s -1960th the epidemic situation had improved, many dangerous diseases have been suppressed, it was succeeded to reduce also the general morbidity of the population

and also to reduce the mortality from the most dangerous and mass diseases. The following stage of work can be connected with carrying out a comparative research for determination of regional specifics of the morbidity of population in comparison with other districts of Russia. It is also important to study further transformation of morbidity and mortality of the population of the Tatar ASSR during the late Soviet period that also has to become a subject of a separate research.

Keywords: Tatar ASSR, population, morbidity, mortality, vaccination, medical service.

References

1. Andreev E. M., Darskij L. E., Har'kova T. L. Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959. — M.: Informatika, 1998. — 187 s.

2. Aralovec N. A. Tip smertnosti gorodskogo naseleniya RSFSR v konce 1950-h gg. // Ural'skij istoricheskij vestnik. — 2017. — № 4 (57). — S. 63–67.

3. Verbickaya O. M. Naselenie rossijskoj derevni v 1939–1959 gg.: problemy demograficheskogo razvitiya. — M.: IRI RAN, 2002. — 318 s.

4. Dvojrin M. S. Tuberkulez v eru antibiotikov (Epidemiologiya i statistika). — Kiev: Zdorov'e, 1966. — 255 s.

5. Zhiromskaya V. B. Zhiznennyj potencial poslevoennyh pokolenij v Rossii: istoriko-demograficheskij aspekt (1946–1960). — M.: Izdatel'skij centr RGGU, 2008. — 311 s.

6. Zima V. F. Golod, medicina, vlast': 1946–1947 gody // Otechestvennaya istoriya. -2008. — № 1. — S. 117–126.

7. Kvasha E. A. Mladencheskaya smertnost' v Rossii v XX veke // Sociologicheskie issledovaniya. — 2003. — № 6. — S. 47–55.

8. Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki: v 3-h t. / T. 3, kn. 1: 1960–1979 g. — M.: ROSSPEN, 2005. — 304 s.

9. Naselenie Rossii: istoriko-demograficheskoe izmerenie / sost. V. B. Zhiromskaya; otv. red.: V.B. Zhiromskaya, Yu.A. Petrov. — M.: IRI RAN, 2016. — 296 s.

10. Polyakov Yu., Zhiromskaya V., Aralovec N. «Demograficheskoe ehkho» vojny // Vojna i obshchestvo, 1941–1945: v 2-h kn. / Kn. 2. Pod red. G.N. Sevost'yanova. — M.: Nauka, 2004. — S. 232–264.

11. Prohorov B. B. Obshchestvennoe zdorov'e v Rossii za 100 let (1897–1997) // Rossiya v okruzhayushchem mire: 2000 [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.rus-stat.ru/index.php?vid=1&year=2000 (rezhim dostupa: svobodnyj, data obrashcheniya: 07.05.2018).

12. Respublika Tatarstan 1920–2000 gg.: statisticheskij sbornik / Red. V.P. Kandilov. — Kazan': Goskomstat RT, 2001. — 304 s.

13. Sakaev V. Determinanty i social'nye posledstviya transformacii smertnosti v Tatarskoj ASSR v konce 1950-h — 1960-e gg.: vzglyad cherez 50 let // Vlast'. — 2017. — № 12. — S. 43–49.

14. Sakaev V. T. Administrativno-territorial'nye izmeneniya v Tatarskoj ASSR v period hrushchevskoj modernizacii // Rossijskaya provinciya kak sociokul'turnoe pole formirovaniya grazhdanskoj i nacional'noj identichnosti: Sb. nauch. st.: Materialy VIII Mezhdunarodnyh Staheevskih chtenij, Elabuga, 16–17 noyabrya 2017 g. / Sost. I.V. Maslova, I.E. Krapotkina, G.V. Burdina. — Elabuga, 2017. — C. 367–371.

15. Hanipova I. Demograficheskie harakteristiki naseleniya Tatarskoj ASSR v 1945–1950 gg. // Vlast'. — 2017. — № 12. — S. 109–116.

16. Hanipova I. I. Zabolevaemost' i smertnost' detej v Tatarskoj ASSR v 1920-e — nachale 1950-h gg. // Ural'skij istoricheskij vestnik. — 2017. — № 4 (57). — S. 81–90.

17. Hanipova I. Uroven' zabolevaemosti i smertnosti naseleniya Tatarskoj ASSR v 1945–1950 gg. // Rossijskaya provinciya kak sociokul'turnoe pole formirovaniya grazhdanskoj i nacional'noj identichnosti: Sb. nauch. st.: Materialy VIII Mezhdunarodnyh Staheevskih chtenij, Elabuga, 16–17 noyabrya 2017 g. / Sost. I. V. Maslova, I. E. Krapotkina, G. V. Burdina. — Elabuga, 2017. — S. 151–154.

Author

Sakaev Vasil Timer`yanovich — Candidate of historical science, senior researcher, Center for Islamic studies of the Tatarstan Academy of science (Russia 420111, Kazan, Bauman str., 20, e-mail: sakaev2003@mail.ru).

УДК

Славина Л. Н.

МЕЖДУ ДВУМЯ «РУССКИМИ КРЕСТАМИ»: ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПОСТСОВЕТСКИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ[1]

В данной работе рассмотрены основные тенденции развития процесса воспроизводства населения в сибирской деревне в постсоветский период на примере населения Красноярского края. Цель исследования — выяснить, какой характер приобрел этот процесс в условиях радикальной трансформации сельского общества и какие особенности он имел в сибирских условиях. Выбор темы обусловлен ее недостаточной разработкой на общероссийском уровне и слабой изученностью в масштабах сибирских регионов. Все процессы в красноярской деревне рассмотрены в сравнении с аналогичными в городах края и сельской местности России в целом. Информационную базу исследования составили итоги всеобщих переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., микропереписи 1994 г., текущая демографическая статистика. На основе статистического анализа динамики численности населения, уровня рождаемости и смертности показывается, что количественно демографический потенциал красноярских деревень с начала 1990-х гг. существенно уменьшился, утеряны положительные отличия половозрастной структуры населения. Исследование показало, что процесс воспроизводства сельского населения неустойчив и очень зависит от внешних условий. Их улучшение вызвало краткий рост рождений с начала реализации в 2007 г. национальных и краевых демографических проектов. Неустойчивость процесса воспроизводства обязывает отслеживать все его колебания, поскольку главным условием разработки эффективной демографической политики является знание всех тенденций рождаемости и смертности и определяющих их факторов в региональных масштабах.

Ключевые слова: сельское население, Красноярский край, воспроизводство населения, демографическая политика

При постоянном внимании науки и общества к демографическим проблемам постсоветской России считать их хорошо изученными рано. События трактуются по-разному, нет общего видения сущности происходящего. Это вызывает необходимость более глубокого изучения процесса воспроизводства населения страны и отдельно — ее регионов, сельских и городских популяций, поскольку демографическая ситуация в городах и деревнях, на разных территориях имеет различия, которые должны быть проанализированы и осознаны. Пока же представители всех наук обычно рассматривают население в целом.

Для более точной оценки демографической ситуации в современной России нужен ее анализ в широком историческом контексте. К сожалению,

[1] © Славина Л. Н. Текст. 2018.

актуальная для историков проблема научного осмысления социально-демографической трансформации России в последнюю четверть века решена слабо [2, 3, 4, 5]. Мало специальных работ о сельском населении страны и ее регионов, а имеющиеся освещают в основном 1990-е гг.[1] Практически не изучается сельское население постсоветской Сибири и ее территорий.

В данной работе анализируется демографическое развитие сельского населения Сибири в постсоветские десятилетия на примере жителей Красноярского края. Ее цель определена неизученностью темы и состоит в реконструкции процесса воспроизводства населения в красноярских деревнях, выявлении в нем общих и специфических краевых тенденций, оценке трендов воспроизводственных процессов и современной демографической ситуации на изучаемой территории. Информационную базу исследования составили текущая статистика естественного движения населения и итоги всеобщих переписей 1989, 2002 и 2010 гг., микропереписи 1994 г. Цифры показывают, что краевые характеристики естественного движения населения принципиально не отличаются от аналогичных среднероссийских. Но край обладает выраженной спецификой.

В демографическом развитии красноярской деревни последней четверти века выделяются три периода — 1990-е гг., 2000–2006 гг., 2007 г. — настоящее время. Они различаются рядом признаков, в том числе степенью участия государства в регулировании демографических процессов. В первый период демографическая, прежде всего репродуктивная, сфера оставалась фактически «без присмотра государства» и развивалась «сама собой», без внешней помощи. Во втором периоде, несмотря на возросшее внимание властей к проблемам населения, мало что изменилось. В третьем периоде политика активизировалась и была подкреплена материальными и финансовыми ресурсами. Вторым, решающим, фактором демографического развития выступало социально-экономическое положение в стране и, в частности, в деревне.

В последние советские годы показатели воспроизводства населения в деревнях края отличались от среднероссийских (табл. 1). В 1991 г. общий коэффициент смертности составлял там 11,9 ‰. Он был ниже среднего по селам РСФСР (13,4 ‰) благодаря более молодой возрастной структуре сибиряков. Но уровень смертности у них был выше во всех возрастах, начиная с младенцев. Наибольший разрыв — в 1,5 раза — отмечался в группе 15–24 года, а в когортах от 25 до 70 лет — в 1,2–1,4 раза[1]. Рождаемость также была выше — 15,2 ‰ (14,5 ‰ в РСФСР), как и естественный прирост — 3,3 ‰. Но все показатели с 1987 г. ухудшались.

В 1990-е годы красноярская деревня вступила на волнах роста смертности и спада рождаемости. Начавшиеся реформы резко ускорили эти процессы. С 1987 по 1994 гг. общий коэффициент смертности вырос с 10,8

[1] Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. С. 222; Естественное движение населения Красноярского края: стат. сб. Красноярск: б. и., 1996. С. 76.

Таблица 1

Общие коэффициенты воспроизводства населения России и Красноярского края в 1991–2016 гг., ‰*

Территория	1991 г.			2000 г.			2005 г.			2016 г.		
	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост
РФ, село	14,5	13,4	1,1	9,8	17,1	–7,3	11,0	18,6	–7,6	12,2	14,2	–2,0
Красноярский край: село	15,2	11,9	3,3	10,6	17,8	–7,2	11,8	20,7	–8,9	13,3	15,7	–2,4
город	12,2	9,0	3,2	8,9	13,8	–4,7	10,6	14,2	–3,6	14,0	11,5	2,5

Примечание:

* Составлено по: Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М.: РИИЦ, 1992. С. 124, 125, 130; Демографический ежегодник Красноярского края. 2011: стат. сб. Красноярск: б. и., 2012. С. 28–29; Красноярский краевой статистический ежегодник: стат. сб. Красноярск: б. и., 2017. С. 42; Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 39.

до 16,8 ‰ — огромной, но еще не самой большой величины. Сократилась рождаемость с 20,9 ‰ в 1987 г. до 11,8 ‰ в 1993 г. (с 3,5 до 2,0 ребенка на женщину). Отрицательный естественный прирост населения в красноярских деревнях — сразу –3,5 ‰ — был впервые зарегистрирован в 1993 г.[1] Депопуляция перешла в открытую форму в крае на год позднее, чем в России в целом. Ее появление обусловило и в дальнейшем «подпитывало» ухудшение структурных факторов и развитие «антивоспроизводственных» черт в репродуктивном, самосохранительном, матримониальном поведении граждан. Таким образом, постсоветский период в селах Красноярского края, как повсюду в России, начался с резкого обострения демографического кризиса, которое принято изображать на графике в виде «русского креста». В красноярских деревнях пересечение кривых из-за более быстрого спада числа рождений и взлета смертей получило больший разлет, чем в целом в селах России и в городах края. Но вряд ли стоит оценивать ту ситуацию как демографическую катастрофу.

Уровень рождаемости у красноярцев упал не до беспрецедентно низкого уровня. Кризис воспроизводства сельского населения обострился в основном из-за взлета смертности. В 1992–1994 гг. число ежегодных смертей увеличилось на 39,8 %. Уровень смертности поднялся во всех возрастах, но больше в рабочих. Из-за этого она «помолодела» — среди умерших повысилась доля лиц трудоспособного возраста, чаще мужчин. Коэффициент

[1] Естественное движение населения Красноярского края. С. 89, 90.

Таблица 2

Коэффициенты младенческой смертности в Российской Федерации и в Красноярском крае в 1991–2016 гг., ‰*

Территория	1991 г.	1999 г.	2000 г.	2005 г.	2012 г.	2013 г.	2016 г.
РФ, село	19,1	18,8	16,8	12,7	10,1	9,4	7,6
Красноярский край: село	24,7	32,0	29,2	18,2	13,6	12,8	9,6
город	19,5	21,8	18,8	12,4	8,4	6,7	4,9

Примечание:

* Составлено по источникам табл. 1.

младенческой смертности вырос в 1991–1993 г. с 24,7 до 27,7 ‰ против 21,4 ‰ по селам России в целом (табл. 2).

Смертность у красноярцев в 1992–1994 гг. поднялась от всех классов причин. Сердечно-сосудистые заболевания вызвали ее рост в 1,4 раза, онкологические — в 1,1, внешние воздействия и инфекции — в 1,6, в том числе туберкулез — в 1,8 раза.

Сильно сократилась продолжительность жизни. В 1987 г. она составляла 61,9 года у мужчин и 74,4 года у женщин (лучшие показатели в истории красноярской деревни), а в 1994 г. — соответственно 54,2 и 68,0 года[1].

С 1995 г. активность демографического кризиса в красноярских деревнях ослабла. Общий коэффициент смертности стабилизировался на уровне 15,4–15,7 ‰, рождаемости — на уровне 10,3–10,9 ‰. Но экономический кризис 1998 г. вызвал новое обострение: в 1999 г. рождаемость упала до 10,0 ‰, смертность поднялась до 16,8 ‰, и снова начался ее устойчивый рост.

За 1990-е гг. демографическое развитие красноярской деревни сильно отклонилось от трендов, характерных для развитых стран. Количество рождений с 1991 по 1999 гг. снизилось на треть — с 15,2 до 10,6 на 1000 жителей. Суммарный коэффициент рождаемости упал к 1999 г., как и в селах России, до исторического минимума — 1,661 и 1,534 соответственно (табл. 3). Число смертей выросло наполовину — с 11,9 до 17,8 на 1000 чел. Негативные тенденции превалировали в развитии младенческой смертности. Ее уровень — обобщающий показатель степени благополучия общества — был слишком высок и продолжал расти. В 1999 г. он достиг 32,0 ‰, — на 29,6 % превысив показатель 1991 г. и стал таким, как в 1960 г. В городах края и по селам России младенческая смертность была намного ниже (табл. 2)

Продолжительность жизни красноярцев сократилась с 66,0 лет в 1991 гг. до 60,4 года в 2000 г. — на 5,6 года (табл. 4). Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин была слишком большой и продолжала увеличиваться. В 1991 г. она составляла 11,2 года (60,8 и 72,0 года соответственно), в 2000-м — 13,6 года (54,4 и 68,0 года). У горожан края перспективы были

[1] Подсчитано по: Естественное движение населения Красноярского края. С. 78–80

Таблица 3

Суммарные коэффициенты рождаемости в России и Красноярском крае в 1991–2014 гг.*

Территория	1991 г.	1993 г.	1999 г.	2005 г.	2009 г.	2014 г.
РФ, село	2,447	1,913	1,534	1,556	1,941	2,318
Красноярский край: село	2,629	2,043	1,661	1,808	2,161	2,908
город	1,505	1,169	1,049	1,166	1,386	1,610

Примечание:

* Составлено по источникам табл. 1.

Таблица 4

Ожидаемая продолжительность жизни в Российской Федерации и в Красноярском крае при рождении в 1990–2016 гг., лет*

Территория	1990–1991 гг.			2000 г.			2005 г.			2016 г.		
	О. п.	Муж.	Жен.	О. п.	Муж.	Жен.	О. п.	Муж.	Жен.	О. п.	Муж.	Жен.
РФ, село	67,7	61,7	73,9	64,3	58,1	71,7	63,4	57,2	71,1	70,5	65,4	76,1
Красноярский край: село	66,0	60,8	72,0	60,4	54,4	68,0	59,5	53,9	66,7	66,5	61,2	72,9
город	68,2	62,8	73,5	63,2	56,7	70,4	64,3	57,7	71,6	71,7	65,3	76,5

Примечание:

* Составлено по: Численность, состав и движение... С. 393, 398; Демографический ежегодник России. 2017. С. 46; Красноярский краевой статистический ежегодник. С. 43.

лучше. Им предстояло жить 63,2 года, в том числе мужчинам — 56,7, женщинам — 70,4. У сельских жителей России показатели были выше — соответственно 64,3, 58,1 и 71,7 года

Параметры показателей воспроизводства населения и их отрицательная динамика заставляют оценить демографическую ситуацию в сельской местности края в 1990-х гг. как остро кризисную. Это отразилось в прогрессирующей естественной убыли населения. Ее размеры, составившие в 1993 г. 3,5 чел. на тысячу жителей, выросли к 1999 г. до 6,8 чел., а в 2000-м — до 7,2 чел. В 1993 г. деревня потеряла из-за депопуляции 2920 чел., в 2000 г. — 5410.

Главным фактором воспроизводственных процессов и одновременно следствием являлось изменение половозрастной структуры сельских жителей. Его характер отрицательно влиял на демографическую сферу с двух «сторон». Сокращение удельного веса женщин репродуктивного возраста вызывало уменьшение рождений, а рост доли старших поколений увеличивал число смертей. Параметры половозрастной структуры были зыбкими — сказывалось «эхо войны». Соответственно колебались все демографические показатели. Единственным устойчивым трендом являлся рост доли старших возрастов. Красноярская деревня «старела» быстро. В начале

Таблица 5

Распределение сельского населения Российской Федерации и Красноярского края по основным возрастным группам в 1992–2017 гг., %*

Возрастные категории	1992 г.**		2002 г.		2010 г.		2017 г.**	
	РФ	Кр. край	РФ	Кр. край	РФ	Кр. край	РФ	Кр. край
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе в возрасте:								
моложе трудоспособного	26,5	28,0	21,5	22,5	18,7	19,5	20,1	21,6
трудоспособном	50,7	53,4	56,0	57,4	59,2	59,4	54,3	52,8
старше трудоспособного	22,8	18,6	22,5	20,1	22,1	21,1	25,5	25,6
В том числе:								
60 лет и старше	19,7	14,2	20,7	18,4	18,5	17,1	21,2	21,0
65 лет и старше	12,8	8,5	15,1	13,1	13,5	11,8	14,4	13,3

Примечание:

* Рассчитано по: Численность, состав и движение... С. 85, 89; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: в 14 томах. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. М.: Статистика России, 2004. С. 14, 236; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 томах. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. М.: Статистика России, 2012. С. 16, 240; Красноярский краевой статистический... С. 37, 38; Демографический ежегодник России. 2017. С. 146.

** 1992 и 2017 гг. — на 1 января, 2002 и 2010 гг. — на момент переписи.

1992 г. лица 60 лет и старше составляли в ее населении 14,2 %, что соответствовало «среднему уровню старости», а в 2002 г. — уже 18,4 %, это «очень высокий» уровень (табл. 5). Красноярцы были «старыми» и по критерию ВОЗ — доле лиц 65+. Рубеж начала «старости» в 7 % они преодолели в конце 1980-х гг., а в 2002 г. превысили его почти вдвое.

Красноярцы, будучи в советский период заметно моложе среднестатистических сельчан России, быстро теряли это преимущество. Разница в удельном весе лиц пенсионного возраста, составлявшая 4,2 п. п. в начале 1992 г., сократилась до 2,1 п. п. в 2002 г. Сблизился удельный вес детей (соответственно 22,5 и 21,5 %) и трудоспособных (57,4 и 56,0 %). Уменьшилась разница в демографической нагрузке на работающее население с 27 до 14 чел.

В XXI век красноярская деревня входила, как большинство регионов России, в состоянии устойчивой депопуляции и углубляющегося кризиса воспроизводства населения. Число ее жителей сократилось из-за естественной убыли в 1993–1999 гг. на 27,9 тыс. чел.Эти потери усугублялись миграционным оттоком из деревни, но смягчались преобразованием городских поселений в сельские. Общим же результатом стало сокращение сельского населения в крае на 7,8 % — с 825,4 тыс. чел. в 1991 г. до 761,4 тыс. в 1999 г.[1]

[1] Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. С. 28–29.

В 2000–2005 гг. население красноярских деревень вместе со всеми россиянами пыталось, в основном собственными силами, выбраться из «демографической ямы», в которой очутилось. Этому помогал подъем экономики. Помощь государства, как и в 1990-х гг., оставалась больше символической, несмотря на «демографические декларации» властей всех уровней. Принятые в 2002 г. государством меры (увеличение пособия при рождении ребенка до 4500 руб., пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет, если мать не работала, до 500 руб.) не стимулировали рост репродуктивных планов. Основное детское пособие осталось в размере 70 руб. в мес. (для одиноких матерей и отцов — 140 руб.), да и то часто не выплачивалось.

Положение в красноярских селах в начале 2000-х гг. еще ухудшилось. Репродуктивный процесс фактически переживал стагнацию. Число ежегодных рождений выросло лишь с 10,6 на 1000 чел. в 2000 г. до 11,8 в 2005 г., суммарный коэффициент рождаемости — до 1,808. Но произошел всплеск смертности — с 17,8 чел. на 1000 жителей в 2000 г. до 20,7 чел. в 2005 г. (см. табл. 1). В нем сконцентрировалось действие множества разных факторов, начиная от деградации системы здравоохранения и заканчивая негативными стереотипами поведения людей.

2005 год стал наихудшим у красноярцев по большинству воспроизводственных показателей за постсоветское время. Суммарный коэффициент рождаемости, с запасом обеспечивавший расширенное воспроизводство в 1991 г. (2,629), теперь (1,808 в 2005 г.) не замещал поколения и на 80 %. Число ежегодных смертей в 2005 г. выросло по сравнению с 1991 г. почти на 45 % — с 9,8 до 14,2 тыс. при сокращении жителей деревни на 14,6 % (на 120,8 тыс. чел.). Соответственно увеличился на 73,9 % общий коэффициент смертности. Такой рост числа смертей вызвало в основном повышение уровня смертности взрослого населения. Структурный же фактор негативно действовал в 1990-х гг. А после вступления в 2002 г. в возраст дожития малочисленного поколения 1940-х гг., напротив, стал способствовать их сокращению.

Смертность в красноярских деревнях росла все время и от всех без исключения классов причин темпами, превышавшими среднероссийские (табл. 6). Сибиряки, прежде отстававшие благодаря своей «молодости» от среднестатистических сельчан России по уровню смертности от эндогенных болезней, в постсоветское время «превзошли» их по всем показателям, кроме сердечно-сосудистых заболеваний. Но и тут сократили разрыв: в 1991 г. уровень этой смертности у них составлял 77 % от среднероссийского, а в 2005 г. — 89 % Общий рост интенсивности смертности частично вызывало постарение населения. Но главными были социально-экономические, психологические и прочие недемографические причины.

Смертность красноярцев от сердечно-сосудистых заболеваний выросла в 2005 г. по сравнению с 1991 г. на 72,9 %, от онкологических — на 12,1 %, болезней органов дыхания — на 54,9 %, внешних воздействий — на 85,4 %

Таблица 6

Коэффициенты смертности по основным классам причин смерти в Красноярском крае и в России в 1991 и 2005 гг. (число умерших на 100 тыс. жителей)*

Территория	Класс 1	Класс 2	Класс 3	Класс 4	Класс 5	Класс 6
			1991 г.			
РСФСР, село	15,3	188,3	745,1	89,9	30,1	171,5
Краснорский край: село	23,9	179,7	575,1	72,8	34,7	196,0
город	15,5	170.8	414.5	40,5	26.5	138.8
			2005 г.			
РФ, село	28,4	181,9	1061,3	87,2	60,2	256,1
Краснорский край: село	48,1	201,5	944,5	112,8	91,5	363,4
город	35,1	192,9	649,9	74,8	88,1	263,6

Примечание:

* Рассчитано по: Численность, состав и движение... С. 245, 251; Демографический ежегодник России. 2010. С. 307, 311.

Классы причин смерти: 1 — инфекционные и паразитарные болезни; 2 — новообразования; 3 — болезни системы кровообращения; 4 — болезни органов дыхания; 5 — болезни органов пищеварения; 6 — внешние воздействия.

(из них от убийств и самоубийств — на 75,5 %), от инфекций — вдвое, болезней органов пищеварения — в 2,6 раза. При общем постарении населения деревни процесс смертности «молодел»: доля лиц рабочего возраста среди умерших сельчан за 15 лет поднялась с 32,0 до 38,14 %.

К числу немногих достижений можно отнести лишь сдвиги в динамике младенческой смертности. В 2000–2004 гг. она резко снизилась, а 2005–2006 — стабилизировалась на уровне 18–20 ‰, на четверть ниже показателя 1990–1991 гг. Сокращение младенческой смертности несколько снижало сверхвысокие показатели общей смертности в деревне.

Ожидаемая продолжительность жизни красноярцев в 2005 г. упала до «рекордно» низкой отметки — 59,5 года (табл. 4). Мужчинам предстояло жить лишь 53,9 года, женщинам — 66,7 года, на 12,8 года больше. По сравнению с 1991 г. продолжительность жизни в красноярских деревнях сократилась на 6,5 года против 4,3 года в среднем по селам России и 3,9 года в городах края. Мужская жизнь стала короче на 6,9 года (4,5 года по селам России и 5,7 года в городах края), женская — на 5,3 года (2,8 года в селах РФ и 1,9 года в городах края).

В первой половине нулевых годов масштабы депопуляции достигли наибольших размеров. Потери красноярской деревни ежегодно составляли по 7,2 чел. на тысячу жителей и более. В 2005 г. они выросли до 8,7 промилле и в 2,4 раза превысили показатель в городах края (3,6 ‰). Убыль сельского населения только из-за отрицательного естественного прироста составила за 1993–2005 гг. 60,9 тыс. чел. А общая численность населения в красноярских деревнях сократилась с 1991 по 2005 гг. с 825,4 тыс. чел. до

704,6 тыс. — на 14,6 %[1]. В этот результат существенные коррективы внесли отрицательные миграционные потери и положительный прирост населения, вызванный преобразованием городских поселений в сельские.

С 2006–2007 гг. начался новый период демографического развития красноярской деревни, как и всей России. От двух предыдущих он отличается резкой активизацией демографической политики на всех уровнях, начиная с утверждения в 2007 г. новой Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года. В дополнение конкретизирующим ее федеральным Национальным проектам региональные и муниципальные власти приняли свои проекты и программы. В Красноярском крае общекраевые проекты были объединены в один комплекс под названием «4 Д» — «Дом. Демография. Деревня. Дети», нереализацию которого в 2007–2009 гг. отпускалось 10,5 млрд руб. Кроме того, в здравоохранении действовали еще шесть целевых краевых программ, работавших на улучшение здоровья населения, повышение рождаемости и снижение смертности. Все проекты и программы стали подкрепляться материальными и финансовыми вложениями, размеры которых несопоставимы с прежними.

В периоде активной демографической политики были официально выделены 3 этапа — 2006/2007–2010, 2011–2015 и 2016–2025 годы.

Целью первого этапа, начавшегося с крайне неблагополучных исходных позиций, являлось создание условий для смягчения остроты демографического кризиса, формирования правовой, организационной и финансовой базы для наращивания дальнейших усилий по поддержке и закреплению к началу 2011 г. позитивных тенденций, снижения темпов естественной убыли населения.

Уже в 2006 г. появились признаки того, что жители Красноярского края начали выбираться из «демографической ямы». Сельчане несравнимо активнее горожан отозвались на пронаталистскую политику государства. В деревнях стала устойчиво расти рождаемость во всех возрастах, но больше у женщин старше 25 лет. Ее общий коэффициент увеличился с 11,8 ‰ в 2005 г. до 15,0 ‰ в 2010 г. — на 28,0 %, а число ежегодных рождений — с 8,1 до 10,1 тыс. (на 24,6 %). Суммарный коэффициент в 2009 г. достиг уровня простого воспроизводства — 2,161 — и продолжал устойчиво расти дальше[2].

В процессах смертности подвижки были менее значительными. Ее общий коэффициент снизился на 8,3 % — до 16,9 ‰ в 2010 г., а число ежегодных смертей сократилось на 8,9 % — с 12,5 до 11,4 тыс. Успех был обеспечен, во-первых, снижением удельного веса лиц в возрасте 60 лет и старше, во-вторых, прогрессом в борьбе с младенческой смертностью, коэффициент которой уменьшился с 20,2 ‰ в 2006 г. до 12,8 ‰ в 2010 г.[3] Эта ста-

[1] Подсчитано по: Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. С. 28–29.

[2] Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. С. 25.

[3] Там же.

тистика доказывает, что проводимые меры по лечению и профилактике смертельно опасных заболеваний «работали».

Ожидаемая продолжительность жизни у сельчан удлинилась к 2010 г. на 2,2 года, в том числе у мужчин — на 2,5 года, у женщин — на 1,8 года и составила в целом в деревнях края 64,2 года, в том числе 58,5 года у мужчин и 71,2 года у женщин.

Благодаря в основном успехам в репродуктивной сфере естественная убыль сельского населения сократилась в 4,7 раза — с –8,9 ‰ в 2005 г. (6,1 тыс. чел.) до –1,9 ‰ в 2010 г. (1,3 тыс. чел.). Но в деревнях естественный прирост оставался отрицательным, тогда как в городах края он стал положительным в 2009 г. Общая численность сельского населения не стабилизировалась, а еще сократилась к 2010 г. до 674,8 тыс. чел., почти на 5 % по сравнению с 2005 г. Однако цели первого этапа реализации демографической политики были достигнуты.

На втором этапе (2011–2015 гг.) планировалось стабилизировать демографическую ситуацию, поднять к 2016 году показатель ожидаемой продолжительности жизни до 70 лет, увеличить в 1,3 раза по сравнению с 2006 годом суммарный коэффициент рождаемости и на треть снизить смертность населения. Начало этапа было успешным. Благодаря дальнейшему росту числа рождений и небольшому сокращению смертей естественный прирост в красноярских деревнях в 2012 и 2013 гг. стал, наконец, положительным. Но его размер был минимальным — 0,2–0,3 ‰, хотя суммарный коэффициент рождаемости вырос к 2014 г. до 2,908 (против 2,318 в селах РФ)[1]. Он был в 1,6 раза выше, чем в 2006 г., и мог с большим «запасом» обеспечить расширенное воспроизводство населения.

Этому мешал характер смертности. Вместо снижения, как планировалось, на треть по сравнению с 2006 годом ее уровень уменьшился на 22,3 % и стабилизировался на 15,6–15,9 ‰ в 2011–2016 гг. (при 14,2–14,8 ‰ в селах России). Одним из факторов устойчивости высокой смертности у сибиряков стало возобновившееся в эти годы их старение. Но главный фактор остался прежним — «не желавшая» снижаться сверхсмертность в трудоспособных возрастах.

Высокая и растущая смертность трудоспособного населения является самой острой демографической проблемой в России еще с 1960-х гг. А в красноярских деревнях ее уровень всегда был намного выше среднероссийского. Еще больше обострилась там ситуация в постсоветские десятилетия. Данные таблицы 7 свидетельствуют, как увеличилась разница между показателями этой смертности в городах и деревнях края к 2009 г. (594,4 чел. против 905,6 чел. на 100 тыс. трудоспособных), а в деревнях — между женщинами и мужчинами (411,5 и 1322,3 чел. на 100 тыс.), которые в 2–2,5 раза чаще женщин умирали от инфекций, рака, болезней органов пищеварения, в 3,5 раза — от внешних воздействий, в 4 раза — от

[1] Красноярский краевой статистический ежегодник. С. 42; Демографический ежегодник России. 2017. С. 45.

Таблица 7

Смертность населения трудоспособного возраста по основным классам причин смерти в России и Красноярском крае в 1991 и 2009 гг. (число умерших на 100 тыс. чел.)*

Территория	Класс 1	Класс 2	Класс 3	Класс 4	Класс 5	Класс 6
			1991 г.			
РФ, село	15,1	114,3	165,8	28,4	18,1	243,0
Красноярский край: село	23,1	111,3	159,3	27,1	19,9	264,6
город	14,8	96,7	111,7	14,8	13,9	175,0
			2009 г.			
РФ, село**	31,4	96,5	237,0	36,0	51,0	249,0
Красноярский край: село	50,3	115,3	223,7	44,4	50,0	341,8
в т. ч.: мужчины	69,5	150,0	342,4	70,8	64,7	509,0
женщины	27,5	74,1	82,9	13,0	32,7	143,6
город	31,7	86,3	147,2	28,3	47,6	208,0

Примечание:

* Рассчитано по источникам табл. 6.

Классы причин смерти: 1 — инфекционные и паразитарные болезни; 2 — новообразования; 3 — сердечно-сосудистые заболевания; 4 — болезни органов дыхания; 5 — болезни органов пищеварения; 6 — внешние воздействия.

** Данные за 2010 г.

сердечно-сосудистых заболеваний, в 5,5 раза — от болезней органов дыхания.

Трехкратный и более разрыв в смертности мужчин и женщин рабочего возраста давно характерен для всей России. Но демографы не могут объяснить его причины и лишь констатируют, что ничего подобного нет в мире. В красноярской же деревне размеры сверхсмертности мужчин таковы, что она вообще представляется местом, опасным для их жизни.

Уровень смертности у красноярцев в рабочем возрасте выше, чем у среднестатистических сельчан России, практически от всех классов причин, но особенно от внешних воздействий. Общее превышение составляло в 2009 г. у мужчин 38,6 %, у женщин — 71,4 %. Сибирячки даже имеют особую структуру причин смерти. У них, как у мужчин, на первом месте с большим отрывом стоят внешние воздействия, на втором — сердечно-сосудистые заболевания, а у сельчанок России в целом — наоборот.

Единственную благополучную тенденцию развития в красноярских деревнях в 2000-х гг. демонстрировала младенческая смертность. Она чутко реагировала на внешние воздействия и, чередуя подъемы и спады, снизилась до 9,6 ‰ в 2016 г. Ее уровень стал рекордно низким для сел края. Но он был и остался выше, чем в сельской местности России в целом (7,6 ‰ в 2016 г.), и вдвое выше, чем в городах края (4,9 ‰) (см. табл. 2).

Целей второго этапа демографической политики красноярцы не достигли, а в конце его все их воспроизводственные характеристики опять стали ухудшаться. Продолжительность их жизни, несмотря на устойчивый рост с 2006 г., поднялась к 2016 г. лишь до 66,5 года (против 70,5 года в селах России) и осталась на 1,2 года короче той, какая была у них в 1987 г. (на 0,7 года у мужчин и на 2,4 года — у женщин) (см. табл. 4).

На третьем этапе (2016–2025 годы) в связи со значительным уменьшением численности женщин репродуктивного возраста предполагается стимулировать рождения в семьях второго и третьего ребенка, проводить мероприятия по упреждению возможных рисков в демографическом развитии страны и ее территорий, принимать меры по сохранению численности населения.

Красноярские деревни вступили в этот этап в условиях начавшегося ухудшения всех демографических процессов. Небольшой положительный естественный прирост в них удержался лишь два года. В 2014 г. снова обозначился «русский крест» — естественный прирост стал отрицательным, и его размеры быстро увеличиваются — с -0,1 ‰ в 2014 г. до -2,4 ‰ в 2016 г. (с 78 до 1572 чел.) и т. д. В 2017 г. естественная убыль населения началась в городах края[1], в целом в России, и демографическая ситуация повсюду снова приобрела конфигурацию «русского креста».

Прогнозировавшееся новое сокращение числа ежегодных рождений началось в красноярских деревнях с 2015 г., когда стал снижаться уровень рождаемости (суммарный коэффициент). Быстро сокращался репродуктивный контингент. Число 20–34-летних женщин с 2010 до 2017 гг. уменьшилось на 25,3 % — с 69,3 до 51,8 тыс. Из-за женской миграции из деревни стремительно углублялась диспропорция полов. В 2010 г. на 1000 мужчин в возрасте 25–29 лет приходилось 876 женщин, а в 2017 г. — лишь 717, в группе 30–34 года — 897 и 827 чел. соответственно. В итоге число ежегодных рождений стало падать: в 2015 г. оно составило 13,6 чел. на 1000 сельчан (против 15,6 чел. в 2014 г.), в 2016 г. — 13,3 чел. и т. д.[2]

Ускорилось старение деревни: доля лиц в возрасте 60 лет и старше выросла с 17,1 % в 2010 г. до 21,0 % к началу 2017 г. Причем, еще быстрее повышался удельный вес лиц старше трудоспособного возраста (с 21,1 до 25,6 %), но намного медленнее — когорт в возрасте 65+ (с 11,8 до 13,3 %) (см. табл. 5). Это — результат ранней смертности сельчан.

Численность сельского населения края с 2014 г. ежегодно уменьшается примерно по 5,5 тыс. чел. в год, в том числе на 5,3 тыс. в 2017 г. В целом же с 1991 по 2018 гг. сельское население Красноярского края сократилось с 825,4 тыс. чел. до 650,3 тыс. — на 21,2 %. А его удельный вес в населении края снизился с 27,4 до 22,0 %[3] Естественная убыль сельских жителей стала важным «невольным» фактором урбанизации.

[1] Красноярский краевой статистический ежегодник. С. 42.

[2] Там же. С. 39, 40.

[3] Красноярский краевой статистический ежегодник. С. 42.

Наметившиеся в последние годы тенденции развития «обещают» дальнейшее ухудшение демографической ситуации в деревне. Снижается качество брачно-семейного потенциала красноярцев. Сокращение удельного веса состоящих в браках и рост никогда не бывших в них, разведенных и разошедшихся, распространение фактических браков свидетельствуют, что сельчане, как и горожане, адаптируют западные образцы брачно-семейного поведения. Но при этом ухудшаются все показатели, определяющие их воспроизводство (табл. 8).

Характер брачных отношений не способствует подъему рождаемости. Браки «стареют». Например, в 1989 г. почти половина сельских женщин в возрасте до 20 лет уже состояли в браке. А 2010 г. еще никогда не были в нем 86,4 % лиц этого возраста, 43,1 % 20–24-летних женщин, 20,6 % 25–29-летних, 12,2 % 30–34-летних[1]. То есть вне «детопроизводства» остается большая часть женского контингента наилучших возрастов, а среди бывших замужем молодых женщин много вдов и разведенных, тоже исключенных из этого процесса.

Браки в деревне становятся менее прочными. По частоте разводов, согласно данным ООН, Россия — первая в мире. А в деревнях края их уровень выше среднероссийского. Соотношение числа разводов и заключенных браков колеблется по годам и районам — от 336 до 964 разводов на 1000 браков в 2000 г. до 349–812 разводов в 2010 г., что свидетельствует о необычайной зыбкости брачных отношений, тоже тормозящей подъем рождаемости[2].

Широко распространились фактические браки, которые отличаются меньшей детностью. Их удельный вес в красноярских деревнях вырос с 15,5 % в 1994 г. до 25 % в 2010 г. против 8,8 % и 14,6 % соответственно в селах России. В 2010 г. таковыми являлись 65,5 % браков у 18–19-летних мужчин и 56,6 % браков у их ровесниц, у 20–24-летних — 45,8 % и 39,7 % браков соответственно, у 25–34-летних — 33,2 и 31,5 % браков и т. д.[3]

Серьезным препятствием для роста рождений, в частности повторных, является внебрачная рождаемость. Красноярская деревня и раньше отличалась особенно высоким ее уровнем, а в постсоветский период он вырос почти вдвое. В 1991 г. внебрачными были 24,9 % новорожденных (17,3 % по селам РСФСР), в 2000 г. — 42,4 %, в 2005 г. — 46,3 %, с колебаниями по районам края от 31,5 до 54,4 %. К 2016 г. их доля снизилась до 37,2 % (против 23,0 % в городах края)[4]. В деревнях положение усугубляется еще и тем, что в большинстве случаев эти рождения действительно внебрачные. Большинство (в отдельные годы до 75–80 %) таких младенцев

[1] Итоги … переписи населения 2010 года. Т. 2. С. 446, 447.

[2] Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. С. 55–63.

[3] Итоги … переписи населения 2010 года. Т. 2. С. 446, 447.

[4] Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. С. 80; Красноярский краевой… С. 44.

Таблица 8

Распределение сельского населения Красноярского края по полу и состоянию в браке в 1989 и 2010 гг.*

Год	На 1000 чел. в возрасте 16 лет и старше приходится, чел.									
	состоящих в браке		никогда не бывших в браке		вдовых		разведенных, разошедших-ся		не указавших состояние	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1989	703	685	218	105	28	165	48	42	3	3
2010	649	592	235	129	40	194	76	85	—	—

Примечание:

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, б. и., 1990. С. 82–84; Итоги… переписи населения 2010 года. Т. 2. С. 446, 447.

Таблица 9

Возрастные коэффициенты рождаемости населения Красноярского края в 1991 и 2009 гг.*

Год, территория	Родившиеся живыми на 1000 женщин в возрасте, лет							
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	15–49
1991, село	92,2	202,1	109,6	61,5	30,0	7,9	0,7	73,4
2009, село	60,3	151,2	118,6	65,6	29,0	5,1	0,2	61,3
город	25,7	75,5	88,7	61,1	26,5	4,0	0,1	44,0

Примечание:

* Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. С. 71.

регистрируются матерями-одиночками, а не двумя родителями, как в фактических браках.

За постсоветский период в деревне изменились возрастные параметры модели рождаемости (табл. 9). Она «постарела»: сократилась на треть в группе 15–19-летних, на четверть — в группе 20–24-летних, немного выросла у 25–34-летних и снизилась в старших возрастах. Самая высокая рождаемость еще осталась у 20–24-летних, тогда как в городах она переместилась в группу 25–29-лет. Но почти двукратная разница в уровне рождаемости между группами 20–24 года и 25–29 лет в 1991 г. уменьшилась до 20 % в 2009 г. Возрастная модель рождаемости в деревнях эволюционирует по той же траектории, что и в городах, но со значительным отставанием по времени.

Несмотря на неблагополучие в репродуктивной сфере, подлинную проблему красноярской деревни составляет не низкая рождаемость, а аномальная смертность, не сопоставимая с уровнем ее экономического и культурного развития. Критическое положение со смертностью и продолжительностью жизни там отмечается десятилетиями. И образ жизни, и медицина — все против сельчан. Они с рождения и даже раньше обречены жить меньше горожан — и мужчины, и женщины. В городах края продолжительность жизни достигла 70 лет в 2013 г., а в деревне она тогда была

на 4,2 года меньше — –65,8 лет. В 2016 г. разница увеличилась до 5,2 года. Женский век в деревне стал на 3,6 года короче, мужской — на 4,1 года.

Более высокий уровень смертности красноярцев во всех возрастах требует радикальных мер, тем более что они лишились преимуществ, которые давал прежде структурный фактор. В последнюю четверть века они «старели» быстрее, чем сельское население России в целом, и к настоящему времени все параметры их возрастных структур максимально сблизились.

Проведенная диагностика хода и результатов воспроизводства населения красноярской деревни в условиях перманентного демографического кризиса показала вопиющее неблагополучие этого процесса. Налицо глубокая социально-демографическая дифференциация сельской и городской частей общества, гендерное неравенство, выраженное больше всего в сфере смертности, но не только. 43 сельских района края имеют редкую пестроту демографических показателей, отличающихся в два-три и более раз. Судя по всему, перспективы устойчивого социально-демографического развития деревни находятся под угрозой.

В последние годы, вместе с новым «витком» депопуляции, обострилась проблема демографической безопасности России [6]. Для слабозаселенной Сибири она особо актуальна, а для ее сельской местности — вдвойне. Приведенные цифры свидетельствуют о недостаточной защищенности жизни в сибирских деревнях, неустойчивости процесса возобновления новых поколений и формирования их социально-демографических структур. Налицо множество индикаторов демографических угроз: депопуляция, снижение рождаемости ниже уровня замещения поколений, высокая общая смертность, мужская сверхсмертность и усиление ее социальной обусловленности, короткая продолжительность жизни, особенно мужчин, ослабление брачно-семейного потенциала сельчан, нарушение их половозрастной структуры, ускорение старения.

Нужны срочные меры по обеспечению устойчивости воспроизводственного процесса. Повысить рождаемость трудно, хотя опыт последнего 10-летия свидетельствует, что репродуктивное поведение сельчан еще поддается воздействию политики государства. Но для красноярских деревень нет острее проблемы, чем снижение смертности. В них имеются огромные резервы для ее решения за счет улучшения условий жизни, системы здравоохранения, которая сейчас безоружна как перед современными, так и перед традиционными болезнями.

Государственная политика по обеспечению демографической безопасности и устойчивому социально-демографическому развитию России должна реализовываться в региональных программах, выработанных для субъектов РФ с учетом местных особенностей. А роль ученых — информировать общество и власть о демографических угрозах и рисках, последствиях и мерах для их предотвращения. Поставленные здесь вопросы требуют дальнейших исследований беспрецедентного по масштабам кризиса в сибирской деревне и особенно современного состояния ее демографической

сферы. Начавшие развиваться негативные тенденции требует самого тщательного анализа для научных и практических целей.

Список источников

1. Вербицкая О. М. Население российской деревни в демографическом кризисе 1990-х годов // Российская история. — 2009. — № 4. — С. 114–129.

2. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2006. — 608 с.

3. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. — М.: Кучково поле, 2012. — 320 с.

4. Коротаев А. В., Халтурина Д. А. Российский демографический крест в сравнительном аспекте // Общественные науки и современность. — 2006. — № 3. — С. 105–118.

5. Население России в XX веке. Исторические очерки в 3 т. — Т. 3 (1960–2002 гг.). — Кн. 3. 1991–2000. — М.: РОССПЭН, 2012. — 399 с.

6. Соболева С. В., Чудаева О. В. Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы индикаторы. // Регион: экономика и социология. — 2008. — № 3. — С. 147–167.

Информация об авторе

Славина Людмила Николаевна — доктор исторических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, кафедра отечественной истории (Россия, 660049, г. Красноярск, ул. А.Лебедевой, 89; e-mail: 200146@mail.ru.

Slavina L. N.

Between Two «Russian Crosses»: the Reproduction of the Siberian Rural Population in the Post-Soviet Decades

In this paper, the main trends in the development of the process of population reproduction in a Siberian village during the post-Soviet period are examined based on the example of the population of the Krasnoyarsk Territory. The purpose of the research is to find out what character this process acquired in the conditions of radical transformation of rural society and what features it had under Siberian conditions. The choice of the topic is due to its inadequate development at the all-Russian level and a weak study on the scale of the Siberian regions. All processes in the Krasnoyarsk village are considered in comparison with similar ones in the cities of the region and the countryside of Russia as a whole. The information base of the study was the data of 1989, 2002 and 2010 population censuses, the data of 1994 micro-census and the current demographic statistics. Based on the statistical analysis of population dynamics, level of fertility and mortality, it is shown that the demographic potential of the Krasnoyarsk villages has decreased significantly since the early 1990s, the positive differences in the age and sex structure of the population have been lost. Research has shown that the process of reproduction of the rural population is unstable and very dependent on external conditions. Their improvement has caused a short increase in births since the beginning of the implementation in 2007 year of national and regional demographic projects. The instability of the reproduction process requires that all its fluctuations be monitored, since the main condition for the development of an effective demographic policy is the knowledge of all the trends in the birth rate and mortality and the factors determining them on a regional scale.

Keywords: rural population, Krasnoyarsk territory, population replacement, demographic policy.

References

1. Verbitskaia O. M. The Russian rural population under demographic crises in 1990s // Russian history. — 2009. — No 4. — P. 114–129/

2. Demographic modernization in Russia. 1900–2000 / Ed. A. G. Vishnevskii. — M.: New Publ., 2006. — 608 p.

3. Zhiromskaia V. B. The main trends of Russian demographic development in the XX century. — M.: Kuchkovo pole, 2012. — 320 p.

4. Korotaev A. V., Khalturina D. A. The Russian demographic cross in a comparative perspective // Obshchestvennyenaukiisovremennost'. — 2006. — No. 3. — P. 105–118.

5. Population of Russia in the XX century: historical essayes: in 3 vols. VOL. 3. Bk. 3. 1991–2000. — M.: ROSSPEN, 2012. — 399 p.

6. Soboleva S. V., Chudaeva O. V. Demographic security of Russia and its regions: factors, problems, indicators // Region: ekonomikaisotsiologiya. — 2008. –No. 3. — P. 147–167.

Author

Slavina Liudmila Nikolaevna — doctor of historical sciences, professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, the Department of National History (Russia, 660049, Krasnoyarsk, 89 Ada Lebedeva Str.; email: 200146@mail.ru).

УДК 314.122

Суворова А. В.

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1959 ГОДА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Статья посвящена рассмотрению основных направлений подготовки Всесоюзной переписи населения 1959 г. в Челябинской области. Автор на основе фактического материала делает попытку изучить причины столь долгого перерыва между двумя всесоюзными переписями населения — 1939 и 1959 гг. Выявляет условия уникальности Челябинской области по расположению, по территориальным размерам и другим причинам, по которым, именно она была выбрана объектом исследования. В основу научной работы легло постановление Совета Министров СССР от 05.05.1958 г. № 480 «О Всесоюзной переписи населения 1959 года». Подробно проанализирован переписной лист, от правильности заполнения которого зависела объективность данных предстоящего мероприятия. Автор указывает сроки проведения предварительных обходов всех помещений, непосредственно самой переписи, а также время контрольных обходов счетных участков. Данные этапы были запланированы для уточнения информации, собранной во время основного времени Всесоюзной переписи населения 1959 г. На основе архивных материалов автор исследует переписное районирование в Челябинской области, которое сделано для удобства проведения переписи: разбивка территории каждого города и населенного пункта на счетные участки, инструкторские участки и переписные отделы. Подведены сравнение итогов всесоюзных переписей населения 1959 и 1939 гг. по основным показателям: общая численность населения Челябинской области, число родившихся и умерших за истекший период, национальный состав региона, число школ и культурных учреждений.

Ключевые слова: историческая демография, Урал, Челябинская область, перепись населения 1959 г., численность населения, национальный состав

Научное исследование посвящено переписи 1959 г., которая является уникальной в своем роде. Двадцатилетний перерыв между переписями был обусловлен рядом объективных обстоятельств, делающих невозможным проведение переписи. В этом смысле Челябинская область является не менее уникальным предметом исследования. На начало 1956 г. Челябинская область занимала 88,3 тыс. км2, что превышало территорию некоторых западноевропейских государств (площадь Австралии составляла 84 тыс. км2, Ирландии — 70 тыс. км2, Швейцарии — 41 тыс. км2, Бельгии — 31 тыс. км2[2]). Плотность населения в среднем составляет 32 человека на км2. В том же 1956 г. Челябинская область получила орден Ленина за выдающиеся успехи в освоении целинных и залежных земель, повышении урожайности и успешное выполнение обязательств по сдаче государству

[1] © Суворова А. В. Текст. 2018.

[2] Златоустовский архивный отдел (ЗАО). Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 46.

90 млн пудов хлеба. Изучение указанного региона в контексте итогов переписи населения 1959 г. представляет особый интерес.

Совет Министров СССР принял постановление от 05.05.1958 г. № 480 о проведении в январе 1959 г.[1] Всесоюзной переписи населения, имеющей огромное политическое и социальное значение. С момента проведения последней переписи 1939 г. прошло двадцать лет. За истекший период произошли значительные исторические события, оказавшие огромное значение на ход истории: победа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление, значительный рост промышленного производства, успехи в сельском хозяйстве и других отраслях.

В перерывах между переписями численность населения и его состав по полу и возрасту определялись путем исчисления на основе данных текущего учета естественного и механического движения населения. Учет естественного населения производился органами ЗАГС, а механического в городах посредством прописки и выписки из домовых книг, а в сельской — в похозяйственных книгах. Также использовались данные учета избирателей при выборах в органы власти.

Всесоюзная перепись населения являлась грандиозной статистической операцией, к которой было привлечено около 600 тыс. чел. переписных кадров[2]. Проведение переписи потребовало огромной слаженности всего переписного аппарата, исключительное внимание и активное участие всего общества. Счет населения начинался с 00.00 часов с 14 на 15 января 1959 г., что называлось критическим моментом. Перепись проводилась методом опроса населения счетчиками и записи ответов в переписной лист. Ее длительность составила 8 дней, то есть с 15 до 22 января включительно. Январь — один из зимних месяцев, когда подвижность населения была наименьшей, что облегчало получение точных данных при переписи. Наряду с этим, январь — первый месяц года, что упрощало использование данных переписи с данными, полученными по текущему движению учета населения, разрабатываемого на 1 января.

С 11 по 14 января 1959 г. счетчики провели предварительный обход всех помещений своего счетного участка. Они ознакомились с территорией, выяснили и уточнили границы с соседними участками, чтобы не допустить пропуска или повторного счета населения, предупредили население о предстоящей переписи и порядке ее проведения, выяснили, в какие часы удобнее застать жильцов дома, и сделали у себя в записной книжке заметки о временно проживающих лицах. С 15 по 22 января проводилась непосредственно сама перепись. Счетчики путем личной встречи в порядке обхода помещений, где жили или могли проживать люди (включая помещения, занятые предприятиями, организациями и учреждениями), производили заполнение переписного листа. Причем независимо от того, в

[1] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 55.

[2] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 58.

какой день он встречался с населением, переписной лист заполнялся по состоянию на 00.00 часов с 14 на 15 января 1959 г.

По окончанию переписи с 23 января по 1 февраля 1959 г. в течение десяти дней инструкторы-контролеры вместе со счетчиками, а в сельской местности — с уполномоченными сельского совета провели сплошной контрольный обход всех помещений и проверили правильность произведенного счета населения, устанавливая нет ли пропусков или двойного счета отдельных лиц. Для обеспечения полноты и правильности счета населения в необходимых случаях составлялись контрольные бланки и выдавались справки о прохождении переписи. Справки выдавались всем лицам, переписанным в качестве временно проживающих, а также всем переписанным в поездах, на судах дальнего плавания, в вокзалах, аэропортах, всем лицам, на которых составлен контрольный бланк и лицам, прошедшим перепись, но в течение прохождения переписи восьми дней отъезжающим в командировку, отпуск и другой причине.

Программа Всесоюзной переписи была разработана с учетом опыта всех ранее проведенных переписей населения с участием широкой общественности и практических работников статистики. Проект программы был обсужден на Всероссийском совещании статистиков в 1957 г., а затем проверен на выборочной пробной переписи населения, проведенной в семи районах и городах 01 августа 1957 г.[1]

Опросный лист состоял из 15 вопросов. Первый вопрос — «отношение к главе семьи» переписного листа включен для обеспечения полноты учета населения, так как посемейный порядок записи способствовал полному учету как наличных, так и временно отсутствующих членов семьи. Наряду с этим посемейная запись давала информацию о количестве семей, их составе, по отдельным социальным группам населения и национальностям, что представляло большой интерес при изучении численности населения.

Второй и третий вопросы — о временно отсутствующих и временно проживающих включались для получения в результате переписи численности наличного и постоянного населения, что было необходимо для планирования. Четвертый, пятый и шестой вопросы (возраст, пол, состояние в браке) являлись основными демографическими вопросами, имеющими исключительно важное значение в числе показателей, характеризующих состав населения. Без данных о возрастном и половом составе невозможно изучать процессы воспроизводства, правильно планировать развитие общества, культуры и благосостояния населения. Седьмой и восьмой вопросы — о национальности и о родном языке, в сочетании с ответами на остальные вопросы переписного листа дали подробные данные о развитии наций, экономики, культуры национальных республик, входивших в состав Советского Союза.

По ответу на девятый вопрос были получены сведения об иностранцах, проживающих в СССР. Десятый и одиннадцатый вопросы освещали

[1] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 59.

образовательный уровень и обучение населения. Перепись населения 1939 г. учла наличие в СССР 18,8 % неграмотных[1]. В переписи 1959 г. основное внимание было обращено на определение уровня полученного образования. Итоги переписи по этим вопросам покажут ход выполнения решений XX съезда КПСС об осуществлении в стране всеобщего среднего образования, о численности лиц, имеющих среднее и высшее образование, об охвате населения обучением в высших, средних и профессиональных школах, на различных курсах по повышению квалификации и подготовке специалистов массовых профессий.

На основе ответов на двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый вопросы была собрана информация о распределении населения по занятиям, отраслям народного хозяйства, отдельным производственным и общественным группам. Эти показатели ярко охарактеризовали картину прогрессивных изменений, произошедших за двадцать лет со дня проведенной переписи населения 1939 г., особенно за послевоенный период. Таким образом, при разработке ответов населения на включенные в переписной лист вопросы была получена всесторонняя демографическая, национальная, культурная, профессионально-производственная и социальная характеристика населения СССР.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. являлась самой крупной статистической работой за последние 20 лет. Организация и проведение переписи в такой огромной стране, как Советский Союз, с крайне разнообразными по природным условиям районами и различным характером расселения населения, представляла собой очень сложную задачу, требующую для выполнения тщательной и всесторонней подготовки. Подготовительные работы по проведению переписи Центральным статистическим управлением СССР (которому по решению Правительства было поручено проведение переписи), были начаты еще в 1957 г. К 1958 г. во всех городах и районах страны проведена работа по уточнению границ поселений, упорядочению нумерации кварталов и домовладений, названию улиц и рабочих поселков, а также районных карт, в городской местности и крупных районных центрах составлены квартальные списки домовладений и списки сельских населенных мест. В большинстве городов и районов Челябинской области закончено переписное районирование, то есть разбивка территории каждого города и населенного пункта на счетные участки, инструкторские участки и переписные отделы для удобства проведения переписи. Переписное районирование являлось одним из важнейших этапов в подготовительной работе к переписи. От точного учета всех населенных мест и их занесения в списки зависела полнота охвата населения переписью и нагрузка на переписных работников.

Успех переписи во многом зависел от качества подбора переписных кадров: заведующих переписными отделами, их помощников, инструкторов-контролеров и счетчиков, выделенных местными партийными,

[1] Там же.

профсоюзными и комсомольскими организациями из числа грамотных работников, способных полностью оправдать то высокое доверие, которое им оказали. Совет Министров СССР счел необходимым освободить весь привлекаемый на перепись населения аппарат от работы на нужные сроки с сохранением заработной платы по месту основной работы и выдачей денежного вознаграждения в сумме от 200 до 700 руб. каждому. Работа счетчиков, инструкторов-контролеров и работников переписных отделов являлась исключительно ответственной и почетной. От них всецело зависела полнота охвата населения и успех всей переписи. В Челябинской области было занято в проведении переписи свыше 5,5 тыс. чел., из них счетчиками — 4600.

Летом 1958 г. проводилась большая подготовительная работа по обработке и разработке итоговых материалов переписи, которая осуществлялась на машинно-счетных станциях. По решению правительства, предварительные итоги переписи о численности населения в целом по СССР, республикам, краям, областям и отдельными городам были представлены в Совет Министров СССР к 25 апреля 1959 г., а основные итоги разработки в целом по СССР к 30 декабря 1959 г. В 1960 г. была проведена дополнительная углубленная разработка материалов переписи населения по всем разделам установленной программы[1].

Успех переписи зависел от отношения самого населения к переписи. На предприятиях проводились лекции по ознакомлению граждан с общими положениями о переписи. Население информировали, что переписные листы заполнялись счетчиками в порядке обхода всех помещений, по месту жительства, а не работы или службы. В переписные листы в каждом помещении записывали все наличное население по состоянию на 00.00 часов с 14 на 15 января 1959 г. независимо от даты посещения счетчика в течение восьми дней, включая временно проживающих. Кроме того, из числа постоянно проживающих, записывались временно отсутствующие. К наличному населению относились и записывались в переписные листы без отметки во втором вопросе: все, проведшие ночь с 14 на 15 января в данном помещении независимо от того, проживали они здесь или нет; все живущие в этом помещении постоянно или временно и находящиеся в эту ночь почему-либо не в этом помещении, но на территории того же городского, поселкового или сельского совета, а также находившиеся в эту ночь на работе, хотя бы и за пределами территории данного совета; все выбывшие в такие места, где они не могли быть переписаны.

К временно отсутствующим относились все лица, которые обычно постоянно жили здесь, но в ночь с 14 на 15 января находились за пределами территории данного городского, поселкового или сельского совета, если их отсутствие не превышало шести месяцев. К числу временно проживающих относились лица, которые в момент переписи находились здесь, в то время как место их постоянного жительства находилось за пределами того

[1] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 60–61.

городского, поселкового, сельского совета, на территории которого их застала перепись. Сведения по заполнению переписного листа в отношении всех граждан, за исключением детей, тяжело больных и временно отсутствующих, получались путем личного опроса.

Советские, профсоюзные, комсомольские организации, совместно с органами статистики под руководством партийных организаций были призваны широко развернуть массовую разъяснительную работу среди населения. Особенно широко следовало разъяснять важность правильности ответов на все вопросы переписного листа, о сроках проведения переписи, ее политическом и общезначимом значении. Все данные, занесенные в переписной лист, подлежали использованию только для разработки итогов переписи по установленной программе, сообщение кому-либо содержания ответов было категорически запрещено. Каждый гражданин, который по какой-либо причине не прошел перепись, обязан был заявить об этом в ближайший переписной отдел, инструкторский участок и пройти перепись.

По предварительным данным на 1956 г. численность населения Челябинской области составляла 2 766 500, согласно переписи 1959 г. — 2 976 625 [2, с. 23], из них русские — 2 372 164, татары и крымские татары — 190 227, украинцы — 134 335, башкиры — 88 480, немцы — 48 675 чел. и другие национальности[1]. Напомним, что национальность фиксировалась счетчиками со слов самого человека, поэтому она на всегда была истинной. Для сравнения в 1939 г. согласно Всесоюзной переписи населения в Челябинской области проживало 1 727 113 чел. [2, с. 22]. За прошедшие 20 лет численность населения Челябинской области увеличилась более чем в 1,7 раза. Однако данная цифра включает не только естественный прирост населения, но и эвакуированных граждан в данный регион во время войны.

Количество городов по Челябинской области в 1939 г. — 11, поселков городского типа 26, численность населения 1 034 000 чел., и уже в 1959 г. данный показатель вырос до 26, поселков городского типа 22, городская численность населения составила 2 039 000 человек[2]. Число городов и численность их населения за 20 лет возросли более, чем в 2 раза.

Средняя продолжительность жизни на Урале в 1926 г. у мужчин составляла 34 года, у женщин — 40, в 1959 г. у мужчин — 61, у женщин 70 лет[3]. Увеличение продолжительности жизни населения напрямую зависело от развития медицины и общеобразовательного уровня граждан [1, с. 188]. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. данная тенденция имела устойчивое развитие.

[1] http://www.demoscope.ru (accessed 16.04.2018).

[2] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 21.

[3] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 17.

Число родившихся в Челябинской области в 1939 г. — 129 556, в 1958 г. — 75851 чел.[1] В.М. Жиромская в своей монографии «Основные тенденции демографического развития России в XX веке» отмечает, что вторая половина 1950-х гг. характеризуется снижением рождаемости по всей России [1, с. 189], и Челябинская область не стала исключением по данному показателю. Число умерших по Челябинской области в 1939 г. — 73 076, в 1958 г. — 20488 чел.[2] Снижения уровня смертности удалось достичь благодаря введению с 1950-х гг. профилактических осмотров, вакцинациям, проведению мероприятий, направленных на снижение заболеваемости туберкулезом, малярией, пневмонией и других заболеваний. В связи с чем открывались новые санатории и дома отдыха, включавшие в себя и детские отделения. Число домов отдыха и санаториев в 1945 г. по Челябинской области составило 23, количество коек — 2538, из них детских 17, количество коек — 1458, а уже в 1955 г. их насчитывалось 30, с общим числом коек — 3790, из них детских 21 с количеством коек — 1855[3].

Детская смертность составила в 1939 г. — 32 400, до 1 года — 250,7 (на 1 тыс. родившихся), в 1958 г. — 3586, до года — 47,3 (на 1 тыс. родившихся)[4]. Государственная политика в области демографии послевоенных лет дала свои плоды, детская смертность значительно снизилась. Правительство действовало в трех плоскостях: заботилось о здоровье женщин в период беременности и родов, развивало медицину с целью сократить число детей, умерших при родах и в младенчестве, а также укрепляло здоровье подростков и детей [1, с. 174].

Повысился образовательный уровень населения, если в 1940–1941 гг. число общеобразовательных школ составляло 1574, то к 1955–1956 гг. этот показатель вырос до 1873[5]. Нуждалось общество и в клубных учреждениях. В 1940 г. таковых по Челябинской области было 727, в 1958 г. это число увеличилось до 843. Количество кинотеатров возросло с 302 до 769, с 1940 г. по 1958 г.[6] Мирная жизнь диктовала свои условия.

Таким образом, проведенная Всесоюзная перепись населения 1959 г. выявила положительные тенденции в развитии страны и Челябинского региона, в частности. Отношение к данному мероприятию было достаточно положительным, граждане с желанием принимали участие в переписи.

Список источников

1. *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. — М.: Кучково поле, Союз семей военнослужащих России, 2012. — 320 с.

2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. — М. : Госстатиздат, 1962. –284 с.

[1] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 18.

[2] Там же.

[3] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 25.

[4] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 19.

[5] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 24.

[6] ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 83. Л. 22.

Информация об авторе

Суворова Анна Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (научный исследовательский университет) филиал в г. Златоусте (456217, Россия, г. Златоуст, Челябинская область, ул. Тургенева, 16; e-mail: suvorovaav@susu.ac.ru).

Suvorova A. V.

Preparation and Holding of the All-Union Census of 1959 in Chelyabinsk Region

The article is devoted to the main directions of preparation of the all-Union census of 1959 in the Chelyabinsk region. The author on the basis of the actual material makes an attempt to study the reasons for such a long break between the two all-Union censuses of 1939 and 1959 Reveals the conditions of uniqueness of the Chelyabinsk region by location, by territorial size and other reasons for which it was chosen as the object of study. The basis of the scientific work was the resolution of the Council of Ministers of the USSR from 05.05.1958 № 480 «on the all-Union census of 1959». Analyzed census form, correct completion of which depended on the objective data of the upcoming event. The author specifies the dates of preliminary rounds of all premises, the census itself, as well as the time of control rounds of counting sites. These stages were planned to clarify the information collected during the main time of the all-Union census of 1959. On the basis of archival materials, the author investigates the census zoning in the Chelyabinsk region, which is made for the convenience of the census: the breakdown of the territory of each city and village in the counting areas, instructor sites and census departments. The results of the all-Union census of 1959 in comparison with 1939 on the main indicators: the total population of Chelyabinsk region, the number of births and deaths over the past period, the national composition of the region, the number of schools and cultural institutions.

Keywords: historical demography, Ural, Chelyabinsk region, population census of 1959, population size

References

1. Zhiromskaja V. B. The main trends of demographic development of Russia in the XX century. — Moscow: Kuchkovo pole, Union of families of Russian servicemen, 2012. — 320 p.

2. Results of the all-Union census of 1959. — Moscow: Gosstatizdat, 1962. — 284 p.

Author

Suvorova Anna Viktorovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, South Ural state University (research University) branch in Zlatoust (456217, Russia, Zlatoust, Chelyabinsk region, Turgenev str.; 16; e-mail: suvorovaav@susu.ac.ru).

УДК 9/93/94.930.314

Федорова А. В., Богданова Е. Г.

ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОГО УРАЛА)[1]

Все дальше в глубь истории уходят события Великой Отечественной войны, но живы еще те, кто в грозные годы были обычными мальчишками и девчонками, детство которых резко закончилось. Дети войны не просто очевидцы, они, как и взрослые, принимали участие в общем деле под лозунгом «Всё для фронта! Всё для Победы!». Понятия «дети» и «война» несовместимы, поэтому новые поколения должны помнить и знать свою историю. Оценить настоящее можно только сравнив его с прошлым. Авторы в основу положили идею на примере реальных человеческих судеб восстановить и укрепить духовно-эмоциональную связь поколений. В статье рассматривается влияние Великой Отечественной войны на демографические процессы, связанные с воспроизводством населения на Южном Урале. Исследуются следующие аспекты: снижение рождаемости, уровень младенческой и общей детской смертности, а также их причины. Анализируется воздействие детской смертности на динамику демографических процессов в тыловом регионе на протяжении всех военных лет. Важным дополнением в работе служат воспоминания современников, а также письма с фронта. Главным условием для изучения данного вопроса является комплексный подход. Были использованы методы: историко-сравнительный, синтеза и анализа. В основных результатах приведены цифры и показатели рождаемости и детской смертности, а также указаны основные причины изменений демографической картины.

Ключевые слова: дети войны, демографические процессы, рождаемость, детская смертность, причины детской смертности

Великая Отечественная война нарушила демографический баланс, характерный для мирного времени. Стремительный рост смертности и снижение рождаемости, обусловленные резким ухудшением необходимых для нормальной жизнедеятельности человека условий, повлекли за собой резкое сокращение населения. Непосильный труд, хронический голод, а также болезни и отсутствие элементарной медицинской помощи вызвали повсеместную гибель десятков и сотен тысяч людей в тыловых районах Советского Союза. Особенно печально, когда вопросы жизни и смерти касались самого незащищенного поколения — детей.

Детство — самый лучший период в жизни, от которого остаются светлые и яркие воспоминания. Война искалечила тысячи детских судеб, отняла радость детства. Дети воевали наравне со взрослыми, терпели лишения, голод. В тылу и на фронте они каждый день совершали маленький подвиг. На заводах их ставили на ящики перед станком, чтобы они могли дотянуться до рычагов управления. Не было ни одной семьи, которой бы не коснулось это страшное событие. На фронт уходили мужья, отцы, братья.

[1] © Федорова А. В., Богданова Е. Г. Текст. 2018.

Все основные тяготы в тылу в военное время легли на женские и детские плечи. Женщина оставалась единственной кормилицей семьи, а неполные семьи в годы войны и после ее окончания стали привычным явлением.

Н.С. Шибанов, проживавший в поселке Полтавский Полтавского района Челябинской области, вспоминал: «…*После ухода отца на фронт нас осталось на иждивении матери пятеро, от трех до пятнадцати лет: две старшие дочери и трое сыновей. Никаких сбережений и каких-либо припасов продуктов. Вскоре наступили „черные дни". Особенно тяжело было в 1941–1942 гг. Матери приходилось труднее втройне: работать в качестве ночного сторожа-охранника, вести всю домашнюю работу, обихаживать детей и домашний скот, а в вечернее и ночное время вязать пуховые платки, варежки и носки детям*» [16, с. 201].

Занятость женщин и детей в промышленном производстве и сельском хозяйстве значительно увеличилась. О размахе этого движения можно судить по тому, что уже в июле-августе 1941 г. на курсах при МТС Челябинской области получили права на вождение (тракторов и комбайнов) 10 960 человек, в том числе — 8100 женщин [6, с. 148]. Из Краснохолмского района Чкаловской области в декабре 1941 г. сообщали, что для замены ушедших в армию готовили на курсах учащихся 10-х классов — 12 человек для работы штурвальными, в Илекской школе — 11 девушек. Из Грачевского района выехало в г. Бузулук 55 девушек на краткосрочные курсы комбайнеров[1]. Всего в 1941 г. в Чкаловской области при МТС подготовили 18186 механизаторов, из них 90 % составили девушки и женщины. Многие обучались непосредственно в поле. К августу 1943 г. на 97 предприятиях города Чкалова было занято 35 500 человек, из них женщин и подростков — 30 810 человек, в том числе 15 310 женщин [14, с. 79].

Мужья и отцы, ушедшие на фронт, постоянно ощущали тревогу за оставленное семейство, понимая, какое бремя и ответственность легли на женские и детские плечи. Определенная характеристика семейных отношений неожиданно ярко проявилась в письмах военной поры. Многие тысячи их ежедневно получали с фронта и отправляли с краткими сообщениями о своей жизни в тылу. Почтовая переписка являлась одной из наиболее эффективных форм поддержания связей между родными и близкими в военную пору. Учитывая большое политическое значение такой формы связи между народом и армией, ЦК ВКП(б) 4 октября 1941 г. принял решение о мерах по ускорению доставки писем на фронт [2, с. 65].

Вот строки из письма Героя Советского Союза Т.П. Курочкина, жителя с. Колычево-Шарлыкского района Чкаловской области от 2 октября 1942 г.: «*Вы знаете, где я нахожусь и какая обстановка… Наша задача… бить врага беспощадно… А вы, дорогая супруга как живете, как работаете, что почем? Как обеспечилась хлебом, как думаете прожить? Как у ребят обувка, одежа? Ходят ли в школу?…*». Особое значение придает этим строкам приписка:

[1] Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 371. Оп. 5. Д. 302. Л. 2.

«*Писал под градом пуль и мин, осколков*»[1]. В семье Т. Курочкина на попечении жены осталось четверо детей: сын Петр, дочери Валя, Рая и Маша.

Письмо на фронт мужу Николаю от жены Анны от 20 апреля 1942 г.: «*... Очень много значит, что пошла работать, там народа много, у нас бригада очень хорошая. Я стахановка, получаю стахановские булочки и приношу своему любимому сыну... Коля, он так вырос, что его пальтишко серое, как курточка... Сколько пережила я и что еще ждет впереди. Что бы ни ждало, лишь бы ты вернулся, все остальное пустяки*»[2]. Письма проверялись цензурой и в них старались не писать о тяготах и лишениях тыловых будней. Но даже за скупыми строчками можно увидеть, какую беду принесла война в миллионы семей.

Процесс эвакуации в Южноуральском регионе увеличил контингент детей. Так, на 1 ноября 1942 г. Чкаловская область приняла всего 242 657 человек, в том числе мужчин — 78 829, женщин — 163 828, детей до 14 лет — 86 247 человек. Причем процент женщин и детей, размещенных в селах, был больше, чем в городах, мужчин — наоборот. Это связано с тем, что последние прибывали с эвакуированными предприятиями и учреждениями, которые в основном располагались в городских пунктах. На 20 марта 1942 г. в Челябинскую область из общего количества 428 тыс. эвакуированных неорганизованно прибыло 226 тыс. чел., с предприятиями и учреждениями — 168 тыс. чел., детей — 34 тыс. человек. На апрель 1942 г. в регионе приняли 650,8 тыс. чел., или 36,7 % от общего количества эвакуированных на Урал[3].

В условиях огромных людских потерь получило распространение усыновление детей. Большое значение имело принятое 23 января 1942 г. постановление Совнаркома СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В соответствии с этим постановлением в конце января — начале февраля 1942 г. по всей стране были образованы областные, краевые и республиканские комиссии, в состав которых входили руководители местных отделов народного образования, здравоохранения, милиции, профсоюзных и комсомольских организаций. Основной задачей таких комиссий стало выявление и устройство беспризорных и безнадзорных детей, привлечение к этому делу широкой общественности.

Не последнюю роль в ликвидации беспризорности имело устройство оставшихся без родителей детей на воспитание в семьи трудящихся. Президиум Верховного Совета СССР 8 сентября 1943 г. специально принял Указ, где устанавливалось, «что усыновляемому по просьбе усыновителя могут быть присвоены фамилия и отчество по имени усыновителя». По просьбе усыновителей их вписывали в актовые книги о рождении в качестве родителей усыновляемого. Однако при усыновлении детей,

[1] Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей (ОГИКМ). 12140/2. 6 октября 1942 г.

[2] ОГИКМ. 5740/2. 20 апреля 1942 г.

[3] Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1003. Оп. 3. Д. 872. Л. 31.

достигших десятилетнего возраста, присвоение им фамилии, отчества усыновителя, а также запись усыновителей в качестве родителей не допускались без согласия детей [11, с. 286].

После смерти матери семерых детей Н.В. Фроловой в колхозе «Свободный Урал» Воздвиженского сельсовета (Челябинская область) на помощь оставшимся сиротам пришли супруги Васильевы. Самого маленького полуторагодовалого Васю Фролова они взяли в свою семью и воспитали его наравне со своими детьми [8]. При Курганском горисполкоме создали комиссию из 8 человек по устройству детей, оставшихся без родителей в результате войны [10].

В Челябинской области в 1944 г. такая комиссия провела три заседания, на которых выяснилось, что по статистическим данным в 29 районах из 38 на 1 июля 1944 г. учтенных детей, оставшихся без родителей, было 2459, в том числе детей военнослужащих — 1518. За первое полугодие 1944 г. из этого количества детей-сирот устроено 2109 чел., из них: в детские дома — 779, усыновлено — 234, отдано на патронат — 608, под опеку — 324, трудоустроено — 98, поступило в учебные заведения — 66 чел. На 1 июля 1944 г. неустроенными оставались 350 детей-сирот[1]. К концу войны по всей стране в семьях трудящихся, по неполным данным, воспитывалось 350 тыс. детей, потерявших своих родителей [11, с. 301].

Демографические процессы, составляющие основу воспроизводства населения, отражали тяжелое состояние страны. Развернувшиеся военные действия и мобилизация мужчин на фронт привели к сильному снижению числа новорожденных. Уровень рождаемости в 1944 г. в сельской местности сократился с 65,5 до 20,4 младенцев на 1000 чел., в городской — с 60,7 до 34,4, по сравнению с 1941 г. за 1941–1945 гг. появилось на свет 435 927 малышей, из них 165 144, или 37,9 %, приходилось на 1941 г., на котором еще не отразились общие негативные тенденции в динамике данного процесса[2]. В целом по Южному Уралу рождаемость уменьшилась в 3,4 раза. Таким образом, только в одном регионе глубокого тыла в военные годы новое поколение не получило около 400 тыс. человек.

Показатели же общей детской смертности в первые годы войны повысились до катастрофических размеров. Еще в довоенное время она носила ярко выраженный сезонный характер и достигала предельных величин в летние месяцы, что обусловлено ростом желудочно-кишечных заболеваний. Поэтому повышение смертности детей летом и осенью 1941 г. (июль — сентябрь) в значительной степени можно отнести на счет обычных сезонных колебаний. Воздействие военного фактора стало ощутимым

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-339. Оп. 1. Д. 1335. Л. 6 об.

[2] Подсчитано по: Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1591. Оп. 6. Д. 2. Л. 4, 5, 26 об; Д. 9. Л. 1 об; Д. 16. Л. 18 об, 20, 21; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 25. Л. 7, 10; Д. 42. Л. 73; Д. 54. Л. 34 об, 36 об; Д. 79. Л. 1, 2; Д. 75. Л. 23; Д. 102. Л. 65 об; ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 5. Д. 219. Л. 35; данные Оренбургского управления статистики.

только с октября 1941 г., когда темпы ее снижения осенью, столь характерные для мирных лет, существенно замедлились. И если в 1940 г. (с августа по декабрь) коэффициент детской смертности сократился более чем в 2 раза, то в эти же месяцы 1941 г. — только на 36 %[1].

Как отмечалось в справке о состоянии здравоохранения г. Чкалова, в 1941 г. детская смертность с августа месяца начинает возрастать против прошлого года соответствующего месяца на 90 %. Официально в ноябре 1940 г. учтено 64 случая, в 1941 г. в этом же месяце — 122. В октябре 1941 г. всего в Чкаловской области умерло 3287 человек, в том числе детей до 15 лет — 2157, из них до года — 956 человек. За декабрь 1941 г. от всех болезней скончалось 3 962 человека, в их числе до 15 лет — 3419 (до одного года — 870), что составило 86 % от общего объема. Секретарю обкома ВКП(б) В. Г. Кудряеву в докладной записке от 5 декабря 1941 г. по Сакмарскому району сообщалось, что наблюдалась большая смертность детей, но учета нет, никто не знает, сколько точно умерло. В районе свирепствовали корь, брюшной тиф, дифтерит, скарлатина, колит, рожа, чесотка и т. д. От кори в селе Беловка умерло 29 человек[2].

Именно дети, в первую очередь, стали заложниками ухудшения санитарно-гигиенических условий в начале войны. Необходимо учитывать, что предвоенный 1940 г. отмечался значительным увеличением детской смертности, которая составила по Чкаловской области 50 % от общего уровня. Так в феврале 1941 г. всего умерло 2267 человек, из них в возрасте до 15 лет — 1196, или 51,5 %, в марте, соответственно — 2775 и 1450 человек (52 %)[3]. К сожалению, поступательно динамику общей детской смертности пока не представляется возможным проследить из-за отсутствия полных статистических данных. С уменьшением количества умерших детей до 15 лет эти показатели исчезают из сводок.

На уровне смертности сказались ухудшение санитарных условий и рост заболеваемости, тесно связанный с передвижением и притоком мигрантов. Из прибывших в Челябинскую область они составили 37 % [5, с. 70]. Значительная их часть выезжала в составе детских учреждений. К февралю 1942 г. в Челябинской области разместили 143 детдома (18 238 чел.), 128 интернатов (13 277 воспитанников) [12, с. 225]. В справке Чкаловского областного отдела народного образования «О состоянии детских учреждений на 6 января 1942 г.» сообщалось, что всего в область по эвакуации прибыло: детских учреждений — 87, в них детей — 8575 человек [1, с. 112].

Железные дороги в 1941–1942 гг. стали главным источником распространения желудочно-кишечных и острых инфекционных заболеваний, в первую очередь тифа. Массовое распространение сыпного тифа постоянно наблюдалось во время войн, голода и других социальных потрясений,

[1] Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 25. Л. 10; Д. 42. Л. 73; Д. 54. Л. 34 об; данные Оренбургского управления статистики.

[2] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 5. Д. 170. Л. 4.; Д. 163. Л. 71 об.; Д. 219. Л. 26.

[3] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 5. Д. 219. Л. 1, 4.

сопровождавшихся резким ухудшением жилищных и бытовых условий жизни населения, а также при передвижении больших групп людей.

Народный артист СССР Л. Дуров вспоминал: «…*у меня сохранилось такое ощущение… как только начинается война, сразу появляются вши. Такое ощущение, что это происходит даже вне зависимости от грязи или отсутствия мыла… И когда приехали в Чкалов, я помню, что даже под ногтями, в бровях — везде были вши. Нас поставили посреди двора на Чкаловской улице, постелили газеты, мы стояли на этих газетах и нам выстригали все: ногти под корень, кровь на пальцах была, выстригали брови… Из соседского дома с машинкой пришли, обстригли всего. Потом обмыли каустиком.…Несколько раз моют. Потом дают чистую рубаху, чистые портки, взрослые мужские. И только тогда можно было войти в дом. Иначе нельзя — заразишь все помещение вшами… Только приехали — первая процедура была такая*» [15].

Детей привозили на Южный Урал в течение 1941–1943 гг., но основной поток пришелся на 1941 г. [13, с. 57]. Уже на 16 июля в сводках по Чкаловской области указывалось, что в числе прибывших находился специальный эшелон детей, которых направили в Платовский санаторий облздравотдела. На 5 августа 1941 г. в Чкаловской области дети составили 38 % от общего количества эвакуированных, в дальнейшем до конца года это соотношение неуклонно росло: 20 августа 1941 г. — 40 %, 5 сентября — 41 %, 10 декабря — 43 %. К ноябрю 1942 г. показатель снизился до 37 % и оставался стабильным в течение всей войны[1].

Некоторые эшелоны, особенно в первые месяцы эвакуации, шли, не имея списка людей, много поступало больных, ослабленных долгой дорогой. Часто приходилось снимать с поездов умерших в пути. В докладной записке за январь 1943 г. о приеме и размещении детских учреждений сообщалось, что в Глядянском районе Челябинской области размещено 350 детей из Ленинграда. «При приеме детей на станции Курган оказалось 7 человек обмороженных, которых тотчас же поместили в Курганскую больницу, у двоих из них пришлось ампутировать ноги. Всего больных оказалось 30 человек. Из перевезенных в район детей 30 % болеют чесоткой, все крайне истощены»[2].

Очень тяжелыми были условия жизни в детских домах и интернатах. Дом грудного ребенка Орловской области разместили г. Чкалове в неприспособленном для детского учреждения здании школы № 5, без кухни и теплой воды. Дети после длительного пути не прошли санобработку, что привело к массовой завшивленности. Малыши располагались на полу, вследствие чего имелась большая заболеваемость. На 12 декабря в больнице находился на излечении 21 ребенок. Умерло за время проживания в г. Чкалове в 1941 г. 14 человек. Несколько раз выносилось решение

[1] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 5. Д. 161. Л. 20, 25, 31, 54; Оп. 6. Д. 168. Л. 11.

[2] ОГАЧО. Ф. П-28. Оп. 8. Д. 217. Л. 2.

облисполкома о предоставлении соответствующего помещения и улучшении обслуживания, которое не выполнялось[1].

Неудовлетворительное состояние отмечалось в Сарай-Гирском детском доме Матвеевского района Чкаловской области, в котором насчитывалось 56 воспитанников дошкольного и школьного возраста. В помещении было холодно, на кухне и столовой грязь, постельные принадлежности отсутствовали, в результате наблюдались завшивленность и чесотка. Из-за низкой температуры в комнатах дети простывали и болели воспалением легких, зафиксировано два случая со смертельным исходом. Подобная обстановка сложилась и в детских домах, располагавшихся в селах Тимашкино и Матвеевка[2].

Ситуация в Челябинской области складывалась не лучшим образом. Спальни в Булзинском детдоме Каслинского района располагались на втором этаже, а на первом — конюшни. При проверке матрацы, подушки, простыни имели грязный вид. Ребята спали на полу из-за большого количества клопов в топчанах, в нательном белье обнаружили вшей. Из 82 человек — 54 не имели зимней одежды. На всех имелось только 10 мисок, сделанных из консервных банок, пищу принимали без ложек. Как зафиксировала комиссия, в Каслинском детдоме дети обуты в рваные брезентовые полуботинки и калоши, которые привязывались к ногам веревками, а вместо чулок наматывали грязные тряпки. Медицинский осмотр установил, что из 132 воспитанников — 22 дистрофика и 40 ослабленных, но этим больным дополнительного питания не выдавалось [7, с. 74, 75].

Скудная пища, теснота, холод в помещениях приводили к физическому истощению детского организма. Свыше тысячи школьников, эвакуированных в Чкаловскую область, в декабре 1941 г. не могли посещать занятия из-за отсутствия одежды и обуви. В детдомах наблюдались заболевания цингой, тифом, туберкулезом. Возможностями для улучшения медико-санитарного состояния эти учреждения не обладали. Даже в конце войны из 97 детдомов Курганской области 63 не имели изоляторов, 60 — бань, 57 — прачечных[3].

Основными причинами детской смертности в 1942 г. стали следующие заболевания: воспаление легких (от которого скончалось 32,9 % общего числа умерших до одного года), желудочно-кишечные инфекции (27,1 %), врожденная слабость (14,5 %), дизентерия и гемоколит (4,9), корь (2,5), туберкулез (1,75 %). Иными словами, структура причин по заболеваниям показывает, что главными виновниками гибели малышей в экстремальном 1942 г. стали типично детские инфекции и болезни, которых вполне можно избежать в мирное время. Об этом же говорит и рост числа умерших

[1] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 5. Д. 162. Л. 35.

[2] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 6. Д. 147. Л. 9.

[3] Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 3. Д. 61. Л. 88.

от туберкулеза (примерно 1/4 по сравнению с 1940 г.), что также являлось следствием резкого ухудшения условий жизни [9, с. 123].

Трудное положение возникло при обеспечении продуктами детей питания. В докладной записке наркома здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьякова, составленной в конце 1941 г. для представления в СНК РСФСР, подчеркивалось: «Набор продуктов, предусмотренных продовольственными карточками, не обеспечивает нормального развития ребенка и не создает необходимых условий для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности» [9, с. 92]. Особенно тяжелая ситуация сложилась с поставками молока. Заместителю председателя Госплана М. В. Дегтярю в письме НКЗдрава СССР отмечалось, что Челябинская и Чкаловская области молоком не снабжались. Не случайно поэтому в 1942–1943 гг. основными причинами гибели детей являлись недоедание и некачественное питание. Государственная помощь рожающим матерям была недостаточна. В Челябинской области показатель младенческой смертности в 1942 г. составлял 33,6 %, в Чкаловской области — 24 % к общему числу родившихся.

Зима 1943 г. оказалась самой суровой и голодной. Голод вынуждал людей искать пищу в лугах, полях, лесах. Весной одни шли за щавелем, чесноком, другие собирали в полях перезимовавшие колоски. Их собирали, сушили, шелушили и мололи. Очень скоро хлеб из этой муки обернулся трагедией для многих людей. Те, кто ели такой хлеб, заболевали септической ангиной. На 3–4-й день гнойная ангина поражала гортань, пищевод, лимфатические узлы человека при температуре за 40 градусов. Потом у больного начинался общий сепсис, и он умирал.

Конец 1942 — начало 1943 гг. характеризуются кардинальным переломом в динамике смертности тылового населения страны: преобладающей тенденцией демографического развития стало резкое уменьшение ее показателей. Оставаясь в 1942 г. самым высоким за все годы войны, уровень смертности в регионе с осени также постепенно снижался. На ситуацию повлияло в первую очередь сокращение умерших в детском возрасте. Изменению положения способствовало вышедшее в октябре 1942 г. постановление СНК СССР «О мероприятиях по улучшению работы органов Наркомздрава и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению питания нуждающихся детей», в котором предусматривалось усилить патронажную службу, организовать консультации в ранние сроки, молочные кухни [7, с. 72].

Важная роль в организации лечебно-оздоровительной работы возлагалась на районных и городских педиатров. Заслуживает внимания тот факт, что должности указанных специалистов введены приказом НКЗ СССР № 1739 для повышения компетентности руководства детскими лечебно-профилактическими учреждениями и патронажного обслуживания в раннем возрасте. Одна из главных задач детского здоровья состояла в выявлении и своевременной госпитализации больных туберкулезом, трахомой и другими инфекциями.

Газета «Сталинский путь» Кусинского района Челябинской области сообщала, что «…на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР, в Кусе введена дополнительная выдача продуктов по продовольственным карточкам беременным женщинам, начиная с шестого месяца беременности и в течение двух месяцев после родов, а также для кормилиц. Справки на право получения продуктов выдает женская консультация» [4]. На этом фоне к 1943 г. начала значительно сокращаться детская смертность и на Южном Урале. В декабре 1942 г. органами ЗАГСа Чкаловской области зарегистрирован 2281 случай смерти. Из общего количества умерших детей до 15 лет насчитывалось 873 человека (38,4 %), из них: от воспаления легких — 293, туберкулеза легких — 36, желудочно-кишечных заболеваний — 89, кори — 44, дифтерии — 54, скарлатины — 14. За декабрь 1943 г. зарегистрировано всего смертей 1923, в том числе и дети до 15 лет составили 19 %. Таким образом, доля общей детской смертности снизилась по отношению к декабрю 1942 г. в 2 раза, а по сравнению с соответствующим месяцем 1941 г. в 4 раза[1].

Таким образом, война оставила глубокий след в демографическом развитии страны вследствие резкого ухудшения социально-экономических условий жизни населения и мобилизации мужчин на фронт. Уменьшение рождаемости обусловило малочисленность военного поколения детей, которое и определяет процесс воспроизводства населения. На Южном Урале рождаемость в годы войны сократилась в 3,4 раза[2].

Государство в начале войны не смогло обеспечить элементарных санитарных и материально-бытовых условий жизни, что привело к увеличению общей детской смертности. Массовый приток эвакуированного населения, в том числе детей (на Южном Урале 37 % от общего количества), сказался на ухудшении санитарно-гигиенической обстановке и росте заболеваемости[3].

Особенно тяжелое положение складывалось в детских домах и интернатах, местах массового проживания детей. Так в декабре 1941 г. в общем числе умерших в Чкаловской области дети до 15 лет составляли 86 %. Основными причинами смерти являлись типично детские инфекции и болезни (желудочно-кишечные инфекции, дизентерия, истощение, гемоколит, корь, туберкулез), которых можно было избежать в мирное время.

С конца 1942 г. в связи с предпринятыми правительством мерами по улучшению медицинского обслуживания и питания детей ситуация по смертности стала улучшаться. Доля детской смертности в декабре 1943 г. в Чкаловской области составила 19 % от общего количества, что в 2 раза меньше декабря 1942 г., и в 4 раза соответствующего месяца 1941 г.[4]

---

[1] Подсчитано по: ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 219. Л. 26; Оп. 6. Д. 147. Л. 36; Оп. 7. Д. 174. Л. 50.

[2] ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 25. Л. 10; Д. 42. Л. 73; Д. 54. Л. 34 об.

[3] См.: [5, с. 70]; ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 5. Д. 161. Л. 20, 25, 31, 54; Оп. 6. Д. 168. Л. 11.

[4] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 5. Д. 219. Л. 26; Оп. 6. Д. 147. Л. 36; Оп. 7. Д. 174. Л. 50.

Несмотря на положительную динамику, наметившуюся в конце войны, воспроизводству населения был нанесен невосполнимый урон: последствия резкого сокращения численности детей военного времени вызвали многочисленные проблемы в демографическом развитии последующих поколений.

Список источников

1. *Абрамова Ю. П.* Документы архивного фонда об эвакуации детских учреждений // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны: регион. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Победы / отв. ред. Л. И. Футорянский. — Оренбург: ИПК «Юж. Урал», 2000. — С. 112–115.

2. *Антонян М. О.* Труженики тыла в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1960. — 77 с.

3. *Арнаутов А. И.* Дети войны на трудовом фронте // Гостиный двор. — Май 2015. — № 49. — С. 261–270.

4. Забота о матери и ребенке // Сталинский путь. Кусинский район Челябинской области. — 1942. — 2 октября.

5. *Кирсанов Р. Г.* Решение социальных проблем в годы Великой Отечественной войны (на примере Урала) // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны: регион. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Победы / отв. ред. Л.И. Футорянский. — Оренбург: ИПК «Юж. Урал», 2000. — С. 68–70.

6. *Колесник А. Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. — М.: Наука, 1982. — 328 с.

7. *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. — Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. — 173 с.

8. *Морозова М.* Благородный поступок // Сталинский путь. Агаповский район. — 1942. — 21 октября.

9. Население России в XX веке: исторические очерки / Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. В. Б. Жиромская. — М.: РОССПЭН, 2001. — 416 с.

10. *Ольгина Л.* Комиссия по устройству детей // Красный Курган. — 1942. — 14 апреля.

11. *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту. 2-е изд. — М.: Воениздат, 1985. — 319 с.

12. *Усольцева Н. Л.* Охрана материнства и детства на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Тыл — фронту: материалы междунар. конф., посвящ. 60-летию Великой Победы, 20–21 апреля 2005 г. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005. — С. 223–226.

13. *Федорова А. В.* Дети и война // История далекая и близкая: материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 250-летию г. Оренбурга. — Оренбург: Оренб. с.-х. ин-т, 1993. — С. 56–65.

14. *Хисамутдинова Р. Р.* Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне / под ред. А.В. Федоровой. — Оренбург: ИПК Оренб. гос. ун-та, 2005. — С. 77–82.

15. *Храмов И. В.* Лев Дуров: «Оренбург — мое светлое прошлое» // Вечерний Оренбург. — 2009. — 30 декабря.

16. *Шибанов Н. С.* Подранки войны // Челябинск в прошлом и настоящем: материалы 3-й науч. краеведч. конф. — Челябинск: ЧОКМ, ЧКАГИ, 2006. — С. 200–205.

Информация об авторах

Федорова Алла Владимировна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (Россия, 460795, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18; e-mail: istogau@yandex.ru).

Богданова Елена Григорьевна — кандидат исторических наук, заведующая военно-историческим отделом Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (Россия, 460000, г. Оренбург, ул. Советская 28, e-mail: elenka932@rambler.ru).

Fyodorova A. V., Bogdanova E. G.

Children Wartime (on Materials of South Ural)

The events of the Great Patriotic War go farther back into the depths of history, but still those who in ordinary years were ordinary boys and girls, whose childhood ended abruptly, are still alive. Children of the war are not just eyewitnesses, they, like adults, took part in the common affair under the slogan «Everything for the front! Everything for Victory! «. The concepts of «children» and «war» are incompatible, so new generations must remember and know their history. Evaluate the present, you can only compare it with the past. The authors based the idea on the example of real human destinies to restore and strengthen the spiritual and emotional connection of generations. The article examines the impact of the Great Patriotic War on the demographic processes associated with the reproduction of the population in the Southern Urals. The following aspects are examined: birth rate reduction, infant and general infant mortality rate, and their causes. The impact of child mortality on the dynamics of demographic processes in the rear region is analyzed throughout all the war years. An important addition to the work are the memoirs of contemporaries, as well as letters from the front. The main condition for studying this issue is an integrated approach. Methods were used: historical-comparative, synthesis and analysis. The main results include figures and indicators: fertility and child mortality, as well as the main reasons for the changes in the demographic picture.

Keywords: children of war, demographic processes, fertility, infant mortality, causes of infant mortality

References

1. Abramova Y. P. Archives collection documents the evacuation of child care// The South Ural during the Great Patriotic war: regional scientific-practical conference dedicated to 55-year anniversary of Victory / Science Editor L. I. Futoryansky. — Orenburg, 2000. — P. 11–115.

2. Antonyan M. O. Workers of the rear in the Great Patriotic war. — Moscow: Military Publ., 1960. — 77 p.

3. Arnautov A. I. Children of war on the labor front // Gostiny Dvor. — May 2015. — No. 49. — P. 261–270.

4. Care for the mother and child // Stalin's way. Kusinsky district of the Chelyabinsk region. — 1942. — 2 October.

5. Kirsanov R. G. Solution of social problems in the Great Patriotic War (on the example of the Urals)// The South Ural during the Great Patriotic war: regional scientific-practical conference dedicated to 55-year anniversary of Victory / Science Editor L. I. Futoryansky. Orenburg, 2000. P. 68–70.

6. Kolesnik A. D. RSFSR during the Great Patriotic war. The problems of the rear and the all-people assistance to the front. — M.: Nauka, 1982. — 328 p.

7. Kornilov G. E. Ural village and war. Problems of demographic development. — Ekaterinburg: Uralagropress, 1993. — 173 p.

8. Morozova M. Noble act // Stalin's way. Agapovo region. — 1942. — October, 21st.

9. Population of Russia in the twentieth century: historical essays. 1940–1959 / ed. V.B. Zhyromskaya. — Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. — Vol. 2. — 416 p.

10. Olgina L. Commission for the organization of children // Krasny Kurgan. — 1942. — 14 April.

11. Sinitsyn A. M. A nationwide aid to the front. — Moscow, 1985. — 319 p.

12. Usoltseva N. L. Maternal and child health in the South Ural during the Great Patriotic war // Rear — Front: materials of the international conference on the 60 th anniversary of the Victory, 20–21 April, 2005. — Chelyabinsk: ChelyabinskState Pedagogical University Press, 2005. — P. 223–226.

13. Fedorova A. V. Children and war// History is far and near: materials of the inter-university. sci. conf., dedicated. 250 anniversary of the city of Orenburg. — Orenburg, 1993. — P. 56–65.

14. Hisamutdinova R. R. Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War // Southern Urals in the years of the Great Patriotic war: materials region. scientific-practical. conf., dedicated. The 60th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War / ed. A. V. Fedorova. — Orenburg, 2005. — P. 77–82.

15. Khramov I. V. Lev Durov: «Orenburg is my bright past» // Evening Orenburg. — 2009. — December, 30th.

16. Shibanov N. S. Warriors of war // Chelyabinsk in the past and present: materials of the 3rd scientific. local conf. — Chelyabinsk, 2006. — P. 200–205.

Author

Fyodorova Alla Vladimirovna — doctor of historical sciences, professor, Head of the Department of the History of the Motherland of the Orenburg State Agrarian University (Russia, 460795, Orenburg, Chelyuskintsev St., 18; e-mail: istogau@yandex.ru).

Bogdanova Elena Grigorievna — candidate of historical sciences, Head of the Military History Department of the Orenburg gubernatorial historical museum (Russia, 460000, Orenburg, Sovetskaya Str., 28; e-mail: elenka932@rambler.ru).

УДК 63.3 (2р 36) 713

Филатов В. В.

СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ РАСКУЛАЧИВАНИЯ И КРЕСТЬЯНСКОЙ ССЫЛКИ НА УРАЛЕ[1]

Проведенное исследование позволяет определить состояние семейных отношений в Уральском регионе в период коллективизации, раскулачивания и ссылки состоятельных крестьян в 1930-е гг. Данный анализ будет способствовать выявлению основных тенденций проводимой властями политики по изоляции и разрушению семьи наиболее трудолюбивой части сельского социума, в целях утверждения социалистических преобразований деревни. Изучение данной проблемы проводится на основе материалов Урала, территория которого стала одним из основных мест расселения ссыльных крестьян страны. В результате проведенного исследования выявлено, что с использованием административных ресурсов и силовых методов партийно-советским, правоохранительным органам удалось осуществить широкомасштабную акцию по раскулачиванию и переселению состоятельных крестьян в спецпоселения. Это привело в большинстве случаев к распаду семей. Властные структуры проводили целенаправленную работу среди детей спецпереселенцев по отказу от своих родителей. На это были направлены меры по идеологическому перевоспитанию молодежи в учебных заведениях, пропаганде советского образа жизни через средства массовой информации, привлечению к общественной деятельности. Восстановление в гражданских правах использовалось для дальнейшего раскола семей ссыльных. В местах ссылки создавались невыносимые условия для проживания, особенно на первом этапе: отсутствовали элементарное жилье, медицинское обслуживание, обеспечение продовольствием и промтоварами. Ссыльные крестьянские семьи находились на грани выживания, прежде всего в неурожайные годы. Нарушения прав человека негативным образом сказались на демографической ситуации в Уральском регионе.

Ключевые слова: семья, раскулачивание, ссылка, Уральский регион, спецпоселения

Актуальность проведенного исследования вызвана необходимостью для исторической науки и демографии выявить положение семьи в весьма непростой период отечественной истории. В 1930-е гг. начался ускоренный процесс коллективизации, который коренным образом повлиял на семейные отношения в деревне. Уральский регион представляет собой уникальный пример, дающий возможность проследить, как во время раскулачивания и последующей ссылки разрушались традиционные семейные устои.

В исследование демографических проблем крестьянства в период раскулачивания и ссылки значительный вклад внесли Г.Е. Корнилов, В.Б. Жиромская, В.Н. Земсков, Н.А. Ивницкий и другие ученые [5; 6; 7; 8;

[1] © Филатов В. В. Текст. 2018.

10; 11]. Дальнейшее изучение данной проблематики на региональном материале позволит лучше понять демографические трансформации, происходившие в сельском социуме.

Относительно зажиточные крестьянские семьи, так называемые кулаки, в начале 1930-х гг. подверглись тяжелым испытаниям. В зависимости от утвержденных властями категорий кулаков одни из них оказались без близких родственников, отправленных в места заключения или расстрелянных, другие крестьяне направлялись в ссылку, третьи переезжали в необжитые места своего региона. В такой сложной ситуации приходилось принимать решения о дальнейшем существовании семьи.

На примере Курганского округа Уральской области видно, что порой приходилось жертвовать многим в жизни, разрушая семейные узы. В Куртамышском районе Курганского округа были отмечены случаи отказа от родителей, мужей-кулаков. В Масловском сельсовете демобилизованный красноармеец, который участвовал в организации колхоза, публично на общегражданском собрании заявил: «Моего отца надо выселить, он эксплуататор-кулак, я с ним порвал всякую связь и общественно от него отрекаюсь». В Жилинском сельсовете Чашинского района бедняки женились на дочерях кулаков, намеченных к выселению, но административная часть отказывала в регистрации этих браков. В с. Юргамыш инвалид Гражданской войны, пенсионер, имел жену — дочь кулака. Собрание решило его жену выселить, а пенсионеру воспитывать детей в советском духе. Некоторые кулаки приходили в сельсовет и со слезами просили выселить без семьи. Жены же заявляли, что готовы к расстрелу на месте, а с детьми никуда не поедут.

В Чесноковском сельсовете Мокроусовского района наметили к высылке кулака, у которого зять являлся батраком и жил в его доме. Этот батрак и его жена к высылке намечены не были. Когда обсуждали вопрос о выселении кулаков на общем собрании, батрак выступил с таким заявлением: «Тестя надо выселить, он действительно кулак, да мне и жену не жаль, только с детишками неудобно, если можно, то оставьте, а нельзя, так черт с ней» [15, с. 34, 42–43, 45–46, 53].

Некоторые раскулаченные фиктивно разводились, чтобы оставить имущество своим женам. В Уральской области жена раскулаченного подала иск о возвращении ей конфискованного имущества мужа, мотивируя это тем, что сама она не крестьянка, а рабочая. Однако иск отклонили в связи с тем, что в последние пять лет до раскулачивания она жила и работала как крестьянка и жена кулака [20, с. 272].

Распад семей зажиточных являлся преднамеренной акцией, предпринятой властями с целью не только изолировать этих крестьян от остального сельского социума, но и внести внутрисемейный разлад. Тем самым оказывалось психологическое давление на состоятельных сельских жителей. В семье необходимо было сделать выбор: или разделить участь высылаемого, или отказаться от него. Одни отрицали свою прошлую семейную

жизнь сознательно, другие же, учитывая сложившиеся обстоятельства, на семейном совете решали создать видимость разрыва, для того чтобы избежать тягот жизни в условиях неволи, а позднее воссоединиться.

Раскулаченные семьи претерпевали большие невзгоды, добираясь до мест расселения. В Тюменском округе только при одном этапировании высылаемых кулаков зарегистрировали десять случаев смерти детей. Из Челябинского округа отправили в ссылку двух женщин вскоре после родов, у одного ребенка даже еще не заросла пуповина [15, с. 67]. На пути следования от Тюмени до Тобольска были случаи, когда дети при морозе 40 градусов замерзали и их выбрасывали на дорогу. Имелись случаи мародерства и изнасилований ссыльных девушек милиционерами [13, с. 133–135].

Средний состав семьи, выселенной на Урал, равнялся 4,2 человека, из них трудоспособные составляли 37,9 %, то есть в семье было 1,6 работника, хотя по установке центра соотношение трудоспособных и нетрудоспособных среди спецпереселенцев должно было составлять 6 к 4 [16, с. 15]. В феврале 1930 г. по разнарядке полномочного представительства ОГПУ в Уральской области по первой категории выселили 4685 семей кулаков, которых арестовали и поместили в концлагеря, по второй категории выселили 15,2 тыс. семей. В каждой семье насчитывалось 6–9 человек [2, с. 140–141].

Урал стал одним из главных мест ссылки для раскулаченных семей всей страны. Только с 15 марта по 10 мая 1930 г. в Уральскую область из других районов СССР было выселено 17195 кулацких семей (82 495 человек), и 14675 семей (66 184 человека) переселили с юга области. Всего Уральская область расселила 31,9 тыс. семей (148,7 тыс. человек), из них детей — 57,5 тыс. [13, с. 154].

В циркуляре ПП ОГПУ по Уралу 24 января 1931 г. указывалось, что выселению не подлежали: семьи, где отсутствовали трудоспособные мужчины до 50 лет, семьи ранее ошибочно раскулаченные, семьи, члены которых в то время служили в Красной Армии, семьи красных партизан[1]. В Уральской области приняли инструкцию о порядке переселения кулаков из районов области. В ней указывалось, что выселялись все кулацкие семьи, в составе которых имелся хотя бы один трудоспособный мужчина в возрасте от 18 до 55 лет. Выселению подлежали и те кулацкие семьи, из которых сбежали трудоспособные мужчины, но при условии наличия трудоспособных женщин в возрасте 20–40 лет, не имевших детей до четырех лет[2]. По сведениям Н. А. Ивницкого, в конце 1931 г. на Урале расселили 130,1 тыс. семей (540,8 тыс. человек) [10, с. 223].

В апреле 1932 г. вышел циркуляр ОГПУ «О производстве выселения кулацких семей в 1932 году». Кулаков, проходивших по делам, срок по которым составлял до трех лет заключения в концлагере, предусматривалось направить в спецпоселки для соединения со своими семьями,

[1] ГАСО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 22. Л. 16–16 об.

[2] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 165. Л. 60–63.

находившимися в спецпоселениях. Запрещалось отправлять больных членов кулацких семей. Дети кулаков до 14 лет оставлялись у родственников или знакомых. На иждивении родственников и знакомых следовало оставлять нетрудоспособных и престарелых членов кулацких семей. Кроме того, не допускалось разъединение членов одних и тех же семей [13, с. 554–556].

Размещение спецпереселенцев на Урале на 1 января 1932 г. составляло 36,7 %, на 1 июня 1938 г. — 24,2 % от всех высланных в стране спецпереселенцев [8, с. 118]. На соединение со своими семьями в кулацкую ссылку прибыло в 1934–1938 гг. 31,4 тыс. свободных граждан, из них в Свердловскую и Пермскую области — 7,9 тыс., в Челябинскую область — 2,6 тыс., в Башкирию — 0,9 тыс. Если в 1930–1931 гг. на каждую крестьянскую семью в спецпоселении приходилось в среднем 4,7 человека, то к 1940 г. — 3,8 [6, с. 42, 47].

Родственники и знакомые, приезжая к ссыльным, иногда привозили им документы, что помогало при побеге. Кулаки получали помощь в организации побега и от местного населения. Люди, приезжавшие на свидание, зачастую вывозили детей. Только за десять дней июля 1930 г. из Уральской области было вывезено 500 детей [13, с. 493, 683].

Рождаемость в спецпоселках была невысокой и составляла от 1,4 % (к состоявшим на учете в Уральской области на январь 1932 г.) до 1,9 % в Башкирии. Через год эти показатели изменились: 1,1 % и 1,3 % соответственно. Влияние на и без того низкую рождаемость оказали голод в стране и на Урале и условия проживания спецпереселенцев. Смертность среди них была высокой, особенно в 1932 г. в Уральской области (11,9 % к состоявшим на учете вместе с прибывшими), а в Башкирии — 4,7 % [14, с. 739; 2, с. 50–51].

Условия для проживания высланных семей были очень тяжелые. В 1931 г. в Уральской области была построена лишь половина необходимого для спецпереселенцев жилья. К зиме 1932 г. из запланированных 36,5 тыс. домов имелось только 21,1 тыс., в которых проживало 97,7 тыс. семей. Остальные 32,3 тыс. семей ютились в крестьянских семьях, в бараках и других временных помещениях [10, с. 243]. На предприятиях, где работали спецпереселенцы, в основном строились бараки стандартного типа, а на новостройках — поселки. Все жилища возводились наспех, из сырого леса, недостаточно утепленными, с отсутствием вторых зимних рам. В ряде мест, как в Магнитогорске, спецпереселенцы жили в землянках.

Санитарное состояние жилья вызывало тревогу у Наркомата здравоохранения. Из-за отсутствия кладовок в бараках и избах спецпереселенцы держали нужную и ненужную одежду возле себя. Семьи в бараках не были отделены. В бараках находились только нары, причем люди спали и под нарами в связи с отсутствием мест. На человека приходилось от 0,05 до 1,5 м2 жилой площади.

Значительное количество детей вызывало постоянный шум в бараках, и люди не могли нормально отдыхать. Дезинфекция из-за отсутствия

препаратов не производилась. Недостаток вошебоек приводил к завшивленности одежды. Как правило, отсутствовали уборные и помойные ямы (за исключением новостроек), а имевшиеся были постоянно переполнены. Площадь вокруг жилищ была загажена, что создавало реальную эпидемическую опасность. В поселках не хватало бань. Полное отсутствие прачечных, недостаток белья приводили к частой стирке в жилых помещениях, что вело к увеличению сырости, испарениям и зловониям [16, с. 101, 103].

В докладной записке прокурору Уральской области в апреле 1933 г. сообщалось о состоянии спецссылки в Магнитогорске. В то время как жилплощадь должна была составлять 3 м^2 на человека, фактически она равнялась 1,74 м^2. В бараках отсутствовали умывальники. В большинстве бараков и саманных домах отсутствовали полы, вторые рамы не были застеклены, электроосвещение составляло 50 % потребности. 24 барака не были достроены, 12 — не имели крыш. Саманные бараки разваливались и имели течь через крышу[1]. В 1930 г. у значительной части переселенцев, особенно у детей, одежды, обуви и даже мыла не хватало, что создавало крайне тяжелое положение в части медико-санитарного обслуживания [13, с. 180].

В марте 1931 г. в Яйвинском и Соликамском леспромхозах снабжение было организовано неудовлетворительно. Продуктов по нормам не хватало. По предложению Уралсовета от 11 февраля 1931 г. было решено членов семей со снабжения снять и производить выдачу продуктов питания с вырабатываемого кубометра, за счет которого и питать нетрудоспособных членов семьи. Однако нормы не выполнялись из-за отсутствия достаточной квалификации и слабого здоровья ссыльных. Поэтому высланные крестьяне не могли прокормить семью и себя. В среднем семья состояла из шести человек, из них только один трудоспособный. За выполненную норму в 5 м^3 ссыльный получал 1,2 кг муки или печеного хлеба, т. е. 200 г на члена семьи. В то же время имелись семьи по 8–11 человек, а на них фонды не выделялись [19, с. 156–157]. И такое положение было повсеместно. Для членов семей спецпереселенцев в июле 1931 г. были установлены нормы снабжения для работающих в сельском хозяйстве: муки — 200 г, а для занятых в промышленности — 300 г, крупы — 25 и 30 г, рыбы — 75 г, сахара — 12 г [14, с. 707].

В Уральской области на февраль 1932 г. питание, как правило, было неудовлетворительное. Из 228 запроектированных столовых в наличии имелось 140, из 221 хлебопекарни — 140, из 368 ларьков — 31. У столовых и пекарен была незначительная пропускная способность. Особенно плохо с питанием спецпереселенцев обстояли дела на лесозаготовках, где его не хватало по количеству и качеству. Имело место полное отсутствие жиров и мяса, дети не получали молока. В Верхотурском районе было много больных, страдавших от голода, в больнице находились больные с голодными

[1] Магнитогорский рабочий. 1989. 14 июля.

отеками. Северные районы области не снабжались противоцинговыми продуктами питания, что привело к заболеваниям цингой [16, с. 102].

По информации чекистов в апреле 1933 г., в Уральской области имелись случаи употребления в пищу павших животных, трупов, различных суррогатов. На почве недоедания отмечалось опухание людей. Встречались и случаи самоубийств. В Алапаевском районе спецпереселенка Насон, не имея продуктов, собрав обрезки от сырой кожи, которая была ей дана для починки обуви, сварила из них суп и кормила им семерых своих детей. Спецпереселенка И. Дзюба в течение целого месяца ходила по лесоучастку, вылавливала кошек и собак, их ела, а затем умерла от голода. В поселках лесотдела Башкирского металлургического завода зафиксировали случаи употребления в пищу древесины, опилок, липовой коры и других отходов деревообработки. На Урале были зарегистрированы факты трупоедства, ставшего, по мнению чекистов, умышленной провокацией со стороны антисоветских элементов ссылки [13, с. 1001]. В Надеждинском районе в марте 1933 г. А. Симаненко похитила труп, перерезала его на части с целью употребления в пищу. Группа спецпереселенцев Красноярского производственного участка ночью с кладбища похитила труп человека, изрубила его на части и употребила его в пищу [1, с. 192].

В местах ссылки положение было ужасным. Для организации медицинской помощи не хватало средств. Люди не ходили в бани из-за отсутствия денег. Все это приводило к эпидемиям. В Тагильском округе умерло за февраль-апрель 1930 г. 127 переселенцев, в том числе 97 детей, в Тобольском округе — 416 и 391 соответственно. Всего же в Тагильском округе за это время был учтен 3701 человек заболевших, из них 938 детей, а в Тобольском округе — 3066 человек и 2216 детей соответственно [17, с. 446]. Плохое медицинское обслуживание приводило к высокой заболеваемости. Так, в 1930 г. с апреля по июнь в трех северных округах Уральской области заболело 26 тыс. спецпереселенцев, из которых умерло 639[1].

Во всех северных округах переселенцы расселялись на далеком расстоянии от медпунктов, в среднем на 25–30 км, поэтому большинство ссыльных было лишено не только постоянной медицинской помощи, но порой и экстренной. Руководство Уральской области организовало дополнительно для спецпереселенцев 355 коек, пять заразных бараков с 150 койками, 32 врачебными пунктами и т. п., но этого было явно недостаточно.

Даже в Магнитогорске, относительно хорошо обеспеченном медицинской помощью для спецпереселенцев, с 20 июля по 20 августа 1930 г. из 2650 детей до 3-х лет умерло 15 %, из 4,3 тыс. детей от 3 до 8 лет — 13 %, из 4,1 тыс. детей от 8 до 14 лет — 0,5 %. Взрослых же за июнь-август умерло 106 человек [13, с. 157–159, 976]. Высокая смертность среди болевших спецпереселенцев отмечалась во всех районах Уральской области. В 1931 г. в спецпоселках Уральской области умерло 32,7 тыс. человек, а в следующем году — в 1,5 раза больше. В Башкирии за это время скончались 1090

[1] ГАСО. Ф. 88. Оп. 1а. Д. 58. Л. 68.

и 1066 спецпереселенцев соответственно. Если по отношению к наличному контингенту в спецпоселках вместе с прибывшими удельный вес умерших составлял в Уральской области 6,3 % (1931 г.) и 13,1 % (1932 г.), то в Башкирии — 4,6 % и 4,7 % соответственно [6, с. 22–23]. В 1932 г. в спецпоселках Советского Союза умерло 89,8 тыс. человек, в 1933 г. — 151,6 тыс., в 1934 г. — 40 тыс., в 1935 г. — 22 тыс. человек. Смертность среди спецпереселенцев в Уральской области в 1933 г. составила 51 тыс. человек (около 15 % от общей численности) [13, с. 1051; 7, с. 6].

Руководством страны была поставлена задача не только организовать труд ссыльных кулаков, но и с помощью пропаганды и агитации, привлечения раскулаченных и их детей к общественной работе, участия в культурно-массовых мероприятиях, повышения общего образования и квалификации, политического просвещения перевоспитывать спецконтингент в духе марксистско-ленинской идеологии. Считалось важным оторвать, прежде всего, молодежь от старшего поколения, их устоявшихся традиционных взглядов на ведение индивидуального хозяйства. Ставилась задача привлечь ссыльных к общественно полезному труду, воспитывать в них социалистический коллективизм, верность идеям коммунистической партии и советского правительства. Дети ссыльных кулаков обучались в школах, которые были изолированы от молодежи, находящейся вне спецпоселков[1].

Школ для детей спецпереселенцев явно не хватало. Они не были обеспечены необходимыми школьными принадлежностями. Дети спецпереселенцев оказались в худшем положении, чем подростки, находившиеся на воле. В 1931/32 учебном году в Уральской области в спецпоселках имелось 197 школ, но не хватало 877 учителей, учебников и школьно-письменных принадлежностей [10, с. 251]. К началу 1931/32 учебного года в этой области из 36,8 тыс. детей спецпереселенцев школьного возраста (8–11 лет) обучалось немногим более тысячи. Во многих спецпоселках Магнитогорска школы не работали из-за необеспеченности учителями. В начале 1932 г. 42,2 % учителей этих поселков составляли спецпереселенцы. На 1 марта 1932 г. были учтены 31,4 тыс. неграмотных спецпереселенцев, но из них лишь 21,3 % были охвачены ликбезом [16, с. 23, 64–65].

ОГПУ было недовольно тем, что в школах спецпоселков не выдерживалась партийно-классовая линия. Так, в спецпоселке г. Магнитогорска учителя «запрещали вывешивать в классах портреты вождей революции, … избегали вопросов классовой борьбы, ограничиваясь лишь обучением навыков и пропагандой санитарии». Один из учителей, комсомолец, на вопрос детей о причине раскулачивания ответил: «Советской власти нужна рабочая сила, поэтому выслали ваших родителей».

В то же время имелись примеры иного порядка. В п. Громовой Уральской области учительница-комсомолка добилась того, что «из бесед с детьми можно заключить, что в гораздо большей мере на них распространено

[1] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 390. Л. 143 об.

наше влияние, чем влияние родителей». Для проверяющего «было новостью видеть кулацких детей, организованных наподобие пионерских отрядов, имеющих свой клуб с плакатами, картинами и лозунгами революционного содержания, детей, которые силами одной комсомолки-учительницы воспитываются по такому же принципу, как и дети рабочих». Помимо общеобразовательных школ, в Уральской области для спецпереселенцев создали шесть профтехшкол. Эти школы позволяли готовить квалифицированные кадры для производства, поскольку многие крестьяне были малограмотными [10, с. 252].

Первоначально детям спецпереселенцев разрешалось получать лишь обязательное среднее образование. Причины этого разъяснял председатель ЦИК СССР М.И. Калинин. На письмо Н.К. Крупской в 1934 г. он отвечал, что «по линии просвещения дети лишенцев не могут исключаться из сети обязательного образования… Что же касается приема в высшие и специальные учебные заведения, то при общей большой тяге к учебе, когда нам приходится отказывать в предоставлении мест в вузах, втузах и других учебных заведениях многим детям рабочих, служащих и колхозников, не лишенных избирательных прав, было бы неправильно давать такое указание, чтобы принимали детей лишенцев. Это не исключает, конечно, что в отдельных случаях наиболее способных и выдвинувшихся на работе детей лишенцев можно помещать в тот или иной вуз, техникум и т. п., считаю, что в печати этот вопрос подымать нет основания» [12, с. 339]. Так ограничивалось право на получение среднего профессионального и высшего образования для детей раскулаченных. Однако ситуация изменилась в 1935 г. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР (декабрь 1935 г.) предусматривалось, что «детей трудпоселенцев, окончивших неполную среднюю школу, принимать на общих основаниях как в техникумы, так и в другие специальные учебные заведения; окончивших среднюю школу допускать на общих основаниях в высшие учебные заведения».

По указанию ГУЛАГа местным органам (апрель 1936 г.) трудпоселенческая молодежь, поступающая в средние специальные и высшие учебные заведения, получала освобождение из трудпоселков, но только после получения извещения учебного заведения о принятии в число учащихся. Для прохождения экзаменов трудпоселенческой молодежи разрешался временный выезд из поселков. При отсутствии в трудпоселках 8–10 классов молодежи также разрешалось сдавать экзамены вне поселка и при поступлении в средние специальные и высшие учебные заведения продолжить обучение уже на воле, но в близлежащих пунктах.

Постепенно дети ссыльных кулаков получали права вольных, но под контролем правоохранительных органов. Эти разрешения облегчали положение молодежи по сравнению с первоначальными ограничениями в гражданских правах. Как сообщалось в докладной записке начальника УНКВД по Челябинской области (декабрь 1936 г.), все дети трудпоселенцев учились: 1099 человек — в неполной средней школе, 915 — в

техникумах, 143 — в вузах. Весь контингент трудпоселков, за исключением лиц престарелого возраста, был обучен начальной грамоте [13, с. 585–586, 589, 595].

На перевоспитание спец(труд)поселенцев в коммунистическом духе была направлена политико-воспитательная работа в клубах и красных уголках. В Уральской области для спецпереселенцев к началу 1932 г. действовало 531 культурно-просветительное учреждение, в том числе 10 клубов, 161 библиотека, 360 изб-читален и красных уголков. При них работали 470 кружков художественной самодеятельности с 7 тыс. участниками, имелось 516 радиоточек и 35 пунктов демонстрации кино, выпускалось 100 стенгазет и пять многотиражных газет [10, с. 252–253].

Проводимые мероприятия преследовали цель противопоставления детей своим родителям, бабушкам и дедушкам. Во время перевоспитания в сознание подростков внедрялись коммунистические идеи. Предстояло сформировать новых людей, лояльных советской власти. Чтобы иметь определенные льготы и зарекомендовать себя с лучшей стороны в преданности советской власти, получить гражданские права, приходилось не только высокопроизводительно трудиться, но и проявлять активность в общественных делах.

Чтобы оградить молодежь от дурного влияния старшего поколения, ГУЛАГ ОГПУ предлагало разрешить браки спецпереселенцев с вольными гражданами, а также передавать детей спецпереселенцев на воспитание вольным гражданам, не лишенным избирательных прав. В целях отрыва молодежи от контрреволюционной части кулачества признавалось возможным восстановление в правах молодежи до истечения пятилетнего срока в тех случаях, когда она проявляла себя с положительной стороны [13, с. 286].

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) (июль 1930 г.) предлагалось при размещении семей проводить их расслоение с противопоставлением молодежи отдельным кулакам. Для молодежи планировалось создать библиотеки, организовать подписку на газеты и литературу, обеспечить общими столовыми, проводить культурные мероприятия. В ряде случаев допускалось использование молодежи в порядке добровольности на работах для местных Советов, обслуживания бедноты, создание особого вида производственных артелей и сельскохозяйственных объединений под контролем местных органов власти [17, с. 128].

Такое противопоставление молодежи и стариков давало свои результаты. Некоторые молодые люди считали себя невиновными. Они приходили в комендатуры, конторы, заявляя об отказе от родных, и требовали улучшения условий своей жизни, ее культурного обслуживания [13, с. 506].

Спецпереселенец Ф. Лобода отмечал, что живет в общем бараке, где проживают типичные кулаки и их дети, и, находясь в этой среде, невольно приобретает дурные привычки. По его мнению, «детей отсюда надо изъять, из них можно выковать стойких строителей социализма». Он

высказывался и за то, что необходимо убрать иждивенцев, которых надо кормить, а пользы от них нет. Так постепенно рушились близкие, семейные связи, происходил раскол между детьми и родителями. Отказавшись от своих родственников, можно было поступить в учебные заведения, переехать в город и жить среди свободных. Формировался новый советский человек, чуждый крестьянским духовным ценностям. Не все дети спецпереселенцев шли по такому пути, но льготы, установленные для порвавших с прошлым, порой были важнее прежних семейных уз. Возможно, иногда и старшие были не против того, чтобы дети выбрались из спецпоселений, на словах отрекшись от родителей.

В докладной записке ПП ОГПУ по Уралу (март 1932 г.) как о положительном явлении сообщалось, что «старые семейные традиции начинают расшатываться, молодежь выходит из-под влияния стариков, имеется ряд случаев, когда молодежь подает заявление, в которых отказывается от своих родителей, называя их врагами социалистического строительства (Остяко-Вогульский округ, Магнитогорск). С другой стороны, старики-кулаки стараются удержать в своих руках власть в семье, сопротивляясь всем новшествам в быту» [16, с. 115, 162].

Дети трудпоселенцев перевоспитывались в интернатах и детских домах. В. Бушманов, воспитанник Красно-Вишерского детдома Чердынского района Свердловской области, рассказывал в 1934 г. в письме Н.К. Крупской, что их хорошо кормят, одевают, обувают и учат. Дети все сироты, привезены с Севера. Их родители высланы, раскулачены и умерли. Ребенку было обидно, что его обзывали спецпереселенцем, хотя он «перевоспитался на новый лад» [12, с. 335].

Как отмечалось в докладной записке заместителя начальника ГУЛАГа в ноябре 1936 г., произошли изменения в настроениях молодежи. Культурно-воспитательная работа оторвала молодежь от антисоветски настроенных стариков. Молодежь организовала самостоятельные сельскохозяйственные артели, бригады на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Повсеместно стали создаваться молодежные общежития. Молодежь принимала активное участие в трудовом соревновании, в ударничестве, в стахановском движении [13, с. 806].

В спецпоселке Бурмантово молодежь на собрании вынесла резолюцию: «Переселенческая молодежь Бурмантовского лесопункта, работая на Урале 8 месяцев среди пролетариата, вполне убедилась в ошибках своих отцов и заявляет, что мы проклинаем старый быт, и как один, изъявляем желание защищать интересы СССР» [14, с. 724].

В качестве поощрения за добросовестный труд, лояльность советской власти, активную общественную работу спецпереселенцев могли восстановить в правах [18, с. 30]. 15 мая 1931 г. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) рассмотрела вопрос о гражданских правах спецпереселенцев и вынесла решение: «Если данный спецпереселенец выполняет все постановления Сов. власти, ведет себя, как честный работник, то по истечении

5-ти летнего срока с момента переселения он получает право голоса и все гражданские права» [9, с. 179–180].

3 июля 1931 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков». Выселенные кулаки восстанавливались в правах по истечении пяти лет при условии, что они в течение этого срока докажут, что прекратили борьбу против организованного в колхозы крестьянства и мероприятий советской власти, направленных на подъем сельского хозяйства. Требовалось также показать себя на деле честными и добросовестными тружениками [4, с. 464–465].

В августе 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о возвращении гражданских прав молодежи из спецпереселенцев до истечения установленного для этого пятилетнего срока, но через месяц отложило собственное постановление [3, с. 195]. На заседании комиссии «по разработке мероприятий по закреплению спецпереселенцев в местах расселения» (август 1931 г.) решили, что молодежь, достигшая 18-летнего возраста и проявившая себя с положительной стороны, до истечения пятилетнего срока могла восстановиться в правах. Для того чтобы оторвать молодежь от контрреволюционного влияния стариков, предлагалось создавать особые молодежные бригады на производстве, вовлекать молодежь в соревнование, прикреплять к молодежным бригадам политруков, разрешалось досрочное освобождение молодежи из спецпоселков за ударную работу, вводилось первоочередное снабжение молодежи литературой. Для молодежи организовывались кружки по повышению квалификации, спортивные и др. [13, с. 279].

Начиная с 1932 г. стали восстанавливать в гражданских правах некоторых раскулаченных. Освобождению подлежали жены умерших в ссылке мужей и те, кто добросовестно выполнял мероприятия советской власти [16, с. 27]. Но непросто шло восстановление в правах ссыльных. Вместо предлагаемого ОГПУ досрочного восстановления в правах 2 тыс. спецпереселенцев, проявивших себя честной работой, высокой производительностью труда, лояльностью и поддержкой мероприятий советской власти, Президиум ЦИК СССР в мае 1932 г. восстановил в гражданских правах только 931 спецпереселенца, в июне 1932 г. — еще 820 человек. Особое внимание обращалось на детей кулаков. 17 марта 1933 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков». Дети высланных кулаков, как находившиеся в местах ссылки, так и вне ее и достигшие совершеннолетия, восстанавливались в избирательных правах районными исполкомами по месту их жительства при условии, если они занимались общественно полезным трудом и добросовестно работали.

С мая 1934 г. началось массовое восстановление трудпоселенцев в гражданских правах, а с января 1935 г. — в избирательных правах, но при соблюдении ряда условий. Постановлением ЦИК СССР «О порядке

восстановления в гражданских правах бывших кулаков» (27 мая 1934 г.) спецпереселенцы, проявившие себя, безусловно, честной работой, лояльным отношением и поддержкой мероприятий советской власти, восстанавливались в гражданских правах по истечении пяти лет со дня выселения по представлению ОГПУ. Областные исполкомы получили право досрочно восстанавливать в гражданских правах по представлению ОГПУ наиболее отличившихся спецпереселенцев, в особенности из молодежи, являвшихся ударниками на производстве и активно участвовавших в общественной работе [13, с. 83–85, 89, 99].

Таким образом, крестьянские семьи в условиях раскулачивания и ссылки ограничивались в правах. Семьи состоятельных крестьян были разорены и направлены в ссылку. Насильственное раскрестьянивание не только лишило семьи источников дохода, но и привело к разрушению семейных ценностей. Большинство членов семей раскулаченных покидали свои села и отправлялись вместе с мужьями, другие же оставались по разрешению властей на старом месте и влачили жалкое существование. В местах ссылки проживание было экстремальным. Не имелось элементарных условий для жизни: нормального питания и жилья, медицинского и санитарного обслуживания. Немало крестьян погибло во время голода и эпидемий.

Коммунистическое перевоспитание детей ссыльных также способствовало разрыву прежних семейных отношений. Пропагандистские меры, система образования, привлечение к общественной работе, условия восстановления в гражданских правах оказывали воздействие на умы и дела ссыльной молодежи. Нередко дети отказывались от своих родителей. Таковы были реалии политики коллективизации 1930-х гг. на Урале, оставившей неизгладимый след в судьбах крестьянских семей.

Список источников

1. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. / сост. Е. Ю. Баранов, Г. Е. Корнилов. — Оренбург: Изд-во «Оренбургское литературное агентство», 2005. — Т. 1. — 284 с.

2. *Базаров А.* Дурелом или господа колхозники. –Курган: Зауралье, 1997. — Т. 1. — 413 с.

3. *Гинцберг Л. И.* Массовые депортации крестьян в 1930–1931 годах и условия их существования в северных краях (по материалам особых папок Политбюро ЦК ВКП(б) и «Комиссии Андреева») // Отечественная история. — 1998. — № 2. — С. 190–196.

4. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в конце коллективизации, 1927–1932 гг. — М.: Политиздат, 1989. — 525 с.

5. *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. — 279 с.

6. *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. — М.: Наука, 2005. — 306 с.

7. *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. — 1990. — № 11. — С. 3–17.

8. *Земсков В. Н.* Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отечественная история. — 1994. — № 1. — С. 118–147.

9. *Зима В. Ф.* Генрих Ягода и необъявленная война с советской деревней // Отечественная история. — 2003. — № 4. — С. 177–183.

10. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). — М.: Интерпракс, 1994. — 267 с.

11. *Корнилов Г. Е.* Демографические катастрофы в XX веке на Урале // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — 2016. — № 1. — С. 490–502.

12. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. — М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. — 352 с.

13. Политбюро и крестьянство. — Кн. 2. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 1120 с.

14. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. Документы и материалы. — Т. 3. Кн. 1. 1930–1931 гг. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 864 с.

15. Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье. (Материалы по истории Курганской области). — Курган, 1995. — 135 с.

16. Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930–1936 гг.: сб. док. — Вып. 1. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. — 232 с.

17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы в 5-ти т. — Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 927 с.

18. *Филатов В. В.* Уральское село, 1927–1941 гг.: раскрестьянивание. — Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. — 333 с.

19. *Филатов В. В.* Уральское село, 1927–1941 гг.: ссылка раскулаченных. — Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. — 253 с.

20. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 422 с.

Информация об авторе

Филатов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Россия, 455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38; e-mail: v.philatov@mail.ru).

Filatov V. V.

Family in the Conditions of Relaxation and the Peasant Link in the Urals

The study allows to determine the state of family relations in the Urals region during the period of collectivization, dekulakization and exile of peasants in the 1930s. This analysis will help to identify the main trends, carried out by the authorities of the policy of isolating and destroying the family of the most hard-working part of the rural society, in order to approve the socialist transformations of the village. The study of this problem is based on the materials of the Urals, the territory of which has become one of the main places of resettlement of exiled peasants throughout the country. As a result of the conducted research it was revealed that using administrative resources and force methods, party-Soviet, law enforcement agencies managed to carry out a large-scale action to dekulakize and resettle wealthy peasants in special settlements. This led in most cases to the disintegration of families. The power structures carried out purposeful work among the children of special settlers to abandon their parents. To this, measures were taken to ideologically re-educate young people in educational institutions, propagate the Soviet way of life through means of mass information, and engage in social activities. The restoration of civil rights was used to further split the family of exiles. In places of exile, intolerable living conditions were created. Especially at the first stage, there was a lack of basic housing, medical care, provision of food and manufactured goods. The exile peasant families were on the verge of survival, first of all, in lean years. Human rights violations have had a negative impact on the demographic situation in the Urals region.

Keywords: family, dekulakization, exile, Ural region, special settlements.

References

1. Agrarian development and food security of the Urals population in 1928–1934. — Vol. 1. — Orenburg, 2005. — 284 p.

2. Bazarov A. The durables or gentlemen are collective farmers. — Kurgan: Trans-Urals, 1997. — Vol. 1. — 413 p.

3. Gintsberg L. I. The mass deportations of peasants in 1930–1931 and the conditions of their existence in the northern regions (according to the materials of the special folders of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (B) and the «Andreev Commission») // Domestic history. — 1998. — No. 2. — P. 190–196.

4. Documents show: from the history of the village on the eve and at the end of collectivization, 1927–1932. — Moscow: Politizdat, 1989. — 525 p.

5. Zhiromskaya V. B. The demographic history of Russia in the 1930s: a look into the not-known. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 2001. — 279 p.

6. Zemskov V. N. Special settlers in the USSR, 1930–1960. — Moscow: The science, 2005. — 306 p.

7. Zemskov V. N. Special settlers (according to the documents of the NKVD-MVD USSR) // Sociological research. — 1990. — No. 11. — P. 3–17.

8. Zemskov V. N. The fate of the «kulak exile» (1930–1954) // Domestic history. — 1994. — No. 1. — P. 118–147.

9. Winter of the VF Henry Yagoda and an undeclared war with the Soviet village // Otechestvennaya history. — 2003. — No. 4. — p. 177–183.

10. Ivnitsky N. A. Collectivization and dekulakization (early 30's). — Moscow: Interprax, 1994. — 267 p.

11. Kornilov G. E. Demographic catastrophes in the XX century in the Urals // Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. — 2016. — No. 1. — P. 490–502.

12. Society and power: 1930s. Narration in the documents. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 1998. — 352 p.

13. Politburo and the peasantry. — Book. 2. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 2006. — 1120 p.

14. Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD, 1918–1939. Documents and materials. — T. 3. Prince. 1. 1930–1931. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 2003. 864 p.

15. Continuous collectivization and dispossession in the Trans-Urals. (Materials on the History of the Kurgan Region). — Kurgan, 1995. — 135 p.

16. The fate of the dekulakized special settlers in the Urals: 1930–1936. Sat. doc. issue 1. — Ekaterinburg: ed. The Urals. University, 1994. — 232 p.

17. The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization. 1927–1939. Documents and materials in 5 vols. — T. 2. November 1929 — December 1930. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 2000. 927 p.

18. Filatov V. V. Ural village, 1927–1941: raskrestyanivanie. — Magnitogorsk: GOU VPO «MSTU», 2010. — 333 p.

19. Filatov V. V. Ural village, 1927–1941: the link of the dekulakized. — Magnitogorsk: GOU VPO «MSTU», 2010. — 253 p.

20. Fitzpatrick S. Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 1930s: a village. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 2001. — 422 p.

Author

Filatov Vladimir Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, The Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk state technical University, professor of the Department of World History (Russia, 455000, Magnitogorsk, Lenin Ave., 38; e-mail: v.philatov@mail.ru).

УДК 94(470.41) “1920/1950”: 314.5

Ханипова И. И.

БРАЧНОЕ СОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСКОЙ АССР В КОНЦЕ 1930-Х — 1950-Е ГОДЫ[1]

Исследование демографических параметров населения российских регионов является фундаментом для изучения социальной истории. В статье рассматривается брачное состояние жителей Татарской АССР в конце 1930-х — 1950-е гг., выявляются особенности заключения браков в городе и в сельской местности. В ходе исследования автором привлечены материалы текущей статистики, отложившиеся в фондах Государственного архива Республики Татарстан. Автор предпринимает попытку восполнить пробел в изучении брачно-семейных характеристик населения республики в послевоенное десятилетие. Изучена динамика браков и разводов в абсолютных показателях. Выявлены возрастные когорты, в которых увеличивается доля вступления жителей в повторный брак. Прослеживаются индексы разводимости на протяжении 1930-х — 1940-х гг. Показана региональная специфика заключения брачных союзов и разводов у представителей разных национальностей, проживавших в республике. Рассмотрены показатели разводимости и выявлено соотношение разводов и браков в деревнях, городах и в целом по региону.Названы причины сокращения браков в деревнях и селах Татарстана в довоенный период. Показан рост численности внебрачных детей в послевоенные годы как одно из главных последствий нарушения соотношения полов. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ распределения разводов по продолжительности брака. Итогом исследования стал вывод о зарождающемся в Татарской АССР после войны процессе дестабилизации брака.

Ключевые слова: историческая демография, население ТАССР, брачное состояние, брак, развод, индекс разводимости

Брачно-семейные отношения периода 1930-х — 1950-х гг. являлись предметом исследования как российской [1–3], так и региональной историографии [4–8; и др.]. Между тем, динамика брачного состояния населения Татарстана в конце 1930-х — 1950-е гг. требует комплексного изучения.

Половозрастная структура населения Татарской АССР, зафиксированная переписью 1939 г., ярко иллюстрирует значительное преобладание женщин брачного возраста, что оказывало существенное влияние на процессы брачности — разводимости изучаемого периода.

Итогом 1937 г., судя по актам регистрации гражданского состояния, стало заключение 6112 браков в городах, 13366 браков в сельских местностях

[1] © Ханипова И. И. Текст. 2018.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17–11–16005/17 ОГН.

Таблица 1

Сведения о вступивших в брак и разводящихся в ТАССР в 1938, 1940, 1947 гг., чел.*

Территория	Число браков			Число разводов		
	1938 г.	1940 г.	1947 г.	1938 г.	1940 г.	1947 г.
Село	21643	9542	15406	3231	2591	2
Город	6949	5081	8934**	798	955	360
в т. ч. г. Казань	5096	3751	6132	574	729	353
Всего по ТАССР	28592	14623	24340**	4029	3546	362

Примечания.

* Составлено и подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374, Оп. 23. Д. 388. Л. 228–231; ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 7. Д. 37. Л. 359 об.; Оп. 18. Д. 496. Л. 40.

** По данным формы №7 ЦСУ Госплана СССР (Сведения по возрастам брачующихся) общая численность вступивших в брак в ТАССР в 1947 г. равнялась 24341 чел., в городах — 8935 чел. (см.: ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 7. Д. 37, Л. 423–423 об.).

и 19478 браков в целом по республике[1]. В 1938 г. в ТАССР зафиксировано 28592 браков, в том числе 21643 браков в селах и деревнях и 6949 браков в городах (см. табл. 1).

Несовпадение численности брачующихся по одной национальности свидетельствует о частом заключении межнациональных браков. При этом чаще вступают в брак с представителями иной национальности русские женщины (см. табл. 2). У украинцев вдвое, у башкир — втрое число мужчин, вступивших в брачные отношения, больше числа женщин своей национальности. В пользу мужчин значительный перевес среди вступивших в брак наблюдался также у татар и чувашей. В то же время только с представителями своей национальности заключали семейные союзы удмурты. Лишь единичные случаи женитьбы на женщинах другой народности наблюдались у мордвы.

В 1937 г. коэффициент брачности городского населения равнялся 107,9; сельского населения — 61,6; для всего населения — 71,2. В 1940 г. коэффициент брачности горожан равнялся 82,4; сельчан — 41,5; для всего населения — 50,1. Сопоставление коэффициентов брачности за 1937 и 1940 гг. показывает более низкую брачность на селе. Сокращение браков в первую очередь в сельской местности связано с оттоком из деревни населения трудоспособного (брачного) возраста.

По данным Всесоюзной переписи 1939 г., мужчин в возрасте до 18 лет состояло в браке 0,2 %, в возрастной когорте 18–19 лет — 6,4 %, 20–24 лет — 34,3 %, 25–29 лет — 80,2 %, 30–39 лет — 94,6 %, 40–49 лет — 96,4 %, 50–59 лет — 94,3 %, 60 и старше — 80,6 %. Женщин в возрасте до 18 лет состояло в браке 1,3 %, в возрастной когорте 18–19 лет — 20,9 %, 20–24 лет — 58,5 %, 25–29 лет — 78,9 %, 30–39 лет — 82,2 %, 40–49 лет — 73,3 %, 50–59 лет — 55,9 %, 60 и старше — 30,1 %. В целом по республике в возрастной когорте до 18 лет в браке находилось 0,8 % населения, в возрасте 18–19 лет

[1] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 139. Л. 138–140.

Таблица 2

Сведения о вступивших в брак и разводящихся по национальностям и полу в Татарской АССР в 1938 г., чел.*

Национальность			Татары	Русские	Чуваши	Мордва	Удмурты	Марийцы	Украинцы	Евреи	Башкиры	Прочие	Не указ. нац-ти	Итого
Вступивших в брак	Всего	муж.	16511	10291	801	286	164	65	151	103	19	63	138	28592
		жен.	16306	10587	702	283	165	53	136	49	6	33	272	28592
		оба пола	32817	20878	1503	569	329	118	287	152	25	96	410	57184
	Город	муж.	2433	4175	65	32	10	12	78	64	17	50	13	6949
		жен.	2360	4364	34	35	11	4	36	53	5	28	19	6949
		оба пола	4793	8539	99	67	21	16	114	117	22	78	32	13898
	В т. ч. Казань	муж.	1879	2938	49	20	3	8	65	63	16	43	12	5096
		жен.	1842	3084	26	24	5	2	22	51	5	20	15	5096
		оба пола	3721	6022	75	44	8	10	87	114	21	63	27	10192
	Село	муж.	14078	6116	736	254	154	139	25	1	2	13	125	21643
		жен.	13946	6223	668	248	154	132	13	-	1	5	253	21643
		оба пола	28024	12339	1404	502	308	271	38	1	3	18	378	43286
Разводящихся	Всего	муж.	3036	838	48	22	12	20	16	13	1	15	8	4029
		жен.	2970	892	40	21	12	18	8	9	1	9	49	4029
		оба пола	6006	1730	88	43	24	38	24	22	2	24	57	8058
	Город	муж.	335	418	4	3	-	3	9	13	1	12	-	798
		жен.	315	456	2	1	-	1	5	9	1	8	-	798
		оба пола	650	874	6	4	-	4	14	22	2	20	-	1596
	В т. ч. Казань	муж.	242	302	4	1	-	-	4	12	1	8	-	574
		жен.	230	325	2	-	-	-	3	9	-	5	-	574
		оба пола	472	627	6	1	-	-	7	21	1	13	-	1148
	Село	муж.	2701	420	44	19	12	17	7	-	-	3	8	3231
		жен.	2655	436	38	20	12	17	3	-	-	1	49	3231
		оба пола	5356	856	82	39	24	34	10	-	-	4	57	6462

* Рассчитано и составлено по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 388. Л. 228–230.

— 14,2 %, 20–24 лет — 47,3 %, 25–29 лет — 79,5 %, 30–39 лет — 88 %, 40–49 лет — 83 %, 50–59 лет — 71,4 %, 60 и старше — 39,9 %[1].

Анализ вступивших в брак в 1940 г. по возрастам брачующихся дает следующую картину. Среди мужчин впервые вступили в брак 69,9 %, среди девушек — 76 % (см. табл. 3, 4). Доля несовершеннолетних девушек, вступивших в брак до 18-летнего возраста, значительно выше доли женившихся мужчин соответствующего возраста. Интересно, что в абсолютных показателях количество девушек, вступающих в брак в возрасте от 21 до 29 лет, уменьшается с каждым годом (в 21 гд — 1478 чел., в 22 года — 1261 чел., в 23 года — 810 чел., в 29 лет — 393 чел.). У мужчин в этот же возрастной период абсолютные показатели растут до 26 лет, а затем идут на снижение (в 21 год — 598 чел., в 22 года — 746 чел., в 23 года — 756 чел., в 26 лет — 1526 чел., в 29 лет — 700 чел.).

У мужчин в возрасте до 18 лет впервые создали семью 83,3 % от всех официально вступивших в брак данного возраста, в 18–19 лет — 90,2 %, 20–24 лет — 89,1 %, 25–29 лет — 81 %, 30–39 лет — 44,7 %, 40–49 лет — 85,1 %, 50–59 лет — 5,8 %, 60 и старше — 0,3 %. Таким образом, доля официальных, впервые заключенных браков у мужчин резко уменьшается в возрастной когорте 30–39 лет, достигнув минимума в возрастных когортах 50–59 лет и 60 лет и старше. У женщин, ранее не состоявших в браке, до 18 лет впервые создали семью 98,6 % от всех официально вступивших в брак данного возраста, в 18–19 лет — 97,6 %, 20–24 лет — 90 %, 25–29 лет — 73 %, 30–39 лет –39,1 %, 40–49 лет — 17 %, 50–59 лет — 5,6 %, 60 и старше — 24 %. Большинство браков женщин приходится на ранний и молодой брачный возраст. Процент впервые заключенных браков начинает снижаться с возрастной когорты 30–39 лет. В повторные браки в целом по Татарской АССР в 1940 г. вступило в 30 % мужчин, в сельской местности — 36,3 %, в городах — 18,3 %. Среди женщин в повторные в браки вступило 24 % женщин, в сельской местности — 28,3 %, в городах республики — 17,8 % женщин.

При анализе движения показателей брачности необходимо учитывать, что в конце 1930-х — начале 1940-х гг. в брак вступали поколения, родившиеся в годы Первой мировой и Гражданской войн, испытавшие на себе тяготы голода, поразившего Татарскую АССР в начале 1920-х гг. В связи с этим возрастная группа 20–25 лет малочисленна, что также оказало влияние на понижение числа заключенных браков.

В годы войны в ТАССР наблюдается как сокращение абсолютных показателей численности заключаемых браков, так и снижение коэффициентов брачности. Органами ЗАГСа зарегистрировано браков: в 1941 г. — 5185, в 1942 г. — 2479, в 1943 г. — 2827, в 1944 г. — 3638, в 1945 г. — 6608. Интересен вывод, сделанный В.Т. Сакаевым о том, что начало войны оказало негативное влияние на брачность в первую очередь в селах и деревнях

[1] Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение населения регионов РСФСР, состоящих в браке, по полу и возрасту. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_39.php?reg=93 (Дата обращения 22.04.2018).

Таблица 3

Сведения о браках в Татарской АССР в 1940 г. по возрастным группам (мужчины), чел.*

Показатель	До 18 лет	18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и старше	Неизв. возраста	Итого
Всего вступивших в брак	12	765	4086	5634	2535	692	430	396	68	14618
В том числе не состоявших в браке	10	690	3642	4569	1134	103	25	9	37	10218
Село	11	545	2776	3485	1544	477	338	332	47	9555
В том числе не состоявших в браке	9	471	2369	2638	517	34	13	5	27	6083
г. Казань	—	118	918	1644	777	163	77	42	12	3751
В том числе не состоявших в браке	—	117	896	1484	489	53	9	2	7	3057
Прочие города	1	102	392	505	214	52	15	22	9	1312
В том числе не состоявших в браке	1	102	377	446	128	16	3	2	3	1078

* Рассчитано по: ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 496, Л. 85.

республики, в то время как в городах и рабочих поселках число браков в 1941 г. по сравнению с предыдущим годом выросло. Анализируя брачное состояние татарстанцев в годы войны, татарстанский исследователь показывает прямую зависимость брачности как от хода боевых действий на фронтах, так и от государственной политики в области законодательства о браке и семье (подробнее см.: [7, с. 133–139]).

В 1946 г. по данным ЗАГС Министерства внутренних дел ТАССР зафиксировано 29 085 браков. Сведения формы А годового отчета за 1946 г. представляют несколько иные цифры — 28 397 браков[1]. Представителями Госплана СССР расхождение 2,37 % объяснялось недоучетом актов гражданского состояния по сельской местности (отдаленных от райцентров сельсоветов). Аналогичная ситуация — несовпадения показателей по формам А, № 1 и № 1а — складывалась и с данными о вступивших в брак и разводящихся в 1947 г.[2]

[1] Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-1296. Оп. 7. Д. 37. Л. 145.
[2] Там же. Л. 350–357, 359 об.

Таблица 4

Сведения о браках в Татарской АССР в 1940 г. по возрастным группам (женщины), чел.*

Показатель	До 18 лет	18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и старше	Неизв. возр.	Итого
Всего вступивших в брак	145	2616	5851	3031	1826	566	319	150	114	14618
В том числе не состоявших в браке	143	2552	5268	2211	714	96	18	36	71	11109
Село	138	1964	3841	1659	1086	390	258	130	89	9555
В том числе не состоявших в браке	136	1907	3381	1041	331	49	11	34	58	6948
г. Казань	4	517	1575	930	532	126	41	7	19	3751
В том числе не состоявших в браке	4	512	1473	775	268	30	5	1	9	3077
Прочие города	3	135	435	442	208	50	20	13	6	1312
В том числе не состоявших в браке	3	133	414	395	115	17	2	1	4	1084

* Рассчитано по: ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 496. Л. 85 об.

В 1947 г. 90,7 % мужчин, вступивших в брак, ранее в браке не состояли (в довоенном 1940 г. процент не состоявших в браке мужчин составлял 69,9). Среди женщин впервые вышли замуж 86,3 % (в довоенном 1940 г. — 76 %). В деревнях и селах впервые вступили в брачные отношения 89 % мужчин г. и 83,6 % женщин (в 1940 г. — 63,7 % мужчин и 72,7 % женщин). Среди мужчин городов, женившихся в 1947 г., ранее не состояли в браке 93,6 %, среди женщин — 91 %. В Казани впервые вступили в официальные брачные отношения 93,2 % мужчин и 90,8 % женщин[1].

Если сразу же после войны в ТАССР наблюдался рост заключения браков, то к концу 1940-х гг. складывалась тенденция к уменьшению брачности. Мы согласимся с мнением В.Б. Жиромской, проанализировавшей брачное состояние послевоенных лет на общероссийских материалах, что кратковременный период увеличения брачности после окончания войны отчасти объясняется оформлением гражданских (фактических) браков, сложившихся в довоенное время и в годы войны [2, с. 73]. Вместе с тем в послевоенной деревне многие жители по-прежнему оставались незарегистрированными. Уроженка д. Мурзиха Елабужского района вспоминала:

[1] Рассчитано по: ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 7. Д. 37. Л. 423–423 об.

«У соседки Любы 1949 года [рождения] родители стали выходить на пенсию. А оказалось, брак у них не зарегистрирован. Семь детей у них было. Записаны все на отца. В деревне все друг друга знали, поэтому просто так, без всяких документов записывали. Наши родители тоже только в 1952 году зарегистрировались, когда Галина родилась. А без свидетельства о браке новый председатель ее не регистрировал»[1].

В конце 1950-х гг. официально было зафиксировано брачное состояние населения республики по возрастам. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. мужчин в возрасте до 18 лет состояло в браке 0,3 %, в возрастной когорте 18–19 лет — 2,4 %, 20–24 лет — 23,2 %, 25–29 лет — 81,1 %, 30–39 лет — 95,1 %, 40–49 лет — 97,3 %, 50–59 лет — 96,7 %, 60 и старше — 85,6 %, неизвестного возраста — 42,3 %. Женщин в возрасте до 18 лет состояло в браке 1,5 %, в возрастной когорте 18–19 лет — 9,4 %, 20–24 лет — 41 %, 25–29 лет — 70,6 %, 30–39 лет — 71,2 %, 40–49 лет — 50,8 %, 50–59 лет — 39,1 %, 60 и старше — 26,7 %, неизвестного возраста — 22 %[2]. Анализ данных переписи показывает, что начиная с 25 лет и старше женатые мужчины явно преобладали во всех возрастных группах. В сравнении с переписью1939 г. процент женатых молодых мужчин в возрасте до 25 лет выше: 25–29 лет — 80,2 %, 30–39 лет — 94,6 %, 40–49 лет — 96,4 %, 50–59 лет — 94,3 %, 60 и старше — 80,6 %. Доля замужних женщин в одних и тех же возрастных когортах по переписи 1959 г. также выше, чем по довоенной переписи.

Между тем, как справедливо подчеркнул в своей работе А. И. Репинецкий, в послевоенное десятилетие значительная часть женщин не имела никаких шансов создать семью. Это было связано с одним из трагических последствий Великой Отечественной войны — нарушением соотношения полов [5, с. 186]. В качестве доказательства исследователь использует данные материалов Всесоюзной переписи 1959 г., демонстрирующие существенный перекос в соотношении состоящих в браке мужчин и женщин начиная с 16-летнего возраста. В Татарской АССР сложилась аналогичная ситуация. В группе населения 30–34 года женское население превысило мужское на 20 % (соотношение мужчин и женщин 1:1,3). Соотношение мужчин и женщин в возрастной когорте 35–39 лет составило 1:1,7, выявляя еще большую диспропорцию полов. В возрастных когортах 40–49 лет и 50–59 лет соотношение мужчин и женщин составляло соответственно 1:1,9 и 1:2,3[3].

Ярким примером последствий нарушения соотношения полов в послевоенный период, на наш взгляд, служат сведения о детях, родившихся

[1] Интервью с Надеждой Ивановной Долиной, 1954 г.р., жительницей д. Мурзиха Елабужского района Республики Татарстан. 16.06.2018 г. / Архив И. И. Ханиповой.

[2] Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения регионов России по полу, возрасту и состоянию в браке [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru/ weekly/ssp/rus_mar_59.php?reg=83&gor=3&Submit=OK (дата обращения 22.04.2018).

[3] Подсчитано по: Там же.

Таблица 5

Сведения о родившихся в Татарской АССР в 1947 и 1949 гг., в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце, чел.*

Территория	Всего родившихся		В том числе у матерей							
			работающих в гос. и кооп. предприятиях и учреждениях		работающих в колхозах		домашних хозяек		прочих и не указавших занятий	
	1947 г.	1949 г.	1947 г.	1949 г.	1947 г.	1949 г.	1947 г.	1949 г.	1947 г.	1949 г.
Город	3994	4419	2634	3438	14	19	963	596	383	366
В т. ч. Казань	2402	2719	1650	2258	-	-	601	199	151	262
Село	4773	8239	1106	1748	3040	5724	256	368	371	399
Всего по ТАССР	8767	12658	3740	5186	3054	5743	1219	964	754	765

* Рассчитано по: ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 7. Д. 37. Л. 377–380 об.; Оп. 18. Д. 558. Л. 125 об., 128 об.

вне семьи, «без отца» (см. табл. 5), для которых существовала специально утвержденная в декабре 1944 г. ЦСУ Госплана СССР форма 2б. Нехватка мужчин для создания семьи не пугало женщин статусом матери-одиночки. Сопоставление показателей только за два послевоенных года показывает значительный рост в республике численности внебрачных детей, как в городской местности, так и на селе.

При этом внебрачные дети рождались у женщин начиная с несовершеннолетнего возраста и заканчивая возрастной когортой 50–54 года (см. табл. 6).

В 1938 г. селах и деревнях Татарской АССР один развод приходился на 6,7 брака. В городах показатели разводимости были несколько ниже. В г. Казани один развод приходился на каждые 8,9 брака, в остальных городах республики — 8,7 (см. табл. 1). В целом по Татарской АССР показатель разводимости в 1938 г. составлял 1,7. Учитывая, что 2/3 населения республики жили в сельской местности, можем утверждать, что сохранялось традиционное отношение к браку, разводы не поощрялись.

В 1940 г. в ТАССР было совершено 3546 разводов, из них 2592 в сельской местности и 729 в городах. По продолжительности расторгнутых в 1940 г. браков 4 % длились до 1 мес., 11 % — от 1 до 5 мес., 8 % — от 6 до 11 мес., 23 % — от 1 г. до 2 лет, 13 % — 3–4 г., 12 % — 5–9 лет; 7 % — 10–19 лет, 2 % — 20 и более лет. Длительность еще 20 % от всех браков не была указана.

В деревнях и селах данные по длительности браков ненамного отличались от общереспубликанских. 5 % браков длились до 1 мес., 12 % — от 1 до 5 мес., 8 % — от 6 до 11 мес., 21 % — от 1 года до 2 лет, 12 % — 3–4 года,

Таблица 6

Сведения о родившихся в Татарской АССР в 1947 г., в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце, по возрасту матери (чел., %)*

Территория		До 18 лет	18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	Неизв. возр.	Итого
Город	Абс.	22	96	1132	1092	1463	143	1	45	3994
	в %	0,55	2,40	28,34	27,34	36,63	3,58	0,03	1,13	100
В т. ч. Казань	Абс.	15	69	737	650	836	57	1	37	2402
	в %	0,63	2,87	30,68	27,06	34,81	2,37	0,04	1,54	100
Село	Абс.	13	114	1354	1157	1869	203	1	62	4773
	в %	0,27	2,39	28,37	24,24	39,16	4,25	0,02	1,3	100
Всего по ТАССР	Абс.	35	210	2486	2249	3332	346	2	107	8767
	в %	0,4	2,39	28,36	25,65	38,01	3,95	0,02	1,22	100

* Рассчитано по: ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 7. Д. 37. Л. 377–380 об.

10 % — 5–9 лет; 5 % — 10–19 лет, 1 % — 20 и более лет; длительность 26 % от всех браков не была зафиксирована. Фактически длительность каждого 4-го деревенского брака была неизвестной, что искажает общую картину брачности сельчан.

Несколько иная ситуация сложилась в городах республики, в частности в Казани. Лишь 1 % браков длился до 1 мес., 9 % — от 1 до 5 мес., 10 % — от 6 до 11 мес., 28 % — от 1 года до 2 лет, 17 % — 3–4 года, 16 % — 5–9 лет; 13 % — 10–19 лет, 2 % — 20 и более лет. Еще 4 % от всех браков не имели указаний на длительность. В целом общие тенденции по длительности браков в городах и деревнях схожи, исключение составляют браки на селе от 6 до 11 мес.

Изучение разводов по возрастным когортам показало, что у мужчин в сельской местности наибольшее количество разводов приходилось на возраст 25–29 лет, в городах — на 30–39 лет; у женщин в сельской местности наибольшее количество разводов приходилось на возраст 20–24 года, в городах — на 25–29 лет[1].

Показатели разводимости в 1940 г. отличались от показателей 1938 г., соотношение разводов и браков по республике составляло 1:4. В селах и деревнях один развод приходился на 3,7 брака. В Казани один развод приходился на каждые 5,2 брака, в остальных городах республики — на каждые 5,8 брака.

Изучение разводов с помощью «индекса разводимости» показывает резкое увеличение интенсивности разводов в 1940, 1942 и 1943 гг. Так, в 1938 г. индекс разводимости составлял 0,14[2], в 1940 г. — 0,24[3], в 1941–1945 гг.

[1] Подсчитано по: ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 496. Л. 86–86 об., 89–91 об.

[2] Подсчитано по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 23. Д. 388. Л. 228–231.

[3] Подсчитано по: ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 496. Л. 40.

Таблица 7

Сведения о разводах жителей Татарской АССР за 1940, 1947 гг. (чел.)*

Территория	Год	Мужчины				Женщины			
		Итого	в том числе состояло в браке:			Итого	в том числе состояло в браке:		
			первом	втором	третьем и больше		первом	втором	третьем и больше
Всего	1940	3546	2452	674	420	3546	2511	603	432
	1947	362	345	13	4	362	332	27	3
Город	1940	954	766	128	60	954	746	145	16
	1947	360	343	13	4	360	330	27	3
В т. ч. Казань	1940	729	587	100	42	729	573	109	6
	1947	353	337	12	4	353	324	26	3
Село	1940	2592	1686	546	360	2592	1765	458	369
	1947	2	2	—	—	2	2	—	—

* Подсчитано и составлено по: ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 7. Д. 37. Л. 424–427 об.; Оп. 18. Д. 496. Л. 86–86 об., 89–91 об.

соответственно 0,18; 0,26; 0,28; 0,18; 0,00 [7, с. 226], в 1947 г. — 0,02, в 1949 г. — 0,04[1].

Заметим, что в послевоенный период разводы в ТАССР были нечастыми. Анализ сведений о разводах жителей республики за 1947 г. показал (см. табл. 7), что среди разводов преобладали разводы людей, впервые вступивших в брак (95 % среди мужчин и 92 % среди женщин). При этом и среди мужчин, и среди женщин основная масса разводившихся фиксировалась в возрасте 30–39лет. По продолжительности расторгнутых в 1947 г. браков 0,5 % длились от 1 до 5 мес., 1,1 % — от 6 до 11 мес., 18,8 % — от 1 года до 2 лет, 8,8 % — 3–4 года, 34,3 % — 5–9 лет; 30,4 % — 10–19 лет, 5 % — 20 и более лет. Длительность еще 1,1 % от всех браков не была указана[2]. Распад заключенных уже после войны брачных союзов, часто кратковременных, при наличии острого дефицита мужчин и значительного перевеса незамужних женщин брачного возраста, свидетельствует о зарождающемся процессе дестабилизации брака.

В 1949 г. наблюдается рост разводов, особенно в сельской местности. В ряде районов республики (Ново-Письмянский, Таканышский, Билярский, Аксубаевский и др.) неоднократно фиксировались случаи разводов по причине пропажи мужа без вести. Значительная часть разводов в городах приходилась на г. Казань. В 1949 г. в ТАССР в абсолютных показателях был заключен 23 921 брак, в том числе 14 682 в сельской местности, 9239 браков в городах, в том числе 5651 в г. Казани. Разводов в 1949 г. зафиксировано целом по республике 1008, из них на селе всего 258, в городах 750, в том

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 7. Д. 37.Л. 359 об.; Оп. 18. Д. 558., Л. 112 об.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 7. Д. 37. Л. 424–427 об.

числе 595 в г. Казани[1]. Таким образом, на каждые 23,7 брака, заключенных в Татарской АССР в 1949 г., приходился один развод. Соотношение разводов и браков в деревнях составляло 1:57, в городах — 1:12, в г. Казани (крупнейшем административном и промышленном городе республике) — 1:10. По подсчетам В.Б. Жиромской, соотношение разводов и браков в ТАССР в 1950 г. равнялось 1:24 и сохранялось на таком уровне до середины 1950-х гг. Однако оно было выше, чем в соседней Марийской АССР, и более схоже с центральными, заселенными в основном славянами, народами [2, с. 74–75, 78].

Подводя итоги, нужно сказать, что изучение брачного состояния населения Татарской АССР позволяет не только выявить демографические параметры семьи рассматриваемого периода, но и показать, насколько жители республики были привержены традиционным ценностям брака и семьи в годы суровых испытаний войны. Полученные данные необходимо использовать при исследовании демографического поведения, изучении влияния брачно-семейных отношений на рождаемость и размер семьи, на трансформацию внутрисемейных отношений и ролевых функций в семье в условиях ярко выраженной послевоенной диспропорции полов.

Список источников

1. *Араловец Н. А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. — Тула: Гриф и К, 2009. — 303 с.

2. *Жиромская В. Б.* Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960 / отв. ред. Ю.А. Поляков. — М.: РГГУ, 2009. — 311 с.

3. *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития в России в XX веке. — М.: Кучково поле, 2012. — 318 с.

4. *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. — Екатеринбург: ТОО «Уралагропресс», 1993. — 174 с.

5. *Репинецкий А. И.* Горожане Поволжья: репродуктивное поведение и семейные отношения в послевоенное двадцатилетие // Население России: историко-демографическое измерение. — М.: ИРИ РАН, 2016. — С. 185–195.

6. *Репинецкий А. И., Румянцева М. А.* Городское население Среднего Поволжья в послевоенное двадцатилетие, 1945–1965 гг.: очерки демографической истории. — Самара: Изд-во «НТЦ», 2005. — 261 с.

7. *Сакаев В. Т., Телишев В. Ф.* Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты. — Казань, 2015. — 228 с.

8. *Ханипова И. И.* Сельская семья второй половины 1930-х гг.: историко-демографическая характеристика (по материалам ТАССР) // Российская семья: историко-психологический портрет: материалы XXIV всеросс. науч. конф. Санкт-Петербург, 15–16 декабря 2008 г.: в 2 ч. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. — СПб.: Нестор, 2008. — Ч. 2. — С. 88–92.

Информация об авторе

Ханипова Ильнара Ильдусовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Россия, 420014, г. Казань, ул. Батурина, 7; e-mail: history@tataroved.ru).

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 558. Л. 109–112 об.

Khanipova I. I.

Marriage Status of the Population of the Tatarian ASSR in the Late 1930 — the 1950s

The study of the demographic parameters of the Russian regions' population is the foundation for studying social history. The article deals with the marital status of the inhabitants of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the late 1930s-1950s and reveals the peculiarities of marriage in the city and in the countryside. In the research the author involved the materials of current statistics deposited in the funds of the State Archives of the Republic of Tatarstan. The author makes an attempt to fill the gap in studying the marriage and family characteristics of the republic's population in the post-war decade. The divorce indices are traced during the 1930s-1940s. The dynamics of marriages and divorces in absolute terms is studied. Age cohorts in which the percentage of people entering into a second marriage are identified. The regional specificity of marriages and divorces among representatives of different nationalities living in the republic is shown. The indicators of divorce and the ratio of divorces and marriages in villages, cities and in the whole region are revealed. The reasons for the reduction of marriages in the villages of Tatarstan in the pre-war period are named. An increase in the number of illegitimate children in the post-war years is shown as one of the consequences of the violation of the sex ratio. The result of the study is a conclusion that after the war there was a process of destabilizing the marriage in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic.

Keywords: historical demography, population of TASSR, marital status, marriage, divorce, divorce index

1. References

2. Aralovets N. A. The city family in Russia, 1927–1959. — Tula: Grif and K, 2009. — 303 p.

3. Zhiromskaya V. B. The life potential of post-war generations in Russia: the historical and demographic aspect: 1946–1960 / Ex. Ed. Yu. A. Polyakov. — Moscow: RGGU, 2009. — 311 p.

4. Zhiromskaya V. B. The main trends of demographic development in Russia in the XX century. — Moscow: Kuchkovo Field, 2012. — 318 p.

5. Kornilov G. Ye. Ural village and war. Problems of demographic development. — Ekaterinburg: LLP 8. «Uralagropress», 1993. — 174 p.

6. Repinetsky A. I. Citizens of the Volga Region: Reproductive Behavior and Family Relations in the Postwar Twentieth Anniversary // Population of Russia: Historical and Demographic Dimension. — Moscow: IRI RAS, 2016. — P. 185–195.

7. Repinetsky A. I., Rumyantseva M. A. The urban population of the Middle Volga region in the post-war twentieth anniversary, 1945–1965: essays of demographic history. — Samara: Publishing house of «NTC», 2005. — 261 p.

8. Sakayev V. T., Telishev V. F. Urban population of Tatarstan during the Great Patriotic War: historical and demographic and political-demographic aspects. — Kazan, 2015. — 228 p.

9. Khanipova I. I. Rural family of the second half of the 1930th: historical and demographic characteristics (based on the materials of the Tatar Soviet Socialist Republic) // The Russian Family: Historical and Psychological Portrait: materials of the XXIV All-Russia. sci. conf. St. Petersburg, December 15–16, 2008: At 2 hours. / Under. Ed. Dr. ist. sciences, prof. S.N. Poltorak. — St. Petersburg: Nestor, 2008. — Part 2. — P. 88–92.

Author

Khanipova Ilnara Ildusovna — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Russia, 420014, Kazan, Baturina str., 7; e-mail: history@tataroved.ru).

УДК 94 (47)

Хасянов О. Р.

РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЙБЫШЕВСКОЙ И УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)[1]

В статье на основе анализа архивных материалов учреждений статистики Куйбышевской и Ульяновской областей анализируются процессы рождаемости и смертности в послевоенной поволжской деревне. Проведя сопоставление общего коэффициента рождаемости в послевоенной колхозной деревне Куйбышевской и Ульяновской областей, автор приходит к выводу, что в послевоенное время происходит рост рождаемости и уже к 1946 гг. достигает среднего уровня (21–25 ‰). В последующие годы в исследуемых областях коэффициент рождаемости так и не смог достичь высокого уровня (31–40 ‰), а колебался на уровне выше среднего (26–30 ‰). Показатели смертности оставались высокими. Рост смертности в 1947 г. был напрямую связан с последствиями голода: отсутствие сбалансированного питания, практически полное отсутствие хлеба, круп, яиц, молока и других продуктов питания, что ослабляло иммунитет сельских жителей, здоровье которых было уже подорвано войной. От голода особенно страдали дети, поэтому росла младенческая смертность.

Ключевые слова: советское крестьянство, послевоенное село, Среднее Поволжье, рождаемость, смертность, колхозная деревня

Процессы, затронувшие крестьянский мир в ходе реализации советского аграрного проекта, обострили многие внутренние проблемы российского государства, в частности демографическую и духовно-нравственную. Кризис и деградация в духовно-нравственной сфере и в демографическом воспроизводстве современного российского общества во многом были определены событиями 1945–1953 гг., вследствие этого изучение региональной специфики трансформации крестьянской культуры вызывает особый интерес. Понять произошедшие изменения в демографической структуре российского общества невозможно без детального анализа последствий Великой Отечественной войны в структуре воспроизводства населения. Важным в понимании характера экономического и социального благополучия страны, эффективности социально-экономической политики властей являются показатели рождаемости и смертности.

Проблема демографических процессов в послевоенном советском обществе неоднократно привлекала внимание исследователей. Одной из первых в отечественной историографии работ, посвященных анализу

[1] © Хасянов О. Р. Текст. 2018.

Исследование осуществлено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых кандидатов наук (грант МК-1598.2017.6) и гранта РФФИ № 17–11–73001.

влияния демографических последствий советской модернизации на послевоенную крестьянскую культуру, стало исследование О.М. Вербицкой. По ее подсчетам к началу мирного периода численность сельского населения в сравнении с довоенным 1940 г. сократилась на 11,4 млн чел. [1, с. 80]. Подавляющая часть этой убыли пришлась на колхозы Российской Федерации, где население сократилось на 8,2 млн чел. (18,3 %) [1, с. 81]. Детальный анализ основных факторов демографического развития сельского населения России, причины убыли сельского населения в первые послевоенные годы отражены в серии работ В.П. Попова [3–8].

Последствием войны является повсеместное сокращение количества колхозных дворов не только в оккупированных зонах, но и в тыловых областях. Только в Куйбышевской области к концу войны количество крестьянских дворов уменьшилось в два раза [2, с. 27]. В крестьянских семьях трудоспособными оставались в основном женщины, к тому же вдовы. Сокращение численности населения коснулось главным образом наиболее социально активной трудоспособной части — молодых мужчин.

Процесс демобилизации, в результате которого в колхозную деревню возвращалось мужское население, привел к увеличению количества официально регистрируемых браков и, как следствие, к увеличению рождаемости. Коэффициент рождаемости в сельских районах Ульяновской области в 1945 г. составлял 12,2, в 1946 г. — 24,7, а в 1947 г. — 28,1. Число рождений детей в 1946 г. в сравнении с 1945 г. резко возросло (в два раза), а в 1947 г. увеличилось практически втрое. Исключением явился Барышский район, где рождаемость снизилась. Наилучшие показатели по коэффициенту рождаемости в 1947 г. в Ульяновской области наблюдались в следующих сельских районах: Павловский — 37,3 %, Мелекесский — 34,8 %, Тиинский — 34,0 %, Мало-Кандалинский — 33,8 %, Базарно-Сызганский — 32,0 %. Наименьшие показатели рождаемости были отмечены в Радищевском районе — 23,8 %, Новоспасском — 23,3 %, Барышском — 22,5 %[1]. Показатели процесса естественного движения населения по районам Ульяновской области представлены в таблице 1.

В абсолютном большинстве сельских районов Ульяновской области в 1947 г. повысился коэффициент естественного прироста населения, главным образом за счет увеличения рождаемости. Самый высокий коэффициент естественного прироста населения в 1947 г. был зафиксирован в Павловском районе, он составил 28,0 %, а самый низкий — в Новоспасском — 10,6 %. Динамика рождаемости в сельских районах Ульяновской области проиллюстрирована данными таблицы 2.

В 1945 г. коэффициент рождаемости в сельских районах Ульяновской области составлял 13,26 ‰. В 1946 г. он составил 25,2 ‰, в 1947 г. увеличился до 27,85 ‰. В 1948 г. общий коэффициент рождаемости снизился практически на один показатель и составил 26,76 ‰.

[1] ГАУО. Ф.Р. 2595. Оп. 2. Д. 3395. Л. 98, 104.

Таблица 1

Естественный прирост населения по районам Ульяновской области (1946–1947 гг.)*

Район	Рождаемость		Естественный прирост	
	1947 г.	**1946 г.**	**1947 г.**	**1946 г.**
Астрадамовский	27,7	21,7	18,0	13,7
Базарно-Сызганский	32,0	26,2	22,2	17,1
Барановский	31,4	29,7	21,6	20,8
Барышский	22,5	30,5	11,7	18,2
Богдашкинский	31,2	26,6	21,2	18,1
Вешкаймский	28.5	20,0	19,3	12,1
Жадовский	26,8	24,9	17,6	16,3
Игнатовский	29,6	—	20,9	—
Инзенский	31,1	26,0	22,6	18,3
Ишеевский	27,4	23,7	16,9	17,3
Карсунский	25,1	22,0	14,6	14,0
Кузоватовский	28,4	23,7	15,5	14,9
Майнский	29,6	23,7	18,0	14,8
Мало-Кандалинский	32,3	32,1	19,8	17,3
Мелекесский	34,8	21,8	16,5	14,3
Николаевский	29,0	28,2	18,0	18,5
Николо-Черемшанский	28,3	22,5	15,6	11,9
Новомалыклинский	31,4	29,3	18,3	19,0
Новоспасский	23,3	22,8	10,6	12,5
Павловский	37,3	25,2	28,0	15,9
Радищевский	23,8	22,8	12,7	14,8
Сенгилеевский	31,5	20,5	20,3	10,2
Старокулаткинский	30,8	25,2	22.0	16,7
Старомайнский	24,8	20,8	13,5	11,4
Сурский	24,0	21,0	12,4	10,7
Тагайский	26,5	22,6	15,6	13,1
Тереньгульский	25,3	21,7	14,1	12,8
Тиинский	34,0	25,5	19,7	15,2
Ульяновский	31,1	26,7	18,6	16,0
Чердаклинский	29,0	27,1	17,0	17,4
Среднее по области	28,1	24,7	17,1	15,5

* ГАУО. Ф.Р. 2595. Оп. 2. Д. 3395. Л. 103.

Таким образом, данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что в 1943 г. общий коэффициент рождаемости по селам Куйбышевской области составлял 21,9 ‰. В 1946 г. коэффициент рождаемости в сельских районах Куйбышевской области составлял уже 32,7 ‰. В 1948 г. данный показатель снизился до 26,93 ‰. К 1951 г. коэффициент рождаемости возрастает до 28, 9 ‰, а в 1952 г. он составляет 29,04 ‰. К концу сталинского периода

Таблица 2

Динамика рождаемости в сельских районах Ульяновской области, 1945–1651 гг.*

Месяц	1945	1946	1947	1948	1951
Январь	751	1246	2230	2564	2193
Февраль	589	1015	1801	1519	1729
Март	540	1092	1772	1280	1611
Апрель	480	1014	1567	1036	1346
Май	589	1258	1584	1148	1485
Июнь	833	1293	1850	1562	1566
Июль	1155	1558	1829	2121	1522
Август	1164	2386	1859	2332	1718
Сентябрь	1016	2189	1756	2162	1795
Октябрь	991	2105	1813	2200	1591
Ноябрь	943	1841	1641	2109	1844
Декабрь	885	1518	1264	1605	1469
Итого за год	9712	18515	20866	21638	19669

* ГАУО. Ф.Р. 2595. Оп. 2. Д. 3351. Л. 18; Д. 3374. Л. 20; Д. 3404. Л.74; Д. 3395. Л. 16; Д. 3455. Л. 10.

Таблица 3

Динамика рождаемости в сельских районах Куйбышевской области, 1943–1954 гг.*

Месяцы	1943	1946	1948	1949	1950	1951	1953	1954
Январь	1584	1464	2307	3341	2856	2748	2149	2540
Февраль	1272	1185	1740	2451	1845	1866	1998	2140
Март	1337	1278	1652	2476	1814	1881	2050	2252
Апрель	1108	1204	1295	1877	1540	1724	1897	1963
Май	1020	1456	1289	1923	1721	1824	1782	1997
Июнь	1028	1655	1717	1943	1770	1863	1783	1951
Июль	1183	1788	2189	1859	1790	2120	1902	2074
Август	1195	2905	2407	2159	1977	2136	2114	2251
Сентябрь	961	2813	2521	2023	1781	2081	1948	2028
Октябрь	922	2635	2574	1891	1762	2057	1999	2092
Ноябрь	810	2380	2407	1897	1787	2070	1862	1943
Декабрь	540	1874	2118	1674	1290	1655	1665	1966
Итого за год	12960	22637	24216	25514	21933	24025	23149	25197

* ЦГАСО. Ф.Р. 2521. Оп. 8. Д. 81. Л. 128; Д. 137. Л. 42;. Д. 196. Л. 48; Оп. 15. Д. 597. Л. 4; Д. 1164. Л. 47.

правления в 1953 г. коэффициент рождаемости по Куйбышевской области составлял 27, 5 ‰.

Используя шкалу оценки коэффициента рождаемости, предложенной Б.Ц. Урланисом и В.А. Борисовым, и проведя сопоставление общего коэффициента рождаемости в послевоенной колхозной деревне Куйбышевской и Ульяновской областей, мы приходим к выводу, что от относительно

низких показателей в военные годы коэффициент рождаемости уже в 1945, 1946 гг. достигает среднего уровня (21–25 ‰). В последующие годы в исследуемых областях коэффициент рождаемости так и не смог достичь высокого уровня (31–40 ‰), а колебался на уровне выше среднего (26–30 ‰).

В сельской местности Ульяновской области в 1946 г., несмотря на засуху и разразившийся голод, наблюдалось снижение смертности населения, коэффициент которой снизился с 9,33 ‰ (1945 г.) до 9,2 ‰ (1946 г.), но в 1947 г. произошел резкий рост смертности до 11,0 %. В 1947 г. наибольшая смертность сельского населения наблюдалась в Мелекесском (18,3 %), Тиинском (14,3 %), Новомалыклинском (13,1 %), Кузоватовском (12,7 %) районах Ульяновской области. Наименьший процент смертности был зафиксирован в Игнатовском (8,7 %), Старокулаткинском (8,8 %), Инзенском (8,5 %) районах[1]. Рост смертности в 1947 г. был напрямую связан с последствиями голода: отсутствие сбалансированного питания, практически полное отсутствие хлеба, круп, яиц, молока и других продуктов питания, что ослабляло иммунитет сельских жителей, здоровье которых было уже подорвано войной. От голода особенно страдали дети, поэтому растет младенческая смертность.

Ослабленные организмы не могли справиться с различными инфекциями. Распространение некоторых из них принимало формы эпидемий. Росту смертности способствовало и наличие ряда серьезных недостатков в работе органов здравоохранения, особенно в области профилактики распространения инфекционных заболеваний и их предупреждения. С целью улучшения медицинского обслуживания населения области 5 марта 1948 г. Ульяновским облисполкомом было принято специальное постановление № 19/11 об улучшении работы органов здравоохранения. В постановлении было отмечено, что особое внимание необходимо обратить на деятельность учреждений здравоохранения в сельской местности[2].

Особенно высокий уровень заболеваемости зафиксирован по туберкулезу легких. В 1947 г. из 5829 зарегистрированных случаев заболевания у 2053 чел. болезнь была выявлена впервые[3]. Недостаток специализированных учреждений — тубдиспансеров — тоже способствовал распространению туберкулеза. В Ульяновской области имелось только два туберкулезных диспансера и шесть туберкулезных пунктов, где применялись активные формы лечения. Значительная же часть больных туберкулезом легких «даже в заразный период» была вынуждена лечиться дома. Смертность от воспаления легких в 1946 г. составляла 10,6 %, а в 1947 г. уже 14,0 %. Смертность детей в возрасте до одного года составила в 1947 г. 33,9 %, что было значительно выше показателей 1946 г. — 26,7 %. Рост младенческой смертности от воспаления легких был связан с эпидемией коклюша, что при неблагоприятных внешних обстоятельствах в большин-

[1] ГАУО. Ф.Р. 2595. Оп. 2. Д. 3395. Л. 104.

[2] Там же.

[3] ГАУО. Ф.Р. 2595. Оп. 2. Д. 3395. Л. 101.

Таблица 4

Динамика смертности в сельских районах Ульяновской области, 1945–1951 гг.*

Месяц	1945	1946	1947	1948	1951
Январь	751	667	659	799	858
Февраль	589	629	795	759	739
Март	540	753	860	880	761
Апрель	480	593	717	733	536
Май	589	561	633	664	546
Июнь		544	596	551	482
Июль		503	662	609	542
Август	1164	555	707	611	578
Сентябрь	1016	659	688	567	596
Октябрь	991	540	562	537	598
Ноябрь	943	602	549	609	648
Декабрь	885	598	625	647	646
Итого за год	9712	7204	8053	7996	7470

* ГАУО. Ф.Р. 2595. Оп. 2. Д. 3374. Л. 20; Д. 3404. Л.74; Д. 3395. Л. 16.

стве случаев приводило к летальному исходу. Смертность детей первого года жизни от желудочно-кишечных инфекций составляла 28,4 %[1].

В сравнении с 1946 г. в 1947 г. в Ульяновской области увеличивается количество смертельных случаев от желудочно-кишечных заболеваний. Так, если в 1946 г. смертность от кишечных инфекций в области составляла 6,4 %, то в 1947 г. уже 8,8 %. Распространению кишечных инфекций способствовало то, что в пищу употреблялись различные суррогаты. В селах Ульяновской области весной 1947 г. колхозники подбирали с полей и огородов мерзлый картофель, прелые колосья зерновых и другую растительность, непригодную для употребления в пищу, что вызывало различные отравления организма[2].

Таким образом, представленные данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что в 1945 г. коэффициент смертности составлял 9,3 ‰[3]. В 1948 г. в сельских районах Ульяновской области смертность составляла 9,88 ‰, тогда как в 1946 г. она составляла 9,2 ‰, а в 1947 г. — 11 ‰.

Представленные данные в таблицах 4 и 5 свидетельствуют о том, что за период 1946–1947 гг. по Ульяновской области происходит рост коэффициента смертности на 1,8 %. Особенно резко в 1947 г. возросла смертность в Ишеевском, Кузоватовском, Мелекесском (практически в три раза), Тиинском, Новомалыклинском, Радищевском районах. Показатели смертности в этих районах превышали среднеобластной показатель в два и более раза.

[1] Там же.

[2] Интервью с жительницей с. Татарский Калмаюр Чердаклинского района Ульяновской области Аглиулловой Ф. И. от 13.09.2013 г. // Личный архив автора.

[3] ГАУО. Ф.Р. 2595. Оп. 2. Д. 3395. Л. 98.

Таблица 5

Коэффициент смертности по районам Ульяновской области за 1946–1947 гг.

Район	Смертность	
	1947 г.	1946 г.
Астрадамовский	9,7	8,0
Базарно-Сызганский	9,8	9,1
Барановский	9,8	8,9
Барышский	10,8	12,8
Богдашкинский	10,0	8,5
Вешкаймский	9,2	7,9
Жадовский	9,2	8,6
Игнатовский	8,7	-
Инзенский	8,5	7,7
Ишеевский	11,5	6,4
Карсунский	10,5	8,0
Кузоватовский	12,9	8,8
Майнский	11,6	8,9
Малокандалинский	12,5	14,8
Мелекесский	18,3	7,5
Николаевский	11,0	9,7
Николо-Черемшанский	12,7	10,6
Новомалыклинский	13,1	10,3
Новоспасский	12,7	10,3
Павловский	9,3	9,3
Радищевский	11,1	8,0
Сенгилеевский	11,2	10,3
Старокулаткинский	8,8	8,5
Старомайнский	11,3	9,4
Сурский	11,6	10,3
Тагайский	11,0	9,5
Тереньгульский	11,1	8,9
Тиинский	14,3	10,4
Ульяновский	12,5	10,7
Чердаклинский	12,0	9,7
Среднее по области	11,0	9,2

Коэффициент смертности по сельским районам Куйбышевской области в 1946 г. составлял 9,97 ‰, в 1948 г. смертность возросла до 10,7 ‰[1], в 1949 она составила — 10,4 ‰. В 1951 г. данный показатель составил 10,85 ‰, в 1952 г. 11,3 ‰ и в 1953 г. — 10,7 ‰.

[1] ЦГАСО. Ф.Р. 2521. Оп. 8. Д. 39. Л. 117.

Таблица 6

Число смертей в Куйбышевской области в 1943–1954 гг.*

Месяц	1943	1946	1948	1949	1950	1951	1953	1954
Январь	1214	681	885	864	976	1046	812	1083
Февраль	1078	673	932	751	829	809	815	906
Март	1086	798	1061	977	761	855	762	811
Апрель	1013	596	952	869	665	630	687	637
Май	1058	641	841	751	631	670	682	717
Июнь	1004	575	733	684	614	619	651	705
Июль	1006	650	783	666	660	711	708	798
Август	1052	644	739	724	648	828	849	848
Сентябрь	890	627	670	676	524	705	778	735
Октябрь	780	697	668	678	606	729	700	699
Ноябрь	798	677	660	687	689	734	709	660
Декабрь	661	740	765	810	795	688	874	791
Итого за год	11640	8099	9689	9137	8398	9024	9027	9390

* ЦГАСО. Ф.Р. 2521. Оп. 8. Д. 39. Л. 117; Д. 1013. Л. 137; Оп. 10. Д. 102. Л. 5; Оп. 15. Д. 597. Л. 4.

Таким образом, мы видим, что смертность в исследуемый период в Куйбышевской и Ульяновской областях находилась на среднем уровне. Как известно, наиболее точную картину смертности можно составить на основе анализа не общей, а детской смертности. Исходя из статистических данных, видим, что в Ульяновской области коэффициент детской смертности в 1945 г. составлял 60,7 ‰, в 1946 г. — 62,81 ‰, в 1947 г. — 89,09 ‰. По Куйбышевской области в 1943 г. коэффициент младенческой смертности составлял 122,6 ‰, в 1946 г. — 53,01 ‰, в 1947 г. — 60,34 ‰, в 1948 г. — 79,6 ‰, в 1949 г. — 75,2 ‰ в 1952 г. — 66,31 ‰, в 1948 г. — 74,4 ‰, в 1950 г. — 64,24 ‰, в 1951 г. — 64,65 ‰, в 1953 г. — 66,65 ‰. Согласно шкале уровня смертности, предложенной Б.Ц. Урланисом и В.А. Борисовым, от чрезвычайно высоких показателей в годы Великой Отечественной войны младенческая смертность в послевоенные годы постепенно снижается, но остается на высоком уровне (50–74 %). Именно показатель младенческой смертности свидетельствует о развитости системы здравоохранения и социальной политики государства. Высокий уровень младенческой смертности в послевоенной колхозной деревне Среднего Поволжья свидетельствует о том, что институты здравоохранения не справлялись с возложенными на них обязательствами, а сама сеть медицинских учреждений не была развита. Государство, хотя и было нацелено на скорейшее преодоление материальных и демографических последствий войны, не могло предложить решительных мер, способных коренным образом изменить ситуацию с детской смертностью.

Проведенный анализ свидетельствует, что Великая Отечественная война и материальные и людские потери, усугубляемые нецелесообразной

государственной аграрной политикой, подорвали человеческий потенциал колхозной деревни. После короткого периода численного роста населения колхозной деревни Куйбышевской и Ульяновской областей начался затяжной период демографической стагнации и сокращения численности колхозников. Поволжская деревня не смогла преодолеть демографический кризис: средний уровень рождаемости и смертности, высокая младенческая смертность и высокая миграционная активность сельчан обрекли средневолжскую деревню на медленное вымирание, что образно можем назвать угасанием сельской цивилизации России.

Список источников

1. *Вербицкая О. Б.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. — М. : Наука, 1992.

2. История советского крестьянства. Т. 4. — М. : Наука, 1988.

3. *Попов В. П.* Голод и государственная политика // Отечественные архивы. 1992. № 6.

4. *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945–1953 гг.). — Париж, 1992.

5. *Попов В. П.* Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социс. — 1995. — № 7–8.

6. *Попов В. П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социс. — 1994. — № 12.

7. *Попов В. П.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е гг. // Социс. — 1996. — № 3, 4.

8. *Попов В. П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 гг). — М. : Прометей, 1993.

Информация об авторе

Хасянов Олег Ренатович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и экономической теории, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина» (Россия, Ульяновск, бульвар Новый Венец, д. 1, e-mail: ugsha@yandex.ru); ведущий специалист центра развития региональной культуры и истории АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области» (Ульяновск, ул. Радищева, 116 а).

Khasyanov O. R.

Fertility and Mortality in the Post-War Volga Region Village (on Materials of the Kuibyshev and Ulyanovsk Regions)

The article analyzes the processes of fertility and mortality in the post-war Volga region on the basis of the analysis of archival materials of statistical institutions of Kuibyshev and Ulyanovsk regions. Having compared the total fertility rate in the post-war collective farm village of Kuibyshev and Ulyanovsk regions, the author comes to the conclusion that in the post-war period there is an increase in fertility and by 1946 reaches the average level (21–25 ppm). In subsequent years, the fertility rate in the study areas could not reach a high level (31–40 per million), and fluctuated at a level above the average (26–30 per million). Mortality rates remained high. The increase in mortality in 1947 was directly related to the consequences of hunger: the lack of a balanced diet, the almost complete absence of bread, cereals, eggs, milk and other food, which weakened the immunity of rural residents, whose health was already undermined by the war. Children suffered especially from hunger, so infant mortality grew.

Keywords: Soviet peasantry, post-war village, Middle Volga region, birth rate, mortality, collective farm village

References

1. Verbitskaya O. B. Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev. Mid-40s — early 60s. Moscow: Science, 1992.

2. The history of the Soviet peasantry. — Vol. 4. — Moscow: Science, 1988.

3. Popov V. P. Hunger and state policy // Domestic archives. — 1992. — No 6.

4. Popov V. P. Peasantry and the state (1945–1953). — Paris, 1992.

5. Popov V. P. Passport system in the USSR (1932–1976) // Socis. — 1995. — № 7–8.

6. Popov V. P. Reasons for the reduction of the population of the RSFSR after the great Patriotic war // Socis. — 1994. — № 12.

7. Popov V. P. Regional features of the demographic situation of the RSFSR in the 40s // Socis. — 1996. — № 3, 4.

8. Popov V. P. Russian village after the war (June 1945 — March 1953). — M.: Prometheus, 1993.

Author

Khasyanov Oleg Renatovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Economic Theory, FGBOU VO «Ulyanovsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin «(Russia, Ulyanovsk, Boulevard Novy Venets, 1, e-mail: ugsha@yandex.ru); Leading Specialist of the Center for the Development of Regional Culture and History ANO «Center for Strategic Studies of the Ulyanovsk Region» (Ulyanovsk, 116 Radishcheva St.).

УДК 314.72

Черезова О. Г.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЙ В ГОРОДСКОЙ МЕСТНОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950–1970-Е ГОДЫ[1]

В статье проанализированы основные направления миграционных потоков по городской метности Свердловской области в 1950–1970-е гг. При исследовании использован комплекс статистических отчетов о перемещениях населения, хранящихся в областном архиве и позволяющих восстановить довольно полную картину направлений миграций. Выявлена доля внутриобластных и внутрирегиональных миграционных потоков в общей численности мигрантов, приезжающих в область и выезжающих из нее, а также роль этих миграций в формировании городского населения Свердловской области как за счет городских мигрантов, так и за счет мигрантов их села. Рассчитано сальдо миграций по основным направлениям передвижения населения, что позволяет проследить прирост или сокращение численности городского населения области за счет миграций, связанных с отдельными областями, республиками и регионами СССР.

Ключевые слова: Свердловская область, городское население, сельское население, миграции, сальдо миграций

Миграции являются важным демографическим процессом. Они влияют на численность населения, компенсируя или усугубляя последствия сокращения населения за счет отрицательного естественного прироста, оказывают существенное влияние на половозрастную структуру населения. В течение всего XX в. процесс урбанизации, практически завершившийся к концу века, в России сопровождался интенсивным перемещением сельского населения в города [2].

Попробуем проанализировать основные направления миграционных потоков по городской местности Свердловской области в 1950–1970-е гг. Свердловская область представляет собой классический пример индустриальной области, где городское население пополнялось за счет миграций из села, причем в первую очередь сельской местности той же самой области, и в указанный период село еще не полностью исчерпало себя как резерв для пополнения городского населения. Во второй половине XX в. интенсивность миграции из села в город несколько снижается и основным источником увеличения городского населения становится естественный прирост [3].

Сведения о направлениях миграций исследователю предоставляют сводные отчеты по форме № 1 — «Передвижение населения», хранящиеся в областном архиве. Они содержат данные о том, в какие области или республики выезжали или откуда прибывали мигранты. Кроме того, указано, с городской или сельской местностью связаны миграции. На протяжении

[1] © Черезова О. Г. Текст. 2018.

рассматриваемого периода данная форма отчетности менялась незначительно, и данные разных лет вполне сопоставимы. В отличие от сводок по сельской местности, которые начали регулярно подаваться лишь с середины 1960-х гг., данные по городам подавались в течение всего периода и являются достаточно полными, позволяя составить достаточно четкую картину передвижения населения по направлениям миграционных потоков.

Основная часть мигрантов в рассматриваемый период перемещалась в пределах РСФСР. Внутриреспубликанских перемещений приходилось около 80 % всех выезжающих из городов Свердловской области столько же среди приезжающих в область. Если говорить об основных направлениях миграционных потоков в пределах РСФСР, то на первом месте, как и следовало ожидать, оказываются внутриобластные миграции. В города и сельскую местность области в 1958 г. выбыло 34 % всех выезжающих, в 1967 г. — 28,7 %, в 1973 г. — 28,3 %. Среди прибывающих в города эти цифры составляли соответственно 34,4, 39,3 и 32,3 %. При этом 10–15 тыс. мигрантов ежегодно приезжало в Свердловск и около 20 тыс. выезжало из областного центра[1]. Это естественно, так как в областном центре расположено большинство средних специальных и высших учебных заведений области и крупные промышленные предприятия.

На втором месте среди направлений миграций — внутрирегиональные перемещения. Около 4–5 % всех перемещений приходится на индустриальные области — Пермскую и Челябинскую. Около 1500 чел. ежегодно прибывало из Перми и около 2 тыс. — из Челябинска, от 2100 до 2700 тыс. чел. ежегодно уезжали в Челябинск и Пермь[2].

Чуть меньший процент перемещений обеспечивали Оренбургская область и башкирская и Удмуртская АССР. На долю Башкирии приходилось ежегодно от 1,5 % до 2 % всех выезжающих из городов Свердловской области и от 1,5 % до 2,5 % приезжающих. Около 2,5 % среди мигрантов составляли прибывшие из Оренбуржья и Удмуртии выехавшие в эти регионы.

Из соседних регионов наиболее заметный показатель дают перемещения населения между Свердловской и Кировской областью. В 1950–1960 гг. численность прибывших из Кировской области составляла более 3 % всех мигрантов, к началу 1970-х гг. этот показатель несколько уменьшился — до 1,9–1,7 %. Выезжало в Кировскую область из городов Свердловской около 2,1 % всех мигрантов в 1950–1960-е гг. и около 1,5 — в 1970-е гг.

Среди направлений межреспубликанских миграций первое место занимал Казахстан. При этом доля миграций, связанных с этой республикой, в течение рассматриваемого периода сокращалась. Если в конце 1950-х — начале 1960-х гг. около 4 % всех мигрантов прибывало из Казахстана и около 4,5 % выезжало туда, то к началу 1970-х гг. эти показатели сократились соответственно до 2,5 и 2,9 %.

---

[1] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1813. Оп. 11.

[2] ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 11.

Сальдо миграций в течение рассматриваемого периода в целом сохранялось положительным. Население городов Свердловской области ежегодно пополнялось на 10–20 тыс. чел. При этом положительное сальдо обеспечивалось, в первую очередь, за счет сельской местности — количество приезжающих из села превышало количество уезжающих в сельскую местность. Село на протяжении всей второй половины XX в. теряло население за счет миграционного оттока. В города уезжала на учебу молодежь, переезжали люди более старшего возраста в поисках более комфортных условий жизни и работы. Даже распределение молодых специалистов после окончания учебного заведения оказывалось не в силах исправить ситуацию.

При этом по отдельным областям и регионам миграции могли давать сокращение численности населения. Так, с соседними индустриальными областями наблюдалось положительное сальдо миграций. В 1958 г. прирост населения за счет мигрантов из Пермской области составлял 2501 чел., в 1960 г. — 4020, в 1972 г. — 1732 чел. Для Челябинской области этот показатель составил соответственно 538, 1323 и 463 человека[1]. При этом положительное сальдо обеспечивали как город, так и село. Возможно, подобная ситуация была связана с тем, что на территории Свердловской области расположено большее количество высших учебных заведений, а также и интенсивным развитием промышленных центров севера области в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. (Качканарский ГОК, Серовский завод ферросплавов и т. д.), требовавшим большого количества рабочих рук.

Прирост населения дают и миграции, связанные с Башкирией и Удмуртией. Индустриальная Свердловская область притягивала население из соседних аграрных районов [1]. Прирост в течение рассматриваемого периода составлял от 500 до 2 тыс. человек ежегодно (от каждой из республик).

А вот Оренбургская область в отдельные годы давала отрицательное сальдо миграций. Так в 1960 г. городская местность Свердловской области потеряла за счет перемещений населения 1130 чел., причем как за счет миграций в городскую, так и в сельскую местность Оренбуржья[2].

Отрицательное сальдо миграций, давала, естественно, Москва, хотя в общем миграционном потоке перемещения населения, связанные с этом городом, составляют очень небольшой процент. На эти миграции приходилось ежегодно от нескольких сотен человек, приезжающих в города Свердловской области, до 1500–1700 чел., уезжающих в столицу. Скорее всего, эти миграции связаны с отъездом на учебу в вузы столицы, а большая часть прибывающих из Москвы в область могли быть молодыми специалистами, приезжающими по распределению. К сожалению, точно утверждать это нельзя, так как в форме отчетности не указывался возраст

[1] Там же.

[2] Там же.

мигрантов, а сопоставить ее с отчетами, дающими сведения о распределении мигрантов по возрасту, практически невозможно.

Итоги миграций, связанных с Казахстаном на протяжении 1950–1970-х гг. довольно различны. Конец 1950-х — начало 1960-х гг. дает отрицательное сальдо так в 1958 г. городская местность Свердловской области потеряла за счет выехавших в Казахскую ССР 1919 чел., в 1963 г. — уже только 636. Но уже в середине 1960-х — начале 1970-х гг. ситуация меняется, и сальдо миграций с Казахстаном становится положительным[1]. Это связано, скорее всего, с освоением целины, приходящимся на середину1950-х — середину 1960-х гг., с чем и связан отток населения в Казахстан. С окончанием компании меняется и направление основных миграционных потоков.

Таким образом, несмотря на снижение интенсивности миграционных потоков, переселения, в первую очередь внутриобластные, оставались в 1950–1970-е гг. источником пополнения городского населения Свердловской области.

Список источников

1. *Горбачев О. В.* Средний Урал на миграционной карте России [Электронный ресурс]. URL: elar.urfu.ru.

2. *Зайончковская Ж. А.* Миграция населения СССР и России в XX веке. Эволюция сквозь катаклизмы [Электронный ресурс]. URL: cyberleninka.ru.

3. *Оруджиева А. Г.* Развитие городов Свердловской области в XX — начале XXI веков. Краткий исторический очерк // Муниципальная экономика и управление. — Вып. 7 [Электронный ресурс]. URL: municipal.uapa.ru.

Информация об авторе

Черезова Оксана Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный лесотехнический университет (Россия, Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, 37, okssch@mail.ru).

Tcherezova O. G.

The Main Directions of Migration in Urban Areas of the Sverdlovsk Region in the 1950s-1970s

The article analyzes the main directions of migration flows in the urban region of the Sverdlovsk region in the 1950s-70s.the study uses a set of statistical reports on population movements stored in the regional archive and allows you to restore a fairly complete picture of the directions of migration. The share of intraregional and intraregional migration flows in the total number of migrants coming to and leaving the region, as well as the role of these migrations in the formation of the urban population of the Sverdlovsk region, both at the expense of urban migrants and at the expense of migrants in their villages. The balance of migration in the main directions of movement of the population is calculated, which allows to trace the increase or decrease in the urban population of the region due to migration associated with individual regions, republics and regions of the USSR.

Keywords: Sverdlovsk region, urban population, rural population, migration, migration balance

[1] Там же.

References

1. Gorbachev O. V. Middle Ural on the migration map of Russia [Electronic resource] URL: elar.urfu.ru.

2. Zayonchkovskaya Zh. A. Migration of the USSR and Russia in the twentieth century: evolution through cataclysms [Electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru.

3. Orujieva A. G. Development of Sverdlovsk region in the XX — beginning of XXI centuries (brief historical sketch)// municipal economy and management. Iss.7 [Electronic resource] URL: municipal.uapa.ru.

Author

Cherezova, Oksana Gennad'evna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of history and economic theory, Ural State Forestry University (620100 Russia, Ekaterinburg, Siberian trakt, 37$ e-mail: okssch@mail.ru).

II. ПРОДВИЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ РОДИТЕЛЬСТВА И СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 347.611

Безвербная Н. А.

МНОГОПОКОЛЕННАЯ СЕМЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР[1]

Автор анализирует опыт семейной политики и многопоколенных домохозяйств в двух государствах: России и Франции. Автор останавливает свой выбор на Французской Республике, так как известно, что опыт семейной политики, проводимой во Франции, считается успешным, что может послужить основой для внедрения подобного опыта в Российской Федерации, для которой актуальны недоработки в данной области, а многопоколенные семьи в России довольно часто образуются под давлением экономических факторов: нерешенных жилищных вопросов, низкого уровня доходов населения и т. д. В статье автор рассматривает не только многопоколенные семьи Франции, проживающие совместно (на одной территории), но и те семьи, которые, несмотря на раздельное проживание, сумели сохранить тесную взаимосвязь со своими родителями и прародителями, что свидетельствует не только о положительных тенденциях в реализации семейной политики государством, но о мировоззрении, на котором основываются семейные отношения (поддержка, важность семейных традиций, понимание и сотрудничество), предотвращающем распад семьи, разводы и девиантное поведение. Кроме того, автором отмечено, что экономические кризисы никак не влияют на репродуктивное поведение жителей Франции, что свидетельствует, во-первых, об уверенности французских семейных домохозяйств в помощи со стороны государства, а во-вторых, об успешности проводимой семейной политики. Автором акцентирована нехватка статистических данных о количестве многопоколенных семей, живущих в России, статистических данных о многопоколенных семьях Французской Республики значительно больше, на них и ссылается автор.

Ключевые слова: социология семьи, многопоколенная семья, структура семьи, семейные отношения, Российская Федерация, Французская Республика

Проблемы, связанные с институтом семьи, будут актуальными всегда, так как институт семьи является одним из главных и структурообразующих в разрезе государства, социального порядка и взаимоотношений между людьми. Важность исследований, посвященных социологии семьи, отмечали не только классики социологической мысли, но и современные социологи, и причиной тому является перманентная трансформация

[1] Безвербная Н. А. Текст. 2018.

семейных отношений под влиянием разного рода факторов, что сказывается на демографических процессах, а те, в свою очередь, — на экономических.

Г. Спенсер, классик социологической мысли, рассматривал институт семьи как важнейший элемент социальной подсистемы, как организацию, необходимую для сотрудничества и возникающую из преследования индивидуальных целей, косвенно приводящих к общественному благосостоянию [7]. Т. Парсонс рассматривал семью, как хорошо организованную и интегрированную группу, коллектив в социальной подсистеме и одновременно институт, элемент нормативной структуры культурной подсистемы, выполняющий интегративную функцию в социальной подсистеме [4].

Проблемы межпоколенческих взаимоотношений в контексте семейной политики РФ являются актуальной сферой научных исследований, и это обусловлено несколькими причинами:

— трансформацией института семьи в целом;

— невозможностью решения квартирного вопроса для семей, в том числе молодых;

— несовпадением, непоследовательностью и противоречивостью отношений в семье: с одной стороны, стремление семей жить отдельно от родителей, а с другой — невозможность самостоятельного ведения домашнего хозяйства, процесса ухода и воспитания детей, без помощи со стороны родителей и прародителей, невозможность найма персонала для дома, таких как няни, гувернантки и т. д.

Всем перечисленным и обусловлены научный интерес и актуальность проводимых исследований.

Итак, межпоколенная семья — это семья, состоящая из детей, их родителей, бабушек и дедушек возможно и прабабушек и прадедушек, живущая вместе, в одном доме и ведущая совместное хозяйство. Традиционная русская культура признает как полноценную именно такую семью, где есть естественная связь поколений, передача традиций, сохранение целостного облика культуры. В такой семье, если она дружная, протекает самое полноценное воспитание детей. Можно поставить знак равенства между традиционной семьей и расширенной. Кроме того, средне- и многодетные семьи также ассоциируются с традиционной семьей [2].

Если конкретизировать и говорить о взаимоотношениях поколений, то семья выступает важнейшим элементом в поддержке межпоколенческих отношений во Франции. Во Франции ценится не только семья, но межпоколенческие связи. Несмотря на увеличение численности стареющего населения, тесная взаимосвязь между поколениями сохраняется, причем существуют и семьи, состоящие из четырех поколений. Более того, таким семьям не обязательно проживать совместно «под одной крышей» (см. данные табл.), но тем не менее межпоколенческая связь усиливается. Кроме того, благодаря увеличению продолжительности жизни, в стране появилось так называемое поколение активных бабушек и дедушек, которые не

Таблица

Типы домохозяйств с проживающими в них детьми (%)

Страна	Без родителей	Один родитель	Двое родителей (находящиеся в сожительстве)	Двое родителей (находящиеся в браке)	Многопоколенная семья
Швеция	1,3	17,6	30,5	50,6	0,3
Австрия	2,2	14,3	7,4	76,1	7,5
Франция	0,9	13,5	21,0	64,5	1,8
Португалия	2,9	11,9	9,7	75,5	11,6
Польша	0,8	11,0	9,2	79,0	22,0

только помогают в воспитании внуков, но и помогают справиться с разного рода кризисами: экономическими и даже личными. Позже ситуация меняется, когда за пожилыми необходим уход — именно тогда дети и внуки, воспитанные на ценностях преемственности и поддержки, оказывают всяческую помощь своим родителям и прародителям.

Если обратиться к данным переписи населения, то можно заметить, что большинство пожилых людей во Франции живут автономно, в своих домах, 6 % пожилых людей проживают в доме престарелых, и только 3 % пожилых людей живут с детьми и их семьями [8].

Одна из причин, почему такое явление стало возможным во Франции, на наш взгляд, напрямую связана с политикой государства в области социального обеспечения. Для стран Европейского союза актуальны высокие затраты на социальную поддержку, но Франция занимает в этом отношении лидирующую позицию: 34 % ВВП (по данным 2015 г.), следующие после Франции — Дания и Финляндия, которые тратят по 32 %. Все это позволяет Франции входить в группу стран Европйского союза с одной из самых развитых систем социальной защиты, ведь в период с 1970 г. по 2014 г. общие социальные расходы выросли с 17,5 % до 31,9 % ВВП [6].

Кроме того, не можем не привести в пример динамику роста рождаемости в Республике за последние 7 лет (см. рис.) [1]. Безусловно, все это является результатом продуманной социальной политики государства: национальный союз семейных ассоциаций UNAF, национальная касса семейных пособий CNAF, финансирование системы услуг по уходу за детьми,осуществление адресной социальной помощи бедным, сопровождение процесса социальной адаптации, структура системы социальной адаптации на региональном и местном уровне — все это привело к тому, что явление многодетных и многопоколенных семей для Франции стало современнной реалией, так как сложности в экономике и политической жизни страны никак не влияют на репродуктивную мотивацию и демографическое поведение. Конечно, подобные условия способствуют укреплению института семьи и сохранению расширенных семей и межпоколенческих связей.

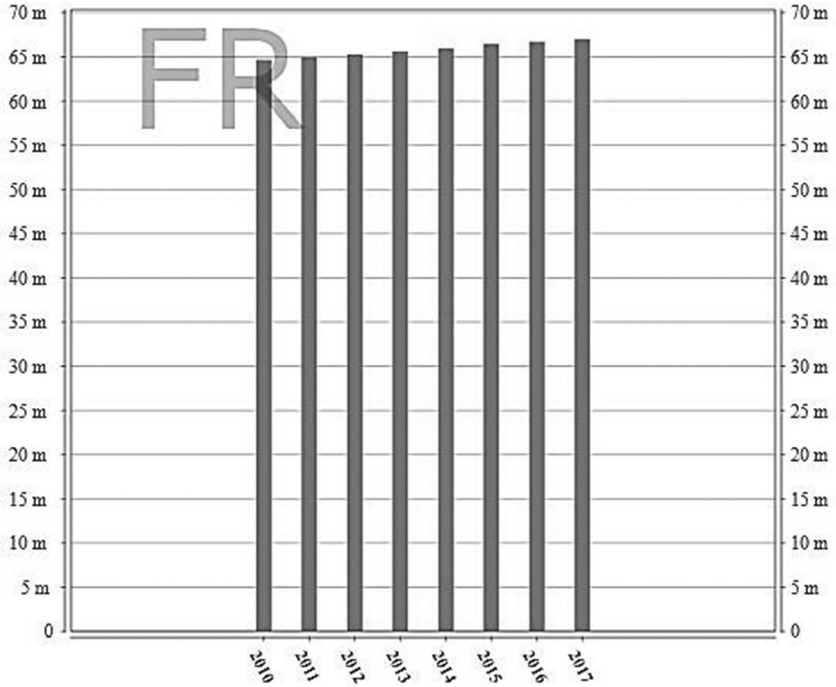

Рис. *Динамика уровня рождаемости во Франции с 2010 г. по 2017 гг. (по данным Евростата) [1]*

Таким образом, можно сделать следующие выводы: психология семейных отношений, в частности, в межпоколенческих семьях, имеет сходные черты и в России, и во Франции. При этом проживание расширенной семьи под одной крыше в России довольно часто вызвано невозможностью решить жилищный вопрос, и экономическими факторами вообще, а во Франции люди пожилого возраста проживают отдельно, но при этом сохраняют статус активных бабушек и дедушек, постоянно взаимодействуя со своими детьми и внуками, как это было описано выше. Можно сделать вывод, что опыт реализации семейной политики и уровень социального обеспечения, во-первых, являются объективно успешными во Франции, а во-вторых, подобный опыт, с учетом специфики стран и их некоторых отличий, может быть также успешно интегрирован в Россию.

Список источников

1. Данные Евростата по уровню рождаемости во Франции с 2010 по 2017 гг [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/graph.do?tab=graph&plugin=1&pcode=tps00001&language=en&toolbox=data (дата обращения: 02.05.2018).

2. *Вершинина И. А.* Социальный институт семьи в современных условиях [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46667/1/klo_2017_145.pdf (дата обращения: 02.05.2018).

3. *Лакарова Е. В.* Гармонизация межпоколенных отношений в семье. История и современность // Семья в системе ценностей поколений. Мат-лы науч.-практ. конф. 5 дек. 2016 / Под ред. Т. К. Ростовской, С. Н. Фоминой, — М. : Перспектива, 2017. — 162 с. — С. 59–62.

4. *Парсонс Т. О* социальных системах. — М., 2002.

5. Семейная политика Франции. Возможности применения успешного опыта в России // Институт научно-общественной экспертизы. — М. : ООО «М-Студио», 2012. — 48 с.

6. Социальное государство в странах ЕС. Прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю. Д. Квашнин. — М.: ИМЭМО РАН, 2016. — 189 с.

7. *Спенсер Г.* Синтетическая философия. В сокращенном изложении Говарда Коллинза. — Киев, 1997.

8. Global Perspectives on Multigenerational Households and Intergenerational Relations. An ILC Global Alliance Report [Electronic resouce]. URL: http://www.ilc-alliance.org/index.php/reports/report_details/retirement_age (access date: 25.04.2018).

9. *Iacovou M., Skew A. J.* Household Composition Across the New Europe: Where do the New Member States Fit In? // Demographic Research. — 2011. — Vol. 25. — Art. 14. — Pp. 465–490. — doi: 10.4504/DemRes.2011.25.14

Информация об авторах

Безвербная Наталья Александровна — младший научный сотрудник ИСПИ РАН (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой 6, к. 1, каб. 201).

Bezverbnaya N. A.

Multigeneration Family of Russia and French Republic: Comparative Review

In this article the author analyzes experience of family policy and multigeneration households in two states: Russia and France. The author stops the choice on the French Republic as it is known that experience of the family policy pursued in France is considered successful that can form a basis to introduce similar experience to the Russian Federation for which defects in the field are relevant and multigeneration families in Russia are quite often formed under pressure of economic factors: unresolved housing questions, low level of income of the population, etc. In article the author considers not only the multigeneration families of France living in common (in one territory), but also those families which, despite separate accommodation, have managed to keep close interrelation with the parents and primogenitors that testifies not only to positive tendencies in realization of family policy by the state, but also that outlook on which the family relations are based, namely: support, importance of family traditions, understanding and cooperation that prevents disintegration of family, stains and deviant behavior. Besides, the author has noted that economic crises don't influence reproductive behavior of residents of France in any way that testifies, first, to confidence of the French family households in the help from the state, and secondly, to success of the pursued family policy. The author has accented the shortage of statistical data on the number of the multigeneration families living in Russia — statistical data on multigeneration families of the French Republic much more, on as the author refers.

Keywords: family sociology, multigeneration family, structure of family, family relations, Russian Federation, French Republic

References

1. Data of Eurostat on birth rate level in France from 2010 to 2017 [An electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/graph.do?tab=graph&plugin=1&pcode=tps00001&language=en&toolbox=data (date of the address: 5/2/2018).

2. Vershinina. I. A. The social institution of the family in modern conditions [Electronic resource]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46667/1/klo_2017_145.pdf (date of the address: 5/2/2018).

3. Lakarova E. V. Harmonization of the inter-generational relations in family: history and

4. present // Family in the System of Values of Generations. Materials of the scientific and practical conference on December 5, 2016: The collection of scientific articles / Ed. of T. K. Rostovskaya, S. N. Fomina, — M. : Prospect, 2017. — 162 p. — P. 59–62.

5. Parsons T. About social systems. — M, 2002.

6. Family policy of France: possibilities of application of successful experience in Russia // Institute of scientific and public examination. — M. : LLC M-Studio, 2012. — 48 p.

7. The social state in EU countries: past and present / Ed.on Yu. D. Kvashnin. — M.: IMEMO of RAS, 2016. — 189 pages.

8. Spencer G. Synthetic philosophy. In the reduced Howard Collins's statement. — Kiev, 1997.

9. Global Perspectives on Multigenerational Households and Intergenerational Relations. An ILC Global Alliance Report [Electronic resouce]. URL: http://www.ilc-alliance.org/index.php/reports/report_details/retirement_age (access date: 25.04.2018).

10. Iacovou M., Skew A. J. Household Composition Across the New Europe: Where do the New Member States Fit In? // Demographic Research. — 2011. — Vol. 25. — Article 14. — P. 465–490. — doi: 10.4504/DemRes.2011.25.14.

Information about the author

Bezverbnaya Natalya Aleksandrovna — junior researcher the Institution of Socio-Political Research RAS (119333, Russia, Moscow, Fotiyevoi str., h. 6, bldg. 1, office 201).

УДК 331.101.262: 316.365.2

Быкова Д. Г.

ДИНАМИКА ПРОДВИЖЕНИЯ УСТАНОВОК НА ОСОЗНАННОЕ РОДИТЕЛЬСТВО В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Средства массовой информации — основной канал распространения информации, ценностей и практик, в том числе в сфере рождения и воспитания детей. При этом образцы поведения или практики, которые транслируются как имеющие научную базу или общественно одобряемые, влияют на принятие решения о рождении ребенка, выбор родителями модели воспитания и, в конечном счете, на результаты родительского труда. Реализация новых государственных («Десятилетие детства») и региональных («Пятилетка развития») программ и проектов в рамках государственной демографической политики должна быть поддержана государственными средствами массовой информации.

В статье приведены результаты исследования материалов «Областной газеты» — основного государственного ежедневного печатного СМИ Свердловской области — о продвижении установок на осознанное родительство в динамике. В рамках количественной стратегии в ходе исследования было проведено сравнение результатов контент-анализа материалов газеты за 2014 и 2017 гг., для исследования были использованы те же смысловые единицы, которые были выделены по результатам операционализации понятий в 2014 г. Анализ полученных данных проводился в несколько этапов: 1) изменение абсолютной частоты упоминания подкатегорий «родительство», «осознанное родительство» и «ответственное родительство»; 2) выявление месячной динамики абсолютной частоты упоминания всех выделенных смысловых единиц в 2017 г.; 3) сравнение абсолютной и относительной частоты упоминания смысловых единиц двух рассматриваемых категорий в 2014 и в 2017 гг.

В 2017 г. число материалов, направленных на продвижение установок на осознанное родительство, сократилось, несмотря на заметную положительную динамику во второй половине года. При этом доля смысловых единиц, связанных с осознанным родительством, возросла. В качестве следующего этапа исследования нам видится анализ контекста используемых смысловых единиц и его влияния на выбор практик родительского труда.

Ключевые слова: родительство, осознанное родительство, родительский труд, установки, продвижение, Свердловская область, «Областная газета»

---

[1] Быкова Д. Г. Текст. 2018.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

Обеспечение устойчивого развития России на ближайшее десятилетие уже сегодня требует принятия мер для преодоления спада рождаемости 1990-х г., последствия которого приведут к существенному сокращению численности женщин в активном репродуктивном возрасте (20–29 лет), на которых приходится почти две трети рождений [1, с. 1]. Указом Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 ближайшие десять лет, начиная с 2018 г., были объявлены «Десятилетием детства», проект основных мероприятий которого до 2020 года находится в стадии обсуждения [8, 10]. Одновременно с этим в Свердловской области Указом Губернатора от 31.10.2017 № 546-УГ была утверждена «Пятилетка развития», одним из направлений которой является сохранение и развитие человеческого потенциала, включающее мероприятия по укреплению семейных ценностей и традиций, в том числе в рамках реализации проекта «Десятилетие детства» [9, с. 7]. Реализация этих проектов требует информационного сопровождения и предусматривает «оказание содействия освещению в государственных средствах массовой информации мероприятий плана, направленных на укрепление института семьи и духовно-нравственных традиций семейных отношений, а также на патриотическое воспитание детей и молодежи, пропаганду нравственных ценностей и популяризацию здорового образа жизни детей и подростков» [10]. Исходя из этого, в 2017–2018 гг. продвижение установок на родительство и родительский труд в государственных СМИ, в том числе в Свердловской области, должно усилиться. Преимущественное увеличение числа публикаций, посвященных этой теме, должно было произойти, начиная со второй половины 2017 г., то есть после официального утверждения нового государственного проекта.

Для проверки обозначенной гипотезы нами было проведено исследование материалов за 2017 г. ежедневного общественно-политического издания «Областная газета», учредителями которой являются органы государственной власти Свердловской области: губернатор и Законодательное Собрание [7]. Отметим, что аналогичное исследование было проведено нами по материалам газеты за 2014 г. [2, с. 66–68], в результате которого была выявлена необходимость продвижения установок осознанного родительства и родительского труда. В ходе настоящего исследования мы сравнили результаты за эти два года.

В первую очередь, мы оценивали частоту упоминания подкатегорий «осознанное родительство» и «ответственное родительство», а также аналогичных характеристик материнства и отцовства. В информационном пространстве эти подкатегории довольно часто употребляются как синонимы, поэтому мы рассматривали эти понятии в рамках одной категории «осознанное родительство» (отметим, что в научной, особенно в зарубежной литературе с 1997 г. ведется широкая дискуссия вокруг его содержания [11, с. 255–256]. Осознанное родительство определяется как модель взаимоотношений «родитель — ребенок», предполагающая сосредоточение на текущем моменте развития [12, с. 144–145], и как безусловная

поддержка родителей, ориентированная на долгосрочные цели ребенка [13]. В 2010 г. сформировался новый подход к осознанному родительству, который предполагает, что, в первую очередь, родитель должен заниматься самопознанием и саморазвитием, осознанно присутствовать в настоящем, позволяя творческому потенциалу этих отношений влиять одновременно на развитие ребенка и родителя [14]. На наш взгляд, в таких подходах к определению понятия «осознанное родительство» доминирует психологическая составляющая, совершенно не учитываются ресурсы и затраты родителей, этапы формирования человеческого капитала ребенка и их особенности, оно практически не поддается экономическим оценкам. В этой связи, концепция родительского труда нивелирует указанные недостатки. Фактически исследование продвижения осознанного родительства проводится нами в рамках этой концепции: формирование осознанного отношения к родительству с этой точки зрения выступает условием повышения качества родительского труда. Следовательно, продвижение осознанного отношения к родительству неизбежно означает и продвижение идеи трудовой сущности родительства.

С точки зрения различных подходов осознанное родительство может включать в себя большое количество разных подкатегорий и компонентов. Именно поэтому на первом этапе анализа нами проводилась оценка частоты упоминания самих этих понятий. Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что в абсолютном выражении частота упоминания этих подкатегорий в 2017 г. Возросла более чем в два раза по сравнению с 2014 г. На рисунке 1 представлено сравнение частоты упоминания составляющих осознанного и ответственного родительства в абсолютных цифрах в указанные периоды. Отметим, что в публикациях 2017 г., в отличие от публикаций 2014 г., также появились отдельные упоминания, связанные с родительским трудом: необходимость компенсации затрат родительского труда, профстандарты воспитания, трудовой характер деятельности родителей и др.

Мы выявили тенденцию сокращения количества упоминаний подкатегории «осознанное материнство» в пользу родительства в целом и отцовства в частности. Тема отцовства в последнее время действительно актуализировалась: проходит большое количество мероприятий (например, резонансная фотовыставка этого года «Когда папа не ушел» в Ельцин-центре), появляются научные исследования и публикации по этой теме. Предмет таких исследований концентрируется вокруг моделей и типов отцовства в дискурсе [5, с. 115], образа отца [3, 147–148] и его изменяющейся роли в семье [6, с. 29–30]. При этом в новых концептуальных нормативно-правовых документах и их проектах, определяющих средне- и долгосрочную семейную и демографическую политику в стране, эта составляющая родительства отдельно не представлена. На наш взгляд, появление образа отца в общественно-политическом дискурсе — это позитивная тенденция, однако она не должна возникать в ущерб материнству, нивелируя

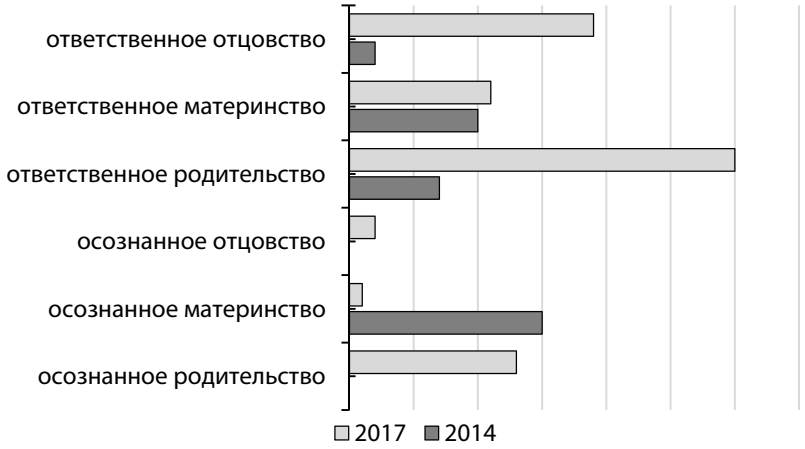

Рис. 1. *Абсолютная частота упоминания различных видов осознанного и ответственного родительства в 2014, 2017 гг.*

в глазах общественности материнский труд, как это отчасти фиксируют результаты нашего исследования. Так, в ряде интервью с известными женщинами с Урала (С. Бронделло, И. Щеглова), посвященных теме семьи, их спрашивают не про их материнский опыт и подходы к воспитанию, а про участие и роль их мужа в воспитании детей [7].

Вместе с тем, в 2017 г. отцовство упоминается в контексте воспитания на своем примере, формирования трудовых династий, совместного хобби с ребенком, а также участия в воспитании детей на младенческой стадии родительского труда [4, с. 70]. Несколько публикаций посвящено уходу отцов в декретный отпуск вместо матери. Такого рода публикации направлены на популяризацию этой практики, разъяснение гарантий действующего семейного законодательства, а также подчеркивают роль и значимость отцовства в ранний период развития ребенка, которые, по мнению М.М. Малышевой, М.П. Пискаловой-Паркер, Н.М. Римашевской, в нашем обществе недооценены [6, с. 30].

Помимо рассмотренных подкатегорий, на втором этапе исследования в 2017 г. на базе проведенной нами в 2014 г. операционализации понятий «родительство» и «осознанное родительство» мы оценили частоту упоминания еще ряда смысловых единиц (таких, как многодетность, материнский капитал, бэби-бум и др.), позволяющих охарактеризовать более общие категории, связанные с родительством. На рисунке 2 представлена абсолютная частота упоминания смысловых единиц, характеризующих родительство и осознанное родительство, по месяцам 2017 г.

Результаты исследования показывают, что, действительно, начиная со второй половины 2017 г., после официального утверждения нового государственного проекта, тема родительства стала появляться в публикациях

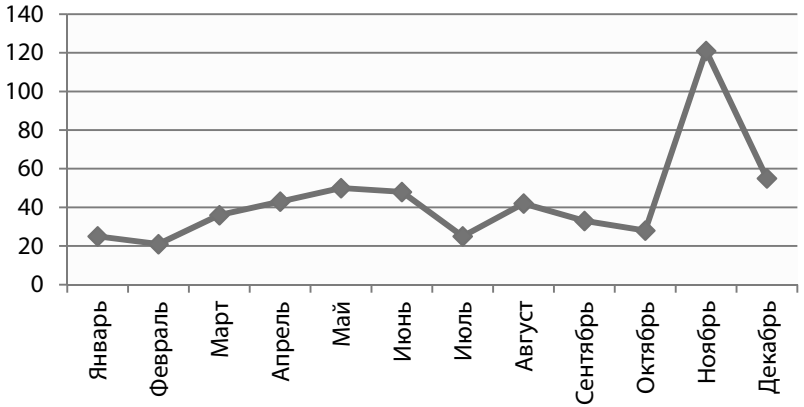

Рис. 2. *Абсолютная частота упоминания смысловых единиц родительства и осознанного родительства по месяцам 2017 г.*

чаще. Вместе с тем, начиная с сентября 2016 г., в газете появилась тематическая страница «Семья», а с сентября 2017 г. — молодежный спецвыпуск «Сверхновая эра». Такие инструменты, на наш взгляд, могут способствовать более системному и последовательному продвижению родительства, однако на практике в 2017 г. они были использованы неэффективно. Тематическая страница «Семья» была опубликована в 8 из 245 выпусков газеты, то есть в 3,27 % выпусков, при этом одна из них практически полностью состояла из рекламы. Кроме того, на главной странице официального сайта газеты не появился отдельный раздел, посвященный этой теме. Что касается спецвыпуска «Сверхновая эра», то за 2017 г. было издано 9 номеров газеты, однако они ориентированы не на родителей, а на более юную целевую аудиторию, преимущественно школьного возраста.

На третьем этапе нами было проведено сравнение частоты упоминания смысловых единиц двух категорий — родительства и осознанного родительства — в 2014 и 2017 гг. Относительная частота упоминания смысловых единиц осознанного родительства увеличилась за четыре года более чем в 2,2 раза (с 23,3 % до 52,0 %). В то же время, в 2017 г. абсолютная частота всех упоминаний смысловых единиц родительства и осознанного родительства уменьшилась более чем в два раза. Таким образом, несмотря на утверждение органами власти новых государственных программ и внедрение анализируемым СМИ отдельных инструментов для привлечения внимания к теме семьи и родительства, продвижение установок осознанного родительства и родительства в целом по сравнению с 2014 г. усилилось только в относительных показателях и по отдельным подкатегориям.

Для повышения эффективности реализации государственных программ «Десятилетие детства» и «Пятилетка развития» пропаганду ценностей института семьи и духовно-нравственных традиций семейных

отношений, установок на воспитание детей и молодежи необходимо усиливать. Продолжение этого исследования мы видим в анализе контекста смысловых единиц, связанных с родительством и осознанным родительством, и его влиянии на выбор практик родительского труда.

Список источников

1. Через 10 лет будет поздно. Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии / Архангельский В. Н., Божевольнов Ю. В., Зверева Н. В., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Малков А. С., Рыбальченко С. И., Рязанцев С. В., Стек Ф., Халтурина Д. А., Шульгин С. Г., Юрьев Е. Л. — М.: Институт научно-общественной экспертизы, 2014. — 52 с.

2. *Быкова Д. Г.* Формирование установок населения Свердловской области на осознанное родительство: опыт исследования и концепция информационно-пропагандистской кампании // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2015. — № 4 (37). — С. 66–72.

3. *Иванова Е. А.* «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным». Как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2017. — Т. XX. — № 5. — С. 132–150.

4. *Илышев А. М., Багирова А. П.* Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека. — М. : Финансы и статистика, 2010. — 304 с.

5. *Линник А. А.* Модели и типы отцовства в публицистическом дискурсе. «новое отцовство» // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сб. мат-лов II междунар. науч.-практ. конф. — 2017. — С. 114–120

6. *Малышева М. М., Писклакова-Паркер М. П., Римашевская Н. М.*, Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества // Народонаселение. — 2017. — № 2 (76). — С. 28–41.

7. Областная газета. Архив за 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oblgazeta.ru/ (дата обращения: 02.04.2018).

8. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства. Указ Президента РФ от 29 мая 2017 № 240 [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

9. О программе «Пятилетка развития Свердловской области» на 2017–2021 годы: Указ Губернатора Свердловской области от 31 октября 2017 № 546-УГ [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

10. Проект Плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства // Министерство труда и социальной защиты РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/analytics/143 (дата обращения: 25.04.2018).

11. *Duncan L. G., Coatsworth J. D., Greenberg M. T.* A Model of Mindful Parenting: Implications for Parent–Child Relationships and Prevention Research // Clinical Child and Family Psychology Review. — 2009. — 12(3) — P. 255–270.

12. *Kabat-Zinn J.* Mindfulness-based interventions in context: Past, present, and future // Clinical Psychology: Science and Practice. — 2003. — 10. — P. 144–156.

13. *Kohn A.* Unconditional Parenting: Moving from Rewards and Punishments to Love and Reason Paperback. — New York: Atria Books. — 2005. — 272 p.

14. *Shefali T.* The Conscious Parent. — New York: Namaste Publishing Inc., 2010. — 300 p.

Информация об авторе

Быкова Дарья Георгиевна — кандидат экономических наук, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19, bykovadarya91@gmail.com).

Bykova D. G.

Dynamics of the Conscious Parenting Promotion in the Sverdlovsk Region

The mass media is the main channel for disseminating information, values and practices in different spheres including birth and upbringing of children. At the same time, patterns of behavior or practices, on a scientific basis or socially approved, influence parents' decision on baby's birth, choice of the model of upbringing and, ultimately, the results of parental labor. The state mass media should support the implementation of new state («Decade of Childhood») and regional («Five Years of Development») programs and projects within the framework of the state demographic policy.

The paper presents the results of a study for the promotion of conscious parenting in dynamics on the materials of the «Oblastnaya Gazeta», the main state daily printed media in the Sverdlovsk Region. As a part of the quantitative strategy, the study compared the results of the content analysis of the newspaper's materials for 2014 and 2017; we used for the study the same semantic units, which we identified during the operationalization of the concepts in 2014. We carried out the data analysis in several stages: 1) changing in the absolute frequency of mention the subcategories «parenting», «conscious parenting» and «responsible parenting»; 2) revealing the monthly dynamics of the absolute frequency of mention all identified semantic units in 2017; 3) comparison of the absolute and relative frequencies of mention the semantic units of the two analyzed categories in 2014 and in 2017.

Compared to 2014, last year the number of materials aimed at promoting conscious parenting decreased in absolute terms, despite a noticeable positive trend in the second half of the year. At the same time, the proportion of semantic units associated with conscious parenting increased. We see an analysis of the context of the semantic units and its influence on the choice of practices of parental labor as the next stage of the study.

Keywords: Parenting, conscious parenting, parental labor, attitudes, promotion, the Sverdlovsk Region, the «Oblastnaya Gazeta»

References

1. Arkhangel'skii V. N., Bozhevolnov Yu. V., Zvereva N. V., Zinkina Yu. V., Korotaev A. V., Malkov A. S., Rybalchenko S. I., Ryazantsev S. V., Steck F., Khalturina D. A., Shulgin S. G., Yuryev E. L. 10 years later it will be too late // Demographic Policy of the Russian Federation: Challenges and Scenarios. — M.: Institute for Scientific and Public Expertise, 2014. — 52 p.

2. Bykova D. G. Formation of public facilities on conscious parenthood in Sverdlovsk Region: research and concept of awareness campaign // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. — 2015. — No. 4 (37). — P. 66–72.

3. Ivanova E. A. «I do not refer myself to good fathers, at best, to normal»: How do Russian men construct the image of a «good father» after a divorce // Journal of Sociology and Social Anthropology. — 2017. — T. XX. — No. 5. — P. 132–150.

4. Ilyshev A. M., Bagirova A. P. Introduction to reproductivistics. The formation of the science of human reproduction. — M.: Finance and Statistics, 2010. — 304 p.

5. Linnik A. A. Models and types of paternity in publicity discourse. «New fatherhood» // Philological and sociocultural issues of science and education. Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference. — 2017. — P. 114–120.

6. Malysheva M. M., Pisklakova-Parker M. P., Rimashevskaya N. M. Balance of professional and family roles of fathers as a guarantee of family and society stability // Population. — 2017. — No. 2 (76). — P. 28–41.

7. Oblastnaya gazeta. Archive for 2017 [Electronic resource]. URL: http://www.oblgazeta.ru/ (reference date: 04.02.2018).

8. On the Announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation: Presidential Decree No. 240 of May 29, 2017 // Reference and Legal System «Consultant Plus».

9. About the program «Five Years of Development of the Sverdlovsk Region» for 2017–2021: Decree of the Governor of the Sverdlovsk Region of October 31, 2017 — No. 546-UG [Electronic resource]. Reference and Legal System «Consultant Plus».

10. Draft Plan of Major Actions to 2020, held within the framework of the Decade of Childhood // Official site of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/analytics/143 (reference date: 04.24.2018).

11. Duncan L. G., Coatsworth J. D., Greenberg M. T. A Model of Mindful Parenting: Implications for Parent–Child Relationships and Prevention Research // Clinical Child and Family Psychology Review. — 2009. — 12(3) — P. 255–270.

12. Kabat-Zinn J. Mindfulness-based interventions in context: Past, present, and future // Clinical Psychology: Science and Practice. — 2003. — 10. — P. 144–156.

13. Kohn A. Unconditional Parenting: Moving from Rewards and Punishments to Love and Reason Paperback. — New York: Atria Books. — 2005. — 272 p.

14. Shefali T. The Conscious Parent. — New York : Namaste Publishing Inc., 2010. — 300 p.

Author

Bykova Daria Georgievna — Ph.D. in Economics, FGAOU VU UrFU named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, (Russia, 19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, bykovadarya91@gmail.com).

УДК 314.172/60.5

Ворошилова А. И.

ШКОЛА И (ИЛИ) РОДИТЕЛИ – КТО В ОТВЕТЕ ЗА БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА?[1]

Исторически родительство воспринималось в общественном сознании как естественная часть семейной жизни, не требующая особой подготовки и регламентации. Однако сегодня родительство все чаще рассматривается как специфическая трудовая деятельность, результаты которой имеют высокую общественную значимость. Отличительной чертой современного родительства также является активное вовлечение различных социальных институтов в реализацию этой деятельности, — прежде всего, институтов образования. В научном дискурсе взаимоотношения родителей и системы образования традиционно изучаются с позиций распределения функций по формированию человеческого капитала ребенка между семьей и школой. Целью данной статьи был анализ новейших социокультурных изменений российской системы образования в исторической динамике во взаимоотношениях с родителями как акторами родительского труда. Так, было установлено, что в начале XX в. в процессе формирования человека семье отводилось подчиненное положение, авторитет профессионалов системы образования и общественных требований в целом был для родителей непререкаем. После развала СССР произошла существенная демократизация и деидеологизация системы образования, в рамках которой учитель превратился в исполнителя образовательной услуги. Оценка качества и содержания этой услуги в настоящее время во многом зависит от мнения родителей, на которых теперь лежит большая часть ответственности за подготовленность ребенка к жизни в социуме. При этом не существует никакой системы подготовки самих родителей, и источником их знаний служит опыт собственной семьи и стихийное интернет-пространство. В результате проведенного анализа был установлен следующий парадокс: сегодня общество предъявляет высокие требования к результатам родительского труда, но должным образом не влияет на процесс их достижения. Решение этой проблемы может лежать не только в реформировании системы образования, но и в поиске новых путей повышения компетентности и осознанности самих родителей.

Ключевые слова: родительский труд, родительство, история образования, система образования

На протяжении веков родительский труд внутренне был включен в родительство и воспринимался как его естественная часть. Родители

[1] ©Ворошилова А. И. Текст. 2018.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

физически не могли обойтись без помощи детей и вовлекали их в трудовые занятия, часто без учета желаний или способностей ребенка. Специального запроса от общества на развитие индивидуальных способностей ребенка также не стояло. Разумеется, в этом случае необходимости осознания и реализации какого-то специального родительского труда не было. Основным источником опыта родительства служил пример собственной семьи, в которой человек родился и вырос. Но даже в этих условиях некоторые социальные институты (например, религия) брали на себя функцию некоторого внешнего регулятора родительской деятельности.

В начале XX в. в нашей стране произошел распад патриархальной многопоколенной семьи, в рамках которой происходила социализация детей. Согласно оценке отечественного исследователя вопросов образования Б.В. Куприянова, в этот период возникла «социокультурная потребность в специфическом институте, который бы восполнил недостаток участия семьи в трудовой и досуговой социализации детей, в приобщении их к непосредственному участию в труде, обеспечил бы профилактику безнадзорности несовершеннолетних» [4]. Идеологи образования того времени (А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, Б. Орловский, М.С. Эпштейн) ставили задачу «возместить в некоторой степени ту работу, которую рабочая и колхозная семья вела с ребенком в лице матери» [4]. Таким образом, система образования молодого коммунистического государства ставила своей задачей не просто облегчить «работу» матери, «которая велась с ребенком», но заместить выполнение этих функций профессиональными организациями. Такая постановка вопроса определяла роль семьи по формированию человека и гражданина как второстепенную, где родители были ограничены способностью передать детям только собственный опыт (не всегда полезный), а также «дурные навыки», «неподходящие картины», «старый быт» и т. д. [3].

При этом в содержании, формах и методах образования молодого советского государства были противоречиво сплетены концепция воспитания, основанного на коллективизме (А.С. Макаренко), с деятельностной психологической концепцией (Л.С. Выготский). К середине XX в. компромисс был найден в концепции воспитывающего обучения, согласно которой воспитание личности являлось функцией образования [6]. С этого момента система образования была отделена от церкви, приобрела массовый и унифицированный характер, контролируемый государством. В дальнейшем, на протяжении почти всей советской истории система дошкольного, школьного и дополнительного образования вносила значительный воспитательный вклад в развитие личности. Семья при этом оказывалась в системе формирования человека в «ведомом» положении, авторитет педагога, системы образования и общественных требований в целом был для родителей по большей части непререкаем [13]. Таким образом, можно утверждать, что в реализации родительских функций родители

ориентировались на мезоуровневые системные требования и ограничения социокультурного развития личности.

Во времена так называемой перестройки, в 1984–1987 гг. был принят ряд нормативно-правовых актов, таких как постановление Верховного Совета СССР «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы», постановление Верховного Совета СССР «Об основных направлениях перестройки высшего и среднего специального образования в стране», «Координационный план НИР по комплексным проблемам высшего и среднего специального образования на 1987–1990 гг.», начавших процессы децентрализации и демократизации системы образования. Примечательно, что одним из первых законов, созданных сразу после развала СССР, стал революционный Закон РФ 1992 г. «Об образовании» [8], допустивший наряду с государственным образованием негосударственное. Так, на смену типовой программе общего образования и воспитания пришли вариативные, парциальные образовательные программы и различные типы дошкольных, школьных, досуговых учреждений и учреждений высшего и профессионального образования. С одной стороны, специалисты до сих пор говорят о его последствиях с точки зрения утраты многих традиций раннего приобщения детей к труду, передачи нравственного гуманистического отношения к людям и духовным ценностям своего народа [12]. С другой стороны, существует и иная точка зрения, утверждающая, что только с появлением в 1992 г. Закона «Об образовании» появились правовые предпосылки для перехода от унитарной, идеологизированной, тоталитарной системы образования к системе демократической, гуманистической [5].

Уже через несколько лет, в 1996 г. впервые цель образования была сформулирована исходя из потребностей личности (а не общества) в законе РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [7]. Эти тенденции в образовательной политике сохранены по сей день. Современная образовательная политика, закрепленная в федеральных законах и стандартах общего образования, включает родителей в состав образовательных отношений в позицию заказчика и потребителя образовательных услуг. В связи с этим, приемы и методы развития ребенка, предлагаемые профессионалами, не являются больше идеологическим, нравственным, культурным ориентиром родительства, но лишь одним из возможных товаров на рынке образовательных услуг [1, 2]. В этих условиях педагогу предлагается роль консультанта, технолога, продавца образовательной услуги. Все это касается не только принципов воспитания и обучения, но и ухода за ребенком — к примеру, выбора режима питания и даже разрешения медицинского вмешательства [9]. Как и педагоги, врачи и другие специалисты в данном случае не являются авторитетом, но лишь исполнителями той или иной услуги, зависящими от субъективной оценки родителя. Таким образом, процессы формирования субъектности человека культурного и приобщения ребенка к культуре отданы на откуп самим родителям.

Все это протекает на фоне глобальных процессов цифровой революции, в условиях избыточности и стихийности информационных потоков, бесконтрольности и анонимности интернет-пространства, нарушения преемственности поколений, ценностной дезориентации молодежи, отсутствия государственной идеологии, плюрализма культур в обществе. Сами учреждения культуры и средства массовой информации продуцируют контент в очень широких границах культурных норм. Государство предпринимает отдельные попытки ограничения распространения информации, способной нанести вред детям, однако они не отличаются высокой эффективностью. Так, ввиду краткой истории вопроса, сегодня не существует проработанной правовой и технической базы по ограничению таких явлений, как кибербуллинг, «хейт-спичеры» (распространение недостоверной информации), программ-анонимайзеров (маскирующих адрес подключающегося и позволяющих обходить блокировку сайтов), *dark-net* (так называемый «теневой интернет», существующий вне правового поля и служащий основной площадкой для противозаконной деятельности — распространения детской порнографии, торговли оружием, наркотиками, людьми и т. д.) и проч. Свобода информации имеет также и определенное влияние на родителей — происходит стихийное формирование религиозных, идеологических, псевдо-экспертных и других сообществ, в том числе регламентирующих деятельность своих членов по воспитанию детей.

Таким образом, мы можем выделить ряд противоречий в сфере родительства и родительского труда. В современном мире формирование человеческого ресурса, способного к воспроизводству культурных ценностей и научно-техническому творчеству, становится приоритетной задачей государства, определяющей его будущее, а также вопросом национальной и демографической безопасности [10]. Формирование данного типа ресурса происходит, в первую очередь, в семье и во многом определено целенаправленными родительскими усилиями по приобщению ребенка к культуре и развитию его способностей. В то же время, рынок, с одной стороны, предлагает широкий спектр инструментов реализации родительского труда, но с другой — предъявляет высокие требования к результату этого вида труда. При этом само родительство как особая форма труда фактически не рассматривается, за исключением небольшого количества узкоспециализированных научных трудов [11].

Сегодня не существует никаких институциализированных форм обучения родительству как особому виду духовного труда, за исключением ряда частных инициатив. Отдельные элементы просвещения по вопросам выполнения родительских функций имеются — тематические уроки в старших классах школы, центры репродуктивного здоровья и планирования семьи, центры психологической помощи, патронаж новорожденных и т. д., но не существует никакой научно обоснованной системы целенаправленной подготовки к родительскому труду. Считается, что родительство — это естественный процесс, данный от природы; однако в современных

социокультурных условиях «природных» задатков родительства становится недостаточно. Это, с одной стороны, предоставляет полную свободу родителям для творческой реализации родительских функций, а с другой — порождает риски родительского волюнтаризма и некомпетентности.

Общество требует от родителей, чтобы ребенок был все более развит, успешен, способен к эффективной коммуникации, психологически и физически подготовлен к чему бы то ни было — но при этом никто не объясняет родителям, как именно они должны обеспечить высокий уровень подготовки ребенка. Таким образом, общество предъявляет высокие требования к результатам родительства, но должным образом не влияет на сам процесс. Поэтому каждый родитель реализует родительский труд в соответствии с теми целями и той трактовкой культуры, которые считает нужной. Это порождает следующий парадокс: родительский труд имеет общественную значимость и направленность, но ограничен компетенциями отдельно взятых родителей. Их собственное понимание культуры определяет его содержание, цели и результаты родительского труда.

Список источников

1. *Акимова В. А.* Историко-педагогический анализ развития современных моделей взаимодействия школы и семьи // Весник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2013. — № 4. — С. 47–57.

2. *Ананьин Г. Е.* Обучающая, развивающая и воспитывающая функция школы в контексте рассмотрения ученика как потребителя образовательных услуг // Формирование человеческого и социального капитала. Проблемы педагогики, психологии и философии. Мат-лы II междунар. науч.-практ. конф., Йошкар-Ола, 2013. — Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2013. — С. 6–14.

3. *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 5: Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми / Под ред. Н. К. Гончарова [и др.]. — М. : Изд-во АПН СССР, 1959. — 688 с.

4. *Куприянов Б. В.* Социальная миссия внешкольного образования в СССР. Историческая реконструкция советского мега-проекта // Вестник Московского городского педагогического университета. — 2016. — № 2. — С. 101–109. — (Педагогика и психология).

5. *Лобанов В. В.* От системы внешкольного воспитания к системе дополнительного образования // Вестник ТПГУ. — 2009. — № 2 (80). — С. 50–53.

6. *Луков Вл. А.* Реформы образования // Энциклопедия гуманитарных наук. — 2005. — № 3. — С. 217–219.

7. О высшем и послевузовском профессиональном образовании. Федер. закон Российской Федерации от 22 авг. 1996 г. № 125-ФЗ // Министерство образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://минобрнауки.рф/документы/885 (дата обращения: 20.04.2018 г.).

8. Об образовании. Федер. закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266–1 // Министерство образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://минобрнауки.рф/документы/884/файл/76/92.07.10–3266.pdf (дата обращения: 20.04.2018 г.).

9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Федер. закон Российской Федерации от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Российская газета. Федеральный выпуск. 2011. — № 5639 (263) (23.11).

10. Послание Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства. 1 дек. 2016 г. // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550

11. Родительский труд. Экономический и социологический анализ: монография / А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, А. И. Ворошилова, Э. В. Ильвес, С. В. Черешова / Под общ. ред. проф. А. П. Багировой; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. — 208 с.

12. *Тищенко С. М.* Формирование современного российского общества: основные задачи и особенности взаимодействия семьи и школы // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — № 3. — С. 23–27.

13. *Чебанова С. С.* Феномен авторитета учителя отечественной педагогике второй половины XIX–XX вв.: автореф. дисс. ... пед. наук. — М., 2011. — 23 с.

Информация об авторах

Ворошилова Анжелика Игоревна — ассистент кафедры Социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19, a.i.voroshilova@urfu.ru).

Voroshilova A. I.

School and / or Parents — Who is Responsible for the Future of Human Capital?

Historically, parenthood was perceived in the public consciousness as a natural part of family life, which does not require special preparation and regulation. However, today, parenting is increasingly seen as a specific labor activity, the results of which are of high social importance. A distinctive feature of modern parenthood is also the active involvement of various social institutions in the implementation of this activity, primarily the educational institutions. In the scientific discourse, the parents' and educational system's relationships are traditionally studied from the perspective of the distribution of functions for the formation of the child's human capital between the family and the school. The purpose of this article was to analyze the latest socio-cultural changes in the Russian education system in historical dynamics in relations with parents as actors of parental labor. Thus, it was established that at the beginning of the 20th century, the family had a «subordinate» position in forming a person, the authority of the professionals of the education system and public requirements was generally indisputable for the parents. After the collapse of the Soviet Union, there was a significant democratization and de-ideologization of the education system, within the framework of which the teacher turned into a provider of educational services. The evaluation of the quality and content of this service now largely depends on the views of the parents, who now bear most of the responsibility for the child's preparedness for life in society. At the same time, there is no system for training parents themselves, and the source of their knowledge is the experience of their own family and spontaneous Internet space. As a result of the analysis, the following paradox was established: today the society makes high demands on the results of parental labor, but does not properly influence the process of achieving them. The solution to this problem can lie not only in reforming the education system, but also in finding new ways to increase the competence and awareness of the parents themselves.

Keywords: parental labor, parenthood, education system, historical dynamics.

Acknowledgement

The article is processed as one of the outputs of the research project "Fertility and parenting in Russian regions: models, invigoration strategies, forecasts", supported by the President of Russian Federation, project no. NSh-3429.2018.6.

References

1. Akimova V. A. Historical and pedagogical analysis of the development of modern models of interaction between school and family // Vesnik LGU im. A. S. Pushkin. — 2013. — № 4. — P. 47–57.

2. Ananyin G. Ye. Educational, developing and upbringing function of the school in the context of treating the student as a consumer of educational services. // Formation of human and social capital: problems of pedagogy, psychology and philosophy, II International Scientific-Practical. Conf. (2013; Yoshkar-Ola). — Yoshkar-Ola : Colloquium, 2013.– P. 6–14.

3. Krupskaya, N. K. Pedagogical works: in 10 vols. Vol. 5: The Children's Communist Movement. Pioneer and Komsomol work. Extracurricular work with children / ed. N. K. Goncharova [and others]. — Moscow: Publishing House of the APN USSR, 1959. — 688 p.

4. Kupriyanov B. V. Social mission of extracurricular education in the USSR: historical reconstruction of the Soviet mega-project // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. — 2016. — № 2. — Pp. 101–109. — (Pedagogy and Psychology).

5. Lobanov V. V. From the system of out-of-school education to the system of additional education // Vestnik TPGU. — 2009. — № 2 (80). — Pp. 50–53.

6. Lukov Vl. A. Reform of Education // Encyclopedia of Humanitarian Sciences. — 2005. — № 3. — P. 217–219.

7. On higher and postgraduate professional education: feder. Law of the Russian Federation of August 22, 1996 No. 125-FZ // Official website of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: https://iminobrnauka.rf/documents/885 (reference date: April 20, 2013).

8. About education: feder. Law of the Russian Federation of July 10, 1992 No. 3266–1 // Official website of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://iminobrnauka.rf/documents/884/file/76/92.07.10–3266.pdf (date of circulation: 04.20.2018).

9. On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of November 21, 2011 No. 323-FZ (as amended on 07/03/2018) // The Russian Newspaper. Federal iss. — 2011. — No. 5639 (263) (23.11).

10. Message of the President of the Russian Federation of 01.12.2016. N / n (On the situation in the country and the main directions of domestic and foreign policy of the state) December 1, 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550

11. Parental labor: economic and sociological analysis: monograph / A. P. Bagirova, D. G. Bykova, A. I. Voroshilova, E. V. Ilves, S. V. Chereshova / Ed. prof. A. P. Bagirova. — Ekaterinburg: Publishing house Ural. Univ., 2017. — 208 p.

12. Tishchenko S. M. The formation of modern Russian society: the main tasks and features of the interaction of the family and school / / Srednerussky herald of social sciences. — 2015. — № 3. — P. 23–27.

13. Chebanova S. S. The phenomenon of the teacher's authority in the Russian pedagogy of the second half of the XIX-XX centuries. an abstract of the thesis ... for the PhD degree. — Moscow, 2011. — 23 pp.

Author

Voroshilova Anzhelika Igorevna — Assistant of the Department of Sociology and Social Technologies of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship of the Ural Federal University (620002, Russiz, Yekaterinburg, Mira st., 19, a.i.voroshilova@urfu.ru).

УДК: 314.372.43

Гайфутдинова Р. М.

МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ В СТРУКТУРЕ СЕМЕЙНОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РФ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)[1]

В данной статье рассматриваются многодетные семьи как основа человеческого капитала Республики Татарстан. Численность семей с тремя детьми в Республике Татарстан проанализирована по агломерациям. Также рассматриваются Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года и региональные программы в аспекте поддержки семей и улучшения их положения. Акцентируется внимание на некоторых традиционных мероприятиях Республики Татарстан, в частности, на встречах представителей многодетных семей с президентом. Интерпретируются социокультурные мероприятия средств массовой информации в области популяризации общественного престижа семейного образа жизни, многодетности и многопоколенной семьи путем создания специальных телевизионных передач и радиопередач и т. д.

Ключевые слова: многодетная семья, агломерация, модель трехдетной семьи, семейная политика, демография, спад численности, население

Российская семья — это многоаспектный феномен в функционировании современного общества. Социально-демографический анализ современной семейной политики РФ показал, что многодетные семьи являются основой российской семьи. Однако преобразования семейных норм, занятость женщин и прерогативы современности привели к кризису семейных ценностей, а именно — к постепенному угасанию норм многодетной семей и смене ценностных ориентаций.

Государственная семейная политика[2] в области поддержки многодетных семей предусматривает усовершенствование региональных программ, направленных на улучшение положения семей с учетом особенностей региона (доли городского и сельского населения в общей численности, а также сложившейся модели семьи, обычаев и традиций). Также акцентировано внимание на развитии инфраструктуры, семейного отдыха, оздоровления и досуга. В связи с этим в Республике Татарстан для поддержки института семьи разработана Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года[3], где акцент делается на реализации ряда программ, которые будут обеспечивать накопление и развитие человеческого капитала. В данной стратегии впервые определяется

[1] Гайфутдинова Р. М. Текст. 2018.

[2] Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html (Дата обращения: 05.05.2018).

[3] Tatarstan2030.ru.

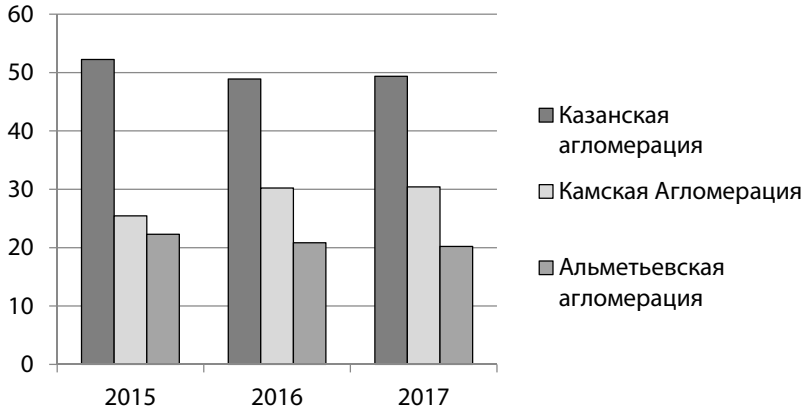

Рис. 1. *Численность многодетных семей по агломерациям*

зональные территории Волго-Камского метрополиса, который включает в себя Казанскую, Камскую и Альметьевскую агломерации[1]. Основываясь на Стратегии социально-экономического развития РТ до 2030 года, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан выдвинул следующие направления для улучшения демографической политики в регионе: изучить и проанализировать численность населения по агломерациям, определить численность многодетных семей, выяснить социальные программы и проекты, направленные на улучшение положения семей.

В связи с этим было изучено демографические зоны Республики Татарстан. Зональный анализ агломераций показал, что темп роста наблюдается в Камской агломерации (2015 г. — 25,45 %, 2016 г. — 30,23 %, 2017 г. — 30,41 %). В Казанской агломерации в 2015 г. численность многодетных семей составляет — 55,25 %, в 2016 г. — 48,9 %, в 2017 г. — 49, 36 % от численности всех трехдетных семей по региону. В Альметьевской агломерации также прослеживается понижение. Если в 2015 г. насчитывалась 5595 трехдетных семей (22,3 %), в 2016 г. — 5727 таких семей (20,85 %), в 2017 г. 5932 семьи (20,22 %). В целом в регионе численность многодетных семей в регионе (семьи с 3-мя детьми) в 2015 г. составляла 26482 семьи, в 2016 г. — 27 431 семей, а 2017 г. насчитывалась 29 600 многодетных семей (рис. 1).

На сегодняшний день наблюдается значительный спад численности населения Республики Татарстан. Но тем не менее тенденцию устойчивости дают именно многодетные семьи, в частности семьи с тремя детьми. Таким образом, можно смело утверждать, что трехдетные семьи составляют ядро человеческого капитала в данном регионе.

[1] Агломерация — концентрированное расположение поселений, которые между собой связанны не только по территориальному признаку, но и различными экономическими, социальными и культурными связями [Электронный ресурс]. URL: http://btimes.ru/dictionary/aglomeratsiya.

В Республике Татарстан приняты ряд мер в сфере поддержки многодетных семей. К примеру, на основании Федерального закона (№ 138-ФЗ)[1] был создан проект «О содействии развитию жилищного строительства». Благодаря которому семьи, имеющие больше 3 несовершеннолетних детей (родных или приемных), могут бесплатно получить земельный участок в личное пользование с дальнейшим переводом его в собственность. Таких многодетных семей в Республике Татарстан насчитывается 51 064 семей. А на кадастровый учет поставлено 35 445 земельных участков. В собственность оформлены 30 413 участка. Как сообщает ассоциация «Совет муниципальных образований Республики Татарстан», в Татарстане многодетным семьям предоставлено более 68 % земельных участков.

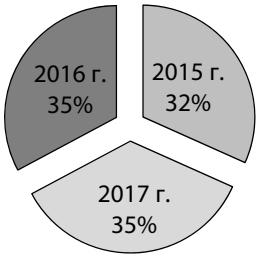

Рис. 2. *Динамика использования материнского капитала для улучшение жилищных условий*

Мониторинг реализаций мероприятий в области семейной политики показал также эффективность материнского (семейного) капитала[2]. Материнский (семейный) капитал является мерой государственной поддержки российских семей начиная с 2007 г. и выделяется государством семье, в которой родился (был усыновлен) второй ребенок (либо третий или последующие дети). В основном, материнский капитал является финансовой поддержкой и для молодых семей и для многодетных, так как в регионе реализуются программы «Социальная ипотека» и «Ипотека для молодых семей». Динамика использования материнского капитала для улучшение жилищных условий за последние 3 лет показана на диаграмме (рис. 2). В 2015 г. 32 %, в 2016 г. 35 %, а в 2017 г. 35 % семей распорядились средствами МСК. В сельской местности семейный капитал используется для детей, в частности для получения высшего образования. При этом наблюдается использование материнского капитала на формирование накопительной пенсии матери.

В традиционной российской семейной культуре основным типом семьи всегда была большая многопоколенная семья, воспитательный процесс в которой направлен на формирование духовно-нравственных, моральных ценностей и почтении родителей и людей старшего поколения. Согласно концепции «решением задачи по повышению ценности семейного образа жизни является проведение информационной кампании по повышению общественного престижа семейного образа жизни, многодетности и многопоколенной семьи путем создания специальных

[1] См. : [Электронный ресурс]. URL: http://subsidii.net/%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.

[2] Материнский (семейный) капитал на улучшение жилищных условий [Электронный ресурс]. URL: http://www.pfrf.ru/knopki/zhizn.

телевизионных передач и радиопередач, ток-шоу, газетных и журнальных рубрик, популяризирующих традиционные семейные ценности и способствующих формированию позитивного отношения к браку, родительству, достойному отношению к старшему поколению и родному дому…»[1]. В связи с этим в Республике Татарстан местный телеканал ТНВ провел ряд мероприятий: социокультурный проект «В объективе ТНВ — большая семья», акция «Выходной день с ТНВ», конкурс сочинений «Счастье в большинстве». Впервые широкому кругу зрителей было рассказано о современном положении многодетных семей Республики Татарстан, их проблемах, связанных с развитием систем здравоохранения, занятости, образования, культуры, положением на рынке жилья и др. Следует отметить, что данное мероприятие было приурочено к 15-летию телеканала ТНВ и стартовало 15 мая — в Международный день семьи. Данный проект смог сплотить 112 многодетных семей, для которых семейные ценности становились смыслом жизни. Популяризацию идеологии большой семьи была приурочена акция «Выходной день с ТНВ», где еженедельно многодетные семьи получили возможность путешествовать по туристических маршрутам республики и побывать в популярных местах отдыха детей. Участниками акции стали 22 многодетные семьи из разных районов Татарстана. При этом необходимо подчеркнуть, что самая большая семья, в которой 15 детей, проживает в Балтасинском районе, а самая большая семья по количеству приемных детей (их у родителей 16) живет в городе Набережные Челны. Проект был завершен ток-шоу «Трибуна „Нового века"», где спикерами выступили представители органов власти (депутатского корпуса и различных министерств и ведомств), ответственные за реализацию социальной политики в республик[2]. По словам Т.П. Ларионовой, ежеквартально будет вестись запись вопросов, касающихся семейной части социальной политики, адресованных непосредственно руководителю законодательного органа Татарстана.

В регионе также популяризируется позитивный образ отца и матери, и идет пропаганда ответственного отцовства, материнства. В преддверии Дня Республики на встречу с Президентом Республики Татарстан и его супругой приглашаются лучшие семьи, которые внесли весомый вклад в развитие своего муниципального района, республики, а также представители различных сфер, многодетные семьи, также прожившие в браке более десяти лет. К примеру, была приглашена самая «взрослая» семья-долгожитель — Тукаевы из города Казани, которая отметила бриллиантовый юбилей совместной жизни — 60 лет. Одним из участников является семья Ярухиных из Дрожжановского района, где воспитывается 7 детей (два из них приемные). Алексей Егорович свою трудовую деятельность неразрывно связал

[1] Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html.

[2] [Электронный ресурс]. URL: https://realnoevremya.ru/articles/79311-na-tnv-zavershilsya-proekt-o-mnogodetnyh-semyah.

с родным селом и его людьми: проработал долгие годы в органах местного самоуправления. При его непосредственном участии территория сельского поселения среди первых в районе полностью газифицирована, телефонизирована, к селу подведена асфальтированная дорога, проведено освещение улиц населенных пунктов. Проведена большая работа по строительству полигонов временного хранения ТБО, озеленению и благоустройству населенных пунктов. Кроме того, Алексей Егорович ведет активную общественную деятельность в сохранение и развитие культурного наследия чувашского народа в районе.

В республике созданы условия для развития доступной инфраструктуры для организации семейного отдыха и туризма, оздоровления детей и молодежи, занятий физкультурой и спортом. Как правило, ребенок, воспитывающийся в многодетной семье, бывает более успешным. Яркий пример этому — Фануза Фагимовна Кадырова, российская хоккеистка родом из Кукморского района, выступающая за команду «Арктик-Университет» города Ухты Республики Коми.

Многодетная семья — это особый мир, с положительными и отрицательными сторонами, своими радостями и проблемами, как и мир любой семьи. В последние годы меняется стереотип многодетности, уменьшается число безответственных семей и социально неблагополучных людей, которые полагаются только на государство. Отныне многодетность становится модной, а означит, что у многодетных семей есть будущее.

Список источников

1. *Долотина Р. Р.* Отдельные меры по социальной поддержке многодетных семей на примере Республики Татарстан // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. — 2017. — Т. XIII. — С. 227–232.

2. *Домрачева Т. В.* Социальная поддержка российских многодетных семей // Экономическое, социальное и образовательное развитие территорий. Межвузовский сборник статей. — Йошкар-Ола, 2017. — С. 156–159.

3. *Набатчикова О. А.* Качество жизни многодетных семей России // Сб. мат-лов XV Междунар. студенческой науч.-практ. конф. / Редкол. : О. Н. Широков [и др.]. 2017. — С. 97–100.

4. *Постникова А. Т., Щукина К. Е.* Многодетная семья в современном обществе // Научный электронный журнал Меридиан. 2017. № 3 (6). С. 65–67.

5. Агломерация [Электронный ресурс]. URL: http://btimes.ru/dictionary/aglomeratsiya.

6. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html (дата обращения: 05.05.2018).

7. Материнский (семейный) капитал [Электронный ресурс]. URL: http://www.pfrf.ru/knopki/zhizn.

Информация об авторе

Гайфутдинова Рамзия Муллануровна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Центр семьи и демографии АН РТ (420111, Россия, г. Казань, ул. Левобулачная 36а, gailj_07@bk.ru).

Gayfutdinova R. M.

Big Families in the Structure of the Family and Demographic Policy of the Russian Federation

In this article stands out as the principal families of the human capital of the region. As is usual in socio-economic development strategy up to the year 2030 RT number of families with three children in the Republic of Tatarstan is analyzed for agglomerations. Also addresses the regional programmes to support large families, which are aimed at improving the situation of families, and focuses on some of the traditional activities of the Republic of Tatarstan, in particular meetings of representatives of large families in socio-cultural activities, interpreted President media to popularize public prestige of family life, having many children and families by establishing special mnogopokolennoj television and radio broadcasts, etc.

Keywords: family, agglomeration, model have a three-kid families, family policy, demography, populat

References

1. Dolotina R. R. Separate measures for social support of large families on the example of the Republic of Tatarstan // Scientific notes of the Kazan branch. The Russian state university of justice. — 2017. — T. XIII. — C. 227–232.

2. Domracheva T. V. Social support of the Russian large families // Economic, social and educational development of territories interuniversity collection of articles. — Yoshkar-Ola, 2017. — P. 156–159.

3. Nabatchikova O. A. Quality of life of large families of Russia//Collection of materials XV of the International student's scientific and practical conference / Editorial board: O. N. Shirokov [etc.]. 2017. — P. 97–100.

4. Postnikova A. T., Schukina K. E. A large family in modern society // The Scientific Meridian online magazine. 2017. No. 3 (6). Page 65–67.

5. Agglomeration [Electronic resource]. URL: http://btimes.ru/dictionary/aglomeratsiya.

6. The concept of the state family policy in the Russian Federation until 2025 is [Electronic resource]. URL: https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html (date of the address: 5/5/2018).

7. Maternity (family) capital [Electronic resource]. URL: http://www.pfrf.ru/knopki/zhizn.

Information about the author

Ramziya Mullanurovna Gaifutdinova — Republic of Tatarstan, Kazan, candidate of philosophic napuk, senior fellow, Center for family and demography AS RT (420111, Russiz, Kazan, left a bakery and 36, gailj_07@bk.ru).

УДК 331.44

Герасимова М. Г., Шилина Л. В.

РАЗВИТИЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РАБОТНИЦ С ДЕТЬМИ ДО 3 ЛЕТ ПОСЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ (ПЕРЕОБУЧЕНИЯ) ПО НАПРАВЛЕНИЮ СЛУЖБЫ ЗАНЯТОСТИ (ОПЫТ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

Одним из решений задачи по развитию экономической самостоятельности семьи как приоритет государственной демографической и семейной политики является создание условий для профессиональной реадаптации, повышения конкурентоспособности на рынке труда женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, путем организации их профессионального обучения (переобучения). Мероприятие по организации профессионального обучения (переобучения) женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет реализуется органами службы занятости населения Свердловской области в рамках государственной программы Свердловской области «Содействие занятости населения Свердловской области до 2024 года» с 2012 г.

Проведен ретроспективный анализ региональной практики организации профессионального обучения (переобучения) женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, в целях оценки эффективности и конкретизации политики по развитию их трудового потенциала. Проведенный анализ статистических данных свидетельствует о том, что государственная услуга по профессиональному обучению (переобучению) востребована у женщин на пике репродуктивного возраста, распределение мест возобновления женщинами трудовой деятельности в организациях после профессионального обучения (переобучения) различается и зависит от типа поселения, а профессиональное обучение (переобучение) женщин повышает их профессиональную мобильность, способствует реализации их жизненных и профессиональных планов.

Ключевые слова: адаптация на рабочем месте, вид экономической деятельности, возобновление трудовой деятельности, квалификация, компетенции, организация профессионального обучения (переобучения), развитие профессиональной карьеры, трудовые навыки

По данным Минтруда России, в настоящее время в Российской Федерации уровень занятости женщин является достаточно высоким (более 60,0 %) по сравнению со странами Европейского союза (от 39,0 % до 70,0 %).

Одним из способов повышения конкурентоспособности женщин на рынке труда, их профессиональной реадаптации является организация профессионального обучения и дополнительного профессионального образования женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения

[1] Герасимова М. Г., Шилина Л. В. Текст. 2018.

им возраста трех лет по направлению органов службы занятости (далее — профессиональное обучение (переобучение), женщины).

В Свердловской области реализация государственными казенными учреждениями службы занятости населения (далее — центры занятости) мероприятий по организации профессионального обучения (переобучения) названной категории женщин началась в 2012 г. За период 2012–2017 гг. центры занятости организовали профессиональное обучение (переобучение) 4745 женщин, в том числе: в 2012 г. — 175 женщин; в 2013 г. — 449 женщин; в 2014 г. — 878 женщин; в 2015 г. — 1219 женщин; в 2016 г. — 1048 женщин; в 2017 г. — 976 женщин. В 2018–2024 гг. в рамках государственной программы Свердловской области «Содействие занятости населения Свердловской области до 2024 года» реализация мероприятия по профессиональному обучению (переобучению) женщин будет продолжена.

В 2018 г. Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области было проведено обследование влияния профессионального обучения (переобучения) женщин — жительниц Свердловской области на возобновление ими трудовой деятельности и развитие профессиональной карьеры. Для обследования были выделены 4 группы территорий проживания женщин, прошедших профессиональное обучение (переобучение): мегаполис, крупные города, малые города, малые городские поселения и сельская местность. Анализ проведен на основе сведений за период 2016–2017 гг. о возобновлении 234 женщинами — жительницами различных территорий трудовой деятельности после прохождения ими в 2016 г. профессионального обучения (переобучения) по направлению 10 центров занятости.

В ходе обследования было определено следующее.

Всего в 2016 г. в центры занятости за предоставлением государственной услуги по организации профессионального обучения (переобучения) обратились 1063 женщины, находившиеся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Чаще обращались в центры занятости для организации профессионального обучения (переобучения) женщины — работницы организаций, относящихся к следующим видам экономической деятельности: оптовая и розничная торговля (19,7 %), обрабатывающие производства (15,6 %), образование (14,8 %), здравоохранение и социальные услуги (9,9 %), финансы и страхование (7,1 %), государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение (6,8 %), транспортировка и хранение (5,0 %), предоставление прочих видов услуг (3,3 %), деятельность профессиональная, научная и техническая (2,7 %) и иным (15,1 %) (рис. 1).

Наибольшую долю обратившихся в центры занятости для организации профессионального обучения (переобучения) составили женщины в возрасте 25–34 лет — 69,2 %. Доля женщин старше 34 лет составила 22,6 % в общей численности обратившихся за данной услугой, а доля женщин моложе 25 лет — всего 8,2 %.

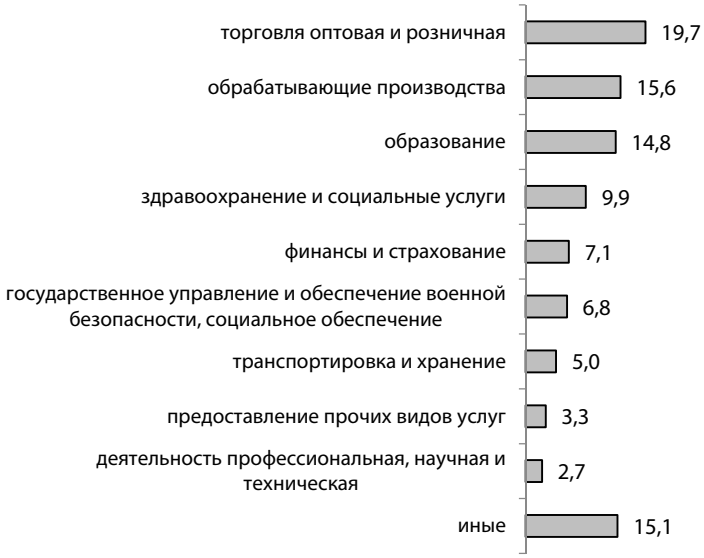

Рис. 1. *Распределение по видам экономической деятельности обратившихся женщин — работниц организаций*

Женщины, воспитывающие одного ребенка, составили наибольшую долю обратившихся в центры занятости для организации профессионального обучения (переобучения) — 71,5 %. Доля женщин, воспитывающих двух или трех детей, составила 27,4 % в общей численности обратившихся за данной государственной услугой, а доля женщин, воспитывающих более трех детей, — 1,1 %. Зачастую семейная нагрузка, в том числе обязанности по воспитанию детей, возрастает пропорционально их числу, уменьшая тем самым возможность женщины выделить время на профессиональное обучение (переобучение).

Чаще использовали возможность пройти профессиональное обучение (переобучение) по направлению центров занятости замужние женщины: их доля в общей численности обратившихся за данной государственной услугой составила 83,3 %. Очевидно, у них больше возможности привлечь членов семьи к уходу за ребенком на время обучения мамы (об этом женщины часто указывают в отзывах о профессиональном обучении (переобучении)), чем у женщин, не состоящих в браке: их доля составила всего 16,7 %.

Наибольшую долю заинтересованных в получении новых или актуализации имевшихся до рождения ребенка компетенций (квалификаций) в общей численности женщин — получателей государственной услуги по профессиональному обучению (переобучению) составили женщины, имевшие высшее образование (48,8 %), несколько меньшую — имевшие

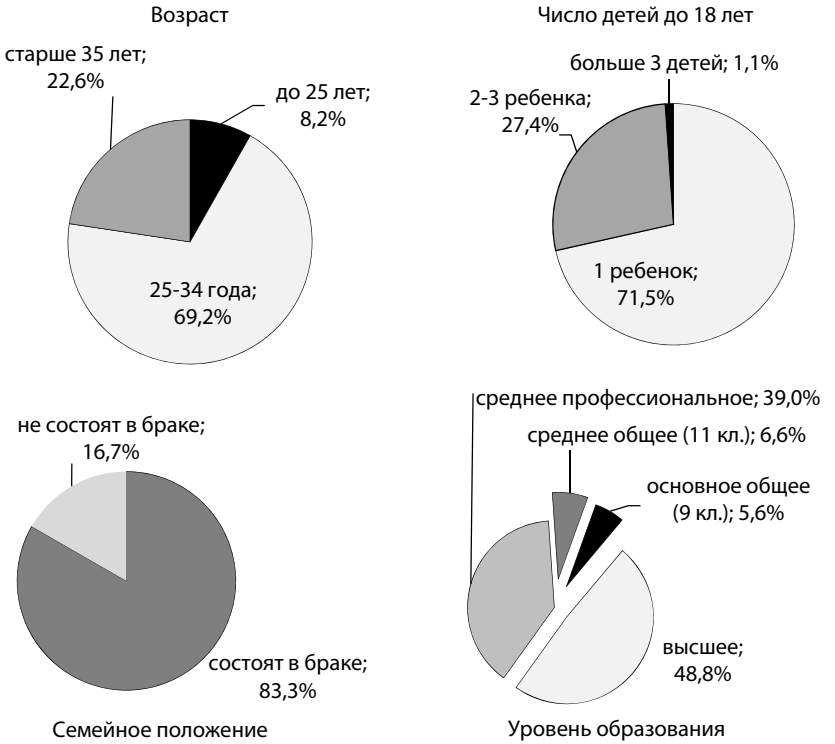

Рис. 2. *Социальные характеристики женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, обратившихся в центры занятости населения Свердловской области в 2016 г. для организации профессионального обучения (переобучения)*

среднее профессиональное образование (39,0 %), сопоставимые, но значительно меньшие значения приходятся на имевших среднее общее и основное общее образование (6,6 % и 5,6 %, соответственно) (рис. 2).

Обобщенный социальный портрет женщины, обратившейся в 2016 г. за направлением на профессиональное обучение (переобучение), полученный на основе данных всех центров занятости Свердловской области, следующий: женщина в возрасте от 25 до 34 лет, состоящая в браке, с высшим образованием, имеющая одного ребенка, работавшая до его рождения в сфере торговли, на обрабатывающем производстве, либо в сфере образования.

Полученные знания и компетенции женщины планировали применить как в целях ускорения и (или) смягчения периода реадаптации к трудовой деятельности (при возвращении в прежнюю организацию), так и в целях повышения конкурентоспособности (при планировании смены прежней

работы (места работы) для обеспечения более высокого заработка, гибкого (удобного) графика работы, близости к дому), а также для обеспечения дополнительного заработка или организации собственного дела.

Женщины, обратившиеся в центры занятости за предоставлением государственной услуги по профессиональному обучению (переобучению), показали высокую мотивацию и готовность приступить к обучению: приступили к профессиональному обучению (переобучению) 98,6 % от обратившихся в 2016 г. за получением данной государственной услуги и только 1,4 % женщин отложили его на более позднее время из-за отсутствия возможности организовать присмотр за ребенком.

Полученные знания, навыки и компетенции стали стимулом для женщин к активным действиям на рынке труда. Значительная часть женщин возобновила трудовую деятельность непосредственно после завершения профессионального обучения (переобучения) либо в течение следующего года, что подтверждается результатами мониторинга, проведенного специалистами центров занятости в течение 2016–2017 гг.: из 1045 женщин, завершивших в 2016 г. профессиональное обучение (переобучение), 760 женщин (72,7 %) возобновили трудовую деятельность. Основная часть женщин возобновила трудовую деятельность в организации, в которой состояла в трудовых отношениях с работодателем на дату начала обучения (77,2 %), а 22,8 % женщин (или одна пятая часть) трудоустроились в иные организации.

Анализ влияния профессионального обучения (переобучения) на развитие профессиональной деятельности женщин, проживающих в обследуемых 4 группах муниципальных образований Свердловской области и возобновивших трудовую деятельность после завершения отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, показал следующее.

В большинстве своем женщины возобновили трудовую деятельность в прежней организации — 75,2 %, решили найти новую работу — 24,8 %, из них сменили прежнее место работы на работу в организации, относящейся к иному виду экономической деятельности 7,7 %. Вместе с тем, в зависимости от территории проживания и соответствующих условий рынка труда, соотношение значений по долям возобновивших после профессионального обучения (переобучения) трудовую деятельность женщин отличается (рис. 3).

Среди жительниц мегаполиса доли вернувшихся после профессионального обучения (переобучения) в прежнюю организацию (51,8 %) и трудоустроившихся в новую организацию (48,2 %) оказались близкими по значению.

Среди жительниц иных населенных пунктов (крупные города, малые города, малые городские поселения и сельская местность) доля возобновивших трудовую деятельность в прежней организации превысила 80,0 % (от 81,5 в малых населенных пунктах и сельской местности до 84,6 % в малых городах), а доля женщин, трудоустроившихся в новую организацию,

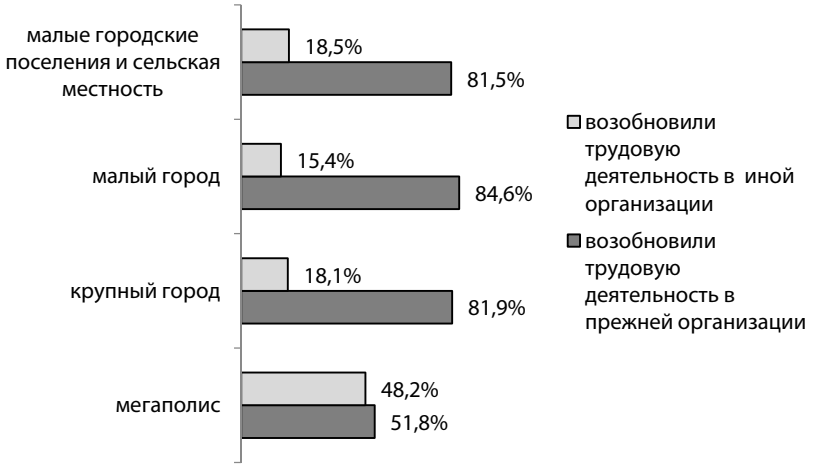

Рис. 3. *Возобновление трудовой деятельности после профессионального обучения (переобучения) женщинами, проживающими в различных территориях Свердловской области*

не превышает 20,0 % (от 15,4 % в малых городах до 18,5 % в малых населенных пунктах и сельской местности).

Отзывы женщин, прошедших профессиональное обучение (переобучение) и планирующих вернуться в прежнюю организацию, свидетельствуют о том, что для них важны стабильность и хорошо знакомые условия, которые способствуют быстрой адаптации к работе. Вместе с тем часть женщин планировали через некоторое время сменить место работы и использовать полученные при прохождении профессионального обучения (переобучения) знания и компетенции на новой работе.

Женщины, изначально ориентированные на смену места работы, стремятся использовать результаты профессионального обучения (переобучения) для повышения своей конкурентоспособности и мобильности на рынке труда. По их отзывам, чаще причиной смены места работы становится появление новых требований к месту работы, обусловленных необходимостью совмещать трудовую деятельность и семейные обязанности, таких как необходимость удобного расположения новой работы (близость к дому или транспортная доступность), лучшие условия организации труда (включая более высокий уровень заработной платы, гибкий режим работы, сокращенный рабочий день и иные).

По отзывам женщин — жительниц Свердловской области о прохождении ими профессионального обучения (переобучения), участие в данном мероприятии способствовало восстановлению у них трудовых навыков, быстрой адаптации на рабочем месте после перерыва в работе, содействовало формированию новых компетенций, повышению конкурентоспособности на рынке труда, развитию профессиональной мобильности. Рассказ

женщины, прошедшей профессиональное обучение (переобучение) по направлению ГКУ «Каменск-Уральский ЦЗ», является примером успешного решения вопроса трудоустройства:

«В отпуске по уходу за ребенком пришла к мысли, что нужно искать новую работу. У меня уже был опыт участия в проведении закупок товаров для нужд предприятия, но соответствующего документа не было. Анализ вакансий службы занятости показал, что в несколько организаций требуются работники со знанием проведения закупок. Я обратилась в центр занятости и в скором времени для меня было организовано обучение с применением дистанционных технологий по программе "Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд". Наличие документа и полученные на курсах знания повысили мою конкурентоспособность и помогли найти желаемую работу: я устроилась в другую организацию, где была включена в состав комиссии по осуществлению закупок. Это не только карьерный рост для меня, но и увеличение дохода нашей семьи».

Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области для информирования и популяризации предоставляемой органами службы занятости населения государственной услуги по профессиональному обучению (переобучению) в течение ряда лет осуществляется сбор отзывов женщин, прошедших профессиональное обучение (переобучение) и возобновивших трудовую деятельность. Так, был создан кейс успешных историй, объединенных рубрикой «Отпуск по уходу за ребенком — самое время учиться!». Он размещен на интерактивном портале Департамента по труду и занятости населения Свердловской области в подразделе «Мать и дитя: карьера, учеба» раздела «Гражданам».

Информация названного подраздела позволяет женщинам узнать не только о нормативных документах, регулирующих предоставление государственной услуги, но и познакомиться с живыми невыдуманными рассказами женщин — участниц профессионального обучения (переобучения).

Таким образом, проведенный анализ статистических данных свидетельствует:

— государственная услуга по профессиональному обучению (переобучению) востребована у женщин на пике репродуктивного возраста;

— распределение мест возобновления женщинами трудовой деятельности в организациях после профессионального обучения (переобучения) различается и зависит от типа поселения;

— профессиональное обучение (переобучение) женщин повышает их профессиональную мобильность, способствует реализации их жизненных и профессиональных планов.

Инфрмация об авторах

Герасимова Марина Григорьевна — главный специалист профессионального обучения и профессиональной ориентации, Департамент по труду и занятости населения

Свердловской области (Российская Федерация, г. Екатеринбург Фурманова ул., д. 107, Екатеринбург, 620144, e-mail: dtzn@egov66.ru).

Шилина Лариса Валентиновна — начальник отдела профессионального обучения и профессиональной ориентации, Департамент по труду и занятости населения Свердловской области (Российская Федерация, г. Екатеринбург, Фурманова ул., д. 107, Екатеринбург, 620144, e-mail: dtzn@egov66.ru).

Authors

Marina G. Gerasimova — chief specialist of vocational training and professional orientation, Department of labor and employment of the Sverdlovsk region, Ekaterinburg (Russian Federation, Furmanova str., 107, Ekaterinburg, 620144, e-mail: dtzn@egov66.ru).

Shilina Larisa Valentinovna — head of the Department of vocational training and vocational guidance, Department of labor and employment of the Sverdlovsk region (Russian Federation, Ekaterinburg, Russian Federation, Ekaterinburg, Furmanova str., 107, Ekaterinburg, 620144, e-mail: dtzn@egov66.ru).

УДК 314.154.3

Зуева А. В., Фельдман М. А.

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ[1]

Статья посвящена анализу реализации Федеральным законом № 256-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Рассмотрены основные точки зрения, существующие в научной литературе, по указанному вопросу.

Анализ статистических данных показывает, что общее количество новорожденных в области за период 2007–2018 гг. увеличилось. При этом рожать вторых детей стали больше, а первых детей, наоборот, меньше: в 2007 г. вторых детей родилось на 1231 ребенка меньше чем первых (почти в два раза), а в 2017 г. — родивших второго ребенка на 1919 детей больше, чем первого. Вместе с тем, очевидна и ограниченность потенциала материнского капитала как инструмента регулирования демографической политики.

Для закрепления позитивной тенденции в статье предлагается ряд конкретных мер и предложений.

Ключевые слова: материнский капитал, семейная политика, семьи с детьми, рождаемость

Федеральным законом № 256-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»[2] [9] обозначена цель введения материнского капитала — создание условий, обеспечивающих семьям с двумя и более детьми достойную жизнь. Предваряя введение материнского капитала, Президент России В.В. Путин в 2006 г. в Послании Федеральному Собранию обозначил задачу этой меры поддержки — реальное повышение социального статуса женщины, решившейся родить второго ребенка, помощь ей в решении будущих проблем [13].

С 2007 г. в России семья, родившая (усыновившая) второго или последующего ребенка, в праве получить дополнительные меры государственной поддержки — материнский (семейный) капитал (далее — МСК).

Кроме федерального материнского семейного капитала в разных регионах страны существуют свои аналоги. Так, в Свердловской области сертификаты на областной материнский капитал согласно закону № 86-ОЗ от 20 октября 2011 г. «Об областном материнском (семейном) капитале» [10] выдаются с 2012 г.

Согласно экспертным исследованиям, суммарный коэффициент рождаемости (СКР — среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь) для простого воспроизводства населения

[1] ©Зуева А. В., Фельдман М. А. Текст. 2018.

[2] О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29 дек. 2006 № 256-ФЗ (в ред. от 7 марта 2018 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

необходим на уровне 2,15. Таким образом, пока показатели не приблизятся к этому уровню, о повышении численности населения (без учета миграции) не может быть и речи. В 2016 г. суммарный коэффициент рождаемости в России составил 1,76 [16], в 2006 г. величина равнялась 1,30 [16], СКР вырос на 36 %.

Положительный сдвиг в увеличении рождений второго ребенка в семьях вызван не только воздействием материнского семейного капитала, но позитивный эффект налицо.

Однако темпы роста населения остаются медленными, а с учетом вступления в детородный возраст поколения 1990-х, можно предположить, что дальше эта величина будет расти медленнее, или вообще начнет снижаться, как это и было во время демографического кризиса 1990-х гг.

Федеральный материнский (семейный) капитал действует в России уже двенадцатый год. За это время вопрос предоставления и использования материнского капитала подробно изучен, опубликовано достаточно много научных статей и исследований по вопросам реализации этой меры поддержки. Выделим основные точки зрения по указанному вопросу.

Ряд исследователей, приводя расчеты, утверждают, что материнский капитал до сих пор не оказал эффекта на рост рождаемости в России: «Наличие программы материнского капитала увеличивает вероятность рождения второго и последующего ребенка на 1,6–2,4 %,» — приводят цифры исследователи [15]. Обращаясь к данным социологического опроса, авторы исследования отмечают, что только 5,6 % женщин, получивших МСК, согласны с тем, что возможность получить материнский капитал повлияла на желание родить второго или последующего ребенка [15]. Однако подлинность такого опроса вызывает сомнение: далеко не все смогут так в открытую признаться, что родили ребенка ради денег.

Ряд исследователей утверждает, что материнский капитал не оказал значимого влияния на показатели рождаемости, так как произошел простой сдвиг календаря рождений — семьи стали решаться на рождения второго или последующего ребенка раньше, чем планировали [17]. Таким образом, материнский капитал работает как еще одна мера социального обеспечения, но не как инструмент повышения рождаемости.

Другие исследователи утверждают, что материнский капитал стимулирует семьи на рождение детей и, благодаря этой мере поддержки, рождаемость в последние годы росла. Согласно статистическим опросам более 20 % респондентов отмечают, что на принятие их решения о рождении ребенка существенно повлияла возможность использования материнского (регионального) капитала [2, с. 77]. Кроме того, в исследованиях отмечается, что даже в условиях сокращения доли женщин фертильного возраста введение региональных материнских капиталов в стране позволило несколько продлить позитивный тренд рождаемости, повысить репродуктивные установки населения и, что не маловажно, реализовать отложенные старшими поколениями рождения детей [12, с. 79].

Согласно другим исследованиям материнский капитал продемонстрировал высокую эффективность, так как примерно 6 % семей России, участвовавших в опросе Росстата, отметили, что решение рожать еще одного ребёнка приняли с учетом будущей выплаты пособия[21]. В числовом выражении это около 1,8 млн новорожденных, что, по мнению исследователей, соответствует суммарному прибавлению рождаемости с 2006 г.

Существует небесспорная точка зрения о выравнивающем эффекте материнского капитала [5, с. 12]: сокращение разницы между рождаемостью в южных регионах (традиционно многодетных) и в северных (малодетных) регионах России.

Исследователи, которые положительно относится к внедрению материнского капитала, сходятся во мнении, что эта мера поддержки является своевременной, инновационной, позволяющей решать не только демографическую проблему общества, но и наиболее острые проблемы семей (в части направлений расходования средств материнского капитала) [19, с. 272].

Руководители РФ однозначно одобряют действие Федерального материнского (семейного) капитала. Так, например, в своем послании Федеральному Собранию в марте 2018 г. Президент России В.В. Путин отметил, что материнский капитал эффективен: «Наша демографическая политика доказала свою результативность. И мы продолжили, расширили ее. Продлили программу материнского капитала, предусмотрели адресные выплаты при рождении первенца, второго и третьего ребенка» [14] — сказал Президент.

В апреле 2015 г. Председатель Правительства Дмитрий Анатольевич Медведев подчеркнул, что «материнский капитал реально изменил демографическую ситуацию в стране» [4], значит, с точки зрения государства материнский капитал играет значительную роль в решении семьи завести еще одного ребенка.

В марте 2018 г. главный детский обмудсмен России Анна Кузнецова заявила, что программа материнского капитала доказала свою эффективность и будет не только продлена до 2021 г., но и подвергнется совершенствованию [6].

В Свердловской области представители органов власти тоже однозначно одобряют материнский капитал и другие меры поддержки семей. Председатель Законодательного Собрания Свердловской области Людмила Бабушкина в феврале 2018 г. отметила, что за последние 7 лет в 2010 г. в регионе число многодетных семей выросло в 2,6 раза, то есть с 20 до 53 тыс. В этих семьях воспитываются 175702 ребенка, и это результат комплекса государственных мер поддержки семей [8].

Вячеслав Погудин, председатель комитета по социальной политике Законодательного Собрания Свердловской области, в январе 2018 г. в интервью отметил, что материнский капитал, как и другие меры поддержки, дает семьям уверенность, и это положительно влияет на решение родить

Таблица 1

Сравнительный анализ выдачи государственных и региональных сертификатов материнского капитала в Свердловской области за 2007–2017 гг. [3, 10]

Направление расходования материнского капитала	Программа государственных сертификатов на материнский капитал (с 2007 г.)	Программа областного материнского (семейного) капитала (с 2012 г.)
Всего выдано (нарастающим эффектом)	216 тыс.	51, 381 тыс.
Распорядились (распоряжаются) средствами	154, 3 тыс. (58 %)	22, 4 тыс. (43 %)
в том числе:		
на улучшение жилищных условий, %	89,5	70,9
на оплату образовательных услуг, %	10,5	11,7
на оплату платных медицинских услуг, %	—	4,8
на приобретение садовых, огородных, дачных земельных участков, %	—	12,6

ребенка. Благодаря этим мерам поддержки динамика рождаемости в последние годы была положительной [1].

У областной меры поддержки материнства сумма в разы меньше аналогичного пособия по федеральной программе, а направлений использования больше. Придает ли это большую эффективность областному материнскому капиталу?

Обратимся к анализу статистических данных.

Данные, представленные в таблице 1, позволяют сделать вывод, что федеральный материнский капитал более востребован среди молодых семей, так как распорядились им 58 % таковых, против 43 % семей, имевших право на получение областного материнского капитала. Скорее всего, это вызвано большой разницей в размере двух видов помощи семьям: федеральный материнский капитал в 3,4 раза больше областного (по состоянию на 1 января 2018 г. материнский капитал в Российской Федерации составляет 453 026 руб. [7], а материнский капитал Свердловской области составляет 131 461 руб. [18]).

Невысокий процент распорядившихся средствами материнских капиталов обоих видов можно объяснить еще и тем, что получить на руки сертификат на материнский капитал можно сразу после рождения ребенка, потратить же его по одному из направлений — только после достижения ребенком трехлетнего возраста. Поэтому можно предположить, что примерно половина родителей находится в ожидании нужного трехлетнего срока или пока не определились, какое направление расходования средств выбрать. Снятие подобного ограничения, на наш взгляд, позволит

практически удвоить число распорядившихся средствами материнского капитала.

Самым популярным видом расходования материнского капитала в исследуемый период является направление материнского капитала на улучшение жилищных условий.

Это свидетельствует не только о сложности жилищной проблемы для молодых семей, но и о неэффективности жилищной ипотеки. Рост доступности этого важного инструмента регулирования социальной политики позволил бы приумножить позитивное воздействие материнского капитала.

Относительно невелика доля тех семей, которые тратят материнский капитал на оплату образовательных услуг. Изменение ситуации возможно при планомерном рекламировании подобной услуги в средствах массовой информации, что позволило бы существенно пополнить ряды студенчества.

Очевидно и другое: при появлении альтернативных вариантов (как это иллюстрирует пример с областным МСК), часть семей предпочитает направить деньги на другие нужды — оплата платных медицинских услуг, приобретение садовых, огородных, дачных земельных участков — вместо улучшения жилищных условий.

С учетом состояния здоровья детей явно недостаточной следует считать долю семей, решивших направить деньги на оплату медицинских услуг за пределами гарантированного бюджетного стандарта. Между тем, проблему качественных обследований частично можно было бы решить за счет программы областного материнского (семейного) капитала.

Кроме перечисленных популярных направлений есть и другие (их список год от года расширяется, но особой популярности они не получают): так, например, за все время действия программы материнского (семейного) капитала (МСК) в Свердловской области правом распорядиться сертификатом на приобретение товаров и услуг для детей-инвалидов воспользовалась всего одна семья [9] — это менее 0,01 % от числа всех граждан области, распорядившихся средствами.

Анализ статических данных показывает: число выданных сертификатов на федеральный материнский капитал в Свердловской области в 4,2 раза больше, чем сертификатов на областной материнский капитал (216 000 и 51 381 сертификатов соответственно), соответственно, и вторых детей в семьях родилось в четыре раза больше, чем третьих. Казалось бы, можно утверждать, что стимул родить третьего ребенка у жителей Свердловской области в четыре раза меньше, чем стимул родить второго. Однако мы не утверждаем, что это соотношение обусловлено только из-за размеров материнского капитала — безусловно, есть и другие факторы, влияющие на рождение в семье вторых, третьих и последующих детей).

Интересно также сравнить количество выданных сертификатов с показателями рождаемости в Свердловской области за 2007–2017 гг.

Таблица 2

Динамика рождаемости в Свердловской области в 2007–2017 гг. [11]

Год	Показатель рождаемости по годам, чел.		
	2007–2011	**2012–2017**	**2007–2017**
Количество новорожденных	265956	351043	616999
Кол-во матерей, родивших (по талонам с 2007 г.). Всего	263434	346625	610059
в том числе 1-го ребенка	139658	143855	283513
2-го ребенка	94013	141159	235172
3-го ребенка	22160	45210	67370
более	7603	16401	24004

Сравнив данные таблиц 1 и 2, можно увидеть, что количество выданных сертификатов отличается от суммарного количества матерей, родивших второго ребенка (за которых родители должны были получить федеральный материнский капитал), третьего ребенка (за которых родители должны были получить региональный материнский капитал) и последующих детей.

Данные таблиц свидетельствуют: за 2007–2017 гг. выдано 216 тыс. федеральных сертификатов на материнский капитал, а родилось около 235 тыс. вторых детей (на 8,8 % больше). Другая ситуация с региональным материнским капиталом: выдано за 2012–2017 гг. 51 тыс. сертификатов, а третьих детей родилось около 45 тыс. (на 11,8 % меньше). Эта разница в показателях может объясняться тем, что, во-первых, сертификаты можно получить как за второго, так и за последующего ребенка, если ранее сертификат не был оформлен. Таким образом, сумма сертификатов должна превысить число женщин, рожавших третьего ребенка, что и произошло с региональным материнским капиталом. Во-вторых, нельзя отвергать и вероятность того, что семьи могут отказаться от получения сертификата на материнский капитал по разным причинам. Вероятно, этим и объясняется ситуация в разнице, родивших второго ребенка и получивших федеральный материнский капитал.

В данном случае интересно изучить динамику рождаемости вторых и третьих детей в сравнении с 2007 и 2012 гг. и соответственно, когда были только введены федеральный и областной материнские капиталы.

Из таблицы можно увидеть, что действительно по сравнению с 2007 г. к концу 2017 г. наблюдается увеличение на 36,2 % числа матерей, родивших второго ребенка (15 192 — в 2007 г., 20 685 — в 2017 г.). Также наблюдается увеличение по сравнению с 2012 г. числа матерей, родивших третьего ребенка, — рост 29,4 % (6 321 — в 2012 г., 8 181 — в 2017 г.) ребенка. Вместе с тем, общее количество новорожденных в области за период 2007–2018 гг. увеличилось всего на 8,6 % (с 47 504 младенцев в 2007

Таблица 3

Динамика количества родивших матерей по очередности рождений детей в Свердловской области в 2007– 2017 гг. [11]

Показатель	Значение показателя рождаемости по годам, чел										
	2007	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
Кол-во новорожденных	47504	51726	54249	55549	56928	60455	60615	60728	59911	57753	51581
Кол-во матерей, всего	47131	51259	53724	54998	56322	59786	59905	60007	59039	57002	50886
в том числе: 1-го ребенка	27523	28363	28781	27644	27347	28132	26584	25487	23435	21451	18766
2-го ребенка	15192	17435	18959	20725	21702	23189	23814	24192	24983	24296	20685
3-го	3258	4042	4383	5024	5453	6321	7150	7614	7720	8224	8181
более	1158	1419	1601	1605	1820	2144	2357	2714	2901	3031	3254

г. до 51 581 младенец в 2017 г.), а по сравнению с 2012 г. вообще упало на 14,7 %. К сожалению, мы не можем утверждать, что эти изменения связаны исключительно с действием федеральной и областной программ материнского капитала.

Кроме того, по сравнению с началом анализируемого периода рожать вторых детей стали больше, а первых детей, наоборот, меньше: в 2007 г. вторых детей родилось на 12 331 ребенка меньше чем первых (почти в два раза), а в 2017 г. — родивших второго ребенка на 1 919 детей больше, чем первого.

Оценивая показатели максимальной рождаемости по годам, стоит отметить, что максимальное число рождений вторых детей было зафиксировано в 2015 г. — 24 983 матери, родившие второго ребенка, и после этого показатель стал снижаться. Максимальное число рождений третьих детей было зафиксировано в 2016 г. — 8224 матери, родившие третьего ребенка (это почти в 3 раза меньше, чем родивших второго ребенка в этом же году). Более трех детей в семьях Свердловской области рожают с каждым годом все чаще: за весь исследуемый период этот показатель рос и к 2017 г. достиг максимального значения — 3254 рождений. И хотя эта цифра в 2,5 раза меньше по сравнению с рождениями третьих детей за этот же год, но по отношению к 2007 г. этот показатель вырос на 181 % — это самый большой прирост среди всех групп за исследуемый период.

Из таблицы 3 видно, что в последние годы происходит смещение акцента на рождение в семьях как можно большего количества детей — это

подтверждает растущая динамика рождений вторых и последующих детей и падающие с 2012 г. показатели рождения первых детей. Также это может объясняться тем, что первых детей сейчас рожает малочисленное поколение 1990-х, а вот следующих детей в основном продолжают рожать представители поколения 1980-х, родившиеся во время демографического бума.

Сравнивая показатели рождаемости Свердловской области с показателями рождаемости Российской Федерации, отметим, что наблюдаемые тенденции во многом сходны: в масштабах страны по сравнению с 2007 г. к концу 2017 г. также наблюдается увеличение на 34,2 % числа матерей, родивших второго ребенка (по Свердловской области на 36,2 %), общее количество новорожденных с 2007 г. увеличилось всего на 5,8 % (в области на 8,6 %), максимальное число рождений детей разной очередности зафиксировано в одни и те же годы, максимальное количество новорожденных зафиксировано в России и в области в смежные годы (в 2015 и 2014 гг. соответственно). Таким образом, динамика рождаемости в Свердловской области повторяет общероссийские тенденции, инструменты стимулирования рождаемости, как областные, так и федеральные, действуют в нормальном режиме.

Для совершенствования использования материнского капитала для создания условий, обеспечивающих семьям с двумя и более детьми достойную жизнь, органам государственной власти необходимо, прежде всего, провести масштабное аналитическое исследование эффективности воздействия материнского капитала на ход демографической политики, включающее:

1) проведение в каждом регионе научно-практической конференции по указанной тематике;

2) выявление усредненного коэффициента (доли) реального воздействия материнского капитала в общем приросте населения;

3) установление региональной и муниципальной специфики применения материнского капитала.

Наш анализ реализации использования материнского капитала в Свердловской области на протяжении длительного периода (2007–2017 гг.) показывает, что при всей положительности проведенного опыта, дальнейшее его совершенствование требует ряда действий:

1. Рассмотрение роли материнского капитала в общем контексте инструментов регулирования семейной политики (областные целевые программы по улучшению положения детей, женщин и семьи, в том числе Программа демографического развития Свердловской области на период до 2025 года, Подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище», Комплексная программа «Старшее поколение» 2014–2018; выплата пособий и компенсаций, предоставление льгот различным категориям семей, жилье, предоставляемое по договору социального найма, сеть учреждений социального обслуживания

семьи и детей, областные мероприятия в поддержку семьи и детей, знак отличия Свердловской области «Материнская доблесть» и другие).

2. Введение доступного и обязательного дошкольного образования для детей от года до трех лет, позволившего бы матерям не прерывать работу при рождении ребенка.

3. Оптимизация условий предоставления жилищной ипотеки.

4. Распространение в широких масштабах строительства жилья, предоставляемого по договору социального найма.

5. Доведение размера адресных выплат до 1,5 лет и на ребенка 1,5–3 лет до величины прожиточного минимума появятся для семей, где среднедушевой доход не выше 250 % прожиточного минимума (ныне 150 % прожиточного минимума на местном уровне).

Заметим, однако, что все ныне действующие и предлагаемые меры относятся к категории мер социальной защиты, гарантирующей гражданину социальную защищенность в рамках минимальных социальных стандартов. Выход на уровень обеспечения семьям с двумя и более детьми стандарта «достойная жизнь» требует подключения института социального страхования. Но это уже тема отдельной статьи.

Список источников

1. *Абрамова Е.* Нюансы господдержки материнства // Областная газета. — 2018. — № 15 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oblgazeta.ru/society/36855/ (дата обращения 28.03.2018).

2. *Архангельский В. Н., Джанаева Н. Г.* Региональные особенности динамики рождаемости и демографическая политики // Уровень жизни населения регионов России. — 2014. — № 1 (191). — С. 73–82.

3. В 2017 году в Свердловской области выдано более 23 тыс. сертификатов на материнский капитал // Пенсионный фонд России — отделение по Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.pfrf.ru/branches/sverdlovsk/news~2018/01/23/151516 (дата обращения: 28.03.2018).

4. *Замахина Т., Кузьмин В.* Реальность без иллюзий // Российская газета. — 2015. — № 6656 (85) [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2015/04/22/realnost.html (дата обращения 28.03.2018).

5. *Куликова Н. А., Березина В. Ю.* Материнский капитал как мера стабилизации демографической ситуации в России // Социальное и пенсионное право. — 2012. — № 2. — С. 9–15.

6. *Лебедева Н.* Сертификат доверия. // Российская газета. — 2018. — 7516 (15 марта) [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/gazeta/rg/2018/03/15.html (дата обращения 28.03.2018).

7. Материнский капитал 2018 — что нового? [Электронный ресурс]. URL: http://materinskij-kapital.ru/v-2018-godu/ (дата обращения: 28.03.2018).

8. *Мурашова Е.* В России появится единый закон для поддержки многодетных семей // Областная газета. — 2018. — № 28 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oblgazeta.ru/society/37092/ (дата обращения 28.03.2018).

9. Об исполнении закона Свердловской области «Об областном материнском (семейном) капитале»: постановление Законодательное собрание Свердловской области от 14 нояб. 2017 г. № 884-ПЗС. В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об областном материнском (семейном) капитале: Закон Свердловской области от 20 октября 2011 г. №86-ОЗ (в ред. от 26 апреля 2016 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Поисково-мониторинговая система Фонда социального страхования Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://fz122.fss.ru (дата обращения: 23.03.2018).

12. *Попова Л. А.* Современная российская демографическая политика в области рождаемости. Результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — №2 (44). — С. 79–93.

13. Послание Президента Федеральному Собранию 2006 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60109/ (дата обращения: 28.03.2018).

14. Послание Президента Федеральному Собранию 2018 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 28.03.2018).

15. *Слонимчик Ф., Юрко А.* Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-politiki-materinskogo-kapitala-v-rossii(дата обращения: 28.03.2018).

16. Суммарный коэффициент рождаемости. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo27.xlsx (дата обращения: 28.03.2018).

17. *Терентьев И., Волкова О.* Рожают не больше, а быстрее [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/30/04/2015/56bce2189a7947299f72c060 (дата обращения: 28.03.2018).

18. Увеличение размера областного материнского капитала [Электронный ресурс]. URL: https://msp.midural.ru/download/13369/ (дата обращения: 28.03.2018).

19. *Хайруллина Ю. Р., Жигитова Т. В., Хайруллин Р. Р.* Материнский капитал. Инвестиции в будущее или социальное пособие // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — №3. — С. 270–274.

20. *Якименко М. В., Вострухина Д. Ю.* Материнский капитал как инструмент социально ориентированной политики государства // Экономические исследования. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materinskiy-kapital-kak-instrument-sotsialno-orientirovannoy-politiki-gosudarstva (дата обращения: 28.03.2018).

Информация об авторах

Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, e-mail: feldman-mih@yandex.ru).

Зуева Александра Владимировна — магистрант факультета государственного и муниципального управления группы ГМУ-122 Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, e-mail: zueva.a.v@yandex.ru).

Fel`dman M. A., Zueva A. V.

Maternity Capital as a Tool for Regulation of Family Policy: Management Aspects

The article analyzes the implementation of Federal law No. 256-FZ of December 29, 2006 «on additional measures of state support for families with children». The main points of view existing in the scientific literature on this issue are considered. The analysis of statistical data shows that the total number of newborns in the region for the period 2007–2018 increased. At the same time, more children began to give birth to the second, and the first children, on the contrary, are less: in 2007, the second

children were born to 12,331 children less than the first (almost twice), and in 2017- who gave birth to a second child to 1,919 children more than the first. However, the apparent and the limited capacity of the parent capital, as an instrument of regulation of the demographic policy. To consolidate the positive trend, the article proposes a number of specific measures and proposals.

Keywords: maternity capital, family policy, families with children, fertility.

References

1. Abramova E. Nuances of state support of motherhood // Regional newspaper. 2018. № 15 [Electronic resource]. URL: https://www.oblgazeta.ru/society/36855/ (circulation date 28.03.2018).

2. Arkhangel'skii V. N., Dzhanaeva N.G. Regional features of birth rate dynamics and demographic policy // Living standards of the population of Russian regions. — 2014. — No. 1 (191). — P. 73–82.

3. In 2017 in the Sverdlovsk region issued more than 23 thousand certificates for maternity capital // Pension Fund of Russia — branch of the Sverdlovsk region [Electronic resource]. URL: http://www.pfrf.ru/branches/sverdlovsk/news~2018/01/23/151516 (date of circulation: March 28, 2013).

4. Zamahina T., Kuzmin V. Reality without illusions // Rossiyskaya Gazeta. — 2015. — No. 6,656 (85) [Electronic resource]. URL: https://rg.ru/2015/04/22/realnost.html (circulation date on March 28, 2013).

5. Kulikova N. A., Berezina V. Yu. Maternal capital as a measure of stabilization of the demographic situation in Russia // Social and pension law. — 2012. — № 2. — P. 9–15.

6. Lebedeva N. Certificate of trust // Russian newspaper. — 2018. –15 March. № 7516 [Electronic resource]. URL: https://rg.ru/gazeta/rg/2018/03/15.html (circulation date on March 28, 2013).

7. Maternity capital 2018 — what's new? [Electronic resource]. URL: http://materinskij-kapital.ru/v-2018-godu/ (date of circulation: 28.03.2018).

8. Murashova E. Russia will have a single law to support large families. Regional newspaper. — 2018. — № 28 [Electronic resource]. URL: https://www.oblgazeta.ru/society/37092/ (circulation date 28.03.2018).

9. On the implementation of the law of the Sverdlovsk region «On the regional mother (family) capital»: Resolution of the Legislative Assembly of the Sverdlovsk region of November 14, 2017 No. 884-CCD. In this form the document was not published. Access from the legal system «ConsultantPlus».

10. Search and monitoring system of the Social Security Fund of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: http://fz122.fss.ru (reference date: 03/23/2018).

11. Popova L. A. Modern Russian demographic policy in the field of fertility: results and directions of improvement // Economic and social changes: facts, trends, forecast. — 2016. — № 2(44). — P. 79–93.

12. Message of the President to the Federal Assembly of 2006 [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60109/ (date of circulation: 28.03.2018).

13. Message of the President to the Federal Assembly of 2018 [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (date of circulation: March 28, 2013).

14. Slonimchik F., Yurko A. Evaluation of the impact of the policy of the maternal capital in Russia // Demographic Review. 2015 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-politiki-materinskogo-kapitala-v-rossii(date: 28.03.2018).

15. The total fertility rate. [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo27.xlsx (reference date: March 28, 2013).

16. Terentyev I., Volkova O. Give birth no more, but faster. Electronic resource: https://www.rbc.ru/society/30/04/2015/56bce2189a7947299f72c060 (reference date: 28.03.2018).

17. Increasing the size of the regional maternity capital [Electronic resource]. URL: https://msp.midural.ru/download/13369/ (reference date: 28/03/2018).

18. Khairullina Y. R., Zhigitova T. V., Khairullin R. R. Maternal capital. Investments in the future or social benefits // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2015. № 3. P. 270–274.

19. Yakimenko M. V., Vostrukhina D. Yu. Maternal capital as an instrument of socially oriented state policy // Economic research. 2015 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materinskiy-kapital-kak-instrument-sotsialno-orientirovannoy-politiki-gosudarstva (reference date: 28.03.2018).

Authors

Fel`dman Mikhail Arkadievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of public administration and political technologies, the Ural Institute — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Yekaterinburg 66 8 March St., Yekaterinburg, 620144, Russia; e-mail: feldman-mih@yandex.ru).

Zueva Alexandra Vladimirovna — master of the faculty of state and municipal management, the group GMU-122, the Ural Institute — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Yekaterinburg 66 8 March St., Yekaterinburg, 620144, Russia; e-mail: zueva.a.v@yandex.ru).

УДК 316.645

Коропец О. А.

РОДИТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ ДИСТАНЦИОННО ЗАНЯТЫХ ЖЕНЩИН[1]

В статье рассматриваются теоретические аспекты изучения родительских установок женщин. Автором обосновывается важность изучения дистанционных форм занятости и ее влияния на родительские установки матерей. Обсуждаются методы исследования, необходимые для изучения различных аспектов родительских установок женщин. Для изучения эмоционального компонента родительской установки автор предлагает использовать адаптированный вариант нарративного интервью, обозначает стратегию и принципы его проведения.

Ключевые слова: родительские установки, феномен родительства, материнство, дистанционная занятость, нарративное интервью

Выбор темы теоретического исследования обусловлен тем фактом, что на сегодняшний день феномен материнства находится в центре внимания целого ряда междисплинарных исследований. Особый интерес отечественных и зарубежных исследователей связан с изучением родительских установок матерей и факторов, их детерминирующих. Изменения в рыночных отношениях, происходящие в нашей стране, способствует повышению активности женщин в профессиональной сфере, в связи с чем остро встает вопрос защиты материнства и прав женщин относительно возможности осуществления своих материнских и социальных функций. Целью нашей статьи является рассмотрение теоретических аспектов родительских установок дистанционных занятых женщин и обоснование методов их эмпирического исследования.

Классическое определение родительских установок рассматривает их как «систему или совокупность родительского эмоционального отношения к ребенку, восприятие ребенка родителями и способов поведения с ним» [2]. Родительские установки оказывают огромное влияние на формирование жизненного и профессионального сценария личности, выбор брачного партнера [1]. Не подлежит сомнению тот факт, что для полноценного формирования личности ребенка важно, чтобы родительские установки матери носили позитивный и адекватный характер. В диссертационном исследовании Н.Л. Костицына доказано, что родительские установки играют основополагающую роль в личностном самоопределении в ранней юности, в то время как негативные родительские установки оказывают деформирующее и тормозящее влияние на процесс идентификации в ранней юности. Выделены следующие типы родительских

[1] © Коропец О. А. Текст. 2018.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–010–00774 «Исследование влияния развития дистанционной женской занятости на институт родительства».

установок: развивающая, опекающая и авторитарная. Доказано положительное влияние развивающей установки на развитие личностного самоопределения и целепологания старшеклассников. Авторитарная установка, с одной стороны, оптимально воздействует на целевой и эмоциональный компонент жизненного самоопределения, но, с другой стороны, оказывает деструктивное воздействие на волевой компонент. Материнский вариант опекающей родительской установки признан самым деструктивным и деформирующим личность ребенка с точки зрения ее самоопределения [7]. Наиболее полно в научной литературе представлены родительские установки женщин из полных и неполных семей. В исследовании М.Ю. Бурыкиной на примере женщин-педагогов было показано, что женщины из неполных семей проявляют излишнее беспокойство во взаимодействии с детьми, они ригидны и не уверены в своих силах. Для них характерен непоследовательный — авторитарный либо гиперопекающий — стиль воспитания и высокий уровень конфликтного взаимодействия с детьми.Чем выше фрустрированность женщины, тем больше она опекает своего ребенка, не предоставляют ему самостоятельности. Было показано, что повышение уровня тревожности женщины из полной семьи влечет за собой повышение раздражительности по отношению к ребенку и снижение удовлетворенности семейной жизнью [3]. Существует непосредственная связь родительских установок женщины с ее психологическим благополучием. Доказано, что благополучные в психологическом плане женщины реализуют гармоничные родительские установки, находящие свое выражение в приятии ребенка, в признании его прав. Так, установка женщины на свободу ребенка непосредственно связана с ее личностным развитием, а также с имеющимся опытом близких отношений. Приятие ребенка коррелирует с удовлетворенностью матери жизнью и приятием мира. Установка на равноправные отношения с детьми зафиксирована у матерей с нравственными ценностями и тенденцией к личностному росту. Выявлена и межпоколенная трансляция родительских установок от матери к дочери [4]. В исследовании Е.Н. Персиянцевой изучались родительские установки матерей с различным уровнем качества жизни. Было выявлено, что такие психологические аспекты качества жизни, как оценка своей нужности людям, оценка своей зависимости от людей, оценка интереса к жизни, а также оценка риска ухудшения здоровья и уровень притязаний оказывают значимое влияние на родительские установки матерей. Интересные выводы в данном исследовании связаны с пониманием так называемого субъективного качества жизни. Парадоксально, но высокий уровень субъективного качества жизни детерминирует как оптимальные, так и неконструктивные родительские установки. Например, матери, имеющие высокий уровень притязаний, при этом оптимистично оценивающие собственную жизненную перспективу, однако опасающиеся ухудшения здоровья, проявляли чрезмерную опеку по отношению к ребенку и были излишне строгими. Самодостаточные матери проявляли

конфликтное отношение к ребенку, матери с высоким уровнем притязаний и интересом к жизни стремились к партнерским отношениям с ребенком, но если отец не принимал активного участия в воспитании, подавляли волю ребенка. Примечательно, что матери, высоко оценивающие значимость своей деятельности, чаще уклонялись от эмоционального контакта с детьми [9]. Таким образом, очевидно, что на родительские установки женщин оказывает влияние множество факторов, в том числе вид их профессиональной деятельности, отношение к деятельности и удовлетворенность ее результатами. Однако в доступных нам научных источниках недостаточно информации о родительских установках женщин с различными типами занятости, в частности с набирающей популярность дистанционной занятостью. Н.В. Тонких, обосновывая теоретико-методологические подходы к исследованию дистанционной занятости, подчеркивает важность изучения влияния дистанционной занятости женщин на институт родительства, а также изменение социально-экономических установок в сфере репродуктивного поведения женщин [11]. Несмотря на то, что охрана материнства обеспечивается государством, в массовом сознании людей все еще существуют негативные стереотипы о том, что рождение ребенка может принести вред карьерному развитию женщины. Несмотря на стереотипы, все больше женщин, стремясь совместить две важнейшие женские роли — роль матери и роль профессионала — выбирают дистанционную занятость. В данный момент времени в Российской Федерации происходит расширение ее форм и видов. Под дистанционной занятостью подразумевается рабочий процесс, который осуществляется вне традиционного места работы и включает в себя взаимодействие с работодателями при помощи информационно-коммуникационных технологий [6]. При данной форме занятости сотрудник и его работодатель находятся иногда на значительном расстоянии друг от друга, для профессиональной коммуникации используя преимущественно Интернет или мобильную связь [10]. Женщинам-матерям такая удаленная от офиса работа может дать множество преимуществ. Прежде всего, это возможность гибкого рабочего графика, оптимальное распределение рабочего времени с учетом личных предпочтений и потребностей своей семьи, нахождение баланса между профессиональной и личной жизнью. Кроме этого, как правило, женщина может работать в более комфортных условиях в домашней обстановке, не тратить дополнительное время и средства на проезд. Естественно, что при таком графике и форме работы высвобождается время для общения с ребенком, для более качественного осуществления родительских функций. Таким образом, женщина-мать чувствует себя более счастливой, снижается уровень профессионального стресса, уменьшается риск психосоматических заболеваний и эмоционального выгорания, повышается степень удовлетворенности качеством жизни, что, как было рассмотрено выше, позитивно воздействует на формирование конструктивных родительских установок дистанционно занятых женщин. Таким образом, мы

предполагаем, что дистанционная форма женской занятости будет оказывать положительное влияние на институт материнства, что обосновывает необходимость выбора и описания методов исследования, релевантных его цели и задачам.

С нашей точки зрения, выбор методов эмпирического исследования родительских установок дистанционно занятых женщин должен быть непосредственно связан с их структурой. В отечественной психологии родительские установки, как определенный взгляд на родительскую роль, тесно связывают с родительскими ожиданиями и рассматривают на трех уровнях:

Первый уровень (мы — родители) определяет количество детей, как реальное, так и желаемое, а также субъективную удовлетворенность супругов браком.

Второй уровень (мы — родители нашего ребенка) связан с ожиданиями в детско-родительских отношениях и может быть зафиксирован при помощи изучения стиля семейного воспитания.

Третий уровень (это — наш ребенок) находит свое выражение в установках относительно ребенка, формируя родительское отношение [8].

Таким образом, родительские установки являются одним из значимых компонентов родительства и включают в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты. Изучение когнитивного аспекта родительских установок женщин может быть связано с изучением представления о планируемом количестве детей, о возрасте рождения ребенка, о собственной родительской роли. Для изучения данного аспекта в наибольшей степени подходит метод письменного опроса (анкетирование).

В исследовании эмоционального компонента важно изучить связанные с родительством взгляды, суждения, доминирующий эмоциональный фон женщин, работающих дистанционно. В наибольшей степени к этой исследовательской задаче подходит метод нарративного анализа письменных историй или расширенное нарративное интервью. Остановимся на данном методе подробнее, так как специфика применения нарративного интервью может варьировать в зависимости от конкретных исследовательских задач. Техника нарративного интервью относится к методам биографического исследования, но его возможности гораздо шире. В последнее время нарративное интервью активно применяется рамках социологических и психологических исследований. Его результативность основывается на важном теоретическом допущении о том, что каждый человек имеет способность построить рассказ, понятный потенциальному слушателю. Рассказывая (или записывая) историю, человек передает свое индивидуальное и субъективное восприятие действительности, ситуации, события. По сути посредством нарратива рассказчик (в нашем случае женщина-мать) делится своим уникальным жизненным опытом, одновременно осуществляя рефлексию. Существует стандартная трехэтапная стратегия проведения нарративного интервью, хорошо описанная в научной

литературе [5]. Данная стратегия может быть адаптирована к цели и задаче конкретного исследования, в нашем случае для изучения родительских установок дистанционно занятых женщин.

Первый этап — начало интервью и основной рассказ. На данном этапе исследователь кратко формулирует основной вопрос, либо просьбу, стимулирующую респондента к повествованию. Мы предлагаем использовать следующую формулу «нарративного импульса»: «*Я прошу Вас рассказать историю о том, как вы стали работать дистанционно. Лучше всего, если вы начнете с того момента, когда вы решили (или вам предложили) работать дистанционно, и расскажите затем обо всех изменениях, которые с вами происходили на работе и в личной жизни в связи с дистанционной занятостью вплоть до настоящего времени. Вы можете рассказать все, что для вас важно*». На этом этапе интервьюеру важно владеть техниками активного слушания, побуждающими рассказчика к дальнейшему повествованию.

На втором этапе, который называется «фаза нарративных вопросов», необходимо задать женщине вопросы, непосредственно связанные с исследованием родительских установок. Эти вопросы могут касаться желания иметь еще детей, взаимоотношений с детьми и супругом, времени, уделяемого на выполнение родительских обязанностей и т. д.

На третьем этапе респондент формирует краткое резюме своей истории, давая оценку и объяснение по поводу событий из своего повествования, связанных с темой исследования. Для удобства интерпретации нарративного интервью необходимо осуществлять аудиозапись нарративов. Важным моментом при проведении исследования является соблюдение этических норм: добровольное участие, создание атмосферы доверия, конфиденциальность, ознакомление интервьюируемых с целью исследования. Проводить интервью, учитывая его специфику, связанную с личной жизнью женщины, должен квалифицированный специалист-психолог. Необходимо отметить и недостатки данного метода, связанные с достаточно большими временными затратами на проведение и обработку результатов нарративного интервью. Кроме того, качественная интерпретация данных напрямую зависит от профессионализма исследователя и носит в некой мере субъективный характер.

Наиболее объективным является изучение поведенческого аспекта родительских установок женщин с точки зрения следующих параметров: наличие либо отсутствие детей, возраст рождения первого и последующих детей, наличие или отсутствие супруга, партнера, помогающего в воспитании детей, количество времени, ежедневно уделяемого работе и воспитанию детей. Методы, наиболее хорошо позволяющие оценить данный параметр: анкетирование, биографическое интервью, фотография рабочего дня, самонаблюдение, хронометраж. С целью повышения достоверности исследования некоторые параметры репродуктивного аспекта родительских установок (взаимоотношения супругов, стиль семейного воспитания) рекомендуется изучать при помощи стандартизированных методик.

Таким образом, проведенный нами теоретический обзор научных источников по проблеме изучения родительских установок женщин позволяет сделать следующие выводы:

1) родительские установки матерей играют основополагающую роль в формировании личности ребенка и закладывают основу его жизненного сценария;

2) психологическое благополучие матери, качество ее жизни, личностные особенности женщины, вид и форма ее профессиональной деятельности, наличие или отсутствие супруга оказывают влияние на формирование конструктивных или деструктивных родительских установок;

3) дистанционную занятость все чаще выбирают женщины, стремящиеся успешно совмещать обязанности матери и профессиональную деятельность. Мы предполагаем, что дистанционная занятость благодаря своим преимуществам будет способствовать формированию конструктивных родительских установок у матерей;

4) методы исследования родительских установок дистанционно занятых женщин следует выбирать в зависимости от фокуса исследования и его направленности на определенный аспект родительских установок (когнитивный, эмоциональный и поведенческий);

5) нарративное интервью является оптимальным и наиболее релевантным методом изучения эмоционального компонента родительских установок дистанционно занятых женщин, отражающим их субъективное восприятие родительства.

Список источников

1. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. — Л., 1992. — 400 с.

2. *Бодалев А. А., Столин В. В.* Семья в психологической консультации. — М.: Педагогика, 1989. — 208 с.

3. *Бурыкина М. Ю.* Родительские установки матерей-педагогов, воспитанных в неполных семьях // Ярославский педагогический вестник. — 2009. — № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/roditelskie-ustanovki-materey-pedagogov-vospitannyh-v-nepolnyh-semyah (дата обращения: 11.05.2018).

4. *Жуковская Л. В.* Психологическое благополучие и родительские установки женщин: дис. … канд. психол. наук. — СПб., 2011. — 193 с.

5. *Журавлев В. Ф.* Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: методология, методы, математическое моделирование. — 1994. — № 3–4. — С. 34–43.

6. *Конобевцев Ф.* Дистанционный труд как новая форма занятости // Кадровик. — 2011. — № 9. — С. 115–121.

7. *Костицын Н. Л.* Родительские установки как фактор личностного самоопределения в ранней юности: дис. …канд. психол. наук. — Хабаровск, 2003. — 223 с.

8. *Овчарова Р. В.* Психологическое сопровождение родительства. — М., 2002. — С. 18–19.

9. *Персиянцева Е. Н.* Родительские установки матерей с разным уровнем качества жизни // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2–2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22973 (дата обращения: 11.05.2018).

10. *Тонких Н. В., Камарова Т. А.* Дистанционная занятость в социально-экономическом развитии региональных систем // Профессиональное образование и рынок труда. — 2014. — №. 8. — С. 26–29.

11. *Тонких Н. В.* Влияние дистанционной занятости женщин на развитие института родительства // Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. статей VIII Уральского демографического форума / отв. редактор А. И. Кузьмин. — Екатеринбург: институт экономики УрО РАН, 2017. — С. 238–243.

Информация об авторе

Коропец Ольга Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (Россия, 620019, г. Екатеринбург, ул.8 марта, 62; e-mail: okor78@mail.ru).

Koropets O. A.

Parental Attitudes of Women Which Work from Adistance

The article deals with theoretical aspects of the study of the parental attitudes of women. The author substantiates the importance of studying distance forms of employment and its impact on parents' attitudes. The author considers the research methods necessary to study various aspects of the parental attitudes of women. To study the emotional component of the parent installation, the author suggests using an adapted version of a narrative interview, designating a strategy and principles for conducting it.

Keywords: parental attitudes, parenthood phenomenon, motherhood, distance employment, narrative interview

References

1. Bern E. Games in which people play. Psychology of human relationships. People who play games. Psychology of human destiny. — L., 1992. — 400 p.

2. Bodalev A. A., Stolin V. V. Family in psychological counseling. — M .: Pedagogika, 1989. — 208 p.

3. Burykina M. Y. Parental guidelines of mothers-teachers brought up in single-parent families // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. — 2009. — No. 3 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/roditelskie-ustanovki-materey-pedagogov-vospitannyh-v-nepolnyh-semyah (reference date: 05/11/2018).

4. Zhukovskaya L.V. Psychological well-being and parental attitudes of women: dis. … cand. psychol. sciences. — St. Petersburg, 2011. — 193 p.

5. Zhuravlev V.F. Narrative interview in biographical research // Sociology: methodology, methods, mathematical modeling. — 1994. — No. 3–4. — P. 34–43.

6. Konobevtsev F. Distance work as a new form of employment // Kadrovik. –2011. –No. 9. — P. 115–121.

7. Kostitsyn N. L. Parents as a factor of personal self-determination in early adolescence: dis…. Cand. psychol. sciences. — Khabarovsk, 2003. — 223 p.

8. Ovcharova R. V. Psychological support of parenthood. — M., 2002. — P. 18–19.

9. Persiyantseva E. N. Parental settings of mothers with different levels of quality of life // Modern problems of science and education. — 2015. — No. 2–2 [Electronic resource]. URL: http://www.science-education.ru/en/article/view?id=22973 (reference date: 05/11/2018).

10. Tonkikh N. V., Kamarova T. A. Remote employment in the social and economic development of regional systems // Vocational education and the labor market. — 2014. — No. 8.

11. Tonkikh N. V. Influence of distance employment of women on the development of the institution of parenthood //Demographic potential of the countries of the EAPS. Collection of articles

of the VIII Ural demographic forum / Responsible editor A. I. Kuzmin. — Yekaterinburg, 2017. — P. 238–243.

Author

Koropets Olga Anatolievna — Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Labor Economics and Personnel Management Department (Russia, 620019, Yekaterinburg, Ural State University of Economics, ul. 8 Marta, 62; e-mail: okor78@mail.ru).

УДК 37.01

Лунегова О. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОДИТЕЛЯМИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ[1]

На основе социологических и экспертных методов в статье исследуются особенности взаимодействия педагога-психолога с родителями учеников начальных классов с целью повышения эффективности оказания помощи учащимся и коррекции детско-родительских отношений как фактора учебной мотивации и условия успешности демографической политики.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение учебного процесса, начальная школа, педагог-психолог, родители, детско-родительские отношения, семья, отец

Психолого-педагогическое сопровождение учебного процесса в начальной школе особенно актуально в условиях увеличения количества детей с трудностями в поведении и обучении: гипер- и гипоактивность, повышенная истощаемость, неусидчивость, отвлекаемость, отсутствие внимания и т. д. Наблюдается заметный скачок индекса агрессивности, дефицита внимания, девиантного поведения, снижение адаптационных механизмов, десинхроноз функционирования различных систем организма ребенка.

Такие дети учатся в обычных школах, не имеют клинических диагнозов, но имеют признаки дезадаптивного поведения. Именно они составляют большой контингент тех детей, которых называют трудные дети, неуспевающие. В 2001 г. по данным Министерства образования РФ, примерно 85 % детей нуждались в помощи специалистов психолого-педагогического профиля. [5, с. 10] Хотелось бы надеяться, что за 17 лет статистика значительно улучшилась. По итогам же 2017/2018 уч. г. только трем 1-м классам, в которых автором проводился опрос родителей (результаты представлены ниже), были выданы 45 заключений с неудовлетворительными показателями диагностик внимания и памяти.

Кроме этого существуют категории детей с особыми образовательными потребностями, которые зачастую сильнее или также испытывают трудности в адаптации и обучении: дети с ОВЗ, талантливые и одаренные дети, дети-сироты, дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, дети мигрантов и переселенцев, дети с девиантным поведением и пр. [1]

Востребованность педагогов-психологов объясняется проблемами семейного воспитания детей и недостатками подготовки ребёнка к школе. Можно говорить, что институт семьи и брака, исторически сложившийся в первую очередь для продолжения рода — рождения детей и воспроизводства полноценных членов общества, сегодня «находится в руках» всё большего количества пар, которые слабо подготовлены к несению воспитательных функций.

[1] © Лунегова О. Ю. Текст. 2018.

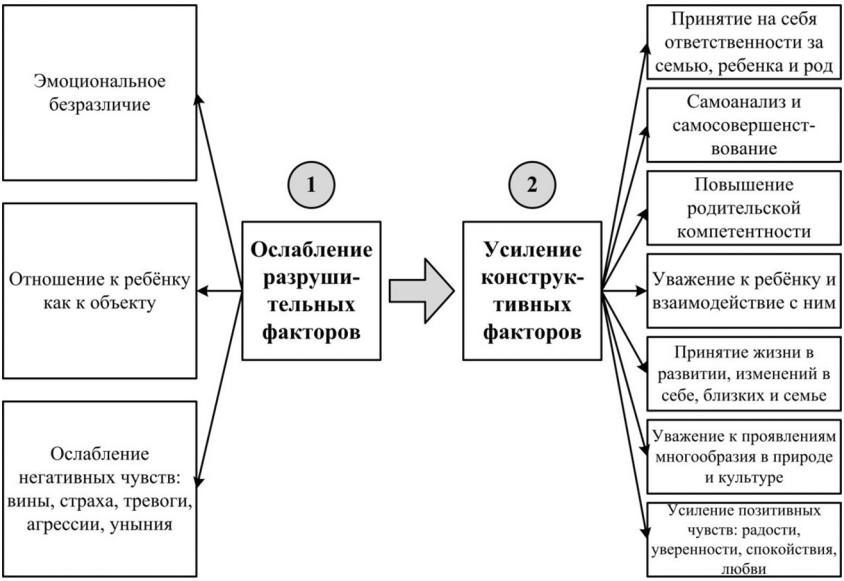

Рис. *Структура конструктивных и деструктивных факторов раскрытия потенциала ребенка*

Задача общества, относясь с большим уважением к родителям, решившимся на такой ответственный шаг как рождение и воспитание ребёнка, — оказывать им поддержку через просвещение, обучение и во многих иных формах. Одной из них является ППС.

Социально-психологическое и организационно-педагогическое сопровождение родителей способствует созданию в семье благоприятных условий для раскрытия эмоционального, интеллектуального и социального потенциалов ребенка с учетом его возрастных и индивидуальных особенностей, вовлекает родителей к реализации современных моделей воспитания и развития детей, предупреждает нарушения развития и поведения ребенка в переходных возрастах и будущем. Специалисты ПМПК отмечают потребность родителей в психолого-педагогических знаниях, их заинтересованность в воспитании здорового поколения, и считают, что подобное консультирование является неотъемлемой частью социальной помощи молодой семье. Структура конструктивных и деструктивных факторов раскрытия потенциала ребенка при психолого-педагогической работе с семьей представлены на рисунке. [2, с. 121]

Говорить о том, что современные родители лишены желания заниматься с детьми или проводить с ними время, несправедливо. В апреле 2018 г. АНО «Левада-Центр» (внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) повторил вопрос о занятиях,

Таблица 1

Ранжирование ответа на вопрос «*Что из перечисленного доставляет Вам самую большую радость, удовольствие?*» «Заниматься с детьми» в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов

Критерий	Категория	Ранг	Критерий	Категория	Ранг
Возраст	18–29	8 место	Образование	Высшее	1 место
	30–39	1 место		Среднее специальное	4 место
	40–49	2 место		Среднее	5 место
	50 и старше	6 место		Начальное	7 место
Семейный статус	В браке или состоят в отношениях	2 место	Потребительский статус	Низкий	3 место
	Разведённые, вдовствующие	6 место		Средний	2 место
	Холостые	15 место		Высокий	4 место
Пол	Мужской	8 место	ВСЕГО:	3 место	
	Женский	2 место			

которые могут доставлять удовольствие. В целом просмотр телевизора, денежная прибыль и досуг с детьми, как и восемь лет назад (в 2010 г.), являются главными поводами для радости среди россиян. [3]

Россияне в возрасте от 30 до 39 лет радуются времени, проведенному с детьми, и «хорошим деньгам» (35 %). В целом эти же предпочтения фиксируются среди россиян в возрасте от 40 до 49 лет.

Однако если рассматривать родителей в зависимости от других социально-демографических характеристик, то картина будет не такая радостная (табл. 1).

Семейный статус респондентов накладывает особенности на формирование представлений о радостных занятиях. Телепросмотр (33 %) и досуг с детьми (29 %) доставляют наибольшую радость семейным людям. Но при этом у разведенных/вдовствующих, а среди них должно быть много отцов и матерей (доля разводов с общими детьми по данным Росстата за 2016 г. 43,3 %) дети на 6-м месте.

Чем образованнее респондент, тем меньше удовольствия он получает от просмотра телевизора, и, напротив, больше — от времени, проведенного с семьей и детьми, путешествий, чтения и музыки.

У респондентов с высоким потребительским статусом дети не входят в тройку лидеров, а занимают 4-е место аутсайдера.

У женщин занятия с детьми стоят на 2-м месте, у мужчин же — только на 8-м.

По мнению автора, низкая компетентность современных родителей в вопросах психологии детей и их воспитания связана, прежде всего, с социально-политическими потрясениями и сменами экономических курсов

в РСФСР и России, ускорив темпы жизни общества, прервали связь поколений, искусственно, а местами насильственно перенеся традиционную функцию передачи знаний о нравственном и эмоциональном воспитании из семьи и церкви в светские институты.

Психолого-педагогическое сопровождение является относительно новым явлением для России, основное развитие оно получает в общественных (бюджетных) учреждениях и основной объем его услуг оказывается населению на безвозмездной основе. Такие государственные и муниципальные услуги ограничены по длительности и формам оказания, но благодаря планированию, регулированию и контролю психологи организаций, финансируемых из бюджетов, пользуются бóльшим доверием (в сравнении с самозанятыми психологами), так как оказывающие его сотрудники регулярно проходят обучение, их деятельность носит системный характер и они находятся «на передовой», а значит — получают колоссальный опыт из-за непрерывного взаимодействия с клиентами, а риск профессиональной ошибки несет бóльшую для них (по сравнению с фрилансерами) угрозу остаться без работы и погубить репутацию.

При всем этом до сих пор демонстрируется слабая готовность родителей получать более широкий спектр психологических услуг, как на свободном рынке, так и обращаясь к педагогу-психологу основного образовательного учреждения своего ребенка.

Это подтверждается проведенным автором социологическим исследованием, целью которого являлся учет запросов родителей при планировании деятельности службы ППС МАОУ СОШ № 69 и решение в связи с этим ряда задач:

1) определение опыта взаимодействия родителей с детскими психологами за пределами (до или вне) школы по поводу своих детей;

2) оценка степени осведомленности родителей о деятельности педагога-психолога — оказываемых услугах, формах взаимодействия с клиентом, сроках оказания услуг и др.;

3) определение уровня информированности родителей и осознанного понимания ими о том, что в течение учебного года им (их детям) оказывалась психологическая помощь в разных формах;

4) определение приоритетов у родителей в содействии педагогу-психологу;

5) выявление интересов и конкретных потребностей родителей в деятельности школьного психолога;

6) оценка степени доверия у родителей к различным формам взаимодействия педагога-психолога при оказании психолого-педагогической помощи;

7) оценка востребованности педагога-психолога школы у родителей.

Респонденты — семьи учащихся трех 1-х классов средней образовательной школы (90 семей, примерно 1/6 часть их представителей — отцы).

Форма — анкетирование на родительских собраниях по итогам первого учебного года.

2/3 родителей младших школьников вообще не прибегали к услугам психологов.

В школе, где проводился опрос, педагогом-психологом в начале учебного года проводились диагностические мероприятия, в том числе по запросу классов, и на их основе были проведены от 6 до 7 коррекционно-развивающих занятий (КРЗ) с каждым из опрошенных классов, в течение учебного года в качестве отчётной и просветительской мер психолог принимала участие в родительских собраниях. При этом только 30 % семей указали, что пользовались в истекающем учебном году диагностическими услугами школьного психолога, 22 % их детей — были на КРЗ, 18 % вспомнили, что психолог выступала на собраниях с ними. 21 % родителей (каждый 5-й) якобы «не пользовался» услугами психолога вообще.

При этом подавляющее большинство (96 %) родителей считают присутствие педагога-психолога в школе необходимым.

2 % родителей убеждены в медицинском профиле специалиста или затруднились ответить на вопрос о профессиональном образовании педагога-психолога.

11 % родителей неверно ответили или затруднились ответить на вопрос о профиле работы педагога-психолога, а им предлагалось выбрать один из двух вариантов ответа: педагог-психолог занимается психологической настройкой (коррекцией), оказанием помощи в разрешении сложных жизненных ситуаций и принятии решений относительно воспитания детей, обучения, совершенствования личности и межличностных отношений или лечением острых психических расстройств и заболеваний, сильных зависимостей и имеет право применять медикаменты.

Более половины опрошенных родителей (51 %) не представляют сроки (длительность) оказания услуг психолога. Более половины из них выбрали неверный ответ, отметив «Срок оказания помощи обычно средне- и долгосрочный (вплоть до пожизненного)», а не «Краткосрочный (обычно от 1 до 15 часов)».

Распределение приоритетов у родителей в содействии педагогу-психологу сложилось следующее: 35 % готовы оказывать помощь педагогу-психологу в психолого-педагогическом сопровождении именно ребенка как субъекта обучения и воспитания, 30 % семей отметили, что окажут помощь педагогу-психологу в сопровождении учебного процесса (обучения) как основополагающей миссии школы, и только 23 % родителей видят целесообразность ППС воспитательного процесса внутри семьи как базисного условия качественного образования и воспитания ребёнка; 12 % респондентов не стали отвечать на этот вопрос.

Самые востребованные темы личных или групповых встреч с педагогом-психологом — это эмоциональное самочувствие, интеллектуальное развитие и нравственное воспитание ребенка (табл. 2). 6 % не смогли или

Таблица 2

Структура тем, интересующих родителей при взаимодействии с педагогом-психологом

Наименование		Доля, %	
Психоэмоциональные проблемы	Эмоциональная неустойчивость	11	34
	Тревожность	11	
	Обидчивость	6	
	Агрессивность	4	
	Суицидальное поведение ребенка	1	
Проблемы интеллектуального развития	Интеллектуальное развитие (память, внимание или др.)	12	15
	Низкая успеваемость	3	
Проблемы нравственного воспитания	Нравственное становление ребенка	5	13
	Воспитание	4	
	Обман, воровство	3	
	Особенности воспитания детей с родовыми травмами	1	
Коммуникативные проблемы	Застенчивость, замкнутость	7	9
	Буллинг (травля)	2	
Школьная или социальная дезадаптация		7	
Профориентация		6	
Подготовка к экзаменам, соревнованиям, публичным выступлениям и т. п.		5	
Зависимости (компьютерная, пищевая или др.)		4	
Другое (уточните)		0	
Затрудняюсь ответить		6	
Всего:		100	

не захотели ответить на данный вопрос с предложенными вариантами ответов.

Наиболее эффективные формы работы с педагогом-психологом в представлениях родителей и автора сильно различаются. Результаты представлены в сравнительной таблице (табл. 3).

Таким образом, можно назвать следующие особенности психолого-педагогического взаимодействия с родителями младших школьников:

1. Школам необходимо учитывать недостаток у большинства родителей опыта сотрудничества с психологом. Требуется повышение уровня информированности родителей о работе педагогов-психологов.

2. Необходимо принимать меры, направленные на перенос вектора родителей полагаться на собственные силы при решении возникающих психологических трудностей (интернет, житейская мудрость, советы отдельных церковнослужителей, бессистемные КРЗ) на конструктивную системную работу с психологом школы или специализированными центрами.

3. Психолог должен стараться преодолевать стремления родителей обесценивать проблемы ребенка и решать только видимые трудности.

Таблица 3

Ранжирование форм работы педагога-психолога по эффективности (субъективные оценки родителей и автора)

Формы работы	Ранжирование		
	По мнению респондентов		Ранг по оценке автора
	Структура, %	Ранг	
Коррекционно-развивающие занятия индивидуально с ребенком	16,8	1	5
Консультирование одного из родителей лично или по Skype*	13,4	2	3
Специальный курс обучения одного из родителей в комплексе с поддерживающими коррекционно-развивающими занятиями с ребёнком	13,4	3	1
Коррекционно-развивающие занятия с классом	12,5	4	6
Специальный курс обучения одного из родителей лично или по Skype	11,1	5	2
Консультирование одного из родителей по электронной почте*	9,5	6	7
Консультирование родителей в группе*	9,2	7	4
Выступления на род. собраниях по приглашению кл. руководителей	8,5	8	8/9
Буклеты (статьи, памятки, рекомендации для родителей и подростков)	5,0	9	9/9
Затрудняюсь ответить	0,6	—	—
	100	—	—

Примечание: консультирование включает беседу(ы) и рекомендации.

Причины многих психологических трудностей ребенка кроются в дефектах детско-родительских взаимоотношений и работать с психологом нужно не только ребенку, но и родителям.

4. Комбинировать формы взаимодействия педагога-психолога с родителями, демонстрируя эффективность новых для родителей методов и инструментов оказания психологической помощи.

5. Вовлекать отцов в воспитание детей и решение учебных трудностей.

Данные потребности ППС невозможно реализовать без всеобъемлющего воздействия, которое включает: а) вовлечение администрации школы с целью усиления психолого-педагогической службы (только примерно в 75 % школах г. Екатеринбурга имеются ставки психолога [4], из них не все психологи имеют кабинеты, не все педагоги-психологи интегрированы в работу педагогических советов школ); б) активное вовлечение классных руководителей в психолого-педагогическое сопровождение с целью сохранения результатов и повышения отдачи от педагогического вклада и психологической помощи.

Список источников

1. *Васягина Н. Н., Минюрова С. А., Пестова И. В.* Опыт апробации и целевые ориентиры внедрения профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)» в Свердловской области // Психолого-педагогические исследования. — 2017. — Т. 9. — № 3. — С. 48–60.

2. *Зайцева Г. М.* Педагогическое просвещение молодых родителей как компонент психолого-медико-педагогического сопровождения семьи // Психологическое благополучие личности в современном образовательном пространстве. Сб. статей / Сост.: Ю. В. Братчикова. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2013 — 146 с.

3. Радостные занятия // АНО «Левада-Центр». — М., 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/2018/05/24/radostnye-zanyatiya/ (24.05.2018).

4. *Хайдаршина Л.* Школы усилят психологами // Областная газета. — 2017. — 07.10. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oblgazeta.ru/society/35347/ (07.10.2017).

5. *Цветкова Л. С.* Концептуальный аппарат нейропсихологии детского возраста // Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста / Под ред. Л. С. Цветковой. — М., 2001.

Информация об авторе

Лунегова Оксана Юрьевна, Россия — педагог-психолог 1-й категории МАОУ СОШ № 69 (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Сакко и Ванцетти, д. 36, schooln69@yandex.ru).

Lunegova O. Yu.

Features of Psycho-Pedagogical Interaction with Parents of Primary School

On the basis of sociological and expert methods, the article studies the features of interaction between a teacher-psychologist and parents of primary school students in order to improve the effectiveness of providing assistance to students and improving parental relations as a factor of educational motivation and the conditions for the success of demographic policy.

Keywords: Psychological and pedagogical support of the educational process, primary school, teacher-psychologist, parents, parent-child relationship, family, father

Reference

1. Vasyagina N. N. Minyurova S. A., Pestova I. V. experience of approbation and targets of introduction of the professional standard «Teacher-psychologist (psychologist in the field of education)» in the Sverdlovsk region // Psychological and pedagogical research. — 2017. –Vol. 9. — No. 3. — P. 48–60.

2. Zaitsev G. M. Pedagogical education of young parents as a component of psychological-th-pedagogical family support // Psychological well-being of the personality in modern educational space Collection of articles / Composer: Y. V. Bratchikova. — Yekaterinburg: USPU, 2013 — 146 p.

3. Happy classes // ANO «Levada-Center». — Moscow, 2018 [Electronic resource]. URL: http://www.levada.ru/2018/05/24/radostnye-zanyatiya/ (24.05.2018).

4. Hidersine L. strengthen School psychologists // Regional newspaper. — 2017 [Electronic resource]. URL https://www.oblgazeta.ru/society/35347/ (07.10.2017).

5. Tsvetkova L. S. Conceptual apparatus of neuropsychology of childhood /Actual problems of neuropsychology of childhood / ed. by L. S. Tsvetkova. M., 2001.

Author

Lunegova Oxana Yur`evna — teacher-psychologist of 1 category, MAOU SOSH № 69 (Russia, Yekaterinburg 36, Sakko and Vanzetti street, Yekaterinburg, 620014, Russia, E-mail: schooln69@yandex.ru).

УДК 37.06.09

Огоновская И. С.

ДЕТИ — РОДИТЕЛИ — ШКОЛА: ИНТЕГРАЦИЯ УСИЛИЙ СЕМЬИ И ШКОЛЫ В ВОСПИТАНИИ УВАЖИТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К ИНСТИТУТУ СЕМЬИ[1]

Подготовка к семейной жизни рассматривается как педагогическая проблема, требующая совместных усилий всех субъектов образовательного процесса — родителей и их детей, педагогов и их социальных партнеров — психологов, врачей, социальных работников. Показаны возможные направления и формы деятельности педагогов и родителей, направленные на воспитание подрастающего поколения на базе такой национальной ценности, как семья.

Ключевые слова: семья, школа, воспитание, родители, дети, педагоги, взаимопонимание

Ее (школу — авт.*) делают ответственной перед обществом и семьей, между которыми она должна стать, как на свое законное место. Для общества она должна воспитать честных и трудолюбивых деятелей, а от семьи должна принимать по большей части плохо воспитанных и нравственно не выдержанных детей.*
В. Я. Стоюнин (1826–1888)

В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной распоряжением № 996-р Правительства РФ от 29 мая 2015 г., определен ряд мер по поддержке семейного воспитания, в том числе: содействие укреплению семьи, повышение социального статуса и общественного престижа отцовства, материнства, многодетности, в том числе среди приемных родителей, содействие развитию культуры семейного воспитания детей на основе традиционных семейных духовно-нравственных ценностей, популяризация лучшего опыта воспитания детей в семьях, в том числе многодетных и приемных, возрождение значимости больших многопоколенных семей, профессиональных династий, создание условий для расширения участия семьи в воспитательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность и работающих с детьми;, расширение инфраструктуры семейного отдыха, семейного образовательного туризма и спорта, включая организованный отдых в каникулярное время, поддержка семейных клубов, клубов по месту жительства, семейных и родительских объединений, содействующих укреплению семьи, сохранению и возрождению семейных и нравственных ценностей с учетом роли религии и традиционной культуры местных сообществ, создание условий для просвещения и консультирования родителей по правовым, экономическим, медицинским, психолого-педагогическим и иным вопросам семейного воспитания.

[1] © Огоновская И. С. Текст. 2018.

Семья — культурно-историческое и социально-психологическое явление, занимающее для большинства людей самое важное место на всех этапах их жизни. Особенно велика роль семьи в воспитании детей младшего возраста, так как является той средой, в которой человек начинает познавать особенности общественных отношений, усваивает первые понятия о добре и зле, получает первые представления о труде и отдыхе, проявляет интересы, начинает обогащать свой внутренний мир, учится выражать свои чувства и др. [7, с. 58]. В возрасте 6–8 лет ребенок приходит в школу, но к этому времени он является уже сложившейся личностью со своими достоинствами и недостатками. Родители возлагают на школу надежду, что последние будут исправлены. О проблеме дошкольного семейного воспитания писал в свое время П. Ф. Лесгафт, разделивший детей, пришедших в школу, на шесть школьных типов и объяснявший те или иные их качества семейным воспитанием [3]:

1. Лицемерный (скромная внешность, в играх подвижен и весел; вначале приветлив и внимателен ко всем окружающим, а потом более к тем, от которых что-либо зависит — сближается с ними, угождает им и даже внимательно предупреждает различные их желания; сближается с наставником и передает как бы случайно, а то и специально все действия товарищей и их поступки; товарищи не любят его за клевету, сплетни, наговор, доносы, ложь; часто пропадающие мелкие вещи находятся у этого любимца наставника; хвастлив и надменен в отношении слабых и низших, льстив и труслив в отношении сильных и старших; непривычен рассуждать; способен улавливать внешнюю сторону предметов и явлений; хвастлив, хитер, не способен глубоко чувствовать; не имеет представления о правде; соблюдает только личную выгоду), и причины этого — ложь и лицемерие со стороны старших, окружающих ребенка; чисто практическое направлений домашней жизни, постоянный мелкий расчет и стремление взрослых к легкой наживе, отсутствие всякой заботы о детях

2. Честолюбивый: внешним видом выражает чувство собственного достоинства; чист и опрятен; смотрит прямо и уверенно, спокойно присматривается к окружающему и не выскакивает вперед; внимательно следит за всеми действиями учителя и наставника, стараясь не пропустить ни единого их объяснения или замечания; очень осторожен, сдержан, и прежде чем ответить, старается побольше и поточнее расспросить; охотно выражает свои сомнения в верности сказанного другим; постоянно сосредоточен над разъяснениями учителя, почти исключительно занят учением; всякая неудача приносит ему много горя, которое он долго не забывает и которое лишает его энергии; затем с большим рвением берется за дело, чтобы все исправить; в результате оскорбления и наказания, особенно несправедливого, может бросить дело, впасть в полную апатию и даже дойти до самоубийства; склонен к страстной мести и всегда злорадствует по поводу неудачи противника; охотно занимается искусством, музыкой, живописью, любит успех и овации; не развито отвлеченное мышление; не

подготовлен к самостоятельной умственной деятельности и даже умственно ограничен; лишен творческих проявлений; характерно отсутствие всего святого и идеального, узкий эгоизм, бесхарактерность, нахальство, грубость, разгул и детская беспомощность при всяком новом деле. Причины этого — соревнование с другими, постоянные похвалы и восхищение достоинствами ребенка.

3. Добродушный: тихий, спокойный; внимательно следит за всем происходящим; не обращает никакого внимания на свою внешность; сначала мало подвижен; не имеет стремления чем-то угодить, отличиться или привлечь к себе внимание наставника, не проявляет к нему внешней приветливости и ласковых отношений; не выскакивает вперед, а, напротив, обыкновенно остается в стороне и молча следит за действиями других; сближается с товарищами, которые вследствие суровости своего нрава, непривлекательной внешности или бедности не пользуются вниманием своих товарищей и преподавателей; не проявляет к товарищам ласки или нежности, но внимателен и участлив, привлекая их к общению с другими; когда сближается с наставником, то оказывается очень разговорчивым ребенком; искренне религиозен; впечатлителен и не всегда из-за этого внимательно слушает преподавателя; в случае вины всегда искренне сознается и не допускает, чтобы по его вине пострадали товарищи; никак не уживается с ложью и насилием, в какой бы форме они не проявлялись; добрый и любящий ребенок, привязанный к матери и няне, ко всем, с кем вырос, и даже к месту, где провел свое детство; нежаден, не ищет льгот и выгод, готов всем поделиться; оставаясь наедине, никогда не бездействует и не скучает, всегда находит себе дело и занятие (охотно следит за растениями и животными и др.); с особым удовольствием делится своими впечатлениями с близким и любимым человеком; старается избегать действий, которые могут огорчить любимых людей; нуждается в спокойном обращении к нему, справедливая требовательность возбуждает его энергию; главный недостаток — несоответствие между умственным и физическим трудом –преобладание первого, недостаток возбуждения физических органов тела и вследствие этого — известная степень апатии) и причины этого — тихая, спокойная и особенно деревенская жизнь с самого рождения, любящая добрая мать или другое близкое ребенку лицо, отсутствие всякой похвалы и внешности, действующей на его чувства, отсутствие всяких мер наказания или преследования.

4. Мягко-забитый (стесняется новой обстановки, не решается на самостоятельные действия; смотрит, что делают другие; находится под покровительством или влиянием другого товарища, от которого зависят его действия и рассуждения; стадно относится к товариществу, никаких самостоятельных действий не предпринимает; не делает зла, так как мама сказала, что это нехорошо, большой грех; к занятиям относится равнодушно, исполняет требуемое и выучивает заданное, в случае уменьшения требований и бдительности педагога становится ленивым и нерадивым;

с удовольствием пропускает дело (задачу, правило); в поступках легко сознается, но при этом легко указывает на зачинщика и участника (ненадежный товарищ); холодный и равнодушный, почти никого не любит, просто прицепляется к кому-нибудь и не отходит от него; наедине всегда скучает и не может найти себе занятия или увлечения; пасует перед неудачами, препятствиями; исполняет поручения только по имитации и по указанию; не в состоянии терпеть боль или какие-либо физические страдания; удовлетворяя свои потребности, никогда не думает и не принимает в расчет других; отсутствие инициативы и самостоятельности) и причины этого — строгие взыскания и наказания не розгами, а внешней, животной лаской, постоянное нахождение при матери или няне, предупреждение всякой деятельности ребенка, когда для него все готово, ребенок никогда не рассуждает и не распоряжается своим временем и своими действиями, действия честолюбивой и раздражительной матери, не терпящей никаких противоречий, желающей похвалиться своими детьми, пытающейся своими ласками и угодами к их желаниям сделать их умными и послушными, отсутствие у ребенка возможности что-либо делать самостоятельно, ему всегда говорили, что делать, куда идти, что сказать, чем заниматься, когда есть, пить, гулять, спать и т. д., отсутствие у ребенка какой-либо заботы о чем-либо.

5. Злостно-забитый (молчаливый, стеснительный, конфузливый; делает резкие бесцельные движения, особенно в те минуты, когда на него никто не смотрит; скуп на слова, вместо ответа фыркает, делает какое-либо грубое движение или произносит соответственные звуки; никогда не смотрит прямо и ласково, чаще — сбоку и исподлобья; то сторонится товарищей, то нечаянно толкает и щипает, может уколоть или ударить своего сверстника или малышей; к занятиям совершенно равнодушен, исполняет только необходимые требования; подозрительно относится к старшим, не любит проявлений ласки с их стороны; делает угловатые, резкие движения; стесняясь, отворачивается, закрывается рукой или локтем, из-за которого иногда показывает язык; относится с напускным спокойствием к преследованиям и наказаниям; легко обижается на мелкие обиды и даже невнимание; иногда грубо и некстати говорит дерзости; ценит товарищество, объединяется для взаимной защиты, а не для искренних дружеских отношений; не выдаст товарища в случае его преследования; часто избирает самые дикие развлечения: мучит, истязает, уничтожает животных, оскорбляет людей, может нанести физический вред; при постепенно увеличивающейся строгости добивается всего тайком, присваивая себе то, что плохо лежит; бойко и быстро бегает; может быть добрым и предупредительным к другому ребенку, если того подвергают несправедливым преследованиям и оскорблениям) и причины этого — запрещение рассуждать, насильное принуждение и укрощение ребенка, несправедливые и произвольные требования, ограничение действий, злая и раздражительная мачеха, семейное правило не баловать ребенка и наказывать за любой

проступок, настойчивые, постоянные, произвольные преследования ребенка, вызванные часто личным раздражением, оскорбление и унижение личности перед другими и перед товарищами, особенно перед чужими и нелюбимыми людьми.

6. Угнетенный (бледный, слабый; отличается тихим и смирным нравом; трудолюбивый, постоянно чем-то занят; не принимает участия в играх и развлечениях; скромно выражает свою радость, подавляет свое горе (не легко плачет и не выражает своей скорби внешними проявлениями); стесняется всякой похвалы и прячется; видит свои недостатки и во всех неудачах обвиняет себя; не жалеет себя, не останавливается перед препятствием, преодолевает их трудом; стойкий и настойчивый, лишения и бедность его не остановят; относится с участием и всегда готов помочь страждущим и оскорбленным; всегда исполняет обращенные к нему просьбы; старательно выучивает все заданные уроки; искренне и глубоко религиозен; часто отказывается от занятий, требующих инициативы и самостоятельности, не находя у себя никаких талантов и способностей; не всегда и не скоро решается на новое для него дело; всегда внимательно следит за объяснением и рассказами преподавателя и тщательно исполняет его требования; прямо заявляет о своем незнании, если в чем-то не уверен, чем вызывает неудовольствие преподавателя; благодарен за всякую услугу и платит тем же; стесняется при обращении к другим, при этом характеризует себя с невыгодной стороны, ссылаясь на неспособность и неумелость; не интересуется музыкой, живописью и другими эстетическими занятиями; в его действиях никогда не преобладает материальный расчет или личная выгода) и причины этого — любящая, мягкая и трудящаяся мать или другие близкие, живущие в постоянной нужде, лишения и являются угнетающими моментами, добрые и трудолюбивые родители все делят со своими детьми и всегда отдают им лучшую часть, ребенок считает труд и лишения обычными, нормальными явлениями и надеется только на работу и свое умения справляться с нуждой.

7. Нормальный (представляемый в идеале) (гармоничен в умственном и физическом развитии; приучен рассуждать над полученными впечатлениями; в состоянии бодрствования всегда активно деятелен; оценивает окружающих по достоинству и не ставит личные требования выше других, и в особенности товарищества; умственные способности направлены к выяснению логической связи между усвоенными знаниями, к развитию аналитической деятельности и отвлеченного мышления; его впечатления и представления, размышления и действия соответствуют друг другу; простое, правдивое и искренне отношение к другим, внимание к потребностям и участие к нуждам другого лица; никогда не прибегает к насильственным методам или произвольным требованиям, в случае необходимости использует краткую и простую речь, обставленную серьезными основаниями; в общении с другими не допускает резкости, не склонен к внешним ласкам и заученным приемам вежливости и приличия; сочетает

в себе все хорошие качества добродушного и угнетенного типа; самостоятелен в новых ситуациях; его нравственные проявления основаны на рассуждении, а не на формальности; разумен и идеально правдив.

Выводы, которые делает Лесгафт, заключаются в том, что в громадном большинстве случаев «не прирожденная тупость (нравственная или умственная) ребенка, а педагогические ошибки подготовляют ребенку горькую будущность, оставляя на его личных проявлениях и привычках неизгладимые черты нравственной порчи и умственного бессилия» [3, с. 211].

Еще один известный представитель XIX в., известный российский историк В. О. Ключевский писал о семье и школе так: «То, откуда приходят дети в школу и где они родятся, называется семьей. Мы довольно спокойно говорим о нашей семье, сохраняем то же спокойствие, когда заходит речь и о нашей школе. Но мы всегда несколько волнуемся, когда в наших беседах встречаются семья и школа. Мы чувствуем, что в их взаимных отношениях у нас есть какое-то недоразумение, стоит какой-то вопрос, которого мы не в силах разрешить и даже не умеем хорошенько поставить. Что, кажется, может быть яснее и проще отношения между семьей и школой? Сама природа провела разграничительную черту между ними, разделила работу человечества над самим собой между этими двумя величайшими питомниками человеческого ума и сердца. Оба этих учреждения не могут заменить друг друга, но могут помогать или вредить одно другому. У того и другого свое особое дело; но дела обоих так тесно связаны между собою, что одно учреждение помогает или вредит другому уже тем, что свое дело делает хорошо или худо» [2].

В XXI в. семье и школе также принадлежит ведущая роль в воспитании детей, однако в условиях кризиса института семьи перед образовательными учреждениями встает серьезная задача — привлечь родителей на свою сторону, сделать их активными субъектами воспитательного процесса, тем более, что в соответствии со ст. 2 закона «Об образовании в Российской Федерации» (2012) родители являются полноценными участниками образовательных отношений наряду с обучающимися, педагогическими работниками и организациями, осуществляющими образовательную деятельность.

Сложности работы с родителями в современной школе и их причины:

— недостаточное внимание родителей к проблемам детей из-за занятости на работе;

— отсутствие у родителей возможности посещать школу (по той же причине);

— нежелание родителей посещать школу из-за убеждения в том, что воспитанием их детей должна заниматься именно школа;

— правовой нигилизм и правовая безграмотность из-за отсутствия необходимого для этого образования;

— стремление некоторых родителей воспитывать детей по собственным нормам и правилам;

— асоциальное поведение отдельных родителей, склонность к хамству, насилию;

— нездоровый образ жизни родителей (употребляют алкоголь, курят) — отрицательный пример для их детей;

— в статусе родителей в настоящее время многие молодые люди, становление которых пришлось на 1990-е гг., вследствие чего воспитание своих детей они осуществляют в рамках ценностей, противоречащих воспитательным задачам семьи и школы.

Работа с родителями — сложный и длительный процесс, однако результаты взаимодействия школы и родителей наиболее эффективны и долговременны. К.Д. Ушинский писал в свое время так: «Родители выбирают род воспитания для своих детей, выбирают воспитателя или заведение, назначают дорогу в жизни. Для всего этого должно иметь ясные и здравые понятия о признаках различных наклонностей в детях, знать требования и цель различных родов воспитания и учения, уметь выбрать и оценить воспитателя, знать воспитательные заведения, их курсы, их требования, их цели, уметь оценивать достоинства и недостатки. Все это далеко не такие легкие вещи, какими кажутся с первого взгляда» [5, с. 148].

Взаимодействие образовательного учреждения, педагогов и родителей должно строиться на позитиве: когда те и другие ценят и уважают друг друга, содействуют повышению обоюдного авторитета, тактичны и доброжелательны в отношениях, понимают значение единых педагогических требований, оптимистично настроены и верят в успех совместной деятельности. Взаимодействуя с родителями, педагог играет несколько важных социальных ролей, выступая в роли просветителя (проводит беседы, тематические родительские собрания, советует родителям современную научную литературу по воспитанию), советника (дает советы родителям в тех вопросах, в которых компетентен), консультанта (знакомит родителей с нормативно-правовыми актами, касающимися детей и ответственности родителей), посредника (организует в случае необходимости встречу родителей с психологом, медицинским работником, представителями органов профилактики правонарушений и т. д.), помощника (помогает родителям в трудных ситуациях, выступает медиатором в конфликте ребенка и родителей и т. п.), защитника (отстаивает права детей в сложных ситуациях — деструктивное поведение родителей, педагогические конфликты) и др.

Для привлечения родителей на свою сторону педагогам необходимо сделать определенные шаги: выявить их ценностные ориентиры (путем анкетирования, опроса и т. д.), повысить правовую грамотность, включить в добровольную работу по дежурству в школе, стимулировать участие в различных мероприятиях совместно с детьми, оказать помощь в решении острых проблем воспитания. Педагогическая практика позволяет выделить возможные формы работы с родителями:

— родительские собрания (примерные темы): «Роль семьи в жизни человека»; «Обязанности детей в школе (на основании локальных

нормативных актов)»; «Устав образовательного учреждения»; «Здоровье и жизнь ребенка как высшая ценность»; «Подростковая преступность — причины и проблемы»; «Роль личного примера родителей в воспитании детей»; «Пути завоевания родительского авторитета»; «Как учитывать возрастные особенности детей в процессе воспитания»; «Влияние вредных привычек родителей на психическое и физическое здоровье детей»; «Современные мальчики и девочки: как их воспитывать»; «Участие родителей в работе органа школьного самоуправления: для чего это нужно»;

— лектории для родителей (примерные темы): «Конституция РФ о правах и обязанностях граждан России»; «Закон «Об образовании в Российской Федерации»: права и обязанности школы и семьи»; «Семейный кодекс РФ»; «Историческое прошлое в памятниках нашего города (села)»; «Конвенция о правах ребенка и механизмы защиты прав ребенка»; «Законодательство РФ, регламентирующее ответственность родителей и детей за правонарушения»; «О семейных традициях разных времен и народов»; «Анатомия конфликтов отцов и детей»; «Дети и прародители: как вести себя родителям в конфликте поколений»; «Участие родителей в развитии детских «самостей»: самостоятельности, самоорганизации, самовоспитания и др.»; «Поощрения и наказание детей в семье: границы разумного»; «Особенности воспитания детей с физическими и психическими отклонениями»; «Роль семейных традиций в духовно-нравственном воспитании в семье»; «Значение семьи в формировании культуры здоровья ее членов»; «Эстетическое воспитание в семье: как научить ребенка любить прекрасное»; «Как привить ребенку навыки к труду»; «Половое воспитание в семье: как подготовить детей к взрослой жизни»; «Как организовать семейный досуг с наибольшим эффектом позитивного взаимодействия членов семьи»;

— диагностика проблем родителей (психологические тесты, консультации со школьным психологом);

— консультации для родителей: «Возрастные особенности школьников различных ступеней обучения»; встреча с медицинскими работниками, юристами, психологами, работниками правоохранительных органов; «Как защитить вашего ребенка от насилия»; «Как сохранить здоровье ребенка»; «Одаренный ребенок в семье: пути развития личностных качеств способностей»; «Оздоровительные педагогические методики»; «Традиционные и современные формы воспитания»; «Последствия асоциального поведения родителей» и т. д.;

— информирование родителей о проблемах их детей (возможно создание ученических папок для родителей, в которых собираются сведения о проблемах, с которыми сталкиваются школьники (опыт США) [1, с. 127]; общение родителей и педагогов по электронной почте и в закрытой социальной группе);

— парный мониторинг (привлечение родителей к определению перспектив развития ребенка и соответственно к разработке программы

действий, обеспечивающих их достижение; участие родителей в анализе достижений ребенка, его трудностей и проблем);

— круглей столы («Как нам всем пережить «переходный возраст»»; «Как воспитать в ребенке высокие гражданские и духовно-нравственные качества»; «Может ли ребенок быть патриотом, если родитель не патриот»; «Как мы воспитываем своих детей: обмен опытом»);

— встречи с известными людьми города (села) с целью обсуждения важных социальных проблем (с представителями предприятий города с целью получения информации о работе предприятий и рынке труда; с представителями различных конфессий, с юристами, психологами, конфликтологами, представителями комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки и др.);

— советы родителей (дежурство в микрорайоне; работа с «трудными» детьми; практика общих дел, например, участие в ремонте школы, благоустройстве территории);

— обучение практикам («Школа родительского мастерства) (тренинги, мастер классы, практические семинары: «Семейные ссоры и способ их разрешения», «Как самоорганизовать семью», «Как приучить ребенка к домашним обязанностям» и др.);

— семинары-практикумы («Как разобраться в море бумаг», «Как воспитывать детей в многодетной и монодетной семье»);

— родительские конференции («Родители как субъект гражданско-патриотического воспитания»; «Права и обязанности наших детей в семье»);

— школьные службы доверия «Учитель — родитель» (консультации; ответы на животрепещущие вопросы; обмен мнениями по проблемам воспитания детей);

— дежурство по школе (добровольное участие в дежурстве во время массовых мероприятий).

Важна роль школы — в организации взаимодействия детей, родителей и педагогов в рамках массовых мероприятий. Могут быть организованы праздники («Этот День Победы», «Земля — наш дом»; «Милая моя, добрая моя мама»; «Папа может все, что угодно»; «День самоуправления»), походы («Маршрут выходного дня»; «Поход по местам боевой славы»; «Путешествие по родному городу»), акции («Дети и родители за чистый город (село)»; сбор средств для пострадавших в результате наводнения, пожара и других стихийных бедствий; «Милосердие» (помощь ветеранам войны и труда, инвалидам и др.); «Родники» (обустройство родников); «Обустроим планету Земля» (посадка деревьев, уборка мусора); «Я — гражданин России!»), День открытый дверей — «День семьи» (посещение родителями уроков, встречи с администрацией, педагогами, различными специалистами).

Большим интересом детей пользуются деловые, ролевые игры с участием взрослых («Поменяемся местами», «Идеальная семья», «Разрешаем конфликт вместе», «Путешествие в страну этикета», «Подросток и закон»),

классные часы (рассказ родителей о профессии, об интересных увлечениях), совместная деятельность в органах школьного самоуправления, в составе экологического отряда, отряда юных дружинников и др.

Школа может выступать посредником между детьми и родителями, организуя виды и формы деятельности, в которых члены семьи участвуют вместе, имеют возможность почувствовать общность. К ним можно отнести: родительский лекторий для детей («Моя профессия»; «Мои увлечения»; «Мои путешествия»); знакомство детей с местом работы родителей (коллективное посещение рабочих мест родителей, подготовка детьми видеофильмов с места работы родителей, сочинение на тему «У моих родителей очень интересная профессия...»), спортивное соревнование «Папа, мама, я — дружная семья», игры («Один в поле не воин»; «Все мы — горожане»; «Мы — односельчане»), посещение музеев, выставок, театра (обсуждение итогов посещения в кругу семьи, составление фотоотчета о посещении), организация и проведение родителями экскурсий для детей (по родному городу; на предприятия города с целью профессионального самоопределения детей; в парки и ботанические сады; в музеи и выставочные центры), конкурсы («Самая творческая семья»; «Любимая песня моей семьи»; «Лучший семейный альбом»; «Лучшая летопись семьи»), домашнее чтение (любимые детские книги родителей, книги о войне, книги о героях), семейный альбом («Следы войны в моей семье» — создание семейного альбома, встреча с членами семьи, которые могут рассказать о войне), выставки семейных рисунков, фотографий, поделок, работа над родословной, руководство родителей кружками по интересам и спортивными секциями (декоративно-прикладное творчество; столярное дело; устройство автомобиля; оригами; цветоводство; волейбольная секция; туристическая секция; и др.).

Условиями успешного взаимодействия образовательного учреждения и родителей являются: системное взаимодействие, атмосфера доверия, привлечение специалистов (психологов, врачей, наркологов, конфликтологов, социальных педагогов и других, внимание к родителям со стороны школы (поощрение, поддержка, пропаганда успехов родителей в воспитании детей).

Одна из задач школы — воспитать в ребенке уважительное отношение к институту семьи, переживающему в настоящее время определенные трудности. Возможны несколько направлений работы деятельности образовательного учреждения в русле данной проблемы:

— уроки литературы, обществознания, мировой художественной культуры (рассмотрение семьи в качестве культурно-исторического феномена: функции семьи, исторические типы семьи, роль семьи в развитии личности, семейные традиции и обычаи, семейные ценности, воспитание детей, общение в семье, семейные конфликты);

— уроки права (изучение семьи как правового института на уроках права (семейные правоотношения, права и обязанности супругов,

родителей и детей, условия брака и его расторжения, нормативно-правовые документы в области семейного права и др.) [6, с. 24, 25];

— курсы по выбору (углубленное знакомство детей с проблемами семейных взаимоотношений в рамках элективных курсов «Семейное право», «Этика семейной жизни», «Права и обязанности членов семьи» и др.);

— школьный киноклуб (просмотр и обсуждение фильмов, в которых поставлены проблемы взаимоотношений в семье и школьном коллективе, проблемы взаимной ответственности членов семьи и школьного класса). В рекомендованном министерством культуры списке фильмов для просмотра школьниками (2013) данная тематика так или иначе затрагивается в фильмах «Вам и не снилось...» (И. Фрэз, 1980), «Морозко» (А. Роу, 1964), «Золушка» (Н. Кошеверова, 1947), «Сто дней после детства» (С. Соловьев, 1975), «Чучело» (Р. Быков, 1983), «Школьный вальс» (П. Любимов, 1977) и др.);

— классные часы на тему семьи и отношений полов («Дружба юноши и девушки: возможно ли это?»; «Экономические отношения в семье и их влияние на долговечность брака»; «Правда ли, что хорошее дело «браком» не назовут?»; «СПИД и другие последствия свободной любви»; «Здоровье как условие счастливой семейной жизни»; «Многодетная семья — это здорово!»; «Правила этикета в отношениях женщин и мужчин»; «Верность родителям — корень лучших качеств в человеке»; «Семья «чайлдфри» — человеческая трагедия»; и др.);

— консультации врачей, психологов и др. (последствия раннеполовых связей; последствия абортов; проблемы контрацепции; влияние наркотиков, алкоголя и табака на детородную функцию женщин и мужчин; и т. д.);

— дискуссии, диспуты («Однополые браки: это нормально или аномально?»; «Нужно ли доверять родителям свои личные тайны?»; «Почему так часто распадаются браки?»; «Возможна ли любовь «до гроба»?»; и др.

— студии, кружки, секции, в которых идет близконтактное совместное обучение девочек и мальчиков (студия бального танца; хореографическая студия; этнокультурный кружок; вокальные кружок — занятия в дуэте; и т. п.);

— женско-мужские воспитательные мероприятия (рыцарский турнир в День 8 Марта; бал (осенний, кадетский); День Петра и Февронии; День Матери; День защитника Отечества; др.);

— проектная деятельность («Российское законодательство по вопросам семьи»; «Семья как важнейший социальный институт»; «Традиции семейного воспитания в России»; «Что такое хорошо и что такое плохо: методы воздействия на ребенка в семье»; «Так ли уж хороши так называемые гражданские браки»; «Моя будущая семья: стратегия выстраивания взаимоотношений между ее членами»; «Ценностные ориентиры членов моей семьи и их влияние на мои жизненные ориентиры»; «В какой семье я хотел(а) бы воспитываться: Ростовых или Болконских (по роману Л.Н. Толстого «Война и мир»)»; «Дедушки и бабушки должны быть на

высоте (обучение компьютерной грамоте)»; «Моя бабушка модница (разработка коллекции одежды для бабушки)»; «Мой дедушка — настоящий мужчина (разработка программы физических упражнений для его возраста); «В 60 лет жизнь только начинается (программа экскурсионного маршрута для дедушки и бабушки»; и др.).

Выстраивая систему воспитания обучающихся по проблемам, связанным с семьей, при желании оценить достижения в этой сфере, педагоги и родители могут обратиться к различным психолого-педагогическим инструментариями, в числе которых: опросник «Изучение самоорганизации семьи»; опросник «Какой вы родитель?» методика «Удовлетворенность родителей работой образовательного учреждения» (Е.Н. Степанов) [4, с. 119–122]; методика «Удовлетворенность родителей жизнедеятельностью образовательного учреждения» (А.А. Андреев) [4, с. 114–117] и многие другие.

Список источников

1. *Джуринский А. Н.* Развитие образования в современном мире. Учеб. пособие. — М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. — 200 с.

2. *Ключевский В. О.* Два воспитания // В. О. Ключевский. Сочинения. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. — М. : Мысль, 1990. — 528 с.

3. *Лесгафт П. Ф.* Семейное воспитание ребенка и его значение // Мудрость великих педагогов. — М. : ОЛМА Медиапресс, 2013. — С. 209–223.

4. Педагогическая диагностика в работе классного руководителя / Сост. Н. А. Панченко. — Волгоград : Учитель, 2007. — 94 с.

5. *Ушинский К. Д.* О пользе педагогической литературы // Мудрость великих педагогов. — М. : ОЛМА Медиапресс, 2013. — С. 144–151.

6. Фундаментальное ядро содержания общего образования / под ред. В. В. Козлова, А. М. Кондакова. — М. : Просвещение, 2009. — 24 с.

7. *Чепурных Е. Е.* Воспитание подрастающего поколения — общая задача современной России // Воспитать человека. Сб. нормативно-правовых, научно-методических, организационно-практических материалов по проблемам воспитания. — М. : ИЦ Вентана-Граф, 2005. — С. 57–66.

Автор

Огоновская Изабелла Станиславовна — канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарного образования, Специализированный учебно-научный центр, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, (Россия, Екатеринбург, 620137, Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30, e-mail: lyceum@urfu.ru).

Ogonovskaya I. S.

Children — Parents — School: Integration Efforts Family and School in the Upbringing of the Respectful Attitude the Institution of the Family

Preparation for family life is considered as a pedagogical problem that requires joint efforts of all subjects of the educational process — parents and their children, teachers and their social partners — psychologists, doctors, social workers. The possible directions and forms of activity of teachers and parents aimed at education of the younger generation on the basis of such national value as a family are shown.

Keywords: family, school, upbringing, parents, children, teachers, mutual understanding.

References

1. Dzhurinsky A. N. Development of education in the modern world: Studies. benefit. — M.: Humanit. ed. center VLADOS, 1999. — 200 p.

2. Klyuchevsky V. O. Two educations // V. O. Klyuchevsky. Compositions. In 9 T. T. IX. Materials of different years. — M.: Thought, 1990. — 528 p.

3. Lesgaft P. F. Family upbringing of the child and its meaning // Wisdom of great teachers. — Moscow: OLMA media Press, 2013. — P. 209–223.

4. Pedagogical diagnostics in the work of the class teacher / Comp. H. Ah. Panchenko. — Volgograd: Teacher, 2007. — 94 p.

5. Ushinsky K. D. on the benefits of pedagogical literature // the Wisdom of the great teachers. — Moscow: OLMA media Press, 2013. — P. 144–151.

6. The fundamental core of the content of General education / edited by V. V. Kozlov, A. M. Kondakov. — Moscow: Enlightenment, 2009. — 24 p.

7. Chepurnykh E. E., the Education of the younger generation is a common task for modern Russia // Educate person: Sat. normative — legal, scientific-methodical, organizational and practical materials on problems of education. — M.: CI Ventana-Graf, 2005. — P. 57–66.

Author

Ogonovskaya Isabella Stanislavovna — candidate of historical Sciences, associate Professor at the Department of Humanities Specialized educational scientific center (SESC), Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (620137, Russia, Ekaterinburg, Zverev-str., 30, e-mail: lyceum@urfu.ru).

УДК 316.356.2

Павлов Б. С.

ТРЕХДЕТНАЯ МОЛОДАЯ СЕМЬЯ НА УРАЛЕ: ВАЖНЫЕ ПРОЖЕКТЫ И РЕАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ[1]

В статье анализируются некоторые аспекты демографической политики РФ, связанные с депопуляцией населения в 1990-е гг. прошлого столетия. Используя официальные оценки состояния, целей, задач, средств и трудностей процесса народосбережения в России в текущие и предстоящие десятилетия, автор выделяет четыре основные противоречия, преодоление которых, по его мнению, обеспечит продуктивное решение поставленных задачхи и реализацию намеченных стратегических государственных прожектов: а) неблагополучие экологии здоровьесбережения; б) приоритетность: производства капитала или человека; в) диссонанс межпоколенческих интересов в родительской семье; г) традиции и новации в процессе социализации поколений.

Активизацию массового демографического поведения российских семей, в частности, выход отечественного социума в режим расширенного воспроизводства населения, автор связывает, прежде всего, с формированием в сознании молодых людей приоритета устойчивой модели собственной молодой семьи с 2–3 детьми.

Опросы, на данные которых опираются автор статьи, проводились им в 2003–2017 гг. в учебных заведениях и на предприятиях как Уральского, так и в других регионов РФ.

Ключевые слова: родительская семья, демографическое поведение, профессиональная социализация, школа, ВУЗ, труд, жизненные ценности, Урал

Считаем необходимым началу заявленной статьи предпослать некоторые методологические посылы классиков социально-экономической мысли. Еще К. Маркс отмечал, что «в конце концов, природа и история — это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя» [6, т. 39, с 56]. Здесь подчеркивается не только природно-экологическая обусловленность жизнедеятельности народонаселения, отдельных семейных групп, но и ее зависимость от многообразной социальной деятельности людей в конкретно-пространственной среде. Важно и другое: классики относили семейно-брачные отношения к числу наиболее устойчивых, «застойных» и поддерживающих цементирующее воздействие традиций и обычаев. Семья, семейные отношения не есть чисто личные, групповые отношения, ибо «производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляется

[1] © Павлов Б. С. Текст. 2018.

Статья выполнена при поддержке Программы Президиума РАН № 6 Проект «Научно-методический инструментарий социоэкономической оценки ресурсообеспеченности домохозяйств как фактора динамичного развития регионов № 18–6–7–39.

сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения» [6, т. 3, с. 28].

На переломе XX-XXI вв. институт российской семьи переживал кризисный этап развития и, в первую очередь, в плане деформации демографического поведения. В конце 1991 г. демографическая ситуация в России «скатилась» на новый качественный уровень: впервые показатели смертности в России превысили показатели рождаемости. Началось сокращение населения России, иначе говоря, началась депопуляция, продолжавшаяся более десятка лет.

Корни сложившейся в России к концу XX в. ситуации уходят в середину 60-х — начале 70-х гг., когда Советскому Союзу, в отличие от стран Запада, не удалось преодолеть кризис нарастания смертности, в результате чего имела место стагнация архаичной структуры причин смерти и связанная с этим тенденция медленного роста смертности и сохранения низкой продолжительности жизни. Несмотря на рост общей численности населения, продолжавшийся до 1992 г., отставание в продолжительности жизни от развитых стран мира увеличилось с 0,5–1 года в 1965 г. до 5–7 лет к 1990 г. и до 10–15 лет к началу XXI в. Пришедшийся на начало 90-х гг. период экономических реформ только усилил уже существовавшие негативные процессы, которые, так или иначе, сопровождали развитие российского социума на протяжении дух десятков лет [1, 4, 9]

11 ноября 2017 г. на Заседании Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей, Президент РФ отмечал: «Сегодня — в основном в силу объективных причин — демографическая ситуация снова обостряется. Эта тенденция была предсказуемой, она связана с последствиями предыдущих, наложившихся друг на друга глубоких демографических спадов. Имею в виду спад во время Великой Отечественной войны, 1943–1944 годы, и примерно такой же спад в середине 1990-х годов в связи с огромными проблемами, которые возникли в экономике, и, по сути, развалом в социальной сфере» [3].

…Вынужден констатировать: достигнутые нами экономические результаты еще весьма и весьма скромны… Четверть российских граждан по-прежнему имеет доходы ниже прожиточного минимума. Четверть населения страны!» [16].

Своевременность и правильность выбранного курса демографической политики в РФ в начале 2000-х гг. были подчеркнуты в очередном Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. «Наша демографическая политика доказала свою результативность. Мы продлили программу материнского капитала, предусмотрели адресные выплаты при рождении первенца, второго и третьего ребенка… Необходимо… и в предстоящее десятилетие обеспечить устойчивый естественный рост численности населения России…» [20].

Более пристальный анализ приведенных выше фрагментов ряда посланий Президента РФ Федеральному собранию позволяет сделать

вывод, что в них не только довольно четко выявлены причины и состояние депопуляционных процессов в РФ в 90-е гг., но и обозначены цель, задачи и средства решения этой жизненно важной государственной проблемы: «Фактически нам нужно перезагрузить нашу политику демографического развития. Что касается рождаемости, то на первый план выходит поддержка многодетных семей, семей со скромными доходами, создание дополнительных стимулов для рождения второго и третьего ребенка» [3].

В условиях ощутимого спада уровня общей рождаемости демографической политике в России в первую очередь, предстоит решение задачи по формированию у населения (прежде всего, у молодой его части) устойчивых ценностных ориентаций и поведенческих акций на создание двухдетных семей (обязательно) и трехдетных (очень желательно!).

Накопленный эмпирический и теоретико-аналитический материал позволяет быть уверенным в том, что в предстоящие 20–30 лет проведение активной демографической политики в России будет сопряжено с преодолением четырех основных ощутимых противоречий в поступательном социально-демографическом развитии российского социума: Во-первых, противоречие между ухудшением состояния экологии человека (природной и социальной) и его здоровьесбережением. Биологическое воспроизводство потомства предполагает соответствующий уровень здоровья родителей и их детей. Как известно, эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 80-х гг. XX в. определили ориентировочное соотношение различных факторов обеспечения здоровья современного человека, выделив в качестве основных четыре группы таких факторов, на основе которых в 1994 г. Межведомственная комиссия Совета безопасности Российской Федерации по охране здоровья населения в Федеральных концепциях «Охрана здоровья населения» и «К здоровой России» определила это соотношение применительно к нашей стране следующим образом: а) генетические факторы — 15–20 %; б) состояние окружающей среды — 20–25 %; в) медицинское обеспечение — 10–15 %; г) условия и образ жизни людей — 50–55 %. При этом величина вклада отдельных факторов разной природы на показатели здоровья зависит от возраста, пола и индивидуально-типологических особенностей человека [21]. О проблемах неблагополучия экологии и здоровья населения в России «не говорит только ленивый». Условно обозначим это противоречие, как «неблагополучие экологии — здоровьесбережение».

Во-вторых, противоречие между долгосрочными (стратегическими) интересами производства вещей, предметов и капитала, с одной стороны и производством самого ЧЕЛОВЕКА, с другой. Нам представляется, что в общем процессе воспроизводства общественной жизни с позиций целеполагания развития социумов в разных общественно-экономических системах можно выделить три составляющие их этапа. Так, фактическую (а не декларируемую) сущность идеологической концепции построения

российского социализма (подразумевается практика СССР), можно представить схематично так:

а) модель «развитого социализма»:

Производство-СРЕДСТВО:	Производство-ЦЕЛЬ:
Производство человека Производство идей	Производство вещей — «достаток, изобилие, равенство»

При переходе российского общества на рельсы рыночной экономики и соответствующих общественных отношений предлагается выделять четвертое сравнительно самостоятельное производство в общем воспроизводственном процессе — производство денег. Схематично представим две раскладки производств, олицетворяющие две основные модели общественного развития в условиях пореформенной России:

б) модель «дикого капитализма»:

Производство-СРЕДСТВО:	Производство-ЦЕЛЬ:
Производство человека Производство вещей Производство идей	Производство денег — «богатство, власть»

в) модель социально ориентированной экономики:

Производство-СРЕДСТВО:	Производство-ЦЕЛЬ:
Производство вещей Производство денег Производство идей	Производство ЧЕЛОВЕКА — «гуманизм, социальная справедливость»

Исходя из этого, критерием общественного прогресса, что во многом тождественно критерию прогрессивного развития производства человека, на наш взгляд, необходимо считать следующее. С одной стороны, это адекватное растущим потребностям производства человека производство материальных и духовных благ в соответствующих сферах общественного производства, и, с другой — степень планомерной и целенаправленной реализации этих благ в непосредственном производстве человека [7].

В-третьих, противоречия в сфере взаимосотрудничества поколений «ДЕДОВ, СЫНОВЕЙ и ВНУКОВ» в самом институте родительской семьи. Истоки этого противоречия коренятся в распределении и перераспределении финансово-трудовой нагрузки и взаимоответственности между членами родственной группы в процессе естественно-исторической смены поколений. Рождение и вскармливание более многочисленного потомства в родительской семье, его социализация в течение 2–3 десятков лет требуют от старших поколений и больших внутригрупповых инвестиций (своеобразных социальных жертв в виде снижения уровня жизни, дефицита жилой площади, свободного времени, потери профессионализма, рост жизненных рисков, стрессов, ответственности и т. д.), без твердой уверенности в адекватных социально-экономических и нравственно-этических

дивидендах в будущем (скажем, через 20–30 лет, «в старости»), как от самих детей, так и общества в целом. Лакмусовая бумажка проявления подобной имеющейся «нестыковки» процесса сотрудничества поколений — получившие в настоящее время широкое распространение феномены «безбабушкиных» детей и «безвнучатых бабушек». Условно обозначим это противоречие, как «диссонанс межпоколенческих интересов в родительской семье».

В-четвертых, противоречия конструктивного (продуктивного) совмещения традиций и новаций в процессах социально-биологического выращивания и социализация новых поколений, как в семейной, так и общественной сферах жизнедеятельности. Речь идет о правомочности тотальной замены старых (традиционных) принципов, подходов, средств, методик и методов развития, обучения, научения и профессионализации взрослеющих детей на новые «современные» инструменты влияния, воспитания и социализации потомства (как первичной, так и вторичной). Одна из корневых острых (дискуссионных) проблем, например, — выработка необходимых социально-педагогических технологий формирования в личности молодого человека общественно необходимых профессионально-трудовых качеств, культуры потребления и ценностных гуманистическо-созидательных ориентаций. На пике этого противоречия — определение места и роли ПЭВМ и интернета в социализационном процессе. Условно обозначим это противоречие, как «традиции — новации в процессе социализации поколений».

Попытаемся с «цифрами в руках» показать некоторые особенности демографического поведения уральской молодёжи и молодых семей в регионе.

Для эмпирического подкрепления наших последующих доводов, выводов и предложений воспользуемся материалами ряда комплексных региональных исследований по проблемам демографического поведения различных социальных групп и слоев уральского населения, проведённых нами в 1999–2017 гг.:

— 1999 г. — в апреле — июне 1999 г. по одной стандартизированной анкете был проведен опрос 1360 отцов и матерей среднего возраста, в семьях которых воспитывается подросток в возрасте 15–17 лет. Опрос проводился в шести субъектах РФ: в Самарской, Свердловской, Челябинской и Читинской областях, а также в гг. Надыме и Нижневартовске («***Зрелая Семья РФ-1999***»);

— 2007 г. — в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ — 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ — 540 чел.; в) родители учащихся городских школ — 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) 32 городских предприятий

Свердловской и Челябинской областей — 570 чел.; д) специалисты властных структур, преподаватели школ — 220 чел.[1] («***Семья-2007***»);

— 2007 г. — опрос 200 экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО («***Женский труд-2007***»);

— 2014 г. — по квотной выборке опрошены 150 экспертов, представителей четырех основных социально-профессиональных групп: а) преподаватели общественных наук в вузах — «ВУЗ» — 50 чел.; б) 50 — специалисты областных, городских и районных социальных служб — «Организаторы» — 50 чел.; в) 50 — специалисты в сфере социальных наук — «Наука» — 50 чел. («***Детство-Семья-2014***»);

— 2017 г. было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частно-сти, опрос 1000 студентов первых и четвёртых курсов четырёх уральских вузах на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ — г. Челябинск) — 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ — г. Екатеринбург) — 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) — 100 чел.; г) в трех институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) — 300 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) — 400 чел («***Урал-ВУЗ-2017***»).

Прежде всего, ответим на вопрос, каковы основные жизненные ценности в уральских семьях. Данные социологических опросов, проведенных в крупных городах России, в том числе и наши исследования, показывают сравнительную стабильность базовых ценностных ориентаций основных социальных групп российского (в нашем случае — уральского) населения. Ответы респондентов на вопрос анкеты «*Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять „самых-самых" важных для Вас*» («***Семья-2007***») представлены в таблице 1.

Нетрудно видеть, что такие базовые жизненные ценности, как хорошая семья и дети, хорошее здоровье, любимая работа, материальное благополучие и хорошие жилищные условия занимают первые пять позиций и у подростков, и у их родителей. Небезынтересно и другое. Как показало наше исследование, иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, молодых людей, живущих в городе и в сельской местности, практически идентична. Десятки других наших исследований, проведенных за последние 50 лет, показывают перманентную стабильность иерархии жизненных ценностей уральских семей [4, 5, 8, 9–11].

Вместе с тем было бы наивным не видеть наличие существенных различий у респондентов в понимании самих феноменов «хорошая семья»,

[1] Эмпирические материалы этого исследования использованы, помимо всего, в диссертации д-ра социол. наук В. Д. Паначева.

Таблица 1

Жизненные ценности и предпочтения различных групп населения Урала (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся		родители	молодые рабочие
	город	село		
Хорошая семья и дети	87	88	86	91
Хорошее здоровье	68	70	80	76
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	72	62
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	65	79
Хорошие жилищные условия	42	46	27	52
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	16	11
Содержательный, интересный досуг, возможность заниматься любимыми увлечениями	27	20	23	11
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	40	17
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	47	37
Чувство безопасности от насилия, грабежа, разбоя, воровства	21	16	22	13
Другие	1,6	1,5	2,1	0,5

«хорошие жилищные условия», «хорошая работа». Для одних, например, понятие «хорошая семья» ассоциируется с наличием двух-трех детей, у других — с одним ребенком, «позволяющим», с одной стороны, реализовать естественную материнскую (отцовскую) потребность, а с другой — не слишком обременяющим для поддержании материального благополучия семьи, не мешающим трудовой карьере и досуговым занятиям своих родителей.

Логичным будет здесь выяснить вопрос, какую «норму» детности в своих семьях устанавливают россияне в целом, в том числе на Урале. Обратимся к результатам нашего общероссийского исследования «***Зрелая Семья РФ-1999***». Респондентам предстояло ответить в анкете на два сопряженных вопроса: а) как Вы считаете, сколько должно быть детей в «нормальной» семье; б) можете ли Вы сказать, сколько будет детей в вашей семье. Вот как ответили российские родители в конце XX в. (% от общего числа опрошенных, в числителе ответ на вопрос «должно быть», в знаменателе «будет у нас»):

Число детей в одной семье ..... % / %
один..... 4 / 16
двое. .....70 / 56

трое. .....23 / 11
4 и более..... 2 / 6
ни одного. ..... 1 / —
трудно сказать.....0- / 12

Нетрудно видеть, что к началу XXI в., согласно данным опроса, российские семьи считали, что институт «нормальной семьи» в России «должен» обеспечить простое воспроизводство населения (около 22–23 детей в расчете на 10 семей). В то же время в реально сложившейся обстановке на тот период, семьи были ориентированы на меньшее, «чем социальная норма» среднестатистическое число детей (около 19–20 детей — на 10 семей). С учетом других социально-демографических неблагоприятных факторов, следствием таких репродуктивных установок семей является продолжение депопуляционного режима воспроизводства населения в РФ, установившееся в начале 90-х гг.

Немаловажным для анализа заявленной нами проблемы будет отметить существенную разницу в демографическом поведении (уровне реального детовоспроизводства и демографических планах) российских семей. В опросе «***Зрелая Семья РФ-1999***» для анализа взяты два уже упомянутых выше вопроса: «должно быть» и «будет», в разных регионах РФ (табл. 2).

Для компетентного и заинтересованного читателя данные таблицы могут служить основой многих важных выводов относительно текущей и прогнозируемой ситуации в сфере демографического поведения населения и соответствующих практических мер федеральной и региональных демографических (семейных, молодежных) политик. С приведенными выше показателями во многом корреспондируются и результаты опроса «***Урал-ВУЗ-2017***».

Учитывая ограниченные размеры статьи, дадим лишь краткий комментарий общетеоретического характера. В каждом конкретном случае социально-демографическая ситуация и доминирующие тенденции в

Таблица 2

Демографические планы и поведение уральских семей в разных регионах РФ (% от общего числа опрошенных по каждому региону РФ; в числителе ответы на вопрос «должно быть», в знаменателе — ответ на вопрос «будет»)

Число детей в одной семье:	Субъект РФ					
	Область				Округ	
	Свердловская	Самарская	Челябинская	Читинская	ХМАО	ЯНАО
	% / %	% / %	% / %	% / %	% / %	% / %
Один	4 / 12	6 / 22	6./ 30	4 / 23	6 / 13	1 / 14
Двое	71 / 52	72 / 57	71 / 42	71 / 55	66 / 54	70 / 57
Трое	21/ 15	18 / 4	22 / 7	22 / 8	24 / 14	25 / 10
Четверо и более	3 / 5	— / 1	— / 12	— / 3	4 / 12	3 / 1
Ни одного	1 / —	4 / -4	— / —	— / —	— / —	— / —
Трудно сказать	— / 16	— / 12	/ 9	— / 11	— / 9	— / 18

демографическом поведении являются результатом взаимодействия общероссийских, региональных и локальных факторов. Условия для развития демографических процессов формируются под воздействием не только производственно-экономических, но и социально-психологических, социально-биологических факторов, политико-юридической надстройки и др. Вполне понятно, что в совокупности факторов, влияющих на демографическое поведение, устанавливается взаимосвязанная соподчиненность. При этом отношении и роль каждого фактора могут быть различными в разных регионах страны, отличающихся своеобразием социально-экономической обстановки, особенностями течения тех или иных социальных процессов, ибо «один и тот же экономический базис, один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств» [6, т. 25, ч. II, с. 354].

Следует признать, что решение проблемы сохранения на желательном для общества уровне репродуктивной потребности коренится не только в изменении экономической ситуации, но и, прежде всего, в сфере ценностных ориентаций. Сегодня стремление к росту уровня жизни, потребительскому обогащению, повышению социального статуса зачастую исключает из представления о благополучии подлинную ценность человеческого бытия — семью с детьми. Только специальное воздействие способно возродить потребность молодой семьи в нескольких детях, поэтому на повестке дня — просемейная политика государства и, что во многом синонимично, политика в отношении молодой семьи, преобразования в экономике в интересах семьи с детьми.

Нужна ли работодателю молодая мать? Прежде всего, обратим внимание на то, что женщины активно участвуют в преобразованиях российской экономики. За последние два десятилетия их соотносительная доля в общем числе занятых в общественном производстве РФ составляла около 50 %. А какова позиция работодателей относительно необходимости трудозанятости молодых матерей в регионе? На необходимость ее оптимизации указали 44 % опрошенных нами уральских экспертов — «***Женский труд — 2007***». Основное социальное противоречие, сложившееся в сфере занятости россиянок, заключается в том, что, с одной стороны, рыночная модель позволяет свободно развиваться женской экономической инициативе, самостоятельности, независимости в выборе форм занятости. С другой стороны, в условиях перехода к рынку женщины оказываются менее социально защищенными в сфере труда, чем мужчины. Нашим экспертам задавался вопрос: «*Представьте ситуацию: Вам необходимо выбрать и принять на освободившуюся вакансию (на рабочее место) молодую женщину-работницу. Итак, лишь три из пяти предлагаемых кандидатур (при условии их*

Таблица 3

Предпочтения уральских предпринимателей в наборе женской рабочей силы варианты ответов на вопрос «*Представьте ситуацию: Вам необходимо выбрать и принять на освободившуюся вакансию (на рабочее место) молодую женщину-работницу. Итак, лишь три из пяти предлагаемых кандидатур (при условии их равного возраста и уровня квалификации, здоровья и т. п.) Кого вы предпочтете?*», % от общего числа опрошенных по каждой группе)

Варианты ответов		Группа экспертов по субъектам РФ				
		Свердл. обл.	Тюмен. обл.	Челяб. обл.	ХМАО	ЯНАО
Предпочли бы принять на работу специалиста-женщину						
семейную, живущую с мужем:	без детей	15	21	24	17	5
	один ребенок	43	57	40	43	21
	двое детей	63	43	43	40	39
молодую мать, воспитывающую ребенка без мужа		20	14	24	17	12
незамужнюю, бездетную		28	24	38	24	26
Семейное состояние роли не играет		43	57	60	48	65

равного возраста и уровня квалификации, здоровья и т. п.) Кого вы предпочтете?». Распределение полученных ответов представлено в табл.3).

Прежде всего, уточним, что каждому респонденту разрешалось использовать только три варианта ответа. Как показал опрос, от 43 % опрошенных (Свердловская область) до 65 % (ЯНАО) отметили в числе «разрешенных» трех вариантов формулировку «семейное состояние роли не играет». При этом, имея «в запасе» два-три варианта ответов, практически все респонденты выразили предпочтения тому или иному семейному статусу молодых женщин-работниц. Судя по ответам предпринимателей, замужняя молодая женщина, не родившая еще ребенка, имеет в несколько раз меньший шанс устроиться на работу, чем ее конкурентка на рабочее место, имеющая двух детей и воспитывающая их с мужем.

В Свердловской области, например, 63 % предпринимателей отдают предпочтение в приеме на работу двухдетным работницам, 43 % — однодетным и лишь 15 % — замужним, но пока бездетным (на момент подачи заявления в отдел кадров) молодым женщинам, а 28 % предпринимателей предпочитают решать свои кадровые проблемы за счет приема на работу бездетных незамужних женщин-работниц (заметим, что в этом случае возраст не оговаривается).

Объяснения этому не столь уж сложны. Предприниматели — организаторы производства, как правило, не желают брать на себя «обузу» по воспроизводству человеческого потенциала, а зачастую — и воспроизводству рабочей силы. В этом коренятся причины плачевного состояния системы общественного призрения и воспитания детей (детское дошкольное воспитание, а также организация трудового взросления школьной (учащейся)

молодежи, летнего оздоровительного отдыха детей, развития физической культуры и спортивной деятельности, формирование благополучного валеологического самочувствия детей, подростков, молодежи в целом и т. д.). Эти заботы государство переложило преимущественно на плечи семьи. Но даст ли подобное «перепоручительство» государству (обществу) желаемый результат? [12, 14]

Каковы основные пути и средства активизации репродуктивного поведения семей по мнению самих работодателей? Обратимся к результатам нашего опроса. «***Женский труд — 2007***». На вопрос анкеты «*Как Вы считаете, что могло бы реально повлиять на повышение рождаемости в России, появление в семье второго и особенно третьего ребенка?*» ответы экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО, распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных — 200 чел.):

Обеспечить нормальные жилищно-бытовые условия семьям с детьми 72

Обеспечить отцов хорошей работой 62

Организовать работу детсадов с доступной оплатой 56

Организовать доступную медицинскую помощь матери и детям 48

Снизить цены на детские товары 46

Дать возможность матерям работать и хорошо зарабатывать 44

Повысить денежную компенсацию за рождение очередного ребенка 30

Повысить престиж материнства и отцовства в российском обществе 28

Улучшить работу женских консультаций, служб планирования семьи 23

Повысить экономическую и нравственную заинтересованность бабушек в воспитании своих внуков 9

И еще один немаловажный аспект проблемы. Приоритетными сферами социальной защиты и адаптации молодежи в условиях социальных изменений в современном российском обществе, в том числе в городах и поселениях Урала и Сибири, являются сферы профессиональной занятости, ориентации и образования. Они во многом зависят не от молодежи, а от общества, государства, региональных (муниципальных) властных структур. Именно здесь, по нашему мнению, необходимо искать наиболее важные основания для построения всей системы социальной защиты российской молодежи. Без них немыслимо решение всех других ее социальных проблем, включая жилищную, досуговую, семейно-брачную и иные. Вместе с тем, не секрет, что в настоящее время многие законодательные инициативы, государственные акции, направленные на решение проблем семьи и детства, проблем молодежной политики, мягко говоря, «пробуксовывают», «не работают» на региональном и муниципальном уровнях. В

связи с этим в опросе «***Детство-Семья-2014***» экспертов просили ответить на вопрос: «*Как Вы считаете, какие основные причины подобного рассогласования, с одной стороны, „требований верхов" и с другой — неадекватной реакции на них „низов управления"*?».

Мнения уральских экспертов об основных причинах неэффективности российского законодательства, направленного на регулирование социальной и молодежной политики приведены ниже (% от общего числа опрошенных — 150 чел.):

резкое социально-экономическое расслоение населения.....55

безразличие, незаинтересованность структур управления в эффективном решении проблем семьи и детства.....53

бюрократизм, коррумпированность сферы управления учреждениями семьи и детства.....45

низкая правовая культура и общественная активность населения 44

«застойность форм и методов работы государства и общественности с «семьями риска».....42

несовершенство правовой базы.....38

недостаток квалифицированных кадров воспитателей наставников, социальных работников.....37

слабая материально-финансовая база детских учреждений (детских домов, детских учреждений культуры, спорта и т. д.) 33

низкая исполнительская культура и дисциплина чиновников в органах управления и исполнения.....33

социально-психологические трудности работы с неблагополучными семьями и с детьми-девиантами 33

негативное общественное мнение в отношении помощи неблагополучным семьям, бомжам, беспризорникам.....19

Интерпретацию полученных данных предоставляем заинтересованным и компетентным читателям.

Положение молодежи, ее поведение не может быть улучшено, если пытаться решать эту проблему вне контекста общих проблем того или иного социума. Нынешний кризис носит не временный характер, он отражает тенденции, которые зародились в прошлом и продолжатся в будущем. Поэтому их решение может быть достигнуто лишь в общенациональном контексте, на долгосрочной основе, при полном осознании теснейшей зависимости и взаимозависимости экономических реформ и эффективной социальной, в том числе молодежной, политики. При этом, как отмечал замечательный российский педагог К.Д. Ушинский, «возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных заведений» [22, с. 284].

И, последнее замечание. На одном из совещаний, посвященных проблемам демографии в России, в своем выступлении В.В. Путин обратил

внимание на то, что в свое время российская императрица Екатерина II, одна из наиболее эффективных руководительниц России в число приоритетов работы российских губернаторов включала рост численности народонаселения. «И она была права абсолютно, подчеркнул Президент. И для нас сегодня эта проблема, этот вопрос, является абсолютно актуальным, без всякого преувеличения — на первом месте стоит. Убежден, для современных губернаторов это должно быть задачей номер один, так же как и в прежние времена» [2]. Добавим только, к этому «региональному рецепту» лечения демографических болезней: приоритетами такой деятельности губернаторов, очевидно, должны стать не только городская, но и сельская семья, село в целом.

Список источников

1. *Артюхов А. В., Павлов Б. С., Стожаров А. В.* Семья северян. Традиционность и новации. По материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера. — Екатеринбург; Салехард: ИЭ УрО РАН, 1999. — 208 с.

2. В. В. Путин провёл совещание по демографической политике [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.htm (дата обращения: 28.11.17).

3. Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей [Электронный ресурс] URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56228 (дата обращения: 28.11.17).

4. *Коган Л. Н., Павлов Б. С.* Молодой рабочий. Вчера, сегодня. — Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. — 175 с.

5. *Коган Л. Н., Павлов Б. С., Поляничко В. П.* Трудовые династии Оренбуржья. — Оренбург, 1977. — 95 с.

6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2- изд.

7. *Павлов Б. С., Анисимов С. А.* Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. — 603 с.

8. *Павлов Б. С.* Воспроизводство человеческого потенциала в регионе. Теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа. На примере Урала / Институт экономики УрО РАН, УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. — Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2014. — 575 с.

9. *Павлов Б. С., Колунина Э. Г.* Воспроизводство общественной жизни в интерьере бедности семей на Урале. Ч. I. Вопросы теории и практики социологического анализа. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2004. — 90 с.

10. *Павлов Б. С.* Матери, отцы, дети. Социологический очерк. — М. : Сов. Россия, 1984. — 192 с.

11. *Павлов Б. С.* Из школьного в рабочий класс. — М.: Сов. Россия, 1989. — 240 с.

12. *Павлов Б. С.* Семейная политика в регионе. Симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. — 2010. — № 3. — С. 58–69.

13. Городская власть и горожане. Прямая и обратная связь. Дайджест-информация по итогам 5 массовых опросов населения г. Екатеринбурга: 1997–1998 г. / Павлов Б. С., Силин Я. П., Татаркин А. И., Анисимов С. А., Юрпалов С. Ю. и др. — Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 1998. — 122 с.

14. *Павлов Б. С.* Труд молодой матери на Урале: социально-экономический анализ // ЭКО. — 2012. — № 9. — С. 139–152.

15. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 18 апреля 2002 года [Электронный ресурс]. URL: // http://kremlin.ru/events/president/news/42848 (дата обращения: 05.01.18).

16. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 года [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21998 (дата обращения: 05.01.18).

17. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 мая 2004 г. [Электронный ресурс] URL: // http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22494 (дата обращения: 05.01.18).

18. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: // http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931 (дата обращения: 05.01.18).

19. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 11 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2006/05/11/poslanie-dok.html (дата обращения: 05.01.18).

20. Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс] Режим доступа // http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения: 3. 03.18).

21. *Тихомирова И. А.* Физиологические основы здоровья. Краткий курс лекций по валеологии. — Ярославль, ГОУ ВПО ЯГПУ, 2007 [Электронный ресурс]. URL://http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met73/ met73.html (дата обращения: 14.4.18).

22. *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические произведения. — М. : Просвещение, 1968. — 560

Информация об авторе

Павлов Борис Сергеевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

Pavlov B. S.

Young Family with Three Children in the Urals: Important Dreams and Real Expectations

In article some aspects of population policy of the Russian Federation connected with depopulation of the population in the 90th years of last century are analyzed. Using official estimates of a state, the purposes, tasks, means and difficulties of process of a narodosberezheniye in Russia in the current and forthcoming decades, the author allocates four main contradictions which overcoming, according to him, will provide productively to solve objectives and to realize the planned strategic state pipe dreams. It contradictions: a) «trouble of ecology health-saving»; b) «priority: production of the CAPITAL or production of the PERSON»; c) «a dissonance of intergenerational interests in parental family» and d) «traditions — innovations in the course of socialization of generations».

In particular, an exit of domestic society to the mode of expanded reproduction of the population the author connects activization of demographic behavior of the Russian families, first of all, with formation in consciousness of young people of a priority of steady model of own young family with 2–3 children.

Polls, on which data are based the author of article, were held by him in 2003–2017 in educational institutions and at the enterprises both in Ural, and to others of regions of the Russian Federation.

Keywords: parental family, demographic behavior, narodrosberezheniye, ecology, female labor, traditions, innovations, vital values, Urals

References

1. Artyukov A. V., Pavlov, b. s., Stozharov, A. V. Family of northerners: traditionalism and innovations (based on sociological studies of families in the cities and towns of the Russian North). — Ekaterinburg; Salekhard: IE Uro RAS, 1999. — 208 p.

2. Vladimir Putin held a meeting on demographic policy [Electronic resource]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.htm (date of issue: 28.11.17).

3. Meeting of the coordination Council for the implementation of the National strategy for children [Electronic resource]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56228 (accessed: 28.11.17).

4. Kogan L. N., Pavlov Young worker: yesterday, today. — Sverdlovsk : Middle Ural book publishing house, 1976. — 175 p.

5. Kogan L. N., B. S. Pavlov, V. P. Polyanichko Labor dynasty of the Orenburg region. — OrenBurg, 1977. — 95 p.

6. Marx K., Engels F. SOBR. Op. 2 ed.

7. Economic behavior of young people in the Urals: social-but-psychological analysis / Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia. Yeltsin. — Ekaterinburg: Institute of Economics, Uro RAS, 2016. — 603 p.

8. The Reproduction of human potential in the region: theoretical and methodological aspects of socio-economic analysis (by the example of the Urals) / Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Urfu The First President Of Russia B. N. Yeltsin. — Yekaterinburg: IE UrO RAN, 2014. — 575 p.

9. Pavlov, G. E. Kolunin, Reproduction of social life in the interior of poverty of families in the Urals. — Part I. the theory and practice of sociological analysis. — Yekaterinburg : IE UrO RAN, 2004. — 90 p.

10. Pavlov, Children, fathers and mothers: Sociological essay. — M. : Owls. Russia, 1984. — 192 p.

11. B. S. Pavlov from school to the working class. — M.: Owls. Russia, 1989. — 240 p.

12. Pavlov B. S. Family policy in the region: the symbiosis of economic and moral // Journal of economic theory. — 2010. — No. 3. — P. 58–69.

13. B. S. Pavlov, Y. P. Silin, Tatarkin A. I., Anisimov A. S., Uralov, S. Yu. and Town sky authorities and citizens and direct feedback. Digest — information on the results of 5 mass surveys of the population of Yekaterinburg: 1997–1998. — Ekaterinburg : IE UrO RAN, 1998. — 122 p.

14. Pavlov, A young mother In the Urals: socio-economic analysis // IVF. — 2012. — No. 9. — P. 139–152.

15. Message to the Federal Assembly of the Russian Federation on 18 April 2002 [Electronic resource]. URL: // http://kremlin.ru/events/president/news/42848 (date accessed: 05.01.18).

16. Message to the Federal Assembly of the Russian Federation on 16 may 2003 [Electronic resource]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21998 (date accessed: 05.01.18).

17. Message to the Federal Assembly of the Russian Federation 26 may 2004 [Electronic resource] URL: // http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22494 (date of application: 05.01.18).

18. Message to the Federal Assembly of the Russian Federation 25 April 2005 [Electronic resource]. URL: // http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931 (date accessed: 05.01.18).

19. Message to the Federal Assembly of the Russian Federation on may 11, 2006 [Electronic resource]. URL: https://rg.ru/2006/05/11/poslanie-dok.html (date accessed: 05.01.18).

20. President's message to the Federal Assembly March 1, 2018 [Electronic resource]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (date of application: 3. 03.18).

21. Tikhomirov I. A. the Physiological basis of health. Short course of lectures on Valeologic. Yaroslavl, GOU VPO YAGPU, 2007 [Electronic resource]. URL: http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met73 / met73.html (date accessed: 14.4.18).

22. Ushinsky K. D. Selected pedagogical works. — Moscow: Education, 1968. — 560.

Authors

Pavlov Boris Sergeevich — Russia, Ekaterinburg, Ph.D., Professor, Senior Research Fellow Institute of Economics, Ural Branch of RAS; Professor Physics and Technology Institute of the Ural Federal University named after the Fist President of Russia B. N. Yeltsin (620014, Ekaterinburg, Moskovskaya Str. 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

УДК 316.348.32–053

Павлов Б. С., Сарайкин Д. А., Кузьмин А. И., Павлов Д. Б.

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ОРИЕНТАЦИЮ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНТОВ[1]

Анализируются некоторые аспекты жизнедеятельности родительских семей, связанных с трудовым воспитанием и профессионадьной социализацией своих детей. Авторы уверены, что внутрисемейные отношения в рамках «отцы — дети» закладывают основу жизненных ценностей, ориентаций и экономического поведения молодых людей, во многом предопределяют контуры и содержание их трудовой и семейной жизни. Авторы обосновывают правомочность введения в сферу молодежной политики нового феномена «матримониальное волонтерство».

Опросы, на данные которых опираются авторы статьи, проводились ими в 2012–2017 гг. в учебных заведениях как в Уральского, так и в других регионов РФ.

Ключевые слова: родительская семья, профессиональная социализация, школа, вуз, труд, жизненные ценности, Урал

Теоретическое предположение Ф. Энгельса о том, что «семья дает нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество» [9, т. 21, с 70], наглядно иллюстрируется теми деформациями в различных сторонах жизнедеятельности российских семей, которые обусловливаются кризисными явлениями в экономике, социальной сфере, идеологии и морали, сопровождают развитие российского общества в последние 20–25 лет. Переходный исторический период, в хронологических рамках которого живет сегодня Россия, а с ней — и российская семья, формирует новые, доселе неизвестные социальные качества жизнедеятельности и поведенческие проявления семейных групп, адекватные этим условиям. Во многом элементы «первопроходности», связанные с социально-экономическими деструкциями, присущи и процессу профессиональной социализации взрослеющих детей, в котором «отцы и дети» вынуждены «ломать» традиционные ценностные ориентации, установки, формы повеления и способы достижения жизненных целей, которые были присущи далеким и не столь далеким их семейным пращурам.

Кризисное состояние, охватившее все сферы общественной жизни нашего общества, одновременно порождает противоречивые условия социализации личности. Особенность сложившейся ситуации состоит в разрушении прежних образцов поведения и системы его социальной регуляции. Почти все субъекты общественной жизни, утратив в той или иной степени

[1] ©Павлов Б. С., Сарайкин Д. А., Кузьмин А. И., Павлов Д. Б. Текст. 2018.

Статья выполнена при поддержке Программы Президиума РАН № 6 Проект «Научно-методический инструментарий социоэкономической оценки ресурсообеспеченности домохозяйств как фактора динамичного развития регионов № 18–6–7–39.

прежнюю социальную идентификацию, находятся в стадии трансформации и становления. Молодые люди поставлены в большинстве своем в условия, требующие самостоятельного выбора моделей поведения [3].

Процессы социализации и профориентации в современном российском обществе имеют свою специфику, связанную с особенностями социальной структуры и мобильности (разделение труда, проницаемость социальных границ). Исходя из задач анализа процесса профессиональной социализации, можно выделить ее основные особенности:

1. В традиционном обществе жизненный путь человека (в том числе его «профессиональная судьба») во многом (если, не исключительно) предопределен тем, к какой социальной группе принадлежат его родители. От рождения до смерти человек последовательно проходит несколько возрастных ступеней и на каждом этапе подвергается «предварительной социализации». В современном обществе социальная мобильность в целом, в том числе — профессиональная, носит вероятностный характер — практически с каждой стартовой позиции человек может попасть на множество других. Поэтому заранее невозможно подготовить человека к конкретной деятельности во всех значимых группах; в результате он сначала попадает в какую-либо группу, а затем начинает к ней адаптироваться (социализироваться).

2. Особенность социализации в современном обществе, в отличие от традиционного, — множественность и взаимонезависимость агентов социализации. В традиционном обществе нормы, действующие в разных агентах социализации, более согласованы. Для современного общества характерны ролевые конфликты — как следствие «мозаичного» характера социализации [5, с. 99].

Влияние родительской семьи на процесс профессиональной социализации своих детей с известной долей условности можно подразделить на три сравнительно самостоятельных этапа: а) период первичной социализации детей и подростков, связанный с трудовым воспитанием, профессиональной ориентацией, завершением их общеобразовательной учебы; б) поступление и учеба в учреждениях профессионального образования; в) профессионально-производственная адаптация молодых специалистов в сфере реальной экономики, образование молодых семей. При этом прохождение родительскими семьями каждого из выделенных этапов обусловлено особенностями социально-демографического состава этих малых социальных групп, уникальностью их жизненных судеб создания и функционирования [6, 17].

Наши многолетние исследования процессов профессионально-трудовой преемственности поколений в российских семьях позволяют утверждать, что социально-педагогическая деятельность родительской семьи правомерно может рассматриваться (на всех этапах онтогенетического развития детей) как особая форма социальной работы в сфере первичной

и вторичной социализации молодого поколения россиян[1], как своеобразное «матримониальное волонтерство» [13, 14, 18]. Попытаемся обосновать наше утверждение.

В толковых словарях русского языка понятие «матримониальный» трактуется практически однозначно: «От латинского matrimonialis, относящийся к женитьбе, к браку. Матримониальные намерения»[2].

Не менее важны для государства, российского общества сегодня и усилия семьи по формированию (социализации) молодых поколений. «Поступая в технический вуз, — отмечал Президент РФ, — молодой человек должен связывать с выбираемой профессией свое будущее, у него должны быть все условия и для получения качественного образования, и для последующего трудоустройства» [4]. Такая уверенность у молодых людей в подавляющем большинстве случаев сегодня нереальна без социально-экономического и духовного сопровождения профессиональной социализации их родителями, родительской семьей, родственниками в целом, которую мы предлагаем условно называть «матримониальным волонтерством».

В процессе поступательного движения общества от первобытной формации к наивысшей форме общественной организации мы наблюдаем закономерное снижение роли семьи ка производственно-хозяйственной единицы общества и повышение, усложнение ее социальной роли. Подробный анализ изменения социальной функции семьи в процессе исторического развития общества дан Ф.Энгельсом в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [9, т. 21]. Из российских авторов по этому вопросу см., например, Е.Г. Балагушкина [1]. Известный социолог семьи А.Г. Харчев предлагал выделить, «с одной стороны, специфические функции, вытекающие из сущности семьи и отражающие ее особенности как социального явления, с другой — такие функции, к выполнению которых семья оказалась принужденной или проспособленной в определенных исторических обстоятельствах» [23, с. 16]. Как отмечал в свое время Гегель, «семья в качестве лица имеет свою внешнюю реальность в некоторой собственности; в собственности она обладае наличием бытия своей субстациональной личности как в некотором имуществе» [2, с. 200]. В той мере, в какой семья сохраняет в современном российском обществе хозяйственно-экономический потенциал (единый бюджет, общее имущество, ведение домашнего хозяйства, организация потребления и т. д.), эта материальная основа обусловливает специфику семейных взаимоотношений, накладывает дополнительные обязанности, предопределяет взаимовыручку, поддержку, помощь, как в духовном, так и материальном плане.

Нам представляется, что компетентностная составляющая «волонтерской» деятельности родительской семьи, в силу ее институциональных характеристик достойна особого исследования в дальнейшем. Вместе с тем,

[1] В нашем случае — их детей — молодых уральцев, учащихся школ и вузов.

[2] Речь идет о словарях В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова.

активное приобщение родительских семей к процессу профессиональной социализации своих детей на этапе прохождения ими учёбы в вузе и последующей их адаптации на предприятии, связано с решением ряда организационно-методических проблем, по форме напоминающей своеобразное волонтерство.

Попытаемся операционально адаптировать рекомендации американских психологов на уровень организации социальной работы в уральском вузе. Поощрение волонтеров, по мнению М. Олчман М., П. Джордан, предполагает «организации (вузу — вставка наша — *авт.*) необходимо продумать методы поощрения волонтеров (родителей — *авт.*). Очень часто люди (администрация вузов) забывают, насколько важно поощрять тех, кто работает на них. Пощрения демонстрируют, насколько организация (вуз — авт.) умеет ценить людей (родителей — *авт.*). Волонтеры (родители — *авт. Б. С. Павлов*) тоже должны чувствовать благодарность за свой труд. Самая важная награда — слово спасибо. Создание благоприятной атмосферы для работ — тоже награда» [10].

На наш взгляд, подобная трансформация субъектно-объектных отношений в организации и развитии социальной работы в региональном техническом вузе может принести ощутимый эффект в процессе профессиональной социализации студентов. Учитывая возможности статьи, остановимся на накопленном нами социологическом материале изучения семьи. Конкретные социологические данные получены авторами в результате проведения ряда социологических опросов в вузах и школах городских и сельских поселениях Урала и ряда других регионов РФ (научн. рук. проф. Б. С. Павлов):

— 2008 г. — по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов — специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде. В числе опрошенных 327 подростков из числа так называемых, по оценкам учителей, «благополучных» и 338 — «трудных» («***Урал-Семья-2008***»).

— 2016 г. — в шести вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов с технической и гуманитарной направленностью обучения; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей («***Урал-ВУЗ-2016***»).

— 2017 г. — было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частно-сти, опрос 1000 студентов первых и четвертых курсов четырех уральских вузах на фа-культетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ — г. Челябинск) — 100 чел.; б) в Уральском госу-дарственном аграрном университете (УрГАУ — г. Екатеринбург) — 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС,

г. Екатеринбург) — 100 чел.; г) в трех институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) — 300 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) — 400 чел. 2017».

Качество трудовой жизни человека во многом определяется степенью его подготовленности к участию в трудовой деятельности и существующих в обществе условий данного участия. «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, писал К.Д. Ушинский, — должно воспитывать его не для счастья, а приготовлять к труду жизни… Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни… Воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объём сведений, но должно зажечь в нем жажду серьезного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой» [21, с. 155].

В опросе «***Урал-Семья-2008***» родителям и экспертам в анкетах задавался вопрос: «Как Вы считаете, с какого класса могли бы зарабатывать на созданном специально для школьников предприятии учащиеся вашей школы?» Полученные данные о желаемом возрасте приобщения детей к посильному производительному труду, высказанном уральскими родителями и экспертами, свидетельствуют о следующем: каждый шестой-седьмой из двух групп респондентов (15–16 %) считает, что приобщать к серьезному труду детей можно с 6–7 класса. Каждый третий родитель (33 %) готов к включению своего сына (реже дочь) с 8–9-го класса. Каждый четвертый родитель (24 %) и столько же экспертов (25 %) считают наиболее благоприятными для включения подростков в производительный труд — 9–11 классы. В первую очередь за такой «щадящий» возрастной режим трудового воспитания родители из семей, живущих «в полном достатке».

Вместе с тем, нельзя не видеть и другой подход к детской трудозанятости: 28 % родителей и 19 % организаторов школьного образования считают, что «в школе дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они „успеют” после окончания учебы». Не вдаваясь в полемику современников, хотелось бы напомнить известные слова К. Маркса: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый взрослый трудоспособный человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками» [9, т. 17. с. 197].

Современные условия, естественно, «подняли планку» требований к молодому поколению в части воспроизводства его трудового потенциала, к использованию его творческих задатков, умений. Вместе с тем, возникли и новые, казалось бы, благоприятные условия и обстоятельства в сфере общественного труда: сокращение видов и прфессий преимущественно тяжелого и вредного физического труда, здоровьесберегающие технологии в сфере трудозанятости населения, запрещение эксплуатации детского

Таблица 1

Трудозанятость подростков в летние каникулы после окончания 10 и 11 классов (варианты ответов на вопрос анкеты «*Припомните, приходилось ли Вам работать (подрабатывать) в летние каникулы*») (% от общего числа опрошенных по каждому вузу; в числителе ответы на вариант «после 10 кл.», в знаменателе — «после 11 кл.»)

Варианты ответов на вопрос:	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ	АГАСУ
Да, приходилось	25 / 15	51 / 50	71 / 58	24 / 13	25 / 26
Не помню, не работал	75 / 85	49 / 50	29 / 42	76 / 85	75 / 74

труда и др. Но одновременно возникли и крепли существенные трудности и препятствия в сфере трудового и нравственного воспитания детей так называемого объектно-субъективного характера [12, 16].

В погоне за запретами наемного и вредного, для онтогенетического (физиологического) развития детского организма, его духовного развития, производительного труда (труда детей и подростков во взрослом производстве) «из ванночки вместе с водой выплеснули и ребеночка». Речь идет о, практически, «тотальном» сокращении, вернее изъятии трудового воспитания учащейся молодежи в программах учреждений общего и профессионального образования. Закрепляет и способствует «нетрудовому воспитанию» принятый в конце декабря 2012 г. и ныне действующий, федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации»: Одно лишь тому подтверждение: в Законе, на более чем 150 страницах «убористого почерка», в 111 содержательных статьях Ракона мы ни разу не встретим словосочетания «трудовое воспитание» [22]. «Не нашлось места», или это своеобразная «кардинальная инновация» в сфере российской молодежной политики?

В современных школьных программах трудового воспитания и профессионального самоопределения учащихся основное место отводится их трудозанятости в каникулярное время. И в первую очередь — летом. Профессиональное самоопределение в школьный период остается малоизученным. Что довольно странно и парадоксально!

В последнем исследовании «***Урал-ВУЗ-2017***» на вопрос анкеты «Припомните, приходилось ли Вам работать (подрабатывать) в летние каникулы» респонденты отвечали раздельно по вариантам «после 10 класса» и «после 11 класса». Варианты ответов на вопрос прелставлены в таблице 1.

Полученные данные позволяют судить о трех аспектах развития трудового воспитания (трудовой занятости) тинэйджеров в период летних каникул: а) о сравнительно низкой трудозанятости подростков в летний период на Урале в целом; б) об определенном снижении трудовой занятости выпускников общеобразовательных школ в период подготовки и сдачи экзаменов при поступлении в вуз; в) о существенных различиях в степени приобщенности к производительному труду у контингентов различных

Таблица 2

Субъекты организации трудозанятости подростков в летние каникулы после окончания 10 и 11 классов (ответы студентов на вопрос: «*Кто был, как правило, инициатором, организатором Ваших летних работ (подработок)?*») (% от общего числа опрошенных по каждому вузу)

Вариант ответов на вопрос:	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ	АГАСУ
Сам (а) лично, своя инициатива	64	69	79	59	66
Родители, родственники	19	12	47	18	14
Знакомые, друзья	10	9	9	24	10
Школа, учителя	4	1	1	3	3
Представители предприятий, организаций	1	3	3	4	6
Бюро по трудоустройству	1	1	1	7	2
Обстоятельства	10	7	3	14	9

вузов. Особо заметны в этом плане две группы вузов: с одной стороны, «трудолюбивые» студенты УрГУПС и УрГАУ, с другой — «трудовые инфантилы» ЮУрГУ и УрФУ [11].

Ответы студентов на вопрос: «*Кто был, как правило, инициатором, организатором Ваших летних работ (подработок)?*» («***Урал-ВУЗ-2017***») позволяют в какой-то мере судить об эффективности общественных институтов в организации трудового воспитания школьной молодежи на Урале в 2011–2015 гг.[1] (табл. 2).

Интерпретируя полученные данные, следует помнить, что в вопросе речь шла «об инициаторах» привлечения подростков к трудовым занятиям, а не «об организаторах» летних рабочих мест для учащейся молодёжи. Скорее всего, показатели участия школ, предприятий, бюро трудозанятости будут гораздо презентабильнее.

Известный русский педагог К.Д. Ушинский писал: «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания… Только личность может действовать на развитие и определение личности…» [21, с. 265].

Отличительной чертой (современной эпохи является связь социализации человека не с одним-двумя, а со многими воспитателями. Ими выступают: родители, родственники воспитатели в детском саду, учителя в школе прподаватели в училище, командиры подразделений в рядах армии, комсомольские вожаки, руководители кружков художественной самодеятельности, мастера на производстве и т. д.

[1] Следует учитывать, что на вопросы анкеты отвечали студенты 2–4-х курсов, вспоминая события 2–5-летней давности.

Ребенок, подросток, молодой человек на протяжении всего периода социального становления как бы передается «из рук в руки», от одного воспитателя к другому. Причем перед каждым новым воспитателем он предстает в качестве малоизвестного объекта воспитания. Требуется определенное время, за которое наставник должен изучить особенности своего подшефного, выявить его «слабые» места, снискать его доверие, то есть подготовить основание для дальнейшего воспитательного воздействия.

23 июня 2014 г. на Заседании Совета по науке и образованию по вопросам модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов руководитель «Росатома» С. В Кириенко говорил об особой необходимости своеобразного «селективного» отбора профессионально ориентированных, одаренных, талантливыых учащихся общеобразовательных школ для далейшего профессионального обучения их в вузах особо востребованным группам профессий. «Когда-то, — отмечает он, — была система отбора наиболее талантливых ребят по физике, математике. Сейчас она осталась в отдельных вузах. Мы сделали у себя по городам атомной отрасли: у нас в 23 городах есть так называемые школы „Росатома", специализированные классы, куда мы добавляем оборудование, заранее ребятишки отбираются. Но получается, что этот отбор ограничен городами, в которых есть объекты атомной отрасли… От школьных преподавателей, — продолжает он, — кардинально зависит культура, которая прививается, уровень знаний. У нас в рамках проекта „Школы Росатома" более тысячи учителей прошли переподготовку, но все равно понимаем, что этого мало. Все-таки подотстал уровень квалификации учителей, и это требует дополнительной поддержки» [4].

Подобная постановка вопроса вполне правомочна, и она должна быть востребована не только в атомной отрасли при подготовке специалистов-атомщиков. По нашему твердому убеждению, подобный «селективный отбор» необходим и для профессий инженеров других отраслей реальной экономики. Вместе с тем, не может не возникнуть недоуменный вопрос: обращая внимание на важность в процессе профессиональной социализации таких, несомненно необходимых и знаковых фигур социализационного процесса, как школьный учитель и преподаватель вуза, уважаемый С.В. Кириенко «забыл», «выпустил из виду» самого главного субъекта профессиональной ориентации детей и подростков — их родителей [4].

Действительно, родительская семья, в которой он рос и воспитывался молодой человек, располагает наиболее полной и последовательной информацией о нём. В дошкольный и школьный периоды влияние семьи на воспитание детей проявляется более всего. Наглядное подтверждение тому результаты опроса «***Урал-ВУЗ-2016***». Распределение ответов респондентов на вопрос анкеты: «*Кто, на Ваш взгляд, в наибольшей мере влияет на формирование серьезного отношения к учебе в школе, вузе? Кто повлиял на Вас лично?*». представлено в таблице 3.

Таблица 3

Предполагаемые субъекты влияния на учебную деятельность старшеклассников и студентов (ответы вопрос анкеты «*Кто, на Ваш взгляд, в наибольшей мере влияет на формирование серьезного отношения к учебе в школе, вузе? Кто повлиял на Вас лично?*»), % от общего числа опрошенных по каждой группе вузов

Вариант ответа	Группы вузов		
	технические	гуманитарные	педагогические
Семейные роли			
Мама	58	64	65
Отец	44	47	45
Бабушка, дедушка	12	11	18
Брат, сестра	7	9	11
Иные роли родственников	6	4	4
Учебные заведения, СМИ			
Учитель, учителя в школе	16	13	23
Преподаватели в вузе	7	8	6
Книги, газеты, журналы	8	9	4
Кино, телевидение, радио	5	6	3
Другие факторы			
Сверстники, друзья	14	13	8
Дворовая общественность, соседи	2	1	1
Кто-то или что-то другое	3	3	6
Никто не влияет, каждый выбирает по себе	19	18	20

Нетрудно видеть абсолютный приоритет влияния (духовного, педагогического, материально-финансового) родительской семьи, семейного окружения на учебную деятельность и соответствующее поведение детей. Потенциальные воспитательные возможности семьи обусловлены, прежде всего, тем авторитетом, который приобретают родители в глазах своих детей. Особую роль при этом играет семья в воспитании таких основополагающих характеристик личности людей, как культура поведения и чувств, уважение к старшим, трудолюбие и т. д. Однако сегодня мы видим определенное несоответствие между сравнительно высокими потенциальными возможностями родительской семьи в деле воспитания у детей тех или иных качеств (профессионально-трудовых, нравственно-этических) и реальным воплощением этих возможностей в жизнь. На современном этапе развития нашего общества трудовое воспитание молодежи средствами семьи, как правило, ограничивается внепроизводственной сферой жизнедеятельности людей. Включение юношей и девушек в общественное производство, то есть основной этап трудового воспитания, в большинстве случаев идет вне целенаправленного влияния родительской семьи [7; 19].

Характер и направление социализации российской молодежи конца XX — начала XXI вв., формирование ее ценностных ориентаций в сфере

семейно-брачных отношений в значительной мере обусловлены состоянием аномии, которое сопровождает трансформацию общественной системы. Противоречие между определяющим значением высших общечеловеческих ценностей, с одной стороны, и поведенческими нормами, социальными стереотипами и правилами, с другой, способствует оценке и является средством вербального оправдания действий индивидов, превалирования ориентации на систему социальных стандартов и поведенческих норм, типичных для их социальной группы.

Эффективность реализации процесса преемственности поколений на уровне семейной группы в условиях современной России зависит: от экономической и политической стабильности в государстве; от состояния социальной инфраструктуры городов и поселений, обеспечивающих многосторонний процесс жизнедеятельности и социализации детей, подростков, молодых людей; от снижения в обществе социальных рисков в сфере образовательной и досуговой деятельности.

Дополнительные опросы молодежи относительно самоопределения с профессией и занятостью современными видами деятельности в 2017 г. выявили значительную долю (каждый третий) старшеклассников, откладывающих время решений относительно своей профессии на будущие времена. Отметим, что охват респондентов по районам и городам Свердловской области был весьма широк и дифференцирован, опрос проводился по методике в системе «Google FORMs» и охватил территории Свердловской области (см. табл. 4). Данные обработаны лицензионным пакетом Vortex-10.

Распределение респондентов из Свердловской области по возрастным категориям опрошенных молодых людей выявило, что в выборку вошли в основном учащиеся школ и лицеев (70 %, средний возраст — 16 лет). Каждый пятый — это студент СПУ или вуза (средний возраст опрошенных там 23 года).

Безработные молодые люди и занятые в домашнем хозяйстве находились в возрасте 21–22 года и составили менее 4 %. Работающих оказалось 7 %. Данные были оптимизированы и обработаны на лицензионном VORTEX-10. Обращает на себя внимание, что средний возраст в группе самозанятых и работающих в границах домохозяйства достаточно высок для молодежи — 27 лет! Видимо данная группа выходит за границы собственно молодежного возраста.

Судя по опросу в интернете, вариант ответа «уже выбрали профессию» среди учащихся школы (лицея) составил 44,2 %, «работаю по ней» — 3,7 %. «Выбрал, но не попробовал» у учащихся — 47 %. (среди студентов СПУ таковых — половина 50,2 % и у безработных — четверть). Полагают, что рано начинать выбирать профессию у учащихся школ и гимназий — 44,2 %, среди студентов вов — 35,8 % (среди работающих — 19 %! У самозанятых, безработных и вовлеченных в домохозяйственную деятельность считает преждевременном думать о выборе профессии почти каждый четвертый

Таблица 4

Регион, город (район) постоянного проживания респондента

№	Город, район	Число ответов	% опрошенных
1	Екатеринбург	1755	54,3
2	Краснотурьинск	187	5,8
3	Каменск-Уральский	149	4,6
4	Березовский	136	4,2
5	Верхний Тагил	127	3,9
6	Красноуральск	109	3,4
7	Туринская Слобода	85	2,6
8	Пышма	64	2,0
9	Кировград	50	1,5
10	Алапаевск	39	1,2
11	Волчанск	34	1,1
12	Арамиль	29	0,9
13	Реж	27	0,8
14	р.п. Атиг	25	0,8
15	Красноуфимск	25	0,8
16	Верхняя Тура	17	0,5
17	Новоуральск	17	0,5
18	Карпинск	17	0,5
19	Камышлов	16	0,5
20	Сысертский ГО	13	0,4
21	Кушва	7	0,2
22	Асбест	6	0,2
23	Шаля	4	0,1
24	Серовский ГО	4	0,1
25	Туринск	3	0,1
26	Белоярский	3	0,1
27	Сухой Лог	3	0,1
28	Другие терррритории	22	0,7
29	Нет ответа	258	8,0
	Итого ответов:	3231	100,0

— 23,2 %!). Видим, последняя категория не выбрала профессию и предпочитает таковую и не выбирать. А вот среди уже работающих — ситуация противоположная: доля выбравших профессию и уже работающих по ней у лиц мужского пола в два раза больше, чем у девушек, но в целом невелика — 11 %, или каждый десятый. Возможно, это связано с ранним формированием молодой семьи и ответственностью.

А вот не наравится уже выбранная профессия, но менять не собираются пока, 17,8 % работающих, только 1,7 % учащихся, 5,8 % студентов вузов и 12 % — у ориентированых на домохозяйство. Не нравится текущая профессия и занятость и хотят сменить таковую 1,7 % опрошенных школьников

Таблица 5

Распределение респондентов по среднему возрастному цензу, лет, %

Социальный статус респондента	Индикаторы возрастного ценза, лет			
	Ответов	%	Средний возраст, лет	Станд. откл.
Учащийся (школы, лицея, гимназии)	2145	70	16,2	7,74
Студент СПО	509	17	20,1	12,13
Студент вуза	92	3	22,9	20,94
Работающий	228	7	23,2	16,82
Безработный (самозанятый, домохозяйство)	113	4	26,8	21,36
ИТОГО:	3087	100,0	18,1	11,41

Таблица 6

Гендерная дифференциация выбора молодыми людьми своей профессии и специальности*

Вариант ответа на вопрос о том, доволен ли респондент выбранной профессией, специальностью, делом	Распределение ответов респондентов по полу					
	Женский		Мужской		Оба пола	
	число ответов	%	число ответов	%	число ответов	%
Еще рано выбирать профессию, специальность	535	35	652	39	1187	38
Выбрал профессию, специальность, но еще не пробовал	753	49	663	39	1416	44
Уже работаю по профессии, специальности, которая нравится	99	7	179	11	278	9
Не нравится работа по выбранной профессии, специальности, но менять не планирую	53	3	90	5	143	4
Планирую поменять текущую профессию, специальность, поскольку не нравится	63	4	56	3	119	4
Затрудняюсь ответить	34	2	54	3	88	3
ИТОГО:	1537	100	1694	100	3231	100,0

* Коэффициент Крамера: 0,121, Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

1,7 %, почти каждый десятый студент СПО (9,4 %), 2 % студентов вузов, 5,7 % работающей молодежи и 12 % домохозяек. Таким образом, студенты СПО и самозанятые и домохозяйки настроены решительно поменять выбранный вид деятельности, так же, как и респонденты, имеющие статус безработных. В итоге более трети опрошенных учащихся и студентов различных категорий считают преждевременным выбирать профессию. Таким образом, под влиянием семейного фактора молодые люди выбрали

профессию, но не работают по ней или вообще не определились еще в этом вопросе. Однако слабый пол настроен более решительно на занятость и профессиональную ориентацию, нежели юноши.

Список литературы

1. *Балагушкин Е. Г.* Социальная сущность семьи. — М. : Знание» 1969. — 48 с.

2. *Гегель.* Философия права // Гегель. — Сочинения. — Т. 7. — М.-Л., Соцэкгиз, 1934. — 360 с.

3. *Голубкова Н. Я.* Социальное поведение учащейся молодежи // Социологические исследования. — 1998. — № 9. — С. 123–127.

4. Заседание Совета по науке и образованию по вопросам модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов 23 июня 2014 года / [Электронный ресурс] Режим доступа // http://kremlin.ru/events/president/news/45962 (дата обращения: 01.04.17).

5. *Иваненков С. П.* Проблемы социализации современной молодежи. — Оренбург, 1999. — 310 с.

6. *Коган Л. Н., Павлов Б. С.* Молодой рабочий. Вчера, сегодня. — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. — 175 с.

7. *Коган Л. Н., Павлов Б. С., Поляничко В. П.* Трудовые династии Оренбуржья. — Оренбург, 1977. — 95 с.

8. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 2-е изд.

9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд.

10. *Олчман М., Джордан П.* Добровольцы — ценный источник. Университет Джона Хопкинса. 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?govid=82&id=639809 (дата обращения: 21.09.2014).

11. *Павлов Б. С., Бондарева Л. Н.* О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала. — 2013.– № 12. — С. 90–94.

12. *Павлов Б. С.* Диссонанс потребительских притязаний и трудовой активности в молодёжной среде на Урале // Уровень жизни населения регионов России. — 2015. — № 4. — С. 153–164.

13. *Павлов Б. С.* Из школьного в рабочий класс. — М. : Сов. Россия, 1989. — 240 с.

14. *Павлов Б. С.* Матери, отцы, дети:.Социологический очерк. — М. : Сов. Россия, 1984. — 192 с.

15. *Павлов Б. С.* Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей. На примере Урала // ЭКО. — 2013. — № 7. — С. 128–138.

16. *Павлов Б. С., Разикова Н. И.* Отцы и дети» в городской семье. Общение или отчуждение // Дискуссия. — 2012. — № 10. — С. 110–119.

17. *Павлов Б. С.* Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. — М. : Наука, 1984. — 225 с.

18. *Павлов Б. С.* Социология: проблемы семьи: учеб. пособие. Ч. II. — Челябинск: Академэкоцентр УрО РАН, 1992. — 297 с.

19. *Павлов Б. С., Андрианов В. В.* Проблемы развития движения наставничества в рабочем классе. — Свердловск: ИЭ УНЦ АН СССР, 1980. — 75 с.

20. Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: // http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения: 3. 03.18).

21. *Ушинский К. Д.* Избранные пед. Произведения. — М. : Просвещение, 1968. — 560 с.

22. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 21 дек. 2012 г. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. URL: http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0 (дата обращения: 4.1.13).

23. *Харчев А. Г.* Быт и семья как категории исторического материализма // Проблемы быта, брака и семьи. — Вильнюс, 1970.

Информация об авторах

Павлов Борис Сергеевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

Сарайкин Дмитрий Андреевич — кандидат биологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (УрГГПУ) (Россия, 454090, г. Челябинск, пр. Ленина, д.33, кв. 49, e-mail: saraykind@cspu.ru).

Кузьмин Александр Иванович — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: Kuz53@list.ru).

Павлов Денис Борисович — магистр государственного и муниципального управления, Адвокатское бюро Свердловской области «Юралс Лигал» (Россия, 620014, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 1, кв. 7).

Pavlov B. S., Saraykin D. A., Kuzmin A. I., Pavlov D. B.

Influence of Institute of Paternal Family on the Professional Self-Orientation of Students and Students

In article some aspects of activity of the parental families connected with labor education and professionadny socialization of the children are analyzed. Authors are sure that the intra family relations within «fathers — children» lay the foundation of vital values, orientations and economic behavior of young people, in much predetermine contours and the maintenance of their labor and family life. Authors prove competency of introduction to the sphere of youth policy of a new phenomenon «matrimonial volunteering».

Polls, on which data authors of article are based, were held by them in 2012–2017 in educational institutions both in Ural, and to others of regions of the Russian Federation.

Keywords: parental family, professional socialization, school, the HEI (Highest Educational Institution), work, vital values, Urals.

Acknowledgment

Статья выполнена при поддержке Программы Президиума РАН № 6 Проект «Научно-методический инструментарий социоэкономической оценки ресурсообеспеченности домохозяйств как фактора динамичного развития регионов № 18–6–7–39.

References

1. Balagushkin E. G. the Social essence of the family. — M.: Knowledge, 1969. — 48 p.

2. Hegel. Philosophy of law // Works. Vol. 7. — M.-L., Sotsekgiz, 1934, 360 p.

3. Golubkov N. I. Social behaviour of youth // Sociological researches. — 1998. — No. 9. — P. 123–127.

4. Meeting of the Council for science and education on the modernization of engineering education and the quality of training of technical specialists June 23, 2014 [Electronic resource] URL: http://kremlin.ru/events/president/news/45962 (date of accesse: 1.4.17).

5. Ivanenkov S. P. Problems of socialization of modern youth. — Orenburg, 1999. — 310 p.

6. Kogan L. N., Pavlov Young worker. Yesterday, today. — Sverdlovsk : Middle-Uralsky book publishing house, 1976. — 175 p.

7. Kogan L. N., B. S. Pavlov, V. P. Polyanichko Labor dynasty of the Orenburg region. — Orenburg, 1977. — 95 p.

8. Lenin V. I. Complete works. 2nd edition.

9. Marx K., Engels F. Compositions. 2nd edition.

10. Alcman M., Jordan P. Volunteers are a valuable resource. Johns Hopkins University. 1997. [Electronic resource] URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov id=82 & id=639809 (date of accesse: 21.09.2014).

11. Pavlov B. S., Bondareva L. On the problems of reproduction of rural population in the Urals // Agrarian Bulletin of the Ural. — 2013. — № 12. — P. 90–94.

12. The dissonance of consumer claims and labor activity in the youth environment in the Urals // The Level of life Of the population of the regions of Russia. — 2015. — No. 4. — P. 153–164.

13. B. S. Pavlov from school to the working class. — M. : Owls. Russia, 1989. — 240 p.

14. Pavlov B. S. Children, fathers and mothers: Sociological essay. — M.: Owls. Russia, 1984. — 192 p.

15. The Consumption of youth in the» interior «of poverty of parents' families. On the example of the Urals. — 2013. — No. 7. — P. 128–138.

16. Pavlov B. S., Raikova N. And. Fathers and sons» in the urban family: communication or from cozdanie // Discussion. — 2012. — No. 10. — P. 110–119.

17. B. S. Pavlov social class continuity and education of young workers. — Moscow: Science, 1984. 225 p.

18. Pavlov, B. S. Sociology: family problems. benefit. Part II. — Chelyabinsk: Publ. Academic center of UB RAS, 1992. — 297 p.

19. Pavlov, B. V. Andrianov, problems of development of mentoring in the working class: Preprint. — Sverdlovsk: IE UC USSR Academy of Sciences, 1980. — 75 p.

20. President's message to the Federal Assembly March 1, 2018 [Electronic resource] // http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (date of accesse: 03.03.18).

21. Ushinsky K. D. Selected Works. PED. Works. — M. : Enlightenment, 1968. — . 560.

22. On education in the Russian Federation. Adopted by the state Duma on December 21, 2012. Approved by the Federation Council on 26 December 2012 [Electronic resource] URL: // http://минобрнауки.рф (date of accesse: 4.1.13).

23. Harchev A. G. Life and family as categories of historical materialism. In the book // Problems of life, marriage and family. — Vilnius, 1970.

Authors

Pavlov Boris Sergeevich — Ph.D., Professor, Senior Research Fellow Institute of Economics, Ural Branch of RAS; Professor Physics and Technology Institute of the Ural Federal University named after the Fist President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, 620014, Ekaterinburg, Moskovskaya Str. 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

Saraykin Dmitriy Andreevich — Candidate of Biology, Assistant Professor Chelyabinsk State Pedagogical University (454090, Chelyabinsk, Lenina Ave. 33, e-mail: dribevirus@nm.ru).

Kuzmin Alexandr Ivanovich — doctor of sociological sciences,Professor, Institute of Economics, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Ekaterinburg, Moskovskaya Str. 29, e-mail: Kuz53@list.ru).

Pavlov Denis Borisovich — Lawyer, Law Office of Sverdlovsk region "Urals-Legal" (Russia, 620014, Ekaterinburg, 8 Marta Str. 1, e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

УДК 314.3

Петрякова О. Л

К ВОПРОСУ АНАЛИЗА СЕМЕЙНО-РЕПРОДУКТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН КАК ОСНОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ[1]

Анализ семейных и репродуктивных ценностей представляет немалый научный интерес, поскольку на их фундаменте формируется репродуктивное поведение населения. Несмотря на ряд мер, предпринимаемых в России, рождаемость остается ниже простого воспроизводства населения, а поддержание его численности обеспечивается преимущественно миграционными процессами. Изучение семейно-репродуктивных ориентаций нескольких поколений россиян на основе авторского социологического исследования дает представление об их трансформации, возможности возрождения традиционных семейных ценностей. Автор опирается на ряд социологических исследований (в том числе и весьма масштабных, организованных Росстатом, а также авторских проектах), использует новейшие статистические данные. В статье приводятся материалы сравнительного анализа семейных и репродуктивных ценностей различных поколений россиян, особый интерес представляет изучение в этом аспекте мнения молодежи и подростков, у которых репродуктивное поведение лишь формируется, и от него в дальнейшем будет зависеть рождаемость в стране. Но основании представленного материала формулируется вывод о наличии потенциальной возможности увеличения рождаемости до уровня простого воспроизводства населения, о массовом распространении двухдетной модели семьи. В целом на это и нацелены уже существующие меры демографической политики. Однако возрождение традиционных семейных ценностей в их классическом понимании среди большинства российских семей ставится под вопрос. Для их широкого распространения пока значимых предпосылок не выявлено. Автор указывает на необходимость проведения пилотных исследований, посвященных данной тематике, с целью отслеживания эффективности реализуемых мер семейно-демографической политики, своевременной разработки дополнительных мероприятий в связи с выявленными изменениями.

Ключевые слова. трансформация семьи, семейные и репродуктивные ценности, семейная и демографическая политика

Невысокая рождаемость остается существенной проблемой для нашей страны. Несмотря на рост рождаемости в последние годы в России (с 2000 г.), связанного как с реализуемыми мерами демографической политики, как и с весьма благоприятной демографической структурой населения (в репродуктивный возраст вступили многочисленные поколения, рожденные в середине 80-х гг. XX в.), ее уровень так и не достиг показателя, необходимого для простого воспроизводства поколений. Даже в самом благополучном 2015 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 1,78,

[1] Петрякова О. Л. Текст. 2018.

что существенно меньше, чем уровень простого воспроизводства (2,1–2,2 ребенка на одну женщину). Это ситуация чревата изменением возрастной структуры населения, прежде всего, усилением процессов старения, изменением национального состава в результате миграций и рядом социальных проблем, уменьшением обеспеченности трудовыми ресурсами, снижением, вплоть до обезлюдевания, численности населения некоторых регионов.

Необходимость изучения семейно-репродуктивных ценностей можно рассматривать, во-первых, как маркер трансформации института семьи и ее репродуктивной функции, в частности для прогнозирования ее состояния в будущем. Во-вторых, анализ семейно-репродуктивных ценностей в динамике показывает, насколько семья отвечает внедряемым мерам демографических политики. Понятно, что оба этих момента тесно связаны между собой, поскольку на основании прогноза о состоянии семьи в будущем и разрабатываются те или иные меры демографической политики, нацеленные на ее коррекцию.

В целях противодействия снижению рождаемости и уменьшения численности населения в России были приняты базовые нормативно-правовые документы (прежде всего, речь идет о Концепции демографической политики России до 2025 года [6] и национальном проекте «Демография»), регламентирующие цели и задачи демографической политики и способы их достижения. Следует отметить, что все эти документы носят комплексный разносторонний характер, учитывают многие аспекты жизнедеятельности семьи, в том числе и ее ценностные установки, оказывающие непосредственное влияние на решения в сфере рождаемости.

Наряду с рядом задач, решаемых чаще всего с помощью экономических методов, в Концепции демографической политики есть и такая, как укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений. Во взаимосвязанной с Концепцией демографической политики Концепции государственной семейной политики есть фраза о приоритетах семейной политики: «Приоритетом государственной семейной политики на современном этапе является утверждение традиционных семейных ценностей» [3].

Однако вопрос о том, что считать именно традиционными семейными ценностями, проработан, на наш взгляд, недостаточно. Этот термин нередко используется не только в научных кругах, но и в популярной литературе, в средствах массовой информации, поэтому толкование его весьма расплывчато. В самой Государственной концепции семейной политики к традиционным семейным ценностям, провозглашаемым Концепцией, относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью,

устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению.

Однако нередко можно видеть отнесение к традиционным семейным ценностям и любовь (вообще трудно отслеживаемый момент), веру и верность, и даже трудолюбие [1]. Среди многих ученых, прежде всего демографов и социологов, встречается, на наш взгляд, верное противопоставление традиционных и современных семейных ценностей, что отсутствует в приведенном выше официально закрепленном термине. Это противопоставление основано на разграничении традиционной (многопоколенной, расширенной) и современной (нуклеарной) семьи, которая и получила такое название, поскольку стала наиболее распространенной формой проживания населения, в том числе и в России. Исходя из определения сложной (традиционной) семьи — как семьи, состоящей из нескольких брачных пар с детьми или без детей и прочими родственниками [4], можно сформулировать ее основные ценности. Это, прежде всего, многодетность, четкое разделение семейных ролей на мужские и женские, наличие главы семьи (чаще отца или деда), совместное проживание многих поколений. Именно такое толкование сложной семьи и ее ценностей имеется и Государственной Концепции семейной политики. К ценностям современной семьи относится, прежде всего: свободное брачное поведение, то есть самостоятельный выбор партнера, допустимость развода и незарегистрированного брака, отдельное проживание от старшего поколения, психологическая и духовная близость супругов, совместное выполнение домашних обязанностей, согласование интересов всех членов семьи. Таким образом, приведенное определение традиционных семейных ценностей весьма расплывчато, оно отражает как традиционные, так и современные ценности семьи. Это нам кажется весьма оправданным — возрождение собственно традиционных ценностей в настоящее время не представляется возможным для большинства российских семей, поскольку утеряна экономическая основа существования такой семьи.

Существование традиционной семьи и поддержание соответствующих традиций и ценностей связаны, прежде всего, преобладанием натурального хозяйства, многовековековым сохранением одних и тех социально-экономических вызовов для нормальной жизнедеятельности семьи. Невозможность выживания и ведения хозяйства в малой группе, отсутствие социального обеспечения (пенсий) для пожилых людей, крайняя зависимость от внешних по отношению к семье природных факторов, отсутствие необходимости получения профессиональных навыков вне семьи — это закрепляло распространение традиционных многопоколенных семей и приводило к закреплению такого проживания в виде незыблемых семейных ценностей.

Формирование семей, воспитание детей в них и внутрисемейные отношения в таких семьях следовали традициям, сформировавшимся в течение многих веков. Если дворянские семьи, которых было меньшинство,

в России претерпевали некоторые изменения, прежде всего, начиная с начала XVIII-го в., то семейные и репродуктивные ценности крестьянских семей были практически неизменными до начала XX в. Лишь резкие изменения, вызванные сменой идеологии после революции 1917 г., индустриализация и сопутствующая ей урбанизация привели к быстрой (относительно прошлого длительно неизменного состояния) трансформации института семьи и семейных ценностей.

Значительное воздействие на трансформацию института семьи оказывают экономические факторы, действующие на человека и семью, изменяющие их ценности в течение длительного времени, на протяжении жизни нескольких поколений. Влияние экономических факторов на институт семьи следует рассматривать с нескольких сторон. Прежде всего, в широком смысле — изменение типа хозяйства (с аграрного на индустриальное и в дальнейшем переход к постиндустриальному) постепенно изменяют и тип семьи; в то же время благосостояние отдельной семьи и ее жилищные условия также могут существенно повлиять на репродуктивные планы семьи, замедлить или, наоборот, ускорить процесс нуклеаризации семей [2].

Если традиционная семья прошлого является прежде всего экономической единицей, непосредственно участвующей в процессе материального производства жизненных благ, то она весьма заинтересована в рабочих руках, гарантом ее материального благополучия становятся дети, прежде всего, сыновья. Наличие сыновей — это практически единственное, что может гарантировать и достойную старость.

В настоящее время, когда семья из производящей ячейки становится, прежде всего, субъектом потребления, происходит разрыв между экономической и репродуктивной функциями семьи. Более того, они входят в противоречие.

Это же касается и взаимовлияния воспитательной и репродуктивной функций семьи: в усложнившемся, прежде всего технически, мире семья не способна дать детям все необходимые навыки, что требует подключения других институтов образования и воспитания, дополнительных финансовых затрат, что в свою очередь это уменьшает потребность такой семьи в детях.

Трансформация института семьи и семейно-репродуктивных ценностей в России носит долгосрочный характер и происходит под воздействием совокупности факторов социального, психологического, культурологического, демографического и экономического характера.

Уже в 60-е гг. XX в., когда СССР, а РСФСР в особенности, стал преимущественно городской страной (больше половины населения начинают проживать в городской местности), традиционная многопоколенная семья как массовое явление стала уходить в прошлое. Этому способствовали и массовые внутренние миграции (из села в город, в связи с освоением Севера, Сибири и целинных земель), практически всеобщая занятость женщин вне дома.

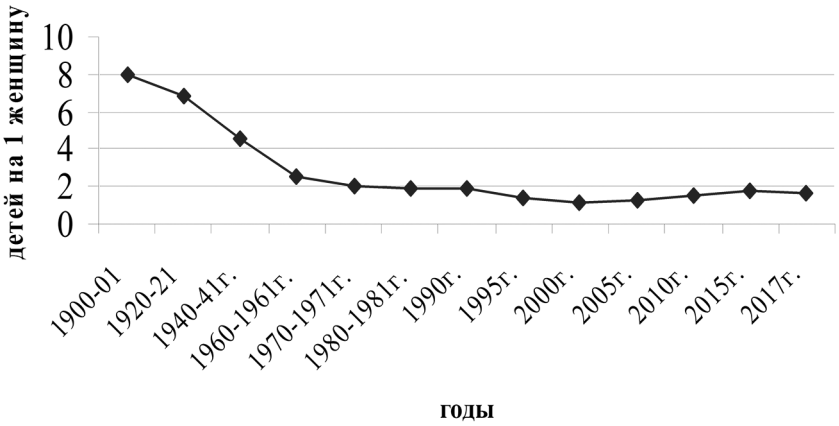

Рис. 1. *Динамика суммарного коэффициента рождаемости*

В результате сформировался и стал наиболее распространенным (по данным переписи 2010 г. сложных семей в России немногим более 18 %, а многодетных — менее 7 %) совершенно иной тип семьи, которая характеризуется, прежде всего, малодетностью, ориентацией супругов друг на друга, отдельным проживанием от старшего поколения или иных родственников, стиранием гендерных различий в семейных ролях. Если некоторые из упомянутых ценностей не могут быть достигнуты (прежде всего, это касается раздельного проживания с прародительским поколением), то это связано с материальными проблемами данной семьи, однако не перестает быть желаемым. За истекший век рождаемость в России с традиционно высокой — около 7–8 детей на одну женщину до 1917 г. упала до 1,77 в 2015 г. (это наиболее высокий показатель, в 20117 г. этот показатель стал снижаться) (рис. 1).

Переход от традиционных семейных ценностей к современным весьма ярко иллюстрируют процессы брачности и разводимости. Если в начале XX в. на 100 браков приходилось 1–2 развода (установить количество семей, которые бы, возможно, желали бы развестись, но были остановлены наличием непреодолимых правовых и религиозных препон, социальным осуждением, в настоящее время не представляется возможным), то сейчас распадается каждый второй брак. При этом с 90-х гг. появился феномен последовательной брачности, что категорически не могло существовать в традиционном обществе как массовое явление. Кроме того, при весьма значительном распространении, особенно среди молодежи, нерегистрируемого брака (по данным переписи населения 2010 г. около половины лиц до 30 лет, имеющих постоянного брачного партнера, живут в незарегистрированном браке) коэффициенты брачности и разводимости могут занижены (рис 2)

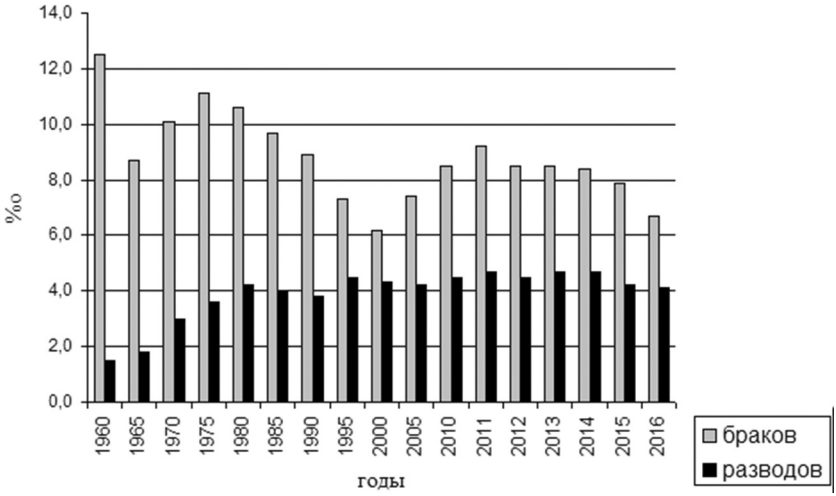

Рис. 2. *Динамика коэффициентов брачности и разводимости*

В основном высокая разводимость связана с возросшей экономической самостоятельностью женщины, возможностью самой прокормить детей и, разумеется, лояльным отношением общества к разводу.

Наиболее эффективно ценности воспитания можно анализировать с помощью социологических исследований, причем особую ценность имеют пилотные исследования, проводящиеся периодически, которые позволяют отслеживать изменения воспитательных стратегий и установок. И если обратиться к социологическим данным, то прослеживается весьма яркая приверженность общества именно современным ценностям, и это касается не только отношения к разводам (табл. 1).

Отношение к разводу двоякое: с одной стороны, весьма немного респондентов разделяют мнение «в наше время развод — это нормально, ничего страшного», с другой — их число резко возрастает при мысли о сохранении брака с нелюбимым человеком, особенно среди представителей молодого поколения. Это говорит о том, что требования к партнеру весьма высоки, и это, конечно, характеристика именно современной семьи.

Хотя при этом весьма ощутимый процент опрошенных разделяет мнение о необходимости обязательной регистрации брака, но все же, если традиционная семья характеризуется практически стопроцентной регистрацией брачных союзов, то лишь треть взрослых респондентов с этим согласны, а среди молодежи и подростков этот показатель снижается еще существенней.

С одной стороны — семья залог счастья, лишь около 7 % опрошенных разделили мнение, что «необязательно создавать семью, чтобы быть счастливым», но мнение, что смысл жизни в семье, разделяет меньше четверти

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «*С какими взглядами на семью Вы согласны?*», % от числа опрошенных, %*

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных		
	родители	молодежь	подростки
При заключении брака надо оформлять брачный контракт	13,9	18,3	22,8
Регистрировать брак не обязательно	5,0	10,9	6,8
Нужно венчаться в церкви	23,4	21,8	24,1
Сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит, даже ради детей	21,7	33,6	17,9
Брак должен быть обязательно зарегистрирован, иначе это не настоящая семья	37,7	21,6	17,9
В наше время развод — это нормально, ничего страшного	6,5	4,4	3,7
Семья без детей — это не семья	34,4	31,4	37,0
Забота о детях является исключительно обязанностью женщин	6,2	3,5	5,6
Девушка должна сохранять девственность до свадьбы	7,7	7,4	7,4
Хорошая жена всегда покорна своему мужу	4,7	10,9	12,3
Для того, чтобы быть счастливым, необязательно создавать семью	6,2	7,0	6,8
Чтобы завести и воспитать ребенка, не обязательно вступать в брак	7,1	6,6	3,7
Одинокий человек не может быть счастлив, смысл жизни в семье	22,3	22,3	21,6
Семья — это, прежде всего, большой труд и терпение в отношении друг друга	46,6	45,4	25,9
Другое	0,0	0,4	2,5

* В статье используются материалы социологического исследования, проведенного в России и Белоруссии «Изменение желаемого образа семьи в глазах различных поколений на постсоветском пространстве (на примере России и Белоруссии) при поддержке гранта Проект 14–23–01551.

опрошенных. Однако при этом классические традиционные семейные ценности имеют не много сторонников — например, если речь идет о покорности мужу или отсутствии добрачного секса.

Более трети опрошенных считают, что семья без детей — не семья, причем от возраста это не зависит. В целом, следует отметить, что приверженность к тем или иным семейным ценностям незначительно изменилась на протяжении рассматриваемых поколений. Это свидетельствует о том, что приоритеты семей не меняются, и пока демографическая политика может быть направлена на воспитание и поддерживание именно обозначенных выше идеалов и ценностей.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «*Сколько детей Вы хотели бы иметь?*», % очислу опрошенных

Вариант ответа	% от числа опрошенных		
	родители	молодежь	подростки
Ни одного	0,9	6,1	4,9
Конкретное число	56,4	34,9	49.4
в том числе			
одного ребенка	10,6	9,5	10,3
двоих детей	61,1	57,9	67,4
трех и более детей	28,3	32,7	22,3
Сколько Бог пошлет	23,7	42,8	24,7
Затрудняюсь ответить	10,1	14,8	19,1
Нет ответа	8,9	1,3	1,9

Собственно репродуктивные ориентации можно отследить, рассматривая ответы на вопрос о желаемом количестве детей (табл. 2)

Эти ответы показывают, что потенциал российской рождаемости весьма велик. Идеалом семьи, причем у различных поколений опрошенных, остается двухдетная семья, но, что является весьма положительным моментом, более трети опрошенных из числа молодых людей хотели бы многодетную семью. Однако почти половина из них вовсе не задумывается о желаемом числе детей — выбрана позиция «сколько Бог пошлет». Это далеко не всегда религиозные люди, в силу возраста и иных интересов они пока не определились с желаемым типом детности. Среди молодежи же прослеживается, хотя и слабо выраженная, тенденция добровольной бездетности. Таких людей мало, однако они есть.

Похожие результаты получены в ходе выборочного обследования «Семья и рождаемость», проведенного Росстатом в 2012 г., — свыше половины респондентов (57,7 % женщин и 51,4 % мужчин) при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь двоих детей, а немногим более четверти (25,2 % женщин и 26,4 % мужчин) — троих. В качестве того числа детей, которое респонденты собираются иметь (ожидаемое число детей), они также чаще всего называли двоих детей. Но здесь их доля составляет уже менее половины (46,5 % женщин и 49,5 % мужчин). Треть женщин и 21,8 % мужчин собираются ограничиться одним ребенком, а троих и более детей намереваются иметь лишь 8,6 % женщин и 12,2 % мужчин. У мужчин в среднем несколько выше, чем у женщин, как желаемое (2,38 против 2,28), так и ожидаемое (1,90 против 1,72) число детей. Такая гендерная дифференциация в репродуктивных ориентациях имеет место в большинстве исследований репродуктивного поведения, проводившихся в нашей стране.[1]

[1] «Семья и рождаемость» Итоги выборочного обследования [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm.

Особый интерес представляет исследование факторов, влияющих на желание иметь ребенка или нескольких детей среди молодежи и подростков, определяющих будущую рождаемость в стране. Выявленные факторы, хоть и имеют ряд сходных черт, однако присутствует и ряд различий. Большинство респондентов из числа молодежи на первое место выдвигают позицию любви к партнеру (более половины респондентов). Это может весьма существенно отложить факт рождения детей, поскольку требования к партнеру весьма высоки, респонденты готовы уделять значительное внимание построению личных отношений. Как ни странно, у подростков этот фактор отступает на второй план, лишь четверть из них выбрали эту позицию.

Весьма много респондентов разделяют такое мнение как «семья без детей — это не настоящая семья» (31,9 % опрошенных). Как нам кажется, это можно отнести именно к приверженности к традиционным семейным ценностям. Причем для подростков эта позиция занимает первое место (34 % опрошенных).

Третьей причиной является желание стать родителем, проявить свои лучшие качества, воспитывая ребенка. Ее отметили 28,4 % из числа молодых людей и 32,7 % подростков. На четвертом месте, однако, с небольшим отрывом стоит такая позиция, как «люблю детей» — 27,5 % молодежи и 22,2 % подростков разделяют эту позицию. Однако ее крайне редко ставили на первое место, выбирая другие мотивы. Это может говорить о том, что так называемый «детоцентризм» присущ современной молодежи в меньше степени, уступая место ориентации на супруга.

Традиционные цели рождения детей среди ответов респондентов (кроме упомянутой, что «семья без детей не настоящая семья», однако при ее выборе непонятно, скольких детей достаточно для признания семьи полноценной по мнению опрошенных) встречаются весьма редко. Так, мнение что дети необходимы, чтобы было кому передать нажитое по наследству, разделяют лишь 7,9 % молодежи и 11,1 % подростков.

Мотив «укрепить семью» подчеркнули всего около 13 % опрошенных респондентов, а наличие детей вовсе не гарантирует поддержку в старости (на эту поддержку рассчитывает всего 6–7 % опрошенных респондентов), возможно, конечно, что в силу возраста респонденты пока об этом не задумываются. Дети как помощники в настоящем времени рассматриваются еще реже — 4–5 %, а ведь это один из основных мотивов многодетности в прошлом.

Длительное время отсутствие детей воспринималось как наказание свыше и лишало таких супругов уважения окружающих, однако, по мнению подростков и молодежи, эта позиция имеет меньше всего сторонников, то есть в настоящее время уважение к человеку не зависит от наличия или отсутствия у него потомства.

Особый интерес для специалистов в области семейно-демографической политики представляет и вопрос о понимании жизненного успеха,

поскольку в условиях приоритета традиционных семейных ценностей благополучная большая семья сама по себе является жизненным успехом, особенно для женщин, или, по крайней мере, гарантом такого успеха. В условиях превалирования современных ценностей наличие семьи, тем более семьи многодетной, нередко трактуется как фактор, противоречащий достижению успешности.

Для большинства российских семей в настоящее время, как и 20–25 лет (длина поколения) наибольшей ценностью и критерием жизненного успеха остается материальное благополучие. Этому виной как настоящий экономический кризис, так и, по нашему мнению, в большей степени, эхо тяжелейшего экономического спада 90-х, поставившего большинство российских семей на грань выживания. Надо сказать, что близкие позиции для родительского поколения занимают такие ценности, как хорошее здоровье, материальное благополучие, наличие рядом близкого человека. С небольшим отрывом за ним следуют позиции «уверенность в завтрашнем дне», «чувство безопасности». Как нам кажется, это связано не столько с сегодняшним уровнем жизни семьи, но и со страхом перед его ухудшением в будущем.

Семейные ценности более значимы для родительского поколения, чем индивидуалистические, однако несколько уступают сугубо материальным: так, позиция «проводить свободное время с семьей» имеет весьма высокий средний балл[1] — 4,37, но иметь хорошую квартиру чуть выше — 4,40. Значительно меньшую ценность имеют ценности индивидуалистические: уделять себе достаточно времени — 3,57, путешествовать по разным странам — 3,4.

Примечательно, что для родительского поколения наибольшую ценность представляет двухдетная семья — 3,7 (важность одного ребенка — 3,38, троих детей — 3,22), что совпадает с данными всех прочих исследований, касающихся репродуктивных настроений россиян. Но при этом по значимости эти ценности существенно проигрывают сугубо материальным ценностям.

Интересен с точки зрения анализа семейных ценностей ответ на вопрос о наличии главы семьи и том, кто им является. Предполагается, что для семей, предпочитающих традиционные семейные ценности, такой ответ должен быть однозначным — глава семьи имеется, и это отец (муж).

Существуют определенные различия в представлениях взрослых и молодых респондентов о том, кто фактически является главой их семьи. Во всех случаях выбор происходил в основном между тремя позициями: муж, жена или «оба поровну». Не так много респондентов, затруднившихся с ответом. Выбор ответа «кто-то еще» оказался, прежде всего, шутливым выбором, несколько подростков указали «я», «кошка» и пр. В интерпретации результатов обращают на себя внимание следующие моменты. Родители

[1] Предложенные ценности предлагалось проранжировать по пятибалльной шкале: от 1 балла (совсем не значимо). до 5 (очень значимо).

Таблица 3

Мнения респондентов о том, кто является главой семьи (% от числа опрошенных)

Вариант ответа	Распределение вариантов ответа по возрастным группам респондентов		
	подростки	молодежь	Родители
Жена	24,1	27.1	11,9
Муж	24,7	26.6	28,8
Оба поровну	29,0	25.8	31,2
Бабушка, дедушка	0,6	2.6	2,4
Нет главы семьи	3,1	4.4	7,4
Кто-то еще	1,2	0.4	0.0
Затрудняюсь ответить	11,7	9.2	7,7
Нет ответа	5,6	3,9	10,7
Итого	100,0	100,0	100,0

чаще делают выбор в пользу варианта «оба поровну» (муж и жена), реже оставляют главенство женщине (руководствуясь либо желанием представить главой семьи именно супругу, либо стараясь разделить лидерство между обоими супругами). Видимо, аналогичными сомнениями обусловлен и тот факт, что около 11 % не дали ответа на данный вопрос.

Ответы подростков и молодежи весьма близки, различия в выборе мужа, жены или обоих супругов вместе главой семьи статистически незначимы. Распределение ответов демонстрирует определенное гендерное равенство в отношении семей подростков и молодежи. Вероятность того, что глава семьи муж, жена, или они совместно принимают решение практически по всем вопросам, одинакова.

Ответы свидетельствуют и о том, что в семьях невозможно выделить единственно принятую большинством стратегию распределения ролей.

Хоть для большинства опрошенных это и не всегда важно, но все же в своей семье они выявляют лидера. Семей, в которых глава семьи отсутствует, крайне мало — причем чаще всего такие ответы встречаются у поколения родителей — 7,4 %, прежде всего из неполных семей (табл. 3).

Подростки и молодежь все же видят в ком-то из родителей главу семьи. Очень интересен момент, что в ответах родителей несколько чаще главой семьи являются оба супруга или муж (видимо, для них желаема эгалитарная или даже патриархальная модель семьи), причем мужчины чаще видят главой семьи себя, женщины — себя, есть существенные различия по полу. Однако подростки и молодежь все же намного чаще выдвигают на первые роли мать, то есть возможно, в реальности просматривается иной тип семьи, матриархальный. Или это иная ситуация — мать больше времени проводит дома с детьми, они преимущественно сталкиваются с ней при принятии каких-либо решений, поэтому выдвигают ее на первые роли значительно чаще, чем она сама себя или муж. Кроме того, главой неполной семьи для молодежи и подростков тоже является мать, хотя сама она

иногда и не видит себя в таком качестве, отвечая «нет главы семьи» или ставя на эту роль кого-то из своих родителей (подростки же их на роль главы семьи почти никогда не выдвигают)

Примерно 30 % родителей и подростков и четверть числа молодых людей считают, что главой семьи являются в равной степени оба родителя, то есть прослеживается эгалитарный тип семьи, когда решения принимаются совместно родителями.

Крайне редкий случай в российских семьях, когда главой семьи является кто-то из старших родственников, преимущественно это неполные семьи. Значительная часть подростков и родителей либо не дали ответа на этот вопрос, либо затруднились с ответом.

Получить более объемное представление о распределении ролей в современной семье позволяет анализ данных об ответах респондентов на вопросы о том, какие обязанности выполняет каждый из членов семьи, с одной стороны, и каким видится идеальное распределение — с другой.

Кроме того, сравнение реальной и идеальной структуры распределения обязанностей позволяет выявить отличия в том, как взаимодействуют члены семьи в настоящее время, что им хочется изменить в сложившейся системе распределения ролей.

Большинство обязанностей в современной семье выполняет женщина. По мнению родительского поколения, в 46,3 % семей жена осуществляет присмотр за детьми (22,3 % муж и жена вместе), 49 % — уборкой квартиры (22,3 % — муж и жена вместе, 11,0 % — дети), 37,7 % — мытьем посуды (25,6 % — муж и жена вместе, 16,0 % — дети), 59,6 % — стиркой, 47,5 % — приготовлением пищи (26,1 % — муж и жена вместе). На долю супруга приходится денежное обеспечение семьи (30,9 %) и, в части семей, покупка продуктов и крупные покупки (по 11,9 %). Помимо мытья посуды и уборки квартиры дети принимают участие в уходе за домашними животными (202 %) и работе на приусадебном участке (11,9 %). Значительная часть семейных обязанностей возлагается совместно на мужа и жену.

Однако сложившаяся в реальности ситуация не является идеальной, особенно для женщин. В идеале при распределении обязанностей гораздо в большей степени домашние обязанности выполняются совместно мужем и женой, меньше обязанностей возлагается на жену. Особенно бросается в глаза желание сократить масштаб занятости женщин вне семьи, связанные с денежным обеспечением семьи (15,1 % в реальности и 0,6 % в идеале). Родители, женщины прежде всего, желают видеть больше совместной деятельности супругов по выполнению домашних обязанностей. Кроме того, хотелось бы большего участия детей в уходе за домашними животными.

Распределение ответов молодежи на вопрос о том, каким образом распределяются обязанности в их семье, близки к ответам старшего поколения. Наблюдается определенный перевес в сторону роли супруги, матери в семье (та, по мнению молодежи, в 27,5 % семей ведущая роль в денежном

обеспечении семьи принадлежит матери (по ответам родителей — 15,1 %). Кроме того, в силу возраста отвечающих — в большинстве случаев они проживают с родителями — чаще отмечается участие детей в выполнении домашних обязанностей.

Подытоживая, можно сказать, что в сегодняшней российской семье преобладают современные семейные ценности, что не умаляет ее значимости для россиян. Ценность семьи и детей в ней для жителей страны весьма велика, и что весьма важно, это сохраняется и в представлениях молодежи и подростков. Имеются все предпосылки для массового распространения двухдетной модели семьи. С одной стороны, это свидетельствует об успешности семейной и демографической политики в сфере поддержания ценности семейного образа жизни, с другой — о том, что эти меры необходимо развивать в данном направлении, используя имеющийся положительный отклик.

Список источников

1. *Загороднова К. П., Мордовина Л. В.* Духовные ценности повседневной культуры семьи // Аналитика культурологии [Электронный ресурс]. URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/440-article_23–4.html.

2. *Петрякова О. Л.* Влияние экономических факторов на трансформацию института семьи в России. Семья в кризисном обществе. Сб. науч. тр. / Под ред. Ф. А. Ильдархановой. — Казань : Центр инновационных технологий, 2009. — 366 с.

3. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой систему «Консультант Плюс».

4. Расширенная семья [Электронный ресурс]. URL: http://demographia.ru/node/648.

5. «Семья и рождаемость» Итоги выборочного обследования [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm.

6. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 год. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351. Ред. от 01.07.2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой систему «Консультант Плюс».

Информация об авторе

Петрякова Ольга Леонидовна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО (Россия, Москва, Макаренко 5/16. ippdrao@yandex.ru, info@iidsvrao.ru).

Petryakova O. L.

To the Question of the Analysis of Family and Reproductive Values of Russians as Fundamentals of Population Policy

The analysis of family and reproductive values is of considerable scientific interest, since reproductive behavior of the population is formed on their basis. Despite a number of measures taken in Russia, the birth rate remains below the simple reproduction of the population, and the maintenance of its population is provided mainly by migration processes. The study of reproductive values in several generations of Russians on the basis of the author's sociological research gives an idea of their transformation, the possibility of revival of traditional family values. The author relies on a number of sociological studies (including very large-scale, organized by Rosstat, as well as author's projects), uses the latest statistical data. The article presents the materials of comparative analysis of family and

reproductive values of different generations of Russians, of particular interest is the study in this aspect of the opinion of young people and adolescents, whose reproductive behavior is only formed, and it will continue to depend on the birth rate in the country. Based on the material presented, it is concluded that there is a potential to increase the birth rate to the level of simple reproduction of the population, the mass distribution of the two-child family model. However, the revival of traditional family values in their classical sense among most Russian families is questioned. The author suggests the necessity of carrying out pilot studies on this subject in order to monitor the effectiveness of implemented measures of family and demographic policy, the timely development of additional measures in connection with the identified changes.

Keyword: Transformation of family, family and reproductive values, family and demographic policy

References

1. Zagorodnova K. P., Mordovina L. V. Spiritual values of everyday culture of the family// Analytics of cultural science. Electronic edition [Electronic resource]. URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/440-article_23–4.html.

2. Petryakova O. L. Influence of economic factors on transformation of family institution in Russia. Family crisis society: Sat. scientific. labours' / Ed. by F. A. Ildarhanova — Kazan : Center for innovative technology, 2009. — 366 p.

3. About the approval of the Concept of the state family policy in the Russian Federation for the period till 2025. The order of the Government of the Russian Federation of 25.08.2014 N 1618-p [Electronic resource]. Accessed from the reference law system ConsultantPlus.

4. Extended family [Electronic resource]. URL: /http:/ http://demographia.ru/node/648.

5. «Family and fertility» results of the sample survey [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm.

6. About the approval of the Concept of demographic policy of the Russian Federation for the period till 2025. The decree of the President of the Russian Federation of 09.10.2007 N 1351. Edition of 01.07.2014 [Electronic resource]. Accessed from the reference law system ConsultantPlus:

Author

Petryakova Olga Leonidovna — candidate of economic Sciences of the ved. n. with., the Institute for the study of childhood, family and education RAO (Russia, Moscow Moscow, Makarenko 5/16).

УДК 331.526; 314.6

Тонких Н. В.

КОРРЕЛЯЦИЯ ХАРАКТЕРА ЖЕНСКОЙ ЗАНЯТОСТИ И КАЧЕСТВА ВЫПОЛНЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ФУНКЦИЙ[1]

Статья посвящена актуальным гендерным аспектам занятости: взаимосвязи характера женской занятости и возможности ее совмещения с выполнением родительских функций. Целью исследования является разработка методологических подходов к выявлению формы (форм) общественно полезного труда, характер которой (которых) позволяет женщинам успешно сочетать работу с деятельностью по уходу и воспитанию детей в возрасте от 1,5 до 14 лет. В соответствии с целью поставлены следующие задачи: уточнение понятия и оценочных критериев для типизации характера женской занятости; выбор показателей для оценки качества выполнения женщинами родительских функций; проведение пилотажного исследования затрат времени в течение стандартного дня незанятой женщины, имеющей детей в возрасте от 1,5 до 14 лет. В рамках обозначенных направлений работы получены следующие результаты. Автором уточнено содержание понятия «характер занятости», что позволило выделить и предложить три основных критерия для типизации занятости, важных для оценки корреляции характера занятости и родительского труда. Это территориальная организация рабочего места; гибкость трудовых отношений и продолжительность рабочего дня/недели. Предложено классифицировать затраты времени выполнения родительских функций на активные и пассивные виды. Обосновано использование для оценки качества родительского труда показателя величины и доли активных затрат времени женщины на выполнение родительских функций. В статье раскрываются результаты апробации метода самонаблюдения на примере исследования затрат времени стандартного дня незанятой женщины, имеющей детей в возрасте 6 и 11 лет. Предложен алгоритм обработки наблюдательных листов, позволяющий выявить корреляцию характера занятости по предложенным критериям типизации с качеством выполнения родительских функций. Полученные результаты позволят в дальнейших исследованиях выявить наиболее удачную форму продуктивной женской занятости, позволяющую сочетать работу и качественное выполнение родительских функций. По нашей гипотезе, такой формой может выступить дистанционная женская занятость.

Ключевые слова: женская занятость, родительские функции, забота о детях, воспитание детей, родительский труд, дистанционная занятость

---

[1] © Тонких Н. В. Текст. 2018.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–010–00774 «Исследование влияния развития дистанционной женской занятости на институт родительства».

Гендерные аспекты занятости являлись и являются актуальным объектом научных исследований. Проведена масса сравнительных оценок существующих различий в структуре занятости мужчин и женщин. Оценки касаются экономических, социологических и психологических параметров [2, 8, 9]. Большинство исследований приходит к выводу о наличии дискриминационных проблем в сегменте женской занятости. Эконометрическая аналитика состояния рынков труда различных стран доказывает наличие гендерных разрывов в уровнях оплаты труда. Есть ряд экспериментальных исследований, в результате которых выявлена дискриминация женщин на этапе найма: из кандидатов на вакансии, имеющих равные характеристики, на собеседование чаще всего приглашаются мужчины. Существует «специализация» отдельных видов экономической деятельности и профессий на «мужские» и «женские».

Пристальное внимание к проблемам женской занятости связано, прежде всего, с относительной молодостью женского равноправия и самостоятельности. Традиционной активностью женщин до сих пор является деятельность, связанная с рождением и воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства. Поэтому процессы развития женской продуктивной занятости часто рассматриваются в качестве фактора сокращения рождаемости и роста разводимости, что подтверждается разнонаправленностью обозначенных трендов в статистике.

Появились работы, в которых приводится теоретико-методологическое обоснование необходимости введения в научный оборот терминов «родительский труд», «репродуктивный труд», «репродуктивная активность». А.П. Багирова отмечает, что с экономической точки зрения репродуктивный труд можно рассматривать как процесс сознательной, целесообразной деятельности людей, с помощью которой они формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала, удовлетворяя в процессе этого труда как общественные, так и личные потребности [1]. Она предлагает рассматривать категорию репродуктивной активности в поле экономики труда, раскрывает предмет, средства и продукт репродуктивного труда, его содержательную сторону и функции.

Однако, несмотря на достаточно глубокое внимание к гендерной политике, остается ряд актуальнейших вопросов, которые требуют дальнейшего изучения. Один из них связан с возможностью успешного сочетания женщинами общественно полезной трудовой деятельности и репродуктивного труда, выполнения родительских функций. Именно этой проблеме посвящена настоящая статья.

Целью исследования является разработка методологических подходов к получению ответа на поисковый вопрос: «существует ли форма (формы) общественно полезного труда, характер которой (которых) позволяет женщинам успешно сочетать работу с деятельностью по уходу и воспитанию детей в возрасте от 1,5 до 14 лет». В соответствии с целью поставлены следующие задачи и направления исследовательской работы: уточнение

понятия и оценочных критериев для типизации характера женской занятости; выбор показателей для оценки качества выполнения женщинами родительских функций; проведение пилотажного исследования затрат времени в течение стандартного дня незанятой женщины, имеющей детей в возрасте от 1,5 до 14 лет.

В экономической литературе встречаются различные классификации и понятийные трактовки форм и видов занятости [5, 3]. Группировка по видам занятости проводится чаще всего по принятой в статистическом учете классификации видов экономической деятельности[1], а классификация по формам занятости проводится в зависимости от организационно-правовых условий трудоиспользования. К формам занятости принято относить полную занятость, неполную, самозанятость, гибкую занятость и другие формы, обладающие некой совокупностью свойств или характеристик. Какого-то устоявшегося перечня, классификатора форм занятости нет, в связи с динамично меняющимися социально-экономическими условиями они находятся в постоянном развитии, уточнении и дополнении [6,7]. Так, относительно недавно занятость стали делить на две большие группы: стандартную и нестандартную. Классификация проводится в зависимости от следующих параметров: продолжительности рабочего времени; графика работы; способа организации рабочего места (на территории работодателя/дома); применения/неприменения современных телекоммуникационных технологий выполнения трудовых функций; других характеристик условий труда. Разным формам занятости присущи как схожие, так и отличительные, особые характеристики. К примеру, в условиях как полной, так и неполной занятости женщине может быть предоставлено право самостоятельно определять график своей работы (время прихода/ухода), рабочее место может быть стационарным и нестационарным, как в том, так и в другом случае. Поэтому на первом этапе поиска ответа на поставленный исследовательский вопрос о сочетании продуктивной занятости и родительских функций занятость целесообразно группировать не по укрупненным формам, а по более детальным признакам, определяющим характер занятости.

Под характером занятости мы предлагаем понимать совокупность всех свойств и характеристик условий труда, определяющих ее форму и тот или иной образ социально-трудовых отношений, поведения и жизни человека. Перечень характеристик достаточно широк: степень вредности (оптимальные, допустимые, вредные и опасные условия труда)[2]; степень

[1] Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД) [Электронный ресурс]. URL.: http://www.gks.ru/metod/classifiers.html (дата обращения 14.02.2018).

[2] О специальной оценке условий труда: Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ (ред. от 01.05.2016) Статья 14. Классификация условий труда [Электронный ресурс]. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/4a4183762b40bc594a54f8ae5656a21be2633daf (дата обращения 11.03.2018).

тяжести (легкие, средней тяжести, тяжелые условия труда); продолжительность рабочего дня (полная занятость, частичная/неполная; сверхзанятость); продолжительность рабочей недели; гибкость трудовых отношений (возможность регулировать время прихода/ухода); условия оплаты труда (повременная, сдельная); степень автоматизации; территориальный способ организации рабочего места; степень применения современных телекоммуникационных технологий (условия труда позволяют работать дистанционно; условия труда позволяют выполнять часть работы дистанционно; условия труда не позволяют выполнять работу дистанционно); способ оформления трудовых отношений (стандартное оформление трудовых договоров, неформальная занятость, фриланс (договора гражданско-правового характера)); статус занятости (работа по найму, самозанятость, индивидуальное предпринимательство). Остановимся на этом неполном списке. В нашем исследовании важны лишь отдельные характеристики занятости, выбранные нами на основе теоретических умозаключений о гипотетической связи между отдельными характеристиками занятости и успешностью ее сочетания с выполнением родительских функций. А именно: территориальная организация рабочего места; продолжительность рабочего дня/недели; гибкость трудовых отношений. По выделенным характеристикам предлагается использовать следующие оценочные критерии (табл. 1).

Выбор показателей для оценки качества выполнения родительских функций, с целью дальнейшего выявления его корреляции с характером занятости, — достаточно сложная задача, требующая глубокой теоретико-методологической проработки. Следует учитывать, что качественные оценки сложно поддаются унификации и количественному учету. Так, А.П. Багирова отмечает, что форма оценки репродуктивного эффекта от выполнения репродуктивных и родительских функций может быть настоящей и будущей (ожидаемой). Она выделяет многоуровневость форм оценок: семейный, региональный, федеральный уровни. В качестве основного результата репродуктивного труда видит человеческий капитал, который надо оценивать дифференцированно в зависимости от категории населения. Предлагает первую категорию населения, к которой относит численность экономически активного населения, оценивать с позиций теории человеческого капитала, через определение объема человеческого капитала. Вторую категорию населения (будущее экономически активное население) А.П. Багирова считает возможным оценивать через функцию зависимости объема человеческого капитала от стажа будущего пребывания в категории экономически активного населения, возраста экономически неактивного населения и вероятности дожития населения до определенного возраста. Данная модель разработана по аналогии модели В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова, на основе которой ими выявлена зависимость между заработной платой и возрастом работников в Российской Федерации [4].

Таблица 1

Оценочные критерии для типизации характера занятости во взаимосвязи с выполнением родительских функций

Характеристика занятости	критерий	причинно-следственная связь с выполнением родительских функций
Территориальная организация рабочего места	Пространственное закрепление рабочего места: на территории работодателя; на территории заказчика; домашнее рабочее место (надомный труд без применения интернет-технологий, физический труд); стационарно-дистанционное (дистанционная занятость на дому); мобильно-дистанционное рабочее место (выполнение работы дистанционно при помощи современных гаджетов и техники из любой точки пространства)	Необходимость добираться до рабочего места на территории работодателя или заказчика сокращает количество времени возможного выполнения родительских функций
Продолжительность рабочего дня/недели	Количество часов работы в неделю: 0 час; от 1до 10; от 11 до 20; от 21 до 30; от 31 до 40; свыше 40	Большее количество часов работы приводит к сокращению времени выполнения родительских функций, что отражается на его качестве
Гибкость трудовых отношений	Возможность регулировать время прихода/ухода: полная (женщина сама регулирует время начала и окончания работы); частичная (есть часы обязательного присутствия); фиксированная (время работы устанавливается работодателем)	Возможность переноса часов работы на удобное для женщины время в течение дня/недели позволяет выполнять родительские функции в более полном объеме, например, доставлять детей в школу, кружки, больницу

В рамках нашего исследования наибольший интерес вызывают подходы к оценке человеческого капитала для третьей категории населения (субъекта репродуктивного поведения) — женщин, занимающихся воспитанием и уходом за детьми. Здесь А.П. Багирова предлагает несколько направлений, в частности, проводить оценку по количественно-качественным результатам репродуктивного труда: степени удовлетворенности результатами репродуктивного труда, успешностью детей, эмоционально-психологическим взаимодействием с детьми, материальным положением

после выхода из состояния экономической активности, обеспеченностью продуктами питания и другим результатам. Интересны также подходы к оценке результатов репродуктивного труда на основе заработных плат в продуктивном секторе и заработных плат в секторе социальной репродукции. Представленные идеи ценны для понимания природы выбора женщинами подходящей для себя модели репродуктивного поведения. Она базируется на субъективном восприятии и сопоставлении условий занятости в продуктивном секторе и условий занятости в репродуктивном, родительском труде. Однако посчитать заработную плату в секторе социальной репродукции пока не представляется возможным, поэтому в реальности проведение сопоставительной оценки зарплат женщин в разных сферах трудовой деятельности объективно затруднено. Но сама идея сопоставления отношения женщин к условиям своей занятости перспективна. По нашему мнению, вместо стоимостного критерия оценки результатов родительского труда целесообразно использование показателя трудоемкости, то есть затрат времени на выполнение родительских функций.

Затраты времени выполнения родительских функций можно разбить на следующие группы: время ухода за детьми, время воспитания детей, время досуга и культурно-спортивных мероприятий. Учитываются только те виды деятельности, которые выполняла сама мама непосредственно, не перекладывая их на нянь, пап, бабушек и других лиц. Суммирование этих затрат времени дает количественную оценку величины родительского труда.

Проведение качественной оценки выполнения родительских функций представляется возможным с помощью дополнительной группировки затрат времени на активную и пассивную части (табл. 2).

По нашему мнению, качество выполнения родительских функций отражают именно активные затраты времени мамы на непосредственное и живое участие в процессах ухода, воспитания, досуга и культурно-спортивных мероприятий. Теоретически возможна ситуация, когда мама не занята продуктивным трудом, является домохозяйкой, но при этом ее активные затраты времени на выполнение родительских функций минимальны, дети заняты либо самостоятельно, либо их развитие контролируется наемным персоналом. Таким образом, величину и долю активных затрат времени женщины на выполнение родительских функций можно отнести к качественному показателю результатов родительского труда.

Ниже представлен фрагмент пилотажного исследования, самонаблюдения за выполнением родительских функций женщиной-домохозяйкой, у которой двое детей. Исследование проводилось в мае 2018 года. Стандартный режим дня женщины: подъем в 7 часов утра, отбой (сон) — в 23 час. 30 мин. Продолжительность дня женщины — 16 часов 30 минут (990 мин.). Старший ребенок (11 лет) ходит в школу в первую смену самостоятельно. Младший ребенок (6 лет) не ходит в детский сад и целый день находится вместе с мамой.То есть мама с утра и до вечера занимается

Таблица 2

Оценочные критерии для типизации качества затрат времени на выполнение родительских функций*

Группа затрат времени	Уход за детьми	Воспитание детей	Досуг и культурно-спортивные мероприятия
Активные затраты	Купание ребенка Кормление ребенка	Изучение алфавита Совместное чтение	Совместный просмотр фильма Совместные спортивные игры
Пассивные затраты	Домашний присмотр за ребенком (ребенок находится в одной квартире с мамой, но занимается своими играми и делами самостоятельно)	Ребенок читает по заданию мамы (сама мама занята своими делами)	Ребенок ходит в спортивную секцию (мама только доставляет ребенка в секцию)

* В таблице представлены отдельные примеры затрат времени на выполнение родительских функций, фрагмент.

Таблица 3

Фрагмент самонаблюдения за выполнением родительских функций

Текущее время, час-мин.	Затраты времени	Продолжительность, мин.
Понедельник 21.05.18		
07.00–07.30	сбор в школу старшего ребенка	30
10.00 -10.30	завтрак с младшим ребенком	30
12.30–13.00	занятия с младшим (чтение, выполнение логопедических упражнений)	30
14.00–14.30	обед	30
17.30–19.15	прогулка	105
20.00–20.30	ужин	30
21.40–22.30	подготовка ко сну (водные процедуры и чтение книг)	50
Итого:		305
Вторник 22.05.18		
07.00–07.30	сбор в школу старшего ребенка	30
10.00 -10.30	завтрак с младшим ребенком	30
18.00–19.00	приготовление ужина и ужин	60
19.00–19.20	помощь в выполнении домашнего задания старшему ребёнку	20
21.00–22.00	уделила время младшему ребёнку (рисовали, читали, укладывала спать)	60
Итого:		200

выполнением родительских функций. Однако не все это время можно отнести к качественным (активным) затратам родительского труда (табл. 3).

В таблице 3 указано только активное время, которое мама уделяла только детям. Его доля от продолжительности дня женщины колеблется в диапазоне от 20 до 31 %.

Таким образом, возможна ситуация, когда мама занята, работает и при этом успевает качественно выполнять свои родительские функции, как и неработающая женщина. Полученные результаты будут использованы в дальнейших проектах по исследованию качества совмещения занятости женщин и родительских функций. Время на выполнение родительских функций предлагается фиксировать с помощью апробированного выше метода самонаблюдения, который в нормировании труда называется самофотографией рабочего времени. Предлагаемый алгоритм проведения самофотографии: женщина в течение всего дня с момента пробуждения и до момента укладывания спать фиксирует в наблюдательном листе свои затраты времени на выполнение родительских функций, отмечая момент окончания выполнения того или иного дела. Параллельно отмечается, совмещалось ли выполнение родительского труда одновременно с продуктивной и иной занятостью, с выполнением других задач. На этапе обработки наблюдательных листов будет проводиться корреляция характера занятости по предложенным в таблице 1 критериям типизации. Исследование позволит выявить наиболее удачную форму продуктивной женской занятости, позволяющую сочетать работу и качественное выполнение родительских функций. По нашей гипотезе, такой формой может выступить дистанционная женская занятость.

Список источников

1. *Багирова А. П.* Теоретико-методологические проблемы управления репродуктивной активностью. — Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. — 220 с.

2. *Багирова А. П., Ворошилова А. И.* Родительский труд: уровни и подходы к социологическому изучению // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (35). — С. 150–159.

3. Мобильность и стабильность на российском рынке труда // Вишневская Н. Т., Воскобойников И. Б., Гимпельсон В. Е., Денисенко М. Б., Жихарева О. Б., Зудина А. А., Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л., Ощепков А. Ю., Чернина Е. М., Шарунина А. В. — М., 2017. — 317 с.

4. *Гимпельсон В. Е.* Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников // BeyondTransition. — 2007. — № 16. — С. 7–8.

5. *Луданик М. В.* Дистанционная занятость в России: перспективы развития и проблемы регулирования //Уровень жизни населения регионов России. — 2007. — № 8–9. — С. 71–86.

6. *Луданик М. В.* Формирование новых типов трудовых отношений в условиях несовершенства российского законодательства // Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие: сб. статей по материалам Шестой международной научной конференции. — 2013. — С. 654–661.

7. *Тонких Н. В., Камарова Т. А.* Оценка распространенности нестандартной занятости на рынке труда Свердловской области по результатам социологического исследования // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. — 2017. — № 2 (58). — С. 185–196.

8. *Хуснутдинова Г. Ф., Воробьев Е. М.* Женщины с детьми на рынке труда: обучение и переобучение с целью трудоустройства // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1–1. — С. 1498.

9. *Шутова Н. В.* Генезис научных представлений о родительском труде: социологический аспект // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. — 2016. — № 8. — С. 145–151.

Информация об авторе

Тонких Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом ФБГОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: nvvorob1@mail.ru); старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: nvvorob1@mail.ru).

Tonkikh N. V.

Correlation of Nature of Female Employment and Quality of Performance of Parentalfunctions

Article is devoted to actual gender aspects of employment: interrelations of nature of female employment and possibility of its combination with performance of parental functions. A research objective is development of methodological approaches to identification of a form (forms) of socially useful work, which character (whom) allows women to combine successfully work with activities for leaving and education of children aged from 1,5 till 14 years. According to the purpose the following tasks are set: specification of concept and estimated criteria for typification of nature of female employment; a choice of indicators for an assessment of quality of performance by women of parental functions; carrying out flight research of expenses of time during the standard day of the unoccupied woman having children aged from 1,5 till 14 years. Within the designated areas of work the following results are received. The author specified the content of the concept «nature of employment» that allowed to allocate and offer three main criteria for typification of employment, important for an assessment of correlation of nature of employment and parental work. It is the territorial organization of a workplace; flexibility of the labor relations and duration of a working day of the week. It is offered to classify costs of time of performance of parental functions of active and passive types. Use for an assessment of quality of parental work of an indicator of size and a share of active expenses of time of the woman for performance of parental functions is proved. In article results of approbation of a method of introspection on the example of research of expenses of time of standard day of the unoccupied woman having children at the age of 6 and 11 years reveal. The algorithm of processing of observation sheets allowing to reveal correlation of nature of employment by the offered criteria of typification with quality of performance of parental functions is offered. The received results will allow to reveal the most successful form of productive female employment allowing to combine work and high-quality performance of parental functions in further researches. On our hypothesis as such form remote female employment can act.

Keywords: female employment, parental functions, care of children, education of children, parental work, remote employment.

Acknowledgement

Article is prepared with assistance of the Russian Federal Property Fund within the scientific Research of Influence of Development of Remote Female Employment project No. 18–010–00774 on institute of a roditelstvo.

References

1. Bagirova A. P. Teoretiko-metodologichesky problems of management of reproductive activity. — Ekaterinburg: Ugtu-UP, 2009. — 220 p.

2. Bagirova A. P., Voroshilova A. I. Roditelsky work: levels and approaches to sociological studying //Bulletin of the Surgut state pedagogical university. — 2015. — No. 2 (35). — P. 150–159.

3. Vishnevskaya N. T., Voskoboynikov I. B., Gimpelson V. E., Denisenko M. B., Zhikharev O. B., Zudin A. A., Kapelyushnikov R. I., Lukyanova A. L., Oshchepkov A. Yu., Chernina E. M., Sharunina A. V. Mobilnost and stability in the Russian market work. –Moscow, 2017. — 317 p.

4. Gimpelson V. E. A salary in Russia: evolution and differentiation / V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov // Beyond Transition. — 2007. — No. 16. — P. 7–8.

5. Ludanik M. V. Remote employment in Russia: prospects of development and problem of regulation // Standard of living of the population of regions of Russia. — 2007. — No. 8–9. — P. 71–86.

6. Ludanik M. V. Formation of new types of the labor relations in the conditions of imperfection of the Russian legislation // Innovative development of Economy of Russia: a regional variety the Collection of articles on materials of the Sixth international scientific conference. — 2013. — P. 654–661.

7. Tonkikh N. V., Kamarov of T. A. Otsenk of prevalence of non-standard employment in labor market of Federation of Sverdlovsk region by results of sociological research //Messenger of Omsk university. Series: Economy. — 2017. — No. 2 (58). — P. 185–196.

8. Husnutdinova G. F., Vorobyov E. M. Women with children in labor market: training and retraining for the purpose of employment // Modern problems of science and education. — 2015. — No. 1–1. — P. 1498.

9. Shutova N. V. Genesis of scientific ideas of parental work: sociological aspect // Policy, economy and social sphere: interaction problems. — 2016. — No. 8. — P. 145–151.

Author

Tonkikh Natalia Vladimirovna — candidate of sience, associate professor of Labour economics and personal management department, Ural State University of Economics (Russia, Yekaterinburg, 8th of March Str., 62; e-mail: nvvorob1@mail.ru); senior research associate of Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29;e-mail:nvvorob1@mail.ru).

УДК 314.32.

Черешова С. В.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И МОТИВАЦИИ СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА[1]

Работа посвящена вопросу об особенностях самоидентификации и мотивов субъектов родительского труда. Основываясь на анализе теоретической и методологической литературы, автор приходит к выводу, что мотивация субъекта родительского труда структурно сложна и не может быть отождествлена только с проявлением любви к детям. Автор приходит к выводу, что мотивация субъекта родительского труда определяется актуальными потребностями и может сводиться к одному из следующих мотивов или их комбинации: любовь к детям, желание продолжить род, стремление изменить социальный статус, компенсация нереализованных личных амбиций, выполнение личного долга, выполнение долга перед обществом, получение материальной выгоды. Анализируя данные собственного социологического исследования, автор приходит к выводу, что любовь к детям является наиболее распространенным, но вовсе не единственным мотивом, определяющим специфику действий реальных субъектов родительского труда.

Ключевые слова: труд, родительский труд, субъект родительского труда, мотивация

Родительский труд и особенности его выполнения в различных социальных и экономических контекстах вызывают интерес отечественных социологов уже на протяжении долгого времени. Труды таких авторов, как М.Г. Абилова [1], А.П. Багирова [2], Д.Г. Быкова [4], А.М. Илышев [6], М.М. Пшеничникова [11] не только закладывают методологическую основу изучения родительского труда, но и обозначают конкретные перспективы использования данной категории в научном анализе. Перспективность этого направления — в его междисциплинарном характере: категория родительского труда предполагает особую социально-экономическую трактовку родительских отношений, которые ранее было принято рассматривать лишь в рамках социологии семьи. Собственно, хотя вокруг точного смыслового наполнения категории «родительский труд» и сохраняются в настоящий момент определенные дискуссии, ее базовое, общее понимание, пожалуй, уже устоялось. Чаще всего под родительским трудом подразумевают особую разновидность вознаграждаемой деятельности человека, которая связана с рождением и воспитанием детей и нацелена на воспроизводство человеческих ресурсов, человеческого капитала общества [9]. Применение такой специфической логики к анализу действий родителей открывает много исследовательских перспектив потому, что предполагает отход от упрощенного описания поведения родителя только как результата его любви и привязанности к детям. Опираясь на категорию родительского труда, мы получаем возможность описать действия

[1] © Черешова С. В. Текст. 2018.

родителя как сложный и многогранный процесс, специфика и результат которого зависят от целого ряда факторов, не сводимых исключительно к проявлениям любви. В частности, мы получаем возможность детально реконструировать систему истинных мотивов субъекта родительского труда, которая может быть гораздо сложнее эмоционального желания заботиться о детях. В данной работе мы продемонстрируем результаты нашего собственного социологического исследования, целью которого была реконструкция и описания реальных мотивов, лежащих в основе действий субъектов родительского труда.

Анализ соответствующей проблематики разумно начать с уточнения базовой системы мотивов, которые потенциально могут лежать в основе действий субъекта родительского труда. С теоретических позиций к реконструкции мотивов субъекта родительского труда можно подойти по-разному. Например, один из самых напрашивающихся шагов в данном случае — опора на классический подход М. Вебера: отталкиваясь от его логики, мы вполне можем заключить, что действия субъекта родительского труда направляют аффективные, традиционные, ценностнорациональные или целерациональные мотивы [5]. Потенциально можно опереться и на другой классический подход — теорию Т. Парсонса: в этом случае нам следует интерпретировать мотивы субъекта родительского труда как реакцию на конкретные адресные запросы социальной системы [10, с. 20]. По-своему перспективной может оказаться и опора на теорию символического интеракционизма, представленную в трудах Дж. Г. Мида [7] и Г. Блумера [3] и предполагающую, что в основе действий индивида так или иначе лежит разновидность его самопрезентации в обществе. Очевидно, что концептуальную основу для выявления мотивов субъекта родительского труда можно обнаружить и во многих других классических для социологии теориях. Однако важно учитывать, что отличительная черта всех этих подходов — в системности, глобальности. Каждый из упомянутых подходов претендует на создание универсальной объяснительной модели, потенциально применимой для интерпретации любых социальных действий. Классические теоретические подходы по сути лишь обозначают направление для поиска мотивов действий человека в той или иной конкретной ситуации. Поэтому при анализе частной проблематики родительского труда более плодотворно опираться на более локальные и нишевые теоретические разработки. Одна из таких частных теоретических разработок — теория детерминации поведения человека, разработанная А.В. Меренковым. Согласно подходу А.В. Меренкова, изначальный стимул к совершению любого человеческого поступка создает осознание необходимости — то есть понимание негативных последствий, которые случатся, если поступок совершен не будет [8, с. 144]. Как только человек осознает необходимость, он формирует потребность, то есть установку на совершение какого-то конкретного действия, которое поможет избежать наступление негативных последствий и преодолеть необходимость [8, с. 149]. Конкретные действия человека, по

логике А.В. Меренкова, могут быть очень разными, но исходная их основа в любом случае лежит в понимании необходимости и соответствующей потребности. Опора на подход А.В. Меренкова напрямую подводит нас к пониманию потенциальных мотивов субъекта родительского труда.

Опираясь на теорию А.В. Меренкова, мы получаем возможность предположить, что исходными стимулами действий субъекта родительского труда могут являться несколько ключевых мотивов, обусловленных сложившимися необходимостями и потребностями. Первый мотив — это мотив любви, связанный с неравнодушным отношением к детям, достижением эмоционального удовлетворения от самого факта заботы о них. Второй мотив — это желание продолжить свой род, воплотить себя и свою семью в ребенке, который становится объектом родительского труда. Третий мотив — выполнение общественного долга, по сути стремление субъекта выполнять родительский труд ради того, чтобы общество получало возможность самовоспроизводства. Четвертый мотив — личный долг, выполнение родительского труда в силу наличия у субъекта каких-то внутренних убеждений, диктующих ему необходимость выполнения такого труда. Пятый мотив — изменение социального статуса: выполняя родительский труд, субъект стремится изменить свое положение в обществе (допустим, изменить семейное положение). Шестой мотив — получение материальной выгоды: родительский труд в данном случае выполняется субъектом ради заранее известного прямого вознаграждения. Наконец, седьмой мотив — компенсация нереализованных личных амбиций, ориентация субъекта на достижение ребенком таких жизненных успехов, которых не смог достичь он сам. Конечно, перечисленная система потенциальных мотивов субъекта родительского труда вовсе не универсальна и не всеобъемлюща. По сути эти мотивы — лишь результат аналитического домысливания нами теория детерминации человеческого поведения А.В. Меренкова. Поэтому перечень этих мотивов может как корректироваться, так и дополняться. Кроме того, важно понимать, что важность конкретных мотивов у разных субъектов родительского труда в любом случае может определяться ситуативно, поэтому у нас нет никаких оснований считать, будто какие-то из этих мотивов имеют более высокую важность, чем другие. Тем не менее, на такой перечень мотивов возможно опираться при проведении эмпирического исследования и оценки реальных мотивов конкретных субъектов родительского труда. Поэтому именно эту систему мотивов мы положили в основу своего анализа.

Эмпирическая база для исследования мотивов субъекта родительского труда была выполнена нами на базе Уральского федерального университета в период с ноября 2017 г. по февраль 2018 г. Непосредственным методом исследования стало раздаточное анкетирование субъектов родительского труда, выполненное с применением квотной выборки по профессиональной принадлежности, полу и возрасту. Начиная исследовательские работы, мы принимали во внимание, что потенциально к субъектам родительского

труда следует причислять не только наиболее очевидных его исполнителей, родителей и других родственников детей, но и тех людей, которые не состоят с детьми в родственных отношениях, но в силу своей профессиональной деятельности тоже с ними активно взаимодействуют: нянь, воспитателей, учителей, сотрудников детских садов и т. д. При этом мы также понимали, что содержательное наполнение родительского труда и сами мотивы его выполнения у таких людей могут существенно отличаться от того, что характерно для родителей и прямых родных детей. Поэтому нам было важно не только просто опросить обе категории субъектов родительского труда (родителей (родственников) и профессиональных сотрудников), но и сравнить их ответы. Всего было опрошено 272 респондента, относящихся к подгруппе родителей и близких родственников детей, и 254 респондента, относящихся к подгруппе профессиональных специалистов, связанных с выполнением родительского труда. Анкета содержала вопросы о специфике самоидентификации субъектов родительского труда и мотивов, которыми обусловлена их деятельность. Проанализировав результаты опроса, мы смогли прийти к нескольким интересным выводам.

Во-первых, как и ожидалось, самоидентификация субъектов родительского труда у профессиональных работников выражена слабее, чем у родителей и прямых родственников. Она прослеживается у абсолютного большинства родителей и прямых родственников детей: более 97 % из них отмечают, что воспринимают себя в таком качестве. Среди профессиональных работников (а это, напоминаем, няни, учителя, воспитатели и т. д.) такая идентичность прослеживается реже: ее у себя отмечают только 63,4 %. Впрочем, здесь важно понимать, что большинство профессиональных работников все равно в целом склонны воспринимать себя как субъектов родительского труда: такая самоидентификация предсказуемо встречается у них реже, чем у родителей и родственников, но все равно очень распространена (рис. 1).

Во-вторых, доминирующие мотивации выполнения родительского труда у родителей (родственников) и профессиональных сотрудников оказались принципиально похожими. Здесь следует пояснить: мы понимали, что сам характер родительского труда и его понимание у родителей (родственников) и профессиональных работников различны. Поэтому вопросы о мотивации задавались им в разных формулировках, адаптированных под специфику их родительского труда. Например, мотив «продолжение рода» в анкете для родителей и близких родственников был сформулирован как «хочу вырастить ребенка, который будет продолжением моего “я” и моей семьи, вберет в себя все самые лучшие качества», а в анкете для профессиональных сотрудников звучал как «мне важно, чтобы дети, с которыми я работаю, выросли такими, какими я бы хотел видеть своих собственных детей». Однако даже несмотря на несколько разные, адаптированные формулировки мотивов, преобладающая структура мотивов у обеих разновидностей субъектов родительского труда оказалась близкой.

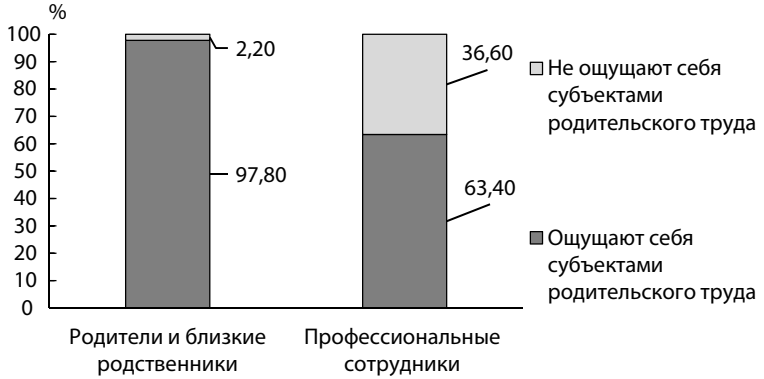

Рис. 1. *Самоидентификация субъектов родительского труда (альтернативный вопрос, % от числа ответивших)*

В обоих случаях ключевым мотивом оказалось проявление любви к детям, на фоне него другие мотивы отошли на второй план (рис. 2). Получение выгоды, изменение социального статуса и другие мотивы не вызывают массового отторжения, но все же прослеживаются они лишь у относительного меньшинства в обеих обследованных подгруппах.

В-третьих, мотивация для выполнения родительского труда в обеих группах опрошенных имеет сложный многогранный характер. Видно, что

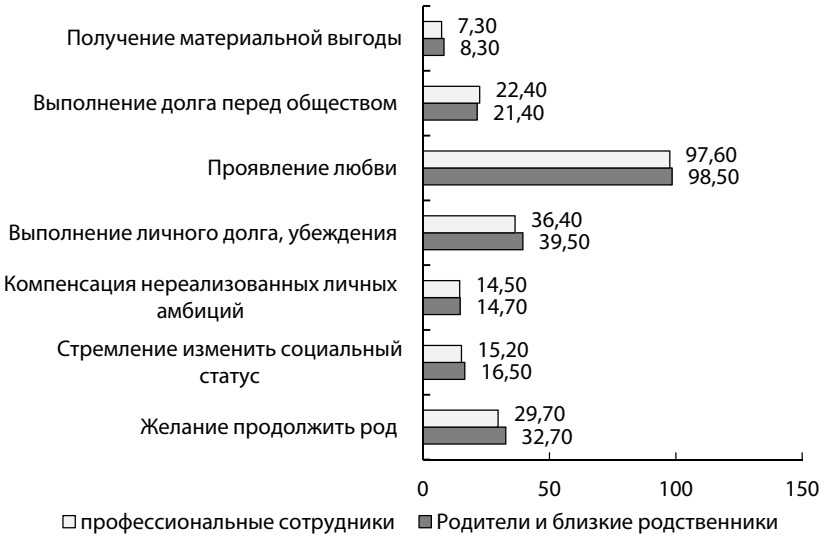

Рис. 2. *Мотивация субъектов родительского труда (поливариантный вопрос, % от числа ответивших)*

и среди родителей (родственников, и среди профессиональных сотрудников проявление любви к детям оказалось наиболее выраженным мотивом выполнения родительского труда, но вовсе не единственным. Судя по полученным ответам, мотивы долга и желания продолжить род также играют свою роль в мотивации субъектов родительского труда, пусть и вторичную. В любом случае плодотворность самой идеи о том, что мотивация субъекта родительского труда сложна и не сводится только к проявлениям любви, в данном случае подтвердилась.

Подводя общие итоги проведенного исследования, мы можем отметить, что выявленная нами мотивация субъектов родительского труда оказалась относительно многогранной, но по сути универсальной. Она почти в одинаковом виде прослеживается и у родителей и близких родственников, и у профессиональных работников, чья деятельность связана с выполнением родительского труда. При этом анализ показал и принципиальную сложность сложившейся мотивации разных субъектов родительского труда, невозможность ее сужения только до какого-то одного параметра. Практически у всех опрошенных субъектов родительского труда встречается мотив любви к детям, но почти ни у кого из них он не является единственным. Можно сказать, что потенциально мотивация субъекта родительского труда действительно принципиально не сводима только к проявлению любви к детям и предполагает проявление каких-то других вариантов мотивации, наиболее частыми из которых являются долг и желание продолжить род. Специфика поведения конкретного субъекта, вероятнее всего, зависит от того, как в его намерениях сочетаются эти мотивы.

Список источников

1. *Абилова М. Г.* Активизация репродуктивного труда в России: методы оценки эффективности процесса и их реализация // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. — 2010. — № 3. — С. 64–66.

2. *Багирова А. П.* Методология исследования репродуктивной активности как развитие теоретических основ экономики репродуктивного труда : дис. … д-ра экон. наук. — Екатеринбург, 2009. — 353 с.

3. *Блумер Г.* Общество как символическая интеракция [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/16710989.html.

4. *Быкова Д. Г.* Оценка результатов родительского труда на примере его дошкольной стадии // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление. Мат-лы ежегод. науч.-практ. конф. по проблемам социально-трудовых отношений. — Воронеж, 2016. — С. 33–38.

5. *Вебер М.* Основные социологические понятия [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/osn_soc.php.

6. *Илышев А. М., Лаврентьева И. В.* Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России. — М. : ИД «Финансы и кредит», 2005. — 368 с.

7. *Кравченко Е. И.* Научные мировоззрения Дж. Г. Мида в курсе истории и теории социологии // Социологические исследования. — 2010. — № 10. — С. 131–140.

8. *Меренков А. В.* Человек. Взаимосвязь природного и социокультурного. — Екатеринбург : УГГУ, 2007. — 280 с.

9. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка интеракция [Электронный ресурс]. URL: http://www.etextlib.ru/book/details/41088.

10. *Парсонс Т.* Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 270 с.

11. *Пшеничникова М. М.* Родительский труд как объект экономического анализа // Экономический анализ: теория и практика. — 2010. — № 39. — С. 23–29.

Информация об авторе

Черешова Светлана Васильевна — аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620075, Российская Федерация).

Chereshova S. V.

Sociological Analysis of Self-Identification and Motivation of Subject of Parental

The paper is devoted to the analysis of peculiarities of self-identification and motivation of subjects of parental labor. Basing on the data of theoretical and methodological analysis the author concludes that the motivation of subject of parental labor is determined by its actual needs and can be reduced to one of the following motives or their combination: love for children, the desire to continue the race, the desire to change social status, compensation for unrealized personal ambitions, the fulfillment of personal duty, the performance of a debt to society, the receipt of material benefits. Based on the analysis of his own sociological research, the author comes to the conclusion that the most of subject see love as the main reason for their parental labor. However, the motivation of most subjects of parental labor is not limited by this motive and includes other positions.

Keywords: parent, work, parental work, motivation, subject of parental work

References

1. Abilova M. G. Revitalization of reproductive work in Russia: methods for assessing the effectiveness of the process and their implementation // Bulletin of the Magnitogorsk State Technical University named after. G. I. Nosov. — 2010. — № 3. — P. 64–66.

2. Bagirova A. P. Methodology of research of reproductive activity as development of theoretical bases of economy of reproductive work. Thesis for the degree of Doctor of Economic Sciences. — Ekaterinburg, 2009. — 353 pp.

3. Bloomer G. Society as a symbolic interaction [Electronic resource]. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/16710989.html.

4. Bykova D. G. Evaluation of the results of parental labor on the example of its preschool stage // Innovative dominants of the social and labor sphere: economics and management. Materials of the annual scientific and practical conference. — Voronezh, 2016. — P. 33–38.

5. Weber M. Basic sociological concepts [Electronic resource]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/osn_soc.php.

6. Ilyshev A. M., Lavrentieva I. V. The strategy of including reproductive labor in the Russian economy. — M. : Finances and credit, 2005. — 368 p.

7. Kravchenko E. I. JG Meade in the course of history and the theory of sociology // Sociological research. — 2010. — № 10. — P. 131–140.

8. Merenkov A.V. Human: natural and sociocultural. — Ekaterinburg: USMU, 2007. — 280 p.

9. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of Russian language interaction [Electronic resource]. URL: http://www.etextlib.ru/book/details/41088.

10. Parsons T. The system of modern societies. Moscow: Aspect Press. 1998. 270 pp.

11. Pshenichnikova M. M. Parental labor as an object of economic analysis // Economic analysis: theory and practice. — 2010. — № 39. — P. 23–29.

Author

Chereshova Svetlana Vasilevna — Postgraduate Student of the Chair of Sociology and Technology of the State and Municipal Administration Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (51, Lenin Ave., Ekaterinburg, Sverdlovsk region, 620075, Russian Federation, e-mail: s.v.chereshova@yandex.ru).

УДК 316.4

Шамсутдинова Н. К., Ягафарова Д. Г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН О ПРИОРИТЕТАХ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Актуальность работы связана с необходимостью совершенствования механизмов реализации семейной и демографической политики Российской Федерации и ее субъектов, в том числе Республики Башкортостан, с участием некоммерческих организаций (НКО) как одного из активных субъектов данной деятельности. В статье представлена оценка приоритетных задач семейной политики на региональном уровне руководителями некоммерческих организаций Республики Башкортостан, непосредственно ориентирующихся на поддержку семьи и семейных ценностей, оценен потенциал участия некоммерческого сектора в их реализации. Эмпирической основой исследования являются результаты проведенного Центром изучения человеческого потенциала ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» в 2017 г. экспертного опроса руководителей некоммерческих организаций по целевой выборке, с общим объемом выборки 96 экспертов. Показано, что ведущими задачами государственной семейной политики на региональном уровне респонденты считают повышение уровня жизни семей с детьми, однако значительная доля экспертных оценок приходится также на подчеркивание актуальности и важности решения проблем, связанных с изменением традиционной семейных ценностей. Эксперты считают, что НКО оказывают более качественные услуги семьям с детьми, а также отличаются от государственных исполнительных органов власти большей оперативностью и гибкостью. В связи с этим НКО видятся как основные партнеры органов власти в реализации задач семейной политики в данном направлении. В то же время эффективность и потенциал НКО, характер и степень влияния на укрепление ценностей семьи и детства требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: некоммерческие организации, семейная политика, Республика Башкортостан

Актуальность совершенствования механизмов реализации семейной и демографической политики Российской Федерации и ее субъектов, в том числе Республики Башкортостан, связана с текущими социально-демографическими процессами и изменением роли государства как ведущего субъекта социальной политики. Республика Башкортостан относится к субъектам с относительно благоприятной демографической ситуацией,

[1] © Шамсутдинова Н. К., Ягафарова Д. Г. Текст. 2018.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Центра изучения человеческого потенциала ГАНУ ИСИ РБ за 2018 г.

большей приверженностью к традиционным семейным ценностям [1, 2]. В то же время для республики в целом характерны общероссийские тенденции в виде снижения стабильности брака, распространения малодетности. В 2017 г. в Башкортостане было отмечено резкое снижение рождаемости. Задачи демографической политики, решение которых направлено на повышение рождаемости, являются ключевыми приоритетами семейной и демографической политики. В то же время, как неоднократно подчеркивают демографы, поле возможностей стимулирования рождаемости значительно ограничено приближением фактического числа детей к желаемому в семьях [3]. Изменение семейных ценностей, снижение потребности в детях предъявляет новые требования к задачам и механизмам семейной и демографической политики, повышает роль других ее акторов. Концепция семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г., принятая 25 августа 2014 г., определяет ее принципы и основные задачи в России и ее субъектах. В Республике Башкортостан также была разработана и принята 14 августа 2015 г. Концепция семейной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года.

Степень участия некоммерческих организаций (НКО) в реализации семейной политики во многом обусловлена влиянием накопленного социального капитала. Социальный капитал представляет собой сочетание отношений сотрудничества, взаимной поддержки, формирующихся между людьми благодаря участию в деятельности добровольных некоммерческих ассоциаций [4, с. 153]. Объем социального капитала зависит от размера мобилизуемых сетей связи и капитала, которым обладают эти сети. Теории социального капитала (Р. Пантем, П. Бурдье) [4] показывают взаимосвязь и конвертацию социального, культурного и экономического капиталов, выделяют основные факторы социального капитала: социальные нормы и доверие, как к социальным институтам, так и в социальных отношениях. Так, некоммерческие организации являются образованием, возникающим на концентрации социального капитала, и его накопление и интенсификация способствуют конвертации импульса в экономический и культурный капитал. В отношении семейной политики это характеризуется выраженным эффектом от деятельности активных в гражданском отношении членов НКО, направленной на достижение реальных результатов, что делает НКО стабильным агентом работы с семьей и детьми.

Роль некоммерческих организаций в реализации семейной политики и ее вклад в решение вопросов, связанных с проблемами семьи, возрастают. В Республике Башкортостан деятельность значительной части из них (а также работа социальных предпринимателей) так или иначе связана с направлениями демографической и семейной политики: дошкольное образование, творческий и спортивный досуг детей, забота о здоровье, помощь семьям, женщинам и детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и многое другое.

В связи с этим представляют интерес субъективные оценки и взгляды руководителей некоммерческих организаций о проблемах семьи, мер семейной и демографической политики, своей роли в них. В данном исследовании рассмотрены взгляды руководителей НКО на семейную и демографическую политику, реализуемую в Республике Башкортостан и потенциал участия некоммерческих организаций в реализации семейной политики в РБ.

Рис. 1. *Распределение ответов экспертов на вопрос «Какие из перечисленных проблем семьи в России и Республике Башкортостан Вы считаете наиболее острыми?», % (сумма ответов больше 100 %, так как предполагалось несколько вариантов ответов)*

Эмпирической базой работы является результаты исследования, проведенного Центром изучения человеческого потенциала ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» (ответственные исполнители — Н. К. Шамсутдинова, Э. И. Исянгулова, Д. Г. Ягафарова, А. А. Гарипова) совместно с профессором Башкирского государственного университета Ф. Б. Бурхановой в 2017 г. проведен экспертный опрос руководителей организаций некоммерческого сектора, деятельность которых направлена на работу с семьями, родителями и детьми «Семья и семейная политика в Республике Башкортостан». В проекте сформирована целевая выборка с учетом страт по социально-экономическим зонам Республики Башкортостан по направлениям деятельности НКО: семья, женщины и дети, образование, поддержка, профилактика и охрана здоровья граждан, спорт и досуг, ветераны и пожилые. Объем выборки составил 96 экспертов.

Рис. 2. *Распределение ответов экспертов на вопрос «Какие семьи, на Ваш взгляд, больше всего нуждаются в социальной поддержке?», % (сумма ответов больше 100 %, т. к. предполагалось несколько вариантов ответов)*

Безусловно, институт семьи в настоящее время характеризуется целым спектром актуальных проблем. В числе топ-5 наиболее острых проблем института семьи в регионе представители НКО называют низкий уровень жизни семей с детьми (68,1 %), разводы (46,8 %), изменение семейных ценностей в худшую строну (45,7 %), недостаточное внимание государства к проблемам семьи и семей (42,6 %), неполные семьи, воспитание детей в неполных семьях, одинокое материнство (41,5 %).

Понятно, что уровень жизни семей играет определяющую роль в решении базовых запросов семей: доступе к качественным услугам образования, здравоохранения, досуга. Однако следует обратить внимание на высокую долю ответов, фиксирующих кризис семейных ценностей в обществе. Современная семейная и социальная политика во многом направлена на работу и поддержку семей, имеющих проблемные зоны. Деятельность в области семейной политики как региональных, так и муниципальных органов исполнительной власти ориентирована на социальную поддержку неблагополучных семей, сиротства, инвалидов. Поддержка же стандартных, обычных семей, которые условно можно назвать благополучными и которые в большей степени способны эффективно транслировать и сохранять традиционные ценности, существенно ограничена. Такая деятельность во многом осуществляется именно некоммерческим сектором.

Рис. 3. *Распределение ответов на вопрос «Какие демографические задачи семейной политики Вы считаете приоритетными, главными для Республики Башкортостан?», % (сумма ответов больше 100 %, так как предполагалось несколько вариантов ответов)*

Рис. 4. *Распределение ответов на вопрос «Какие духовно-культурные задачи семейной политики Вы считаете приоритетными, главными для Республики Башкортостан?», % (сумма ответов больше 100 %, так как предполагалось несколько вариантов ответов)*

Рис. 5. *Распределение ответов на вопрос «Какие задачи государственной семейной политики, указанные в Концепции семейной политики РФ на период до 2025 года, Вы считаете наиболее важными для Республики Башкортостан?», % (сумма ответов больше 100 %, так как предполагалось несколько вариантов ответов)*

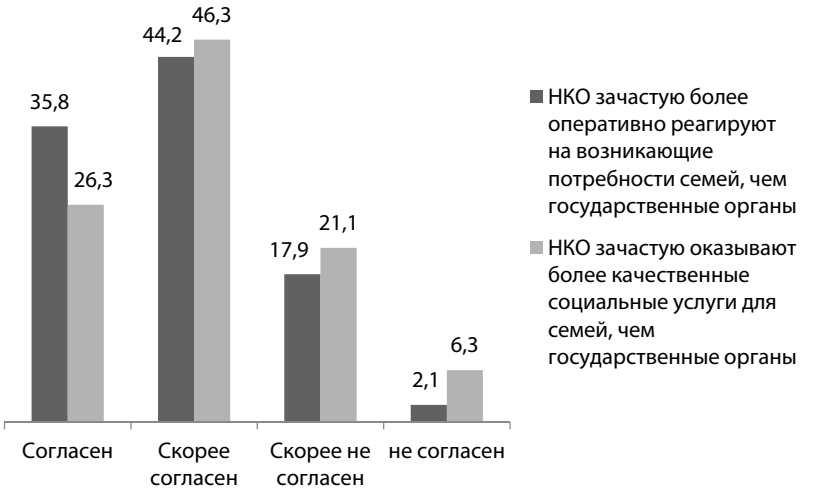

Рис. 6. *Распределение ответов экспертов на вопрос «Согласны ли Вы со следующим утверждением: НКО зачастую более оперативно реагируют на возникающие потребности семей, чем государственные органы; НКО зачастую оказывают более качественные социальные услуги для семей, чем государственные органы?», %*

Согласно оценкам экспертов (рис. 2), к категории семей, наиболее нуждающихся в социальной поддержке, относятся малоимущие семьи, где уровень доходов на одного члена семьи меньше прожиточного минимума (40,4 %), семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации (31,9 %), семьи с детьми-инвалидами (28,7 %), неполные семьи (20,2 %), все категории семей (37,2 %). На категории молодых семей, многодетных семей, сельских семей — потенциальных трансляторов семейного образа жизни и ценностей родительства — представители НКО также ориентированы, хотя акцент, конечно, смещен в сторону проблемных групп.

Анализ показал, что руководители НКО считают повышение числа детей в семье и укрепление брака одними из ведущих демографических задач семейной политики (рис. 3).

Среди духовно-культурных задач наиболее приоритетным является укрепление семейных ценностей (рис. 4).

Кроме этого, руководителям НКО задавался вопрос, какие задачи, указанные в Концепции семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года, они считают наиболее значимыми (рис. 5).

Выяснилось, что таковыми они считают социальную защиту семей и детей, нуждающихся в особой заботе государства, а также систему государственной поддержки семей (в т. ч. при рождении и воспитании детей) и поддержку семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий.

По оценкам экспертов (рис. 6), роль НКО в деятельности по решению проблем семьи характеризуется большей гибкостью и оперативностью. В различной степени с этим согласились около 80 % экспертов. Аналогичная тенденция по оценке качества социальных услуг, предоставляемых семьям по сравнению с государственными услугами: более 70 % считают некоммерческий сектор более эффективным.

Таким образом, НКО хотя и признают, что ведущими проблемами в сфере семьи является не только низкий уровень жизни, но и нестабильность брака и изменение ценностей, считают, что основной вектор семейной политики РФ на уровне региона должен быть направлен преимущественно на решение первой проблемы. Что касается мнения экспертов об эффективности деятельности НКО, большинство считает, что они более оперативно реагируют на потребности семей с детьми, более гибки при работе с ними и оказывают более качественные услуги, нежели органы исполнительной власти. Можно полагать, что укрепление семейных ценностей как основное направление духовно-нравственной задачи семейной политики оказывается в поле совместного взаимодействия государства и НКО, и здесь НКО видятся основным его партнером и представляют значительный потенциал для реализации задач семейной политики в данной сфере. В связи с тем, что одной из основных задач семейной политики видятся укрепление семейных ценностей, ценностей родительства и детства, полагаем, что НКО, возникающие на концентрации социального капитала, способны оказывать влияние на общественное мнение в данном русле. Все это требует дальнейших исследований.

Список источников

1. *Бурханова Ф. Б.* Семья и рождаемость, дети в семье и вне семьи // Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / Под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. — Уфа : Изд-во «Восточная печать», 2013. — С. 47–62.

2. *Шамсутдинова Н. К.* Народы Башкортостана в последней трети XX — начале XXI в. Опыт историко-демографического исследования. — Уфа : Инеш, 2017. — 152 с.

3. Практическая демография / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. — М. : ЦСП, 2005. — 280 с.

4. *Беневоленский В. Б., Шмулевич Е. О.* Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта / Вопросы государственного и муниципального управления. — 2013. — № 3. — С. 150–175.

5. *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 65–75.

Информация об авторах

Шамсутдинова Наиля Кадымовна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Центр изучения человеческого потенциала, ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» (Россия, Республика Башкортостан, ул. Кирова, 15, e-mail: cicp@isirb.ru).

Ягафарова Дилара Гафуровна — научный сотрудник, Центр изучения человеческого потенциала, ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» (Россия, Республика Башкортостан, ул. Кирова, 15, e-mail: cicp@isirb.ru).

Shamsutdinova N. K., Yagafarova D. G.

Representations of Non-Profit Organizations of the Republic of Bashkortostan on the Priorities of Family Policy at the Regional Level: the Results of the Empirical Study

The urgency of the work is the need to improve the mechanisms for implementing the family and demographic policy of the Russian Federation and its subjects, including the Republic of Bashkortostan, with the participation of non-profit organizations (NPOs) as one of the active subjects of this activity. The article presents an assessment of the priority tasks of the family policy at the regional level by the leaders of the non-commercial organizations of the Republic of Bashkortostan who directly focus on supporting the family and family values, and the potential for participation of the non-profit sector in their implementation. The empirical basis of the study is the results of an expert survey of managers of non-profit organizations on target selection conducted by the Center for Human Resource Research of the Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan in 2017, with a total sample size of 96 experts. It is shown that the respondents consider the leading tasks of the state family policy at the regional level in raising the standard of living of families with children, but a significant share of expert assessments also has to emphasize the relevance and importance of addressing the problems associated with changing traditional family values. Experts believe that NPOs provide higher-quality services to families with children, and differ from government executive authorities with greater speed and flexibility. In this regard, NPOs are seen as the main partners of the authorities in the implementation of the objectives of family policy in this direction. At the same time, the effectiveness and potential of NPOs, the nature and extent of the impact on strengthening the values of the family and childhood requires further research.

Keywords: nonprofit organizations, family policy, The Republic of Bashkortostan

References

1. Burhanova F. B. Cem'ja i rozhdaemost', deti v sem'e i vne sem'i// Sem'ja i chelovecheskoe razvitie. Doklad o razvitii chelovecheskogo potenciala v Respublike Bashkortostan /pod obshh. red. R.M. Valiahmetova, F. B. Burhanovoj, G. F. Hilazhevoj. Ufa: Izd-vo «Vostochnaja pechat'». — 2013. — S. 47–62.

2. Shamsutdinova N. K. Narody Bashkortostana v poslednej treti XX-nachale XXI v.: opyt istoriko-demograficheskogo issledovanija. — Ufa: Inesh, 2017. — 152 s.

3. Prakticheskaja demografija / Pod redakciej L. L. Rybakovskogo. — M.: CSP, 2005. — 280 s.

4. Benevolenskij V. B., Shmulevich E.O. Gosudarstvennaja podderzhka social'no orientirovannyh NKO v svete zarubezhnogo opyta / Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. — 2013. — № 3. — S. 150–175.

5. Bourdieu P. Formy kapitala // Jekonomicheskaja sociologija. — 2002. — T. 3. — № 5. — S. 65–75.

Authors

Shamsutdinova Nailya — Russia, Ufa, PHD in history, senior researcher, the Center for Human Resource Research of the Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (the Republic of Bashkortostan, Kirova str., 15, cicp@isirb.ru).

Yagafarova Dilara — Russia, Ufa, senior researcher, the Center for Human Resource Research of the Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (the Republic of Bashkortostan, Kirova str., 15, cicp@isirb.ru).

Научное издание

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА
В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
IX Уральский демографический форум
Международная научная конференция

Сборник статей

Том 2

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института экономики Уральского отделения
Российской академии наук.
Протокол № 3 от 26.06.2018. Рег. № 07(18).

Редактор Уминская А. Б.
Компьютерная верстка Кузовковой С. В.

Подписано в печать
Формат 60 × 84/16. Бумага писчая.
Усл. п. л. 24. Усл. изд. л. 26. Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Телефон/факс: (342) 350-78-28, 350-78-49.
E-mail: azhur.ek@mail.ru, http: www.ajur.ur.ru.